Catherine II,

Empress of Russia

Zapiski imperatritsy Ekateriny Vtoroi.

Sankt Peterburg, 1907

Великая княгиня Екатерина Алексѣевна.

Съ портрета писаннаго Гроотомъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Автобіографическія записки» императрицы Екатерины II въ теченіе ста лѣтъ были окутаны покровомъ государственной тайны и стали извѣстны въ ихъ цѣломъ составѣ лишь въ изданіи Императорской Академіи Наукъ. Правда, и здѣсь встрѣчаются небольшіе пропуски, но главные изъ нихъ вошли въ лондонское изданіе той редакціи французскихъ «Мемуаровъ», которую напечаталъ Герценъ въ 1859 году; тогда же и тамъ же появился и русскій переводъ, перепечатанный впослѣдствіи пять разъ за границей и трижды въ Россіи; остальные пропуски академическаго изданія представляютъ собой черновые варіанты и не содержатъ ничего существенно-новаго; тѣ и другіе включены въ предлагаемый переводъ.

Хотя доступъ къ «Запискамъ» императрицы былъ крайне труденъ, все же копіи съ нихъ ходили по рукамъ задолго до изданія Герцена.

Самъ императоръ Павелъ разрѣшилъ другу своего дѣтства, князю Александру Борисовичу Куракину, снять съ «Мемуаровъ» копію. Она хранится теперь въ Собственной Его Императорскаго Величества библіотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ, въ четырехъ переплетахъ краснаго сафьяна, и написана, какъ и самый подлинникъ, на одной половинѣ страницы, а другая—оставлена чистой. По смерти кн. Александра Борисовича его братъ, кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, подарилъ эту копію императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ лѣтомъ 1824 года, а тѣмъ временемъ А. И. Тургеневъ уже снялъ для себя списокъ той редакціи, которую впослѣдствіи огласилъ Герценъ. Отсюда пошли другіе списки. Въ

1824 году Карамзинъ писалъ Дмитріеву: «Нынѣшней зимою читалъ я «Записки» Екатерины Великой, доведенныя ею только до 1760 года: очень, очень любопытно! Дворъ Елисаветы какъ въ зеркалѣ: времена удивительно перемѣнились. Если пріѣдешь къ намъ въ Петербургъ, то угостимъ тебя и «Записками» Екатерины». Зналъ ихъ и Пушкинъ: копію той редакціи, которую списалъ Тургеневъ, онъ увидѣлъ въ Одессѣ у кн. Воронцова и снялъ съ нея новую копію; ее нашли Жуковскій и Дуббельтъ, когда производили опись бумагъ Пушкина въ 1838 году, и представили императору Николаю Павловичу. Такъ какъ Тургеневъ самъ проговорился, что ему были извѣстны «Записки» Екатерины, то ихъ велѣно было отбирать у всѣхъ; но въ 1855 году, по приказанію государя, онѣ были взяты изъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, гдѣ временно находились, въ Петербургъ—тогда явились новые списки. Небольшой отрывокъ «Мемуаровъ» на русскомъ языкѣ списалъ Ю. Н. Бартеневъ у кн. А. Н. Голицына, который имѣлъ въ рукахъ бумаги кн. А. А. Безбородка: эта копія впервые напечатана, съ замѣчаніями М. Лонгинова, въ Библіографическихъ Запискахъ 1858 г. [См. ниже, стр. 587—588]. Въ слѣдующемъ году появилось лондонское изданіе; о немъ Н. А. Огарева-Тучкова говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Къ Александру Ивановичу пріѣхалъ одинъ русскій, NN. Онъ былъ небольшого роста и слегка прихрамывалъ. Герценъ много съ нимъ бесѣдовалъ. Кажется, онъ былъ уже извѣстенъ своими литературными трудами. Теперь, когда его уже нѣтъ на свѣтѣ [Это не вѣрно.], я могу открыть тайну, которую знаю одна, могу разсказать о причинѣ, которая его привела въ Лондонъ. Послѣ его перваго посѣщенія, Герценъ сказалъ Огареву и мнѣ: «Я очень радъ пріѣзду NN, онъ намъ привезъ кладъ, только про это ни слова, пока онъ живъ. Смотри, Огаревъ, продолжалъ Герценъ, подавая ему тетрадь, это Записки императрицы Екатерины II, писанныя ею по-французски; вотъ и тогдашняя орѳографія—это вѣрная копія». Когда Записки императрицы были напечатаны, NN былъ уже въ Германіи, и никто не узналъ о его поѣздкѣ въ Лондонъ. Изъ Германіи онъ писалъ Герцену, что желалъ бы перевести эти Записки на русскій языкъ. Герценъ съ радостію выслалъ ему одинъ экземпляръ, а черезъ мѣсяцъ переводъ былъ напечатанъ Чернецкимъ; не помню, кто перевелъ упомянутыя Записки на нѣмецкій языкъ и на англійскій, только знаю, что Записки Екатерины II явились сразу на четырехъ языкахъ и произвели своимъ неожиданнымъ появленіемъ неслыханное впечатлѣніе по всей Европѣ. Изданія быстро разошлись. Многіе

утверждали, что Герценъ самъ написалъ эти Записки, другіе недоумѣвали, какъ онѣ попали въ руки Герцена. Русскіе стремились только узнать, кто привезъ ихъ изъ Россіи, но это тайна, которую, кромѣ самого NN, знали только три человѣка, обучившіеся молчанію при Николаѣ I».

Во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ и переводахъ неизмѣнно повторялись многочисленныя погрѣшности перваго; но все же благодаря ему можно было пользоваться однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ источниковъ русской исторіи и было бы крайне несправедливо упрекать теперь Герцена или его «знакомаго» за ошибки копіи, которую едва ли возможно было тогда свѣрить съ подлинникомъ; даже В. А. Бильбасовъ для своей «Исторіи Екатерины Второй» пользовался исключительно изданіемъ Герцена и ему не были извѣстны другія редакціи «Мемуаровъ».

Выдающійся историко-литературный и психологическій интересъ этого памятника давно признала иностранная и русская критика; наиболѣе цѣнные отзывы и замѣтки о немъ принадлежатъ Зибелю, Рамбо, Сентъ-Бёву — за границей, и Герцену, Щебальскому, Бильбасову — у насъ. Нынѣ, въ академическомъ изданіи, «Мемуары» императрицы пріобрѣтаютъ новую и еще большую цѣну, чѣмъ прежде; не говоря уже о томъ, что они проливаютъ много свѣта на личность и дѣятельность Екатерины II, въ нихъ заключается богатый матеріалъ для исторіи русскаго двора, общества и государства въ XVIII вѣкѣ. Въ настоящемъ предисловіи не можетъ быть и рѣчи о научномъ объясненіи подлинника въ его цѣломъ составѣ — читатель найдетъ далѣе лишь краткія указанія относительно порядка, въ какомъ слѣдовали одна за другою главныя редакціи «Мемуаровъ».

Въ Государственномъ архивѣ хранится тетрадь, написанная карандашомъ и заключающая въ себѣ «Мысли, замѣчанія императрицы Екатерины II и анекдоты. [См. ниже стр. 625—640]. Послѣдняя замѣтка въ этой тетради относится къ 1761 году, а подъ № 29 записанъ «Анекдотъ о Брокдорфѣ» съ помѣтой «1760». Это — во всемъ составѣ «Записокъ» Екатерины наиболѣе ранній изъ помѣченныхъ ею отрывковъ. Но въ «Запискахъ» есть указаніе, что послѣ ареста Бестужева Екатерина сожгла всѣ свои бумаги и въ числѣ ихъ черновую рукопись, озаглавленную: «Набросокъ начерно характера философа въ пятнадцать лѣтъ», и предназначенную для гр. Гюлленборга. Объ этой рукописи она говоритъ далѣе: «Я нашла эту бумагу въ 1757 году и, признаюсь, я была поражена, что въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ я уже

обладала такимъ большимъ знаніемъ всѣхъ изгибовъ и тайниковъ моей души; я увидѣла, что сочиненіе это было глубоко обдумано и что въ 1757 году я не нашла ни одного слова прибавить къ нему, и что черезъ тринадцать лѣтъ я также въ себѣ самой ничего не открыла, чего бы не знала въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ». [Стр. 62].

За этимъ не уцѣлѣвшимъ наброскомъ автопортрета слѣдовала краткая редакція «Записокъ», составленная на скорую руку для кого-то изъ очень близкихъ друзей, можетъ быть, для графа Станислава-Августа Понятовскаго, въ концѣ 1750-хъ годовъ. [Стр. 467—499]. Автографъ хранится въ Госуд. архивѣ и по внѣшнему виду отличается отъ позднѣйшихъ рукописей императрицы.

Къ только-что указанной редакціи «Записокъ» примыкаетъ автографъ Госуд. архива: «Упущенные случаи», съ надписью: «То, что я знаю, и то, о чемъ вспоминаю, и что должно быть внесено въ записки или, по крайней мѣрѣ, служить приложеніемъ къ нимъ». [Стр. 546—550].

Далѣе слѣдуютъ двѣ редакціи 1760-хъ годовъ: изъ нихъ первая близка къ предыдущей какъ по внѣшнимъ признакамъ, напримѣръ, по клеймамъ, формату и качеству бумаги, такъ и по общему тону разсказа; другая заключаетъ въ себѣ описаніе переворота 1762 года и совпадаетъ по содержанію съ извѣстнымъ письмомъ Екатерины II къ Понятовскому. [Стр. 500—503 и 504—522].

Съ этого времени растетъ переписка императрицы съ иностранными и русскими корреспондентами, и ея письма какъ бы сплетаются съ позднѣйшими редакціями «Записокъ»: тамъ и тутъ встрѣчаются однѣ и тѣ же темы, подчасъ одни и тѣ же выраженія.

Въ 1770 году Екатерина напечатала «Антидотъ» въ опроверженіе книги аббата Шаппа д'Отероша «Путешествіе въ Сибирь» и закончила его обѣщаніемъ: «Третья часть, которая будетъ гораздо интереснѣе, появится въ теченіе 1771 года». Этого обѣщанія императрица не сдержала, но въ 1771 году, по ея собственнымъ словамъ, начата редакція «Мемуаровъ», посвященная графинѣ Брюсъ. [Стр. 1—72]. Слѣдующая редакція, посвященная бар. Черкасову, носитъ заглавіе: «Записки, продолженныя въ 1791 году». [Стр. 73—142]. На первый взглядъ эти точныя даты ясно указываютъ на промежутокъ въ 20 лѣтъ между «Началомъ» и «Продолженіемъ» или между «Первой» и «Второю частью», а за ними, повидимому, слѣдуетъ «Третья часть». [Стр. 142—194]. Но въ дѣйствительности «Третья часть» написана не позже 1772 г.,

а «Первая», по свидѣтельству самой Екатерины, была начата и въ 1790-мъ году. Это значитъ, что императрица, набросавъ всѣ три части въ 1771—1772 гг., приступила черезъ 20 лѣтъ къ ихъ новой обработкѣ. Черновой планъ «Второй» и «Третьей части» сохранился въ Собственной Его Императорскаго Величества библіотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ; автографъ содержитъ «Хронологическія замѣтки» 1745—1751 гг. [Стр. 195—200]. Впрочемъ, событія 1751 года не вошли въ «Третью часть» — они изложены въ послѣдней редакціи, въ той самой, которую въ 1859 г. напечаталъ Герценъ. [Стр. 201—461]. Уже Бильбасовъ высказалъ предположеніе, что Екатерина работала надъ «Мемуарами» въ 1794 году; по нѣкоторымъ основаніямъ можно думать, что она продолжала эту работу и въ 1796 году. Къ послѣдней редакціи примыкаетъ автографъ Госуд. архива, заключающій въ себѣ подробности, которыя императрица не успѣла внести въ «Мемуары». [Стр. 462—466].

Что касается русскихъ «Записокъ» Екатерины II, то наибольшій интересъ представляютъ два автографа 1794 года, связанные съ докладомъ гр. А. А. Безбородка «о дѣлахъ политическихъ, военныхъ и внутреннихъ государыни императрицы Екатерины II» [Стр. 523—534 и 537—545]. Любопытно, что въ этихъ двухъ «Запискахъ на россійскомъ языкѣ» почти буквально повторяются мысли, высказанныя императрицей въ «Антидотѣ», т. е. на разстояніи четверти вѣка. Выше упомянуто, что Екатерина въ 1745 году написала свою характеристику для гр. Гюлленборга — къ той же темѣ она вернулась десятки лѣтъ спустя въ перепискѣ съ Сенакомъ де-Мельяномъ въ маѣ 1791 года.

Такъ, въ пятнадцать и въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ Екатерину занимаютъ ея личность и ея судьба; и своему первому учителю жизни, графу Гюлленборгу, и презираемому ею льстецу-эмигранту, Сенаку-де-Мельяну, она пишетъ «всю правду» о себѣ самой. Разумѣется, въ этихъ признаніяхъ, какъ и въ «Автобіографическихъ запискахъ», она не была вполнѣ искренней и оставалась себѣ на умѣ. «Я видѣла, что ей хотѣлось вызвать меня на разговоръ», пишетъ она о г-жѣ Крузе, желавшей вывѣдать ея мнѣніе объ императрицѣ Елисаветѣ, «и потому—замолчала». Жизнь научила ее хитрить и притворяться въ раннемъ дѣтствѣ и недаромъ о своей первой наставницѣ она говоритъ: «M-lle Кардель очень заботилась о томъ, чтобы я, да и она также, являлась передъ отцомъ и матерью такою, какой могла бы имъ нравиться. Слѣдствіемъ этого было то, что я стала слишкомъ скрытной для своего возраста». [Стр. 2]. Искусствомъ нравиться,

даже по признанію ея враговъ, императрица владѣла въ совершенствѣ; желаніе привлечь и расположить къ себѣ людей — яркая черта ея характера и основной мотивъ ея «Записокъ»; въ нихъ она продолжаетъ все ту же работу, какую начала въ 1755 году — писать свой «портретъ» и съ тѣми же характерными пріемами, къ какимъ прибѣгали поэты и живописцы-классики XVIII вѣка.

1/

Dedié a Mon Amie la Comtesse Bruce née Comtesse Roumanzoff a laquelle je puis tout dire sans que cela tire a consequence.

Memoires comencés le 21. d'Avril 1771.

Je suis née le 21. Avril (2 May) 1729. Il y a de cela aujourd'huy 42 ans a Stettin en Pomeranie, on m'a dit que coma l'on vouloit un fils on ne fut guere aise que je fut la premiere enfant, mon pere cependant en marqua plus de contentement que ceux qui l'entouroit. Ma Mere pensa mourir en me mettant au monde et encore longtems après. On me donna pour nourice la femme d'un Sold. et bourgeois qui n'avoit que 19 ans; elle etoit vive et jolie. + on me mit entre les mains d'une Dame qui etoit veuve d'un M.r d'Hohendorf laquelle tenoit lieu de Dame de Compagnie a ma mere. On m'a dit que cette dame avoit su si mal s'y prendre avec moi qu'elle me rendit tres entetée; et come cette femme etoit brusque et qu'elle aimoit a elever la voix emportante elle fit si bien que je ne faisoit jamais ce qu'on vouloit a moins qu'on ne me l'eut dit au moins trois fois et cela avec une voix tres forte. A l'age de deux ans on me mit entre les mains d'une françoise refugiée nomée Magdeleine Cardel qui etoit d'un caractere insinuant et flateu

+ Elle se prit mal avec ma mere aussi car elle la renvoya bientot apres

ЗАПИСКИ,

начатыя 21 апрѣля 1771 года.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Посвящается другу моему, графинѣ Брюсъ, рожденной графинѣ Румянцовой, которой могу сказать все, не опасаясь послѣдствій.

Я родилась 21 апрѣля (2 мая) 1729 г. (тому сегодня 42 года) въ Штетинѣ, въ Помераніи. Мнѣ разсказывали, что, такъ какъ желали сына, то вовсе не были рады, что я появилась первой; впрочемъ отецъ выказалъ больше удовольствія, нежели его окружавшіе. Мать чуть не умерла, производя меня на свѣтъ, и еще долго спустя находилась между жизнью и смертью. Въ кормилицы дали мнѣ жену прусскаго солдата, которой было лишь 19 лѣтъ: это была женщина живая и красивая. Меня поручили одной дамѣ, вдовѣ нѣкоего фонъ-Гогендорфа, занимавшей мѣсто компаньонки при моей матери. Мнѣ разсказывали, что эта дама такъ неумѣло взялась за меня, что сдѣлала меня очень упрямой. Она такъ же дурно обошлась и съ матерью, ибо та вскорѣ ей отказала, такъ какъ эта женщина была груба и любила возвышать голосъ. Она повела дѣло такъ хорошо, что я никогда не слушалась иначе, какъ если

мнѣ прикажутъ по крайней мѣрѣ раза три и притомъ очень внушительнымъ голосомъ. Съ двухлѣтняго возраста меня вручили француженкѣ-эмигранткѣ, по имени Магдалинѣ Кардель, которая была вкрадчиваго и льстиваго характера, но считалась немного фальшивой; она очень заботилась о томъ, чтобы я, да и она также, являлась передъ отцомъ и матерью такою, какой могла бы имъ нравиться. Слѣдствіемъ этого было то, что я стала слишкомъ скрытной для своего возраста. Отецъ, котораго я видѣла не такъ часто, считалъ меня ангеломъ; мать не очень-то безпокоилась обо мнѣ: черезъ полтора года послѣ меня у нея родился сынъ, котораго она страстно любила; что касается меня, то я была только терпима, и часто меня награждали колотушками въ сердцахъ и съ раздраженьемъ, но не всегда справедливо; я это чувствовала, однако вполнѣ разобраться въ своихъ ощущеніяхъ не могла. Когда мнѣ было около четырехъ лѣтъ, Магдалина Кардель вышла замужъ за адвоката, по имени Коларъ, и меня поручили ея младшей сестрѣ, Елисаветѣ Кардель, смѣю сказать, образцу добродѣтели и благоразумія—она имѣла возвышенную отъ природы душу, развитой умъ, превосходное сердце; она была терпѣлива, кротка, весела, справедлива, постоянна и на самомъ дѣлѣ такова, что было бы желательно, чтобы могли всегда найти подобную при всѣхъ дѣтяхъ. На свадьбѣ Коларъ я опьянѣла за столомъ, послѣ чего вовсе не хотѣла ложиться спать безъ нея и такъ кричала, что должны были унести меня и уложить между отцомъ и матерью. Бабетъ Кардель вначалѣ мнѣ чрезвычайно не нравилась: она меня не ласкала и не льстила мнѣ, какъ ея сестра; эта послѣдняя тѣмъ, что давала и обѣщала мнѣ сахару да варенья, добилась того, что испортила мнѣ зубы и пріучила меня къ довольно бѣглому чтенію, хоть я и не знала складовъ. Бабетъ Кардель, не столь любившая показной блескъ, какъ ея сестра, снова засадила меня за азбуку и до тѣхъ поръ заставляла складывать, пока не рѣшила, что я могу обходиться безъ этого. Мнѣ дали учителя чистописанія и учи-

теля танцевъ. Учитель чистописанія заставлялъ меня обводить чернилами буквы, которыя онъ писалъ карандашомъ; учитель танцевъ заставлялъ ходить и дѣлать кое-какія па на столѣ; но это были, кажется, даромъ брошенныя деньги, потому что я научилась писать и танцовать въ дѣйствительности лишь гораздо позже; и вотъ что такое это раннее образованіе, которое обыкновенно ни къ чему не ведетъ.

Когда мнѣ было три года, отецъ съ матерью свезли меня къ бабушкѣ въ Гамбургъ. Одно только обстоятельство я припоминаю изъ этой поѣздки, это то, что меня взяли въ нѣмецкую оперу и я увидѣла тамъ актрису, одѣтую въ голубой бархатъ, шитый золотомъ; она держала бѣлый платокъ въ рукахъ; увидѣвъ, что она вытираетъ имъ глаза, я начала такъ искренно плакать и кричать, что пришлось отослать меня домой. Эта сцена такъ сильно запечатлѣлась у меня въ душѣ, что я еще помню ее и сейчасъ.

По возвращеніи въ Штетинъ я чуть не убилась до смерти и вотъ какимъ образомъ: я играла въ комнатѣ матери, гдѣ стоялъ шкафъ, полный игрушекъ и куколъ; ключъ отъ него былъ у меня; однажды я до того изловчилась, что шкафъ упалъ на меня и накрылъ меня совсѣмъ; мать подумала, что меня задавило, вскочила и бросилась ко мнѣ; но, къ счастью, дверцы шкафа были отперты, и онъ лишь такъ удачно накрылъ меня, что я осталась подъ нимъ цѣла и невредима, отдѣлавшись однимъ испугомъ. Въ другой разъ я чуть не проткнула себѣ глазъ ножницами: остріе попало въ вѣко.

Помню, я проставила 1733-й годъ въ письмѣ, которое написала матери, находившейся тогда въ отъѣздѣ. Въ томъ же самомъ году, помню, видѣла я въ Брауншвейгѣ короля Фридриха-Вильгельма: меня ввели въ комнату, гдѣ онъ находился; сдѣлавъ ему реверансъ, я, говорятъ, пошла прямо къ матери, которая была рядомъ со вдовствующей герцогиней Брауншвейгской, ея теткой, и сказала имъ: «почему у короля такой короткій костюмъ? онъ вѣдь доста-

1*

точно богатъ, чтобъ имѣть подлиннѣе?» Король захотѣлъ узнать, о чемъ я говорила; пришлось ему сказать; говорятъ, онъ посмѣялся, но это ему не понравилось.

Въ 1734 году мать разрѣшилась вторымъ сыномъ. Старшій, который сталъ хромымъ, дожилъ только до тринадцатилѣтняго возраста и умеръ отъ сыпного тифа. Послѣ его смерти узнали причину несчастнаго случая, который мѣшалъ ему ходить безъ костыля и изъ-за котораго непрестанно давали ему безполезныя лѣкарства и обращались къ самымъ извѣстнымъ врачамъ Германіи; врачи совѣтовали посылать его на воды въ Ахенъ, Теплицъ и Карлсбадъ; онъ возвращался оттуда все такимъ же хромымъ, какимъ туда ѣздилъ, и нога все уменьшалась по мѣрѣ того, какъ онъ подрасталъ; когда онъ, наконецъ, умеръ, его вскрыли и нашли, что у него былъ вывихъ бедра; начало этого можно было пріурочить лишь къ самому раннему дѣтству. Припоминали, что, когда ему было полтора года, у него сдѣлался такой сильный жаръ, что думали, у него горячка, и послѣ этого онъ пересталъ ходить. Отсюда предположили, что его, вѣроятно, уронили женщины, имѣвшія за нимъ уходъ, и что тогда онъ вывихнулъ бедро, но этого ни онѣ сами и никто другой не замѣтили во время, чтобы принять нужныя мѣры. Въ 1736 году мать родила вторую дочь, которая умерла нѣсколько недѣль спустя.

До семилѣтняго возраста я почти никогда не хворала. Я была только подвержена тому, что голова и руки покрывались извѣстнаго рода коростой, которая такъ часто появляется у дѣтей: въ Россіи ее зовутъ золотухой и стараться лѣчить ее очень опасно; оттого мнѣ и не давали никакого лѣкарства. Когда она появлялась на головѣ, мнѣ стригли волосы, пудрили голову и заставляли меня носить чепчикъ. Когда она появлялась на рукахъ, мнѣ надѣвали перчатки, которыхъ я совсѣмъ не снимала до тѣхъ поръ, пока не отпадали корки. Мнѣ было семь лѣтъ, когда у меня сдѣлался очень сильный кашель. Обыкновенно каж-

дый вечеръ и каждое утро ставили насъ на колѣни читать утреннюю и вечернюю молитву. Какъ-то вечеромъ, стоя на колѣняхъ для молитвы, я начала съ такою силой кашлять, что отъ натуги повалилась наземь, на лѣвый бокъ, и начала чувствовать такія колотья, что они почти захватили дыханье; ко мнѣ бросились и снесли меня на кровать, гдѣ я оставалась почти въ теченіе трехъ недѣль, лежа постоянно на лѣвомъ боку, съ кашлемъ, колотьями и очень сильнымъ жаромъ; не было кругомъ ни одного искуснаго врача; мнѣ давали разныя лѣкарства, но Богъ вѣсть, каковы они были. Наконецъ, послѣ многихъ страданій, я была въ состояніи подняться и, когда стали меня одѣвать, увидѣли, что я скорчилась за это время наподобіе буквы Z: правое плечо стало выше лѣваго, позвоночникъ шелъ зигзагомъ, а въ лѣвомъ боку образовалась впадина. Женщины, которыя меня окружали, а также тѣ, что состояли при матери и служили первымъ своими совѣтами, рѣшили предупредить отца съ матерью. Первый шагъ, который сдѣлали въ данномъ случаѣ, заключался въ томъ, чтобы наложить на всѣхъ глубокое молчаніе о моемъ состояніи. Отецъ и мать очень безпокоились, видя, что одинъ ребенокъ у нихъ хромой, а другой—кривобокій; наконецъ, посовѣтовавшись въ глубокой тайнѣ кое съ кѣмъ изъ людей опытныхъ, рѣшили искать свѣдущаго человѣка, который сумѣлъ бы исправить искривленіе. Искали тщетно; единственнымъ человѣкомъ, свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ, было противно воспользоваться, потому что это былъ мѣстный палачъ. Долго колебались, наконецъ рѣшили позвать его въ превеликой тайнѣ, и только Бабетъ Кардель да одна горничная были въ нее посвящены. Человѣкъ этотъ, осмотрѣвъ меня, приказалъ, чтобы каждое утро въ 6 часовъ дѣвушка натощакъ приходила натирать мнѣ въ постели плечо своей слюной, а потомъ позвоночникъ. Затѣмъ онъ самъ сдѣлалъ родъ корсета, который я не снимала ни днемъ, ни ночью, развѣ только чтобы смѣнить бѣлье; онъ приходилъ черезъ день рано утромъ снова меня осматривать. Сверхъ того,

онъ заставлялъ меня носить широкую черную ленту, которая шла вокругъ шеи, охватывала съ праваго плеча правую руку и была закрѣплена на спинѣ. Наконецъ, я не знаю, эти ли средства подѣйствовали, или я не имѣла предрасположенія стать кривобокой, только черезъ полтора года такого ухода я начала подавать надежду, что выпрямлюсь. Я перестала носить этотъ столь безпокойный корсетъ лишь къ десяти или одиннадцати годамъ.

Когда мнѣ было семь лѣтъ, у меня отняли всѣ куклы и другія игрушки и сказали, что я большая дѣвочка, которой не пристало болѣе ихъ имѣть. Я никогда не любила куколъ, но тѣмъ не менѣе я въ нихъ играла; мои руки, платокъ и все, что я находила, служило мнѣ игрушкой; оттого я продолжала свое по-старому; вѣроятно, это лишеніе игрушекъ было только decorum, ибо мнѣ не мѣшали. Съ раннихъ лѣтъ за мной признали хорошую память, а потому и мучили меня постоянно заучиваніемъ наизусть; называли это развитіемъ памяти; я думаю, со своей стороны, что это было ея ослабленіемъ. То были стихи изъ Библіи, затѣмъ—нарочно сочиненныя вещицы, а то—басни Лафонтена, которыя надо было учить наизусть или бойко твердить, и, когда я что-нибудь забывала, меня бранили; между тѣмъ, кажется, нѣтъ человѣческой возможности запомнить все, что я принуждена была выучить наизусть; думаю также, не стоило и трудиться надъ этимъ. Я берегу еще сейчасъ нѣмецкую Библію, гдѣ подчеркнуты красными чернилами всѣ стихи, которые я знала наизусть. Мнѣ дали наставника, который обучалъ меня Закону Божію, исторіи и географіи; французскій и нѣмецкій языки я усвоила по навыку. Я спросила однажды у этого священника, ибо имъ-то и былъ мой наставникъ: какая изъ христіанскихъ Церквей древнѣйшая? Онъ мнѣ сказалъ, что греческая, и что она также больше всѣхъ приближалась къ вѣрѣ апостоловъ, онъ былъ въ этомъ убѣжденъ; съ этой минуты я возымѣла большое уваженіе къ православной Церкви и всегда очень интересовалась ея ученіемъ и

обрядами; нынѣ я глава этой Церкви. Помню, у меня было нѣсколько споровъ съ моимъ наставникомъ; изъ-за нихъ я чуть не попробовала плети. Первый споръ возникъ оттого, что я находила несправедливымъ, что Титъ, Маркъ Аврелій и всѣ великіе мужи древности, притомъ столь добродѣтельные, были осуждены на вѣчную муку, такъ какъ не знали откровенія. Я спорила жарко и настойчиво и поддерживала свое мнѣніе противъ священника: онъ обосновывалъ свое мнѣніе на текстахъ Писанія, а я ссылалась только на справедливость. Священникъ прибѣгъ къ способу убѣжденія, котораго придерживался святитель Николай: пожаловался Бабетъ Кардель и хотѣлъ, чтобы меня убѣдила розга. Бабетъ Кардель не имѣла разрѣшенія на такіе доводы; она лишь сказала мнѣ кротко, что неприлично ребенку упорствовать передъ почтеннымъ пасторомъ и что мнѣ слѣдовало подчиниться его мнѣнію. Бабетъ Кардель была реформатка, а пасторъ очень убѣжденный лютеранинъ. Второй споръ вращался около вопроса о томъ, что предшествовало мірозданію. Онъ мнѣ говорилъ—хаосъ, а я хотѣла знать, что такое хаосъ. Никогда я не была довольна тѣмъ, что онъ мнѣ говорилъ. Наконецъ мы оба поссорились, и Бабетъ Кардель была снова призвана на помощь. Третья схватка, которую мы имѣли съ пасторомъ, была относительно обрѣзанія: я хотѣла знать точно, что это такое, а онъ не хотѣлъ объяснить; Бабетъ на этотъ разъ заставила меня замолчать. Я уступала только ей: она смѣялась исподтишка и уговаривала меня съ величайшей кротостью, которой я не могла сопротивляться. Признаюсь, я сохранила на всю жизнь обыкновеніе уступать только разуму и кротости; на всякій отпоръ я отвѣчала отпоромъ. Сей духовный отецъ чуть не повергъ меня въ меланхолію: столько наговорилъ онъ мнѣ о страшномъ судѣ и о томъ, какъ трудно спастись. Въ теченіе цѣлой осени каждый вечеръ на закатѣ дня ходила я плакать къ окошку. Въ первые дни никто не замѣтилъ моихъ слезъ; но наконецъ Бабетъ Кардель ихъ замѣтила

и захотѣла узнать причину; мнѣ было трудно ей въ этомъ признаться, но наконецъ я ей открыла причину, и у ней хватило здраваго смысла, чтобы запретить священнику стращать меня впредь такими ужасами. Меня учили всякимъ женскимъ рукодѣліямъ, но я о нихъ заботилась столь же мало, какъ о чтеніи. Я охотно писала бы и рисовала; меня почти не научили рисованію, за неимѣніемъ учителя. У Бабетъ было своеобразное средство усаживать меня за работу и дѣлать со мной все, что ей захочется: она любила читать; по окончаніи моихъ уроковъ, она, если была мной довольна, читала вслухъ; если нѣтъ, читала про себя; для меня было большимъ огорченіемъ, когда она не дѣлала мнѣ чести допускать меня къ своему чтенію. Бабетъ учила меня пѣнію; у нея былъ прекрасный голосъ; она любила пѣть и знала музыку. Послѣ семи лѣтъ напрасныхъ трудовъ она объявила, что у меня нѣтъ ни голоса, ни способности къ музыкѣ; она не ошиблась ни въ томъ, ни въ другомъ. Я никогда не слыхала, чтобы кто-нибудь лестно отозвался о моемъ голосѣ, кромѣ одного инструментальнаго мастера, по фамиліи Бѣлоградскаго, который меня увѣрялъ и внушалъ другимъ, что у меня отличное контральто; это заставляло насъ часто смѣяться. Музыка въ концѣ концовъ для моихъ ушей рѣдко что-нибудь другое, чѣмъ простой шумъ. Нашелся какъ-то итальянскій музыкантъ, который брался разучить со мной одну арію въ два часа; я попробовала, но ему это не удалось. И вотъ что странно: я знаю ноты и, когда среди игры стану за спиной музыканта, скажу, какое мѣсто онъ играетъ.

Моя мать, Іоганна-Елисавета Голштинъ-Готторпская, была выдана замужъ въ 1727 году, пятнадцати лѣтъ, за моего отца, Христіана-Августа Ангальтъ-Цербстскаго, которому было тогда 42 года. Съ внѣшней стороны они отлично уживались другъ съ другомъ, хотя и была большая разница въ годахъ между ними, да и склонности ихъ были довольно различны. Отецъ, напримѣръ, былъ очень бережливъ; мать очень расточительна и щедра. Мать лю-

била исключительно удовольствія и большой свѣтъ; отецъ любилъ уединеніе. Одна была весела и шутлива; другой—серьезенъ и очень строгихъ нравовъ. Но въ чемъ они совершенно были сходны между собою, такъ это въ томъ, что оба пользовались большой популярностью, были непоколебимо-религіозны и любили справедливость, особенно отецъ. Я никогда не знала человѣка болѣе глубоко-честнаго и по убѣжденію, и на дѣлѣ. Мать считалась умнѣе отца и въ ея умѣ находили больше блеска; но отецъ былъ человѣкъ прямого и здраваго смысла, съ которымъ онъ соединялъ много знаній; онъ любилъ читать, мать читала тоже, но все, что она знала, было очень поверхностно; ея умъ и красота доставили ей большую извѣстность; кромѣ того, она имѣла болѣе великосвѣтскія манеры, чѣмъ отецъ. Мать была воспитана герцогиней Елисаветой-Софіей-Маріей Брауншвейгъ-Люнебургской, ея крестной матерью и родственницей. Та и выдала ее замужъ и дала ей приданое. Мать проводила ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ у одной герцогини, которая жила въ Брауншвейгѣ, въ Грауенгофѣ; отсюда эта дама вообще извѣстна была въ Германіи подъ именемъ герцогини Грауенгофской. Она прожила за 80 лѣтъ и умерла около 1767 или 1768 года. Мать съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пошелъ восьмой годъ, обыкновенно брала меня повсюду съ собой, особенно къ этой дамѣ. Тамъ-то я увидѣлась и познакомилась со вдовствующей принцессой Прусской, сестрой герцога Карла, съ этимъ герцогомъ и его супругой, сестрой великаго короля Фридриха Прусскаго. Другія сестры герцога, которыхъ я знала, были, кромѣ Елисаветы-Христины, королевы Прусской, уже замужней, принцесса Антуанетта, впослѣдствіи замужемъ за герцогомъ Саксенъ-Кобургскимъ, принцесса Шарлотта, умершая аббатиссой Гандерсхейма, принцесса Терезія, бывшая аббатиссой въ томъ же монастырѣ послѣ сестры, и принцесса Юліана-Марія, впослѣдствіи королева Датская. Принцы, ихъ братья: принцъ Людвигъ, который былъ опекуномъ штатгальтера Голландіи; принцъ Фердинандъ,

который составилъ себѣ столь громкое имя, командуя союзной арміей; принцъ Альбертъ и принцъ Францъ, умершіе оба на войнѣ. Я, такъ сказать, выросла съ младшими изъ нихъ, ибо старшихъ я знала, когда тѣ уже были взрослыми, а я сама еще ребенкомъ. Тамъ же, въ Брауншвейгѣ я познакомилась со знаменитой бабушкой герцога Карла, которая насчитывала среди своихъ внуковъ столько государей. Она была родомъ изъ Этингенскаго дома; это была еще очень красивая женщина, уже за семьдесятъ лѣтъ; ея три дочери были замужемъ: одна за императоромъ Карломъ VI, другая за сыномъ Петра Великаго и третья за герцогомъ Альбертомъ Брауншвейгскимъ; слѣдовательно, Марія Терезія, императрица Римская, Петръ II, императоръ Россійскій, Елисавета-Христина, королева Прусская, Юліана-Марія, королева Датская,—всѣ были ея внучками и внуками. Ея правнуки и правнучки будутъ населять Европу государями—принцессы Австрійскія съ одной стороны, принцы съ другой, и принцъ Прусскій съ третьей. Познакомилась я тамъ еще со всей линіей Брауншвейгъ-Бевернской, къ которой принадлежала нѣкая принцесса Маріанна, мой близкій другъ, обѣщавшая быть очень красивой. Моя мать очень ее любила и предрекала ей короны. Она однако умерла незамужней. Какъ-то пріѣхалъ въ Брауншвейгъ съ епископомъ принцемъ Корвенскимъ монахъ изъ дома Менгденъ, который брался предсказывать будущее по лицамъ. Онъ услышалъ похвалы, расточаемыя моей матерью этой принцессѣ, и ея предсказанія; онъ сказалъ ей, что въ чертахъ этой принцессы не видитъ ни одной короны, но по крайней мѣрѣ три короны видитъ на моемъ челѣ. Событія оправдали это предсказаніе.

Брауншвейгскій дворъ былъ тогда истинно королевскимъ и по количеству красивыхъ домовъ, которые занималъ этотъ дворъ, и по убранству этихъ домовъ, и по порядку, который царилъ при дворѣ, и по числу всякаго рода людей, которыхъ онъ содержалъ, и по толпѣ иностранцевъ, которые постоянно туда съѣзжались, и по величію и великолѣпію, ко-

торыми былъ проникнутъ весь образъ жизни. Балы, оперы, концерты, охоты, прогулки, пиршества слѣдовали изо дня въ день. Вотъ что я видѣла каждый годъ по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ въ Брауншвейгѣ съ восьми до пятнадцатилѣтняго возраста. Прусскій дворъ далеко не имѣлъ ни такого порядка, ни того внѣшняго величія, какъ дворъ герцога Брауншвейгскаго. Мать, отправляясь изъ Штетина въ Брауншвейгъ, или на обратномъ пути, проѣзжала обыкновенно черезъ Цербстъ или Берлинъ, и тамъ останавливалась, особенно когда отецъ находился въ одномъ изъ этихъ мѣстъ. Помню, что я на восьмомъ году жизни впервые была съ матерью у покойной королевы, матери Фридриха Великаго; король, ея мужъ, былъ еще живъ. Ея четверо дѣтей, принцъ Генрихъ, одиннадцати лѣтъ, принцъ Фердинандъ семи, принцесса Ульрика, впослѣдствіи королева Шведская, и принцесса Амалія, обѣ по годамъ уже невѣсты, были съ нею; король отсутствовалъ. При этой встрѣчѣ между играми завязалась моя дружба съ принцемъ Генрихомъ Прусскимъ; я по крайней мѣрѣ затрудняюсь указать болѣе раннюю дату; часто мы признавали, что первая наша встрѣча въ дѣтствѣ была началомъ этой дружбы.

Мать предпочла бы жить въ Берлинѣ, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ. Отецъ не раздѣлялъ ея мнѣнія, къ тому же дѣла требовали его то домой въ Цербстъ, то въ Штетинъ, гдѣ онъ былъ комендантомъ, впослѣдствіи губернаторомъ. Въ домѣ отца былъ нѣкто по имени Больхагенъ, сначала товарищъ губернатора при отцѣ, впослѣдствіи ставшій его совѣтникомъ, наконецъ сдѣлавшійся его близкимъ другомъ. Отецъ почти ничего не дѣлалъ, не посовѣтовавшись по крайней мѣрѣ съ этимъ лицомъ. Мать цѣнила его не столь высоко и, такъ какъ это былъ человѣкъ очень бережливый, то не всегда соглашалась съ нимъ и находила, что этотъ старый слуга оказывалъ ей слишкомъ много сопротивленія; иногда въ порывахъ запальчивости она обвиняла его въ томъ, что онъ ея не любитъ.

Не знаю, какъ это было на самомъ дѣлѣ; я была слишкомъ молода, чтобы судить объ этомъ; домашніе говорили, что съ одной стороны были капризы, а съ другой—усердіе заходило иногда слишкомъ далеко. Что я несомнѣнно знаю, такъ именно то, что этотъ Больхагенъ, который былъ очень старъ и немощенъ, жилъ въ нижнемъ этажѣ и оттуда каждый вечеръ въ пять часовъ поднимался въ третій этажъ, гдѣ мы жили. Онъ проводилъ въ моей комнатѣ и въ комнатѣ моихъ братьевъ по крайней мѣрѣ полтора часа, разсказывая, что онъ видѣлъ въ своихъ странствіяхъ, и пересыпая все назиданіями. Онъ хорошо говорилъ и былъ уменъ. Онъ горячо принималъ къ сердцу наше воспитаніе и въ томъ, что я когда-либо слышала отъ него, находила все только благородное. Оттого и говорили, что онъ любилъ дѣтей моего отца, какъ своихъ. Это Больхагенъ и пробудилъ во мнѣ первое движеніе честолюбія, какое я въ себѣ почувствовала. Онъ читалъ въ 1736 году газету въ моей комнатѣ; въ ней сообщалось о свадьбѣ принцессы Августы Саксенъ-Готской, моей троюродной сестры, съ принцемъ Уэльскимъ, сыномъ короля Георга II Англійскаго. Больхагенъ обратился къ Кардель: «ну, правду сказать, эта принцесса была воспитана гораздо хуже, чѣмъ наша; да она совсѣмъ и некрасива; и однако вотъ суждено ей стать королевой Англіи; кто знаетъ, что станется съ нашей». По этому поводу онъ сталъ проповѣдывать мнѣ благоразуміе и всѣ христіанскія и нравственныя добродѣтели, дабы сдѣлать меня достойной носить корону, если она когда-нибудь выпадетъ мнѣ на долю. Мысль объ этой коронѣ начала тогда бродить у меня въ головѣ и долго бродила съ тѣхъ поръ.

Не знаю навѣрное, была ли я дѣйствительно некрасива въ дѣтствѣ; но я хорошо знаю, что мнѣ много твердили объ этомъ и говорили, что поэтому мнѣ слѣдовало позаботиться о пріобрѣтеніи ума и достоинствъ, такъ что я была убѣждена до 14 или 15 лѣтъ, будто я совсѣмъ дурнушка, и я дѣйствительно гораздо больше старалась о

пріобрѣтеніи достоинствъ, нежели думала о своей наружности. Правда, я видѣла чрезвычайно дурной портретъ, написанный съ меня въ десятилѣтнемъ возрастѣ; если онъ въ самомъ дѣлѣ былъ похожъ, то меня не обманывали.

Мать часто ѣздила изъ Цербста въ Кведлинбургъ. Абатиссой этого аббатства была ея тетка, а старшая сестра матери была настоятельницей. Обѣ эти принцессы Голштинскія, которымъ суждено было жить въ безбрачіи и занимать одинъ и тотъ же домъ, постоянно ссорились или не видѣлись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Мать часто старалась мирить ихъ и иногда это ей удавалось. Принцесса настоятельница Гедвига-Софія-Августа очень любила собакъ и особенно такъ называемыхъ мопсовъ. Въ дѣтствѣ я была поражена, когда увидѣла у нея однажды и нашла въ ея комнатѣ, имѣвшей самое большее четыре квадратныхъ сажени, 16 мопсовъ; многія изъ этихъ собакъ имѣли щенятъ и всѣ они оставались въ этой комнатѣ, гдѣ обыкновенно находилась и сама тетка. Они тамъ спали, ѣли и пачкали; особая дѣвушка была приставлена ихъ чистить, и она цѣлый день изъ-за этого суетилась. Въ этой же самой комнатѣ, кромѣ того, было изрядное количество попугаевъ. Можно себѣ представить, какое благоуханье тамъ царило. Когда принцесса выѣзжала, въ ея каретѣ находились, по крайней мѣрѣ, одинъ попугай и полдюжины собакъ; послѣднія сопровождали ее даже въ церковь. Я никогда не видѣла, чтобы такъ любили животныхъ, какъ она ихъ любила. Она была совершенно поглощена ими въ теченіе дня и двигалась только для нихъ, а потому и располнѣла, и это безобразило ее тѣмъ болѣе, что она была мала ростомъ. Принцесса эта не была бы однако лишена достоинствъ, если бъ она пожелала объ этомъ немного позаботиться. Она писала по-нѣмецки и по-французски самымъ красивымъ почеркомъ, какой я когда-либо видѣла у женщины. У меня была тетка, сестра отца, совершенная противоположность той, о которой я только что говорила. Ей было за пятьдесятъ лѣтъ; она была очень высока

и такъ худа, что у меня талія въ одиннадцать лѣтъ была толще, чѣмъ у нея, а потому она очень гордилась своей тонкой таліей. Она вставала въ 6 часовъ утра и заботилась о томъ, чтобы зашнуроваться тотчасъ, какъ только встанетъ, и не снимала корсета до той минуты, пока не ложилась спать. Она говорила, что была очень красивой, но несчастье, которое съ ней случилось, загубило ея красоту: когда ей было 10 лѣтъ, на ней загорѣлась накидка, которую она надѣвала, чтобы пудриться, и огонь охватилъ нижнюю часть лица, такъ что подбородокъ и низъ щекъ приняли и сохранили видъ изрубцованной кожи, что на самомъ дѣлѣ было отвратительно. Она была добра, кротка, но умѣла упорно хотѣть того, чего хотѣла. Она претендовала на законный бракъ со всѣми принцами Германіи, какіе только попадались ей на глаза, и недоставало только ихъ согласія, чтобъ она сдѣлала хорошую партію. Принцесса эта отлично вышивала, очень любила птицъ, изъ жалости подбирала особенно тѣхъ, съ которыми случалось какое-нибудь несчастіе. Я видѣла въ ея комнатѣ дрозда съ одной ногой, жаворонка съ вывихнутымъ крыломъ, кривоногаго щегленка, курицу, которой пѣтухъ прошибъ полголовы, пѣтуха, которому кошка общипала хвостъ, соловья, котораго на половину разбилъ параличъ, попугая, который обезножилъ и потому лежалъ на брюхѣ, и много всякаго рода другихъ птицъ, которыя гуляли и свободно летали по ея комнатѣ. Я была чрезвычайно жива и довольно вѣтрена въ дѣтствѣ; помню, я однажды причинила этой принцессѣ сильное огорченіе, котораго она мнѣ никогда не прощала: я осталась одна на нѣсколько минутъ въ ея комнатѣ; мнѣ пришла фантазія открыть окно, и половина ея птичника улетѣла; я какъ можно скорѣе закрыла окно и убѣжала; тетка, вернувшись въ свою комнату, нашла только калѣкъ; она догадалась, что произошло, и я была изгнана изъ этой комнаты. Моя живость была чрезвычайна въ то время; меня укладывали спать очень рано; когда считали меня заснувшей, жен-

щины, меня окружавшія, и Кардель уходили поболтать въ другую комнату до тѣхъ поръ, пока не вздумаютъ разойтись ко сну. Я дѣлала видъ, что засыпала сразу, чтобъ онѣ поскорѣе ушли, и, какъ только оставалась одна, садилась верхомъ на подушки и скакала въ кровати до изнеможенія. Помню, я поднимала въ постели такую возню, что мои прислужницы прибѣгали посмотрѣть, въ чемъ дѣло; но тогда онѣ находили меня уже лежавшей, и я притворялась спящей; ни разу меня не поймали и никогда не узнали, что я носилась на почтовыхъ у себя въ постели верхомъ на подушкахъ. Я очень любила бывать на дачѣ, которую отецъ имѣлъ въ Ангальтѣ и которая была его удѣльной землей.

Этотъ замокъ, по имени Дорнбургъ, былъ не только удачно расположенъ, но и убранъ насколько возможно красиво внутри и снаружи. Какъ только кончались мои уроки, мы съ Бабетъ Кардель бѣжали гулять; но у меня тамъ было еще одно занятіе, котораго Бабетъ Кардель не подозрѣвала. Она проводила весь день со мной и спала въ моей комнатѣ, изъ которой выходила только по естественной надобности; для этого ей надо было проходить по маленькому коридору; пока она уходила и возвращалась, я бѣгала сверху внизъ и снизу вверхъ по большой каменной лѣстницѣ въ четыре спуска; потомъ я возвращалась и усаживалась на свое мѣсто; Бабетъ являлась всегда послѣ меня и находила меня тамъ, гдѣ оставила. Правда, она отличалась полнотой, но была подвижна и легка для ея сложенія; что касается меня, то я была легка, какъ перышко.

Въ 1739 году, если память мнѣ не измѣняетъ, умеръ Карлъ-Фридрихъ, герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій. Онъ былъ главою дома моей матери и приходился по своей матери племянникомъ Карлу XII, королю Шведскому; онъ имѣлъ законныя притязанія на шведскую корону, женился на дочери Петра Великаго, оставившей ему въ 1728 году сына, который могъ по праву претендовать на корону Россійской имперіи. Принцъ Адольфъ-Фридрихъ Гол-

Принцесса Іоганна-Елисавета Ангальтъ-Цербстская (мать Екатерины II).

Съ гравированнаго портрета Бернигерота.

штинъ-Готторпскій, старшій братъ моей матери, тогда епископъ Любекскій, естественно сталъ опекуномъ этого принца, наслѣдника двухъ сѣверныхъ коронъ. Оттого мать поспѣшила навѣстить свою семью въ этомъ году; но прежде, чѣмъ разсказать объ этой поѣздкѣ, я замѣчу, что въ маѣ мѣсяцѣ этого года умеръ также король Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій: никогда, кажется, народъ не выражалъ большей радости, чѣмъ та, какую выказали его подданные, узнавъ эту новость; прохожіе на улицахъ цѣловались и поздравляли другъ друга со смертью короля, которому они давали всякаго рода прозвища; однимъ словомъ, его ненавидѣли и не терпѣли всѣ отъ мала до велика. Онъ былъ строгъ, грубъ, жаденъ и вспыльчивъ; впрочемъ онъ имѣлъ, конечно, большія достоинства, какъ король; но я не думаю, чтобы онъ былъ чѣмъ-нибудь пріятенъ въ своей общественной или частной жизни.

Его сынъ, кронпринцъ, который ему наслѣдовалъ и которому его современники уже даютъ имя Фридриха Великаго, былъ тогда любимъ и уважаемъ, и велика была тогда радость по случаю его восшествія на престолъ.

Мать, узнавъ, что берлинскій дворъ будетъ носить придворныя траурныя платья, заказала по платью себѣ, своей фрейлинѣ Каинъ и мнѣ; она хотѣла убѣдить штетинскихъ дамъ сдѣлать то же, но онѣ не пожелали, и это поселило раздоръ между всѣми мѣстными дамами и моей матерью, которая, надѣвъ свое придворное платье разъ или два въ воскресенье, больше уже его не надѣвала. Черезъ нѣкоторое время послѣ того, какъ отецъ привелъ Померанію къ присягѣ Прусскому королю, мать поѣхала въ Берлинъ; ее спросили въ разговорѣ объ исторіи съ придворнымъ платьемъ; она при мнѣ стала отрицать этотъ фактъ, и я была очень удивлена, слыша это: тутъ впервые я слышала, какъ отрицали фактъ; я подумала про себя: возможно ли, чтобы мать забыла обстоятельство, случившееся такъ недавно? я чуть не напомнила ей, однако удержалась и, кажется, хорошо сдѣлала.

Принцесса Іоганна-Елисавета Ангальтъ-Цербстская (мать Екатерины II).

Съ гравированнаго портрета Бернигерота.

Въ началѣ лѣта мать поѣхала въ Гамбургъ, къ своей матери, Альбертинѣ-Фредерикѣ Баденъ-Дурлахской, вдовѣ Христіана-Августа Голштинъ-Готторпскаго, епископа Любекскаго. Часть семьи оказалась тамъ въ сборѣ, а именно— ея сестра, принцесса Анна, и принцы Августъ и Георгъ-Людвигъ, ея братья; она взяла меня съ собою. Никогда у меня не было столько свободы и воли, какъ тамъ; я дѣлала, что хотѣла: бѣгала съ утра до вечера по всѣмъ угламъ дома и всюду была желанной гостьей. Бабетъ не было съ нами въ эту поѣздку и, собственно говоря, никто не смотрѣлъ за мною; мнѣ очень нравилось общество горничныхъ бабушки и тетки; я боялась только своей, дѣйствительно крайне сварливой, неровной и капризной и отлично умѣвшей, причесывая меня, драть мнѣ волосы, если я не имѣла чести угодить ей наканунѣ. Пробывъ нѣсколько времени въ Гамбургѣ, гдѣ каждый день бывали новыя развлеченія, бабушка со своими дѣтьми уѣхала въ Эйтинъ, резиденцію принца епископа Любекскаго, правителя Голштиніи. Этотъ принцъ привезъ туда изъ Киля своего питомца, герцога Карла-Петра-Ульриха, которому было тогда одиннадцать лѣтъ. Тутъ я впервые увидѣла этого принца, который впослѣдствіи былъ моимъ мужемъ: онъ казался тогда благовоспитаннымъ и остроумнымъ, однако за нимъ уже замѣчали наклонность къ вину и большую раздражительность изъ-за всего, что его стѣсняло; онъ привязался къ моей матери, но меня терпѣть не могъ; завидовалъ свободѣ, которой я пользовалась, тогда какъ онъ былъ окруженъ педагогами и всѣ шаги его были распредѣлены и сосчитаны; что меня касается, то я очень мало обращала на него вниманія и слишкомъ была занята молочнымъ супомъ, который дважды въ день въ промежутки между ѣдой готовила съ горничными бабушки и затѣмъ ѣла; за обѣдомъ я была очень воздержна вплоть до десерта; сласти и фрукты составляли остальное въ моемъ столѣ; такъ какъ я была здорова, то даже не замѣтили моего образа жизни, а у меня не было охоты имъ хвастаться. Изъ Эйтина мать и ба-

бупка вернулись въ Гамбургъ, откуда мать поѣхала въ Брауншвейгъ, а оттуда отправилась черезъ Цербстъ въ Берлинъ и Штетинъ. Смерть покойнаго короля очень измѣнила берлинскій дворъ: въ немъ все такъ и дышало удовольствіемъ. Толпа иностранцевъ наѣхала туда со всѣхъ сторонъ, и первый карнавалъ былъ блестящимъ. Необычайное приключеніе случилось съ матерью въ этомъ году, когда она возвращалась въ Штетинъ. Это было въ декабрѣ мѣсяцѣ, около пяти часовъ послѣ обѣда; выпало такое множество снѣгу, что почтальонъ сбился съ дороги; онъ предложилъ матери отпрячь лошадей и поѣхать на этихъ лошадяхъ искать проводниковъ въ какомъ-нибудь сосѣднемъ селеніи; мать согласилась на это, онъ отпрягъ лошадей и оставилъ насъ; въ каретѣ матери, кромѣ нея и меня, были еще m-lle Каинъ и горничная; мать впустила туда еще двухъ лакеевъ изъ боязни, чтобъ они не замерзли; наконецъ, на разсвѣтѣ почтальонъ вернулся съ проводниками; но стоило большихъ трудовъ вытащить карету изъ снѣга, гдѣ она была какъ бы погребена. Зима 1740 года была очень суровая; ее сравнивали съ зимой 1709 года, самой студеной на людской памяти. Въ то время, какъ мы были въ этомъ году въ Брауншвейгѣ, со мной случилось странное событіе: я спала въ одной комнатѣ, очень маленькой, вмѣстѣ съ Каинъ, фрейлиной матери; моя кровать стояла у стѣны, а ея на небольшомъ разстояніи отъ моей; очень узкій проходъ раздѣлялъ обѣ наши кровати; другой проходъ оставался между окнами и кроватью Каинъ. На столѣ между окнами поставили серебряный кувшинъ съ тазомъ и ночникъ. Единственная дверь этой комнаты находилась въ ногахъ кроватей и была закрыта. Около полуночи кто-то внезапно разбудилъ меня, улегшись на постель рядомъ со мной; я открыла глаза и увидѣла, что это была Каинъ. Я ее спросила: какъ это случилось, что она легла на мою постель? Она мнѣ сказала: «ради Бога, оставьте меня и спите». Я хотѣла узнать, что заставило ее сойти со своей кровати, чтобы лечь со мной. Она дрожала отъ

испуга и почти не могла говорить. Наконецъ я такъ къ ней пристала, что она сказала: «развѣ вы не видите, что происходитъ въ комнатѣ, что находится на столѣ?» и съ головой закрылась одѣяломъ. Тогда я встала на колѣни и просунула руку черезъ нее, чтобъ открыть пологъ и посмотрѣть, что тамъ такое; но, право, я ничего не увидѣла и не услышала; дверь была закрыта, свѣча, серебряный тазъ и кувшинъ были на столѣ; я ей сказала, что видѣла; она стала немного спокойнѣе и нѣсколько минутъ спустя встала и заперла на задвижку дверь, которая впрочемъ была уже закрыта. Я снова заснула и на слѣдующее утро увидала ее осунувшейся и имѣвшей видъ человѣка не въ своемъ умѣ. Я хотѣла узнать причину этого и что именно ей показалось ночью; она мнѣ отвѣтила, что не можетъ сказать. Я знала, что она вѣритъ въ привидѣнія и призраки; очень часто она увѣряла, что ей являлись видѣнія; она говорила, что родилась въ воскресенье и что всѣ, кто родился въ какой-нибудь другой день недѣли, не имѣли такого хорошаго зрѣнія, какъ она. Я разсказала матери, что со мною случилось. Она уже привыкла къ бреднямъ Каинъ, однако иногда эта дѣвица была способна напугать и встревожить мать. Я часто удивлялась, что это приключеніе не сдѣлало меня трусливой.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года умерла Анна, императрица Россійская, и немного времени спустя скончался Карлъ VI, императоръ Римскій. Эта послѣдняя смерть чуть не потрясла часть Германіи. Но она ничуть не разстроила берлинскій карнавалъ, который уже начиналъ мнѣ сильно нравиться. Мнѣ было тогда одиннадцать лѣтъ, и я была очень высока для своего возраста. Мнѣ кажется, въ 1741 г. принцъ Августъ-Вильгельмъ Прусскій женился на принцессѣ Брауншвейгъ-Люнебургской. Я присутствовала на этой свадьбѣ, гдѣ находились также Карлъ-Евгеній, герцогъ Вюртембергскій, и его оба брата; герцогъ былъ годомъ старше меня; его братья были маленькими мальчиками. Принцъ Генрихъ Прусскій сталъ очень меня отличать; это

значитъ, что на каждомъ балу мы танцовали вмѣстѣ либо менуэтъ, либо контрдансъ. Между тѣмъ я услыхала однажды, что герцогиня Филиппина-Шарлотта Брауншвейгская, сестра принца, шептала что-то на ухо моей матери по поводу склонности ея брата ко мнѣ; въ результатѣ я стала замѣчать, что онъ оказывалъ мнѣ вниманіе. Моя невинность была причиной того, что я раньше вовсе этого не замѣтила. Кромѣ того, я не считала себя созданной, чтобы нравиться; я вовсе не заботилась о нарядахъ: мнѣ внушили отвращеніе ко всякому кокетству; я даже не знала, въ чемъ оно состоитъ, и знала одно только названіе. Въ началѣ 1742 года у отца въ Штетинѣ былъ ударъ и отнялась лѣвая сторона. Въ это время разразилась первая война въ Силезіи, и я помню, что онъ еще не вставалъ съ постели, когда привели въ Штетинъ много австрійскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ войсками короля Прусскаго среди зимы, въ Глогау, въ Силезіи. Послѣ того, какъ отцу стало лучше, онъ получилъ приказаніе оставить Штетинъ, дабы двинуться со своимъ полкомъ и вступить въ обсерваціонный лагерь возлѣ Бранденбурга. Мать слѣдовала за нимъ до лагеря, откуда отправилась въ Дорнбургъ. Тамъ я служила учителемъ чистописанія для моихъ братьевъ, у меня былъ тогда довольно красивый почеркъ. Съ того дня, какъ я покинула Штетинъ, я уже больше не видала мѣста моего рожденія. Но прежде, чѣмъ его покинуть, надо разсказать слѣдующее. Я помѣщалась въ третьемъ этажѣ этого замка, во флигелѣ, налѣво отъ входа во дворъ; моя комната была какъ разъ возлѣ церкви; между ними находилась потайная каменная лѣстница; очень часто вечеромъ и ночью слышно было, какъ игралъ органъ въ этой церкви; причины тому не знали и даже дѣлали розыски, чтобъ ее открыть. Это очень пугало всѣхъ обитателей въ замкѣ. Со своей стороны, я думаю, что это были слуги отца, между которыми было много способныхъ на такія продѣлки. Лѣтомъ мать снова заѣхала въ лагерь, гдѣ я увидѣла принца Леопольда Ангальтъ-Дессаускаго, командовавшаго этимъ лагеремъ, прин-

цессу, его супругу, которая была дочерью аптекаря, и двухъ принцессъ, ея дочерей—принцессу Вильгельмину и принцессу Генріетту. Мать забеременѣла въ этомъ году. Бабушка со своей дочерью, принцессой Анной Голштинской, навѣстили ее въ Дорнбургѣ, который всего въ двухъ лье отъ Цербста. Тамъ случайно находился при владѣтельномъ принцѣ Ангальтъ - Цербстскомъ принцъ Вильгельмъ Саксенъ - Готскій, племянникъ владѣтельнаго принца; этотъ принцъ, который былъ хромъ, становился въ церкви всегда возлѣ меня; понравился ли ему мой голосъ, никогда впрочемъ никого не восхищавшій, или по какой иной причинѣ, стали только говорить, что онъ хотѣлъ на мнѣ жениться, что отецъ ему отказалъ, и тогда онъ предложилъ отцу женить его на моей теткѣ, принцессѣ Аннѣ Голштинской, которой было 36 лѣтъ; отецъ направилъ его къ бабушкѣ и теткѣ; этотъ бракъ состоялся, обрученіе происходило въ Цербстѣ. Немного недѣль спустя умеръ мой старшій братъ двѣнадцати лѣтъ. Мать была безутѣшна, и нужно было по крайней мѣрѣ присутствіе всей семьи, чтобы помочь ей перенести это горе. Бабушка снова уѣхала, а мать отправилась въ Берлинъ производить на свѣтъ дочь, которая умерла въ 1745 году. Пока она рожала, отецъ получилъ извѣстіе, что его двоюродный братъ, владѣтельный принцъ Ангальтъ-Цербстскій Іоганнъ - Августъ, при смерти; отецъ отправился къ нему и, какъ только тотъ умеръ, вступилъ во владѣніе княжествомъ Ангальтъ-Цербстскимъ отъ имени своего и старшаго брата, принца Іоганна-Людвига, который жилъ въ Іеверѣ. Ангальтскій домъ не знаетъ права первородства; всѣ принцы Ангальтскіе одной вѣтви имѣютъ право на раздѣлъ; они такъ много дѣлили, что почти ничего для дѣлежа не осталось, и потому младшіе въ интересахъ семейнаго благосостоянія уступаютъ обыкновенно старшему владѣтельное право, довольствуясь удѣльной землей; но такъ какъ у отца были дѣти, а его старшій братъ не былъ женатъ, то они владѣли вмѣстѣ.

Мать, какъ только поправилась, поѣхала къ отцу, чтобы поселиться въ Цербстѣ. Такимъ образомъ въ одномъ домѣ находились: принцъ Іоганнъ-Людвигъ, отецъ, мать, тетка, сестра отца, вдова принца Іоганна-Августа, изъ Вюртембергъ-Вейтлингенскаго дома, братъ Фридрихъ-Августъ, отличившійся столькими странными выходками на свѣтѣ, я и сестра моя Елисавета, которая только что родилась. Говорили, какъ будто не всегда было прочное согласіе въ этой семьѣ, и особенно обвиняли мою тетку за то, что она сѣяла раздоръ между обоими братьями, которые однако были очень расположены жить въ мирѣ и имѣли всѣ необходимыя для того добродѣтели; но какъ бы то ни было, наружу ничто не выходило. Въ 1743 году мать получила извѣстіе, что ея братъ, принцъ Адольфъ-Фридрихъ, былъ избранъ наслѣднымъ принцемъ Швеціи вмѣсто своего питомца, герцога Карла-Петра-Ульриха: этотъ послѣдній отказался отъ шведской короны, перешелъ въ православіе, получилъ имя Петра и былъ объявленъ наслѣдникомъ имперіи Всероссійской и преемникомъ императрицы Елисаветы, съ титуломъ великаго князя. Оба эти извѣстія вызвали большую радость въ домѣ отца и матери и больше, чѣмъ по одной причинѣ. До тѣхъ поръ спорили иногда для развлеченія о томъ, за кого меня выдадутъ замужъ, и, когда при случаѣ называли молодого герцога Голштинскаго, мать говорила: «нѣтъ, не за этого; ему нужна жена, которая вліяніемъ или могуществомъ дома, изъ котораго она выйдетъ, могла бы поддержать права и притязанія этого герцога; слѣдовательно, дочь моя ему не подходитъ». И, правду сказать, не останавливались ни на какой партіи, всегда находилось много всякихъ «если» и «но»; правда также, что не изъ-за чего было спѣшить, я была еще чрезвычайно молода. Послѣ этихъ неожиданныхъ перемѣнъ ужъ не говорили больше, что я неподходящая партія для Русскаго великаго князя, и молча улыбались. Это взволновало меня, и въ глубинѣ души я предназначала себя ему, потому что изъ всѣхъ предположенныхъ партій эта была самая значительная.

Отецъ и мать, дядя и тетка, братъ и сестра отца, отправились въ этомъ году проѣхаться по Іеверскому владѣнію, которое принадлежало Цербстскому дому и на которое имѣютъ право дочери. Мы съ братомъ участвовали въ этой поѣздкѣ. Послѣдній изъ принцевъ Остфризскихъ, женатый на принцессѣ Бранденбургъ-Байрейтской, пріѣхалъ изъ Ауриха, своей резиденціи, въ Іеверъ навѣстить насъ, а также и графиня Бентинкъ, дочь графа Альтенбургскаго, побочнаго сына послѣдняго графа Ольденбургскаго. Эта дама нашумѣла на свѣтѣ; я думаю, что если бъ она была мужчиной, это былъ бы человѣкъ съ достоинствами, но, какъ женщина, она слишкомъ пренебрегала тѣмъ, что скажутъ. Наружностью она походила на мужчину и была некрасива, но обладала умомъ и знаніями. Отецъ поѣхалъ со всей семьей въ Аурихъ къ принцу Остфризскому; у него былъ прекрасный замокъ и довольно многочисленный дворъ; принцесса, совсѣмъ бездѣтная, тщательно воспитывала маленькую графиню Сольмсъ: ей можно было дать лѣтъ одиннадцать и она была уже ангельской красоты. Пробывъ нѣкоторое время въ Іеверѣ, гдѣ я помѣщалась въ своего рода башенкѣ, которую раньше занимала нѣкая графиня Марія, владѣвшая всей округой, а между тѣмъ имѣвшая одну только комнату, мы отправились въ Варель къ матери графини Бентинкъ, вдовѣ графа Альтенбургскаго: она была изъ Гессенъ-Гомбургскаго дома. Бентинкъ выѣхала къ намъ навстрѣчу верхомъ; я еще никогда не видѣла женщинъ верхомъ и была въ восторгѣ при видѣ ея: она ѣздила, какъ берейторъ. По прибытіи въ Варель я привязалась къ ней; эта привязанность не понравилась матери, но еще больше отцу; зато отличились мы на первыхъ порахъ замѣчательно. Бентинкъ, какъ только перемѣнила платье, поднялась наверхъ; я присутствовала при ея туалетѣ и не покидала ея ни на минуту; она, ничуть не стѣсняясь, появилась на мгновеніе въ комнатѣ своей матери, гдѣ была и моя также, и тотчасъ мы пустились танцовать въ передней штирійскій танецъ; это привлекло

всѣхъ къ дверямъ, чтобы посмотрѣть на насъ; меня жестоко выругали за этотъ дебютъ. Однако, подъ предлогомъ визита, я пошла на слѣдующій день въ покои Бентинкъ, которую я находила очаровательной; да и какъ могло быть иначе? мнѣ было четырнадцать лѣтъ; она ѣздила верхомъ, танцовала, когда ей вздумается, пѣла, смѣялась, прыгала, какъ дитя, хотя ей было тогда за тридцать; она была уже въ разводѣ съ мужемъ. Я нашла въ ея комнатѣ трехлѣтняго ребенка, прекраснаго, какъ день; я спросила, кто онъ такой; она мнѣ сказала, смѣясь, что это былъ братъ дѣвицы Донепъ, которую она имѣла при себѣ; другимъ своимъ знакомымъ она говорила безъ стѣсненія, что это былъ ея ребенокъ и что она имѣла его отъ своего скорохода. Иногда она надѣвала этому ребенку свой чепчикъ и говорила: «Посмотрите, какъ онъ на меня похожъ!» Я видѣла, какъ она это дѣлала, но такъ какъ не понимала, что тутъ дурного, то приставала къ ней, чтобъ она велѣла принести этого ребенка въ ея чепчикѣ наверхъ къ ея матери. Она сказала: «Мать не любитъ этого ребенка». Но я такъ къ ней приставала, что она велѣла его нести за нами. Старая принцесса, какъ только увидала издали этого ребенка, сдѣлала знакъ, чтобъ его унесли. Въ одномъ изъ покоевъ этого дома находился портретъ графа Бентинка, который казался очень красивымъ мужчиной. Графиня говорила, глядя на него: «Если бъ онъ не былъ моимъ мужемъ, то я любила бы его до безумія». Какъ только отобѣдали, я вернулась въ комнату графини; она мнѣ обѣщала, что я покатаюсь верхомъ послѣ обѣда, но главная трудность состояла въ томъ, чтобы получить на это позволеніе отца; безъ него бы я не осмѣлилась поѣхать. Графиня взялась вести переговоры и своей назойливостью добилась разрѣшенія; она посадила меня на лошадь, и я нѣсколько разъ объѣхала дворъ замка. Съ той минуты это упражненіе стало моей господствующей страстью въ теченіе очень долгаго времени; какъ только я видѣла своихъ лошадей, я все для нихъ бросала.

Отецъ и мать поспѣшили покинуть Варель и вернулись въ Іеверъ. Кажется, это было сдѣлано отчасти затѣмъ, чтобы вырвать меня изъ когтей этой женщины: она давала слишкомъ много воли моей врожденной живости, которая имѣла достаточно наклонности къ дальнѣйшему развитію и которую необходимо было держать въ уздѣ; четырнадцатилѣтній возрастъ не располагаетъ къ осторожности и раздумью. Изъ Іевера отецъ, принцъ, его братъ, его сестра и мой братъ вернулись къ себѣ. Мать отправилась въ Гамбургъ, куда я сопровождала ее къ бабушкѣ; тамъ находились ея сынъ, принцъ-епископъ Любекскій, принцы Августъ и Георгъ-Людвигъ, его братья, и принцесса Анна, ихъ сестра, со своимъ супругомъ, принцемъ Вильгельмомъ Саксенъ-Готскимъ. Тамъ ожидали торжественнаго посольства отъ Государственныхъ чиновъ Швеціи, которое должно было привезти принца епископа, избраннаго наслѣдникомъ шведскаго престола или, вѣрнѣе, одна изъ статей мирнаго договора между Россіей и Швеціей дѣлала этого принца наслѣдникомъ шведской короны. Послы пріѣхали тотчасъ послѣ насъ съ очень большой свитой. То были: сенаторы Лёвенъ и Врангель; секретаремъ посольства былъ графъ Боркъ; изъ шведовъ, которые сопровождали ихъ, я помню графовъ Ферзена, Унгернъ-Штернберга, Гюлленборга и Горна и барона Риббинга. Наслѣдный принцъ уѣхалъ съ ними, простившись съ семьей, которую онъ больше никогда не видѣлъ. Въ это время находился въ Гамбургѣ баронъ Корфъ, курляндецъ на русской службѣ; онъ былъ женатъ на графинѣ Скавронской; бабушка заказала мой портретъ знаменитому Деннеру; генералъ Корфъ велѣлъ сдѣлать для себя копію этого портрета и увезъ ее съ собой въ Россію. Годомъ раньше графъ Сиверсъ, тогда камеръ-юнкеръ императрицы Елисаветы, привозилъ въ Берлинъ андреевскую ленту для Прусскаго короля; прежде, чѣмъ передать ленту королю, онъ показалъ ее матери, которая тамъ была какъ-то поутру; онъ попросилъ позволенія взглянуть на меня, и мать велѣла мнѣ прійти при-

чесанной на половину, какъ была. Вѣроятно, я стала уже не такъ дурна, потому что Сиверсъ и Корфъ казались сравнительно довольными моей внѣшностью; каждый изъ нихъ взялъ мой портретъ, и у насъ шептали другъ другу на ухо, что это по приказанію императрицы. Это мнѣ очень льстило, но чуть не случилось происшествія, которое разстроило бы всѣ честолюбивые планы. Дядя мой, принцъ Георгъ-Людвигъ, перемѣстившійся изъ саксонской службы два или три года тому назадъ на службу къ Прусскому королю, при первой возможности посѣщалъ домъ моей матери; она была въ восхищеніи отъ его любезностей и говорила, что никто изъ братьевъ и сестеръ не выказывалъ ей такой дружбы. Когда мать выѣзжала или принимала гостей, или же писала, а она дѣлала это очень часто, дядя приходилъ ко мнѣ въ комнату; онъ былъ на 10 лѣтъ старше меня и чрезвычайно веселаго нрава, да и я тоже; ничего дурного въ этихъ посѣщеніяхъ я не видала и очень его любила. Онъ оказывалъ мнѣ тысячу любезностей. Бабетъ Кардель первая сочла нужнымъ высказаться противъ ухаживаній дяди; когда мы были въ Берлинѣ, она находила, что онъ мѣшалъ моему ученью; правда, онъ не выходилъ изъ моей комнаты; но такъ какъ вскорѣ послѣ этого онъ уѣхалъ, дѣло тѣмъ и ограничилось. Когда мы собрались въ Гамбургѣ, гдѣ Бабетъ не было, потому что она осталась съ моей сестрой, ухаживанья моего дяди усилились. Я принимала это за чистую дружбу, и мы не разставались. Изъ Гамбурга мы поѣхали въ Брауншвейгъ. Дядя сказалъ мнѣ дорогой: «Я тамъ буду стѣсненъ; мнѣ нельзя будетъ говорить съ вами такъ же свободно, какъ я къ этому привыкъ.» Я ему отвѣтила: «А почему же?»—«Потому», сказалъ онъ», что это дало бы поводъ къ сплетнямъ, которыхъ надо избѣгать». Я сказала ему еще разъ: «Но почему же?» Онъ не захотѣлъ мнѣ отвѣтить и въ самомъ дѣлѣ рѣзко измѣнилъ въ Брауншвейгѣ свое поведеніе: онъ рѣже видѣлъ меня и меньше говорилъ. Онъ сталъ задумчивъ и разсѣянъ; зато вечеромъ въ комнатѣ матери онъ уво-

дилъ меня въ сторону къ окну и все только жаловался на свою судьбу и стѣсненія, которыя онъ терпѣлъ. Однажды у него невольно вырвалось признаніе, что ему всего тяжелѣе быть моимъ дядей. Я очень невинно до тѣхъ поръ его утѣшала, какъ только умѣла, и не знала настоящей причины его горести; поэтому я была очень удивлена этими рѣчами и спросила его, что я ему сдѣлала и не сердится ли онъ на меня? Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Вовсе не то, но дѣло въ томъ, что я васъ слишкомъ люблю.» Я простодушно поблагодарила его за дружбу; тогда онъ разсердился и рѣзко сказалъ мнѣ: «Вы ребенокъ, съ которымъ нѣтъ возможности говорить.» Я захотѣла оправдаться и просила объяснить мнѣ причину его огорченія, въ которомъ ничего не понимала. Я очень къ нему приставала. «Ну», сказалъ онъ, «хватитъ ли у васъ дружбы ко мнѣ, чтобъ утѣшить меня по-моему?» Я увѣряла, что «да» и что онъ не долженъ въ этомъ сомнѣваться. «Обѣщайте же мнѣ», сказалъ онъ: «что вы выйдете за меня замужъ». Я была поражена этими словами, какъ ударомъ грома; я вовсе не думала о подобной развязкѣ; моя дружба была чиста, и я любила его какъ брата своей матери, къ которому привыкла и который оказывалъ мнѣ тысячу любезностей; я не знала любви и никогда не предполагала ея въ немъ. Онъ увидалъ мое изумленіе и замолчалъ; я ему сказала: «Вы шутите; вы мой дядя; отецъ и мать не захотятъ».—«И вы тоже», сказалъ онъ. Мать меня позвала, и въ этотъ вечеръ дѣло тѣмъ и кончилось; зато онъ не сводилъ съ меня глазъ и ухаживалъ за мной больше, чѣмъ когда-либо; но я себя чувствовала съ нимъ болѣе стѣсненной, чѣмъ прежде. При первой возможности онъ возобновилъ прерванную бесѣду и сталъ говорить о своей страсти ко мнѣ, не стѣсняясь больше. Онъ былъ тогда очень красивъ; глаза у него были чудесные; онъ зналъ мой характеръ, я уже свыклась съ нимъ; онъ началъ мнѣ нравиться, и я его не избѣгала. Онъ-таки добился моего согласія выйти за него замужъ, подъ условіемъ, что отецъ и мать

не окажутъ никакого препятствія. Я узнала потомъ, что мать все это знала; да и нельзя было ей не замѣтить его ухаживанья, и если бъ она не была съ нимъ заодно, то, я думаю, она не допустила бы этого. Много лѣтъ спустя, у меня явились эти мысли, которыя тогда и не приходили мнѣ въ голову. Получивъ мое согласіе, дядя со всей силой отдался своей страсти, не знавшей границъ; онъ ловилъ мгновенья, чтобы меня поцѣловать, онъ умѣлъ ихъ создавать; однако, если не считать нѣсколькихъ объятій, все обошлось очень невинно. Между тѣмъ онъ былъ попрежнему задумчивъ и разсѣянъ; часто онъ стоялъ возлѣ меня и не говорилъ ни слова; я старалась его расшевелить, но онъ издавалъ только вздохи и стоны; я ничего не понимала въ его поведеніи. Онъ былъ влюбленъ по уши, замкнулся въ себѣ, потерялъ сонъ, аппетитъ и, главное, свою врожденную веселость; я больше не знала, какъ держать себя съ нимъ. Прежде, чѣмъ покинуть Брауншвейгъ, онъ добился отъ меня обѣщанія, что я его не забуду. Онъ не могъ выносить, чтобы произносили имя принца Генриха Прусскаго, въ которомъ онъ подозрѣвалъ склонность ко мнѣ; я никогда хорошенько не узнала, въ чемъ было дѣло. Дядя уѣхалъ изъ Брауншвейга, мы направили свой путь въ Цербстъ. Мать вовсе не намѣревалась ѣхать этой зимой въ Берлинъ.

1 января 1744 мы были за столомъ, когда принесли отцу большой пакетъ писемъ; разорвавъ первый конвертъ, онъ передалъ матери нѣсколько писемъ, ей адресованныхъ. Я была рядомъ съ ней и узнала руку оберъ-гофмаршала Голштинскаго герцога, тогда Русскаго великаго князя. Это былъ шведскій дворянинъ, по имени Брюммеръ. Мать писала ему иногда съ 1739 года, и онъ ей отвѣчалъ. Мать распечатала письмо, и я увидѣла его слова: съ принцессой, вашей старшей дочерью. Я это запомнила, отгадала остальное и, оказалось, отгадала вѣрно. Отъ имени императрицы Елисаветы онъ приглашалъ мать пріѣхать въ Россію подъ предлогомъ изъявленія благодарности Ея Ве-

личеству за всѣ милости, которыя она расточала семьѣ матери. Дѣйствительно, бабушка получала отъ нея пенсію въ десять тысячъ рублей; принцъ-епископъ, братъ матери, былъ ею назначенъ наслѣдникомъ шведскаго престола, и мать получила портретъ императрицы, осыпанный брильянтами, когда родила мою сестру Елисавету, у которой императрица была крестной матерью. Какъ только встали изъ-за стола, отецъ и мать заперлись и поднялась большая суета въ домѣ: звали то тѣхъ, то другихъ, но мнѣ не сказали ни слова. Такъ прошло три дня. Съ послѣдней поѣздки въ Гамбургъ мать стала больше цѣнить меня, нежели прежде. Это придало мнѣ больше смѣлости по отношенію къ ней. Два обстоятельства этому содѣйствовали. Во-первыхъ, то, что графъ Геннингсъ-Адольфъ Гюлленборгъ, о которомъ я выше упоминала, посѣщая каждый день домъ моей бабушки, имѣлъ случай болѣе близко познакомиться съ матерью и со мной; онъ видѣлъ, что мать не обращала на меня большого вниманія; онъ ей сказалъ однажды: «Ваше высочество, вы не знаете этого ребенка; ручаюсь вамъ, что онъ имѣетъ гораздо больше ума и достоинствъ, нежели вы думаете; пожалуйста, обращайте на нее больше вниманія, чѣмъ дѣлали до сихъ поръ, она этого вполнѣ заслуживаетъ». Сей графъ Гюлленборгъ не переставалъ возвышать мою душу самыми прекрасными чувствами и высокими правилами, какія только можно внушать молодымъ людямъ; я жадно ихъ ловила и извлекала изъ нихъ себѣ пользу. Второе обстоятельство, оказавшее мнѣ услугу въ глазахъ матери, была привязанность дяди: онъ усиленно поручалъ меня ея вниманію. Она начинала видѣть ко мнѣ будущую невѣстку; не знаю и никогда не знала, обязалась ли она ему въ чемъ-нибудь; но я осмѣлилась это предположить, ибо, я знаю, она отклонила отца отъ мысли о нашей поѣздкѣ въ Россію; я сама заставила ихъ обоихъ на это рѣшиться. Вотъ какъ. Три дня спустя я вошла утромъ въ комнату къ матери и сказала ей, что письмо, которое она получила на Новый годъ, волновало всѣхъ въ домѣ. Она

спросила меня, что говорили о немъ; я ей отвѣтила, что говорятъ разно, но что меня касается, такъ я, безъ сомнѣнія, знала его содержаніе. Она захотѣла узнать, что я о немъ знала; я ей сказала, что это было приглашеніе отъ Русской императрицы пріѣхать въ Россію, и что именно я должна участвовать въ этомъ. Она захотѣла узнать, откуда я это знала; я ей сказала: «черезъ гаданье»; и такъ какъ недавно говорили о человѣкѣ, который брался все отгадать при помощи точекъ и цифръ, то я ей сказала, что знала искусство этого человѣка. Она засмѣялась и сказала: «ну, такъ если вы, сударыня, такая ученая, вамъ надо лишь отгадать остальное содержаніе дѣлового письма въ двѣнадцать страницъ». Я ей отвѣтила, что постараюсь; послѣ обѣда я снесла ей записку, на которой написала слѣдующія слова:

«Предвѣщаю по всему,
что Петръ III будетъ твоимъ супругомъ».

Мать прочла и казалась нѣсколько удивленной. Я воспользовалась этой минутой, чтобы сказать ей, что если дѣйствительно ей дѣлаютъ подобныя предложенія изъ Россіи, то не слѣдовало отъ нихъ отказываться, что это было счастье для меня. Она мнѣ сказала, что придется также многимъ рисковать въ виду малой устойчивости въ дѣлахъ этой страны; я ей отвѣтила, что Богъ позаботится объ ихъ устойчивости, если есть Его воля на то, чтобъ это было; что я чувствовала въ себѣ достаточно мужества, чтобы подвергнуться этой опасности, и что сердце мнѣ говорило, что все пойдетъ хорошо. Она не могла удержаться, чтобы не сказать: «А мой братъ Георгъ, что онъ скажетъ?» (тутъ въ первый разъ она заговорила о немъ со мною). Я покраснѣла и сказала ей: «Онъ только можетъ желать моего благополучія и счастія». Она замолчала и пошла поговорить съ отцомъ, который желалъ отклонить все дѣло, равно какъ и поѣздку. Онъ пожелалъ самъ говорить со мною или, вѣрнѣе, мать попросила его сдѣлать это. Я ему сказала, что такъ какъ дѣло шло обо мнѣ, то пусть онъ поз-

волитъ указать ему, что поѣздка ни къ чему не обязываетъ, что по пріѣздѣ на мѣсто мы съ матерью увидимъ, надо ли возвращаться, или нѣтъ; наконецъ я его убѣдила разрѣшить поѣздку. Онъ далъ мнѣ письменное наставленіе въ нравственности, и мы поѣхали вмѣстѣ съ отцомъ въ Берлинъ. Передъ отъѣздомъ у меня произошла маленькая сцена съ m-lle Кардель, первая и послѣдняя, какую мы только имѣли, потому что мы съ нею больше не видѣлись. Я чрезвычайно любила m-lle Бабетъ и ничего не скрывала отъ нея, за исключеніемъ склонности моего дяди ко мнѣ, о которой я остерегалась ей разсказывать: это было въ порядкѣ вещей на свѣтѣ. Отецъ и мать велѣли мнѣ хранить глубочайшее молчаніе о поѣздкѣ въ Россію; Бабетъ, видя, что я чаще прежняго бѣгаю взадъ и впередъ изъ моей комнаты къ матери, стала меня разспрашивать объ этой поѣздкѣ и о письмѣ, полученномъ за столомъ; я ей сказала, что ничего не могу ей сказать. Она мнѣ сказала: «Если бы вы меня любили, то вы сказали бы мнѣ, что объ этомъ знаете, или же вамъ запретили говорить». Я ей отвѣтила: «Добрый другъ мой, представьте себѣ, можно ли было бы сказать то, что мнѣ запретили бы?» Бабетъ замолчала и надулась на меня немного, но я ей ничего не сказала, и видѣла, что это ее сердило. Я страдала, но мои принципы были сильнѣе моей дружбы въ эту минуту. За годъ передъ тѣмъ я дала ей доказательство дружбы, которое ее очень тронуло. Въ Дорнбургѣ у нея черезъ каждые три дня была перемежающаяся лихорадка; мать запретила мнѣ видѣть Бабетъ во время приступовъ этой лихорадки изъ боязни, чтобъ я не заболѣла отъ дурного воздуха; несмотря на это запрещеніе, я бѣгала къ ней такъ часто, какъ только могла вырваться, и дѣлала для ухода за ней все, что могла придумать; помню, что однажды я заваривала ей чай, когда ушла ея горничная; въ другой разъ я давала ей лѣкарства; наконецъ, я оказывала ей всѣ мелкія услуги, какія могла. Когда наступилъ день отъѣзда, я простилась съ Бабетъ; мы обѣ плакали, и я ей все говорила, что мы ѣдемъ только

въ Берлинъ. По прiѣздѣ въ Берлинъ мать считала неумѣстнымъ, чтобы я появлялась при дворѣ или вообще гдѣ бы то ни было внѣ дома; но случилось иначе. Король Прусскiй, черезъ руки котораго прошли всѣ пакеты, посланные изъ Россiи по адресу матери, былъ вполнѣ освѣдомленъ о причинѣ поѣздки отца и матери въ Берлинъ, и вотъ какимъ образомъ. При русскомъ дворѣ тогда были двѣ партiи: одна графа Бестужева, которая хотѣла женить Русскаго великаго князя на принцессѣ Саксонской, дочери Августа II, короля Польскаго, а именно на той, которая вышла замужъ за курфюрста Баварскаго; другую партiю называли французской и къ ней принадлежали: оберъ-гофмаршалъ великаго князя Брюммеръ, графъ Лестокъ, генералъ Румянцовъ и еще нѣкоторые, все друзья французскаго посланника, маркиза де-ла-Шетарди. Этотъ послѣднiй предпочелъ бы ввести въ Россiю одну изъ дочерей Французскаго короля, но его друзья не смѣли рискнуть на выступленiе съ такой идеей, къ которой питали отвращенiе императрица и графъ Бестужевъ, имѣвшiй тогда большое влiянiе на ея умъ и отклонявшiй ее отъ этого. Этотъ министръ не былъ расположенъ къ Францiи, и они выбрали потому среднiй путь, который состоялъ въ томъ, чтобы предложить меня императрицѣ Елисаветѣ; посланникъ Прусскаго короля, а слѣдовательно и его государь были посвящены въ эту тайну. Повидимому, чтобы оградить себя въ отношенiи графа Бестужева и дабы онъ не подумалъ, что это дѣлалось съ непремѣннымъ намѣренiемъ пойти ему наперекоръ, какъ, впрочемъ, это было въ дѣйствительности, распустили слухъ, что выписали меня безъ вѣдома де-ла-Шетарди, бывшаго душой этой партiи, чтобъ избѣжать брака одной изъ Французскихъ принцессъ съ великимъ княземъ; но въ сущности этотъ посланникъ позволилъ думать обо мнѣ лишь послѣ того, какъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ въ пользу одной изъ дочерей короля, своего государя. Король Прусскiй, видя, что я прiѣхала въ Берлинъ, и зная, куда меня везутъ, захотѣлъ пови-

дать меня во что бы то ни стало; мать сказала, что я больна; онъ велѣлъ пригласить ее два дня спустя на обѣдъ къ королевѣ, его супругѣ, и самъ ей сказалъ взять и меня съ собой. Мать ему обѣщала, но въ назначенный день она отправилась одна ко двору; король, какъ только ее увидѣлъ, спросилъ о моемъ здоровьѣ; мать сказала ему, что я была больна; онъ сказалъ ей, что зналъ, что этого не было; она ему отвѣтила, что я не была одѣта; онъ ей возразилъ, что будетъ ждать меня до завтра со своимъ обѣдомъ. Мать наконецъ ему сказала, что у меня нѣтъ придворнаго платья. Онъ пожелалъ, чтобъ одна изъ его сестеръ прислала мнѣ одно изъ такихъ платьевъ. Мать, видя, что никакія отговорки не помогали, послала мнѣ сказать, чтобъ я одѣвалась и ѣхала ко двору. Пришлось одѣться, что продолжалось до трехъ часовъ пополудни. Наконецъ я появилась ко двору; король встрѣтилъ меня въ передней королевы. Онъ заговорилъ со мною и довелъ меня до покоевъ королевы. Я робѣла и смущалась; наконецъ сѣли за столъ и встали очень поздно. По выходѣ изъ-за стола принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій, братъ королевы, котораго я хорошо и давно знала, и который не покидалъ тогда ни на шагъ короля Прусскаго, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Нынче вечеромъ вы будете на балу въ оперномъ домѣ моей дамой за королевскимъ столомъ». Я сказала ему, что это будетъ большимъ удовольствіемъ для меня. Возвращаясь домой, я сказала матери о приглашеніи принца Брауншвейгскаго; мать мнѣ сказала: «Это странно, ибо я приглашена къ столу королевы». За однимъ изъ столовъ предоставили моему отцу почетное мѣсто хозяина, такъ что я была одна за столомъ короля. Мать уѣхала до бала къ принцессѣ Прусской и съ нею на балъ. Я гуляла весь вечеръ со старшей графиней Генкель, статсъ-дамой принцессы Прусской, и такъ какъ я ей сказала, что должна быть за столомъ короля ко времени ужина, то она повела меня въ залу, гдѣ должны были ужинать. Едва я туда вошла, какъ принцъ Брауншвейгскій поспѣшилъ ко мнѣ навстрѣчу и

взялъ меня за руку; онъ привелъ меня къ концу стола, и такъ какъ подходили также другія пары, то онъ, все подвигаясь, постарался помѣстить меня какъ разъ рядомъ съ королемъ. Какъ только я увидала короля своимъ сосѣдомъ, я хотѣла удалиться, но онъ удержалъ меня и въ теченіе всего вечера говорилъ только со мной; онъ мнѣ наговорилъ тысячу учтивостей. Я справлялась, какъ умѣла; однако я искренно сдѣлала нѣсколько упрековъ принцу Брауншвейгскому за то, что онъ посадилъ меня рядомъ съ королемъ; онъ обратилъ это въ шутку; мы встали наконецъ изъ-за стола и нѣсколько дней спустя отправились изъ Берлина въ Штетинъ, какъ говорили; въ виду Штетина отецъ очень нѣжно со мной простился, и тутъ я видѣла его въ послѣдній разъ: я также много плакала. Мать продолжала свой путь черезъ Пруссію и Курляндію подъ именемъ какой-то графини; я забыла это имя. Свита ея была очень мала, ее составляли: ея фрейлина Каинъ, камеръ-юнкеръ Латорфъ, четыре горничныхъ, камердинеръ и нѣсколько лакеевъ съ поваромъ. Въ Курляндіи я увидѣла страшную комету, появившуюся въ 1744 году; я никогда не видала такой огромной, можно было бы сказать, что она была очень близка къ землѣ. Когда мы прибыли въ Митаву, велѣлъ доложить о себѣ матери Воейковъ, нынѣ кіевскій генералъ-губернаторъ, тогда полковникъ, командовавшій русскими войсками, расположенными въ Курляндіи. Мать приняла его какъ графиня; но онъ, вѣроятно, былъ предупрежденъ отъ русскаго двора и спросилъ ее, долженъ ли объявить о ней въ Ригѣ подъ этимъ или подъ другимъ именемъ? Мать возразила, что если ему приказано задать этотъ вопросъ, то она должна ему также сказать, что перемѣнитъ имя при проѣздѣ черезъ курляндскую границу. Затѣмъ онъ удалился и далъ знать въ Ригу; на слѣдующій день онъ поѣхалъ съ нами въ Ригу; тамъ ждали насъ придворные экипажи, камергеръ Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ—нынѣ оберъ-егермейстеръ, Овцынъ—тогда гвардейскій поручикъ, при-

дворная кухня, ливрейная прислуга и экипажи отъ двора. Магистратъ города Риги вышелъ къ намъ навстрѣчу, была пальба изъ пушекъ; мы переправились черезъ Двину въ городскихъ экипажахъ. Когда мы вышли изъ кареты, Нарышкинъ подалъ моей матери и мнѣ отъ императрицы Елисаветы собольи шубы и палатины. На слѣдующій день фельдмаршалъ Ласси явился къ намъ со всѣми знатнѣйшими лицами города и между прочимъ съ генераломъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Салтыковымъ; онъ былъ тамъ потому, что ему были отданы подъ стражу въ замкѣ Дюнамюнде принцъ Антонъ-Ульрихъ Браунштейгскій и принцесса Анна Мекленбургская, его супруга, съ дѣтьми и свитой. Императрица Елисавета въ началѣ своего царствованія рѣшила отослать ихъ на родину и это было бы самое лучшее, что она могла бы сдѣлать; но когда они прибыли въ Ригу, императрица велѣла отложить ихъ поѣздку до новаго распоряженія. Этотъ новый приказъ послѣдовалъ вскорѣ за нашимъ проѣздомъ черезъ Ригу и, вмѣсто того, чтобъ удалить изъ страны эту несчастную семью, имъ велѣли вернуться и послали ихъ въ городъ Раненбургъ,[1]) который велѣлъ построить за Москвой знаменитый князь Меншиковъ. Тамъ маленькаго принца Іоанна, Юлію Менгденъ— любимицу принцессы, и Геймбурга — любимца принца, разлучили съ принцемъ и принцессой, которыхъ послѣ краткаго пребыванія въ Раненбургѣ увезли въ Холмогоры.

Принявъ въ Ригѣ визиты всѣхъ знатныхъ особъ обоего пола, мы отправились въ саняхъ въ Петербургъ. Я очень неумѣло влѣзала въ эти сани, въ которыхъ надо лежать; Нарышкинъ, который сопровождалъ насъ и котораго я хорошо знала по Гамбургу, чтобы научить меня садиться въ эти сани, сказалъ мнѣ: «Надо закинуть ногу (enjamber), закидывайте же!» Это слово, котораго никогда не приходилось мнѣ слышать раньше, такъ смѣшило меня дорогой, что я не могла его вспомнить безъ хохота. Мы

[1]) Въ подлинникѣ—Oranienbourg.

проѣхали черезъ Дерптъ, гдѣ еще можно было видѣть всѣ слѣды бомбардировки, которую выдержалъ этотъ городъ, когда его завоевывалъ Петръ I. Мы помѣщались тамъ въ домѣ, принадлежавшемъ ранѣе князю Меншикову; оттуда—поѣхали въ Нарву и потомъ въ Петербургъ, гдѣ насъ встрѣтили около полудня—часъ нашего пріѣзда—громомъ пушекъ и немедленно отвезли въ Зимній дворецъ. Тамъ мы встрѣтили внизу лѣстницы всѣхъ тѣхъ, которые не послѣдовали за дворомъ въ Москву, и во главѣ ихъ былъ генералъ-лейтенантъ князь Василій Никитичъ Репнинъ, котораго императрица оставила главнымъ командиромъ Петербурга. Въ сѣняхъ вышли къ намъ навстрѣчу четыре фрейлины, которыхъ императрица назначила сопровождать насъ въ дорогѣ, а именно: дѣвица Менгденъ, сестра извѣстной Юліи, вышедшая впослѣдствіи замужъ за графа Лестока; дѣвица Карръ, которая потомъ вышла за князя Петра Голицына; дѣвица Салтыкова, вышедшая за майора гвардіи князя Матвѣя Гагарина; княжна Репнина, впослѣдствіи замужемъ за Петромъ Петровичемъ Нарышкинымъ. Когда мы поднялись въ покои, намъ съ матерью представили весь городъ, затѣмъ Нарышкинъ оставилъ обѣдать тѣхъ, кого нашелъ нужнымъ; я помню только, что, кромѣ князя Репнина, были еще сенаторъ князь Юсуповъ, графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ, братъ графа Алексѣя Бестужева, тогда вице-канцлера (этотъ вельможа былъ оберъ-гофмаршаломъ, его назначали тогда посланникомъ, кажется, въ Швецію; это было своего рода ссылкой, и передавали другъ другу на ухо, что акціи его брата чрезвычайно понизились при дворѣ), генералъ Любрасъ, капитаны флота Полянскій [1]) и Корсаковъ, четыре фрейлины и много другихъ, кого я забыла; послѣ обѣда Нарышкинъ, чтобы насъ позабавить, велѣлъ привести слоновъ, которыхъ Тахмасъ-Кулы-ханъ [2]), иначе--Шахъ-Надиръ,

---

[1]) Въ подлинникѣ—Palenski.

[2]) Въ подлинникѣ— Tamas-Koulikan.

подарилъ императрицѣ; ихъ было тогда въ Петербургѣ четырнадцать и они выдѣлывали разныя штуки на дворцовомъ дворѣ; затѣмъ Нарышкинъ пригласилъ насъ прогуляться; это была недѣля карнавала, по-русски масляница. Мы пошли посмотрѣть городъ и горы, съ которыхъ катаются въ большихъ открытыхъ линейкахъ, поставленныхъ на полозья; потомъ мы вернулись во дворецъ, гдѣ собрались всѣ дамы (графиня Бестужева, жена вице-канцлера, являлась къ намъ утромъ; она уѣзжала въ Ригу; она показалась такою, какой и была, немного шалой и со странностями). Стали играть и пріѣхалъ маркизъ де-ла-Шетарди, старинный знакомый матери, который оставался въ Петербургѣ; онъ посовѣтовалъ матери поторопиться съ поѣздкой въ Москву къ десятому февраля, ко дню рожденія великаго князя. Мать попросила Нарышкина ускорить ея отъѣздъ и, дѣйствительно, два дня спустя мы выѣхали. Въ теченіе этого перваго дня я ближе познакомилась съ дѣвицами Карръ и Салтыковой; онѣ мнѣ предложили причесать меня на слѣдующій день такъ же, какъ сами были причесаны; дворъ и городъ имъ подражали, но мы не знали, что императрица не любила этой моды, придуманной принцессой Анной Браунпвейгской; на самомъ дѣлѣ ничего не было безобразнѣе. Волосы безъ пудры и завивки просто были гладко зачесаны на вискахъ, надъ ушами; надѣвали очень маленькій локонъ, изъ котораго до половины щеки вытягивали немного взбитыхъ волосъ; здѣсь изъ нихъ дѣлали крючокъ, который приклеивали въ углубленіи щеки; потомъ окружали голову на полтора пальца разстоянія ото лба, надъ макушкой, очень широкой лентой, сложенной вдвое; эта лента кончалась бантами на ушахъ, и концы ея падали на шею; въ эти банты втыкали съ двухъ сторонъ цвѣты, которые помѣщались пальца на четыре выше надъ ушами очень прямо; мелкіе цвѣты спускались отсюда на волосы, покрывавшіе половину щеки; кромѣ того, надѣвали массу лентъ изъ одного куска на шею и лифъ, и требовалось по крайней мѣрѣ двадцать

аршинъ, чтобы такъ себя изуродовать; шиньонъ составляли четыре висячія букли изъ волосъ.

Когда, мы выѣхали изъ Петербурга, дорогой сани, въ которыхъ мать находилась со мною, при поворотѣ ударились объ избу, вслѣдствіе чего желѣзный крючокъ, придѣланный къ возку, упалъ на голову и на плечо матери. Она сказала, что серьезно поранена, однако снаружи не было видно ничего, даже синяковъ. Это происшествіе задержало нашу поѣздку на нѣсколько часовъ. Мы ѣхали день и ночь, и къ концу третьяго дня были во Всесвятскомъ. Императрица послала туда камеръ-юнкера Сиверса, чтобы привѣтствовать мать. Онъ сказалъ Нарышкину, что Ея Величество желаетъ, чтобы мы проѣхали Москву ночью; я говорю — чтобы мы проѣхали Москву, потому что императорскій дворецъ былъ на краю города, по ту сторону Яузы (гдѣ теперь другой дворецъ на томъ же мѣстѣ, ибо этотъ сгорѣлъ въ 1753 году). Надо было проѣхать черезъ всю Москву, чтобы туда попасть. Итакъ ждали до пятишести часовъ вечера, чтобъ отправиться далѣе, а въ ожиданіи каждый старался пріодѣться какъ можно лучше; помню, что у меня было узкое платье безъ фижмъ, изъ муара розово-серебристаго цвѣта. При выѣздѣ отсюда, Шриверъ [1]), котораго мать знала еще секретаремъ посольства въ Берлинѣ и который пріѣхалъ съ Сиверсомъ, бросилъ моей матери въ карету записку, которую мы съ любопытствомъ прочли; и дѣйствительно эта записка была очень интересна, потому что заключала характеристику приблизительно всѣхъ самыхъ значительныхъ особъ двора и тѣхъ, которые насъ окружали или будутъ окружать, и указывала степень фавора разныхъ фаворитовъ.

Около семи или восьми часовъ вечера 9 февраля 1744 г. мы прибыли въ Анненгофскій дворецъ, который занималъ тогда дворъ. Этотъ дворецъ сгорѣлъ въ 1753 году, какъ я сказала выше; онъ былъ снова отстроенъ въ шесть не-

[1]) Въ подлинникѣ—Scryver.

дѣлъ и опять уничтоженъ пожаромъ въ 1771 году, во время чумы, которую перенесъ этотъ городъ. Внизу главной лѣстницы мы встрѣтили принца Гессенъ-Гомбургскаго; онъ былъ тогда генералъ-адъютантомъ императрицы, фельдмаршаломъ, подполковникомъ Измайловскаго гвардейскаго полка и капитанъ-поручикомъ лейбъ-компаніи и стоялъ во главѣ всего двора. Онъ подалъ руку матери и повелъ насъ въ покои, намъ назначенные; туда черезъ короткій промежутокъ пришелъ великій князь со своимъ дворомъ, а около десяти часовъ графъ Лестокъ; онъ сказалъ матери, что императрица поздравляетъ ее съ пріѣздомъ и что Ея Величество проситъ Ея Высочество пройти въ ея покои. Великій князь подалъ руку матери, а принцъ Гессенскій взялъ мою. Когда мы проходили переднюю, намъ представили фрейлинъ и придворныхъ кавалеровъ. Когда мы прошли черезъ всѣ покои, насъ ввели въ пріемную императрицы; она пошла къ намъ навстрѣчу съ порога своей парадной опочивальни. По истинѣ нельзя было тогда видѣть ее въ первый разъ и не поразиться ея красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокаго роста, хотя очень полная, но ничуть отъ этого не терявшая и не испытывавшая ни малѣйшаго стѣсненія во всѣхъ своихъ движеніяхъ; голова была также очень красива; на императрицѣ въ этотъ день были огромныя фижмы, какія она любила носить, когда одѣвалась, что бывало съ ней, впрочемъ, лишь въ томъ случаѣ, если она появлялась публично. Ея платье было изъ серебрянаго глазета съ золотымъ галуномъ; на головѣ у нея было черное перо, воткнутое сбоку и стоявшее прямо, а прическа изъ своихъ волосъ со множествомъ брильянтовъ. Мать обратилась къ ней съ привѣтствіемъ и поблагодарила ее за всѣ милости, которыя она расточала нашей семьѣ. Затѣмъ императрица вошла въ свою комнату, куда и насъ пригласила войти; тамъ были разставлены кресла для сидѣнья, но ни она и никто, слѣдовательно, не садились; приблизительно послѣ получасовой бесѣды она отпустила насъ подъ тѣмъ предлогомъ,

что мы, какъ она предполагала, устали отъ путешествія; пока она говорила съ матерью, великій князь разговаривалъ со мною. Онъ отвелъ насъ въ наши комнаты, гдѣ ужиналъ съ нами, со своимъ дворомъ и множествомъ другихъ лицъ, которыхъ я не помню. Я была налѣво отъ великаго князя, а налѣво отъ меня оберъ-гофмейстеръ императрицы, графъ Минихъ, братъ фельдмаршала Миниха, который тогда былъ въ ссылкѣ, въ Сибири, съ начала царствованія императрицы Елисаветы. (Я помню этого сосѣда за столомъ въ тотъ день, потому что онъ меня очень удивилъ странной манерой говорить лишь съ закрытыми глазами и очень медленно; впрочемъ, это былъ человѣкъ очень образованный и очень честный, хоть и педантъ немного; потомъ онъ сталъ потѣхой всего двора изъ-за странной маніи читать каждому письма своей жены; онъ начиналъ съ императрицы и кончалъ пажами, если не находилъ другихъ слушателей). Во время ужина императрица подошла инкогнито къ дверямъ нашей комнаты взглянуть, какъ мы ужинаемъ. Послѣ стола всякій удалился къ себѣ. Слѣдующій день, 10 февраля, пятница первой недѣли Великаго поста, былъ днемъ рожденія великаго князя. Было очень парадно; около одиннадцати часовъ утра пришли намъ сказать, чтобы мы слѣдовали въ покои императрицы. Мы туда отправились; была очень большая толпа во всѣхъ переднихъ, черезъ которыя мы проходили, чтобы проникнуть въ парадную опочивальню императрицы; тамъ мы нашли Воронцову и Чоглокову, обѣихъ свойственницъ императрицы Екатерины I. Нѣсколько минутъ спустя, императрица вышла изъ своей уборной, чрезвычайно разодѣтая; на ней было коричневое платье, расшитое серебромъ, и она вся была покрыта брильянтами, то есть голова, шея, лифъ; оберъ-егермейстеръ, графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, слѣдовалъ за нею. Это былъ одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ, какихъ я видѣла на своемъ вѣку. Онъ несъ на золотомъ блюдѣ знаки ордена св. Екатерины. Я была немного ближе къ двери, чѣмъ мать. Импе-

ратрица возложила на меня орденъ св. Екатерины, а потомъ оказала такую же честь матери, и въ заключеніе насъ поцѣловала. Графиня Воронцова приколола звѣзду матери, а Чоглокова—мнѣ. Императрица прослѣдовала черезъ свои покои къ обѣднѣ, а мы остались въ ея пріемной. Послѣ обѣдни намъ сказали, чтобы мы перешли въ комнаты великаго князя; черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ мы туда вошли, появилась императрица. Она намъ сказала, что говѣетъ и что пойдетъ въ этотъ день къ исповѣди, чтобы причащаться на слѣдующій день. Послѣ того, какъ она удалилась, мы обѣдали у великаго князя съ бо́льшею частью двора. Я забыла сказать, что, проходя изъ покоевъ императрицы въ покои великаго князя, мы познакомились по дорогѣ съ принцессой Гессенъ-Гомбургской, рожденной княжной Трубецкой, и со всѣми придворными и городскими дамами. На слѣдующій день насъ повели въ придворную церковь посмотрѣть, какъ причащается императрица. Въ воскресенье былъ куртагъ и концертъ въ покояхъ императрицы. Первые дни нашего пребыванія въ Москвѣ прошли въ томъ, что мы принимали и отдавали визиты; по вечерамъ великій князь приходилъ играть къ намъ въ карты; приходили сюда также иностранные посланники и многіе придворные, и разъ или два появилась императрица, затѣмъ она уѣхала въ Троицкій монастырь съ избранной свитой и пришла въ наши покои проститься. На ней въ этотъ день было платье съ длинными бархатными рукавами и со всѣми русскими орденами, т. е. съ андреевской лентой черезъ плечо, съ орденомъ св. Александра Невскаго на шеѣ и св. Екатерины на груди слѣва. На десятый день нашего пріѣзда въ Москву мы должны были пойти обѣдать къ великому князю. Я одѣлась и, когда уже была готова, со мной сдѣлался сильный ознобъ; я сказала объ этомъ матери, которая совсѣмъ не любила нѣжностей; сначала она подумала, что это ничего; но ознобъ такъ усилился, что она первая посовѣтовала мнѣ пойти лечь. Я раздѣлась, легла въ постель, заснула и настолько поте-

ряла сознаніе, что не помню почти ничего изъ происходившаго въ теченіе двадцати семи дней, пока продолжалась эта ужасная болѣзнь. Бургавъ, лейбъ-медикъ и племянникъ знаменитаго Бургава, когда его позвали, по чрезмѣрному жару, который у меня былъ, и по боли, которую я чувствовала въ правомъ боку, призналъ сразу, что это весьма ясно выраженный плевритъ; но онъ не могъ убѣдить мать, чтобы она разрѣшила пустить кровь. Видя у меня такой жаръ, она думала, что я могу заболѣть оспой, которой у меня еще не было. Итакъ, я оставалась безъ всякой помощи, если не считать какихъ-то припарокъ, которыя прикладывали мнѣ на бокъ со вторника до субботы. Между тѣмъ Бургавъ написалъ графу Лестоку о положеніи дѣла, а Лестокъ доложилъ императрицѣ. Она вернулась отъ Троицы въ Москву въ субботу въ семь часовъ вечера и прошла прямо изъ кареты ко мнѣ въ комнату, въ сопровожденіи графа Лестока, графа Разумовскаго и хирурга этого послѣдняго, по имени Верръ. Она сѣла у моего изголовья и держала меня на рукахъ, пока мнѣ пускали кровь; я пришла немного въ себя въ эту минуту и увидала, что всѣ очень суетились вокругъ меня; я замѣтила также, что мать была очень опечалена. Но нѣсколько минутъ спустя я снова впала въ забытье; императрица прислала мнѣ послѣ этого кровопусканія брильянтовыя серьги и бантъ стоимостью въ двадцать пять тысячъ рублей. Мнѣ пускали кровь шестнадцать разъ, пока нарывъ не лопнулъ. Наконецъ, наканунѣ Вербнаго воскресенья ночью я выплюнула нарывъ. Доктора Санхецъ и Бургавъ не покидали меня, и послѣ Бога ихъ заботамъ обязана я жизнью. Помню, императрица, великій князь и, по ихъ примѣру, весь дворъ оказывали всяческіе знаки вниманія какъ матери, такъ и мнѣ, хотя нашлись люди съ вице-канцлеромъ графомъ Бестужевымъ во главѣ, которые уже тогда постарались повредить матери въ глазахъ императрицы; это было очень легко, такъ какъ она отъ рожденія склонна была съ ревнивой подозрительностью

относиться ко всѣмъ женщинамъ, противъ которыхъ она не была достаточно на сторожѣ. Ей объяснили какъ недостатокъ привязанности ко мнѣ отвращеніе матери къ тому, чтобы мнѣ пустили кровь, а въ дѣйствительности это было лишь слѣдствіе боязни. Чтобы лучше узнать правду и подъ предлогомъ гораздо большаго ухода, императрица приказала графинѣ Воронцовой помѣститься съ нами. Когда мнѣ пускали кровь, Лестокъ запиралъ двери на задвижки, и мнѣ пускали кровь въ два пріема четыре раза въ теченіе двухъ сутокъ; мать, которая была очень чувствительна, не могла видѣть этого безъ огорченія, и когда она хотѣла войти въ эти минуты, ей говорили, что императрица просила ее оставаться у себя въ комнатѣ; изъ-за этого она въ свою очередь стала досадовать и подумала, что всѣ сговорились держать ее вдали отъ дочери. Къ этому прибавились еще разныя мелочи и сплетни кумушекъ, которыя ухудшали дѣло. Напримѣръ, въ періодъ моего выздоровленія, около Пасхи, мать, потому ли, что не могла найти богатыхъ матерій по своему вкусу, или потому, что ей нравился принадлежавшій мнѣ кусокъ матеріи, пришла попросить его у меня въ присутствіи графини Румянцовой; въ томъ состояніи слабости, въ какомъ я была, и еще не вполнѣ свободно владѣя своими пятью внѣшними чувствами, я проявила нѣкоторое желаніе сохранить матерію, потому что я получила ее отъ дяди, брата отца, хотя и уступила ее матери; это передали императрицѣ, которая прислала мнѣ двѣ великолѣпныя матеріи того же цвѣта и очень была недовольна матерью за то, что она, какъ говорили, безъ осторожности причинила огорченіе почти умирающей. Мать въ свою очередь почувствовала, что ее злятъ, и разобидѣлась. Когда я поправилась, я нашла во всемъ очень большую перемѣну. Раньше говорили только о празднествахъ, увеселеніяхъ, удовольствіи, а теперь—лишь о распряхъ, спорахъ, партіяхъ и враждѣ. Съ минуты нашего прибытія, для безсмѣннаго дежурства, назначили къ намъ Бецкаго, тогда камергера великаго

князя, князя Александра Трубецкого, камеръ-юнкера этого князя, сверхъ того сохранилъ свое мѣсто Нарышкинъ, и одинъ изъ камеръ-юнкеровъ императрицы съ двумя ея фрейлинами дежурили у насъ по очереди. Мать возымѣла довѣріе къ Бецкому, который сблизилъ ее съ принцемъ и принцессой Гессенъ-Гомбургскими: онъ былъ побочнымъ братомъ этой принцессы и незаконнымъ сыномъ стараго фельдмаршала Трубецкого, который прижилъ его отъ одной шведской дамы во время своего плѣна въ этой странѣ при Карлѣ XII послѣ Нарвской битвы. Это сближеніе не понравилось многимъ, а особенно графу Лестоку и оберъ-гофмаршалу великаго князя Брюммеру, который вызвалъ мою мать въ Россію, но еще болѣе графинѣ Румянцовой, очень вредившей моей матери въ глазахъ императрицы. Ссору раздувалъ тогда повсюду графъ Бестужевъ, примѣнявшій отвратительное правило — раздѣлять, чтобы повелѣвать. Ему отлично удавалось смущать всѣ умы; никогда не было меньше согласія и въ городѣ, и при дворѣ, какъ во время его министерства; въ концѣ концовъ онъ сталъ жертвой собственныхъ происковъ, что случается обыкновенно съ людьми, которые больше опираются на свои интриги, чѣмъ на чистоту и честность пріемовъ. Великій князь, во время моей болѣзни, проявилъ большое вниманіе ко мнѣ; когда я стала лучше себя чувствовать, онъ не измѣнился ко мнѣ; повидимому, я ему нравилась; не могу сказать, чтобы онъ мнѣ нравился или не нравился; я умѣла только повиноваться. Дѣло матери было выдать меня замужъ. Но, по правдѣ, я думаю, что русская корона больше мнѣ нравилась, нежели его особа. Ему было тогда шестнадцать лѣтъ; онъ былъ довольно красивъ до оспы, но очень малъ и совсѣмъ ребенокъ; онъ говорилъ со мною объ игрушкахъ и солдатахъ, которыми былъ занятъ съ утра до вечера. Я слушала его изъ вѣжливости и въ угоду ему; я часто зѣвала, не отдавая себѣ въ этомъ отчета, но я не покидала его, и онъ тоже думалъ, что надо говорить со мною; такъ какъ онъ говорилъ только о томъ, что любитъ,

то онъ очень забавлялся, говоря со мною подолгу. Многіе приняли это за настоящую привязанность, особенно тѣ, кто желалъ нашего брака; но никогда мы не говорили между собою на языкѣ любви: не мнѣ было начинать этотъ разговоръ, скромность мнѣ воспретила бы это, если бъ я даже почувствовала нѣжность, и въ моей душѣ было достаточно врожденной гордости, чтобы помѣшать мнѣ сдѣлать первый шагъ; что же его касается, то онъ и не помышлялъ объ этомъ, и это, правду сказать, не очень-то располагало меня въ его пользу; дѣвушки, что ни говори, какъ бы хорошо воспитаны ни были, любятъ нѣжности и сладкія рѣчи, особенно отъ тѣхъ, отъ кого онѣ могутъ ихъ выслушать, не краснѣя. Послѣ моей болѣзни я появилась снова въ первый разъ въ обществѣ 21 апрѣля 1744 года, въ день моего рожденія. Въ этотъ день мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ; по прошествіи этого дня императрица и великій князь пожелали, чтобы меня посѣщалъ Симеонъ Теодорскій, епископъ псковскій, и чтобъ онъ бесѣдовалъ со мною о догматахъ православной церкви. Великій князь сказалъ мнѣ, что онъ убѣдитъ меня, да и я съ моего пріѣзда въ имперію была глубоко убѣждена, что вѣнецъ небесный не можетъ быть отдѣленъ отъ вѣнца земного. Я слушала псковскаго епископа съ покорностью и никогда ему не противорѣчила; кромѣ того, я была наставлена въ лютеранской вѣрѣ однимъ духовнымъ лицомъ, по имени Вагнеромъ, полковымъ священникомъ у отца, а онъ часто мнѣ говорилъ, что до перваго причащенія каждый христіанинъ можетъ выбрать вѣру, которая ему покажется наиболѣе убѣдительной; я еще не была у причастія и слѣдовательно находила, что епископъ псковскій былъ правъ во всемъ; онъ не ослаблялъ моей вѣры, дополнялъ знаніе догматовъ, и мое обращеніе не стоило ему ни малѣйшаго труда. Онъ часто спрашивалъ меня, не имѣю ли я сдѣлать ему какія-нибудь возраженія, выразить сомнѣнія; но мой отвѣтъ былъ кратокъ и удовлетворялъ его, потому что рѣшеніе мое было принято. Весною этого года

императрица, съ нѣкоторыхъ поръ, повидимому, сердившаяся на мою мать, отправилась снова въ Троицкій монастырь, куда послѣдовали за ней великій князь и мы съ матерью. Архимандритъ этого монастыря пользовался тогда большими милостями императрицы. Онъ съ двумя епископами, московскимъ и петербургскимъ, сопровождалъ ее всюду, даже въ театръ и маскарады, разумѣется, не маскируясь. Когда мы прибыли къ Троицѣ, графъ Лестокъ вошелъ въ комнату матери; онъ имѣлъ очень озабоченный видъ и сказалъ ей: «Можете, Ваше Высочество, готовиться къ отъѣзду и укладываться». Мать спросила его, откуда исходятъ эти предложенія? Онъ ей отвѣтилъ, что императрица въ величайшемъ гнѣвѣ на нее, что маркизъ де-ла-Шетарди арестованъ и высланъ изъ Москвы, и что въ его бумагахъ нашли улики противъ моей матери, которая тяжко оскорбила императрицу. Мать попросила Лестока доставить ей возможность объясниться съ императрицей, дабы прежде, чѣмъ уѣхать, она могла по крайней мѣрѣ узнать, въ чемъ ее обвиняютъ и въ чемъ она виновата. Это объясненіе состоялось; императрица и мать оставались вдвоемъ очень долго и вышли обѣ совсѣмъ красныя отъ этого разговора. Мать плакала, она думала, что успокоила императрицу; но послѣдняя не такъ-то легко забывала и никогда не возвращала матери своей привязанности; къ тому же было слишкомъ много людей и вещей, которые отдаляли ихъ одну отъ другой. Все, что я могла разобрать изъ разныхъ рѣчей, слышанныхъ мною по этому поводу, сводится къ тому приблизительно, что я сейчасъ скажу. До восшествія императрицы Елисаветы на престолъ маркизъ де-ла-Шетарди, въ то время посланникъ французскаго двора въ Россіи, столько же въ пику правительницѣ, сколько по склонности и расчету, былъ очень преданъ цесаревнѣ Елисаветѣ; онъ приходилъ къ ней очень часто, оставался у нея весьма подолгу, и только графъ Лестокъ, въ то время хирургъ цесаревны, былъ свидѣтелемъ ихъ бесѣдъ. Я знаю это черезъ Чоглокову, въ то время фрейлину цесаревны.

Маркизъ де-ла Шетарди, задушевный другъ Лестока, узналъ о переворотѣ, который готовили съ цѣлью возвести на престолъ цесаревну Елисавету; онъ даже ссудилъ Лестока нѣкоторой суммой денегъ, которая потомъ была ему возвращена; но Лестокъ скрылъ отъ него день и часъ, такъ какъ маркизъ де-ла-Шетарди поторопился раньше сказать, что онъ заставитъ шведовъ напасть на русское войско, которое считали преданнымъ правительницѣ, въ тотъ самый день, когда цесаревна Елисавета взойдетъ на престолъ, чтобы облегчить, какъ онъ говорилъ, ея восшествіе, ибо вовсе не разсчитывали, что это должно произойти такъ легко, какъ оно произошло въ дѣйствительности, и въ этомъ онъ, конечно, слѣдовалъ своимъ инструкціямъ: онъ замышлялъ смуту и старался ослабить силы Россіи, возбуждая ея враговъ напасть на войско, которое, такъ сказать, прикрывало столицу, въ ту минуту, когда, онъ надѣялся, вспыхнетъ гражданская война; но Богъ судилъ иначе, Лестокъ догадался скрыть часть своихъ распоряженій отъ маркиза де-ла-Шетарди. Такъ какъ этотъ посланникъ былъ уже отозванъ, то онъ уѣхалъ вскорѣ по восшествіи императрицы Елисаветы, осыпанный подарками. Французскій дворъ отослалъ его въ Россію какъ частнаго человѣка, съ вѣрительными грамотами въ карманѣ, заготовленными для него и какъ для посланника, и какъ для министра второго ранга, дабы предъявить ихъ, смотря по тому, когда онъ сочтетъ своевременнымъ и умѣстнымъ. Во время его отсутствія дѣла приняли значительно иной оборотъ. Императрица увидѣла, что интересы имперіи отличались отъ тѣхъ, какіе въ теченіе недолгаго времени имѣла цесаревна Елисавета. Де-ла-Шетарди нашелъ двери, которыя ему были открыты ранѣе, на этотъ разъ запертыми; онъ разобидѣлся и писалъ объ этомъ своему двору, не стѣсняясь ни относительно выраженій, ни относительно лицъ; онъ думалъ, что будетъ управлять императрицей и дѣлами, но ошибся; онъ писалъ языкомъ злымъ и язвительнымъ, онъ говорилъ въ этомъ духѣ и съ моей матерью,

съ которой онъ держалъ себя какъ старый знакомый; она смѣялась, сама острила и повѣряла ему тѣ поводы къ неудовольствiю, которые, какъ ей казалось, она имѣла; между ними шли эти пересуды, которые не передаются дальше, какъ это водится между порядочными людьми; де-ла-Шетарди обратилъ ихъ въ сюжеты для депешъ своему двору; его письма были перехвачены вице-канцлеромъ Бестужевымъ, шифръ разобранъ, все передано императрицѣ, де-ла-Шетарди арестованъ и отвезенъ за границу, а императрица доведена до страшнаго гнѣва противъ матери. Всѣмъ этимъ былъ доволенъ только графъ Бестужевъ, потому что ему удалось еще больше смѣшать карты. Тѣ, напротивъ, кто былъ заинтересованъ въ моемъ замужествѣ, настолько удачно поправили дѣла, что, какъ только дворъ вернулся въ Москву, начали говорить о моемъ обращенiи въ православiе и обрученiи. 28-е iюня было назначено для одного торжества, а 29-е, Петровъ день, для другого. Епископъ псковскiй составилъ мое исповѣданiе вѣры; онъ перевелъ его на нѣмецкiй языкъ; я учила наизусть русскiй текстъ, какъ попугай; я знала еще тогда лишь нѣсколько обыденныхъ выраженiй; однако съ нашего прiѣзда, т. е. съ февраля мѣсяца, Ададуровъ, нынѣ сенаторъ, обучалъ меня русскому языку. Но такъ какъ у псковскаго епископа, съ которымъ я твердила свое исповѣданiе вѣры, было украинское произношенiе, Ададуровъ же произносилъ слова, какъ всѣ говорятъ въ Россiи, то я часто подавала поводъ этимъ господамъ поправлять меня; одинъ хотѣлъ, чтобы я произносила на его образецъ, а другой—по-своему. Видя, что эти господа вовсе не были согласны между собою, я сказала это великому князю, который мнѣ посовѣтовалъ слушаться Ададурова, потому что иначе, сказалъ онъ, вы насмѣшите всѣхъ украинскимъ произношенiемъ; онъ заставилъ меня повторить мое исповѣданiе вѣры, я прочла его, сначала произнося по-украински, а затѣмъ по-русски. Онъ мнѣ посовѣтовалъ сохранить это послѣднее произношенiе, что я и сдѣлала, несмотря на псковскаго

епископа, который однако считалъ себя правымъ. Въ теченіе трехъ дней, которые предшествовали 28-му іюня, епископъ наложилъ на меня постъ; 28-го рано утромъ императрица послала за мною, какъ только встала съ постели, и пожелала, чтобы меня одѣли у нея въ комнатѣ. Никто не зналъ, кто займетъ мѣсто моей крестной матери; императрица не могла быть ею, потому что она исполняла эту обязанность при обращеніи великаго князя, а по правиламъ православной церкви тѣ, у кого были одни и тѣ же крестный отецъ или мать, не могли вступать въ бракъ между собой. Всѣ интриговали, чтобы стать воспріемницей: принцесса Гессенская этого желала; княгиня Черкасская, вдова великаго канцлера, еще болѣе; наконецъ многія, которыхъ было бы черезчуръ долго перечислять. Измайлова, фаворитка императрицы, сама мнѣ говорила, что она осмѣлилась въ этотъ самый день утромъ спросить у Ея Величества, не забыла ли она, что нужна крестная мать, и что она сама не могла занять это мѣсто, а императрица ей отвѣтила, что всему будетъ свое время и мѣсто. Она мнѣ сказала также, что всѣ наиболѣе знатныя дамы хлопотали, чтобы занять это мѣсто. Когда меня одѣли, я пошла къ исповѣди и, какъ только настало время итти въ церковь, императрица сама зашла за мною; она заказала мнѣ платье, похожее на свое, малиновое съ серебромъ, и мы прошли торжественнымъ шествіемъ въ церковь черезъ всѣ покои среди нескончаемой толпы. У входа мнѣ велѣли стать на колѣни на подушкѣ. Потомъ императрица приказала подождать съ обрядомъ, прошла черезъ церковь и направилась къ себѣ, оттуда черезъ четверть часа вернулась, ведя за руку игуменью Новодѣвичьяго монастыря, старуху по крайней мѣрѣ лѣтъ восьмидесяти, со славой подвижницы. Она поставила ее возлѣ меня на мѣсто крестной матери и обрядъ начался. Говорятъ, я прочла свое исповѣданіе вѣры какъ нельзя лучше, говорила громко и внятно, и произносила очень хорошо и правильно; послѣ того, какъ это было кончено, я видѣла, что многіе изъ присутствующихъ

заливались слезами и въ числѣ ихъ была императрица; что меня касается, я стойко выдержала, и меня за это похвалили. Въ концѣ обѣдни императрица подошла ко мнѣ и повела меня къ причастію. Императрица, по выходѣ изъ церкви и по возвращеніи въ ея покои, подарила мнѣ ожерелье и украшенія на грудь изъ брильянтовъ; въ тотъ же вечеръ весь дворъ переѣхалъ изъ Анненгофскаго дворца въ Кремль. На слѣдующее утро императрица прислала мнѣ портреты—свой и великаго князя—на браслетѣ, осыпанномъ брильянтами; великій князь также прислалъ мнѣ часы и великолѣпный вѣеръ. Послѣ того, какъ я была готова, мать повела меня къ императрицѣ, гдѣ мы нашли великаго князя. Е. И. В. вышла изъ своихъ покоевъ съ большой свитой и отправилась пѣшкомъ въ соборъ, гдѣ я была обручена великому князю архіепископомъ новгородскимъ, принявшимъ наканунѣ отъ меня исповѣданіе вѣры, и тамъ въ церкви тотчасъ послѣ обрученія я получила титулъ великой княгини съ наименованіемъ — Императорскаго Высочества. Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, тогда генералъ-прокуроръ Сената, получивъ отъ императрицы приказаніе написать Сенату указъ относительно этихъ двухъ титуловъ, которые императрица пожаловала мнѣ по старинному обычаю, спросилъ, надо ли къ нимъ прибавить слово наслѣдница, которое давало право на престолонаслѣдіе; императрица сказала, что нѣтъ; но онъ всю жизнь старался вмѣнить себѣ въ заслугу этотъ вопросъ въ глазахъ матери и моихъ; этотъ фактъ не безызвѣстенъ въ его семьѣ, но въ итогѣ, за исключеніемъ, конечно, этого вопроса, онъ не сдѣлалъ и не посмѣлъ сдѣлать ни шагу по этому поводу, и я всегда это принимала за то, что и было, т. е. за черту куртизана. Съ того дня я шла впереди матери; признаюсь, я этого избѣгала, насколько могла, и мнѣ стали цѣловать руку; многіе дѣлали то же и матери, но были иные, не дѣлавшіе этого, между прочимъ воздерживался отъ этого великій канцлеръ графъ Бестужевъ. Мать приписывала

это недоброжелательству съ его стороны и это увеличивало предубѣжденіе, которое ей внушили противъ него.

17 іюля 1744 г. императрица праздновала въ Москвѣ миръ со шведами, заключенный, кажется, за годъ передъ тѣмъ. Для этого она опять отправилась въ Кремль, откуда послѣ торжественнаго молебствія въ соборѣ она отправилась въ Грановитую палату или старинную аудіенцъ-залу, гдѣ раздала множество повышеній и наградъ. Вотъ тѣ, о которыхъ я помню; много другихъ я забыла. Фельдмаршалъ Ласси получилъ шпагу, осыпанную брильянтами; вице-канцлеръ графъ Бестужевъ былъ сдѣланъ великимъ канцлеромъ; камергеръ Воронцовъ—вице-канцлеромъ и графомъ; камеръ-юнкеры Гендриковъ, Скавронскій, Чоглоковъ — камергерами; графиня Румянцова и Нарышкина — статсъ-дамами; княжна Кантемиръ, дочь принцессы Гессенской—камеръ-фрейлиной; Брюммеръ, Лестокъ и Румянцовъ — графами; двое первыхъ возведены въ графское достоинство Карломъ VII, императоромъ Римскимъ, а послѣдній — императрицей. Мой дворъ былъ составленъ, и вотъ тѣ, которые находились при мнѣ: князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, въ настоящее время фельдмаршалъ, былъ сдѣланъ моимъ камергеромъ, вмѣстѣ съ графомъ Ефимовскимъ и графомъ Гендриковымъ младшимъ, а въ камеръ-юнкеры мнѣ дали графа Захара Григорьевича Чернышева, въ настоящее время генералъ-аншефъ и вице-президентъ военной коллегіи, Вильбуа, впослѣдствіи генералъ-фельдцейхмейстеръ, и графа Андрея Бестужева, сына великаго канцлера. Послѣ того, какъ этотъ миръ былъ торжественно отпразднованъ балами, маскарадами, фейерверками, иллюминаціями, операми и комедіями въ теченіе по крайней мѣрѣ восьми дней, императрица отправилась въ Кіевъ; великій князь и мы съ матерью выѣхали за нѣсколько дней до нея.

Во время этого путешествія возникла въ нашей свитѣ большая распря, и вотъ что дало къ ней поводъ. У великаго князя была своя карета, въ которой ему слѣдовало

быть съ его гувернеромъ, Брюммеромъ, оберъ-камергеромъ Бергхольцемъ и оберъ-егермейстеромъ Бредалемъ, все съ людьми, назначенными для его воспитанія. Я была въ своей каретѣ съ матерью, графиней Румянцовой и Каинъ, фрейлиной матери. Великій князь, скучавшій въ своей каретѣ съ педагогами, захотѣлъ поѣхать съ матерью и со мною, и приглашалъ четвертымъ кого-нибудь изъ кавалеровъ свиты. Большей частью это были либо князь Голицынъ, либо графъ Чернышевъ, мои кавалеры, которые были тогда такіе же живые и вѣтреные, какъ и мы. Матери, въ свою очередь, было скучно одной съ троими дѣтьми во время такого длиннаго путешествія и, чтобы всѣхъ удовлетворить, она выдумала взять одну изъ повозокъ, которыя были съ нашими постелями; она велѣла положить туда доски и подушки, такъ что на нихъ могли усѣсться отъ восьми до десяти человѣкъ. Когда эта повозка была готова, мы не хотѣли больше ее покидать и, кромѣ матери, великаго князя и меня, туда сажали только того, кто могъ всего больше насъ позабавить и развлечь, и съ утра до вечера мы то и дѣло смѣялись, играли и рѣзвились; но такъ какъ графиня Румянцова, Брюммеръ, Бергхольцъ и Каинъ никогда туда не допускались, то они очень разобидѣлись, порицая, критикуя и ворча изъ-за всего, что мы ни дѣлали. Они ѣхали всѣ четверо въ одной каретѣ, гдѣ, между тѣмъ какъ мы забавлялись, они взаимно поддерживали дурное расположеніе духа, разжигая другъ друга на нашъ счетъ. Наша повозка это знала, но ни во что не ставила. Мы миновали города: Серпуховъ, Тулу, Сѣвскъ, и въѣхали въ Украйну, гдѣ, миновавъ Глуховъ, Батуринъ, Нѣжинъ, мы прибыли въ Козелецъ [1]), въ которомъ графъ Разумовскій велѣлъ выстроить очень большой домъ. Тамъ мы ждали въ теченіе трехъ недѣль императрицу. На каждой станціи было по восьмисотъ лошадей; императрица тратила много времени

[1]) Въ подлинникѣ—Koselsk.

на остановки, а также шла пѣшкомъ и ѣздила очень часто на охоту. Наконецъ 15 августа она пріѣхала въ Козелецъ. Тамъ постоянно только и было, что музыка, балы да игра, которая заходила такъ далеко, что иногда на разныхъ игорныхъ столахъ валялось отъ сорока до пятидесяти тысячъ рублей. Пробывъ нѣсколько времени въ Козельцѣ, мы отправились въ Кіевъ. Императрица поѣхала впередъ; мы увидѣли ея ставку по сю сторону на берегу Днѣпра: городъ Кіевъ представляетъ удивительно красивую картину на другомъ берегу. 29 августа 1744 г. императрица переѣхала съ нами по мосту черезъ Днѣпръ и совершила свой въѣздъ въ Кіевъ. Здѣсь, какъ это было во всѣхъ городахъ, черезъ которые мы проѣзжали съ Москвы, духовенство вышло за городъ, и какъ только показывались хоругви, выходили изъ каретъ и во всѣ города вступали пѣшкомъ вслѣдъ за крестнымъ ходомъ. Императрица отправилась въ Печерскій монастырь и въ церковь, гдѣ находится чудотворная икона Божіей Матери, писанная, говорятъ, св. Лукою. Во всю свою жизнь я не была болѣе поражена, какъ при видѣ чрезвычайнаго великолѣпія этой церкви, въ которой всѣ образа покрыты золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями; церковь сама по себѣ просторна и той готической архитектуры, которая даетъ церквамъ гораздо болѣе величественный видъ, нежели тотъ, какой даютъ имъ теперь, когда слишкомъ большой свѣтъ и величина оконъ не отличаютъ ихъ ни въ чемъ отъ бальнаго зала или [зимняго] сада. На слѣдующій день приходился праздникъ ордена св. Александра Невскаго; его отпраздновали торжественнымъ богослуженіемъ, къ которому, вопреки тогдашнему обычаю, намъ велѣно было пойти въ придворныхъ платьяхъ, хотя въ Москвѣ императрица приказала намъ сказать, чтобы мы не брали съ собою парадныхъ платьевъ. Въ Кіевѣ мы встрѣтили графа Флемминга, котораго послалъ король Польскій къ императрицѣ, чтобы привѣтствовать ее съ прибытіемъ на границу этого королевства. 5 сентября, день

именинъ императрицы, былъ также отпразднованъ въ Кіевѣ съ большимъ парадомъ; впрочемъ, всѣ дни уходили на посѣщеніе церквей и монастырей или же на прогулки, т. е. императрица прогуливалась въ однихъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ великій князь и мы съ матерью въ другихъ. Императрица пожелала, чтобы ни я, ни великій князь не ходили въ пещеры; она находила тамъ воздухъ сырымъ и вреднымъ. Къ концу нашего пребыванія въ Кіевѣ императрица отправилась съ нами въ одинъ монастырь, гдѣ должны были дать представленіе. Это представленіе началось около семи часовъ вечера. Въ театръ нужно было итти черезъ церковь. Это представленіе содержало нѣсколько піесъ. Были прологи, балеты, комедія, въ которой Маркъ Аврелій велѣлъ повѣсить своего любимца, сраженіе, въ которомъ казаки били поляковъ, рыбная ловля на Днѣпрѣ и хоры безъ числа. У императрицы хватило терпѣнія до двухъ часовъ утра; потомъ она послала спросить, скоро ли кончится; ей просили передать, что не дошли еще до половины, но что, если Ея Величество прикажетъ, они перестанутъ тотчасъ. Она велѣла сказать имъ, чтобы перестали; они попросили тогда дозволенія зажечь фейерверкъ на сценѣ, которая была на открытомъ воздухѣ и противъ которой расположились императрица и весь дворъ въ большой палаткѣ, а позади нея стояли экипажи. Императрица разрѣшила имъ зажечь фейерверкъ, но что же случилось? Первыя ракеты, которыя были выпущены, полетѣли прямо въ палатку, на палатку и за палатку; лошади испугались; находившіеся въ палаткѣ не знали, куда дѣться, смятеніе стало полнымъ и могло имѣть опасныя послѣдствія; велѣли прекратить этотъ несчастный фейерверкъ и всѣ удалились не безъ того, чтобы порядкомъ напугаться, хотя я не слышала, чтобы кто-нибудь былъ раненъ. Немного дней спустя, императрица и весь дворъ направили свой путь обратно въ Москву. Проѣздомъ мы встрѣтили Леонтьеву, дочь графини Румянцовой, съ мужемъ; они были допущены къ намъ

въ карету; вмѣсто того, чтобы успокоить мать, это, даже по словамъ дочери, лишь пуще ее раздражило. Возвратившись въ Козелецъ, мы здѣсь опять пробыли нѣкоторое время; мать сдѣлала тутъ очень горячую сцену великому князю; хоть она и не имѣла тогда же послѣдствій, но оставила свой слѣдъ, и вотъ почему. Мать писала въ своей комнатѣ, когда онъ вошелъ; ея шкатулка съ драгоцѣнными вещами была рядомъ съ ней на стулѣ; обыкновенно она клала въ эту шкатулку все, что имѣла самаго важнаго, до писемъ включительно; онъ отличался тогда чрезвычайной живостью и, прыгая по комнатѣ, задѣлъ шкатулку, хотя мать и просила ее не трогать, и опрокинулъ ее на полъ; мать подумала въ первую минуту, что онъ сдѣлалъ это нарочно, онъ сталъ извиняться, но когда увидѣлъ, что его извиненія вовсе не были приняты, разсердился въ свою очередь. Я вошла въ комнату въ самый разгаръ этой сцены, и онъ сразу обратился ко мнѣ, чтобы разсказать мнѣ о своей невинности; видя себя такимъ образомъ между двухъ огней и не желая разсердить ни того, ни другую, я промолчала, но это молчаніе разсердило ихъ обоихъ и чуть не кончилось тѣмъ, что меня же было и выбранили. Мать подулась на меня немного; что касается великаго князя, то у меня нашлось средство его успокоить. Какъ только мы остались одни, безъ матери, онъ разсказалъ мнѣ, какъ это случилось, и передалъ это такъ простодушно, что я не могла сомнѣваться въ правдивости его передачи; я знала, кромѣ того, какъ вспыльчива была мать и въ особенности какъ рѣзки были первыя проявленія этой вспыльчивости, но у великаго князя и у матери осталось въ душѣ взаимное недовольство, которое съ тѣхъ поръ все росло. Когда мы вернулись въ Москву, осеннія и зимнія удовольствія были распредѣлены между операми, комедіями и маскарадами. Въ это время императрица нашла умѣстнымъ дать мнѣ трехъ фрейлинъ, и дежурство при мнѣ ея фрейлинъ прекратилось. Она выбрала для этого двухъ княженъ Гагариныхъ, княжну Настасью, которая умерла невѣстой князя Го-

лицына, въ настоящее время фельдмаршала, княжну Дарью, вышедшую за этого же самаго князя, и Кошелеву, съ которой случилось впослѣдствіи маленькое насчастіе. Я такъ любила тогда танцовать, что утромъ съ семи часовъ до девяти я танцовала подъ предлогомъ, что беру уроки балетныхъ танцевъ у Ландэ, который былъ всеобщимъ учителемъ танцевъ и при дворѣ и въ городѣ; потомъ въ четыре часа послѣ обѣда Ландэ опять возвращался, и я танцовала подъ предлогомъ репетицій до шести, затѣмъ я одѣвалась къ маскараду, гдѣ снова танцовала часть ночи. Каждый вторникъ былъ при дворѣ родъ маскарада, который не всѣмъ нравился, но который мнѣ въ мои 15 лѣтъ былъ очень по душѣ. Императрица постановила, чтобы на этихъ маскарадахъ, гдѣ присутствовали только лица, назначенныя ею, всѣ мужчины одѣвались женщинами и всѣ женщины мужчинами; правда, что нѣтъ ничего безобразнѣе и въ то же время забавнѣе, какъ множество мужчинъ столь нескладно наряженныхъ, и ничего болѣе жалкаго, какъ фигуры женщинъ, одѣтыхъ мужчинами; вполнѣ хороша была только сама императрица, къ которой мужское платье отлично шло; она была очень хороша въ этихъ костюмахъ. На этихъ маскарадахъ мужчины были вообще злы, какъ собаки, и женщины постоянно рисковали тѣмъ, что ихъ опрокинутъ эти чудовищные колоссы, которые очень неловко справлялись со своими громадными фижмами и непрестанно васъ задѣвали, ибо стоило только немного забыться, чтобы очутиться между ними, такъ какъ по обыкновенію дамъ тянуло невольно къ фижмамъ. Мнѣ случилось разъ на одномъ изъ такихъ баловъ упасть очень забавно. Сиверсъ, тогда камеръ-юнкеръ, былъ довольно большого роста, и надѣлъ фижмы, которыя дала ему императрица; онъ танцовалъ со мною полонезъ, а сзади насъ танцовала графиня Гендрикова: она была опрокинута фижмами Сиверса, когда тотъ на поворотѣ подавалъ мнѣ руку; падая, она такъ меня толкнула, что я упала прямо подъ фижмы Сиверса, поднявшіяся въ мою сторону; онъ запутался въ своемъ длинномъ платьѣ, которое такъ раскачалось, и вотъ

мы всѣ трое очутились на полу, и я именно у него подъ юбкой; меня душилъ смѣхъ, и я старалась встать, но пришлось насъ поднять; до того трудно было намъ справиться, когда мы запутались въ платьѣ Сиверса, такъ что ни одинъ не могъ встать, не роняя двухъ другихъ. Во время этихъ маскарадовъ замѣтили, что у старой графини Румянцовой начались частыя бесѣды съ императрицей и что послѣдняя была очень холодна съ матерью, и легко было догадаться, что Румянцова вооружала императрицу противъ матери и внушала ей ту злобу, которую сама питала съ поѣздки въ Украйну ко всей повозкѣ, о которой я говорила выше; если она не дѣлала этого раньше, такъ потому, что была слишкомъ занята крупной игрой, которая продолжалась до тѣхъ поръ и которую она бросала всегда послѣдней, но когда эта игра кончилась, ея злость не знала удержу. Такъ какъ я была безхитростна, то привязалась ко второй дочери графини Румянцовой, нынѣ графинѣ Брюсъ, которая была на два года моложе меня. Она спала очень часто по моей просьбѣ въ моей комнатѣ и на моей постели, и тогда всѣ ночи проходили въ томъ, что мы прыгали, танцовали, рѣзвились и засыпали очень часто только подъ утро: такъ велика была возня, которую мы поднимали. Ея мать знала это, но тѣмъ не менѣе я не избѣгла ни зубовъ, ни языка этой кумушки: одерживало верхъ желаніе сдѣлать себя необходимой. Однажды въ театрѣ графъ Лестокъ вошелъ въ нашу ложу; за минуту передъ тѣмъ мы видѣли, какъ онъ жестикулируя и оживленно говорилъ съ императрицей въ ея ложѣ; онъ сказалъ намъ, что государыня была очень разгнѣвана тѣмъ, что мы съ матерью имѣемъ долги; что она назначила для меня въ день моего обрученія сумму въ тридцать тысячъ рублей на мое содержаніе; что, будучи еще великой княжней, она никогда столько не имѣла и что, несмотря на это, какъ ей извѣстно, у меня уже были долги; она была очень раздосадована этимъ и, какъ онъ говорилъ, казалась очень разгнѣванной. Я извинялась, какъ только могла, и сказала ему, что я получила еще только пятнад-

цать тысячъ рублей за первые шесть мѣсяцевъ и то, что я была должна, будетъ уплачено въ концѣ года. Но онъ высказалъ мнѣ всѣ упреки, какіе императрица, очевидно, поручила ему передать; у меня тогда было долговъ отъ двѣнадцати до тринадцати тысячъ рублей, не болѣе. Дѣло въ томъ, что у меня не было бы ни гроша долговъ, если бъ я не дѣлала постоянно подарковъ матери, графинѣ Румянцовой, великому князю и множеству людей; я была тогда такъ щедра, что если кто хвалилъ мнѣ что-нибудь, то мнѣ казалось стыдно ему этого не подарить. Эти подарки не нравились императрицѣ и она была права, я могла бы безъ этого обойтись; но, взявъ однажды эту привычку, я уже не бросала ее до своего восшествія на престолъ; но я ее сокращала, смотря по обстоятельствамъ; эти подарки вытекали изъ твердаго принципа, изъ врожденной расточительности и презрѣнія къ богатству, на которое я никогда иначе не смотрѣла, какъ на средство доставлять себѣ то, что намъ нравится. Вотъ разсужденіе или, вѣрнѣе, заключеніе, которое я сдѣлала, какъ только увидала, что твердо основалась въ Россіи, и которое я никогда не теряла изъ виду ни на минуту:

1) нравиться великому князю,
2) нравиться императрицѣ,
3) нравиться народу.

Я хотѣла бы выполнить всѣ три пункта и, если это мнѣ не удалось, то либо [желанные] предметы не были расположены къ тому, чтобъ это было, или же Провидѣнію это не было угодно; ибо по истинѣ я ничѣмъ не пренебрегала, чтобы этого достичь: угодливость, покорность, уваженіе, желаніе нравиться, желаніе поступать какъ слѣдуетъ, искренняя привязанность, все съ моей стороны постоянно къ тому было употребляемо съ 1744 по 1761 г. Признаюсь, что, когда я теряла надежду на успѣхъ въ первомъ пунктѣ, я удваивала усилія, чтобы выполнить два послѣдніе; мнѣ казалось, что не разъ успѣвала я во второмъ, а третій удался мнѣ во всемъ своемъ объемѣ, безъ

всякаго ограниченія какимъ-либо временемъ и, слѣдовательно, я думаю, что довольно хорошо исполнила свою задачу. Остальное, что сейчасъ скажу, лучше пояснитъ то, что я уже сказала. Этотъ планъ въ концѣ концовъ сложился въ моей головѣ въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ, безъ чьего-либо участія, и самое бо̀льшее, что я могу сказать, такъ это то, что онъ былъ слѣдствіемъ моего воспитанія; но если я должна сказать искренно, что я думаю, то я смотрю на него, какъ на плодъ моего ума и моей души, и приписываю его лишь себѣ одной; я никогда не теряла его изъ виду; все, что я когда-либо дѣлала, всегда къ этому клонилось, и вся моя жизнь была изысканіемъ средствъ, какъ этого достигнуть.

Осенью великій князь захворалъ корью, что очень встревожило императрицу и всѣхъ. Эта болѣзнь значительно способствовала его тѣлесному росту; но умъ его былъ все еще очень ребяческій; онъ забавлялся въ своей комнатѣ тѣмъ, что обучалъ военному дѣлу своихъ камердинеровъ, лакеевъ, карловъ, кавалеровъ (кажется, и у меня былъ чинъ); упражнялъ ихъ и муштровалъ, но, насколько возможно, это дѣлалось безъ вѣдома его гувернеровъ, которые, правду сказать, съ одной стороны очень небрежно къ нему относились, а съ другой — обходились съ нимъ грубо и неумѣло и оставляли его очень часто въ рукахъ лакеевъ, особенно, когда не могли съ нимъ справиться; правда, было ли то слѣдствіемъ дурного воспитанія, или врожденной наклонности, но онъ былъ неукротимъ въ своихъ желаніяхъ и страстяхъ; мнѣ часто еще придется говорить о немъ, а потому я ничего къ этому не прибавлю, развѣ лишь то, что тогда я была повѣренной его ребячествъ, и что не мнѣ было его исправлять; я не мѣшала ему ни говорить, ни дѣйствовать. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1744 г. дворъ получилъ приказаніе готовиться къ поѣздкѣ въ Петербургъ. Великій князь и мы съ матерью опять поѣхали впередъ. На половинѣ дороги, прибывъ въ село Хотилово, великій князь захворалъ; онъ уже за два дня

передъ тѣмъ почувствовалъ нѣкоторое недомоганіе, которое приняли за разстройство желудка; въ этомъ мѣстѣ остановились на сутки. На слѣдующій день около полудня я вошла съ матерью въ комнату великаго князя и приблизилась къ его кровати; тогда доктора великаго князя отвели мать въ сторону, и минуту спустя она меня позвала, вывела изъ комнаты, велѣла запрячь лошадей въ карету и уѣхала со мною. Я просила ее сказать мнѣ, чѣмъ вызванъ этотъ отъѣздъ; она мнѣ тогда сказала, что у великаго князя оспа; у меня ея еще не было; она увезла меня и оставила графиню Румянцову и Каинъ при великомъ князѣ, чтобы за нимъ ходить, пока императрица, которая насъ опередила и къ которой послали курьера въ Петербургъ, распорядится этимъ иначе. Ночью послѣ нашего отъѣзда изъ Хотилова, мы встрѣтили императрицу, которая во весь духъ ѣхала изъ Петербурга къ великому князю. Она велѣла остановить свои сани на большой дорогѣ возлѣ нашихъ и спросила у матери, въ какомъ состояніи великій князь; та ей это сказала, и минуту спустя она поѣхала въ Хотилово, а мы въ Петербургъ. Императрица оставалась съ великимъ княземъ во все время его болѣзни и вернулась съ нимъ только по истеченіи шести недѣль. Какъ только мы съ матерью пріѣхали въ Петербургъ и какъ только мать увидала, что императрица распорядилась, чтобы у нея были отдѣльные отъ моихъ покои, она вообразила, что это дѣлалось, чтобы удалить ее отъ меня; но я думаю, это дѣлалось не съ такимъ намѣреніемъ, а затѣмъ, чтобы дать ей и мнѣ также покои наиболѣе пригодные для нашего помѣщенія, ибо въ концѣ концовъ между ея и моими покоями была всего одна столовая. Правда, что въ Москвѣ мать помѣщалась со мною въ одномъ и томъ же ряду комнатъ, и что я спала рядомъ съ ея комнатой, между тѣмъ какъ здѣсь у меня были совсѣмъ отдѣльные покои. Это распредѣленіе покоевъ огорчило и раздосадовало мать. Остальной дворъ прибылъ въ Петербургъ; [съ нимъ] иностранные министры и между

прочимъ графъ Геннингсъ [1])-Адольфъ Гюлленборгъ, котораго мы знали въ Гамбургѣ и который пріѣзжалъ въ Москву отъ шведскаго двора, чтобъ увѣдомить русскій дворъ о свадьбѣ наслѣднаго принца Шведскаго съ принцессой Прусской Луизой-Ульрикой. Всѣ эти люди приходили ежедневно утромъ и вечеромъ къ намъ. Дамы тогда были заняты только нарядами, и роскошь была доведена до того, что мѣняли туалетъ по крайней мѣрѣ два раза въ день; императрица сама чрезвычайно любила наряды и почти никогда не надѣвала два раза одного и того же платья, но мѣняла ихъ нѣсколько разъ въ день; вотъ съ этимъ примѣромъ всѣ и сообразовывались: игра и туалетъ наполняли день. Я, ставившая себѣ за правило нравиться людямъ, съ какими мнѣ приходилось жить, усваивала ихъ образъ дѣйствій, ихъ манеру; я хотѣла быть русской, чтобы русскіе меня любили; мнѣ было 15 лѣтъ, наряды не могутъ не нравиться въ этомъ возрастѣ. Графъ Гюлленборгъ, видя, что я съ головой окунулась во всѣ причуды двора, и замѣтивъ во мнѣ, вѣроятно, больше благоразумія въ Гамбургѣ, чѣмъ онъ усматривалъ, какъ ему думалось, въ Петербургѣ, сказалъ мнѣ однажды, что онъ удивляется поразительной перемѣнѣ, которую онъ находитъ во мнѣ: «Какимъ образомъ», сказалъ онъ, «ваша душа, которая была сильной и мощной въ Гамбургѣ, поддается разслабляющему вліянію двора, полнаго роскоши и удовольствія? Вы думаете только о нарядахъ; обратитесь снова къ врожденному складу вашего ума; вашъ геній рожденъ для великихъ подвиговъ, а вы пускаетесь во всѣ эти ребячества. Готовъ держать пари, что у васъ не было и книги въ рукахъ съ тѣхъ поръ, какъ вы въ Россіи». Онъ довольно вѣрно отгадалъ, но и въ Германіи-то я читала почти лишь то, что меня заставляли. Тогда я его спросила, какую книгу совѣтуетъ онъ мнѣ читать; онъ мнѣ рекомендовалъ три: во-первыхъ, «Жизнь знаменитыхъ му-

[1]) Въ подлинникѣ—Henning.

жей» Плутарха, во-вторыхъ, «Жизнь Цицерона», въ-третьихъ, «Причины величія и упадка Римской республики» Монтескье. Я ему обѣщала прочесть ихъ и дѣйствительно велѣла ихъ отыскать; я нашла на нѣмецкомъ языкѣ — «Жизнь Цицерона», изъ которой прочла пару страницъ; потомъ мнѣ принесли «Причины величія и упадка Римской республики»: я начала читать, эта книга заставила меня задуматься; но я не могла читать послѣдовательно, это заставило меня зѣвать, но я сказала: вотъ хорошая книга, и бросила ее, чтобы вернуться къ нарядамъ, а «Жизнь знаменитыхъ мужей» Плутарха я не могла найти; я прочла ее лишь два года спустя. Второй разговоръ съ графомъ Гюлленборгомъ, который, казалось, все боялся, чтобы мой умъ не измельчалъ отъ пустяковъ, которые меня окружали, привелъ къ тому, что я обѣщала графу составить письменное начертаніе своего ума и характера, которыхъ, какъ я утверждала, онъ не зналъ. Онъ принялъ это предложеніе, и на слѣдующій день въ теченіе дня я набросала сочиненіе, которое озаглавила: Набросокъ начерно характера философа въ пятнадцать лѣтъ — титулъ, который графу Гюлленборгу угодно было мнѣ дать. Я нашла снова эту бумагу въ 1757 г.; признаюсь, я была поражена, что въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ я уже обладала такимъ большимъ знаніемъ всѣхъ изгибовъ и тайниковъ моей души; я увидѣла, что сочиненіе это было глубоко обдумано и что въ 1757 г. я ни одного слова не нашла прибавить къ нему и что черезъ тринадцать лѣтъ я также въ себѣ самой ничего не открыла, чего бы я уже не знала въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Я дала эту бумагу, которая къ моему великому сожалѣнію была сожжена впослѣдствіи, графу Гюлленборгу: онъ продержалъ ее нѣсколько дней и возвратилъ, сопроводивъ запиской, въ которой представлялъ мнѣ всѣ опасности, какимъ я подвергалась въ виду моего характера. Я ему отдала его записку и послѣ продолжительнаго разговора у него вырвалось: «Какъ жаль, что вы выходите замужъ».

Я хотѣла узнать, что онъ хотѣлъ этимъ сказать; но онъ не захотѣлъ мнѣ этого сказать. Я должна прибавить, что во всѣхъ этихъ разговорахъ, которые обыкновенно велись въ комнатѣ моей матери, онъ употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы укрѣпить мою душу во всѣхъ принципахъ добродѣтели, нравственности и политики. Признаюсь, чѣмъ болѣе онъ мнѣ говорилъ въ этомъ тонѣ, тѣмъ болѣе я чувствовала къ нему довѣрія, я называла его своимъ другомъ, который говоритъ мнѣ правду, и на всю свою жизнь я сохранила къ нему большую дружбу и благодарность. Ему я, конечно, обязана тѣмъ, что онъ укрѣпилъ мою душу и предупредилъ меня насчетъ тысячи опасностей, которыя душѣ этой приходилось испытать со стороны двора, гдѣ образъ мыслей былъ подлый и развратный.

Въ отсутствіе императрицы, оставаясь въ Петербургѣ одна только съ матерью, я выказывала ей наибольшее уваженіе и наибольшее вниманіе, какое только могла. Она была очень близка съ принцемъ и принцессой Гессенскими, ея дочерью, княгиней Кантемиръ, и Бецкимъ; признаюсь, я знала, что эта столь близкая связь не нравится императрицѣ, и, хотя я оказывала имъ всякаго рода вѣжливость, я держалась немного въ сторонѣ отъ этого слишкомъ интимнаго круга. Мать не была мнѣ за это признательна; она находила въ этомъ больше политики, чѣмъ довѣрія къ ней, и это вело къ тому, что она не спускала мнѣ никакой малости и находила, что все, что я дѣлаю для нея, было моимъ долгомъ, и если ей казалось, что недоставало малѣйшаго пустяка въ томъ, что я дѣлала, это вмѣнялось мнѣ въ нарушеніе долга. Мое положеніе по отношенію къ ней становилось все щекотливѣе со дня на день, тѣмъ болѣе, что мать на это очень обижалась, и это неудовольствіе часто замѣчалось людьми, которые насъ окружали. Я должна сказать, что старалась выражать ей полное почтеніе, какое только могла придумать, и со всѣми поступала осторожно, ни въ чемъ не подавая вида и

не говоря ни единой душѣ, что таковъ былъ мой планъ, хотя я и поступала по принципу. Въ февралѣ мѣсяцѣ императрица и великій князь вернулись изъ Хотилова. Я испугалась, когда увидѣла этого князя; онъ такъ былъ обезображенъ слѣдами оспы, что былъ неузнаваемъ; онъ очень выросъ, но сразу я увидѣла, что онъ былъ такимъ же ребенкомъ, какимъ я его оставила. Вскорѣ по его возвращеніи императрица нашла нужнымъ дать мнѣ вдругъ восемь русскихъ горничныхъ; была только одна между ними, которая знала по-нѣмецки, да моя, которую я привезла; благодаря этому я очень скоро сдѣлала быстрые успѣхи въ русскомъ языкѣ. Такъ какъ всѣ эти женщины были очень живыя, молодыя дѣвушки, то мы по вечерамъ, когда я удалялась къ себѣ, поднимали страшную возню; жмурки были любимой игрой всей этой компаніи. Я училась тогда играть на клавесинѣ у Арайи, регента итальянской капеллы императрицы; это значитъ, что когда Арайя приходилъ, онъ игралъ, а я прыгала по комнатѣ: вечеромъ крышка моего клавесина становилась намъ очень полезной, потому что мы клали матрацы на спинки дивановъ, и на эти матрацы крышку клавесина, и это служило намъ горою, съ которой мы катались. Я думала, что установила отличный порядокъ у себя въ покояхъ, раздавъ по должности каждой изъ женщинъ, которыя мнѣ всѣ очень нравились, потому что онѣ были веселы и дѣлали, что я хотѣла: Марія Петровна Жукова, которая мнѣ больше всѣхъ нравилась, имѣла у себя подъ ключомъ мои брильянты; Шенкъ, которую я привезла, хранила бѣлье; Балкъ [1]) завѣдывала кружевами; старшая Скороходова—платьями, младшая—лентами; одна изъ карлицъ — пудрой и гребенками, другая — румянами, булавками и мушками; двѣ гардеробныя дѣвушки должны были имѣть попеченіе о мебели въ комнатѣ. Графиня Румянцова пошла и разсказала это императрицѣ; я получила

[1]) Въ подлинникѣ—Balior.

за это выговоръ, и отдано было приказаніе, чтобы все осталось на рукахъ у Шенкъ; не знаю, почему?

Съ весны 1745 года начались также приготовленія къ празднованію моей свадьбы. Я съ отвращеніемъ слышала, какъ упоминали этотъ день, и мнѣ не доставляли удовольствія, говоря о немъ. Во время первой недѣли Великаго поста, когда я готовилась къ говѣнью, я перенесла сильную тревогу. Однажды утромъ, около десяти часовъ я пошла къ матери и нашла ее безъ сознанія распростертой на матрацѣ на полу посреди комнаты, ея женщины бѣгали туда и сюда, графъ Лестокъ былъ возлѣ нея и казался сильно смущеннымъ. При входѣ, я вскрикнула и хотѣла узнать, что съ ней случилось; съ большимъ трудомъ я узнала, что она изъ предосторожности хотѣла пустить себѣ кровь, что когда хирургу не удалось сдѣлать кровопусканіе ни на одной рукѣ, онъ захотѣлъ сдѣлать это на ногѣ, но благодаря своей неловкости онъ не сдѣлалъ этого ни на той, ни на другой. Мать, боявшаяся, впрочемъ, кровопусканія, упала въ обморокъ и долго уже мучились, чтобы привести ее въ чувство. Я послала всюду за докторами и хирургами; наконецъ она очнулась, и они пріѣхали уже послѣ. Когда мать пришла въ себя, она приказала мнѣ итти въ свою комнату; тонъ и видъ, съ которыми она мнѣ это сказала, дали мнѣ понять, что она была сердита на меня; я сильно плакала и повиновалась ей послѣ того, какъ она повторила свое приказаніе. Я обратилась къ m-lle Каинъ, чтобы узнать причину гнѣва матери, которую напрасно старалась отгадать. Каинъ сказала мнѣ: «Я ничего объ этомъ не знаю, она и на меня сердится съ нѣкоторыхъ поръ». Я просила ее постараться узнать то, что меня касалось; она мнѣ обѣщала это и прибавила: «Люди, которые ее окружаютъ, слишкомъ много вбиваютъ ей въ голову противъ всѣхъ; ея связи не нравятся императрицѣ; я хотѣла сказать ей правду, но не смѣю больше къ этому возвращаться, мнѣ не довѣряютъ». Я старалась ухаживать за матерью, какъ только могла, и, казалось,

она смягчилась ко мнѣ, но больше ни ногой не бывала въ моей комнатѣ и разговаривала со мною только о вещахъ безразличныхъ. И то и другое не могло быть не замѣченнымъ. Мы очень мало видѣли императрицу, хотя каждый вечеръ около шести часовъ мы отправлялись такъ же, какъ въ Москвѣ, въ галлерею ея покоевъ; но, кромѣ воскресеній и праздниковъ, она не выходила изъ своихъ внутреннихъ аппартаментовъ и большею частью спала въ эти часы или считалось, что спитъ; ночь она проводила безъ сна съ тѣми, кто былъ допущенъ въ ея интимный кругъ, она ужинала иногда въ два часа по полуночи, ложилась послѣ восхода солнца, обѣдала около пяти или шести часовъ вечера и отдыхала послѣ обѣда часъ или два, между тѣмъ какъ насъ съ великимъ княземъ заставляли вести самый правильный образъ жизни: мы обѣдали ровно въ полдень и ужинали въ восемь часовъ и все было кончено въ десять. Великій князь иногда заходилъ ко мнѣ вечеромъ въ мои покои, но у него не было никакой охоты приходить туда: онъ предпочиталъ играть въ куклы у себя; между тѣмъ ему уже исполнилось тогда 17 лѣтъ, мнѣ было 16; онъ былъ на годъ и три мѣсяца старше меня. Однажды, когда въ покояхъ императрицы я бесѣдовала нѣкоторое время съ графомъ Петромъ Шуваловымъ, жена котораго была въ большой милости у императрицы, мать, вернувшись со мной къ себѣ въ покои, сдѣлала мнѣ сильный выговоръ за эту бесѣду, говоря, что я ласкаю ея заклятыхъ враговъ. Я старалась оправдаться и могу клятвенно подтвердить, что я не знала этого о графѣ Шуваловѣ и вовсе не знала всѣхъ каверзъ, какія были, и всего, что происходило. Съ наступленіемъ хорошей погоды мы переѣхали въ Лѣтній дворецъ; тамъ посѣщенія великаго князя стали еще рѣже; признаюсь, этотъ недостатокъ вниманія и эта холодность съ его стороны, такъ сказать, наканунѣ нашей свадьбы не располагали меня въ его пользу и, чѣмъ больше приближалось время, тѣмъ меньше я скрывала отъ себя, что, можетъ быть, всту-

паю въ очень неудачный бракъ; но я имѣла слишкомъ много гордости и слишкомъ возвышенную душу, чтобы жаловаться и чтобы даже давать людямъ поводъ догадываться, что я не считаю себя любимой; я слишкомъ цѣнила самое себя, чтобы думать, что меня презираютъ. Впрочемъ, великій князь позволялъ себѣ нѣкоторые вольные поступки и разговоры съ фрейлинами императрицы, что мнѣ не нравилось, но я отнюдь объ этомъ не говорила, и никто даже не замѣчалъ тѣхъ душевныхъ волненій, какія я испытывала; я старалась развлечься, рѣзвясь въ своей комнатѣ съ горничными. Съ наступленіемъ жаркой погоды дворъ поѣхалъ въ Петергофъ; тамъ я бѣгала цѣлый день по садамъ. Однажды вечеромъ, послѣ ужина, я взяла своихъ женщинъ и придворныхъ дамъ и прогуляла до часу по полуночи. Когда я вернулась, Шенкъ, остававшаяся дома, сказала мнѣ, что мать приходила въ мою комнату и что она меня искала. Я хотѣла сначала пройти къ ней, но мнѣ сказали, что она уже легла и заснула. На слѣдующее утро, какъ только я встала и она проснулась, я побѣжала къ ней; я нашла ее въ страшномъ гнѣвѣ противъ меня за то, что я такъ поздно загулялась. Она меня стала упрекать, какъ никогда, чего, по истинѣ, я не заслуживала; я просила ее выслушать меня, но въ своемъ гнѣвѣ она подозрѣвала гадости, на которыя я не была способна; я ей клялась всѣмъ, что только есть наиболѣе святого, что приходила въ ея комнату, дабы сказать ей, что иду гулять, но, видя, что она вышла (она ужинала у принца Гессенскаго на дачѣ), я взяла своихъ женщинъ всѣхъ вмѣстѣ, что мы гуляли по саду, что съ нами не было ни одного мужчины, даже камердинера. Все это была сущая правда; я просила ее разспросить всѣхъ тѣхъ, которыя участвовали, и увѣряла, что она увидитъ, что я не обманывала ее ни на іоту. Несмотря на все это, гнѣвъ матери былъ такъ великъ, что она даже не хотѣла дать мнѣ поцѣловать руку, въ чемъ никогда въ жизни она мнѣ не отказывала, кромѣ этого единственнаго случая. Я разсказала на слѣдующій день всю эту исторію великому

князю, который не усмотрѣлъ ничего дурного въ моемъ поступкѣ; да и, дѣйствительно, этого не было, но, можетъ быть, только самый часъ этой прогулки не нравился матери или, зная характеръ императрицы, очень снисходительной къ себѣ самой и болѣе чѣмъ строгой къ другимъ, она боялась, чтобы подобныя шалости не повредили мнѣ въ ея мнѣніи. Къ Петрову дню весь дворъ вернулся изъ Петергофа въ городъ. Помню, наканунѣ этого праздника мнѣ вздумалось уложить всѣхъ своихъ дамъ и также горничныхъ въ своей спальнѣ. Для этого я велѣла постлать на полу свою постель и постели всей компаніи и вотъ такимъ образомъ мы провели ночь; но прежде, чѣмъ намъ заснуть, поднялся въ нашей компаніи великій споръ о разницѣ обоихъ половъ. Думаю, большинство изъ насъ было въ величайшемъ невѣдѣніи; что меня касается, то могу поклясться, что хотя мнѣ уже исполнилось 16 лѣтъ, но я совершенно не знала, въ чемъ состояла эта разница; я сдѣлала больше того, я обѣщала моимъ женщинамъ спросить объ этомъ на слѣдующій день у матери; мнѣ не перечили и всѣ заснули. На слѣдующій день я, дѣйствительно, задала матери нѣсколько вопросовъ, и она меня выбранила. Немного ранѣе у меня появилась другая прихоть. Я велѣла подрѣзать себѣ челку, хотѣла ее завивать и потребовала, чтобы вся эта бабья орава сдѣлала то же; многія воспротивились, другія плакали, говоря, что будутъ имѣть видъ хохлатыхъ птицъ, но наконецъ мнѣ удалось заставить ихъ завить челки.

Наконецъ всѣ приготовленія къ моей свадьбѣ были близки къ окончанію и день свадьбы былъ назначенъ на 21 августа текущаго 1745 года. Императрица хотѣла, чтобы передъ этимъ торжествомъ мы съ великимъ княземъ говѣли во время Успенскаго поста; поэтому мы отправились 15 августа причащаться съ императрицей въ церковь Казанской Божіей Матери. Нѣсколько дней спустя мы послѣдовали пѣшкомъ за императрицей въ Александро-Невскую лавру, гдѣ послѣ всенощной весь дворъ ужиналъ.

Чѣмъ больше приближался день моей свадьбы, тѣмъ я становилась печальнѣе и очень часто я, бывало, плакала, сама не зная, почему; я скрывала, однако, насколько могла, эти слезы, но мои женщины, которыми я всегда была окружена, не могли не замѣтить этого и старались меня разсѣять.

Когда наступилъ канунъ 21 августа, мы переѣхали изъ Лѣтняго дворца въ Зимній. До тѣхъ поръ я занимала въ саду Лѣтняго дворца каменное зданіе, которое выходитъ на Фонтанку за павильономъ Петра Великаго. Вечеромъ мать пришла ко мнѣ и имѣла со мною очень длинный и дружескій разговоръ: она мнѣ много проповѣдывала о моихъ будущихъ обязанностяхъ; мы немного поплакали и разстались очень нѣжно. Въ день церемоніи съ шести часовъ утра я встала; въ восемь часовъ императрица велѣла мнѣ сказать, чтобы я пришла въ ея покои одѣваться. Я нашла туалетъ приготовленнымъ въ ея парадной опочивальнѣ, и ея дворцовыя дамы находились уже тамъ. Стали меня причесывать; мой камердинеръ Тимофей Евреиновъ[1]) завивалъ мнѣ челку, когда вошла императрица; я встала, чтобы поцѣловать ей руку; едва она меня поцѣловала, какъ принялась бранить моего камердинера и запретила ему завивать мнѣ челку; она хотѣла, чтобы челка была плоская, подъ предлогомъ, что при завитой челкѣ драгоцѣнныя украшенія не будутъ держаться на головѣ, послѣ чего ушла; но человѣкъ мой, который былъ упрямъ, не захотѣлъ отказаться отъ своей завитой челки; онъ убѣдилъ графиню Румянцову, которая покровительствовала завивкѣ и не любила зализанныхъ волосъ, поговорить съ императрицей въ пользу завитой челки. Послѣ того какъ графиня три или четыре раза ходила взадъ и впередъ отъ императрицы къ моему камердинеру и обратно, между тѣмъ какъ я была спокойнымъ зрителемъ происходившаго, императрица велѣла ему не безъ гнѣва сказать,

---

[1]) Въ подлинникѣ—Ievrenef.

чтобы онъ дѣлалъ, какъ знаетъ. Когда я была причесана, императрица пришла надѣть мнѣ на голову великокняжескую корону и потомъ она велѣла мнѣ самой надѣть столько драгоцѣнностей изъ ея и моихъ, сколько хочу. Она вышла, и придворныя дамы продолжали одѣвать меня въ присутствіи матери: мое платье было изъ серебристаго глазета, расшитаго серебромъ по всѣмъ швамъ, и страшной тяжести. Къ двѣнадцати часамъ пришелъ великій князь въ комнату рядомъ съ той, въ которой я находилась. Около трехъ часовъ императрица въ каретѣ, съ великимъ княземъ и со мною, повезла насъ торжественнымъ шествіемъ въ церковь Казанской Божіей Матери, гдѣ мы были обвѣнчаны новогородскимъ епископомъ. Принцъ епископъ Любекскій держалъ вѣнецъ надъ головою великаго князя, а оберъ-егермейстеръ графъ Алексѣй Разумовскій—надъ моей. Онъ и во время моей коронаціи также несъ мою корону. Во время проповѣди, предшествовавшей нашему вѣнчанію, графиня Авдотья Ивановна Чернышева, мать графовъ Петра, Захара и Ивана, которая стояла позади насъ съ другими придворными дамами одного съ ней положенія, подошла къ великому князю и сказала ему что-то на ухо; я услышала, какъ онъ ей сказалъ: «убирайтесь, какой вздоръ», и послѣ этого онъ подошелъ ко мнѣ и разсказалъ, что она его просила не поворачивать головы, пока онъ будетъ стоять передъ священникомъ, потому что тотъ, кто первый изъ насъ двоихъ повернетъ голову, умретъ первый, и что она не хочетъ, чтобы это былъ онъ. Я нашла этотъ комплиментъ не особенно вѣжливымъ въ день свадьбы, но не подала и виду; но она замѣтила, что онъ мнѣ передалъ ея слова. Она покраснѣла и стала дѣлать ему упреки, которые онъ опять мнѣ пересказалъ. Потомъ вернулись въ Зимній дворецъ; около шести часовъ сѣли обѣдать въ галлереѣ, гдѣ для этого былъ поставленъ балдахинъ; императрица, имѣя великаго князя по правую руку и меня по лѣвую, была подъ этимъ балдахиномъ; ступенькой ниже, рядомъ съ великимъ княземъ, сидѣла моя мать, а рядомъ

со мною противъ матери мой дядя, принцъ епископъ Любекскій, который былъ тогда въ Петербургѣ. Послѣ ужина императрица вернулась въ свои покои, чтобы дать необходимое время унести изъ галлереи столъ и приготовить ее къ балу. По выходѣ изъ-за стола, такъ какъ тяжесть короны и драгоцѣнныхъ украшеній заставляла меня опасаться головной боли, я просила графиню Румянцову снять мнѣ на минуту эту корону. Я не знала, что въ этомъ можетъ встрѣтиться какое-нибудь затрудненіе, но графиня сказала мнѣ, что не смѣетъ и боится, какъ бы съ этимъ не было связано какое-нибудь дурное предзнаменованіе; но, видя, что я страдаю, она поддалась моимъ просьбамъ пойти поговорить съ императрицей, которая согласилась на это не безъ труда; но наконецъ мнѣ сняли эту корону на время, пока все не было готово къ балу, и тогда мнѣ ее снова надѣли. На этомъ балу танцовали только полонезы, онъ продолжался не болѣе часа, послѣ чего императрица повела насъ съ великимъ княземъ въ наши покои; дамы меня раздѣли и уложили между девятью и десятью часами. Я просила принцессу Гессенскую побыть со мной еще немного, но она не могла согласиться. Всѣ удалились, и я оставалась одна больше двухъ часовъ, не зная, что мнѣ слѣдовало дѣлать: нужно ли было встать? или слѣдовало оставаться въ постели? Я ничего на этотъ счетъ не знаю. Наконецъ Крузе, моя новая камеръ-фрау, вошла и сказала мнѣ очень весело, что великій князь ждетъ своего ужина, который скоро подадутъ. Его Императорское Высочество, хорошо поужинавъ, пришелъ спать, и когда онъ легъ, онъ завелъ со мной разговоръ о томъ, какое удовольствіе испыталъ бы одинъ изъ его камердинеровъ, если бы увидалъ насъ вдвоемъ въ постели; послѣ этого онъ заснулъ и проспалъ очень спокойно до слѣдующаго дня. Простыни изъ каммердука, на которыхъ я лежала, показались мнѣ лѣтомъ столь неудобны, что я очень плохо спала, тѣмъ болѣе, что, когда разсвѣло, дневной свѣтъ мнѣ показался очень непріятнымъ въ постели

безъ занавѣсокъ, поставленной противъ оконъ, хотя и убранной съ большимъ великолѣпіемъ розовымъ бархатомъ, вышитымъ серебромъ. Крузе захотѣла на слѣдующій день разспросить новобрачныхъ, но ея надежды оказались тщетными; и въ этомъ положеніи дѣло оставалось въ теченіе девяти лѣтъ безъ малѣйшаго измѣненія.

37./

Seconde Partie

Le lendemain des noces nous allâmes après avoir reçu les compliments de félicitations ~~de tout le monde~~ au Palais d'hiver, diner chez l'Impératrice au Palais d'été; elle m'avait apporté le matin un coffre entier tout couvert d'une garniture superbe d'émeraudes, et elle en avait envoyé une de saphirs au Grand Duc pour me la donner, le soir il y eut bal au palais d'hiver; deux jours delà l'Impératrice vint diner chez nous au palais d'hiver, les réjouissances des noces durèrent dix jours, il y avait entre autres une mascarade en quadrille.+ Le premier quadrille était celle du Grand Duc en Domino couleur de rose et argent la seconde en Domino blanc et or c'était la mienne la troisième celle de ma mère en Domino bleu mourant et argent la quatrième en jaune et argent c'était celle de mon Oncle le Prince Evêque de Lubeck. A l'entrée de la salle nous trouvâmes un ordre pour chaque quadrille de ne point se mêler, mais que

+ A Monsieur le Baron Alexandre Tcherkassof du [illegible] duquel je suis engagée en tomans de tirer tous les jours au moins un éclat de rire ou bien aussi de disputer avec lui depuis le matin jusqu'au soir, parceque ces deux plaisirs sont équivalents chez lui, et que j'aime à faire plaisir à mes Amis.

+ de Domino de differentes couleurs chaqu'une composée de douze paires

ЗАПИСКИ,

продолженныя въ 1791 году.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Барону Александру Черкасову, изъ тѣла котораго я честью обязалась извлекать ежедневно по крайней мѣрѣ одинъ взрывъ смѣха, или же спорить съ нимъ съ утра до вечера, потому что эти два удовольствія для него равносильны, я же люблю доставлять удовольствія своимъ друзьямъ.

На другой день послѣ свадьбы, принявъ ото всѣхъ поздравленія въ Зимнемъ дворцѣ, мы поѣхали обѣдать къ императрицѣ въ Лѣтній дворецъ. Поутру она мнѣ привезла цѣлую подушку, сплошь покрытую чуднымъ изумруднымъ уборомъ и послала сапфировый уборъ великому князю для подарка мнѣ; вечеромъ былъ балъ въ Зимнемъ дворцѣ; два дня спустя императрица отобѣдала у насъ въ Зимнемъ дворцѣ. Свадебныя празднества длились десять дней; между прочимъ былъ маскарадъ съ кадрилями въ разноцвѣтныхъ домино, каждая состояла изъ двѣнадцати паръ. Первая кадриль была великаго князя въ розовомъ съ серебромъ; вторая въ бѣломъ съ золотомъ была моя, третья моей матери, въ блѣдно-голубомъ съ серебромъ; четвертая, въ жел-

томъ съ серебромъ, моего дяди, принца епископа Любекскаго. У входа въ залу мы нашли приказаніе каждой кадрили не смѣшиваться между собою, но каждой танцовать въ томъ углу залы, который ей былъ предназначенъ; моя кадриль очень затруднялась исполнить это приказаніе, потому что, когда захотѣли открыть балъ, не было ни одного танцующаго кавалера: все это были люди отъ шестидесяти до девяноста лѣтъ, во главѣ которыхъ находился фельдмаршалъ Ласси, бывшій со мной въ парѣ. Я чуть не плакала изъ-за этого приключенія, но, къ счастью, я встрѣтила гофмаршала, которому привела такіе сильные доводы, что онъ получилъ отмѣну приказанія и разрѣшеніе кадрилямъ смѣшиваться; тѣмъ не менѣе во всей жизни не видала я болѣе грустнаго и безвкуснаго удовольствія, какъ эти кадрили: было только сорокъ восемь паръ, по большей части хромые, или подагрики, или разслабленные, въ громадной залѣ,а всѣ остальные были зрители, въ обыкновенномъ платьѣ, не смѣвшіе вмѣшиваться въ кадриль; но императрица нашла это настолько красивымъ, что велѣла повторить кадриль еще разъ. Послѣ бала кадрили ужинали; у меня были почти слезы на глазахъ. Во время этихъ празднествъ императрица послала сказать графинѣ Румянцовой, которая оставалась при мнѣ съ начала моей болѣзни, что она можетъ возвратиться жить къ своему мужу; не было при дворѣ ни мала, ни велика, кого бы это не порадовало. По окончаніи этихъ празднествъ начали говорить объ отъѣздѣ матери. Со свадьбы мое самое большое удовольствіе было быть съ нею, я старательно искала случаевъ къ этому, тѣмъ болѣе, что мой домашній уголокъ далеко не былъ пріятенъ. У великаго князя все были какія-то ребячества; онъ вѣчно игралъ въ военныя дѣйствія, окруженный прислугой и любя только ее; у себя не имѣла я больше свободы рѣзвиться съ моими дѣвушками; Крузе внушала имъ смертельный страхъ; она запрещала имъ почти что разговаривать со мной. Я очень бы любила своего новаго супруга, если бы только онъ захотѣлъ или могъ быть лю-

безнымъ; но у меня явилась жестокая для него мысль въ самые первые дни моего замужества. Я сказала себѣ: если ты полюбишь этого человѣка, ты будешь несчастнѣйшимъ созданіемъ на землѣ; по характеру, каковъ у тебя, ты пожелаешь взаимности; этотъ человѣкъ на тебя почти не смотритъ, онъ говоритъ только о куклахъ или почти что такъ и обращаетъ больше вниманія на всякую другую женщину, чѣмъ на тебя; ты слишкомъ горда, чтобы поднять шумъ изъ-за этого, слѣдовательно обуздывай себя, пожалуйста, насчетъ нѣжностей къ этому господину; думайте о самой себѣ, сударыня. Этотъ первый отпечатокъ, оттиснутый на сердцѣ изъ воска, остался у меня, и эта мысль никогда не выходила изъ головы; но я остерегалась проронить слово о твердомъ рѣшеніи, въ которомъ я пребывала — никогда не любить безгранично того, кто не отплатитъ мнѣ полной взаимностью; но по закалу, какой имѣло мое сердце, оно принадлежало бы всецѣло и безъ оговорокъ мужу, который любилъ бы только меня и съ которымъ я не опасалась бы обидъ, какимъ подвергалась съ даннымъ супругомъ; я всегда смотрѣла на ревность, сомнѣніе и недовѣріе и на все, что изъ нихъ слѣдуетъ, какъ на величайшее несчастіе, и была всегда убѣждена, что отъ мужа зависитъ быть любимымъ своей женой, если у последней доброе сердце и мягкій нравъ; услужливость и хорошее обращеніе мужа покорятъ ея сердце. Когда я не могла видѣть матери, къ посѣщенію которой, кстати, великій князь выказывалъ большое отвращеніе, я въ своей комнатѣ вооружилась книгою. Первая, попавшаяся мнѣ подъ руку, и первая также, которую я прочла по своей волѣ отъ начала до конца, была «Tiran le blanc»: мнѣ очень нравилась принцесса, у которой кожа была такъ тонка, что, когда она пила красное вино, видно было, какъ оно течетъ у нея въ горлѣ. Мать приходила иногда провести у меня вечеръ, и тогда я бы многое дала, чтобъ имѣть возможность уѣхать съ нею изъ Россіи. Я забыла сказать, что къ пятому сентября, ко дню именинъ императрицы,

она уѣхала въ Гостилицы, въ имѣніе, принадлежавшее графу Алексѣю Разумовскому, а насъ, великаго князя и мать, отправила въ Царское Село. Мы тамъ провели нѣсколько дней не безъ великаго шума и недоразумѣній; молодые люди хотѣли танцовать, прыгать и играть въ различныя дѣтскія игры; старшіе это осуждали. Мать приняла рѣшеніе не выходить изъ своей комнаты; я разрывалась на двое: то ходила къ ней, то оставалась съ шалунами. Тамъ же мать, въ разговорѣ, показала мнѣ, что ей извѣстно было расположеніе ко мнѣ ея брата, принца Георга-Людвига; но такъ какъ она лишь вскользь коснулась этого, я отгадала больше, чѣмъ она сказала. По возвращеніи изъ этой маленькой поѣздки стали болѣе опредѣленно говорить объ отъѣздѣ моей матери. Императрица прислала ей шестьдесятъ тысячъ рублей для уплаты ея долговъ, но оказалось, что у моей матери ихъ было на семьдесятъ тысячъ болѣе, чѣмъ прислала ей императрица. Чтобы вывести мать изъ затрудненія, я взяла на себя эти долги, сдѣланные въ Россіи, что и положило основаніе долгамъ, сдѣланнымъ мною при жизни императрицы и возросшимъ къ ея смерти до шести сотъ пятидесяти семи тысячъ рублей, страшная сумма, которую я выплатила по четвертямъ лишь по восшествіи своемъ на престолъ. Часто я объ этомъ сильно сожалѣла, находясь въ невозможности уплатить ихъ при тридцати тысячахъ дохода и будучи приведена въ послѣдніе дни царствованія покойной императрицы къ печальной крайности не имѣть болѣе кредита даже на то, чтобы сшить себѣ платье къ Рождеству—день смерти императрицы, событіе, котораго нельзя было предвидѣть. Единственнымъ средствомъ могли бы послужить мои брильянты, стоившіе много выше этой суммы, но я никогда не посмѣла бы ихъ продать или заложить. Но говорить здѣсь объ этомъ болѣе значитъ слишкомъ забѣгать впередъ. Возвращаюсь къ покинутой мной нити. Мать уѣхала задаренная, какъ и вся ея свита. Мы съ великимъ княземъ проводили ее до Краснаго Села, я много плакала и, чтобы

не усиливать моихъ слезъ, мать уѣхала, не простившись со мной. За нѣсколько дней до отъѣзда у матери былъ длинный разговоръ съ императрицей; Богъ вѣсть, о чемъ онѣ между собой говорили; я ничего не узнала, кромѣ того, что получила разрѣшеніе императрицы посѣщать ея уборную, т. е. сидѣть, сколько мнѣ будетъ угодно, утромъ около полудня или вечеромъ въ пять-шесть часовъ съ ея горничными, такъ какъ Ея Величество не всегда выходила въ эту комнату; все же это разрѣшеніе было своего рода милостью, но она была непродолжительна, какъ будетъ видно впослѣдствіи. Мы возвратились въ Петербургъ. Придя къ себѣ въ комнату, я не нашла тамъ Маріи Петровны Жуковой, къ которой я особенно привязалась. Я спросила, гдѣ она; остальныя мои женщины, у которыхъ, я замѣтила, былъ очень удрученный и убитый видъ, сказали мнѣ, что мать Жуковой внезапно заболѣла и прислала за дочерью въ то время, какъ она обѣдала со своими товарками. Въ тотъ вечеръ я не обратила на это большого вниманія; на слѣдующій день я еще освѣдомилась о ней; мнѣ отвѣтили, что она дома не ночевала. Я нашла въ этомъ нѣчто загадочное; у моихъ женщинъ были на глазахъ слезы. Я нашла способъ поразспросить частнымъ образомъ m-lle Балкъ,[1]) которая впослѣдствіи была замужемъ за поэтомъ Сумароковымъ; она умоляла меня не выдавать ее—я обѣщала, и тогда она мнѣ разсказала, что когда онѣ всѣ вмѣстѣ обѣдали, вошли въ комнату сержантъ гвардіи и кабинетскій курьеръ и сказали Жуковой, что мать ея заболѣла, что нужно къ ней ѣхать; она встала, поблѣднѣвъ, и, пока она садилась въ коляску съ однимъ изъ посланныхъ, другой приказалъ ея горничной собрать вещи ея хозяйки; шептались о томъ, что она сослана, что имъ запрещено было говорить мнѣ объ этомъ, что никто не зналъ причины этого, но подозрѣвали, что это потому, что я къ ней была привязана и ее отличала. Я

[1]) Въ подлинникѣ—Balior.

была очень изумлена и очень опечалена всѣмъ этимъ; мнѣ было очень жалостно видѣть человѣка несчастнымъ единственно потому, что я къ нему была расположена; отъѣздъ матери, которымъ я была очень опечалена, помогъ мнѣ скрыть это второе горе. Я никому ни слова не сказала; я боялась сдѣлать несчастной и Балкъ[1]); все же я открылась въ этомъ великому князю, онъ тоже пожалѣлъ объ этой дѣвушкѣ, которая была весела и умнѣе другихъ. На слѣдующій день мы переѣхали изъ Лѣтняго дворца въ Зимній. Едва мы вошли въ парадную опочивальню этой государыни, какъ она стала страшно поносить Жукову, говоря, что у нея были двѣ любовныя исторіи, что мать моя при послѣднемъ свиданіи, которое она имѣла съ императрицей, убѣдительно просила Ея Величество удалить эту дѣвушку отъ меня, что я по молодости моей привязалась къ ней, но что эта дѣвушка недостойна моей привязанности. Я ни слова не говорила; я была очень изумлена и огорчена. Ея Императорское Величество говорила съ такой горячностью и гнѣвомъ, что была совсѣмъ красная, съ горящими глазами; во-первыхъ я не знала, хорошаго или дурного поведенія была Жукова, ее приставили ко мнѣ и прошло не болѣе полугода, какъ она при мнѣ находилась; во-вторыхъ, я отличала эту дѣвушку и любила ее не чрезмѣрно, безъ влеченія и склонности, а единственно потому, что она была весела и менѣе другихъ глупа и, по правдѣ говоря, очень невинна; въ-третьихъ, я находила весьма необычайнымъ, чтобы мать просила императрицу удалить эту дѣвушку, она, которая никогда ни слова не говорила мнѣ насчетъ этой привязанности, хотя бранила меня нещадно и вполнѣ искренно всякій разъ, когда думала, что я заслуживаю этого, а если бы мать мнѣ объ этомъ сказала, то я, въ силу привычки ей повиноваться, навѣрное посбавила бы пылу. Я никогда не узнала, дѣйствительно ли мать просила Ея Императорское Величество;

---

[1]) Въ подлинникѣ—Balior.

я сочла долгомъ усомниться въ томъ, такъ какъ я не знаю, зачѣмъ было бы матери причинять мнѣ столь гласное огорченіе и ставить меня въ такое положеніе передъ императрицей, когда она могла бы все прекратить однимъ только словомъ. Съ другой стороны, вѣрно, что мать моя показала холодность къ этой дѣвушкѣ, но можно было думать, что это происходило оттого, что мать моя не могла съ ней разговаривать, такъ какъ эта дѣвушка знала только по-русски. Можетъ быть, удивятся, что я сомнѣваюсь въ томъ, что говорила императрица; на это я только могу отвѣтить, что опытъ научилъ меня быть на сторожѣ относительно того, что высказывала эта государыня въ гнѣвѣ. Но, какъ бы то ни было, могли бы и съ той и съ другой стороны иначе и лучше взяться за дѣло, чтобы уменьшить мою очень безосновательную привязанность къ этой дѣвушкѣ, если это было ихъ цѣлью. Въ концѣ концовъ опытъ меня научилъ, что единственнымъ преступленіемъ этой дѣвушки было мое расположеніе къ ней и привязанность ея ко мнѣ, которую въ ней предполагали. Послѣдствія оправдали это предположеніе: всѣ, кого только могли заподозрѣть въ томъ же, подвергались ссылкѣ или отставкѣ въ теченіе восемнадцати лѣтъ, а число ихъ было не малое, буду имѣть случай говорить объ этомъ изъ года въ годъ. Нѣсколько недѣль спустя удалили отъ меня графа Захара Чернышева, чтобы отправить его посланникомъ въ Регенсбургъ; сама его мать ходатайствовала передъ императрицей объ этой отсылкѣ, такъ какъ она ей сказала: «Я боюсь, что онъ влюбится въ великую княгиню; онъ только на нее и смотритъ, и когда я это вижу, я дрожу отъ страха, чтобы не надѣлалъ онъ глупостей». Осенью и зимой того года было опредѣлено, что каждую недѣлю будутъ два маскированныхъ бала—одинъ при дворѣ, другой по очереди у главныхъ вельможъ въ городѣ. Дѣлали видъ, что на нихъ веселились, но въ сущности скучали смертельно на этихъ балахъ, которые, несмотря на маски, были однако

церемонны и мало посѣщаемы, такъ что покои при дворѣ были пусты, а городскіе дома все же слишкомъ тѣсны, чтобы вмѣстить то небольшое количество народу, которое туда являлось. Ибо нельзя судить по теперешнему Петербургу о томъ, чѣмъ былъ тогда этотъ городъ. Каменныя зданія были лишь на Милліонной, на Луговой и Англійской набережной, которыя образовывали, такъ сказать, завѣсу, скрывавшую деревянныя лачуги, наименѣе приглядныя, какія только можно себѣ представить. Изъ домовъ только одинъ—принцессы Гессенской—былъ отдѣланъ штофомъ, всѣ другіе имѣли или выбѣленныя стѣны, или плохіе обои, бумажные или же набойчатые. Въ эту зиму наканунѣ дня рожденія императрицы у меня сильно разболѣлись зубы; я всетаки одѣлась, чтобы пойти поздравить Ея Величество по тогдашнему обычаю. Я встрѣтила въ покояхъ Ея Величества Воинъ-Корсакова, капитана флота; онъ былъ очень любимъ этой государыней и очень забавенъ. Я ему пожаловалась на свою зубную боль; онъ мнѣ сказалъ, что вылѣчитъ меня въ одно мгновеніе: онъ отправился за большимъ желѣзнымъ гвоздемъ и сказалъ, что надо мнѣ пустить кровь этимъ гвоздемъ изъ десны, гдѣ была боль; я такъ и сдѣлала, онъ взялъ гвоздь и ушелъ. Дѣйствительно, ночью боль прошла, и этотъ зубъ у меня съ тѣхъ поръ не болѣлъ. Мы съ великимъ княземъ жили довольно ладно, онъ любилъ, чтобы вечеромъ къ ужину было нѣсколько дамъ или кавалеровъ; наканунѣ Новаго года мы такимъ образомъ веселились въ покояхъ великаго князя, когда въ полночь вошла Крузе, моя камеръ-фрау, и приказала намъ именемъ императрицы итти спать, потому что императрица находила предосудительнымъ, что не ложились такъ долго наканунѣ великаго праздника. Эта любезность заставила удалиться всю компанію. Тѣмъ не менѣе любезность эта показалась намъ странной, такъ какъ мы знали о неправильной жизни, какую вела сама наша дорогая тетушка, и намъ показалось, что тутъ больше дурного настроенія, чѣмъ разумнаго основанія. Не знаю, что именно—балы ли на ма-

сленицѣ, или устройство нашего помѣщенія, причинило горячку великому князю къ концу зимы, или, лучше сказать, въ началѣ 1746 года. Какъ бы то ни было, онъ ее схватилъ; на этихъ балахъ онъ много плясалъ и возвращался домой весь въ поту. Наши покои были распредѣлены такъ странно, что между моими и его находилась очень большая прихожая съ громадной лѣстницей; спалъ онъ въ моихъ покояхъ, но раздѣвался и одѣвался у себя. Говоря о покояхъ великаго князя, нужно разсказать еще объ одной странности, въ которой я никогда ничего не понимала и на которой императрица тѣмъ не менѣе очень опредѣленно настаивала: великій князь имѣлъ три комнаты; въ первой, около прихожей, была поставлена кровать оберъ-камергера и помощника воспитателя Бергхольца, который тутъ спалъ, вторая комната была пуста, но въ третьей стояла кровать оберъ-гофмаршала Брюммера, воспитателя великаго князя; эти двое господъ занимали свои постели, когда великій князь уходилъ ночевать въ мои покои; днемъ Брюммеръ никогда не приходилъ къ великому князю, но Бергхольцъ сидѣлъ въ первой передней, гдѣ онъ спалъ. Кредитъ Брюммера былъ тогда на исходѣ. Однажды онъ меня отвелъ въ сторону и сказалъ, что непремѣнно будетъ отставленъ, если я не постараюсь поддержать его; я спросила, какъ посовѣтуетъ онъ взяться за дѣло, чтобъ имѣть успѣхъ? Онъ сказалъ мнѣ, что не видитъ другого способа, какъ быть менѣе застѣнчивой съ императрицей, и для этого я должна была чаще ходить въ ту комнату, доступъ въ которую я имѣла. Я ему сказала, что это ни къ чему не послужитъ, такъ какъ императрица почти не входила туда, когда я тамъ бывала; что же касается моей застѣнчивости, то трудно, чтобы не было ея передъ государыней, настроеніе которой такъ трудно было узнать, которая вступала въ общеніе лишь съ очень немногими лицами и говоря съ которой всегда рискуешь, что она прицѣпится къ не понравившемуся ей слову, чтобы напасть на тебя и наговорить тебѣ непріятностей; часто видала я, какъ случалось это въ

разговорѣ съ великимъ княземъ и это мнѣ придавало больше сдержанности, заставляя взвѣшивать и подбирать свои выраженія прежде, чѣмъ ихъ высказать. Онъ еще говорилъ со мною раза два или три въ томъ же духѣ, но мнѣ казалось его предложеніе вполнѣ неосуществимымъ и до сихъ поръ я убѣждена, что я раздражила бы противъ себя императрицу (къ чему она была очень склонна) гораздо легче, чѣмъ успѣла бы возстановить упавшія акціи Брюммера; кромѣ того, великій князь ненавидѣлъ его отъ всего сердца и это было бы новой причиной холодности между нами двоими; онъ не любилъ даже, чтобы у меня были съ нимъ слишкомъ замѣтные разговоры. Нѣсколько дней спустя Брюммеръ и Бергхольцъ подали въ отставку и получили ее. Къ тому же времени я нашла сержанта гвардіи, по имени Травина, который взялся поѣхать въ Москву, чтобы жениться на Жуковой; но императрица, узнавъ объ этомъ, послала приказъ отправить новобрачныхъ въ Кизляръ, чего я никогда не поняла, если не считать, что тутъ былъ просто капризъ. Болѣзнь великаго князя продолжалась около двухъ мѣсяцевъ и нѣсколько разъ ему пускали кровь, и онъ причинилъ много безпокойства императрицѣ; я интересовалась его состояніемъ по своей природной отзывчивости, но была очень застѣнчива и сдержанна въ отношеніи къ нему и къ императрицѣ. Мнѣ казалось, что оба они постоянно расположены напасть на васъ, и я боялась поставить себя въ неловкое положеніе съ ними; съ другой стороны, принципъ совсѣмъ не быть въ тягость часто мнѣ вредилъ, такъ какъ изъ-за него я часто держалась въ сторонѣ отъ того, что, по моему предположенію, могло бы создать такой случай; при бо̀льшей дерзости и меньшемъ количествѣ чувства часто я пошла бы много дальше, но моя природная услужливость часто заставляла меня уступать мѣсто, между тѣмъ какъ безъ нея я бы его удержала. Во время этой болѣзни великаго князя императрица получила извѣстіе о смерти принцессы Анны Браунштейгской, скончавшейся

въ Холмогорахъ отъ горячки, вслѣдъ за послѣдними родами. Императрица очень плакала, узнавъ эту новость; она приказала, чтобы тѣло ея было перевезено въ Петербургъ для торжественныхъ похоронъ. Приблизительно на второй или на третьей недѣлѣ Великаго поста тѣло прибыло и было поставлено въ Александро-Невской лаврѣ. Императрица поѣхала туда и взяла меня съ собой въ карету; она много плакала во время всей церемоніи. Похоронили принцессу Анну въ этомъ монастырѣ между ея бабкой, царицей Прасковьей Өедоровной, и ея матерью, принцессой Мекленбургской. Великимъ же постомъ императрица прислала ко мнѣ Сиверса сказать, что я сдѣлаю ей удовольствіе, если буду говѣть; я ему отвѣтила, что Ея Величество меня упредила, что я была намѣрена просить у нея разрѣшенія. Сиверсъ сказалъ мнѣ, что это понравилось Ея Величеству. Вмѣсто Брюммера и Бергхольца въ 1746 г. къ великому князю былъ приставленъ князь Василій Никитичъ Репнинъ. Этотъ выборъ императрицы не былъ непріятенъ ни великому князю, ни мнѣ. Князь Репнинъ имѣлъ много благородства въ чувствахъ. Мы съ великимъ княземъ старались пріобрѣсти его расположеніе; онъ, со своей стороны, старался дать намъ всякаго рода доказательства его добрыхъ намѣреній. Онъ началъ вводить къ великому князю болѣе изысканное и благородное общество и удалять отъ него окружавшихъ его лакеевъ. Тутъ я должна помѣстить еще одинъ анекдотъ той зимы, который послужитъ, быть можетъ, къ разъясненію характеровъ: покои великаго князя, о которыхъ я говорила выше, соприкасались съ комнатой, въ которой императрица велѣла устроить столъ съ механизмомъ, и которую называютъ въ Россіи Эрмитажемъ: тутъ она часто обѣдала со своими самыми близкими довѣренными людьми, которыми часто бывали ея горничныя, ея церковные пѣвчіе и даже ея лакеи. Великому князю пришла фантазія посмотрѣть, что происходитъ въ этой комнатѣ; онъ просверлилъ дырки въ двери, отдѣлявшей его комнату отъ этой, но ему не

довольно было самому глядѣть въ эти дырки; онъ хотѣлъ, чтобы все его окружавшее насладилось бы этимъ зрѣлищемъ. Я предупредила, что это причинитъ ему непріятность и, такъ какъ однажды я уже была вовлечена въ нее по своей уступчивости, то и не захотѣла повторять этого, но онъ насмѣхался надо мной и звалъ туда даже самоё Крузе. Она увидала графа Разумовскаго въ шлафрокѣ, обѣдавшаго съ императрицей. Это произошло въ пятницу. Въ воскресенье утромъ, послѣ обѣдни, императрица вошла ко мнѣ въ комнату и страшно бранила великаго князя за дырки, просверленныя въ двери. Она высказала ему все, что внушалъ ей гнѣвъ, даже ругательства; мнѣ она ничего не сказала, но Крузе шепнула мнѣ, что императрица знала, что я отсовѣтывала продѣлывать дырки въ двери, и мнѣ были благодарны. Въ началѣ весны мы переѣхали изъ Зимняго дворца въ Лѣтній. Великій князь тогда началъ учиться играть на скрипкѣ, сперва у музыканта, по имени Вильде, потомъ у другого, по имени Пьерри; онъ очень увлекался музыкой, и часто въ его комнатахъ устраивались концерты; у него былъ хорошій слухъ, но онъ не зналъ ни одной ноты, а между тѣмъ онъ игралъ всю жизнь, благодаря вѣрности слуха, на всѣхъ концертахъ, которые давалъ. Онъ изображалъ изъ себя знатока въ музыкѣ, но въ сущности онъ не зналъ ея основныхъ элементовъ; музыканты знали это отлично, они предоставляли ему все говорить и дѣлать, потому что это было имъ выгодно. Въ субботу 24 мая былъ концертъ у великаго князя; я удалилась на короткое время въ свою комнату и, такъ какъ было довольно жарко, то я надумала открыть дверь, выходившую въ большую залу Лѣтняго дворца, направо отъ трона; ее въ то время убирали, и она была вся полна рабочими. Императрица была въ Царскомъ Селѣ, но должна была вернуться въ тотъ же вечеръ. Я издали увидѣла камеръ-лакея великаго князя, по имени Андрея Чернышева, котораго онъ очень любилъ за его красоту; я его позвала и поговорила съ

нимъ въ продолженіе четырехъ-пяти минутъ, я стояла за полуоткрытой дверью моей комнаты, онъ въ залѣ. Я повернула голову и увидѣла за собой камергера графа Дивьера, котораго великій князь прислалъ за мной, чтобы я шла прослушать одну арію; Дивьеръ, нѣсколько лѣтъ спустя, признался мнѣ, что онъ имѣлъ приказаніе отъ императрицы слѣдить за нашими поступками и имѣть тайный надзоръ за поведеніемъ Андрея Чернышева. Я закрыла дверь и послѣдовала за графомъ Дивьеромъ. Вечеръ такъ и прошелъ. На другой день въ воскресенье мы пошли въ церковь. Выходя отъ обѣдни, мой камердинеръ Тимофей Евреиновъ [1]) передалъ мнѣ записку отъ Андрея Чернышева, въ которой онъ мнѣ сообщалъ, что только что получилъ приказъ отправиться со своими двумя двоюродными братьями, которые были выѣздными при дворѣ, въ Оренбургъ, гдѣ ихъ производятъ въ поручики. Евреиновъ сказалъ мнѣ: онъ не смѣетъ явиться въ комнату великаго князя, но если вы съ великимъ княземъ пожелаете его видѣть, то онъ въ прихожей, которая отдѣляетъ ваши покои отъ пріемной комнаты великаго князя. Я побѣжала къ великому князю, и мы оба пошли черезъ эту прихожую, гдѣ мы застали его заливавшимся слезами. Великій князь былъ очень огорченъ ссылкой этого человѣка, и я также; онъ казался очень привязаннымъ къ намъ обоимъ, но особенно ко мнѣ. Мы простились съ нимъ очень трогательно, такъ какъ всѣ трое плакали. Это приключеніе навело насъ съ великимъ княземъ въ тотъ день на грустное размышленіе; менѣе, чѣмъ въ одинъ годъ, второй нами любимый человѣкъ былъ удаленъ. Всѣ наши слуги были удручены. Я кстати плохо себя чувствовала; подъ предлогомъ, что мнѣ хотѣлось заснуть послѣ обѣда, а это было тогда очень въ модѣ при дворѣ, я легла и много плакала. Нѣсколько часовъ спустя я встала, чтобъ одѣться и итти на куртагъ. Крузе явилась сказать мнѣ, что

[1]) Въ подлинникѣ—Ievrenef.

графъ Бестужевъ, великій канцлеръ, и Чоглокова, статсъ-дама императрицы и его родственница, просятъ видѣть меня. Я была очень изумлена этимъ визитомъ; я приняла ихъ и графъ сказалъ мнѣ, что императрица назначила эту даму оберъ-гофмейстериной при мнѣ; я еще пуще расплакалась. Я знала, что Чоглокова слыла за самую злую и капризную женщину изо всего двора. Я отвѣтила имъ, что повелѣнія Ея Императорскаго Величества были для меня непреложнымъ закономъ, и отпустила ихъ; я просила Чоглокову извиниться за меня передъ императрицей въ томъ, что, страдая уже нѣсколько дней сильной головной болью, изъ-за которой на другой день должны были пустить кровь, я не могла имѣть чести быть вечеромъ на куртагѣ. Чоглокова пошла къ императрицѣ и вернулась немного спустя сообщить мнѣ, что въ этотъ день куртага не будетъ и, для перваго выхода, поднесла мнѣ пріятный комплиментъ: императрица приказала ей передать мнѣ, что «вы, дескать, очень упрямы». Я хотѣла узнать отъ Чоглоковой, почему и за что я была обвинена Ея Величествомъ въ упрямствѣ, но она мнѣ сказала, что передала то, что было приказано мнѣ передать, что не знала тому причины и не могла разспрашивать Ея Величество. Новый поводъ къ слезамъ съ моей стороны. Я терзала свой умъ, чтобы догадаться, въ чемъ я была упряма: казалось, я всегда слушалась въ должной мѣрѣ. Я весь день не видѣла великаго князя; онъ не былъ у меня, и вслѣдствіе того состоянія, въ которомъ я была, я не пошла къ нему. Всю жизнь свою я любила скрывать свои слезы и это по причинѣ гордости; я никогда не любила возбуждать сожалѣніе: если бы я могла преодолѣть себя и часто выказывать то жалостное состояніе, въ которомъ я находилась, то я бы его смягчила; но моя душа была слишкомъ горда, чтобы возбуждать въ свою пользу чью бы то ни было жалость. На другой день утромъ мнѣ пустили кровь. Только что успѣли перевязать мнѣ руку, какъ въ комнату вошла императрица; всѣ удалились, и мы остались наединѣ.

Императрица начала разговоръ съ того, что мать моя ей сказала, что я выхожу замужъ за великаго князя по склонности, но мать, очевидно, ее обманула, такъ какъ она отлично знаетъ, что я люблю другого. Она меня основательно выбранила, гнѣвно и заносчиво, но не называя однако имени того, въ любви къ кому меня подозрѣвали. Я была такъ поражена этой обидой, которой я не ожидала, что не нашла ни слова ей въ отвѣтъ. Я заливалась слезами и испытывала отчаянный страхъ передъ императрицей; я ждала минуты, когда она начнетъ меня бить, по крайней мѣрѣ, я этого боялась: я знала, что она въ гнѣвѣ иногда била своихъ женщинъ, своихъ приближенныхъ и даже своихъ кавалеровъ. Я не могла избавиться отъ этого бѣгствомъ, такъ какъ стояла спиной къ двери, а она прямо передо мной. Крузе, всегда очень обязательная, когда дѣло шло о томъ, чтобы повредить, пошла поднять съ постели великаго князя, очевидно, чтобы сдѣлать его свидѣтелемъ этой сцены; онъ вошелъ въ шлафрокѣ, но Крузе ошиблась въ своихъ предположеніяхъ; императрица, какъ только его увидѣла, перемѣнила тонъ, очень ласково стала бесѣдовать съ нимъ о безразличныхъ вещахъ, не говоря со мной и не глядя на меня болѣе, и послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора ушла въ свои покои; великій князь удалился къ себѣ. Мнѣ показалось, что онъ на меня дуется; я осталась у себя, не смѣя довѣриться ни одной живой душѣ и, такъ сказать, съ ножомъ въ груди; я все же вытерла слезы и одѣлась къ обѣду. Какъ только онъ кончился, я, совершенно удрученная, бросилась во всемъ нарядѣ на канапе и взяла книгу; послѣ того, какъ я немного почитала, я увидѣла, что въ мою комнату входитъ великій князь; онъ прошелъ прямо къ окну; я встала и подошла къ нему; я спросила, что съ нимъ и сердится ли онъ на меня? Онъ смутился и, помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ: «Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы любили меня такъ, какъ любите Чернышева». Я отвѣтила ему: «Но ихъ трое,—къ которому же изъ нихъ меня подо-

зрѣваютъ въ любви? — и кто вамъ сказалъ объ этомъ?» Онъ сказалъ мнѣ: «Не выдавайте меня и не говорите никому: это Крузе мнѣ сказала, что вы любите Петра Чернышева». Услышавъ это, я очень обрадовалась; я возразила ему: «Это страшная клевета; во всю свою жизнь я почти не говорила съ этимъ лакеемъ; легче было бы подозрѣвать меня въ привязанности къ вашему любимцу Андрею Чернышеву; его, вы сами это знаете, вы ежечасно посылали ко мнѣ, я постоянно видѣла его у васъ, у васъ съ нимъ разговаривала, и мы, мы съ вами постоянно съ нимъ шутили». На это великій князь сказалъ: «Откровенно скажу вамъ, что мнѣ трудно было этому повѣрить и что меня тутъ сердило, такъ это то, что вы не довѣрили мнѣ, что имѣли склонность къ другому, чѣмъ я». Эта черта показалась мнѣ чрезвычайно странной, но все же я его поблагодарила за ласковый тонъ, какимъ онъ говорилъ со мной, и мнѣ показалось, что я ослабила его подозрѣнія. Я ему поклялась, что никогда не имѣла мысли о Петрѣ Чернышевѣ, и могла смѣло въ этомъ клясться, ибо это была правда. До сихъ поръ еще не знаю, почему его избрали предметомъ этихъ подозрѣній, тогда какъ старшій могъ бы играть эту роль съ бо́льшимъ правдоподобіемъ, потому что къ нему я была искренно расположена, при томъ самъ же великій князь своей привязанностью къ этому человѣку и далъ къ этому поводъ; онъ только и говорилъ, что о немъ, только его и видѣлъ, словомъ, это былъ его и мой признанный любимецъ; эта была дѣтская, очень невинная привязанность, но все же это была привязанность, и Чернышевъ былъ очень красивый малый: его двоюродный братъ не могъ итти въ сравненіе съ нимъ. Между прочими достоинствами, которыя мы съ великимъ княземъ находили въ этомъ Андреѣ Чернышевѣ, было то, что онъ напаивалъ Крузе, когда хотѣлъ, и этимъ доставлялъ намъ возможность невозбранно скакать и прыгать сколько угодно. Былъ еще человѣкъ, который часто освобождалъ меня отъ Крузе: мой поставщикъ, купецъ Шри-

веръ [1]): по моему подстрекательству онъ часто приглашалъ ее обѣдать или ужинать. Я имѣю полное основаніе думать, что въ то время очень были заняты тѣмъ, чтобы поссорить меня съ великимъ княземъ, ибо нѣсколько позже графъ Дивьеръ ни съ того, ни съ сего разсказалъ мнѣ однажды, что онъ замѣтилъ склонность великаго князя къ дѣвицѣ Карръ, фрейлинѣ императрицы, а немного спустя довѣрилъ мнѣ, что таковая же была у моего супруга къ дѣвицѣ Татищевой. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Чоглокова явилась сказать мнѣ, что императрица меня увольняетъ впредь отъ посѣщенія ея уборной, куда входъ выхлопотала мнѣ мать, и что если мнѣ нужно будетъ что-либо сказать Ея Величеству, то впредь я должна обращаться къ императрицѣ черезъ нее. Я отвѣтила ей, что умѣла лишь повиноваться приказаніямъ и волѣ Ея Императорскаго Величества; въ сущности я вовсе не заботилась о томъ, чтобы торчать въ этой комнатѣ между горничными императрицы; я тамъ скучала и ходила туда по возможности рѣже. Черезъ нѣсколько дней императрица объявила, что ѣдетъ въ Ревель, куда и мы должны были за ней послѣдовать. Дѣйствительно, она отправилась и мы съ нею. Насъ было четверо въ каретѣ, а именно: великій князь, я, мой дядя принцъ епископъ Любекскій и Чоглокова; князь Репнинъ, его жена и нѣсколько кавалеровъ составляли нашу свиту. Свита императрицы была очень велика. Это путешествіе было очень неудобно столько же вслѣдствіе чрезмѣрной жары, сколько по медленности, съ какой его совершали, вслѣдствіе плохихъ ночевокъ и потому, что часы отъѣзда, пріѣзда и ѣды вовсе не были опредѣлены. Императрица забирала себѣ помѣщенія на почтѣ, и часто насъ отсылали отдыхать или одѣваться въ такія мѣста, гдѣ пекли хлѣбъ и гдѣ изъ-за печей стояла невыносимая жара, или намъ отводили палатки, которыя прибывали всегда слишкомъ поздно; словомъ, въ жизни я

[1]) Въ подлинникѣ—Scryver.

не испытала усталости и неудобства, подобныхъ тѣмъ, какія имѣла въ это путешествіе въ свитѣ императрицы. Впрочемъ, и въ нашей каретѣ была скука великая, благодаря дурному расположенію духа Чоглоковой, которая все дурно принимала, на все сердилась, все объясняла съ дурной стороны, и у которой послѣднимъ словомъ всѣхъ рѣчей было: я объ этомъ доложу императрицѣ. Я покорилась своей участи и стала дремать всю дорогу. Великій князь переносилъ все это съ большимъ нетерпѣніемъ; это его сильно озлобляло. Онъ хотѣлъ играть въ разныя игры въ каретѣ, но Чоглокова сказала, что это неумѣстно, и, дѣйствительно, она пошла доложить объ этомъ императрицѣ и дѣлала изъ этого большое преступленіе. Не знаю, что та ей отвѣтила, но по пріѣздѣ въ Ревель я узнала, что она въ тѣсномъ кругу сказала, что Чоглокова ей уши прожжужала всякими мелочами и ребячествами и жаловалась между прочимъ, что мы хотѣли затѣять petits jeux. Но вѣдь отъ Ея Величества зависѣло брать людей менѣе злыхъ и болѣе здравомыслящихъ. Наконецъ мы прибыли въ Ревель; вся Эстонія была на ногахъ; въѣздъ императрицы въ Екатериненталь совершился съ большимъ торжествомъ, между двумя и тремя часами утра, подъ ужаснымъ дождемъ и въ такую темную ночь, что ни зги не было видно. Мы всѣ были чрезвычайно нарядны, но, насколько я знаю, насъ никто не видѣлъ, ибо вѣтеръ задувалъ факелы и, какъ только мы вышли изъ экипажей, всякій удалился въ свой покой; я помѣщалась наверху, налѣво отъ входа въ залу. Со слѣдующаго же дня по нашемъ пріѣздѣ началась крупная игра; фавориты и фаворитки императрицы, графъ Разумовскій и графиня Шувалова, не могли обойтись безъ нея; да это и было необходимо при дворѣ, гдѣ не существовало никакого разговора, гдѣ другъ друга сердечно ненавидѣли, гдѣ злословіе замѣняло умъ и гдѣ малѣйшее дѣльное слово считалось за оскорбленіе величества. Подпольныя интриги признавались за ловкость. Остерегались говорить объ искусствѣ и наукѣ, потому что

всѣ были невѣждами: можно было побиться объ закладъ, что лишь половина общества еле умѣла читать, и я не очень увѣрена въ томъ, чтобы треть умѣла писать. Чоглокова не пропускала ни одной игры и, когда проигрывала, ея дурное расположеніе духа усиливалось; на это была еще причина, которая дѣйствовала на нее съ не меньшей силой: ея мужъ, котораго она до безумія любила, отсутствовалъ. Императрица послала его въ Вѣну, чтобы извѣстить дворъ о нашемъ бракосочетаніи съ великимъ княземъ. Этотъ возлюбленный мужъ вернулся во время нашего пребыванія въ Ревелѣ. Какъ онъ ни былъ любимъ, онъ не былъ любезенъ; это былъ свѣтскій человѣкъ, надутый самолюбіемъ; онъ считалъ себя чрезвычайно красивымъ и умнымъ, онъ былъ самонадѣянъ, глупъ, заносчивъ, спесивъ и по меньшей мѣрѣ такъ же золъ, какъ его жена, а она была въ немалой мѣрѣ такова. Во время пребыванія нашего въ Ревелѣ начались раздоры между Чоглоковыми и княземъ Репнинымъ, послѣдній уцѣпился за дружбу съ Шуваловымъ, а тѣ получили мѣста черезъ графа Бестужева, который, очевидно, не нашелъ болѣе злыхъ. Князь Репнинъ такъ устроилъ, что во время игры Шувалова заговорила со мной о несносномъ характерѣ Чоглоковой, надъ которой любила посмѣяться, какъ и надъ остальной частью рода человѣческаго, которая въ теченіе дня попадалась ей на языкъ. Шувалова во время этого путешествія приложила много стараній, чтобъ уменьшить довѣріе императрицы къ Чоглоковымъ; но ей не удалось ихъ смѣстить. Они пустили глубокіе корни и ихъ хорошо поддерживали, они руководствовались только внушеніями графа Бестужева; тѣмъ не менѣе орденъ Бѣлаго Орла, который получилъ Чоглоковъ и привезъ въ карманѣ изъ Дрездена безъ разрѣшенія императрицы, чуть не разгнѣвалъ послѣднюю, когда она объ этомъ узнала; но графъ Бестужевъ и Чоглокова все подмазали, и Чоглоковъ получилъ разрѣшеніе надѣть этотъ орденъ въ Ревелѣ. Спустя нѣсколько дней по нашемъ пріѣздѣ въ эту столицу Эстоніи, туда же пріѣхалъ посолъ

вѣнскаго двора Бретлахъ. Онъ явился, чтобы подписать съ графомъ Бестужевымъ тотъ знаменитый союзный трактатъ 1746 года, между своимъ и русскимъ дворомъ, который десять лѣтъ спустя, въ 1756 году, плохо понятый и плохо изложенный во время неспособнаго министерства графа Воронцова, происками дворовъ вѣнскаго, французскаго и саксонскаго, сдѣлалъ изъ Россіи, бывшей по этому трактату просто союзницей, воинствующую сторону и ту именно, которая съ наибольшей силой и крѣпостью дѣйствовала противъ короля Прусскаго, съ которымъ она не имѣла никакого недоразумѣнія и ни единой причины вступать въ войну; оттого ему не объявили ея, можетъ быть, по оплошности или потому, что нечего было выставить въ объявленіи, но вели ее противъ него съ ожесточеніемъ и упорствомъ въ продолженіе шести лѣтъ. Бретлахъ, въ восхищеніи отъ своей работы, окруженный почетомъ и очень надменный, послѣдовалъ за нами въ Рогервикъ, напиваясь обязательно каждый вечеръ съ графомъ Бестужевымъ съ глазу на глазъ послѣ ихъ государственныхъ трудовъ. Императрица намѣревалась продолжить свое путешествіе до Риги; придворные экипажи были уже посланы въ этотъ пограничный городъ и все готовилось, чтобы туда направиться, какъ вдругъ императрица измѣнила свое намѣреніе и объявила, что, посмотрѣвъ маневры флота, она вернется въ Петербургъ. Никто не зналъ, чему приписать эту внезапную перемѣну; однако подозрѣвали какую-нибудь тайную причину и какую-нибудь подкладку, о которой не говорили; я узнала эту тайну лишь черезъ два года по моемъ вступленіи на престолъ; роясь однажды рано утромъ, по своему обыкновенію, въ старомъ сундукѣ, наполненномъ бумагами, которыя были покрыты пылью и на половину съѣдены крысами, я нашла длинное письмо на нѣмецкомъ языкѣ отъ лютеранскаго пастора, фанатика и помѣшаннаго, который именемъ Божіимъ просилъ императрицу и именемъ Пресвятой Троицы повелѣвалъ ей не продолжать путешествія до Риги, гдѣ—говорилъ онъ—были

люди, подосланные затѣмъ, чтобы ее убить. Этотъ безумецъ послалъ свою бумагу въ Ревель къ императрицѣ, которая такъ испугалась и обезпокоилась, что возвратилась въ Петербургъ. Священникъ былъ привезенъ въ крѣпость, гдѣ его признали сумасшедшимъ мечтателемъ,—вотъ и все. Изъ Рогервика мы вернулись въ Ревель, вмѣсто Риги; императрица по дорогѣ отправилась на охоту, во время которой ея лошадь стала на дыбы и она рисковала опасно упасть, но все обошлось однимъ страхомъ. Великій князь сопровождалъ ее на эту охоту и часто ѣздилъ туда съ графомъ Разумовскимъ, тогда оберъ-егермейстеромъ и фаворитомъ императрицы. Что до меня касается, то мнѣ не дѣлали чести допускать меня на эти охоты, хотя знали, что я страшно люблю верховую ѣзду. Я сидѣла и скучала дома одна или же съ глазу на глазъ съ Чоглоковой, которая говорила мнѣ лишь непріятности; отъ такой ли жизни, или отъ внутренняго предрасположенія, но я почувствовала приступы ипохондріи, которая часто заставляла меня плакать. Не знаю, Чоглокова ли, или мои женщины, несмотря на мое стараніе скрыть слезы, замѣтили ихъ; позвали доктора Бургава, котораго императрица очень любила; онъ мнѣ посовѣтовалъ пустить кровь; я согласилась, и Чоглокова, къ моему великому изумленію, предложила мнѣ прогулку въ саду Екатериненталя и принесла мнѣ три тысячи рублей въ подарокъ отъ императрицы. Я ни отъ чего отъ этого не отказалась, какъ это можно легко себѣ представить и, дѣйствительно, почувствовала себя легче; я была очень худа въ то время и послѣ тяжелой болѣзни, которую я перенесла въ Москвѣ, Бургавъ въ теченіе семи лѣтъ опасался, какъ бы у меня не было чахотки. Удивительно, что ея у меня не было, потому что въ теченіе восемнадцати лѣтъ я вела такую жизнь, что десятокъ иныхъ могли бы сойти съ ума, а двадцать на моемъ мѣстѣ умерли бы съ горя. Нѣсколько времени спустя мы вернулись въ Петербургъ, съ тѣмъ же неудобствомъ, съ какимъ и раньше ѣздили; по прибытии

въ Нарву мы не захотѣли остаться въ городѣ, но отправились ночевать въ палатки, разбитыя за городомъ. Императрица поѣхала впередъ; всю ночь шелъ дождь, и вода доходила до полфута въ томъ мѣстѣ, гдѣ были разбиты палатки. Я легла на кровать, поставленную въ воду; благодаря ли сырости, или утомленію отъ дороги, или тому и другому вмѣстѣ, но я встала съ больнымъ горломъ, лихорадкой и сильной головной болью, и мы продолжали нашъ путь. Вернулась я въ Петербургъ больной, но нѣсколько дней отдыха меня совершенно поправили. Нѣсколько дней спустя дворъ выѣхалъ въ Петергофъ; тамъ великій князь опять завербовалъ всѣхъ своихъ кавалеровъ и лакеевъ и устроилъ подъ окнами караулъ, полутайкомъ, полуоткрыто. Мы помѣщались внизу: дворецъ этотъ былъ еще такимъ, какимъ выстроилъ его Петръ Великій. Нѣсколько дней спустя великій князь просилъ у императрицы, уѣзжавшей въ Гостилицы, разрѣшенія отправиться во время ея отсутствія въ Ораніенбаумъ, принадлежавшій этому князю. Онъ получилъ разрѣшеніе: какъ только онъ тамъ очутился—все стало военнымъ; онъ съ кавалерами весь день проводилъ на караулѣ или въ другихъ военныхъ упражненіяхъ, а я оставалась одна съ г-мъ и г-жой Чоглоковыми, съ княземъ и княгиней Репниными и съ моими тремя фрейлинами. Эта жизнь стала невыносимой: въ видѣ единственнаго развлеченія я играла въ воланъ съ моими фрейлинами, въ то время, какъ Чоглоковы ворчали въ одномъ углу комнаты, а князь и княгиня Репнины зѣвали въ другомъ. Я покорилась своей участи: весь день съ ружьемъ на плечѣ я охотилась или сидѣла у себя въ комнатѣ съ книгой въ рукахъ. Тогда я читала только романы; эти послѣдніе не преминули разжечь мое воображеніе, въ чемъ я вовсе не нуждалась: я и безъ того была въ достаточной степени жива, и эта живость еще усиливалась вслѣдствіе ненавистнаго образа жизни, какой меня заставляли вести. Я была вѣчно предоставлена самой себѣ, и скука и подозрѣнія меня окружали. Никакое развлеченіе,

никакой разговоръ, никакое обхожденіе, никакая услужливость, ни вниманіе не смягчали этой тоски. Мы уѣхали изъ Ораніенбаума въ Петергофъ; тамъ сказали намъ по порученію императрицы, чтобы мы готовились къ говѣнію. Это было нѣсколько странно—обыкновенно никто у насъ не говѣетъ два раза въ годъ, а мы говѣли на Пасхѣ. Я недолго оставалась въ невѣдѣніи, откуда шло желаніе послать насъ на исповѣдь; въ данную минуту мой духовный отецъ, епископъ псковскій, спросилъ меня, цѣловала ли я одного изъ Чернышевыхъ. Я ему отвѣтила: «Нѣтъ, батюшка».— «Какъ нѣтъ», возразилъ онъ мнѣ: «императрицѣ доложили, что вы поцѣловали Чернышева?» Я возразила: «Это клевета, батюшка, это неправда». Мое простодушіе не позволило ему усомниться въ томъ, что я говорила, и у него вырвались слова: «Какіе злые люди!» Онъ мнѣ сдѣлалъ наставленіе быть на сторожѣ и не давать повода въ будущемъ къ подобнымъ подозрѣніямъ, и, очевидно, онъ доложилъ императрицѣ, что̀ произошло между нами. Больше объ этомъ я не слыхала. Пока мы были въ Петергофѣ, графъ Михаилъ Воронцовъ съ супругой вернулись изъ-за границы, онъ нашелъ свой кредитъ страшно упавшимъ; ему вмѣнили въ преступленіе, между прочимъ, то, что король Прусскій содержалъ его на свой счетъ въ своихъ владѣніяхъ, а графъ Воронцовъ былъ русскій вице-канцлеръ и такимъ образомъ могъ даже по своему положенію принимать знаки вѣжливости и вниманія иностранныхъ дворовъ. Весь тотъ годъ я была подвержена почти постояннымъ головнымъ болямъ, сопровождавшимся безсонницей. Крузе имѣла притязаніе ихъ лѣчить, принося мнѣ вечеромъ, когда я уже была въ постели, стаканъ венгерскаго вина, который она хотѣла меня заставить проглатывать каждый вечеръ въ теченіе нѣсколькихъ дней; я отказывалась отъ этого якобы лѣкарства противъ безсонницы, и Крузе его осушала за мое здоровье. Вернувшись въ городъ, я пожаловалась на эти боли доктору Бургаву. Этотъ послѣдній, человѣкъ выдающагося разсудка и которому

небезызвѣстны были и жизнь, какую меня заставляли вести, и обстоятельства, въ какихъ я находилась въ отношеніи къ мужу и къ окружавшимъ меня, просилъ показать ему голову утромъ, до прически; онъ долго ощупывалъ мнѣ черепъ и наконецъ сказалъ, что, хотя мнѣ семнадцать лѣтъ, но голова была еще въ такомъ состояніи, какъ у шестилѣтняго ребенка, и что я должна очень беречься, чтобы не простудить темя, словомъ, головныя кости еще не срослись; онъ сказалъ мнѣ, что кости эти срастутся къ двадцати пяти-шести годамъ и что это было причиной моихъ головныхъ болей. Я послѣдовала его совѣту и, дѣйствительно, впадина, которая ощущалась между костями моей головы, исчезла лишь къ двадцати пяти-шести годамъ, какъ онъ и предсказалъ.

По возвращеніи въ городъ мы недолго оставались въ Лѣтнемъ дворцѣ, но насъ перевели въ Зимній, въ покои, которые занимала прежде императрица Анна: бывшее помѣщеніе герцога Курляндскаго было предназначено князю Репнину и Чоглоковымъ. Эта близость помѣщеній повела къ тому, что они стали играть въ азартныя игры, страсть къ которымъ царила въ то время; кавалеры, чтобы польстить имъ, съ ними играли; Чоглокова любила выигрывать и сердилась, когда проигрывала. Эта игра ее поссорила со всѣми, а, разъ поссорившись, она ничѣмъ не пренебрегала, чтобы повредить, и, такъ какъ императрица ее охотно слушала, то она поносила послѣдними словами тѣхъ, кого не любила; отъ природы она всѣхъ ненавидѣла; они съ мужемъ состояли всецѣло изъ желчи. Итакъ, игра сдѣлала то, что она за эту зиму повредила многимъ, и впослѣдствіи она добилась удаленія всѣхъ, кто ей не нравился. Эта зима все же была довольно пріятна; я скучала меньше прежняго. Мой дядя, принцъ-епископъ Любекскій, почти постоянно находился въ покояхъ великаго князя, гдѣ, кромѣ того, бывало множество молодежи, которая только и дѣлала, что прыгала и скакала; часто великій князь приходилъ съ ними со всѣми въ мои внутренніе

аппартаменты, и Богъ вѣсть, какъ мы скакали. Самые бойкіе изо всей компаніи были тогда графъ Петръ Дивьеръ, Александръ Вильбуа, князь Александръ Голицынъ, князь Александръ Трубецкой, Сергѣй Салтыковъ, князь Петръ Репнинъ, племянникъ того, что былъ при великомъ князѣ; онъ былъ лишь гвардейскимъ офицеромъ, но былъ вхожъ благодаря покровительству дядюшки; и много другихъ, старшему изъ которыхъ не было тридцати лѣтъ; оттого жмурки были въ большомъ ходу, и часто плясали сплошь весь вечеръ, или же бывали концерты, за которыми слѣдовалъ ужинъ. Все это привлекало даже придворныхъ большого двора. Въ одинъ прекрасный день этой зимы императрицѣ пришла фантазія велѣть всѣмъ придворнымъ дамамъ обрить головы. Всѣ ея дамы съ плачемъ повиновались; императрица послала имъ черные плохо расчесанные парики, которые онѣ принуждены были носить, пока не отросли волосы. Городскія дамы получили приказаніе не являться ко двору иначе, какъ въ такихъ парикахъ, надѣтыхъ поверхъ ихъ волосъ; онѣ были наряжены еще хуже придворныхъ дамъ: ихъ волосы подъ париками поднимали эти послѣдніе, а у придворныхъ дамъ съ бритыми головами парикъ былъ по крайней мѣрѣ ближе къ головѣ. Такъ какъ императрица велѣла себя обрить, какъ и другихъ, что и послужило поводомъ произвести ту же операцію надъ всѣми ея дамами, я думала, что наступитъ моя очередь; Чоглокова, которая ее перенесла, все же доложила мнѣ, что императрица меня отъ этого избавляетъ, въ виду того, что мои волосы только что отросли, такъ какъ послѣ болѣзни, перенесенной въ Москвѣ, волосы мои выпали и голова была гладка, какъ ладонь. Въ это время у меня были великолѣпнѣйшіе волосы; они естественно вились, безъ завивокъ, и, несмотря на это, не были курчавыми. Императрица объяснила причину этого общаго благодѣянія тѣмъ, что, не знаю, по случаю какого праздника, не имѣла возможности снять пудру со своихъ волосъ; чтобы появиться безъ пудры, она порѣшила вы-

чернить волосы, а эта краска не хотѣла сойти съ волосъ; не знаю, въ чемъ было дѣло, но всѣмъ было извѣстно, что Ея Величество была бѣлокурой, и что она всегда красила свои волосы, брови и даже вѣки въ черный цвѣтъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ императрица поручила передать намъ, чтобы мы сопровождали ее на богомолье въ Тихвинъ, гдѣ находится чудотворная икона Божіей Матери. Когда наступилъ день отъѣзда, мы утромъ долго ждали отправленія. Намъ велѣли передать, что путешествіе отложено до послѣ обѣда, а вечеромъ мы узнали, что путешествіе это переносится совсѣмъ на другое время. Всѣ были заинтересованы узнать причину этого; наконецъ узнали, благодаря розыскамъ, что графъ Разумовскій заболѣлъ подагрой. Приблизительно въ это же время мой тогдашній камергеръ, нынѣ фельдмаршалъ, князь Александръ Голицынъ просилъ разрѣшенія на бракъ со старшей изъ моихъ фрейлинъ, княжной Анастасіей Гагариной, которая за нѣсколько дней передъ тѣмъ заболѣла горячкой; едва только успѣлъ онъ получить отъ императрицы разрѣшеніе на свадьбу, какъ княжна Гагарина почувствовала себя такъ плохо, что ее причастили, и два дня спустя она скончалась. Я очень оплакивала эту дѣвицу, очень милую и хорошенькую. Императрица назначила на ея мѣсто ея старшую сестру, княжну Анну Гагарину, и захотѣла посмотрѣть на перенесеніе тѣла изъ дворца въ Невскій монастырь; для этого она пришла въ мои покои и изъ моей двери видѣла спускъ погребальнаго шествія по лѣстницѣ. Масленица помогла забыть это происшествіе, а князь Голицынъ утѣшился, женившись на сестрѣ покойной, княжнѣ Дарьѣ. Ежедневно послѣ обѣда въ шесть часовъ нужно было совершать экскурсію въ большую галлерею покоевъ императрицы, подъ предлогомъ хожденія къ ней на поклонъ; но ея тамъ почти никогда не было видно; даже придворные ея по большей части тамъ не бывали, фрейлины приходили аккуратно, и съ ними мы затѣвали игру на часъ или на два. Этотъ парадъ былъ наискучнѣйшей

вещью въ мірѣ. Два раза въ недѣлю были французскія представленія, иногда, но очень рѣдко, маскарады. Все же эта зима была одна изъ лучшихъ, какія были въ теченіе приблизительно восемнадцати лѣтъ, пока продолжался этотъ образъ жизни.

Послѣ Новаго года состоялась поѣздка въ Тихвинъ. Мы проѣхали Шлиссельбургъ и Ладогу; императрица установила, чтобы всѣ дамы въ эту поѣздку носили собольи шапки, какія носятъ до сихъ поръ мѣщанки во многихъ провинціальныхъ городахъ; моя затерялась какъ-то во время пути; Чоглоковъ досталъ мнѣ другую у одной купчихи. Пріѣхавъ въ Тихвинъ, мы пошли съ Ея Величествомъ въ монастырь, гдѣ находилась икона; но навѣрное ни императрица и никто другой ея не видѣли; ибо она такъ черна, что ни вблизи, ни издали ея не видать на доскѣ, на которой, говорятъ, она написана. За столомъ императрица съ большой набожностью разсказала, что нѣкогда шведы осадили этотъ монастырь, но что небесный огонь прогналъ ихъ, и что они побросали даже свою посуду, что серебряныя блюда шведскаго генерала еще находятся въ монастырѣ; но намъ ихъ не показали. Мы застали въ монастырѣ епископа, сосланнаго еще во времена императрицы Анны. Кажется, онъ тамъ и остался. Вернувшись оттуда, императрица велѣла намъ приказать, чтобы мы вновь заняли прошлогоднее наше помѣщеніе, въ которомъ она жила до тѣхъ поръ, такъ какъ она велѣла прибавить къ своему помѣщенію деревянный флигель, который тянулся съ угла Зимняго дворца до рвовъ Адмиралтейства. Поторопились также изгнать насъ изъ нашего помѣщенія, я думаю, вслѣдствіе того, что царившее тамъ веселье не нравилось Чоглоковымъ, которые все, что не было скукой, считали безпорядкомъ. Они поселились подъ моими окнами въ низкомъ флигелѣ, который раньше служилъ кухней. Только Репнинъ остался у себя. Это было началомъ отдаленія; планъ былъ выработанъ и скоро обнаружился; самое главное его преступленіе было—поддержи-

вать веселье и давать ему пищу. Графъ Бестужевъ и Чоглоковы этого не любили и умѣли настроить императрицу на свой ладъ; хоть она сама по природѣ была очень веселая, но ее волновали страсти, въ особенности ея ревность ко всему, которая была такова, что ее возбуждали всегда съ наибольшимъ успѣхомъ. Когда перешли въ наши прошлогодніе покои, сцена снова перемѣнилась. Во-первыхъ, Чоглокова явилась сообщить мнѣ, что мои дамы не будутъ болѣе вхожи во внутренніе мои покои,—онѣ уже почти и не входили туда; что каждый мужчина будетъ удаленъ оттуда,—они никогда не приходили безъ великаго князя; но такъ какъ она не имѣла ни малѣйшаго значенія въ его глазахъ, то его комната осталась на томъ же положеніи, какъ была. Я приняла это приказаніе, данное именемъ императрицы, съ покорностью, но почти со слезами на глазахъ. Постомъ этого 1747 г. императрица поѣхала въ Гостилицы, мы получили приказаніе слѣдовать за ней, а князь Репнинъ остался въ городѣ; тамъ поплясали и порѣзвились немного, такъ какъ императрица этого желала. По возвращеніи въ городъ мнѣ сообщили о смерти отца. Я сильно плакала и была въ такомъ глубокомъ горѣ, что заболѣла. Мнѣ дали поплакать нѣсколько дней; мнѣ пустили кровь; императрица меня навѣстила; когда я почувствовала себя лучше, Чоглокова пришла мнѣ сказать, что императрица велѣла приказать мнѣ, чтобъ я перестала плакать, что мой отецъ не былъ королемъ, и потеря не велика. Я отвѣтила: «Правда, отецъ мой королемъ не былъ, но былъ моимъ отцомъ; надѣюсь, что оплакивать его не будетъ преступно». Она наговорила мнѣ много непріятностей; я замолчала и предоставила ей говорить, но никогда не могла забыть этой черты. Я хочу думать, что Чоглокова, быть можетъ, передавала приблизительно замѣчанія императрицы, и, быть можетъ, также по глупости не высказывала ихъ связно, но изъ уваженія къ Ея Величеству я не могу думать, чтобы эта женщина мнѣ точно передала то, что ей было велѣно сказать, ибо доброта

Принцъ Христіанъ-Августъ Ангальтъ-Цербстскій (отецъ Екатерины II).

Съ гравированнаго портрета Герасимова.

сердца въ этомъ случаѣ не господствовала; эта безчеловѣчность меня поражала и, признаюсь, не могу до сихъ поръ вспомнить объ этомъ безъ того, чтобы не почувствовать сердечнаго возмущенія. Трауръ, который я должна была носить по отцѣ, былъ сокращенъ до шести недѣль и притомъ для него полагалась черная шелковая матерія; я предоставляла имъ говорить и дѣйствовать, и молча повиновалась. Этой зимой узнала я отъ моего камердинера Тимоѳея Евреинова, что Андрей Чернышевъ, котораго мы считали находившимся по дорогѣ или пріѣхавшимъ въ Оренбургъ, и о которомъ были вѣсти изъ Москвы, былъ взятъ въ Тайную канцелярію; тогда эта Тайная канцелярія наводила ужасъ и трепетъ на всю Россію. Самая неожиданная случайность раскрыла эту тайну, и вотъ какъ. Одинъ изъ секретарей этой канцеляріи по имени Набоковъ, стоя со своимъ пріятелемъ, секретаремъ магистрата, на запяткахъ саней, въ которыхъ ихъ жены возвращались отъ обѣдни, сказалъ пріятелю, который звалъ его обѣдать: «Некогда; нужно мнѣ съ моимъ начальникомъ, графомъ Александромъ Шуваловымъ, ѣхать въ Рыбачью слободу», (имѣнье императрицы, гдѣ у нея былъ домъ),—«тамъ есть дичь по нашей части». Пріятель, родственникъ моего камердинера, передалъ ему это замѣчаніе; любопытство ихъ заставило разузнать, что это была за дичь; они отправились туда, какъ бы на прогулку, къ управителю, и когда они тамъ находились, вошелъ въ камеру солдатъ, чтобы провѣрить золотые часы, которые мой камердинеръ призналъ за принадлежавшіе Андрею Чернышеву; тамъ же попались ему подъ руку святцы, которые онъ тоже узналъ и на которыхъ онъ нашелъ имя своего сослуживца. Сдѣлавъ это открытіе, онъ почувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Они были закадычными друзьями, и онъ умиралъ отъ страху, чтобы тотъ какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ не привлекъ его къ дѣлу. Но въ особенности онъ меня умолялъ Бога ради ни слова не говорить про это открытіе и, главное, скрыть отъ великаго князя, кото-

рый былъ крайне болтливъ. Я обѣщала ему молчать, и сдержала слово; оттого я и пріобрѣла себѣ тогда въ отношеніи сдержанности не только между своими приближенными, но даже въ обществѣ, такую славу, что каждый мнѣ свободно высказывалъ свои мнѣнія, и никто никогда не раскаялся въ томъ, что сказалъ: со мной всякій разговоръ оставался безъ послѣдствій. Этотъ способъ пріобрѣлъ мнѣ довѣріе и уваженіе многихъ людей, и этимъ я научилась многимъ вещамъ, какія знать полезно; многіе характеры обнаруживались на моихъ глазахъ, которыхъ иначе я бы никогда не узнала. Нѣсколько времени спустя, въ одну изъ поѣздокъ императрицы на дачу, поѣздокъ, которыя она повторяла очень часто, какъ-то, вставая изъ-за стола, я вздумала отъ скуки предложить Чоглоковой пройтись въ новые покои императрицы, которыхъ мы еще не видѣли. Чоглокова отвѣтила мнѣ по-русски: «Какъ изволите». Я приняла этотъ довольно двусмысленный отвѣтъ за молчаливое согласіе, и, дѣйствительно, мы съ великимъ княземъ и съ нею обошли эти покои. Раньше мы много разъ бывали въ старыхъ покояхъ, такъ что я ничуть не опасалась осмотрѣть новые. Только что вернулась императрица, какъ Чоглокова пришла отъ ея имени основательно намылить мнѣ голову. Она сказала, что императрица была очень разгнѣвана, что я имѣла дерзость и смѣлость осматривать ея покои, что пройти туда безъ ея разрѣшенія означало недостатокъ уваженія; она употребила еще много подобныхъ выраженій; никакимъ извиненіямъ съ моей стороны не было мѣста, и сцена кончилась горькими слезами съ моей стороны. Примите еще во вниманіе и то, что когда меня бранили, великій князь отъ меня отступался и часто также, чтобы поддѣлаться, начиналъ бранить вмѣстѣ съ ними. Нѣсколько времени спустя, князь Репнинъ былъ удаленъ отъ великаго князя, и взамѣнъ его императрица назначила Чоглокова. Для насъ это былъ громовый ударъ; этотъ Чоглоковъ, глупый, спесивый, злой, надутый, скрытный, молчаливый, всегда

хмурый, былъ для всѣхъ предметомъ ужаса, вплоть до Крузе, у которой была сестра, старшая камеръ-фрау и любимица императрицы, да великая поддержка гофмаршала Сиверса, находившагося вмѣстѣ съ женой, дочерью Крузе, въ числѣ людей близкихъ императрицѣ, такъ эта Крузе, очень прочно стоявшая, дрогнула однако, когда услышала извѣстіе объ этомъ отвратительномъ назначеніи. По этому можно судить, что за человѣка дали намъ; я предполагаю, что онъ былъ выбранъ графомъ Бестужевымъ, потому что злѣйшаго найти онъ не могъ. Поэтому съ первыхъ дней его выступленія намъ сказали, что три или четыре пажа, которыхъ великій князь очень любилъ, были арестованы и отправлены въ крѣпость. Новый предлогъ къ ужасу. Чоглоковъ запретилъ кавалерамъ входъ въ комнату великаго князя и принудилъ его, чтобы онъ оставался одинъ съ однимъ или двумя камердинерами, и какъ только замѣчали, что онъ къ кому-нибудь привязывался болѣе, чѣмъ къ другимъ, того удаляли или отправляли въ крѣпость. При этихъ обстоятельствахъ императрица велѣла предложить принцу епископу Любекскому уѣхать. Она сдѣлала ему подарки, а также его свитѣ и отправила его управлять владѣніями великаго князя въ Германіи въ качествѣ намѣстника. Незадолго до этого, чтобы уязвить наслѣднаго принца Шведскаго, управлявшаго Голштиніей во время несовершеннолѣтія великаго князя и брата принца епископа Любекскаго, Бестужевъ хлопоталъ при Вѣнскомъ дворѣ о пониженіи возраста, чтобы объявить этого князя совершеннолѣтнимъ до возраста, опредѣленнаго законами Германіи или Голштиніи, и, получивъ разрѣшеніе, объявили о совершеннолѣтіи; едва онъ сдѣлался таковымъ, какъ его заставили отпустить всѣхъ голштинцевъ, даже самые безразличные изъ нихъ, какъ Бредаль и Дукеръ, были въ томъ числѣ. Болѣе всего великій князь сожалѣлъ о главномъ своемъ камердинерѣ Крамерѣ; это былъ человѣкъ аккуратный, мягкій, привязанный къ князю со дня его рожденія, очень

разсудительный и способный давать ему разумные совѣты. Это удаленіе вызвало у великаго князя очень горькія слезы. Другой его камердинеръ, Румбергъ[1]), былъ посаженъ въ крѣпость. Князь, разлученный такимъ образомъ со всѣми, кого только подозрѣвали въ привязанности къ нему, и не имѣя возможности быть съ кѣмъ-нибудь откровеннымъ, въ своемъ горѣ обращался ко мнѣ. Онъ часто приходилъ ко мнѣ въ комнату; онъ зналъ или скорѣе чувствовалъ, что я была единственной личностью, съ которой онъ могъ говорить безъ того, чтобъ изъ малѣйшаго его слова дѣлалось преступленіе, я видѣла его положеніе, и онъ былъ мнѣ жалокъ, поэтому я старалась дать ему всѣ тѣ утѣшенія, которыя отъ меня зависѣли. Часто я очень скучала отъ его посѣщеній, продолжавшихся по нѣскольку часовъ, и утомлялась, ибо онъ никогда не садился и нужно было ходить съ нимъ взадъ и впередъ по комнатѣ; ходилъ онъ скоро и очень большими шагами; было тяжелымъ трудомъ слѣдовать за нимъ и, кромѣ того, поддерживать разговоръ о подробностяхъ по военной части, очень мелочныхъ, о которыхъ онъ говорилъ съ удовольствіемъ и, разъ начавши, съ трудомъ переставалъ; тѣмъ не менѣе я избѣгала, насколько возможно, дать ему замѣтить, что часто я изнемогала отъ скуки и усталости; я знала, что тогда для него единственнымъ развлеченіемъ была возможность мнѣ такимъ образомъ надоѣдать, причемъ самъ онъ того не подозрѣвалъ. Я любила чтеніе, онъ тоже читалъ, но что читалъ онъ? Разсказы про разбойниковъ или романы, которые мнѣ были не по вкусу. Никогда умы не были менѣе сходны, чѣмъ наши; не было ничего общаго между нашими вкусами, и нашъ образъ мыслей и наши взгляды на вещи были до того различны, что мы никогда ни въ чемъ не были бы согласны, если бы я часто не прибѣгала къ уступчивости, чтобъ его не задѣвать прямо; были однако минуты, когда онъ меня слушался, но то были ми-

[1]) Въ подлинникѣ — Rombach.

нуты, когда онъ приходилъ въ отчаяніе. Нужно сознаться, что это съ нимъ часто случалось: онъ былъ труслив сердцемъ и слабъ головою, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ проницательностью, но вовсе не разсудительностью; онъ былъ очень скрытенъ, когда, по его мнѣнію, это было нужно, и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно болтливъ, до того, что если онъ брался смолчать на словахъ, то можно было быть увѣреннымъ, что онъ выдастъ это жестомъ, выраженіемъ лица, видомъ или косвенно. Я думаю, такая его болтливость или иногда такое легкомысліе въ рѣчахъ были причиной, что поступали со всѣми, кто служилъ ему, такимъ образомъ, какъ я только что разсказала; до сихъ поръ я бо̀льшаго объ этомъ не знаю, такъ какъ не видѣла еще ихъ допросовъ, достать которые изъ архивовъ зависитъ лишь отъ меня.

Графъ Бестужевъ очень полюбилъ Пехлина-отца, тайнаго совѣтника великаго князя по дѣламъ Голштиніи. Ему принужденъ былъ великій князь вручить дѣла этой страны. Къ нему присоединили нѣкоего Бремзе, человѣка чрезвычайно грязнаго и самаго отъявленнаго мошенника, какой когда-либо существовалъ. Ну, вотъ я подошла почти къ веснѣ 1747 года. Къ этому времени я должна отнести сдѣланный мнѣ отъ имени императрицы запретъ писать къ матери иначе, какъ чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ, и вотъ какимъ образомъ. Когда я получила письмо, очевидно, заранѣе вскрытое, я должна была отослать его въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; тамъ должны были отвѣчать на эти письма, и я не смѣла сказать, что слѣдовало въ нихъ помѣстить. Этотъ порядокъ, понятно, сильно огорчилъ меня, но моя мать этимъ была встревожена еще сильнѣе. Не могу умолчать еще объ одномъ происшествіи, показавшемся мнѣ чрезвычайно страннымъ. Во время траура по моемъ отцѣ, когда мы по обыкновенію вышли какъ-то послѣ полудня на галлерею, я встрѣтила тамъ графа Санти, оберъ-церемоніймейстера; я обратилась къ нему, какъ обыкновенно дѣлали это со всѣми, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ говорила съ нимъ о безразличныхъ предметахъ. Чрезъ два

дня послѣ этого Чоглокова передала мнѣ отъ имени императрицы, что Ея Величество находила очень дурнымъ, что я осмѣлилась осуждать иностранныхъ посланниковъ и пословъ за то, что они не выразили мнѣ соболѣзнованія по поводу смерти моего отца, и что я сказала это графу Санти. Я сказала Чоглоковой, что я объ этомъ и не думала, и если графъ Санти передалъ это, то онъ солгалъ, потому что я могу Богомъ поклясться, что я не только этого не сказала, но даже не думала объ этомъ и ничего похожаго на это замѣчаніе графу Санти не говорила, и это была правда. Чоглокова мнѣ опять повторила замѣчаніе, что мой отецъ не былъ королемъ; я ей сказала, что знаю это безъ повтореній; она обѣщала доложить императрицѣ то, что я сказала, и вернулась сообщить мнѣ, что императрица еще велитъ разспросить графа Санти и, если онъ солгалъ, она велитъ его наказать. На слѣдующій день она принесла мнѣ письмо, въ которомъ Санти говорилъ, что, быть можетъ, онъ плохо понялъ. Но этого не могло быть, потому что въ разговорѣ не было даже вопроса о послахъ и ни о чемъ похожемъ на это. Графъ Воронцовъ послѣ этого извинялся передо мной отъ имени графа Санти, который увѣрялъ, что графъ Бестужевъ заставилъ его сказать то, о чемъ онъ никогда не думалъ. Не знаю, въ чемъ было дѣло, но это была странная ложь. Съ наступленіемъ весны мы переселились въ Лѣтній дворецъ. Я все болѣе и болѣе старалась сохранить расположеніе и довѣріе, которыя оказывалъ мнѣ великій князь, и, когда онъ не бывалъ въ моей комнатѣ, я шла къ нему со своей книгой и читала въ то время, какъ онъ пилилъ на скрипкѣ. Крузе мало-по-малу стала болѣе любезной въ отношеніи къ намъ съ тѣхъ поръ, какъ назначили Чоглокову, заносчивость которой она переносила лишь съ нетерпѣніемъ. Она считала себя тѣмъ болѣе заслуживающей уваженія, что сама же воспитала Чоглокову. Правда, это не дѣлало чести воспитательнымъ талантамъ Крузе; я думаю также, она годилась только въ дуэньи, что равносильно обязанностямъ Цербера, собаки Вулкана, по преда-

нію, не имѣвшей иного назначенія, какъ лаять. Милости Крузе въ теченіе этого лѣта простирались до того, что она доставляла великому князю столько дѣтскихъ игрушекъ, сколько ему было угодно; онъ ихъ любилъ до безумія, но такъ какъ онъ не посмѣлъ бы ими воспользоваться въ своей комнатѣ, не подвергаясь разспросамъ Чоглокова, который входилъ къ нему часто и не преминулъ бы точно справиться, какъ и черезъ кого онъ ихъ получилъ безъ его разрѣшенія, а это не преминуло бы надѣлать хлопотъ Крузе, то великій князь былъ принужденъ играть въ свои куклы лишь въ постели. Только что отужинавъ, онъ раздѣвался и приходилъ въ мою комнату ложиться; я вынуждена была дѣлать то же самое, чтобы мои горничныя удалились и чтобы можно было запереть двери; тогда Крузе, которая спала рядомъ съ моей комнатой, приносила ему столько куколъ и игрушекъ, что вся постель ими была покрыта. Я имъ не мѣшала, но иногда меня немножко бранили за то, что я не принимала достаточнаго участія въ этой пріятной забавѣ, которая охотно продолжалась съ десяти часовъ до полуночи или до часу. Чоглоковы ужасомъ, который они внушали, вызвали странное явленіе: всѣ единодушно соединились противъ нихъ, такъ какъ всякій боялся за себя; всѣ ихъ ненавидѣли, очень мало кто имъ содѣйствовалъ, и еще менѣе исполнялъ то, что они приказывали, хотя говорили они всегда отъ имени императрицы. Нашъ переѣздъ въ Лѣтній дворецъ былъ ознаменованъ удаленіемъ графа Петра Дивьера и Александра Вильбуа: первый получилъ мѣсто бригадира, а второй полковника въ арміи. Кажется, дѣйствительной причиной этого удаленія было то, что мы съ великимъ княземъ говорили съ ними больше, чѣмъ съ другими, и такъ какъ они были заподозрѣны въ преданности великому князю и мнѣ—жестокое преступленіе, которое никогда не прощалось. Въ то время пріѣхалъ въ Петербургъ Вольфенштіерна, шведскій посолъ; это былъ красивѣйшій съ ногъ до головы мужчина, какого только можно встрѣтить; всѣ, и въ

особенности женщины, были въ восторгѣ отъ его наружности, и совсѣмъ невинно; за столомъ, слыша ему похвалы, я его также похвалила: мнѣ вмѣнили въ преступленіе, что я его похвалила; мнѣ все же кажется, что не слѣдовало бы бранить молодыхъ женщинъ за случайно брошенныя слова, и что это вѣрный способъ остановить на комъ-нибудь ихъ вниманіе и даже, быть можетъ, внушить имъ опасеніе, что придаютъ больше значенія, чѣмъ слѣдуетъ, какимъ-нибудь нескромнымъ замѣчаніямъ. Очень опасно помогать развитію неопредѣленныхъ чувствъ, съ зародышемъ которыхъ всякій человѣкъ появляется на свѣтъ. Изъ Лѣтняго дворца мы переѣхали въ Петергофъ; великій князь не смѣлъ больше составлять полки изъ своихъ приближенныхъ, въ Петергофѣ онъ забавлялся, обучая меня военнымъ упражненіямъ; благодаря его заботамъ, я до сихъ поръ умѣю исполнять всѣ ружейные пріемы съ точностью самаго опытнаго гренадера. Онъ также ставилъ меня на караулъ съ мушкетомъ на плечѣ по цѣлымъ часамъ у двери, которая находилась между моей и его комнатой. Когда мнѣ позволялось покинуть свой постъ, я читала; вкусъ къ романамъ у меня проходилъ, случайно попали мнѣ въ руки письма г-жи де-Севинье, они меня очень развлекли; поглотивши ихъ, я стала читать произведенія Вольтера и не могла отъ нихъ оторваться. Кончивъ это чтеніе, я стала искать что-нибудь подходящее, но, не находя ничего подобнаго, я пока читала все, что попадало подъ руки, и про меня можно было тогда сказать, что я никогда не бывала безъ книги и никогда безъ горя, но всегда безъ развлеченій; мое отъ природы веселое настроеніе тѣмъ не менѣе не страдало отъ этого положенія; надежда или виды не на небесный вѣнецъ, но именно на вѣнецъ земной, поддерживали во мнѣ духъ и мужество. Въ Петергофѣ отпраздновали Петровъ день; данъ былъ балъ въ залѣ маленькаго Петровскаго дворца Монплезира, который велѣлъ построить Петръ Великій, а ужинать должны были на открытомъ воздухѣ вокругъ фонтана въ малень-

комъ саду Монплезира: столы были уже поставлены и даже накрыты, когда сильный дождь разстроилъ это празднество; столы и кушанья унесли въ обѣ низкія галлереи Монплезира и сѣли ужинать за эти столы, причемъ скатерти и салфетки были пропитаны водой; также соуса и жаркія плавали въ водѣ. Приблизительно то же случилось въ прошедшемъ году въ Ревелѣ во время пребыванія тамъ императрицы; она велѣла накрыть большой столъ въ саду Екатериненталя, гдѣ все эстонское дворянство обоего пола должно было имѣть честь поужинать съ Ея Величествомъ и со всѣмъ дворомъ; къ концу ужина сильный дождь затушилъ свѣчи и выгналъ насъ изъ-за стола. Изъ Петергофа мы переѣхали въ Ораніенбаумъ. Домъ здѣшній былъ тогда въ довольно разрушенномъ состояніи, но все же мы его занимали, и даже императрица пріѣхала верхомъ съ нами и съ двумя послами, австрійскимъ и англійскимъ. Первый былъ тотъ самый Бретлахъ, о которомъ я уже говорила, а второй милордъ Гиндфорсъ—изъ него первый, съ помощью графа Бестужева, сдѣлалъ совершеннаго пьяницу; впрочемъ, это былъ человѣкъ со здравымъ смысломъ, каковы обыкновенно всѣ англичане, хотя всѣ они оригиналы; этотъ былъ шотландецъ. Ея Величество, поужинавши въ Ораніенбаумѣ, возвратилась ночевать въ Петергофъ; оба посла и графъ Бестужевъ провели ночь въ Ораніенбаумѣ, пообѣдали на слѣдующій день у насъ и послѣ полудня отправились въ городъ. Мы оставались въ Ораніенбаумѣ дней десять, великій князь очень занялся собаками, а я бѣгала съ ружьемъ на плечѣ по лѣсамъ и доламъ; иногда я давала нести свое ружье пажу, который меня сопровождалъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ тогда Иванъ Ивановичъ Шуваловъ; я вѣчно его находила въ передней съ книгой въ рукѣ, я тоже любила читать и вслѣдствіе этого я его замѣтила; на охотѣ я иногда съ нимъ разговаривала; этотъ юноша показался мнѣ умнымъ и съ большимъ желаніемъ учиться; я его укрѣпила въ этой склонности, которая была и у меня, и не разъ пред-

сказывала ему, что онъ пробьетъ себѣ дорогу, если будетъ продолжать пріобрѣтать знанія. Онъ также иногда жаловался на одиночество, въ какомъ оставляли его родные; ему было тогда восемнадцать лѣтъ, онъ былъ очень недуренъ лицомъ, очень услужливъ, очень вѣжливъ, очень внимателенъ, и казался отъ природы очень кроткаго нрава. Онъ внушалъ мнѣ участіе, и я съ похвалой отозвалась о немъ его роднымъ, все любимцамъ императрицы; это привязало его ко мнѣ—онъ узналъ, что я ему желала добра; они стали обращать на него больше вниманія; кромѣ того, онъ былъ очень бѣденъ. Въ своемъ счастіи, которое наступило очень быстро, онъ долго былъ благодаренъ мнѣ за то, что я первая его отличила и, изъ лести, говорилъ мнѣ самъ и поручалъ сказать мнѣ, что я была тутъ первымъ двигателемъ. Еще въ Ораніенбаумѣ онъ сталъ ухаживать за княжной Анной Гагариной, которую я очень любила въ то время; черезъ годъ онъ дошелъ въ этой привязанности до желанія жениться на ней; онъ бросился къ ногамъ своихъ родныхъ, чтобы получить ихъ согласіе, но послѣдніе и слышать объ этомъ не захотѣли; не знаю толкомъ, почему, такъ какъ въ то время эта партія была бы счастіемъ для него. Княжна Гагарина, кромѣ того, что имѣла много ума, имѣла свыше тысячи душъ крестьянъ; кажется, большая разница лѣтъ между ними содѣйствовала сопротивленію родныхъ; ему было тогда, вѣроятно, лѣтъ восемнадцать, а ей по крайней мѣрѣ на десятокъ больше. Однако, я никогда не узнала точно причины ихъ отказа. Изъ Ораніенбаума мы возвратились въ Петергофъ. Тутъ однажды вечеромъ великому князю вздумалось поиграть въ жмурки въ моей комнатѣ съ моими горничными и его камердинерами. Поднялась очень продолжительная возня. Чоглокова явилась смутить веселье и положила конецъ этой забавѣ столько же невинной, сколько шумной; она всѣхъ выбранила и всѣмъ присутствующимъ пригрозила гнѣвомъ императрицы. Крузе получила нахлобучку, какъ и остальные; она пыталась объяснить, что не изъ-за чего было грозить

гнѣвомъ Ея Величества. Вся компанія выжидала, за кѣмъ останется поле сраженія; но Крузе была побѣждена и ей пригрозили, что она будетъ удалена, какъ и всѣ прочіе, которые въ этомъ ожиданіи съ большой грустью приняли рѣшеніе итти спать. Можно было бы сказать, что самымъ сладостнымъ удовольствіемъ для Чоглоковой была возможность бранить и говорить всѣмъ непріятности; это удовольствіе удваивалось, когда она бывала беременной, а какъ только она разрѣшалась, она вновь становилась такою. Мы только и видали ее или беременной, или рождавшей съ 1746 г. до смерти ея мужа, послѣдовавшей въ 1754 году. Вернувшись въ городъ въ Лѣтній дворецъ, великій князь и Крузе стали опять играть въ куклы въ моей постели. Однажды вечеромъ, когда ихъ игра была въ самомъ разгарѣ, мы услыхали стукъ въ двери моей спальни, которая была заперта [на ключъ] въ два поворота. Крузе спросила, кто тамъ, и услышала грозный голосъ Чоглоковой, приказывавшей ей открыть. Она задрожала отъ страха, какъ бы не была обнаружена затѣя съ игрушками— вся постель была ими усѣяна; отъ двери однимъ прыжкомъ очутилась она у кровати, но мы съ великимъ княземъ спрятали покамѣстъ какъ можно больше игрушекъ подъ одѣяло; Крузе поторопилась сдѣлать то же съ остальными и пошла открыть дверь. Чоглокова вошла не безъ ворчанья за то, что заставили ее ждать, и пожелала узнать тому причину. Крузе, всегда наготовѣ, когда нужно было соврать, сказала ей, что ходила за ключомъ въ свою комнату; затѣмъ Чоглокова пожелала узнать, отчего это мы были въ постели и не спимъ; тутъ отвѣтъ былъ коротокъ: великій князь ей сказалъ, что это потому, что ему не хотѣлось спать. Сдѣлавъ еще нѣсколько подобныхъ вопросовъ, Чоглокова удалилась, не найдя, за что уцѣпиться, и не объясняя причинъ своего появленія. По всей вѣроятности, она пронюхала что-нибудь объ игрушкахъ и хотѣла накрыть Крузе съ поличнымъ, послѣдняя не далась въ обманъ—она увидѣла, въ чемъ было дѣло. Нѣ-

сколько дней спустя, одинъ изъ дворецкихъ, большой пріятель Крузе, кушанья котораго великій князь очень любилъ, былъ уволенъ совершенно зря; это сильно огорчило ихъ обоихъ. Въ началѣ осени мы получили приказаніе перейти въ Зимній дворецъ. Ставши по необходимости неразлучными, мы съ великимъ княземъ составили маленькій проектъ, какъ провести зиму, и было рѣшено въ нашемъ комитетѣ проводить бо́льшую часть времени въ одной изъ комнатъ на моей половинѣ, откуда былъ красивый видъ и гдѣ до тѣхъ поръ мы помѣщали свои образа. Половину образовъ, покрывавшихъ всѣ четыре стѣны, должно было сложить въ кладовую, чтобы дать мѣсто канапе, стоявшему раньше въ моей уборной. Двѣ другія стѣны оставались не тронутыми и покрытыми образами. Тутъ великій князь хотѣлъ пилить на скрипкѣ или глядѣть въ окно, а я—читать книгу или заниматься рукодѣліемъ. Казалось, этотъ проектъ не могъ послужить предметомъ для какого-либо возраженія въ виду его крайней невинности. Вслѣдствіе этого я приказала своему камердинеру Тимоѳею Евреинову устроить въ Зимнемъ дворцѣ комнату сообразно съ этимъ. Не знаю, для чего онъ пошелъ къ Чоглоковой сообщить данныя мною приказанія; ибо, если бы онъ промолчалъ, дѣло, я думаю, прошло бы безъ сопротивленія; но потому ли, что онъ не смѣлъ дотронуться до мебели въ моей комнатѣ безъ нея, или по болтливости, но она узнала отъ него объ этомъ распоряженіи. Она пришла ко мнѣ и сказала, что императрица не позволитъ мнѣ перемѣщать канапе и эти образа, которые я размѣстила прошлой зимой безъ вѣдома императрицы, и что размѣщеніе настолько же глупо, насколько дерзко; я отвѣтила ей, что была удивлена, что она обезпокоила Ея Величество изъ-за перестановки какого-то канапе, и что я полагала, что о такихъ пустякахъ не стоило ей сообщать; на этотъ разъ я, противъ обыкновенія молчать и уступать, рѣзко отвѣтила Чоглоковой, и разговоръ у насъ сталъ очень жаркимъ; я думала, что

на моей сторонѣ справедливость, но Чоглокова чувствовала, что сила была на ея сторонѣ, и несмотря на все, что я могла сказать или привести, пришлось повиноваться. Не знаю, была ли недовольна мною императрица въ этомъ случаѣ, но мнѣ казалось, что она всегда была мною недовольна, такъ какъ бывало очень рѣдко, что она дѣлала мнѣ честь вступать въ разговоръ; впрочемъ, хоть и жили мы въ одномъ домѣ и наши покои соприкасались какъ въ Зимнемъ, такъ и въ Лѣтнемъ дворцѣ, но мы не видали ея по цѣлымъ мѣсяцамъ, а часто и болѣе. Мы не смѣли безъ зова явиться въ ея покои, а насъ почти никогда не звали. Насъ часто бранили отъ имени Ея Величества за такіе пустяки, относительно которыхъ нельзя было и подозрѣвать, что они могутъ разсердить императрицу. Она для этого посылала къ намъ не однихъ Чоглоковыхъ, но часто бывало, что она гоняла къ намъ горничную, выѣздного или кого-нибудь въ этомъ родѣ передать намъ не только чрезвычайно непріятныя вещи, но даже рѣзкости, равносильныя грубѣйшимъ оскорбленіямъ. Въ то же время невозможно было быть болѣе осторожной, нежели я была въ глубинѣ души, чтобы не нарушить должное Ея Величеству почтеніе и послушаніе. Великій князь былъ нѣсколько менѣе сговорчивъ, однако онъ тогда былъ еще очень послушенъ, но исполнялъ онъ все съ неудовольствіемъ и противъ желанія; я буду имѣть случай говорить объ этомъ впослѣдствіи. Его ребячество и болтливость и тогда уже ему сильно вредили и лишали его уваженія людей самыхъ благонамѣренныхъ. Я рѣшилась откровенно поговорить съ нимъ объ этомъ, но была плохо принята имъ и онъ объявилъ мнѣ, что не желаетъ моихъ наставленій—достаточно уже надоѣли ему наставленія другихъ. Можетъ быть, я неумѣло взялась высказать ему столь великія истины, но ему глубоко внушили, чтобъ онъ не позволялъ женѣ управлять собой, и это его заставляло быть на сторожѣ противъ всего разумнаго, что я могла ему сказать; онъ тогда лишь слѣдовалъ моему совѣту, когда требовала того крайняя необ-

ходимость и когда онъ находился въ бѣдѣ; впрочемъ, я должна согласиться, что въ виду крайней разницы нашихъ характеровъ, мнѣнія или совѣты, какіе я могла ему дать, вовсе не соотвѣтствовали ни его взглядамъ, ни характеру и вслѣдствіе этого почти никогда не приходились по вкусу. Если бъ я была на его мѣстѣ, то, мнѣ кажется, со мной не смѣли бы обращаться такъ, какъ съ нимъ обращались; съ одной стороны я постаралась бы не давать этому повода, а съ другой—я отвѣчала бы болѣе послѣдовательно и рѣшительно, чѣмъ онъ это дѣлалъ. Осенью того же года была свадьба графа Лестока съ дѣвицей Маріей Менгденъ, фрейлиной императрицы. По приказанію Ея Величества я отвезла невѣсту въ своей каретѣ въ лютеранскую церковь, гдѣ они были обвѣнчаны, и оттуда я привезла ее обратно ко двору; два года тому назадъ такъ же былъ обвѣнчанъ графъ Сиверсъ. Обыкновенно свадьбы фрейлинъ приберегались къ масленицѣ, и многія масленицы прошли безъ иного развлеченія, кромѣ этихъ свадебъ, не только скучныхъ по сопровождавшимъ ихъ церемоніямъ, но даже очень утомительныхъ, такъ какъ продолжались онѣ два дня сряду до поздней ночи; кромѣ того, молодымъ онѣ стоили такъ дорого, что часто поглощали все приданое молодой и, для начала хозяйства, онѣ вводили обѣ стороны въ долги. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы графъ Лестокъ устроилъ большой ужинъ Ея Величеству и всему двору. Мы съ великимъ княземъ были въ томъ числѣ. Въ то же время Чоглоковы выдали свою сестру Мароу Симоновну Гендрикову за офицера гвардіи, по имени Сафонова, очень красиваго человѣка; императрица сдѣлала его камеръюнкеромъ; онъ былъ столь же глупъ, сколь тупа была его суженая; во всякой другой странѣ, вмѣсто того, чтобы опредѣлить такую особу ко двору (она была фрейлиной императрицы), вся семья постаралась бы скрыть ее въ невѣдомомъ углу. Эта свадьба дала поводъ ужасной исторіи, долго забавлявшей дворъ и городъ. Только что онѣ поженились, какъ молодая стала жаловаться сестрѣ на дурное

обращеніе мужа; она увѣряла, что мужъ, ложась съ нею, привязываетъ ее къ стойкѣ кровати, что онъ ее бьетъ и скверно обращается съ ней. Чоглокова пожаловалась императрицѣ, которая велѣла позвать Сафонова, выбранила его, поносила его послѣдними словами, дала пощечину и кончила тѣмъ, что отправила его въ крѣпость, гдѣ онъ оставался очень продолжительное время. Между тѣмъ жена его оказалась беременной; Чоглокова взяла ее къ себѣ; нѣсколько лѣтъ спустя эта дура во что бы то ни стало захотѣла вернуть своего мужа; ей его отдали и позволили имъ произвести потомство, не уронившее репутаціи ни отца, ни матери. Достаточно лишь слѣдующей черты, чтобы представить себѣ, до чего доходила эта женщина въ своей глупости: она была поражена ловкостью своей повивальной бабки, которая ей предсказала, по ея словамъ, что у нея родится сынъ или дочь; она не могла понять, какъ могла угадать это бабка? Въ эту зиму я стала очень заботиться о нарядахъ; княжна Гагарина часто говорила мнѣ украдкой и тайкомъ отъ Чоглоковой,—передъ которой, мимоходомъ говоря, было непростительнымъ преступленіемъ похвалить меня,—что я со дня на день хорошѣю; этому пришла пора, мнѣ было тогда восемнадцать лѣтъ. Тамъ и сямъ я встрѣчала льстецовъ, повторявшихъ мнѣ то же; я начинала имъ вѣрить и дольше прежняго оставалась передъ зеркаломъ. У меня былъ мальчикъ-калмыкъ, который очень хорошо причесывалъ; часто я звала его по два раза на дню, когда представлялся къ тому случай; я была высока ростомъ и очень хорошо сложена; слѣдовало быть немного полнѣе: я была довольно худа. Я любила быть безъ пудры, волосы мои были великолѣпнаго каштановаго цвѣта, очень густые и хорошо лежали; но мода быть безъ пудры уже проходила; я иногда пудрилась въ эту зиму. Лестокъ сказала мнѣ вскорѣ послѣ свадьбы, что шведскій посланникъ Вольфенштіерна находилъ меня очень красивой; я за это ничего противъ него не имѣла, но это приводило меня въ нѣкоторое замѣшательство, когда мнѣ

приходилось съ нимъ разговаривать. По скромности ли, или по кокетству, я хорошенько не знаю,—но всегда это стѣсненіе, дѣйствительно, существовало. Немного времени спустя была свадьба моего камергера князя Александра Голицына съ княжной Дарьей Гагариной, моей фрейлиной. Въ теченіе зимы было еще нѣсколько свадебъ и одинъ или два маскарада. Въ кадетскомъ корпусѣ, бывшемъ тогда подъ управленіемъ князя Бориса Юсупова, была разыграна этими молодыми людьми пьеса, которую императрица велѣла разъ или два сыграть на придворномъ театрѣ. Представляли «Заиру»; Мелиссино игралъ роль Оросмана; у него были очень красивые глаза, но вся эта труппа отвратительно произносила по-французски. Остервальдъ игралъ роль Лузиньяна.

6-го января, въ праздникъ Богоявленія, 1748 года я встала съ сильной болью въ горлѣ, съ тяжелой головой и съ недомоганьемъ во всемъ тѣлѣ. Однако я одѣлась, чтобы пойти къ обѣднѣ и съ намѣреніемъ слѣдовать за крестнымъ ходомъ на Неву для водоосвященія, но хотя на тотъ конецъ даны были всѣ распоряженія, императрица не послѣдовала за крестнымъ ходомъ, какъ обыкновенно она дѣлала, а также уволила отъ этого насъ съ великимъ княземъ; вернувшись къ себѣ въ комнату, я была принуждена лечь, такъ какъ у меня сдѣлалась лихорадка и всю ночь былъ очень сильный жаръ. Когда я проснулась, Крузе, подойдя къ моей кровати и посмотрѣвъ мнѣ въ лицо, громко вскрикнула и сказала мнѣ, что у меня навѣрное оспа. Я ея смертельно боялась; я посмотрѣла на свои руки и грудь и нашла ее сплоть покрытой мелкими красными прыщиками. Послали за докторомъ Бургавомъ; явился лейбъ-медикъ императрицы графъ Лестокъ и всѣ думали, что у меня оспа. Мой хирургъ Гюйонъ сказалъ мнѣ, впрочемъ, что это еще очень сомнительно и что это, можетъ быть, какая-нибудь иная сыпь, напримѣръ, корь или то, что по-нѣмецки называютъ Rothepriesel, а по-русски, кажется, лапуха. Случилось, что только онъ

одинъ не ошибся; на этотъ разъ я отдѣлалась страхомъ. Меня перенесли вмѣстѣ съ кроватью въ болѣе теплую и удобную комнату, такъ какъ альковъ моей спальни былъ подверженъ сквознякамъ, — его отдѣляла отъ большой пріемной лишь тонкая досчатая перегородка; зато и всѣ зимы, когда я тамъ спала, у меня постоянно были флюсы. Я должна сознаться, что Чоглокова, хоть и была въ послѣдней порѣ беременности, всячески заботилась обо мнѣ во время этой болѣзни; она почти не покидала моей комнаты; она избѣгала непріятныхъ разговоровъ и вообще казалась очень смягчившейся и даже иногда, но рѣдко, снисходила до маленькихъ одолженій. Я была изумлена, но долго не знала причины, о которой подробно скажу ниже. Поправившись отъ этой болѣзни къ концу масленой, я хотѣла говѣть на первой недѣлѣ Великаго поста. Мы, т. е. великій князь и я, уже начали готовиться къ этому въ теченіе нѣсколькихъ дней, какъ пришла Чоглокова объявить съ добродушнымъ видомъ, что императрица приказала отложить это намѣреніе на послѣднюю недѣлю; я сказала ей, что мнѣ, по обряду нашей церкви, это будетъ невозможно, такъ какъ мои мѣсячныя этому помѣшаютъ. Чоглокова мнѣ сказала, что она уже сдѣлала это возраженіе Ея Величеству, но она желала, чтобы мы говѣли съ нею. Я сообразовалась съ волею императрицы, и мы прекратили говѣніе. По особому повелѣнію императрицы Чоглоковъ долженъ былъ ночевать въ передней великаго князя; онъ являлся туда, когда великій князь ложился спать, и вставалъ, когда докладывали, что великій князь проснулся. До сихъ поръ я не понимаю смысла этого распоряженія—развѣ для того, чтобы охранять главную дверь пустого помѣщенія, въ которомъ, однако, имѣлась еще другая, не охраняемая входная дверь. Чоглокова очень любила Кошелеву, одну изъ моихъ фрейлинъ; это была рослая дѣвушка, глупая, очень неуклюжая во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, но очень бѣлая — единственное достоинство, какое за нею признавали. Эта дѣвица постоянно бывала

у нея, и Чоглокова, сама не будучи особенно умна, между тѣмъ часто забавлялась глупостью и неловкостью Кошелевой, а такъ какъ мужъ ея, въ виду распоряженія, о которомъ я только что говорила, рѣдко и даже тайкомъ ночевалъ дома, то Чоглокова клала спать эту дѣвицу или съ собой, или на небольшой кровати рядомъ со своей. Она была помѣщена довольно тѣсно, какъ и всѣ вообще въ то время при дворѣ. Чоглоковъ спускался въ шлафрокѣ и не имѣлъ особаго покоя, кромѣ комнаты жены; онъ вѣчно и заставалъ ее или лежащей съ Кошелевой, или подлѣ нея; случай дѣлаетъ человѣка воромъ, и мало-по-малу эта дура пришлась ему по вкусу—ничего въ этомъ не было удивительнаго, такъ какъ у него ума было не больше, чѣмъ у нея; жена, безумно его любившая, ничего тутъ и не подозрѣвала. Моя болѣзнь благопріятствовала этой влюбленной парочкѣ. Чоглоковъ сумѣлъ убѣдить свою жену, что долгомъ ея было ходить за мной во время моей болѣзни и, чтобъ она не оставила меня изъ-за дурного настроенія и дабы помѣшать ей возвращаться домой не въ духѣ, онъ сумѣлъ ее сдѣлать болѣе покладистой въ отношеніи ко мнѣ. Во время этого поста княжна Анна Гагарина, товарка Кошелевой, стала подозрѣвать эту склонность Чоглокова. Чтобъ лучше скрыть эту склонность, Чоглоковъ такъ устраивалъ, чтобы жена звала къ себѣ въ комнату и княжну Гагарину, но она была очень умна, живо разобрала, что тутъ происходило; она объ этомъ молчала, но не передо мной однако. Я остереглась выдать эту тайну, благодаря которой въ концѣ концовъ я, по закону противодѣйствія, чувствовала себя не такъ плохо, какъ прежде. Чоглоковъ началъ понемногу быть обходительнѣе то съ тѣмъ, то съ другимъ, или по крайней мѣрѣ его вниманіе было отвлечено въ другую сторону, что дѣлало его менѣе зловреднымъ, чѣмъ обыкновенно. Къ концу пятой недѣли Великаго поста я поручила Чоглоковой просить Ея Величество разрѣшить мнѣ говѣть на шестой недѣлѣ, такъ какъ мнѣ нельзя будетъ сдѣлать это на седь-

мой. Императрица велѣла мнѣ передать, что сама находится въ томъ же положеніи и тоже будетъ говѣть на шестой недѣлѣ; великій князь отложилъ свое говѣніе на седьмую. Тѣмъ временемъ Чоглокова разрѣшилась отъ бремени. Я была у исповѣди въ пятницу и легла, но ночью появились мѣсячныя; какъ только я узнала, что императрица проснулась, я послала одну изъ своихъ дѣвушекъ, сестра которой была при Ея Величествѣ, передать ей, что случилось со мной; я боялась притомъ, что меня выбранятъ за ошибку въ расчетѣ, но императрица велѣла мнѣ сказаться больной и провести этотъ день дома; такъ я осталась въ постели и жаловалась на колотья въ боку. Такимъ образомъ мое говѣніе отложено вторично, да еще на послѣднюю недѣлю; въ среду этой недѣли, послѣ всенощной, я почувствовала сильный ознобъ, тяжесть въ головѣ и боль во всемъ тѣлѣ; я была принуждена лечь; ночью жаръ былъ такъ силенъ, что когда я звала одну изъ дѣвушекъ и онѣ открывали пологъ, онѣ говорили, что на нихъ шелъ жаръ, какъ изъ черезчуръ натопленной печки. Я находилась въ этомъ состояніи до страстной субботы; въ этотъ день я встала съ постели и мнѣ принесли въ спальню св. причастіе, я пошла къ дверямъ, поддерживаемая двумя горничными; я не могла держаться; жаръ былъ все такой же; никто не зналъ, что изъ этого выйдетъ; слабость увеличилась отъ недостатка питанія: прошлую недѣлю я постилась, и въ желудкѣ были лишь грибы; причастившись, я опять легла. На другое утро, въ день Пасхи, мнѣ принесли бульону; проглотивъ его, я встала, чтобы велѣть перестлать мою постель, и приказала подвинуть меня къ окну; мнѣ показалось, что мнѣ немного лучше; я позвала Крузе; она посмотрѣла на мое лицо и сказала мнѣ, что я опять вся покрыта сыпью. Позвали врачей и хирурговъ; на этотъ разъ они всѣ рѣшили, что это оспа; лишь я не хотѣла этому вѣрить, такъ какъ была уже обманута въ январѣ. Меня снова перенесли въ то помѣщеніе, гдѣ я была въ первый разъ, и черезъ сутки

увидѣли, что то была корь, но такая сильная, что тамъ и сямъ пятна были величиною въ рубль и все тѣло съ головы до ногъ было покрыто пятнами. Я узнала тогда, что болѣзнь эта заразительна; у меня была дѣвочка калмычка лѣтъ десяти-двѣнадцати, которую я очень любила; ребенокъ этотъ не покидалъ изголовья моей постели и, дѣйствительно, она отъ меня получила эту болѣзнь. Въ тотъ же день Пасхи графъ Лестокъ навѣстилъ меня; онъ все еще былъ лейбъ-медикомъ; онъ воспользовался минутой, когда никто его не слыхалъ, и сказалъ мнѣ: «Шведскому посланнику очень чувствительна ваша болѣзнь; онъ поручилъ вамъ это передать». Такъ какъ я знала, что онъ вѣчно шутитъ, я отвѣтила въ томъ же духѣ: «Скажите ему, что я ему очень признательна за участіе». Съ его стороны была тутъ хитрость, но до сихъ поръ я не знаю, въ чемъ она состояла. Княжна Гагарина мнѣ тайкомъ говорила о шведскомъ посланникѣ и его привязанности, и это несомнѣнно заставляло меня обращать на него больше вниманія, чѣмъ на другихъ, но только и всего. Этотъ посланникъ велъ очень крупную игру; во время масленой онъ выигралъ у графа Разумовскаго и также у другихъ придворныхъ значительныя суммы; всѣ вплоть до императрицы желали играть съ нимъ, такъ какъ онъ слылъ за хорошаго и пріятнаго игрока. Я была еще очень слаба 21 апрѣля ст. ст. 1748 года, день, когда мнѣ пошелъ двадцатый годъ. Я была совсѣмъ изумлена, что дожила до этого; мнѣ казалось, что такъ недавно была я еще лишь ребенкомъ и со мною обращались, какъ съ таковымъ; я вовсе не появлялась въ обществѣ въ тотъ день изъ-за большой слабости, какая у меня тогда была, да и пятна кори еще были замѣтны. Кажется, по совѣту врачей, императрица вызвала насъ съ великимъ княземъ въ Царское Село въ началѣ мая; корь оставила мнѣ сильный кашель. Здѣшній дворецъ тогда строился, но это была работа Пенелопы: завтра ломали то, что сдѣлано было сегодня. Домъ этотъ былъ шесть разъ разрушенъ до основанія и вновь

выстроенъ прежде, чѣмъ доведенъ былъ до состоянія, въ какомъ находится теперь; цѣлы счета на милліонъ шесть сотъ тысячъ рублей, которыхъ онъ стоилъ, но, кромѣ того, императрица тратила на него много денегъ изъ своего кармана и счетовъ на нихъ нѣтъ. Мы провели одиннадцать дней въ Царскомъ Селѣ—въ первые дни императрица позволила своей свитѣ обѣдать и ужинать у насъ, внизу, гдѣ мы жили, когда Ея Величество обѣдала и ужинала отдѣльно у себя, что случалось почти ежедневно. Намъ это нравилось, но великій князь все испортилъ чрезмѣрнымъ весельемъ со своими камердинерами и, по недостатку лучшаго общества, онъ привыкъ къ грубымъ и пошлымъ выраженіямъ, которыя въ хорошемъ обществѣ, хотя бы употребляемы были въ шутку, считались грубою бранью и которыя въ особенности должны были не нравиться людямъ мелочнымъ и привыкшимъ придираться болѣе къ словамъ, чѣмъ къ смыслу. Однажды, когда обѣдалъ у насъ генералъ Бутурлинъ и очень смѣшилъ великаго князя, послѣдній отъ полноты веселья, разражаясь смѣхомъ и откинувшись на стулѣ, вдругъ хватилъ по-русски: «О, этотъ сукинъ сынъ меня уморитъ со смѣху сегодня». Я сидѣла около него и почувствовала, что это слово не пройдетъ безъ пересудовъ и толковъ, и покраснѣла за него. Бутурлинъ замолчалъ, за этимъ столомъ было нѣсколько человѣкъ, принадлежавшихъ къ большому двору; три четверти ничего не слыхали, будучи слишкомъ далеко, но Бутурлинъ передалъ это императрицѣ, которая велѣла сказать своимъ придворнымъ, чтобъ они не являлись больше къ столу великаго князя, а послѣднему, что разъ онъ не умѣетъ принимать своихъ гостей, то они къ нему ходить не будутъ. Бутурлинъ никогда не могъ забыть этого слова и незадолго до своей смерти, бывшей въ 1767 году, онъ еще говорилъ мнѣ: «Помните ли вы приключеніе въ Царскомъ Селѣ, когда великій князь назвалъ меня за столомъ, публично, сукинымъ сыномъ?» Вотъ результатъ, который часто влечетъ за собой нескромное слово,

сказанное неосторожно: оно никогда не изглаживается; а то слово въ концѣ концовъ было просто опрометчивостью молодого человѣка, увлеченнаго опьянѣніемъ веселья и вынужденнаго необходимостью бывать въ дурномъ обществѣ, которымъ окружили его дорогая тетушка и ея приспѣшники; такимъ образомъ этотъ юноша на самомъ дѣлѣ долженъ былъ возбуждать болѣе жалости, чѣмъ злопамятства. Въ теченіе одиннадцати дней, проведенныхъ въ Царскомъ Селѣ, я два раза въ день выѣзжала въ одноколкѣ и стрѣляла птицъ; это пребываніе въ Царскомъ Селѣ и весенній воздухъ принесли мнѣ большую пользу, послѣ чего мы возвратились въ городъ, откуда въ концѣ мая императрица приказала намъ слѣдовать за нею въ Гостилицы, имѣніе графа Разумовскаго, ея тогдашняго фаворита. Мы тамъ уже были въ теченіе Великаго поста и облюбовали деревянный домикъ, отъ котораго шла катальная гора. Графъ Разумовскій думалъ сдѣлать намъ подарокъ, помѣстивъ насъ въ этомъ домикѣ, откуда былъ прекрасный видъ и гдѣ былъ сухой воздухъ; мы были очень довольны такимъ порядкомъ; верхній этажъ, который мы занимали, заключалъ въ себѣ, кромѣ лѣстницы, маленькую залу и три комнаты; мы спали въ одной, Крузе въ другой, а великій князь одѣвался въ третьей; Чоглоковы и остальная часть нашей свиты помѣщались внизу, частью въ домѣ, частью въ палаткахъ вокругъ этого домика. Тогда уѣзжалъ Бретлахъ, посолъ Вѣнскаго двора; въ знакъ отличія, императрица разрѣшила ему сюда заѣхать, такъ какъ это имѣніе было ему почти по дорогѣ, и, чтобы принять его, она приказала всѣмъ дамамъ надѣть на полуюбки изъ китоваго уса короткія юбки розоваго цвѣта, съ еще болѣе короткими казакинами изъ бѣлой тафты, и бѣлыя шляпы, подбитыя розовой тафтой, поднятыя съ двухъ сторонъ и спускающіяся на глаза; окутанныя такимъ образомъ, мы походили на сумасшедшихъ, но это было изъ послушанія. Гуляли, играли и ужинали до шести часовъ утра 25 мая, когда Бретлахъ откланялся,

и мы пошли спать, очень уставшіе. Я крѣпко спала, когда въ восемь часовъ утра разбудилъ меня голосъ Чоглокова; онъ взломалъ замокъ стеклянной двери комнаты, въ которой мы спали, и, войдя, поспѣшно откинулъ занавѣсы въ ногахъ у постели и сказалъ, чтобы мы скорѣе вставали, потому что фундаментъ дома опускается. Великій князь однимъ прыжкомъ очутился у двери, я же стала разспрашивать у Чоглокова, что̀ это значитъ, такъ какъ не имѣла понятія и не знала, была ли тутъ опасность, или нѣтъ. Онъ повторилъ мнѣ, чтобъ я скорѣе вставала и что онъ не выйдетъ безъ меня изъ этого дома; я просила его выйти, чтобъ имѣть возможность встать; онъ это исполнилъ; я одѣлась довольно скоро; я надѣла чулки, юбку, верхнюю юбку и пошла будить Крузе, которая крѣпко спала въ другой комнатѣ и о которой никто не подумалъ; я подождала, пока она встала и окуталась, взяла еще шубку и сказала ей: «Идемъ, выйдемъ». Только произнесла я эти слова и занесла ногу черезъ порогъ комнаты Крузе, какъ мы услышали шумъ, подобный тому, какой производитъ линейное судно, опускаясь съ верфи. Крузе закричала: «Это землетрясенье!» Мы хотѣли ускорить шаги, но только успѣли мы сдѣлать шага три-четыре, какъ полъ, по которому мы шли, началъ двигаться подобно волнамъ на морѣ въ бурную погоду, вслѣдствіе чего Крузе, я и прибѣжавшая горничная повалились всѣ трое на этотъ содрогающійся полъ съ такою силою, что причинили себѣ не мало ушибовъ. Въ это время черезъ дверь, приходившуюся противъ того мѣста, гдѣ мы лежали на полу, вошелъ Левашевъ, сержантъ Преображенскаго полка, поднявшійся, чтобы спасти меня. Онъ ухватился рукою за дверь и это ему помѣшало упасть, а полъ становился нѣсколько спокойнѣе; онъ подбѣжалъ ко мнѣ и взялъ меня на руки: это былъ высокій и сильный мужчина; случайно я взглянула на обѣ печки, составлявшія очень острый уголъ по серединѣ ихъ высоты, но, къ счастью, ни единый кирпичъ не отвалился, такъ какъ если бы онѣ рухнули,

вѣроятно, мы были бы раздавлены ими, или по крайней мѣрѣ тяжело ранены. Еще увидѣла я черезъ одно изъ оконъ, обращенное къ горѣ, что можно было видѣть по крайней мѣрѣ на полъ-аршина ниже катальной горы, а наканунѣ этотъ домъ стоялъ на одномъ уровнѣ съ горой: это былъ приблизительно тотъ путь, какой мы прошли вмѣстѣ съ домомъ, спустившимся по крайней мѣрѣ на полъ-аршина, если не болѣе. Левашевъ хотѣлъ со мной спуститься по лѣстницѣ, но лѣстница упала передъ нами; нѣсколько служителей кое-какъ влѣзли по обломкамъ и несли меня, передавая съ рукъ на руки надъ развалинами; наконецъ меня вынесли на вольный воздухъ. Тутъ я нашла великаго князя и Чоглокова. Послѣднiй считалъ меня погибшей и казался болѣе озабоченнымъ упреками, которые ему сдѣлаютъ за то, что не взялъ меня съ собой, нежели огорченнымъ моей гибелью. Съ нимъ были его перепуганная жена и Кошелева, тоже полумертвая. Великiй князь ни слова не вымолвилъ, онъ смотрѣлъ на зрѣлище, какое было у него передъ глазами, ничѣмъ не выдавая произведеннаго на него впечатлѣнiя; онъ былъ очень блѣденъ и, казалось, не совсѣмъ еще проснулся. Снаружи домъ не представлялъ ничего особеннаго: невозможно деревянному дому сползти съ фундамента болѣе прилично, чѣмъ сдѣлалъ это нашъ домъ; онъ былъ совершенно цѣлъ; холмикъ, который онъ встрѣтилъ на своемъ пути, остановилъ движенiе и, быть можетъ, помѣшалъ ему опрокинуться на противоположную сторону горы; четыре ряда камней, такъ называемыхъ плитъ, выпали съ одной стороны изъ-подъ дома и были разбросаны по травѣ. Но ужасно было смотрѣть на то, что выносили изъ дому. Первое, что поразило меня, была женщина, которую выносили и у которой вся голова была въ крови; я хотѣла побѣжать туда и узнать, кто это. Чоглоковъ остановилъ меня за руку, говоря, что меня раздавитъ, такъ какъ нельзя было знать, не рухнетъ ли еще домъ; наконецъ я узнала, что эта женщина была княжна Анна Гагарина,

тяжело раненая; у нея былъ разсѣченъ носъ и проломлена въ нѣсколькихъ мѣстахъ голова; послали за священникомъ и тутъ же на лугу ее исповѣдали; потомъ ее отдали въ руки хирурговъ. Число раненыхъ и убитыхъ было велико; въ подвалахъ было убито шестнадцать человѣкъ крестьянъ и рабочихъ—изъ тѣхъ, что несли службу при горѣ; въ кухнѣ печь упала на троихъ, лежавшихъ неподалеку; одинъ былъ убитъ, двое другихъ, тяжело раненые, умерли немного спустя; горничная Кошелевой была ранена въ голову той же печью, что упала на княжну Гагарину; наконецъ, такъ какъ всѣ печи нижняго этажа обвалились, еще многія лица получили царапины, ссадины и болѣе значительные ушибы. Несчастіе могло бы быть еще больше, если бы по величайшей случайности тотъ самый сержантъ Левашевъ, который меня вынесъ, не пріѣхалъ изъ Ораніенбаума, гдѣ находился онъ при постройкахъ; сидя около часового и ожидая, когда проснется Чоглоковъ, онъ услыхалъ странный трескъ въ домѣ, гдѣ все покоилось глубокимъ сномъ. Онъ сталъ разспрашивать часового, который сказалъ ему, что трескъ этотъ продолжался уже всю ночь. Левашевъ заподозрѣлъ бѣду; онъ разбудилъ Чоглокова и высказалъ ему свое подозрѣніе. Чоглоковъ только успѣлъ встать, какъ домъ началъ приходить въ движеніе. Пока мы смотрѣли на это грустное зрѣлище, пришли за Чоглоковымъ отъ императрицы; она жила за нѣсколько сотъ шаговъ отъ этого домика, въ домѣ графа Разумовскаго; Чоглоковъ туда побѣжалъ, оставивъ насъ на лугу окруженныхъ ранеными. Немного спустя императрица позвала насъ къ себѣ. Войдя, я подумала, что поступлю, какъ нельзя лучше, обратившись къ императрицѣ съ просьбой оказать какую-либо милость сержанту Левашеву, вынесшему меня изъ дому; но она на меня косо посмотрѣла и ни слова не отвѣтила. Нѣсколько минутъ спустя, она спросила, испугалась ли я? Я отвѣтила, что очень; это ей тоже не понравилось, и Чоглокова поэтому лишь съ трудомъ добилась разрѣшенія, чтобы пу-

стили мнѣ кровь; на меня весь день дулись; хоть умереть, не знаю, за что, развѣ за то, что не догадалась, что желали весь этотъ случай обратить въ пустякъ. Но перенесенный всѣми страхъ былъ еще слишкомъ ощутителенъ, чтобы хладнокровно взвѣсить все это въ первыя минуты. Хозяинъ дома графъ Разумовскій былъ въ отчаяніи; въ первыя минуты онъ схватился за пистолетъ и хотѣлъ застрѣлиться; въ теченіе дня онъ нѣсколько разъ принимался плакать: за обѣдомъ при громѣ пушекъ онъ, рыдая, поднялъ большой бокалъ за погибель хозяина и за благоденствіе императорской фамиліи. Императрица расплакалась, и всѣ присутствующіе были тронуты; онъ осушилъ бокалъ, и всѣ вскочили изъ-за стола: невозможно было ни уговорить его, ни осушить бокаловъ. Однимъ словомъ, этотъ случай всѣхъ разстроилъ. Императрица не могла скрыть своего огорченія по поводу состоянія своего фаворита. Она приказала присматривать за нимъ; въ особенности опасалась она, что онъ напьется: къ этому онъ имѣлъ естественную склонность и вино дѣйствовало на него плохо: онъ становился неукротимымъ и даже бѣшенымъ. Этотъ человѣкъ, обыкновенно такой кроткій, въ нетрезвомъ состояніи проявлялъ самый буйный характеръ. Опасались, чтобъ онъ не покусился на свою жизнь; днемъ ему пустили кровь, и онъ сталъ спокойнѣе. Послѣ обѣда я прилегла, но отъ малѣйшаго шума я вздрагивала и внезапно просыпалась—такое впечатлѣніе на мои чувства произвелъ утренній испугъ; послѣ этого происшествія я находилась въ такомъ состояніи нѣсколько мѣсяцевъ; вставъ съ постели около шести часовъ вечера, я замѣтила много синяковъ въ разныхъ мѣстахъ на тѣлѣ и, между прочимъ, очень порядочный въ углубленіи на правомъ боку, въ которомъ чувствовала боль; не говорю уже о томъ, что ушибла себѣ руки и ноги. Крузе и Сытина, та самая горничная, которая прибѣжала и упала вмѣстѣ съ нами, были въ такомъ же видѣ. Кстати сказать, никогда не существовало такой безумной дѣвушки, какъ эта: въ домахъ для умалишенныхъ, думается, есть менѣе безумные. Князь

Семенъ Мещерскій женился на ней вскорѣ; она вообразила, что, прибѣжавъ тогда, оказала мнѣ замѣтную услугу и, выходя замужъ, попросила награды за это; это не было совсѣмъ безумно; правда, что она прибѣжала ко мнѣ въ комнату вмѣсто того, чтобы спасаться изъ дому, какъ другіе; памятуя объ этомъ, я дала ей хорошее приданое. Главное помѣшательство состояло въ томъ, что она имѣла притязаніе походить на меня и подражать мнѣ и увѣряла, что всѣ принимали ее за меня, когда видѣли въ окнѣ или встрѣчались съ ней; этого однакоже не могло быть, такъ какъ одна лишь ея прическа отличала ее ото всѣхъ: она всегда была смѣшно одѣта и, кромѣ того, бѣлилась и была худа, какъ скелетъ, между тѣмъ, какъ я, совсѣмъ тогда неполная, казалась толстой въ сравненіи съ ней. Вообще ни чертами лица, ни сложеніемъ мы вовсе не были схожи.

26-го мая рано утромъ мы выѣхали изъ Гостилицъ, чтобы вернуться въ городъ. Княжну Гагарину вслѣдствіе ея довольно опасныхъ пораненій перевезли очень осторожно; меня очень огорчило ея состояніе, такъ какъ я ее очень любила. Дорогой я ее увидѣла, и хотя ей было запрещено разговаривать изъ-за ранъ, она успѣла сказать мнѣ, что императрица велѣла посадить въ крѣпость нѣсколькихъ слугъ графа Разумовскаго изъ-за случая съ домомъ. Возвратясь въ городъ, мы узнали, что причина этого происшествія зависѣла отъ того, что домъ былъ выстроенъ осенью 1747 г. на землѣ уже на половину замерзшей, что въ то же время заложены были камни фундамента и что архитекторъ поставилъ въ сѣняхъ шесть или восемь столбовъ, чтобы поддержать домъ, и строжайше запретилъ трогать эти столбы до его возвращенія изъ Украйны, куда его послали; эти столбы портили видъ и мѣшали въ сѣняхъ. Когда дворъ Великимъ постомъ прибылъ въ Гостилицы, управляющій этимъ имѣніемъ графа Разумовскаго, мимоходомъ сказать, дворянинъ и въ родствѣ съ вице-канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, имѣлъ неосторожность отдать приказаніе срубить эти

столбы; такъ какъ дѣло было зимой и земля была еще мерзлая, то въ данное время это не имѣло послѣдствій; но въ маѣ мѣсяцѣ, когда земля оттаяла, домъ подвергся участи, о какой я только что разсказала. Нужно думать однако, что была тутъ и вина архитектора, такъ какъ я слышала, что этотъ самый архитекторъ выстроилъ еще двѣ деревянныя конюшни, одну въ Гостилицахъ, другую въ Украйнѣ, которыя постигла та же судьба. По пословицѣ: не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Приключеніе съ домомъ въ Гостилицахъ внушило такой ужасъ, что принялись, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, осматривать всѣ дворцовые дома, которые долго не ремонтировались, и между прочимъ въ Петергофѣ и Ораніенбаумѣ; буду имѣть случай говорить о нихъ впослѣдствіи. Въ іюнѣ этого года пріѣхалъ въ Петербургъ Сакромозо, кавалеръ Мальтійскаго ордена. Ему оказали очень почетный пріемъ. Онъ нашелъ возможность сказать мнѣ, что мать моя дала ему разныя порученія ко мнѣ, что онъ все помѣстилъ на маленькомъ сверткѣ, который передастъ мнѣ, цѣлуя мнѣ руку на первомъ куртагѣ. Я сказала ему, что боюсь смертельно, какъ бы не замѣтили этого, и что съ меня, такъ сказать, не спускали глазъ. Онъ отвѣтилъ: «Предоставьте мнѣ дѣйствовать и не бойтесь ничего.» У меня сердце падало, когда я только думала о запискѣ, которую онъ долженъ былъ мнѣ передать. Наконецъ наступило то страшное воскресенье, и кавалеръ Сакромозо, поцѣловавъ руку великаго князя и откланиваясь ему, поднесъ руку къ карману своего кафтана, откуда, я видѣла, появилась небольшая трубочка бумаги длиною пальца въ два поперекъ, которую онъ мнѣ сунулъ въ руку, цѣлуя ее, въ присутствіи великаго князя, обоихъ Чоглоковыхъ и множества другихъ. Признаюсь, до сихъ поръ не понимаю, какъ они этого не замѣтили. Сердце у меня билось страшнымъ образомъ, я взяла сверточекъ и, боясь его уронить, положила въ свою правую перчатку, которую держала въ лѣвой рукѣ; я не посмѣла бы опустить правую руку въ карманъ,

боясь, какъ бы не замѣтили, что я нѣчто прячу. Очевидно, Сакромозо многимъ рисковалъ въ этомъ предпріятіи, какъ ни было оно невинно; если бъ его только заподозрѣли, то по меньшей мѣрѣ его бы выслали со стыдомъ за границу, а что касается меня, то меня бы заперли и больше, чѣмъ когда-либо, слѣдили за мной. Вернувшись наконецъ въ свою комнату, я тайкомъ прочитала содержаніе этого опаснаго сверточка: онъ мнѣ сообщилъ, что мать моя была въ смертельномъ страхѣ оттого, что я ей не писала, что желала бы знать причину этому, и еще хотѣла знать, нельзя ли ей получить Курляндію для моего брата. Еще желала она знать подробности, касающіяся меня. Нѣсколько дней спустя, во время концерта, который бывалъ у великаго князя еженедѣльно, я подошла къ оркестру; одинъ изъ музыкантовъ, игравшій на контрабасѣ, по имени Гаспари, сказалъ мнѣ, не оборачиваясь: «Сакромозо поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе и проситъ васъ передать мнѣ вашъ отвѣтъ въ слѣдующемъ концертѣ». Я ему отвѣтила: «хорошо», и удалилась отъ него. Вотъ я въ большомъ затрудненіи, какъ достать бумаги, перьевъ, чернилъ; я не смѣла имѣть чернильницы у себя въ комнатѣ; захотѣли бы узнать, зачѣмъ она понадобилась. Я не хотѣла давать мѣста подозрѣніямъ; какъ же быть? Я постоянно читала какую-нибудь книгу; почти нѣтъ книгъ въ переплетѣ, гдѣ бы не было хоть одного бѣлаго листа; я вырвала одинъ такой листъ изъ своей книги; чтобы получить перо, я велѣла принести мнѣ всякаго рода золотыхъ и серебряныхъ бездѣлокъ и, подъ предлогомъ маленькихъ подарковъ, какіе хотѣла сдѣлать своимъ людямъ и до которыхъ всѣ они были жадны и, слѣдовательно, услужливы въ ихъ доставкѣ, я купила серебряное перо изъ тѣхъ, что называются вѣчными и въ которыхъ есть чернильница; вотъ я снабжена всѣмъ, кромѣ чернилъ. Чтобы достать ихъ, я просто обратилась къ своему камердинеру, который наполнилъ чернилами мое перо. Получивъ все, что было мнѣ

нужно, я стала составлять свое посланіе. Оно было не длинно: я возможно короче выразила все, что, по моему мнѣнію, могло служить отвѣтомъ на вопросы матери. Я сообщила ей, что мнѣ запрещено писать; что Курляндія не могла достаться брату, потому что было рѣшено не имѣть герцога Курляндскаго; а что до меня, то я была достаточно довольна и счастлива. На первомъ же концертѣ я подошла сзади къ Гаспари и опустила эту записку въ его карманъ, но Сакромозо мнѣ еще написалъ тѣмъ же путемъ, чтобъ имѣть болѣе обстоятельное письмо для матери; я составила его и ему отправила. Онъ уѣхалъ нѣсколько дней спустя. Въ Петровъ день, послѣ обѣда, я прилегла на канапе въ своей комнатѣ и заснула; великій князь вошелъ въ мою комнату и такъ какъ тогда въ его глазахъ было великимъ преступленіемъ спать послѣ обѣда или поздно вставать—онъ не терпѣлъ ни того, ни другого—то онъ сильно выбранилъ меня, и я изъ-за этого много плакала. Единственное извѣстное мнѣ основаніе, по которому онъ этого не любилъ, заключалось въ томъ, что это былъ обычай, введенный при дворѣ и въ городѣ лѣнью, праздностью и бездѣльемъ, однако самъ великій князь, хоть не слѣдовалъ ему, былъ не менѣе праздежъ по цѣлымъ днямъ. Затѣмъ я одѣлась и пошла на балъ. Послѣ выхода императрица подошла ко мнѣ и спросила, отчего у меня покраснѣли глаза; а мнѣ между тѣмъ глаза не показались красными, ибо иначе я бы не пошла; я улыбнулась и сказала, что это случайно, но она ласково замѣтила, что этого быть не можетъ, и просила сказать ей, отчего я плакала послѣ обѣда. Видя, что она все знаетъ, я считала нужнымъ сказать ей чистую правду; я боялась только, чтобы великій князь не взглянулъ на это, какъ на жалобу на него его тетушкѣ; но, отгадавъ мое затрудненіе, императрица меня на этотъ счетъ успокоила. Она предупредила меня, сказавъ, чтобъ я сказала, что со мною, и что великій князь не узнаетъ; тогда я ей разсказала, что произошло, и это заставило ее покачать головой и сказать,

что великій князь упрямъ и капризенъ. Моя искренность ей понравилась, и весь вечеръ она относилась ко мнѣ лучше обыкновеннаго; не знаю, кто изъ моей комнаты тотчасъ же передалъ ей эту ссору великаго князя со мною, и она хотѣла выяснить правду. Мы переѣхали въ Петергофъ, а оттуда въ Ораніенбаумъ; Чоглоковъ велѣлъ осмотрѣть потолки и полы этого дома, который выстроилъ и въ которомъ жилъ знаменитый Меншиковъ, а послѣ его ссылки онъ служилъ морскимъ госпиталемъ до тѣхъ поръ, пока императрица не подарила его великому князю; я думаю, со времени постройки этотъ домъ и не передѣлывали; балки найдены были настолько перегнившими, что онѣ и мѣсяца бы не выдержали, не провалившись. Мы такимъ образомъ въ теченіе этого лѣта занимали низкіе флигеля во дворѣ налѣво, обѣдали мы въ палаткѣ, разбитой по серединѣ двора; я вставала ежедневно въ три часа утра, чтобы пострѣлять до жары, а послѣ обѣда, если погода была хорошая, ѣздила верхомъ на охоту. Послѣ того, какъ я въ теченіе нѣсколькихъ дней продолжала вести такую жизнь, и во время очень сильной жары, я почувствовала себя настолько разгоряченной, что стала опасаться горячки; я пожаловалась Гюйону, моему хирургу, послѣдній пожелалъ узнать, какую жизнь я вела, и я ему разсказала; онъ нашелъ, что возбужденіе происходитъ оттого, что я мало сплю и что не слѣдуетъ мнѣ вставать такъ рано; я послѣдовала его совѣту и почувствовала себя хорошо. Странно было, что, находясь, такъ сказать, подъ надзоромъ въ городѣ, я пользовалась самой большой свободой въ деревнѣ: когда я выходила изъ дому, напримѣръ, на эти утреннія прогулки, для которыхъ вставала съ разсвѣтомъ, со мной былъ только егерь и иногда еще слуга, но не всегда; и это слѣдовало приписать лишь лѣни надзиравшихъ, съ которыми всегда можно было справиться, лишь бы они только предвидѣли въ чемъ-нибудь утомленіе; прогулки ихъ въ особенности изнуряли; и они любили сиднями си-

дѣть на одномъ мѣстѣ, въ особенности Чоглоковъ, который былъ хоть и молодъ, но толстъ и такъ же тяжелъ тѣломъ, какъ и умомъ; кромѣ того, со времени своей страстишки къ Кошелевой онъ очень былъ занятъ дома; его жена тоже не могла бѣгать, она была вѣчно беременна и берегла свой смуглый цвѣтъ лица; всѣ остальные предпочитали удовольствіе спанья обязанностямъ Аргуса; такъ, я бѣгала одна.—Мы возвратились въ Петергофъ и насъ помѣстили въ верхнихъ покояхъ дома, выстроеннаго Петромъ Первымъ и существовавшаго еще въ то время, но уже начали строить съ обѣихъ сторонъ каменныя громады, которыя въ настоящее время давятъ этотъ домикъ. Чоглоковы, мои фрейлины и остальная наша свита помѣщались подъ нашими покоями, въ томъ же домѣ; только Крузе по праву дуэньи помѣщалась наверху, около моей спальни. Императрица со своей свитой занимала помѣщеніе стараго и новаго Монплезира, эти послѣдніе покои были только что выстроены. Отъ скуки мы съ великимъ княземъ въ послѣобѣденное время, когда ему надоѣдало пилить на скрипкѣ, выдумали играть въ ломберъ. Мнѣ не доставляла особеннаго веселья эта игра, въ которой для меня не было иного выбора, какъ проиграть или получить выговоръ. Мы вели крупную игру; я играла лучше его и съ большой осторожностью; иногда мнѣ приходилось проигрывать, изъ боязни ругательствъ, слѣдовавшихъ вѣчно за моими выигрышами. Однажды послѣ обѣда, когда мы такъ развлекались и меня сильно выбранили, чтобы отдохнуть на минуту, я прошла изъ помѣщенія великаго князя къ себѣ. Тамъ застала я Крузе, которая прыгала и плясала и проявляла порывы необычайной радости. Я освѣдомилась о причинѣ такого веселія; она взяла меня за руку и отвела въ комнату, гдѣ никого не было. Она сообщила, что, когда замѣтила еще наканунѣ, какъ Чоглокова то и дѣло ходила въ Монплезиръ, а оттуда разныя лица къ Чоглоковымъ, то ее разобрало любопытство, и что подъ предлогомъ навѣстить свою сестру, старшую гор-

ничную и фаворитку императрицы, помѣщавшуюся въ Монплезирѣ рядомъ съ комнатой Ея Величества, она туда отправилась; тамъ она узнала, что поговариваютъ объ удаленіи отъ насъ Чоглоковыхъ; что императрица была внѣ себя отъ гнѣва на Чоглокова; что она узнала, что Кошелева была беременна, что беременность эта была отъ Чоглокова, что императрица призвала его жену и ей все сказала; что жена, хотя и очень разсердившаяся въ глубинѣ души на мужа, котораго до той поры она любила безумно, и которая въ этомъ случаѣ была обманута, что эта жена тѣмъ не менѣе, когда императрица предложила ей разойтись съ мужемъ или оставить дворъ съ нимъ вмѣстѣ, великодушно заступилась за него; она подвигла небо и землю, чтобъ уменьшить гнѣвъ Ея Величества; изъ-за своей многочисленной семьи она не хотѣла разстаться съ нимъ и находила, что все это дѣло касалось лишь ея одной и никого другого, она даже пыталась все отрицать передъ императрицей, но послѣдняя послала наканунѣ, когда Чоглоковы были съ нами на куртагѣ въ Монплезирѣ, одну изъ своихъ любимицъ, Измайлову, къ Кошелевой, которая уже нѣсколько дней сказывалась больной и у которой мы всѣ замѣчали округлость, чтобы заставить ее сознаться; послѣ долгихъ отрицаній и рыданій она это подтвердила; тогда императрица опять велѣла позвать Чоглокову и намылила ей голову за то, что та старалась ее обмануть; та отвѣтила, что сама была обманута и это была правда, и тогда императрица обозвала ее глупой, дурой, скотиной, словомъ, гнѣвъ Ея Величества противъ Чоглоковыхъ былъ такъ великъ, что весь дворъ съ минуты на минуту ждалъ ихъ удаленія; въ покояхъ Чоглоковыхъ происходилъ также полный разладъ; жена была глубоко оскорблена и не щадила мужа; по своему отъ природы гнѣвному и вспыльчивому характеру, разъ начавъ, она не останавливалась; можно было бы сказать, что, настроившись на этотъ ладъ, она находила безконечное удовольствіе въ высказываніи множества

непріятныхъ вещей; Чоглоковъ вынужденъ былъ стать на колѣни передъ своей женой; та сказала ему, что прощаетъ его, но чтобы онъ не ждалъ къ себѣ отъ нея той любви, какую она прежде питала, и что она остается съ нимъ только въ виду того количества дѣтей, какое они имѣли. Вообще во всемъ этомъ дѣлѣ Чоглокова проявила разумное и твердое поведеніе, съ оттѣнкомъ великодушія, на которое до тѣхъ поръ никто не считалъ ее способной. Крузе умоляла меня Бога ради молчать обо всемъ, что она мнѣ разсказала, такъ какъ если узнаютъ, что она мнѣ это сообщила,—она пропала. Въ особености она просила меня ничего не говорить великому князю, всѣ повторяли мнѣ вѣчно эту просьбу во всѣхъ случаяхъ, когда мнѣ что-нибудь разсказывали. Я обѣщала ей все, чего она хотѣла, и просила не скрывать отъ меня продолженія этого дѣла, которое, надѣялись мы, должно кончиться катастрофой отставки Чоглоковыхъ, для обѣихъ насъ равно желательной—чувство, раздѣляемое нами почти со всѣми, кто имѣлъ дѣло съ этими непріятными людьми. Она обѣщала мнѣ пойти опять къ сестрѣ, какъ только можно будетъ это сдѣлать, не возбуждая подозрѣній слишкомъ большимъ любопытствомъ, и сдержала слово. Я была въ восторгѣ отъ перспективы избавиться отъ Чоглоковыхъ. Я знала, что это доставитъ большое удовольствіе и великому князю; я вернулась къ нему въ комнаты и разсказала ему, вовсе не называя однако Крузе, какъ приблизительно обстояли дѣла; я прибавила, что малѣйшая его болтливость помѣшаетъ отставкѣ Чоглоковыхъ. Онъ обѣщалъ быть на сторожѣ. Впрочемъ, нашъ образъ жизни въ Петергофѣ былъ для меня довольно прочнымъ залогомъ, что первые порывы радости пройдутъ раньше, чѣмъ онъ будетъ имѣть случай какъ-нибудь проболтаться. Тѣмъ временемъ мы получили приказъ вернуться въ городъ. Да и пора было, ибо наше помѣщеніе грозило развалиться; когда ходили по моей уборной, весь полъ трясся, и по мелкой дрожи этого пола можно было понять, что

балки или слишкомъ тонки, или сгнили. Все еще напуганная приключеніями въ Гостилицахъ и состояніемъ половъ и потолковъ въ Ораніенбаумѣ, я велѣла позвать графа Фермора, который завѣдывалъ въ то время зданіями, и сообщила ему это; онъ сказалъ, что нужно все осмотрѣть; дѣйствительно, онъ произвелъ осмотръ, и нашли, что всѣ балки были въ томъ же видѣ, какъ въ Ораніенбаумѣ. Но не плохое состояніе дома въ Петергофѣ дало поводъ покинуть это мѣсто: это послужило въ данномъ случаѣ лишь предлогомъ. Эта поѣздка предпринималась, чтобы безъ шума и скандала удалить отъ двора Кошелеву, которой императрица велѣла возвратиться въ городъ съ ея теткой оберъ-гофмаршальшей Шепелевой, также теткой по мужу фавориткѣ императрицы Шуваловой; но Шувалова презирала это родство, все людей глупыхъ и очень низкаго происхожденія, такъ какъ Шепелева и ея сестра, мать Кошелевой, были финскаго происхожденія и взяты были ко двору во время завоеванія Финляндіи, чтобы стирать бѣлье дѣтямъ Петра Великаго; потомъ онѣ подметали комнаты и мало-по-малу достигли того, что стали горничными. Шепелевъ, въ то время денщикъ Петра Перваго, женился на одной, а Кошелевъ, унтеръ-шталмейстеръ императрицы Екатерины, на другой. Ихъ мужья, благодаря продолжительной службѣ, сдѣлали карьеру при этой императрицѣ, къ роднѣ которой приставилъ ихъ обоихъ императоръ Петръ Великій. Эта родня при жизни этого государя жила въ Царскомъ Селѣ, оттуда они никогда не выѣзжали, такъ что ихъ никто не зналъ; когда императоръ умеръ, всѣ были изумлены, увидавъ, что у императрицы Екатерины есть пара братьевъ да пара сестеръ, о существованіи которыхъ никто не вѣдалъ, и что всѣ, сколько ихъ ни было, люди, которымъ нельзя показаться въ большомъ свѣтѣ, такъ какъ всѣ они были пьяницы и невѣжды, и по всѣмъ статьямъ чувствовалось ихъ низкое происхожденіе. Да извинятъ мнѣ эти незначительныя отступленія; можетъ быть, я еще часто буду ими

пользоваться, когда они повлекутъ за собой какой-нибудь любопытный анекдотъ или память подскажетъ мнѣ эти анекдоты или вещи, которыя мнѣ покажутся таковыми. По дорогѣ изъ Петергофа въ Петербургъ мы встрѣтили своихъ верховыхъ лошадей; мы съ великимъ княземъ сѣли на лошадей; Чоглоковы остались въ каретѣ: они не были въ наилучшемъ расположеніи духа; но мы съ нашими кавалерами, которые насъ сопровождали, почувствовали себя легко и по пути всѣ очень свободно говорили о происшествіи съ Кошелевой и о критическомъ положеніи Чоглоковыхъ; Петръ Салтыковъ и его братъ Сергѣй были въ томъ числѣ. Они говорили, какъ и другіе; но всѣ, до брата Сергѣя включительно, не знали, что этотъ самый Петръ Салтыковъ, который, благодаря своей глупости, несмотря на все свое камергерство, служилъ потѣхой всему двору, пересказывалъ Чоглоковымъ все, что слышалъ. По пріѣздѣ въ городъ, онъ поспѣшилъ донести о разговорахъ во время дороги. Чоглокова на другой же день сдѣлала всѣмъ выговоръ по поводу этого; тогда никто не сталъ сомнѣваться, что доносчикомъ былъ Петръ Салтыковъ; братъ его сдѣлалъ ему нагоняй въ свою очередь; былъ нагоняй также отъ отца и матери; онъ опять отправился все это передать Чоглоковымъ и, думается мнѣ, что это отчасти, въ связи со стараніями, какія приложилъ ихъ покровитель Бестужевъ, чтобы поправить ихъ дѣла и поднять ихъ упавшія у императрицы акціи, расположило послѣднюю оставить ихъ на мѣстѣ. Все это дѣло мало-по-малу предалось забвенію, несмотря на произведенный сперва шумъ. Крузе первая почувствовала, что милость къ Чоглоковымъ была больше, чѣмъ думали; то, что она въ Петергофѣ ходила постоянно изъ верхняго дворца въ Монплезиръ во время этой путаницы, какая тамъ была, не ускользнуло отъ Чоглоковой; кромѣ того, онѣ рѣдко бывали въ согласіи, и было уже не одно столкновеніе между обѣими этими женщинами. Крузе однажды вздумала показать мнѣ, какъ кроить рубашки изъ гол-

ландскаго полотна. Чоглокова вошла и не одобрила этого, а на другой день отъ имени императрицы приказала ей оставить дворъ. Она удалилась къ своему зятю, гофмаршалу Сиверсу; я была огорчена этой отставкой, такъ какъ Крузе очень смягчилась въ отношеніи ко мнѣ. Великій князь жалѣлъ о ней много больше; игрушки, которыя она ему доставляла, расположили его къ ней. Нѣсколько дней спустя Чоглокова привела ко мнѣ отъ императрицы Владиславову, иначе сказать, Прасковью Никитичну. Она была тещей главнаго секретаря графа Бестужева и вполнѣ предана ему, но это была женщина умная, съ хорошими манерами и умѣвшая привлечь людей на свою сторону. Эта особа мнѣ сразу понравилась; не помню отъ кого, но я получила совѣтъ быть очень осторожной съ этой женщиной, такъ какъ она слыла настолько же неискренней, насколько была располагающей къ себѣ и забавной. Я приняла это къ свѣдѣнію; наблюдала за ней и вела себя съ ней осторожно. Съ перваго дня она ничѣмъ не пренебрегла, чтобъ расположить меня къ себѣ; она хотѣла достигнуть того же у великаго князя, но онъ былъ очень предубѣжденъ противъ нея. Главнымъ ея недостаткомъ было то, что она была русская, а вторымъ—то, что она замѣстила Крузе, голштинку по происхожденію. Сей князь питалъ необычайную страсть къ этому клочку земли, гдѣ онъ родился. Онъ былъ вѣчно имъ занятъ; онъ покинулъ эту родную землю лѣтъ двѣнадцати-тринадцати; когда онъ говорилъ о ней, воображеніе разыгрывалось, и такъ какъ никто изъ окружавшихъ, начиная съ меня, не были въ этой, по его словамъ, столь восхитительной странѣ, то онъ намъ ежедневно разсказывалъ о ней небылицы, при чемъ онъ желалъ, чтобы мы имъ вѣрили; онъ сердился, если замѣчалъ недостатокъ вѣры. Сцѣпленіе пороковъ и добродѣтелей человѣческихъ самая странная вещь на свѣтѣ: кто могъ бы предвидѣть, что страсть къ этому клочку земли сдѣлаетъ мало-по-малу этого князя однимъ изъ самыхъ большихъ лгуновъ, ка-

кихъ, быть можетъ, носила земля. Я видѣла, какъ это незамѣтно развивалось у меня на глазахъ, но не безъ энергичной борьбы противъ этой постыдной и вредной наклонности изо всѣхъ моихъ силъ, беру тому въ свидѣтели Бога и тѣхъ, кто имѣли случай ознакомиться съ этимъ, но ничто не могло отвлечь его отъ этого; напротивъ, чѣмъ становился онъ старше, тѣмъ больше противорѣчіе озлобляло его, раздражало и дѣлало тверже; подъ конецъ ослѣпленіе его шло такъ далеко, что онъ въ глубинѣ души былъ убѣжденъ, что ложь, которую онъ изобрѣталъ и распространялъ, была непреложной истиной; кромѣ того, это былъ лгунъ, обладавшій лучшей на свѣтѣ памятью. Разсказанное однажды онъ разсказывалъ потомъ съ тѣми же подробностями, о которыхъ уже разсказывалъ, при той лишь разницѣ, что, разсказывая вновь, онъ увеличивалъ и прибавлялъ къ разсказу происшествія, которыхъ до тѣхъ поръ не воспроизвелъ. Одной изъ причинъ, послужившихъ всего болѣе къ тому, чтобы подорвать его довѣріе къ Владиславовой, была ея набожность— основной пунктъ, котораго онъ никогда не прощалъ; кромѣ того, въ ея комнатѣ была лампада передъ образами, чего онъ не выносилъ; хотя это было въ обычаѣ по нашей вѣрѣ, но Его Императорское Высочество къ ней нисколько не былъ привязанъ; напротивъ, онъ воображалъ, что принадлежитъ къ лютеранскому исповѣданію, въ которомъ былъ воспитанъ, но въ глубинѣ души онъ ничѣмъ не дорожилъ и не имѣлъ никакого понятія ни о догматахъ христіанской религіи, ни о нравственности; я никогда не знавала атеиста болѣе совершеннаго на дѣлѣ, чѣмъ этотъ человѣкъ, который между тѣмъ очень боялся и чорта и Господа Бога, а чаще всего ихъ обоихъ презиралъ, смотря по тому, представлялся ли къ этому случай, или овладѣвалъ имъ минутное настроеніе.

Въ день святого Александра Невскаго мнѣ вздумалось надѣть бѣлое платье, отдѣланное по всѣмъ швамъ широкимъ золотымъ испанскимъ кружевомъ. Не представляя

себѣ, что изъ этого могло выйти, я появилась въ этомъ платьѣ при дворѣ. Когда я вернулась въ свои покои, императрица прислала мнѣ сказать черезъ Чоглокову, чтобъ я сняла свое платье, и что мнѣ не подобало имѣть въ тотъ день платье, похожее на костюмъ ордена; я просила передать императрицѣ свои извиненія и сказала Чоглоковой, что никогда не подозрѣвала, чтобы мое платье походило на костюмъ кавалеровъ ордена. Чоглокова согласилась со мной, но посовѣтовала надѣть другое платье къ послѣобѣденному времени, что я и сдѣлала; дѣйствительно, кромѣ бѣлаго цвѣта, мое платье не имѣло никакого сходства съ орденскимъ, тоже бѣлымъ, но съ отдѣлкой изъ серебрянаго галуна, съ подкладкой, камзоломъ и отворотами огненнаго цвѣта. На мнѣ была надѣта екатерининская лента; быть можетъ, императрица нашла мое платье красивѣе своего и вотъ настоящая причина, изъ-за которой она велѣла мнѣ снять его. Моя дорогая тетушка была очень подвержена такой мелочной зависти, не только въ отношеніи ко мнѣ, но и въ отношеніи ко всѣмъ другимъ дамамъ; главнымъ образомъ преслѣдованію подвергались тѣ, которыя были моложе, чѣмъ она. Эту зависть она простирала такъ далеко, что случилось, что однажды при всемъ дворѣ она подозвала къ себѣ Нарышкину, жену оберъ-егермейстера, которая, благодаря своей красотѣ, прекрасному сложенію и величественному виду, какой у нея былъ, и исключительной изысканности, какую она вносила въ свой нарядъ, стала предметомъ ненависти императрицы, и въ присутствіи всѣхъ срѣзала ножницами у нея на головѣ прелестное украшеніе изъ лентъ, которое она надѣла въ тотъ день. Въ другой разъ она лично сама обстригла половину завитыхъ спереди волосъ у своихъ двухъ фрейлинъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что не любила фасонъ прически, какой у нихъ былъ; одна изъ нихъ была графиня Ефимовская, вышедшая впослѣдствіи замужъ за графа Ивана Чернышева, а другая княжна Репнина, жена Нарышкина,—и обѣ дѣвицы увѣряли, что Ея Величество съ волосами со-

драла и немножко кожи. Осенью этого года, по возвращеніи въ Зимній дворецъ, пріѣхала изъ Франціи нѣкая г-жа Лонуа, бывшая раньше при императрицѣ и ея сестрѣ цесаревнѣ Аннѣ. Она сопровождала послѣднюю въ Голштинію, откуда и возвратилась къ себѣ на родину. Первые дни императрица, казалось, необыкновенно цѣнила эту особу: послѣдняя дѣйствительно воображала, что она на пути къ фавору. Ея Величество представляла ее всѣмъ, казалось, очень дорожила ею и была очень ею занята. По вечерамъ императрица собирала дворъ у себя въ своихъ внутреннихъ аппартаментахъ и происходила большая игра. Однажды, войдя въ эти покои Ея Величества, я подошла къ графу Лестоку и обратилась къ нему съ нѣсколькими словами. Онъ мнѣ сказалъ: «Не подходите ко мнѣ». Я приняла это за шутку съ его стороны; намекая на то, какъ со мной обращались, онъ часто говорилъ мнѣ: «Шарлотта! держитесь прямо!» Я хотѣла ему отвѣтить этимъ изреченіемъ, но онъ сказалъ: «Я не шучу, отойдите отъ меня». Меня это нѣсколько задѣло, и я ему сказала: «И вы тоже избѣгаете меня». Онъ возразилъ мнѣ: «Я говорю вамъ, оставьте меня въ покоѣ». Я его покинула, нѣсколько встревоженная его видомъ и рѣчами. Два дня спустя, въ воскресенье, причесывая меня, мой камердинеръ Евреиновъ сказалъ мнѣ: «Вчера вечеромъ графъ Лестокъ былъ арестованъ и, говорятъ, посаженъ въ крѣпость». Тогда одно только названіе этого мѣста уже внушало ужасъ. Онъ просилъ и виду не показывать, что я знаю эту новость; я сдержала слово, но была очень огорчена, такъ какъ графъ Лестокъ до той поры всегда оказывалъ мнѣ дружбу и довѣріе. Я знала о непріязни къ нему графа Бестужева; на послѣдняго я смотрѣла, какъ на главнаго виновника всѣхъ дурныхъ поступковъ по отношенію ко мнѣ, и мнѣ было небезызвѣстно, что онъ подогрѣвалъ то непріязненное отношеніе, какое императрица питала ко мнѣ. Я пошла въ церковь и по дорогѣ встрѣтила вице-канцлера графа Воронцова, тогда близкаго пріятеля Ле-

стока и великаго противника графа Бестужева; это отразилось на его кредитѣ, — онъ стоялъ тогда очень низко. Я, протягивая руку для поцѣлуя, сказала ему очень тихо: «Что изъ этого выйдетъ?» Онъ пожалъ плечами и покачалъ головою, ничего не отвѣчая. Вечеромъ при дворѣ я узнала, что судьями для допроса Лестока назначены были графъ Бестужевъ, генералъ Степанъ Апраксинъ и графъ Александръ Шуваловъ. Это дѣло длилось до нашего отъѣзда въ Москву, назначеннаго на половину декабря, и ничто не вышло наружу. За нѣсколько дней до нашего отъѣзда мы узнали, что домъ Лестока былъ подаренъ императрицей генералу Апраксину и отсюда заключили, что дѣло кончено; на ухо другъ другу сообщали даже, что, несмотря на всѣ розыски, ничего противъ него найдено не было; тѣмъ не менѣе его сослали, и все имущество его было конфисковано. Императрица не имѣла достаточно мужества, чтобы оправдать невиннаго; она боялась бы мести со стороны подобнаго лица, и вотъ почему съ ея воцаренія, виновный или невинный, никто не вышелъ изъ крѣпости, не будучи по крайней мѣрѣ не сосланнымъ. Въ началѣ этой зимы мой камердинеръ Тимоѳей Евреиновъ откопалъ своего прежняго друга, Андрея Чернышева; онъ былъ арестованъ съ пажами великаго князя, о чемъ я говорила въ началѣ 1747 г., на такъ называемомъ Смольномъ дворѣ, въ прежней увеселительной лачугѣ Ея Величества, въ ея бытность великой княжной. Я говорю: въ лачугѣ, такъ какъ это былъ скверный деревянный домишко около мѣста, занимаемаго теперь Дѣвичьимъ монастыремъ. У меня была дѣвушка финка, которая подметала мою комнату и стлала мнѣ постель. Эта дѣвушка была невѣстой родственника Евреинова, и, чтобъ выйти за него, она перешла въ нашу вѣру съ именемъ Катерины Петровны, а я была ея крестной матерью; ея сестра состояла въ той же должности при императрицѣ. Женихъ ея помѣщался въ домѣ графа Брюса, противъ двора. Въ день св. Андрея Чернышевъ напоилъ своихъ

сторожей и товарищей, сѣлъ на извозчика и пріѣхалъ къ жениху Катерины Петровны: они втроемъ оборудовали эту поѣздку за нѣсколько дней передъ этимъ. Эта дѣвушка туда отправилась и привезла мнѣ отъ него длинное письмо, въ которомъ онъ описывалъ свои приключенія за два года. Эта дѣвушка могла говорить со мной на свободѣ лишь, когда я шла на свой стульчакъ; я положила письмо между подвязкой и ногою и, когда пришлось разуваться, нѣсколько заблаговременно, сунула его въ свой рукавъ: я не смѣла оставлять его въ карманѣ, опасаясь, чтобы тамъ не рылись. Я прочла это письмо, когда всѣ заснули; я отвѣтила ему и послала немного денегъ и нѣсколько другихъ маленькихъ подарковъ, въ которыхъ онъ могъ нуждаться. Онъ мнѣ еще нѣсколько разъ писалъ, и я отвѣчала тѣмъ же путемъ. Все это происходило безъ вѣдома Тимоѳея Евреинова, который насъ сильно бы выбранилъ, если бъ узналъ. Но этотъ случай внушилъ мнѣ большое довѣріе къ Катеринѣ Петровнѣ; однако мы старательно скрывали нашъ заговоръ. Эта дѣвица была веселая и живая, и такъ какъ Владиславова брюзжала меньше, чѣмъ Крузе, то моя прислуга тоже нѣсколько свободнѣе дышала. Эта дѣвушка была отъ природы склонна ко всякаго рода передразниванію; между прочимъ она великолѣпно передразнивала походку Чоглоковой во время беременности; для этого она привязывала къ себѣ спереди подъ юбкой большую подушку и смѣшила насъ, прохаживаясь по комнатѣ. Все шло хорошо до конца этого года, когда мы уѣхали въ Москву. Откладываю эту поѣздку для третьей части.

[ЗАПИСКИ]

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Мы выѣхали изъ Петербурга около половины декабря при полной оттепели и по очень дурной дорогѣ; 18-го декабря, въ день рожденія Ея Императорскаго Величества, мы были въ Твери; мы тамъ прослушали обѣдню и поѣхали дальше; императрица насъ опередила, хотя выѣхала послѣ насъ. Эта государыня ѣздила очень скоро, и обыкновенно вся ея свита оставалась позади. По дорогѣ я узнала отъ камергера князя Александра Трубецкого, который сидѣлъ въ моихъ саняхъ, что графъ Лестокъ, находясь въ крѣпости, хотѣлъ уморить себя голодомъ, что съ этой цѣлью онъ одиннадцать дней не ѣлъ и что тогда императрица велѣла ему принять пищу, подъ угрозой, что если онъ не послушается, она найдетъ средства, чтобъ его къ этому принудить. Мы съ княземъ Трубецкимъ нашли это обращеніе очень жестокимъ, и въ особенности по отношенію къ человѣку, которому императрица была многимъ обязана. Князь Трубецкой зналъ объ этомъ отъ своего брата, князя Никиты Юрьевича, который былъ генералъ - прокуроромъ и имѣлъ полную возможность знать истину. Какъ только мы пріѣхали въ Москву, княжна Гагарина подъ секретомъ сообщила мнѣ, что ея зять, мой камергеръ князь Александръ

Голицынъ, получилъ приказаніе отправиться въ качествѣ посланника при Нижне-Саксонскомъ округѣ въ Гамбургѣ; это была своего рода ссылка; графъ Бестужевъ не любилъ его и описалъ его императрицѣ какъ сообщника графа Лестока

Въ Москвѣ мы съ великимъ княземъ заняли покои, въ которыхъ я жила съ моей матерью въ 1744 году. Ничего не могло быть неудобнѣе того, какъ мы были помѣщены, великій князь и я. Нашимъ помѣщеніемъ служилъ флигель, состоявшій изъ двойного ряда комнатъ; направо отъ входа находились мои комнаты, налѣво комнаты великаго князя, одинъ изъ насъ не могъ двинуться безъ того, чтобы не обезпокоить другого; этотъ князь въ то время имѣлъ два единственныхъ занятія: одно—пилить на скрипкѣ, другое—дрессировать для охоты пуделей изъ той породы, которую называютъ charlos. Такимъ образомъ постоянно съ семи часовъ утра до самой поздней ночи мнѣ раздирали уши либо нестройные звуки, которые онъ съ чрезвычайной силой извлекалъ изъ своей скрипки, либо ужасный крикъ и вой пяти или шести собакъ, которыхъ онъ жестоко колотилъ остальную часть дня. Признаюсь, я была измучена и ужасно страдала отъ той и другой музыки, которая съ утра до поздней ночи раздирала мнѣ барабанную перепонку; послѣ этихъ собакъ не было созданія, болѣе несчастнаго, чѣмъ я. Несмотря на это, я читала; я тогда принялась за «Исторію Германіи» отца Барра, каноника св. Женевьевы, девять томовъ въ четвертку; я окончила всѣ девять въ теченіе зимы и части весны.

Едва мы пріѣхали въ Москву, какъ наступили такіе сильные морозы, какихъ я съ тѣхъ поръ почти никогда не испытывала, и до того, что въ одно воскресенье императрица освободила насъ изъ-за холода отъ обязанности итти къ обѣднѣ. Мы были принуждены, чтобъ добраться до большой церкви, объѣхать въ каретѣ кругомъ дворца; императрица, которая мѣняла постоянно внутреннее расположеніе всего дворца (кстати сказать, она не выходила никогда изъ своихъ покоевъ на прогулку или въ спектакль,

безъ того, чтобы въ нихъ не произвести какой-нибудь перемѣны, хотя бы только перенести ея кровать съ одного мѣста комнаты на другое или изъ одной комнаты въ другую, ибо она рѣдко спала два дня на томъ же мѣстѣ; или же снимали перегородку, либо ставили новую; двери точно также постоянно мѣняли мѣста), сочла нужнымъ на этотъ разъ превратить малую комнатную церковь въ жилыя комнаты и помѣстить нѣсколько лицъ изъ своей свиты въ переднихъ, которыя раньше служили сообщеніемъ между ея и нашими покоями. Я была принуждена сидѣть дома въ первые дни нашего пребыванія въ Москвѣ, потому что мой лобъ покрылся прыщами и кожа на лицѣ была чрезвычайно воспалена, такъ что я должна была позвать Бургава, который съ помощью тальковаго масла согналъ мнѣ эти прыщи съ лица. Пока въ началѣ 1749 года я сидѣла въ комнатѣ, частью отъ моего камердинера Евреинова, а частью отъ г-жи Владиславовой, которые однако другъ отъ друга таились, я узнала, что императрица опасно заболѣла отъ коликъ вслѣдствіе запора. Чоглоковы ни слова намъ объ этомъ не говорили, а мы не смѣли освѣдомляться о здоровьѣ императрицы. Это было бы преступленіемъ, и насъ стали бы разспрашивать, отъ кого мы знаемъ, что она больна, что могло бы вызвать несчастіе или по крайней мѣрѣ увольненіе всякаго, кто бы намъ объ этомъ сообщилъ. Я разсказала великому князю въ точности то, что мнѣ о томъ передали мои люди. Мы оба рѣшили молчать до тѣхъ поръ, пока Чоглоковы сами не заговорятъ съ нами объ этомъ, но они ни слова намъ не сказали. Когда императрицѣ однажды ночью было очень плохо, мы узнали, что графъ Бестужевъ и генералъ Апраксинъ спали или провели ночь въ комнатахъ Чоглоковыхъ. Между тѣмъ мы съ великимъ княземъ были довольно встревожены этой болѣзнью императрицы, которую отъ насъ такимъ образомъ скрывали; Чоглоковы едва обращали на насъ вниманіе. Мы не смѣли безъ позволенія выходить изъ нашихъ комнатъ; мы узнали, что у графа Бестужева и генерала Апраксина

съ нѣсколькими другими лицами, на преданность которыхъ мы не могли особенно разсчитывать, были постоянныя маленькія совѣщанія, совершенно тайныя и при закрытыхъ дверяхъ; мы не знали, чему это приписать. Великій князь въ особенности, при своей трусости, не зналъ, какому святому молиться; я ему внушала мужество, просила его держать себя весело и спокойно и говорила ему, что я постараюсь быть возможно лучше освѣдомленной черезъ моихъ людей о состояніи здоровья императрицы, а если бъ она умерла отъ этой болѣзни, то я ему открою двери, чтобъ онъ могъ выйти изъ своихъ покоевъ, гдѣ его держали, такъ сказать, взаперти, и если бы другого свободнаго выхода не оказалось, то окна нашихъ покоевъ въ нижнемъ этажѣ были достаточно низко расположены, чтобы можно было въ случаѣ нужды выпрыгнуть на улицу. Кромѣ того, я ему сказала, что полкъ графа Захара Чернышева, на котораго, мнѣ казалось, я могла разсчитывать, находился въ городѣ и что нѣсколько капраловъ лейбъ-компаніи, которыхъ я ему назвала, не покинули бы его. Все это его успокоило и побудило довольствоваться у себя въ уголкѣ собаками и скрипкой. Послѣ нѣсколькихъ дней крайне опаснаго положенія, въ теченіе которыхъ много шептались во всѣхъ комнатахъ дворца, императрица почувствовала себя лучше, и каждый вернулся въ свою скорлупу. Я имѣла довольно точныя свѣдѣнія два-три раза въ день отъ своего камердинера и Владиславовой; у послѣдней было много различныхъ связей съ людьми императрицы, въ комнатѣ которой у нея были родственницы, знакомые и друзья, кромѣ того, священники и придворные пѣвчіе были съ нею въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и во время трехъ церковныхъ службъ, которыя эта женщина регулярно посѣщала почти каждый день, не оставляли ее въ невѣдѣніи относительно всего, о чемъ они узнавали; все это она мнѣ и передавала съ величайшей точностью. Въ концѣ масленицы во время своего выздоровленія императрица приказала отпраздновать свадьбы двухъ ея фрейлинъ, уже давно помолвленныхъ: одну—дѣ-

вицы Скворцовой съ Нероновымъ, гвардейскимъ офицеромъ, а другую — княжны Репниной съ Нарышкинымъ. Ихъ свадьбы произошли въ одинъ и тотъ же день; во время свадебнаго банкета я сидѣла по правую руку одной изъ невѣстъ, а направо отъ меня случайно оказалась Шувалова, любимица императрицы. Слово за слово, такъ какъ эта женщина любила поговорить, была очень весела и всегда имѣла наготовѣ шутку, я осмѣлилась спросить ее о состояніи здоровья Ея Величества. Она мнѣ отвѣтила, что ей было лучше, и что въ этотъ же день Ея Величество въ первый разъ сидѣла на своей кровати; я ей разсказала о томъ сильномъ безпокойствѣ, которое причинила мнѣ эта болѣзнь; это ей понравилось и такъ какъ она очень болтлива, то передала этотъ разговоръ императрицѣ. На другой день, за тѣмъ же столомъ и на томъ же мѣстѣ, она мнѣ сказала, что сообщила нашъ вчерашній разговоръ Ея Величеству, что императрицѣ это не было непріятно, что ея выздоровленіе шло все лучше и лучше, и что у нея оставалась большая слабость. На другой день утромъ Чоглокова совсѣмъ внѣ себя пришла въ мою комнату, но такъ какъ я была съ великимъ княземъ въ комнатѣ Владиславовой, которая примыкала къ моей, она влетѣла туда и, обращаясь ко мнѣ, сказала, что Ея Величество была возмущена тѣмъ, что въ теченіе всей ея болѣзни, которая продолжалась около двухъ недѣль и была очень серьезна, я ни разу не послала справиться объ ея здоровьѣ, что я говорила съ Шуваловой объ ея болѣзни только тогда, когда ей уже было лучше, и что было непростительнымъ поступкомъ со стороны великаго князя и моей, что мы ни разу не освѣдомились о состояніи здоровья императрицы. Я отвѣтила Чоглоковой, что ни она, ни ея мужъ вовсе не сказали мнѣ ни слова о болѣзни Ея Величества. Она мнѣ возразила: «Но вы объ этомъ говорили съ Шуваловой». Я ей сказала, что Шувалова сама подала къ тому поводъ, и это была правда. Чоглокова вышла, поворчавъ еще и насказавъ еще много непріятностей, одну хуже другой. Когда

она ушла, великій князь въ свою очередь сталъ бранить меня за то, что я говорила съ Шуваловой о болѣзни императрицы; если бы не это, можно было бы думать, что мы ничего о ней не знаемъ. Онъ также вышелъ и весь день дулся на меня, къ чему онъ по природѣ былъ очень склоненъ и что онъ всегда дѣлалъ изъ-за малѣйшаго пустяка. Оставшись одна съ Владиславовой, которая была умнѣе всей этой компаніи, я заплакала и сказала ей: «Вотъ и разберите, какъ можно угодить людямъ съ такими наклонностями! Во-первыхъ, если бы я ни съ того, ни съ сего поручила Чоглокову или его женѣ справиться о состояніи здоровья императрицы, то первый вопросъ, который они бы мнѣ задали, былъ бы, конечно, о томъ, откуда я знаю, что императрица больна, и кто мнѣ это сказалъ. Васъ назвать,—васъ или кого другого—это было бы средствомъ сдѣлать несчастіе всѣхъ, кого бы я ни назвала; ни Чоглоковъ, ни его жена до сихъ поръ не проронили мнѣ ни слова объ этой болѣзни, и сегодня Чоглокова говоритъ мнѣ объ этомъ въ первый разъ. Во-вторыхъ, какъ можетъ прійти въ голову, что императрицѣ не нравится, что я высказала Шуваловой свои чувства по поводу состоянія, въ какомъ она находилась, и что къ тому именно и придираются, чтобы меня бранить?» Владиславова была слишкомъ разумна, чтобъ не найти этого разсужденія основательнымъ; она мнѣ сказала: «Нужно, чтобъ императрица знала, что Чоглокова ни разу не говорила вамъ объ ея здоровьѣ; въ ихъ обязанность входило увѣдомить васъ; тогда императрица увидитъ затруднительность выбора, который вамъ предстоялъ — быть выруганной либо за то, что вы спросите, либо за то, что вы промолчите». Она дала мнѣ понять, что сама доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія Ея Величества; но она не подумала заикнуться мнѣ объ этомъ, ибо она была очень рада скрыть отъ меня, что находилась въ прямыхъ сношеніяхъ съ императрицей: донося о малѣйшихъ моихъ дѣйствіяхъ, она тѣмъ самымъ пріобрѣтала себѣ цѣну въ глазахъ этой государыни, а вмѣстѣ съ

тѣмъ она щадила, насколько могла искусно, мое къ ней довѣріе, утратить которое она боялась и сохранить которое прилагала особенное стараніе. Единственной уздой, сдерживавшей всѣхъ этихъ доносчиковъ, которые, скажу между прочимъ, были таковыми изъ лести, была трудность для нихъ часто видѣть Ея Величество. Но какъ бы тонка ни была эта женщина, мнѣ былъ извѣстенъ каждый изъ ея поступковъ, и мой камердинеръ Евреиновъ, который боялся и недолюбливалъ ея, старательно увѣдомлялъ меня обо всемъ, что онъ могъ откопать по ея поводу. На этотъ разъ Владиславова сдержала слово; она очень не любила Чоглоковыхъ, которые мѣшали ей властвовать; императрица узнала черезъ нее, что Чоглоковы скрыли отъ насъ ея болѣзнь и что послѣ того, какъ Ея Величество велѣла намъ сказать, что она не одобряла то, что мы вовсе не справлялись о ней, они не подумали сознаться Ея Величеству въ дѣйствительномъ положеніи дѣла. Когда государыня почувствовала себя лучше и появилась въ обществѣ, на одномъ куртагѣ она подошла ко мнѣ и сказала мнѣ: «Что это у васъ такой грустный видъ?» Я ей отвѣтила: «Я боюсь, что оскорбила Ваше Величество во время вашей болѣзни; я не посмѣла спрашивать о вашемъ здоровьѣ, такъ какъ ни господинъ, ни госпожа Чоглоковы ни разу мнѣ объ этомъ не говорили». Она мнѣ возразила: «Я знаю это, и знаю, что вы очень безпокоились; не нужно больше объ этомъ говорить»,— и удалилась. Приблизительно въ это время я узнала, что Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, который до отъѣзда въ Москву былъ произведенъ въ камеръ-пажи, начиналъ все болѣе и болѣе входить въ милость императрицы. Это открытіе доставило мнѣ удовольствіе. Пока все это происходило, въ одно прекрасное утро Владиславова вошла въ мою комнату и сказала мнѣ, что она была у Чоглоковой и что эта послѣдняя передала ей отъ имени императрицы, чтобы я черезъ три дня выдала замужъ Катерину Петровну, ту дѣвушку-финку, которую я такъ любила; привязанность къ ней я скрывала съ такимъ же стараніемъ, какъ и съ трудомъ.

Это была продѣлка Владиславовой, которая, хотя и очень ласковая, не любила тѣхъ, кого она разъ не взлюбитъ. Эта любезность была мнѣ очень чувствительна; однако я скрыла свою досаду и выдала замужъ эту дѣвушку въ назначенный день. Но, видя, что отъ меня удаляютъ всѣхъ тѣхъ, къ которымъ подозрѣваютъ малѣйшую привязанность съ моей стороны, я сказала Владиславовой, что такъ какъ дѣло такъ обстоитъ, то я больше не хочу, чтобы мои горничныя находились въ той же комнатѣ, гдѣ я буду сидѣть,— до тѣхъ поръ онѣ всѣ имѣли эту привычку, — но что онѣ должны оставаться въ моей уборной и не входить безъ моего зова, ибо я хочу избѣгнуть риска дѣлать ихъ несчастными, и что благодаря этому новому распорядку я лучше всего избавлюсь отъ возможности привязаться къ которой-нибудь изъ нихъ. Владиславова не посмѣла противорѣчить мнѣ на столь опредѣленное съ моей стороны приказаніе, потому что она поставила себѣ задачей щадить единственно мой умъ и мое довѣріе къ ней и тщательно избѣгала всего того, что могло бы возбудить во мнѣ малѣйшую горечь по отношенію къ ней. Поэтому она объявила имъ мою волю, и я оставалась съ этой минуты одна со своей книгой у себя въ спальной, честь, которой я издавна домогалась; это былъ способъ избавиться отъ всѣхъ шпіоновъ, которые слѣдили даже за малѣйшимъ изъ моихъ взглядовъ. Владиславова надѣялась, можетъ быть, занять ихъ мѣсто при мнѣ; тѣмъ временемъ она очень бы желала сунуть свой носъ въ мои книги, но она совсѣмъ не знала по-французски такъ же, какъ никто изъ окружавшихъ меня. Часто, особенно вечеромъ, она разспрашивала меня о моемъ чтеніи, но у меня былъ слишкомъ хорошій нюхъ, чтобы это могло ей удасться; мой отвѣтъ былъ всегда очень лакониченъ, я просто говорила ей, что, прочитавъ книгу, я тотчасъ же забывала ея содержаніе. Послѣ нашего отъѣзда изъ Петербурга Андрей Чернышевъ и его товарищи были отправлены изъ того мѣста, гдѣ они такъ долго содержались; первый поѣхалъ къ своему посту въ Оренбургъ;

онъ написалъ мнѣ съ дороги; Катерина Петровна переслала мнѣ его письмо черезъ своего мужа; я ему отвѣтила и послала ему нѣсколько сотъ рублей.

Генералъ Апраксинъ купилъ новый домъ въ Москвѣ, и такъ какъ онъ и графъ Бестужевъ тогда еще творили у императрицы все, что хотѣли, и дѣло графа Лестока снова усилило ихъ кредитъ, то, чтобы дать публикѣ блестящее доказательство этого, первый пригласилъ эту государыню, великаго князя и меня отобѣдать въ его новомъ домѣ. Во всю жизнь я не видѣла болѣе великолѣпнаго празднества; все тамъ было рѣдкостно и превосходно; послѣ обѣда онъ полными пригоршнями бросалъ изъ оконъ деньги народу, собравшемуся передъ его домомъ. Тамъ-то я въ первый разъ увидѣла его старшую дочь, бывшую потомъ замужемъ за княземъ Куракинымъ; ей было лѣтъ четырнадцать-пятнадцать и она была чрезвычайно хорошенькая; младшая, теперь въ замужествѣ за камергеромъ Талызинымъ, была шестилѣтнимъ ребенкомъ, худа, какъ скелетъ, и чахоточная; ни за что нельзя было бы тогда сказать, что этотъ ребенокъ станетъ тѣмъ колоссомъ, какимъ мы видимъ ее теперь и по росту и по чудовищной толщинѣ; она тогда харкала кровью и имѣла постоянныя кровотеченія изъ носу. Къ вечеру генералъ Апраксинъ вызвалъ въ свой домъ князя Михаила Долгорукова, слѣпого старика около восьмидесяти лѣтъ отъ роду; онъ былъ братомъ покойнаго фельдмаршала Долгорукова и сенаторомъ во времена Петра Великаго. Хотя онъ не умѣлъ ни читать, ни писать, онъ однако слылъ за человѣка съ большимъ умомъ и притомъ болѣе основательнымъ, чѣмъ у его брата. Императрица очень милостиво съ нимъ обошлась, послѣ чего онъ удалился; его провожали оба его сына; покоритель Крыма, второй изъ его сыновей, былъ въ то время только полковникомъ. Я узнала на слѣдующій день, что въ этотъ самый день третья дочь Апраксина умерла въ теченіе ночи отъ оспы. Я была этимъ жестоко испугана; онъ и весь дворъ знали, что у меня не было оспы; странно было подвергать меня опасности, при-

глашать и привозить въ этотъ домъ; кромѣ того, изъ комнаты больной постоянно входили и выходили въ ту, гдѣ я находилась; весьма правдоподобно, что я была приглашена и привезена въ этотъ домъ съ цѣлью заразить меня этой болѣзнью; я не поручусь за противное. Самое меньшее, что можно сказать, это то, что вниманіе и осторожность по отношенію ко мнѣ не простирались до особенной крайности, ибо меня подвергали столь сильной опасности съ такимъ легкимъ сердцемъ и совсѣмъ безъ нужды, и ни у кого не нашлось достаточно сердечной доброты, ни доброй воли, ни человѣчности, чтобы меня отъ этого предохранить. Но Богъ судилъ иначе: ребенокъ умеръ, а я избѣгла столь великой опасности самымъ счастливымъ образомъ. Признаюсь, я часто содрогалась при мысли объ этомъ. На послѣдней недѣлѣ Великаго поста мы говѣли; Чоглоковъ говѣлъ, какъ и всѣ другіе; въ среду мы исповѣдывались, а въ четвергъ причащались. Чоглоковъ сказался больнымъ въ этотъ день и вплоть до конца недѣли. Мы скоро узнали причину этого нездоровья; когда онъ былъ на исповѣди, его духовникъ, который былъ и духовникомъ императрицы, запретилъ ему причащаться въ продолженіе года, по случаю исторіи его съ Кошелевой; шептали другъ другу на ухо, что духовникъ дѣйствовалъ по приказанію императрицы, которая со времени этого извѣстнаго приключенія питала сильное раздраженіе противъ Чоглокова. Этотъ послѣдній сдѣлался отъ этого мягче; однако и мужъ и жена сохранили весь кредитъ, какой былъ необходимъ, чтобы вредить, но его совсѣмъ не было, чтобы оказать услугу, да и желаніе у нихъ на то едва ли было.

Благовѣщенье въ этомъ году праздновалось въ субботу на Страстной. Императрица имѣла обыкновеніе, которое я сохранила, вставать ночью съ пятницы на великую субботу къ заутренѣ и погребенію Спасителя. Великій князь обыкновенно притворялся на этотъ день нездоровымъ, поэтому я отправилась одна ночью въ церковь. Возвратясь домой, я рѣшила, что не стоило труда раздѣваться и ло-

житься, и что такъ какъ это былъ большой праздникъ, то обѣдню будутъ служить рано; но я ошиблась въ моихъ ожиданіяхъ, такъ какъ я осталась, вся разряженная, на своемъ стулѣ съ четырехъ часовъ утра до трехъ пополудни въ субботу, не смѣя спросить чашку чая и не поѣвъ ничего съ четверга вечеромъ; Владиславова была слишкомъ непреклонна въ вопросахъ благочестія, въ особенности въ вопросахъ о постѣ, чтобы я осмѣлилась вызвать ея негодованіе просьбой о коркѣ хлѣба; я дремала на своемъ стулѣ, страдала и молчала. Въ три часа пришли звать меня къ обѣднѣ; я туда потащилась и узнала, что это долгое промедленіе произошло оттого, что императрица между заутреней и обѣдней была въ банѣ; Владиславова была очень возмущена тѣмъ, что Ея Величество тамъ была въ этотъ день: какъ можно было туда итти въ такой большой праздникъ, какъ Благовѣщенье! Я передаю этотъ фактъ, чтобы дать понять, какъ легко было тогда привести въ негодованіе большую часть народа, который, конечно, въ то время думалъ еще такъ же, какъ Владиславова; эта послѣдняя, впрочемъ, обладала большимъ умомъ, но была чрезвычайно набожна и строга на всякія мелочи. Вслѣдствіе этого я стала особенно стараться избѣгать во всемъ и повсюду, вплоть до малѣйшей бездѣлицы, того, что могло бы оскорбить это расположеніе народнаго духа, господствовавшее тогда еще надъ толпой; я приложила тѣмъ больше стараній сообразоваться съ этимъ, что я знала правило, которое гласитъ, что очень часто болѣе вредитъ въ общей сложности пренебреженіе такого рода бездѣлицами, чѣмъ предметами существенными, потому что умовъ, склонныхъ къ мелочамъ, гораздо больше, чѣмъ людей разумныхъ, которые ихъ презираютъ. На слѣдующій день, на Пасху, послѣ того, какъ мы прослушали заутреню въ малой комнатной церкви, насъ отправили слушать обѣдню въ большую церковь, примыкавшую къ Лѣтнему дворцу Головинскаго дома; мы думали, что мы тамъ умремъ отъ холоду; мы вернулись домой промерзшими. Я помню, что, вернувшись къ себѣ въ комнату, я была синя, какъ слива.

Приблизительно въ это время великій князь, которому Пехлинъ, Бремзе и Бестужевъ прожужжали уши о громадныхъ размѣрахъ какъ долговъ, лежавшихъ на Голштиніи, такъ и ежегодной недостачи въ казнѣ этого князя вслѣдствіе расходовъ, рѣшилъ убавить на половину оклады жалованья всѣхъ тѣхъ, кто находился въ спискѣ служащихъ этой страны. Это вызвало страшные вопли съ ихъ стороны; это не было также по вкусу тѣмъ троимъ господамъ, которыхъ я только что назвала; Пехлинъ и Бремзе теряли также этимъ путемъ половину своего жалованья; но хуже всего было то, что это доставляло великому князю нѣкоторую сумму денегъ, чтобы удовлетворить требованія кредиторовъ, а этого-то именно и не желали; графъ Бестужевъ хотѣлъ устранить всякій поводъ къ ссорѣ между Голштинскимъ домомъ, переселеннымъ въ Россію, и тѣмъ же домомъ, царствовавшимъ въ Даніи; онъ желалъ, чтобы великій князь уступилъ Голштинію королю Датскому. Но эта бережливость великаго князя продолжалась недолго; къ нему подъѣхали съ его слабой стороны, онъ велѣлъ завербовать сотню драгунъ, и долги остались попрежнему.

Въ началѣ весны императрица повезла насъ съ собой въ Перово, на дачу графа Разумовскаго, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Головинскаго сада. Намъ было тамъ довольно хорошо, мы очень часто обѣдали съ императрицей и два раза въ день приходили въ большое зало этого дома: весь дворъ былъ тамъ собранъ, тамъ играли и гуляли; императрица оттуда отправилась съ нами ужинать къ графу Шереметеву, въ его имѣнье и на мельницу Строгоновыхъ. Однажды, когда императрица и великій князь съ хозяиномъ дома были на охотѣ, я почувствовала сильнѣйшую головную боль, такую, какую я едва ли когда-либо съ тѣхъ поръ испытывала. Чоглокова предложила мнѣ прогуляться; я согласилась, но боль отъ этого только усилилась; я вернулась въ свою комнату и легла; едва я очутилась въ постели, какъ у меня началась сильнѣйшая рвота. Эта головная боль и рвота продолжались всю ночь; позвали Бур-

Императрица Елизавета Петровна.

Съ гравированнаго портрета Чемезова 1761 года.

гава; онъ мнѣ далъ всякаго рода лѣкарства; наконецъ я заснула; на другой день онъ мнѣ пустилъ кровь; я была очень слаба остальную часть дня, но эта болѣзнь не имѣла никакихъ послѣдствій. День или два спустя у императрицы былъ снова приступъ коликъ отъ запора, отъ которыхъ ей было такъ плохо зимою того года; она пожелала, чтобы ее перевезли въ ея дворецъ. Она сѣла въ карету, ѣхали шагомъ, и ея карета останавливалась каждую минуту; мы слѣдовали за ней въ нашей; вся свита была очень встревожена этой медленной ѣздой: на дорогу отъ Перова до Головинскаго дворца ушло около двухъ часовъ. На сей разъ этотъ рецидивъ не былъ для насъ тайной; мы сами попросили Чоглоковыхъ водить насъ каждый день въ переднюю императрицы, чтобы узнавать о состояніи ея здоровья; они не посмѣли намъ отказать. Намъ не было позволено входить во внутренніе покои Ея Величества; мы оставались въ прихожей, и когда кто-нибудь изъ тѣхъ, кого она допускала въ свои аппартаменты, выходилъ, мы спрашивали объ ея здоровьѣ, намъ передавали извѣстія, затѣмъ мы удалялись. Когда Ея Величество почувствовала себя лучше, она однажды позвала насъ въ Покровское обѣдать съ нею; было очень много народа и, между прочимъ, вдова оберъ-камергера князя Долгорукова, фаворита Петра II. Она еще была тогда очень хороша собой, и только нѣсколько лѣтъ спустя она удалилась въ Кіевъ, гдѣ постриглась въ монахини. Великій князь напился за этимъ обѣдомъ, и послѣ обѣда сталъ этой княгинѣ Долгоруковой разсказывать небылицы; онъ не называлъ ее иначе, какъ прекрасная вдова, и сильно за ней ухаживалъ. Эта привязанность продолжалась во все пребываніе въ этомъ году въ Москвѣ, но она не шла дальше нѣжныхъ взглядовъ и разговоровъ; она со своей стороны обращалась съ нимъ какъ съ ребенкомъ, и на самомъ дѣлѣ у нея были дѣти почти однихъ лѣтъ съ великимъ княземъ. Послѣ обѣда въ Покровскомъ мы отправились на прогулку въ Преображенскій лѣсъ. Великій князь ѣхалъ верхомъ, но былъ такъ пьянъ, что качался на лошади изъ

стороны въ сторону, въ лѣсу была страшная толпа народа; мнѣ въ моей каретѣ было стыдно за него, но дѣло было не поправимо.

Въ началѣ мая Шувалова пригласила насъ ужинать съ Ея Величествомъ. Этотъ вечеръ былъ очень веселый; танцовали до поздней ночи и, казалось, всѣ были довольны; маленькая англійская собачонка, принадлежавшая хозяйкѣ дома, въ продолженіе этого вечера очень ко мнѣ привязалась, а я къ ней; на другой день утромъ Шувалова прислала мнѣ свою собачку; это вниманіе съ ея стороны доставило мнѣ тѣмъ болѣе удовольствія, что я не привыкла видѣть его въ комъ бы то ни было по отношенію ко мнѣ. Меня много бранили, обходились со мною грубо, большею частью безъ всякой на то причины, а что касается вниманія и любезности, меня не пріучили ожидать ихъ отъ кого бы то ни было. Немного времени спустя императрица отправилась пѣшкомъ на богомолье въ Троицкій монастырь, и такъ какъ она не дѣлала болѣе пяти верстъ въ день и часто по нѣскольку дней проходило безъ того, чтобы она отправилась въ путь, это путешествіе продолжалось болѣе мѣсяца. На это время отправили насъ на жительство по дорогѣ къ Троицкому монастырю, въ лачугу, принадлежавшую Чоглокову и называвшуюся Раево, мѣсто, лишенное всякой пріятности, окруженное густымъ лѣсомъ, въ болотистой низинѣ, красу которой составлялъ прудъ, полный тины; однако Чоглокову это мѣсто казалось земнымъ раемъ, и только потому, что это скверное мѣсто ему принадлежало; ибо онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые находятъ чудеснымъ все то, что имъ принадлежитъ; хоть у него былъ этотъ недостатокъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ очень завистливъ къ чужому добру и чужая тучность его сушила. Пока мы такимъ образомъ были заключены въ этомъ поганомъ Раевѣ, нашей единственной забавой была охота; мы ѣздили на охоту ежедневно; я еще ѣздила тогда на англійскомъ дамскомъ сѣдлѣ и скакала во весь опоръ, къ удивленію самыхъ смѣлыхъ охотниковъ.

Въ этомъ меня не стѣсняли, я могла скакать, сколько мнѣ нравилось, и сломать себѣ шею, если я этого хотѣла; это всецѣло отъ меня зависѣло. Единственнымъ лицомъ изъ большого двора, пріѣзжавшимъ почти каждый день въ Раево, былъ графъ Кириллъ Разумовскій, братъ фаворита; онъ насъ забавлялъ и самъ также забавлялся разговоромъ со мной; онъ впослѣдствіи и очень долго спустя послѣ того сознался мнѣ, что я въ то время занимала его сердце гораздо болѣе, чѣмъ я это подозрѣвала; онъ также часто ѣздилъ съ нами на охоту. Чоглоковъ съ женою и не думали находить его посѣщенія неумѣстными; они были настолько простодушны, что вѣрили, что графъ Разумовскій находилъ удовольствіе бывать у нихъ, въ ихъ прелестномъ обществѣ, и они безконечно были ему благодарны за это; впрочемъ, благодаря его веселому нраву, онъ считался неопаснымъ. Когда императрица была близко отъ Троицкаго монастыря, она послала за нами; я загорѣла, какъ чортъ, отъ этихъ постоянныхъ поѣздокъ на охоту, весь день я проводила на воздухѣ. Какъ только императрица меня увидѣла, она изумилась моей краснотѣ и прислала мнѣ въ тотъ же вечеръ умываніе, чтобы освѣжить мнѣ кожу; я его стала употреблять, и въ самомъ дѣлѣ загаръ уменьшился. Изъ монастыря насъ снова послали въ Раево, гдѣ мы продолжали наши охоты до Петрова дня, когда насъ заставили вернуться въ Троицкій монастырь; наша свита была очень небольшая. Императрица отправилась въ Воскресенскій монастырь; послѣ обѣда въ Петровъ день, именины великаго князя, онъ пожелалъ развлечься, устроилъ балъ, но такъ какъ не было ни танцоровъ, ни музыкантовъ, онъ самъ сѣлъ играть на скрипкѣ, а мои горничныя и его лакеи танцовали. Этотъ балъ извелъ меня своей скукой, я взяла книгу и принялась читать въ углу; онъ былъ навеселѣ и не обратилъ вниманія на то, что я дѣлала, иначе я бы не избѣгла брани съ его стороны. Изъ этого монастыря мы снова вернулись въ Раево, и охота тамъ возобновилась. На одной изъ этихъ охотъ одинъ офицеръ

Бутырскаго полка, по имени Асафъ Батуринъ, котораго никто не зналъ, познакомился съ нѣмецкими егерями, бывшими въ нашей свитѣ; онъ имъ разсказалъ о своей привязанности къ великому князю и попросилъ ихъ доставить ему случай лично поговорить объ этомъ съ великимъ княземъ. Эти егеря были очень фамильярны съ Его Императорскимъ Высочествомъ и, находясь постоянно на охотѣ около него, разсказали ему это; дѣйствительно, въ одинъ прекрасный день этотъ офицеръ вышелъ изъ лѣса и представился этому князю; онъ ему сказалъ, что не признавалъ другого повелителя, кромѣ него, и что Его Императорское Высочество могъ разсчитывать на него и на весь полкъ, въ которомъ онъ былъ поручикомъ. Сей князь былъ немного испуганъ этимъ приступомъ, котораго онъ не ожидалъ, и я думаю, онъ ему не сказалъ ничего особеннаго; онъ точно также остерегся похвастаться мнѣ или кому бы то ни было ни этимъ приключеніемъ, ни разговорами и толками, которые имѣли съ нимъ трое изъ его егерей. Тѣ, которые сопровождали этого князя, не слыхали или не хотѣли подать вида, что слышали, что̀ этотъ офицеръ говорилъ; только потихоньку шептали, что одинъ пьяный или сумасшедшій присталъ къ князю, но что ни онъ, ни кто другой ничего не поняли изъ его рѣчей. Съ другой стороны молчаніе великаго князя и потворство встрѣчамъ съ нимъ на охотѣ Батуринъ принялъ за формальное согласіе со стороны этого князя и сталъ замышлять и затѣвать заговоръ, глупый и какъ нельзя болѣе плохо слаженный, чтобы возвести великаго князя на престолъ, заключить императрицу въ монастырь и перерѣзать всѣхъ, кто, по его мнѣнію, могъ воспротивиться его планамъ. Я отношу разсказъ о раскрытіи этой исторіи на осень того года, когда я впервые о немъ узнала, и разскажу также, какъ я это узнала, ибо до тѣхъ поръ все это было мнѣ неизвѣстно.

Въ началѣ августа Чоглоковъ окончательно рассорился съ графомъ Бестужевымъ и, кажется, мы съ великимъ

княземъ положили тому первую основу, и вотъ какимъ образомъ. Я уже говорила, что послѣ непріятнаго приключенія съ Кошелевой и гнѣва императрицы противъ Чоглокова послѣдній сдѣлался болѣе сговорчивъ; исторія съ запретомъ причастія на Страстной недѣлѣ была для него новымъ доказательствомъ, что императрица сохранила противъ него долю злобы; онъ управлялъ своею женою съ бо̀льшимъ трудомъ, чѣмъ раньше, она сдѣлалась немного менѣе покорна ему сравнительно съ прежнимъ. Все это уменьшало его пылъ; съ другой стороны, нѣсколько разъ великій князь, будучи навеселѣ, встрѣчался съ графомъ Бестужевымъ, всегда пьянымъ; великій князь жаловался ему на пріемы и поступки Чоглокова, который былъ очень грубъ и всегда хмурился на него; графъ Бестужевъ частью по болтливости, частью изъ-за пьянства, а можетъ быть сюда входило и зерно лести, чтобы войти въ силу и пріобрѣсти довѣріе великаго князя, сказалъ ему: «Чоглоковъ грубіянъ, дуракъ и набитъ спесью, но предоставьте это мнѣ, я его образумлю». Великій князь мнѣ это разсказалъ; я ему замѣтила, что, если бы Чоглоковъ это узналъ, онъ никогда бы этого не простилъ графу Бестужеву, и что онъ былъ бы удивленъ, что человѣкъ, котораго онъ считалъ своимъ другомъ, такъ дурно отзывается о немъ. Великій князь вообразилъ, что онъ подкупитъ Чоглокова, если перескажетъ ему то, что графъ Бестужевъ ему говорилъ, и что тогда онъ, великій князь, и станетъ другомъ Чоглокова и замѣнитъ въ его глазахъ Бестужева, однимъ словомъ, что въ будущемъ онъ будетъ имъ управлять, если онъ ему откроетъ фальшь притворной дружбы графа Бестужева. И вотъ мой великій князь заранѣе радуется въ воображеніи прекраснымъ результатамъ, которые повлечетъ за собой открытіе тайны, коей онъ былъ обладателемъ; онъ прежде всего поспѣшилъ уловить случай пересказать Чоглокову тѣ различные разговоры, въ которыхъ шла рѣчь о Чоглоковѣ между графомъ Бестужевымъ и имъ, великимъ княземъ. Чоглоковъ глубоко былъ этимъ оскорбленъ

и его самолюбію нанесенъ былъ ударъ прямо въ сердце. Какъ-то въ праздникъ графъ Бестужевъ пригласилъ его обѣдать, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе это дѣлать; Чоглоковъ пошелъ къ нему, но взвинченный противъ него до крайности. Графъ Бестужевъ, послѣ обѣда и уже наполовину пьяный, захотѣлъ съ нимъ поговорить, но нашелъ его чрезвычайно гордымъ и замкнутымъ; онъ, въ свою очередь, разсердился, и разговоръ между ними сталъ страшно жаркимъ. Чоглоковъ упрекнулъ графа Бестужева въ рѣчахъ, которыя онъ держалъ великому князю, и въ томъ, что дурного онъ объ немъ говорилъ; графъ Бестужевъ со своей стороны сталъ укорять его въ глупости, въ его безтактномъ поведеніи въ Вѣнѣ, гдѣ, говорятъ, онъ занималъ императрицу-королеву разговорами исключительно о своей женѣ и дѣтяхъ, въ исторіи съ Кошелевой и напомнилъ ему, насколько Чоглоковъ былъ ему обязанъ тѣмъ, что онъ далъ ему мѣсто, и о поддержкѣ, которую онъ ему оказалъ во время этого послѣдняго приключенія. Чоглоковъ, по характеру человѣкъ наименѣе способный выслушивать правду о себѣ самомъ, разсердился окончательно и принялъ все это за оскорбленія. Генералъ Апраксинъ захотѣлъ ихъ помирить, но Чоглоковъ сталъ отъ этого еще болѣе упоренъ; онъ вообразилъ, что въ немъ нуждались и что съ этой цѣлью у него заискивали; онъ поклялся, что ноги его больше не будетъ въ домѣ графа Бестужева, и сдержалъ слово, и никогда больше туда не возвращался; съ этого дня Чоглоковъ сталъ заклятымъ врагомъ графа Бестужева, который никогда не могъ его умилостивить. Шуваловы въ то время начинали пріобрѣтать большое вліяніе на умъ императрицы; причиной тому была ея новая привязанность къ Ивану Ивановичу Шувалову; независимо отъ этой привязанности къ ихъ двоюродному брату, императрица всегда питала дружбу и довѣріе къ Александру и Петру Шуваловымъ, которые съ ея молодости состояли при ней, а Шувалова съ дѣтства была воспитана вмѣстѣ съ Ея Величествомъ и была однихъ съ нею лѣтъ; ея игривый нравъ

забавлялъ императрицу, которая иногда не могла безъ нея обойтись; въ расположеніи къ нимъ императрицы были колебанія вверхъ и внизъ; въ эту минуту ихъ барометръ подымался.

Они не любили графа Бестужева, который завязалъ близкія отношенія съ графомъ Разумовскимъ, ихъ противникомъ; они старались отстранить отъ этихъ двухъ графовъ возможно больше народу, и такъ какъ они знали, что я не считала графа Бестужева въ числѣ своихъ друзей, то вслѣдствіе этого они подъ рукой стали всячески ухаживать за мной, въ особенности новый фаворитъ; онъ однако скрывалъ эти ухаживанья, словно убійство, изъ страха возбудить ревность императрицы, которой избѣгнуть было болѣе чѣмъ трудно. Императрица въ теченіе этого лѣта захотѣла увидѣть Софьино, дворцовое имѣнье, находившееся приблизительно въ ста верстахъ отъ Москвы и мѣстоположеніе котораго очень хвалили. Шуваловы устроили такъ, что мы съ великимъ княземъ приняли на сей разъ участіе въ этой увеселительной поѣздкѣ, которая таковою однако не оказалась, какъ я это разскажу. Тамъ совсѣмъ не было дома, удобнаго для житья. Императрица велѣла поставить палатки и [въ нихъ] расположился весь дворъ. На другой день нашего пріѣзда императрица и великій князь поѣхали на охоту, но такъ какъ императрица не брала меня никогда съ собою на охоту, хоть она и знала, что я очень это люблю, то я осталась въ своей комнатѣ читать свою книгу и скучать. На другой день къ часу обѣда мы отправились въ палатку императрицы; мы нашли столъ накрытымъ; нѣсколько минутъ спустя она появилась и всѣ присутствующіе по косому взгляду изподлобья, какой она бросала, когда бывала разсержена, поняли, что она была не въ духѣ. Поцѣловавъ, какъ всегда, великаго князя и меня, она начала говорить о скукѣ вчерашней охоты и, увидавъ человѣка, которому поручено было управлять этимъ имѣніемъ, сказала ему по-русски: «Если бы ты не былъ мошенникомъ, я бы лучше развлеклась вчера;

очевидно, сосѣдніе дворяне даютъ тебѣ деньги, чтобы ты не мѣшалъ имъ охотиться на моей землѣ; тутъ нѣтъ ни одного зайца, а если бы тутъ не охотились, ихъ было бы множество». Сей несчастный, весь дрожа, сталъ горячо божиться всѣми возможными клятвами, чтобы ее убѣдить, что никто не охотился въ окрестностяхъ; но она продолжала его бранить и угрожать ему; потомъ она повернула разговоръ на доброе старое время и стала говорить, какъ она охотилась съ Петромъ Вторымъ и какое множество зайцевъ они брали въ день. Она принялась на чемъ свѣтъ стоитъ бранить князей Долгорукихъ, окружавшихъ этого государя, и разсказывать, какъ они старались ее отдалить отъ него. Это заставило вспомнить о добротѣ и дружбѣ къ ней этого государя и о непріязни, которую выказывала къ ней императрица Анна; отсюда она перескочила на бѣдность, въ которой жила во времена этой императрицы. Она намъ перечислила всѣ свои тогдашніе доходы и сказала: «Хотя у меня было тогда не болѣе тридцати тысячъ дохода, на которые я содержала весь свой домъ, тѣмъ не менѣе у меня не было долговъ». При этомъ она бросила взглядъ на меня. «У меня ихъ не было», продолжала она: «потому что я боялась Бога и не хотѣла, чтобы моя душа пошла въ адъ, если бы я умерла, а долги мои остались бы не уплаченными». Тутъ вторично былъ брошенъ на меня взглядъ. Императрица продолжала: «Правда, дома я одѣвалась очень просто; обыкновенно я носила юбку изъ чернаго гризета и кофту изъ бѣлой тафты; въ деревнѣ я также не одѣвалась въ дорогія матеріи». Тутъ она метнула на меня весьма гнѣвными глазами—въ этотъ день на мнѣ была богатая кофта; я прекрасно поняла, что императрица страшно на меня злилась; я хранила молчаніе, по примѣру всѣхъ присутствующихъ, и слушала почтительно и не смущаясь. Ея Величество еще долго продолжала въ томъ же духѣ, переходя съ одного предмета на другой, задирая то однихъ, то другихъ, и возвращаясь почти постоянно къ тому же припѣву, который я должна

была глотать. Послѣ того, какъ она одна въ теченіе трехъ четвертей часа угощала насъ разговоромъ, за который платились мы, остальные присутствующіе, въ палатку вошелъ своего рода шутъ, очень мало забавный, по имени Аксаковъ, котораго императрица взяла ко двору; онъ держалъ въ своей шапкѣ ежа; она его спросила, откуда онъ пришелъ; онъ ей отвѣтилъ, что былъ на охотѣ и поймалъ рѣдкостнаго звѣря. Она захотѣла узнать, что это такое было, и подошла къ нему, чтобы посмотрѣть, что онъ держалъ въ шапкѣ; въ эту самую минуту ежъ поднялъ голову; Ея Величество страшно боялась мышей, а тутъ ей показалось, что голова ежа была похожа на голову мыши; она пронзительно вскрикнула и бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ къ палаткѣ, которая служила ей спальной. Минуту спустя она прислала приказаніе убрать накрытый къ обѣду столъ; всѣ разошлись; мы обѣдали у себя, но послѣ обѣда намъ велѣли вернуться въ Москву. Возвратясь въ мою палатку, Чоглокова мнѣ сказала: «Вотъ вы и получили нагоняй; поняли ли вы это»? Я отвѣтила, что поняла, но что не знала, что̀ именно раздражило Ея Величество противъ меня; она сказала мнѣ, что также не знала. Могу поклясться, что не знаю этого и до сего дня.

Въ продолженіе этого лѣта пріѣхала ко двору изъ Ярославля принцесса Курляндская, дочь герцога Эрнста-Іоганна, который съ тѣхъ поръ, какъ императрица вернула его изъ Сибири, куда услала его принцесса Анна Браушвейгская, избралъ себѣ мѣстомъ жительства Ярославль. Принцесса Курляндская не была любима ни отцомъ, ни матерью, она повседневно испытывала съ ихъ стороны очень дурное къ себѣ отношеніе; утомленная наконецъ жизнью, которую она вела, она обратилась къ женѣ мѣстнаго воеводы, по имени Пушкиной; та предложила ей принять православную вѣру и взялась подъ этимъ прикрытіемъ перемѣны религіи доставить принцессу прямо ко двору; принцесса, которая была очень умна, ни минуты не колебалась, но, напротивъ того, отвѣтила ей, что уже давно

имѣла къ этому влеченіе. Пушкина написала объ этомъ Шуваловой и, съ согласія императрицы, похитила принцессу у ея родителей и доставила ее въ Москву къ императрицѣ, которая помѣстила ее при дворѣ и была крестной матерью, когда нѣсколько недѣль спустя она приняла православіе.

Около 5 сентября, именинъ императрицы, послѣдняя отправилась въ Воскресенскій монастырь. Мы получили приказаніе слѣдовать за нею. Тамъ-то Ея Величество въ день своего ангела объявила Ивана Ивановича Шувалова камеръ-юнкеромъ; благодаря этому его случай пересталъ быть тайной, которую всѣ передавали другъ другу на ухо, какъ въ извѣстной комедіи. Меня очень обрадовало его возвышеніе, такъ какъ я желала ему въ то время всѣхъ благъ; семья его это знала. По возвращеніи въ Москву Шуваловы устроили такъ, что императрица отправилась съ нами ужинать въ Раево къ Чоглоковымъ; эта вечеринка была очень весела и оживленна, танцовали до поздней ночи, послѣ чего возвратились въ Москву. Осень этого года была необыкновенно хороша. Мы снова отправились жить въ Раево, а императрица въ Тайнинское. За обѣдомъ Ея Величество сидѣла на концѣ длиннаго стола, накрытаго въ палаткѣ. Великій князь сидѣлъ отъ нея направо, я налѣво, противъ великаго князя рядомъ со мной сидѣла Шувалова, а рядомъ съ великимъ княземъ фельдмаршалъ Бутурлинъ, направо отъ котораго сидѣлъ духовникъ Ея Величества. Фельдмаршалъ, который любилъ выпивать, напоилъ обоихъ своихъ сосѣдей, то-есть отца-духовника и великаго князя. У послѣдняго вино вызывало всякаго рода судороги, гримасы и кривлянія, столь же смѣшныя, какъ и непріятныя. Я видѣла, что это не нравилось императрицѣ, и такъ какъ я тогда принимала искреннее участіе во всемъ, что касалось моего мужа, слезы выступили у меня на глаза отъ неприличія, съ которымъ онъ себя велъ въ этотъ день за столомъ; Шувалова это замѣтила и была мнѣ за это благодарна; она обратила на это вни-

в то время был еще ген-аншефом

маніе императрицы, которая поспѣшила встать изъ-за стола. Великій князь, несмотря на свою нетрезвость, отправился на охоту съ графомъ Разумовскимъ, а я вернулась въ Раево. Только что я туда пріѣхала, какъ у меня началась сильнѣйшая зубная боль; я не знала, какому угоднику молиться, и ужасно страдала. Бывшій тутъ братъ Чоглоковой, графъ Иванъ Гендриковъ, предложилъ мнѣ вылѣчить меня; я приняла его предложеніе; онъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ крошечной бумажной трубочкой, которую онъ просилъ меня положить на больной зубъ; я такъ и сдѣлала; но только что по его совѣту я сжала зубы, какъ почувствовала столь страшный приступъ боли, что была вынуждена лечь въ постель; ночью у меня начался сильнѣйшій жаръ съ перемежающимися приливами крови къ мозгу. Чоглокова была сильно встревожена этимъ случаемъ, происшедшимъ въ ея домѣ и вызваннымъ ея братомъ; она набросилась на него и сильно его выругала. Она не отходила во всю ночь отъ моей кровати и казалась очень встревоженной; можно было бы даже сказать, что чѣмъ больше времени она со мной проводила, тѣмъ болѣе она ко мнѣ привязывалась, конэчно, вполнѣ безсознательно и невольно, причемъ это не проявлялось послѣдовательно, но порою извѣстные случаи обнаруживали въ Чоглоковой эти чувства. На слѣдующій день меня, совсѣмъ больную, закутали, уложили въ карету и привезли обратно въ Москву, гдѣ эта зубная боль продолжалась еще болѣе двухъ недѣль, послѣ чего она понемногу прошла. Въ теченіе этой болѣзни Владиславова старалась меня забавлять, и вотъ какъ она этого достигала: эта женщина была живымъ архивомъ; она знала скандальную хронику всѣхъ русскихъ фамилій съ Петра Великаго и даже раньше. Она садилась возлѣ моей кровати и, не переставая, разсказывала. Разсказывала она хорошо и съ умомъ; отъ нея я и узнала связи всѣхъ семействъ между собой, ихъ родство до второго и третьяго колѣна, множество анекдотовъ, которые часто при случаѣ оказываютъ услуги тому, кто

умѣетъ ими пользоваться. Кромѣ того, такъ какъ я
могла читать изъ-за боли, которую испытывала, то ниче
не могло быть для меня поучительнѣе разговора Влад
славовой, чтобы познакомиться съ тѣмъ обществомъ, сре
котораго я жила; и я вошла во вкусъ этихъ бесѣдъ. Ин
разъ она мнѣ также разсказывала о текущихъ событіях
между прочимъ я узнала отъ нея, что въ то время пре
полагался бракъ между сыномъ графа Бестужева и дочер
княгини Долгорукой, рожденной Аргамаковой, съ котор
хорошо была знакома Владиславова и у которой въ хара
терѣ было много страннаго. Часто она по ночамъ вставала
подходила къ кровати своей спящей дочери, чтобы пос
трѣть, какъ она увѣряла, не умерла ли эта дочь, котор
она обожала; очень часто она даже будила ее, чтобъ у
диться, что ея сонъ не былъ обморокомъ; кромѣ того, о
всегда боялась, что ея дочь, богатая, остроумная, красив
и любезная, останется въ дѣвкахъ, и поэтому всегда бы
готова выдать ее за перваго встрѣчнаго. Въ эту мину
явилось трое соискателей: молодой графъ Андрей Бес
жевъ, который, будучи еще сумасброднѣе своей матери
это много значитъ, былъ такимъ же пьяницей, какъ
отецъ, впрочемъ, не обладая при этомъ ни однимъ
достоинствъ этого послѣдняго; вторымъ, выставивши
свою кандидатуру, былъ племянникъ императрицы Ека
рины I, графъ Скавронскій, безобразная наружность к
раго равнялась его глупости; третьимъ наконецъ б
князь Георгій Грузинскій, который и женился на э
княжнѣ; менѣе безобразный, чѣмъ графъ Скавронскій,
былъ зато круглый дуракъ; въ особенности подчеркив
въ немъ этотъ недостатокъ то, что онъ никогда порядк
не выучился говорить ни на одномъ языкѣ, кромѣ св
родного, котораго никто въ Россіи не понималъ, кромѣ
грузинъ. Несчастная княжна, которой такъ не везло
части жениховъ и которую постоянно тѣснила ея м
согласилась наконецъ выйти за послѣдняго. Признаюс
постаралась при помощи Владиславовой отговорить

отъ согласія на бракъ съ графомъ Бестужевымъ, къ чему мать была болѣе всего склонна, ибо онъ былъ сыномъ великаго канцлера, игравшаго тогда очень значительную роль.

Княгиня Марія Яковлевна была всегда безконечно благодарна мнѣ за то, что я помогла отговорить ея мать выдать ее за графа Бестужева, который и по характеру, и по своимъ порокамъ былъ извергомъ; хотя она и не была счастлива, но съ этимъ послѣднимъ она была бы гораздо несчастнѣе. А между тѣмъ никогда женщина не заслуживала большаго счастія, чѣмъ она; это была одна изъ рѣдкихъ личностей по ея замѣчательной кротости, чистотѣ ея нравовъ и добротѣ сердца; труднѣе сказать, какого качества ей недоставало, чѣмъ перечислить всѣ ея добродѣтели; никогда женщина не была такъ уважаема всѣми безъ исключенія, какъ она; она пользовалась высокимъ личнымъ уваженіемъ со стороны всѣхъ ее знавшихъ или даже только слыхавшихъ о ней; это уваженіе къ ней со временемъ только возросло бы, если бъ она не умерла во цвѣтѣ лѣтъ 25-го декабря 1761 г., въ самый день кончины императрицы Елисаветы. Я ее искренно оплакивала, ибо не было такого знака дружбы и привязанности, котораго бы эта достойная женщина не выказала мнѣ въ теченіе всей своей жизни, и, если бъ она дожила до моего восшествія на престолъ, котораго она ожидала съ такимъ нетерпѣніемъ, она, конечно, заняла бы выдающееся мѣсто при мнѣ; это былъ другъ вѣрный, разумный, твердый, мудрый и осторожный. Я никогда не знала женщины, которая соединяла бы въ себѣ такое количество различныхъ достоинствъ, и если бъ она была мужчиной, о ней говорили бы восторженно. Приблизительно въ это же время императрица взяла ко двору двухъ старшихъ дочерей графа Романа Воронцова: старшая — Марія Романовна, лѣтъ тринадцати-четырнадцати, была назначена фрейлиной императрицы, а младшая—Елисавета Романовна, которой могло быть лѣтъ одиннадцать-двѣнад-

цать, была приставлена ко мнѣ въ той же должности. Старшая обѣщала быть хорошенькой, но вторая не имѣла и слѣдовъ красоты; напротивъ, она и тогда уже была очень некрасива; оспа, которую она перенесла впослѣдствіи, обезобразила ее еще больше, какъ мы это видѣли; обѣ сестры имѣли оливковый цвѣтъ лица, который ихъ не красилъ; впослѣдствіи онѣ прибѣгли ко всякаго рода искусственнымъ краскамъ, чтобъ избавиться отъ этого. Въ началѣ октября я схватила сильную лихорадку съ насморкомъ; я была принуждена пролежать въ постели нѣсколько дней; едва я встала, какъ Чоглокова пришла мнѣ сказать, что императрица назначила на слѣдующій день свадьбу камергера великаго князя Александра Александровича Нарышкина съ дѣвицей Анной Никитичной Румянцовой. Я сказала Чоглоковой, что вслѣдствіе бывшей у меня лихорадки и оставшейся послѣ нея слабости я не буду въ состояніи на ней присутствовать; Чоглокова согласилась со мной, что это могло бы вызвать возвращеніе болѣзни, и ушла. Нѣсколько часовъ спустя она вернулась и передала мнѣ отъ имени Ея Величества, чтобъ я на слѣдующій день вышла на эту свадьбу, ибо я должна была убрать невѣсту, и что съ этой цѣлью ее ко мнѣ приведутъ. Я, нашла это приказаніе довольно суровымъ, тѣмъ болѣе что императрица за нѣсколько дней до того приходила ко мнѣ, своими глазами видѣла, какая у меня была сильная лихорадка, и нашла меня въ такомъ жару, что боялись, [какъ бы не было] у меня тифа. Но приказаніе было опредѣленное и, такъ какъ Ея Величество могла его дать не иначе, какъ зная, въ чемъ дѣло, я не смѣла возражать, хотя, можетъ быть, я и рисковала жизнью. Владиславова нашла это приказаніе суровымъ и даже жестокимъ и въ этомъ духѣ о немъ мнѣ отозвалась. Наконецъ, на слѣдующій день я, хоть и была очень слаба, одѣлась, насколько могла лучше. Невѣсту привели ко мнѣ, и я ее убрала; однако меня освободили отъ необходимости итти въ церковь, но зато меня заставили сѣсть въ карету и проѣхать

всю Москву отъ Анненгофа до дома Нарышкиныхъ по ту сторону Кремля; мою свиту составляли три кареты и около двадцати верховыхъ; было чрезвычайно скользко, потому что послѣ сильнаго дождя наступилъ страшный морозъ. Лошадей не успѣли подковать на шипы, мы ѣхали шагомъ и все-таки на эти семь верстъ, которыя мы должны были проѣхать, не было ни одной лошади, которая не упала бы по нѣскольку разъ; въ довершеніе всѣхъ бѣдъ мы встрѣтили между Казанской церковью и Курятными воротами свадебный поѣздъ сестры Ивана Ивановича Шувалова, которая ѣхала въ Казанскую церковь вѣнчаться съ княземъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ. Лошади этого поѣзда также скользили на каждомъ шагу. Однимъ словомъ, я думаю, что мы употребили по крайней мѣрѣ два съ половиной часа на эту поѣздку и столько же на обратный путь; ни раньше, ни позже я никогда не видѣла ничего похожаго на эту прогулку, и этотъ день могъ по справедливости получить названіе дня кувырканья; впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно, никто себѣ ничего не повредилъ. Я пріѣхала первая въ домъ новобрачныхъ, а часъ спустя ввалилась вся свадьба. Императрица также пріѣхала; послѣ ужина и бала насъ съ великимъ княземъ послали отвести новобрачныхъ въ ихъ комнаты; вслѣдствіе этого мы были принуждены проходить коридоры, подниматься и спускаться по нѣсколькимъ лѣстницамъ въ этомъ огромномъ домѣ; послѣ того мы уѣхали. Этотъ бракъ имѣлъ не болѣе послѣдствій, чѣмъ нашъ; это сходство въ положеніи Нарышкиной и моемъ много способствовало дружеской связи, которая долго насъ соединяла; мое состояніе измѣнилось по прошествіи девяти лѣтъ, считая со дня моей свадьбы, но она и понынѣ находится въ томъ же положеніи, а уже двадцать четыре года, какъ замужемъ. На слѣдующій день послѣ этого празднества мы снова ѣздили къ молодымъ; въ этотъ день я почувствовала небольшую лихорадку, но она прошла безъ всякихъ послѣдствій. Нѣсколько дней спустя великій князь вошелъ въ мою комнату съ очень сму-

щенной миной; я увидѣла, что у него было нѣчто на сердцѣ, что его огорчало, но такъ какъ я вовсе не догадывалась, что бы это могло быть такое, то я нѣкоторое время притворялась, что ничего не замѣчаю. Наконецъ онъ самъ захотѣлъ облегчить свою душу отъ бремени, которое его давило; онъ сказалъ мнѣ, что его егеря, которыхъ онъ такъ любилъ, были арестованы и отправлены въ Преображенское, гдѣ находилась Тайная канцелярія во время пребыванія двора въ Москвѣ. Это меня мало тронуло; я даже никогда съ этими людьми и не разговаривала; но онъ мнѣ при этомъ сказалъ, что онъ боялся, какъ бы это не имѣло и для него послѣдствій. Тогда я спросила, откуда пришла ему въ голову эта мысль; тутъ онъ мнѣ признался, что эти люди говорили ему о преданности къ нему того поручика Батурина, о которомъ я выше упомянула, что этотъ последній разговаривалъ съ нимъ на охотѣ и увѣрилъ его въ преданности своей и всего Бутырскаго полка къ нему, и что этотъ человѣкъ прибавилъ, что онъ не признаетъ другого государя, кромѣ него. Послѣ того было еще нѣсколько свиданій и переговоровъ между егерями, великимъ княземъ и этимъ офицеромъ; великій князь зналъ, что и онъ былъ арестованъ. Мнѣ показалось, что великій князь признавался мнѣ только на половину и боялся сказать мнѣ все изъ страха, чтобъ я не осудила его неосторожности. Мнѣ стало жаль его за то страданіе, которое онъ испытывалъ; я старалась его утѣшить, но это дѣло въ продолженіе двухъ-трехъ недѣль его все-таки очень мучило; когда же онъ увидѣлъ, что ему объ этомъ вовсе не говорили и что дѣло это не имѣло для него никакихъ дурныхъ послѣдствій, онъ незамѣтно его позабылъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ моего восшествія на престолъ это дѣло попалось мнѣ въ руки; я его нашла среди бумагъ императрицы Елисаветы; оно было ей передано для того, чтобы Ея Величество постановила о немъ свое рѣшеніе. Оно было очень объемисто, и вслѣдствіе этого до своей смерти императрица не имѣла о немъ правильнаго представленія; она навѣрно

его не прочла. Дѣло это было, можетъ быть, однимъ изъ самыхъ серьезныхъ въ ея царствованіе, хотя оно было затѣяно безразсудно и неосторожно и, говоря безъ обиняковъ, это былъ заговоръ по всей формѣ; Батуринъ убѣдилъ сотню солдатъ своего полка присягнуть великому князю; онъ увѣрялъ, что получилъ на охотѣ согласіе этого князя на возведеніе его на престолъ. На пыткѣ онъ признался въ своихъ сношеніяхъ съ этимъ княземъ черезъ посредство его егерей; на него донесъ гренадеръ, котораго онъ старался привлечь на свою сторону; егеря были уличены въ томъ, что они дали великому князю возможность съ нимъ познакомиться, но, впрочемъ, допрошены они были только слегка. Когда я сопоставляю процессъ съ тѣми страхами, которые на моихъ глазахъ испытывалъ великій князь, и съ тѣмъ, что онъ при мнѣ говорилъ, я не сомнѣваюсь, что онъ узналъ обо всемъ и что его егеря не захотѣли или не посмѣли оговорить его настолько, насколько этого требовала истина. Хотя я не думаю, чтобы императрица когда-либо узнала все, тѣмъ не менѣе она была достаточно освѣдомлена, чтобъ утратить тотъ остатокъ довѣрія къ нему, который она еще имѣла. Послѣ этого происшествія она перестала цѣловать ему руку, когда онъ подходилъ цѣловать ея руку, а въ слѣдующемъ году дала почувствовать свой гнѣвъ, хоть и косвеннымъ образомъ, какъ я объ этомъ разскажу въ своемъ мѣстѣ. Графъ Александръ Шуваловъ велѣлъ заключить Батурина въ Шлиссельбургскую крѣпость въ ожиданіи рѣшенія императрицы, котораго однако никогда не послѣдовало; оттуда я его сослала въ 1770 г. въ Камчатку за глупости, которыя онъ писалъ и хотѣлъ распространять при помощи карауливших его солдатъ; изъ Камчатки онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ Беніовскимъ и многими другими послѣ убійства большерѣцкаго воеводы; они пробрались черезъ Тихій океанъ въ Макао; я не отчаиваюсь въ томъ, что оттуда нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ вернутся въ Европу; Беніовскій уже тамъ; ни одинъ изъ нихъ не избавленъ по крайней мѣрѣ отъ висѣлицы.

Я обязана соблюдать во всемъ правду и разсказывать вещи, какъ онѣ происходили на самомъ дѣлѣ. Съ этого времени я стала замѣчать, какъ въ умѣ великаго князя росла жажда царствовать; ему этого до смерти хотѣлось, но онъ ничего не дѣлалъ для того, чтобы стать достойнымъ этого.

Въ ноябрѣ 1749 г. моя зубная боль возобновилась; я была вынуждена лежать въ постели, у меня была сильная лихорадка изъ-за продолжительности боли; такъ какъ я не знала покою въ моей спальной, примыкавшей къ аппартаментамъ великаго князя, изъ-за его скрипки и собакъ,— а это были удовольствія, отъ которыхъ онъ ни за что не отказался бы, даже если бъ онъ могъ предположить, что я отъ нихъ умру,—то я употребила всѣ средства, чтобы склонить Чоглокову распорядиться перенести мою кроват въ третью комнату, куда не доходили звуки того шума и гама, который великій князь постоянно производилъ у себя. Избранная мною комната была не очень-то удобна для человѣка, страдавшаго флюсами, ибо три стѣны ея были въ окнахъ; я пріютилась съ моей кроватью у четвертой стѣны возлѣ печки, но все-таки между двумя дверьми. Послѣ долгихъ страданій я наконецъ получила возможность выходить. Въ декабрѣ мы уѣхали изъ Москвы. По дорогѣ моя зубная боль возобновилась; мы съ великимъ княземъ ѣхали въ однѣхъ саняхъ, а онъ при какой бы то ни было погодѣ не выносилъ, чтобы сани были закрыты; онъ съ трудомъ соглашался даже на то, чтобы я опускала передъ собой маленькую занавѣску изъ очень тонкой зеленой тафты, которая предохраняла меня только отъ порывовъ вѣтра; на послѣдней станціи императрица прислала намъ сказать, чтобы мы повернули въ Царское Село. Я прибыла туда съ невыносимой болью, которая вывела меня изъ терпѣнія; я послала за Бургавомъ и попросила его, чтобъ онъ велѣлъ вырвать мнѣ зубъ, который заставлялъ меня такъ страдать. Онъ хотѣлъ отложить это до слѣдующаго дня, но я такъ умоляла его, что онъ наконецъ согласился; позвали Гюйона, моего хирурга, и приготовили

все для этой операціи. Меня посадили на полъ, Бургавъ сѣлъ противъ меня по правую руку, а Чоглокова въ томъ же направленіи по лѣвую, они меня держали за руки, а Гюйонъ подошелъ сзади и схватилъ мой больной зубъ своимъ инструментомъ; повернувъ зубъ, онъ почувствовалъ, что ломаетъ мнѣ челюстную кость, но продолжалъ рвать и вырвалъ кусокъ этой кости вмѣстѣ съ зубомъ. Во всю жизнь я не испытывала боли, подобной той, какую почувствовала въ эту минуту; она была такъ сильна, что, когда зубъ былъ извлеченъ, у меня изъ глазъ и изъ носу текли слезы въ такомъ изобиліи, какъ будто бы лили воду изъ чайника, не капля по каплѣ, а цѣлымъ ручьемъ, который лился безостановочно; это продолжалось, можетъ быть, двѣ-три минуты; кромѣ того, я плевала кровью, но не потеряла при этомъ сознанія. Въ эту минуту императрица вошла въ мою комнату, изъ которой всѣхъ удалили; она не могла удержаться отъ слезъ при видѣ моихъ ужасныхъ страданій; ей разсказали, въ чемъ было дѣло; когда я могла снова заговорить, я сказала Бургаву, что половина зуба осталась на мѣстѣ; Гюйонъ захотѣлъ въ этомъ удостовѣриться и собрался ощупать пальцемъ мѣсто, которое я указывала, но я ни за что не захотѣла этого ему позволить. Я тогда убѣдилась на собственномъ опытѣ, что претерпѣваемое страданіе часто вызываетъ чувство озлобленія противъ того, кто его причинилъ. Бургавъ, который, повидимому, это зналъ, засмѣялся и попросилъ меня позволить ему осмотрѣть это мѣсто; онъ убѣдился, ощупавъ его, что одинъ изъ корней зуба остался у меня во рту, тогда какъ вмѣстѣ съ самимъ зубомъ былъ вырванъ кусокъ челюстной кости величиной съ десятикопеечную серебряную монету. Какъ только зубъ былъ извлеченъ, я почувствовала облегченіе; я хорошо проспала ночь, и на слѣдующій день я уже была въ состояніи переѣхать въ городъ; но при этомъ великій князь и не подумалъ даже закрыть сани, хотя было очень холодно. Тотчасъ по пріѣздѣ въ городъ я удалилась въ свою комнату и въ те-

ченіе четырехъ недѣль была не въ состояніи изъ нея выйти, ибо правая челюсть и подбородокъ внизу совершенно посинѣли, какъ будто я упала на это мѣсто или ударилась имъ. Итакъ, я дошла до начала 1750 года.

Послѣ Новаго года императрица уѣхала въ Царское Село, а мы остались въ городѣ. Въ это время очень немногіе придворные пріѣхали изъ Москвы; вообще все дворянство тогда еще болѣе, чѣмъ теперь, съ величайшимъ трудомъ покидало Москву, это излюбленное ими всѣми мѣсто, гдѣ главнымъ ихъ занятіемъ является бездѣліе и праздность и гдѣ они охотно проводили бы всю жизнь въ томъ, чтобы таскаться цѣлый день въ каретѣ шестерикомъ, раззолоченной не въ мѣру и очень непрочно сработанной, этой эмблемѣ плохо понимаемой роскоши, которая тамъ царитъ и скрываетъ отъ глазъ толпы нечистоплотность хозяина, безпорядокъ его дома вообще и особенно его хозяйства. Нерѣдко можно видѣть, какъ изъ огромнаго двора, покрытаго грязью и всякими нечистотами и прилегающаго къ плохой лачугѣ изъ прогнившихъ бревенъ, выѣзжаетъ осыпанная драгоцѣнностями и роскошно одѣтая дама въ великолѣпномъ экипажѣ, который тащатъ шесть скверныхъ клячъ въ грязной упряжи, съ нечесанными лакеями въ очень красивой ливреѣ, которую они безобразятъ своей неуклюжею внѣшностью. Вообще и мужчины и женщины изнѣживаются въ этомъ большомъ городѣ; они тамъ видятъ [только пустяки] и занимаются лишь пустяками, которые могутъ опошлить и самаго выдающагося и геніальнаго человѣка. Повинуясь, такъ сказать, только своимъ капризамъ и фантазіямъ, они обходятъ всѣ законы или плохо ихъ исполняютъ, обрекая себя тѣмъ самымъ на то, чтобы никогда не выучиться повелѣвать или [на то], чтобы стать деспотами. Предрасположеніе къ деспотизму выращивается тамъ лучше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ обитаемомъ мѣстѣ на землѣ; оно прививается съ самаго ранняго возраста къ дѣтямъ, которыя видятъ, съ какой жестокостью ихъ родители обращаются со своими слугами; вѣдь нѣтъ

дома, въ которомъ не было бы желѣзныхъ ошейниковъ, цѣпей и разныхъ другихъ инструментовъ для пытки при малѣйшей провинности тѣхъ, кого природа помѣстила въ этотъ несчастный классъ, которому нельзя разбить свои цѣпи безъ преступленія. Едва посмѣешь сказать, что они такіе же люди, какъ мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тѣмъ, что въ меня станутъ бросать каменьями; чего я только не выстрадала отъ такого безразсуднаго и жестокаго общества, когда въ комиссіи для составленія новаго Уложенія [1]) стали обсуждать нѣкоторые вопросы, относящіеся къ этому предмету, и когда невѣжественные дворяне, число которыхъ было неизмѣримо больше, чѣмъ я когда-либо могла предполагать, ибо слишкомъ высоко оцѣнивала тѣхъ, которые меня ежедневно окружали, стали догадываться, что эти вопросы могутъ привести къ нѣкоторому улучшенію въ настоящемъ положеніи земледѣльцевъ, развѣ мы не видѣли, какъ даже графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, человѣкъ самый мягкій и въ сущности самый гуманный, у котораго доброта сердца граничитъ со слабостью, какъ даже этотъ человѣкъ съ негодованіемъ и страстью защищалъ дѣло рабства, которое бы долженъ былъ изобличать весь складъ его души. Не мнѣ, впрочемъ, рѣшать, была ли ему эта роль внушена, или она вытекала изъ низости, но я привожу этотъ примѣръ, какъ одинъ изъ тѣхъ, которые показались мнѣ наиболѣе поразительными. Все, что можно сказать, это то, что если онъ грѣшилъ, то по крайней мѣрѣ съ полнымъ сознаніемъ, а сколько было такихъ, которыми руководилъ предразсудокъ или плохо понимаемая выгода! Я думаю, не было и двадцати человѣкъ, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и какъ люди. А въ 1750 г. ихъ, конечно, было еще меньше и, я думаю, мало людей въ Россіи даже подозрѣвали, чтобы для слугъ существовало другое состояніе, кромѣ рабства. Впрочемъ, время возвратиться къ этому

[1]) Въ подлинникѣ—la commission des loix.

году, начало котораго заставило меня сдѣлать отступленіе, столь далекое отъ предмета моего повѣствованія.

Въ то время, какъ Ея Величество была въ Царскомъ Селѣ и городъ былъ еще пустъ, въ первые дни, не зная, что дѣлать, мы съ великимъ княземъ вздумали ходить послѣ обѣда къ Чоглоковымъ, занимавшимъ все то же помѣщеніе, о которомъ я уже говорила. Тамъ собиралась та маленькая свита, которая сопровождала насъ въ путешествіи, и тѣ изъ свиты императрицы, которые не послѣдовали за нею въ деревню. Мы тамъ встрѣчали также принцессу Курляндскую; игра въ триссетъ была нашимъ главнымъ занятіемъ. Великій князь игралъ съ принцессой Курляндской, эта игра сблизила его съ нею. Главное достоинство, какое она имѣла въ его глазахъ, состояло въ томъ, что она была дочерью не русскихъ родителей; уже тогда великій князь выказывалъ очень сильное пристрастіе ко всѣмъ иностранцамъ и начало отвращенія ко всему, что было русскимъ или тянуло къ Россіи. Это отвращеніе впослѣдствіи все росло, но въ то время Его Императорское Высочество имѣлъ еще достаточно здраваго смысла, чтобы не выставлять эти чувства напоказъ, хотя часто у него вырывались уже очень многозначительные проблески такого настроенія. Принцесса, кромѣ того достоинства, что она была иностранкой, имѣла въ глазахъ великаго князя еще ту неоцѣненную прелесть, что она охотно говорила по-нѣмецки; и вотъ мой великій князь влюбленъ по уши. Настоящее достоинство принцессы Курляндской менѣе поразило его; нужно ей отдать справедливость, что она была очень умна; у нея были чудесные глаза, но лицомъ она была далеко не хороша, за исключеніемъ волосъ, которые были очень красиваго каштановаго цвѣта. Кромѣ того, она была маленькаго роста и не только кривобока, но даже горбата; впрочемъ, это не могло быть недостаткомъ въ глазахъ одного изъ принцевъ Голштинскаго дома, которыхъ въ большинствѣ случаевъ никакое тѣлесное уродство не отталкивало; между прочимъ покойный король Шведскій, мой

дядя по матери, не имѣлъ ни одной любовницы, которая не была бы либо горбата, либо крива, либо хрома. Великій князь не совсѣмъ скрывалъ отъ меня эту склонность, но все-таки сказалъ мнѣ, что это была только прекрасная дружба; я охотно этому повѣрила; впрочемъ, я знала, что это дальше перемигиваній не пойдетъ въ виду особенностей названнаго господина, которыя были все тѣ же, хотя прошло уже около пяти лѣтъ, какъ мы были женаты. Визиты къ Чоглоковымъ сдѣлались ежедневными; они на это не жаловались, потому что это давало нѣкоторый блескъ ихъ квартирѣ и они были очень рады видѣть у себя достаточно большое общество, чтобъ имѣть возможность проводить весь день за карточнымъ столомъ. Принцесса Курляндская вела себя очень хорошо по отношенію ко мнѣ и не забылась ни на минуту, хотя эта привязанность длилась нѣкоторое время. Императрица, проведя нѣсколько недѣль въ деревнѣ, вернулась въ городъ въ послѣднія недѣли мясоѣда [1]). Я въ это время отдалась болѣе, чѣмъ когда-либо, нарядамъ и всякимъ модамъ. Княжна Гагарина поощряла во мнѣ этотъ вкусъ; у нея всегда былъ наготовѣ какой-нибудь совѣтъ по поводу моего наряда, и это придавало ей извѣстное значеніе въ моихъ глазахъ. Въ это время начали проникать къ намъ вырѣзки на платьяхъ; я заказала себѣ два платья, одно изъ бѣлаго атласа, другое изъ розоваго, сплошь покрытыя оборками; какъ только императрица вернулась въ городъ, я поспѣшила на первый же куртагъ надѣть мое бѣлое атласное платье съ такой отдѣлкой; это было первое платье такого рода, которое видѣла Ея Величество; кромѣ того, я надѣла на себя много изумрудовъ и причесала всю голову въ букляхъ. Ея Величество не очень жаловала новыя моды, еще менѣе тѣ, которыя шли молодымъ женщинамъ, въ особенности же она не любила то, что было мнѣ къ лицу. Она на меня много смотрѣла въ этотъ вечеръ, болѣе обыкновеннаго косилась

[1]) Въ подлинникѣ—vers les dernières semaines du carnaval.

исподлобья, что было всегда дурнымъ признакомъ, а въ галлереѣ отвела въ сторону Чоглокову, съ которой долго говорила, и, когда прощалась съ нами передъ уходомъ, показалась намъ очень красной. Мы также удалились; едва я успѣла раздѣться, какъ вошла Чоглокова и сказала, что Ея Величество нашла мое платье некрасивымъ и велѣла мнѣ передать, чтобы я никогда больше не являлась передъ ней въ такомъ платьѣ и съ такой прической, что, кромѣ того, она гнѣвалась на меня за то, что я, будучи замужемъ четыре года, не имѣла дѣтей, что вина въ этомъ была исключительно на мнѣ, что, очевидно, у меня въ тѣлосложеніи былъ скрытый недостатокъ, о которомъ никто не зналъ, и что поэтому она пришлетъ мнѣ повивальную бабку, чтобы меня осмотрѣть. Великій князь, случайно находившійся въ моей комнатѣ, былъ свидѣтелемъ всего этого разговора. Я отвѣтила по поводу туалета, что послѣдую въ точности приказаніямъ Ея Величества; что же касается второго пункта, то я сказала, что такъ какъ Ея Величество была во всемъ госпожа, а я въ ея власти, то я ничего не могла противопоставить ея волѣ. Великій князь на этотъ разъ сталъ на мою сторону; чувствовалъ ли онъ, что вина была не моя, или со своей стороны онъ счелъ себя обиженнымъ, но онъ рѣзко отвѣтилъ Чоглоковой по поводу дѣтей и осмотра, и разговоръ между ними принялъ очень бурный характеръ; они высказали другъ другу всевозможныя горькія истины; я тѣмъ временемъ плакала и дала имъ наговориться. Чоглокова вышла очень разсерженная и сказала, что все передастъ Ея Величеству; но было не такъ легко увидѣть императрицу, и Чоглоковой не такъ-то скоро представился этотъ случай. Владиславова, видя мои слезы, захотѣла узнать ихъ причину; я разсказала ей обо всемъ, что произошло, и объ оскорбленіи, которое мнѣ угрожало. Владиславова нашла, что [этотъ] поступокъ императрицы по отношенію ко мнѣ былъ несправедливъ и прибавила: «Какъ же можете вы быть виноваты въ томъ, что у васъ нѣтъ дѣтей, тогда

какъ вы еще дѣвица; императрица не можетъ этого не знать и Чоглокова большая дура, что передаетъ вамъ такіе разговоры; Ея Величество должна бы обвинять своего племянника и самое себя, женивъ его слишкомъ молодымъ». Между тѣмъ я долго спустя узнала, что графъ Лестокъ совѣтовалъ императрицѣ только тогда женить великаго князя, когда ему будетъ 25 лѣтъ, но императрица не послѣдовала его совѣту. Владиславова меня утѣшала и дала мнѣ понять, что она доведетъ до свѣдѣнія императрицы объ истинномъ положеніи вещей, какъ она его понимала. Не знаю, что она сдѣлала, но она не переставая ворчала сквозь зубы, что красивая прическа и фалбалы, повидимому, вызвали дурное расположеніе духа Ея Величества и что въ сущности я заслуживала сожалѣнія, имѣя мужа, характеръ котораго совсѣмъ не подходилъ къ моему, и тетку, которая замѣняла мнѣ свекровь съ очень тяжелымъ характеромъ, которую, кромѣ того, раздражала одна злая женщина; подъ этой злой женщиной она разумѣла Чоглокову, которую бранила на чемъ свѣтъ стоитъ, съ тѣхъ поръ какъ мужъ ея поссорился съ графомъ Бестужевымъ, другомъ и покровителемъ зятя Владиславовой. Мое положеніе, конечно, было не изъ очень веселыхъ; я была какъ бы одинока среди всей этой толпы; однако я къ этому привыкла; благодаря чтенію хорошихъ книгъ и веселости, лежавшей въ основѣ моего характера, я легко заглушала въ себѣ сознаніе этого положенія; прибавьте къ тому врожденное предчувствіе моего будущаго положенія—оно постоянно давало мнѣ мужество переносить все, что я должна была претерпѣвать, и выносить ежедневно и съ разныхъ сторонъ непріятности. Уже тогда я гораздо меньше плакала, когда была одна, чѣмъ въ первые годы. Я всегда особенно старалась скрывать эти слезы, въ которыхъ я себя упрекала, какъ въ слабости; скрывала я ихъ также потому, что я всегда считала недостойнымъ вызывать жалость другихъ, и если бы кто-нибудь проявилъ это чувство по отношенію ко мнѣ, то этого было бы достаточно, чтобы

повергнуть меня въ отчаяніе; я слишкомъ уважала себя, чтобы считать заслуженной такую участь. Во время масленицы этого года въ одной изъ залъ дворца построили по приказанію императрицы театръ, на которомъ кадеты стали представлять русскія трагедіи Сумарокова. Среди этихъ кадетовъ былъ одинъ, который отличился столько же своей игрой, сколько своей красивой наружностью: его голубые глаза на выкатѣ бросали взгляды, способные вскружить головы не малаго числа придворныхъ дамъ. Сама императрица, повидимому, занялась этой труппой и красивымъ Труворомъ—роль въ трагедіи «Синавъ». Ей вовсе не надоѣдало смотрѣть на представленіе этихъ трагедій, она сама заботилась о костюмахъ актеровъ; мы увидѣли, какъ на красивомъ Труворѣ появлялись одинъ за другимъ всѣ любимые ея цвѣта и всѣ наряды, которые ей нравились. Она собственноручно ихъ румянила, и можно было видѣть, какъ эта труппа, вся разодѣтая, выходила изъ внутреннихъ покоевъ Ея Величества, гдѣ они костюмировались, и выходила сейчасъ же на сцену. За послѣднюю недѣлю масленицы насъ заставили прослушать девять трагедій. Признаюсь, Мельпомена меня одолѣвала скукой и я очень часто зѣвала; однако я захотѣла узнать фамилію актеровъ, которые надоѣдали мнѣ до смерти; изъ устъ Ея Величества я узнала, что красивый Труворъ назывался Бекетовымъ. Онъ сильно понравился княжнѣ Гагариной, которая съ нимъ свела знакомство; случай къ тому представился очень легко, ибо во время поста, подъ предлогомъ, что черезъ рѣку опасно переходить, императрица велѣла помѣстить всю труппу кадетовъ, игравшихъ на ея театрѣ, въ дворцовыхъ покояхъ; эти покои находились на пути, которымъ ходила княжна Гагарина наверхъ ко мнѣ, и вотъ моя княжна вся поглощена кокетничаньемъ съ этимъ Бекетовымъ и во второй разъ соперница Ея Императорскаго Величества. Это была опасная игра, такъ какъ она хорошо знала, что не одна фрейлина за одно подозрѣніе въ томъ, что она обратила вниманіе кого-нибудь изъ тѣхъ, которые

владѣли минутнымъ расположеніемъ императрицы, была съ позоромъ выгнана. Кромѣ того, княжна Гагарина знала, что какъ бы она ни была некрасива, императрица не любила видѣть ее разодѣтой, что ее часто бранили за ея нарядъ, и что Ея Величество питала противъ нея сильное неудовольствіе за то, что Шуваловъ до своего случая чувствовалъ къ ней настолько сильную привязанность, что даже хотѣлъ на ней жениться.

Въ первую недѣлю Великаго поста мы съ великимъ княземъ стали говѣть. Я послала Чоглокову испросить у Ея Величества позволеніе пойти въ баню въ домѣ Чоглоковыхъ; замѣчу здѣсь между прочимъ, что ни великій князь, ни я, мы не смѣли выходить изъ дому даже на прогулку безъ позволенія императрицы, и мы бы не посмѣли нарушить этотъ установившійся обычай, не рискуя навлечь на себя гнѣвъ Ея Величества. Другой обычай, за нарушеніе котораго я подвергла бы себя обвиненію по крайней мѣрѣ въ нечестіи, состоялъ въ томъ, чтобы сходить въ баню на той недѣлѣ, когда я собиралась говѣть. Во вторникъ вечеромъ Чоглокова вошла въ мою комнату и сказала мнѣ въ присутствіи великаго князя, что Ея Величество дозволяла мнѣ пойти въ баню; потомъ она повернулась въ сторону великаго князя и сказала ему, что и онъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы туда пошелъ. Онъ съ неудовольствіемъ выслушалъ это предложеніе и отвѣтилъ, что онъ и не подумаетъ это дѣлать, что онъ никогда раньше въ банѣ не былъ и считалъ посѣщеніе ея однимъ предразсудкомъ, которому онъ не придавалъ никакого значенія; Чоглокова возразила ему, что онъ, пойдя туда, доставитъ этимъ удовольствіе императрицѣ; онъ ей отвѣтилъ, что это неправда и что онъ ничего подобнаго не сдѣлаетъ; Чоглокова разгорячилась и сказала ему, что она удивляется недостатку уваженія, которое онъ выказывалъ по отношенію къ желаніямъ Ея Величества. Великій князь со своей стороны утверждалъ, что пойти въ баню или не пойти ни въ чемъ не нарушало уваженія, которымъ онъ

былъ обязанъ по отношенію къ императрицѣ; онъ удивлялся, что она, Чоглокова, осмѣливалась обращаться къ нему съ такими рѣчами, и если бы она была мужчиной, онъ сумѣлъ бы ей отвѣтить и не сталъ бы выслушивать два раза такія слова—онъ разумѣлъ подъ этимъ обвиненіе въ недостаткѣ уваженія къ Ея Величеству. Чоглокова, которая не была терпѣлива и вообразила, что въ этихъ послѣднихъ фразахъ заключалась угроза по адресу ея мужа, страшно разсердилась и спросила великаго князя, знаетъ ли онъ, что императрица могла бы его заключить въ С.-Петербургскую крѣпость за такія рѣчи и за выказанное имъ ослушаніе ея волѣ. Я уже сказала выше, что эта крѣпость служила тюрьмой преступникамъ, обвиняемымъ въ оскорбленіи величества и подвергавшимся суду Тайной канцеляріи, которая тамъ имѣла свои засѣданія. Великій князь при этихъ словахъ задрожалъ и въ свою очередь спросилъ ее, говоритъ ли она ему отъ своего имени, или отъ имени императрицы. Чоглокова возразила ему, что она его предупреждаетъ о послѣдствіяхъ, которыя могло имѣть его безразсудное поведеніе, и что если онъ желаетъ, императрица сама повторитъ ему то, что она, Чоглокова, только что ему сказала; вѣдь Ея Величество не разъ уже угрожала ему крѣпостью, имѣя на то, повидимому, свои основанія, а ему слѣдовало помнить о томъ, что случилось съ сыномъ Петра Великаго по причинѣ его неповиновенія. Тутъ великій князь сталъ сбавлять тонъ и сказалъ ей, что онъ никогда бы не повѣрилъ, что онъ, герцогъ Голштинскій и въ свою очередь владѣтельный князь, котораго заставили пріѣхать въ Россію вопреки его волѣ, могъ здѣсь подвергаться опасности такого постыднаго съ нимъ обращенія, и что если императрица не была имъ довольна, то ей оставалось только отослать его обратно на родину. Послѣ того онъ задумался, сталъ большими шагами ходить по комнатѣ и потомъ началъ плакать, послѣ чего онъ вышелъ; при этомъ оба, онъ съ одной стороны, а Чоглокова съ другой, послали другъ другу

еще нѣсколько ругательствъ, которыя могло подсказать имъ дурное расположеніе ихъ духа, но это уже было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что они только что другъ другу сказали. Я оставалась спокойнымъ зрителемъ этой сцены и, когда они обращались ко мнѣ, старалась, насколько отъ меня зависѣло, умиротворить обоихъ спорящихъ, которые съ обѣихъ сторонъ съ жаромъ разсуждали по поводу недоразумѣній и вмѣсто того, чтобы объясниться, все болѣе и болѣе запутывали дѣло вслѣдствіе раздраженія. Когда оба ушли, я стала размышлять надъ словами Чоглоковой, при чемъ говорила себѣ: такія-то слова—ея собственное изобрѣтеніе, а такія-то исходятъ отъ императрицы. Я пришла къ заключенію, что тѣ, въ которыхъ содержалась угроза крѣпостью, исходили именно отъ государыни; я видѣла въ нихъ доказательство сильнаго раздраженія противъ великаго князя; дѣло съ его егерями лишь слабо мелькнуло въ головѣ, потому что въ то время я въ точности не знала его завязки, но когда я разузнала о дѣлѣ Асафа Батурина и когда сопоставляю время разбирательства этого дѣла съ тѣмъ моментомъ, когда Чоглокова имѣла съ нами этотъ разговоръ, и, кромѣ того, добавляю къ этому то соображеніе, что послѣ этого разговора Чоглоковой съ великимъ княземъ императрица перестала цѣловать его руку, когда онъ подходилъ цѣловать руку этой государыни, я заключаю изъ предыдущаго, что разговоръ этотъ произошелъ въ связи съ тѣмъ дѣломъ и заключавшіеся въ немъ намеки были съ расчетомъ направлены на то, чтобы дать почувствовать великому князю все неразуміе его поведенія. На слѣдующій день Чоглокова вернулась и сказала великому князю, что она передала императрицѣ о сценѣ вчерашняго вечера и что онъ упорно отказывался сходить въ баню, на что Ея Величество сказала: «Ну, такъ если онъ столь непослушенъ мнѣ, то я больше не буду цѣловать его проклятую руку». Великій князь на это возразилъ: «это въ ея волѣ, но въ баню я не пойду; я не могу выносить ея жары». Съ тѣхъ

поръ нѣсколько разъ пытались убѣдить его сходить въ баню, но всѣ попытки были безуспѣшны, и онъ постоянно упорствовалъ въ своемъ нежеланіи ходить туда. Но при каждой такой попыткѣ онъ неизмѣнно вспоминалъ, что по случаю бани ему угрожали крѣпостью; другихъ причинъ онъ тутъ вовсе не подозрѣвалъ, а потому и не дали ему объ этомъ догадаться, а онъ и не подумалъ отгадать ихъ самъ; но если дѣйствительно таково было намѣреніе, то, мнѣ кажется, его привели въ исполненіе какъ нельзя болѣе неудачно.

Около 17 марта императрица поѣхала въ Гостилицы, имѣніе графа Разумовскаго, чтобы тамъ праздновать именины графа, а мы получили приказъ ѣхать въ Царское Село съ нашимъ дворомъ и фрейлинами императрицы, во главѣ которыхъ была принцесса Курляндская. Этотъ приказъ пришелся по вкусу великаго князя; что было особенно замѣчательно въ этой поѣздкѣ, это то, что мы уже нигдѣ не видали снѣга и выѣхали изъ города и вернулись туда съ пылью. Въ Царскомъ Селѣ старались какъ можно больше веселиться; днемъ гуляли или ѣздили на охоту: качели играли также не малую роль; на этихъ качеляхъ дѣвица Балкъ, фрейлина императрицы, плѣнила Сергѣя Салтыкова, камергера великаго князя. На другой же день онъ ей сдѣлалъ предложеніе, которое она приняла, и въ скоромъ времени онъ на ней женился. Вечеромъ играли въ карты, и затѣмъ слѣдовалъ ужинъ. Однажды вечеромъ я почувствовала сильнѣйшую головную боль; я была принуждена встать изъ-за стола и лечь въ постель, и такъ какъ великій князь ухаживалъ болѣе обыкновеннаго въ этотъ вечеръ за принцессой Курляндской, что Владиславова замѣтила черезъ какую-нибудь щель или замочную скважину, ибо она имѣла похвальную привычку въ большинствѣ случаевъ удовлетворять этимъ путемъ свое любопытство, то она, какъ только я пришла въ свою комнату, чтобы раздѣться, не преминула приписать мое недомоганіе ревности, которую я возымѣла противъ этой принцессы.

Онѣ принялась говорить про нее все, что могла придумать самаго дурного, понося также на всѣ лады Его Императорское Высочество за его дурной вкусъ и за его поступки со мной, которымъ она давала всякаго рода названія. Рѣчи Владиславовой, хотя и говорились въ мою пользу, заставили меня плакать; я не могла выносить мысли, что я въ комъ-нибудь возбуждаю жалость, а она мнѣ выказала жалость по отношенію къ моему положенію. Я легла и заснула; великій князь, очень пьяный, пришелъ и легъ, ибо въ первые девять лѣтъ нашего брака онъ никогда не спалъ нигдѣ, кромѣ моей постели, послѣ чего онъ спалъ на ней лишь очень рѣдко, особенность, по-моему, одна не изъ очень-то ничтожныхъ, въ виду положенія вещей, о которыхъ я уже упоминала.

Какъ только онъ въ этотъ вечеръ легъ, хотя онъ зналъ, что я была нездорова, онъ меня разбудилъ, чтобы поговорить со мной о принцессѣ Курляндской, объ ея прелестяхъ и о пріятности ея бесѣды. Съ воображеніемъ, разгоряченнымъ намеками Владиславовой, съ головой, отяжелѣвшей отъ испытываемой мною боли, и раздраженная недостаткомъ внимательности, которую этотъ человѣкъ, дѣйствительно пьяный, выказывалъ ко мнѣ, разбудивъ меня, чтобы занимать меня столь мало пріятнымъ для меня разговоромъ, я ему отвѣтила нѣсколько словъ, въ которыхъ чувствовалось раздраженіе, и притворилась, что засыпаю. И то, и другое его обидѣло; онъ нѣсколько разъ ударилъ меня очень сильно локтемъ въ бокъ и повернулся ко мнѣ спиной, послѣ чего заснулъ; я проплакала всю ночь, но не подумала кому-либо объ этомъ сказать слово. Не вспомнилъ ли великій князь объ этомъ вовсе, или ему стало стыдно, но онъ ни слова не упоминалъ мнѣ объ этомъ никогда. Пробывъ еще нѣсколько дней въ Царскомъ Селѣ, мы вернулись въ городъ. Въ Великую субботу къ вечеру великому князю принесли очень свѣжія голштинскія устрицы; на первой и на послѣдней недѣлѣ Великаго поста намъ позволяли ѣсть только грибы, а осталь-

ныя пять недѣль—только рыбу; великій князь, обладавшій всегда хорошимъ аппетитомъ и очень проголодавшійся какъ разъ въ эту минуту—хотя онъ и ѣлъ тайкомъ въ теченіе всего поста мясо при помощи своихъ камердинеровъ, но порція мяса могла быть только очень маленькой, потому что ее приносили ему въ этихъ случаяхъ не иначе, какъ въ карманѣ, и люди его сильно рисковали при этой продѣлкѣ,—великій князь, подпрыгивая, прибѣжалъ въ мою комнату, гдѣ нашелъ меня въ постели и уже заснувшею; я не спала ночь съ пятницы на субботу и должна была еще бодрствовать съ субботы на воскресенье. Я принуждена была встать и итти ѣсть съ нимъ устрицы. Онѣ были очень вкусны; я ихъ съѣла штукъ двадцать, послѣ чего пошла снова лечь и проспала до того времени, когда нужно было одѣваться къ пасхальной заутренѣ. Пока я одѣвалась, я уже почувствовала нѣкоторыя боли въ желудкѣ, но такъ какъ я всегда относилась съ пренебреженіемъ къ такого рода болямъ, то продолжала одѣваться и пошла въ церковь. Во время заутрени мое нездоровье усилилось; я все-таки прослушала половину обѣдни, но послѣ Евангелія была вынуждена выйти изъ церкви; за мной пошла княжна Гагарина; Чоглокова лежала въ то время въ родахъ. Дойдя до моей комнаты, я тамъ не нашла моихъ женщинъ, потому что онѣ въ этотъ день пошли съ Владиславовой причащаться въ малую комнатную церковь императрицы. Княжна Гагарина должна была меня раздѣть; мое нездоровье усиливалось, у меня были постоянныя и очень сильныя боли въ животѣ; она послала за Бургавомъ; но онъ ушелъ причащаться въ свою церковь; наконецъ мои боли перешли въ поносъ, что меня облегчило. Княжна Гагарина, трусливая по природѣ и находясь со мной одна, ежеминутно спрашивала меня: «Не хотите ли, чтобъ я послала за вашимъ духовникомъ?» Несмотря на ужасныя страданія, которыя я испытывала, я не могла удержаться отъ смѣха при видѣ страха, который она выказывала. А то она мнѣ говорила: «Я уми-

раю отъ страха, какъ бы вы не умерли, пока я съ вами одна». Наконецъ пришли мои люди, а также доктора, что положило конецъ тревогамъ княжны, которая ушла, оставивъ меня съ ними. Меня заставили принять дозу ревеню, и моя болѣзнь прошла; тѣмъ не менѣе я должна была пролежать въ постели весь первый день Пасхи. Мои женщины, придя немного въ себя, разсказали мнѣ, что онѣ были свидѣтельницами другого рода сцены. Императрица вышла за нѣсколько минутъ до меня изъ большой церкви во время обѣдни, что она часто продѣлывала, хотя была очень набожна; во время богослуженія она обыкновенно не подолгу стояла на одномъ и томъ же мѣстѣ, а переходила по церкви съ одного мѣста на другое; не было церкви, гдѣ бы для нея не было отведено двухъ или трехъ мѣстъ. Въ этотъ день она прямо прошла изъ большой въ свою малую комнатную церковь; тамъ она показалась до такой степени раздраженной, что заставила дрожать отъ страха всѣхъ присутствующихъ; это происшествіе сильно смутило благочестивое настроеніе моихъ женщинъ. Императрица выбранила всѣхъ своихъ горничныхъ, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ, число которыхъ было не малое и доходило, пожалуй, приблизительно до сорока; пѣвчіе и даже священникъ—всѣ получили нагоняй. Много шептались потомъ о причинахъ этого гнѣва; изъ глухихъ намековъ обнаруживалось, что это гнѣвное настроеніе императрицы вызвано было затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась Ея Величество между троими или четверыми своими фаворитами, а именно — графомъ Разумовскимъ, Шуваловымъ, однимъ пѣвчимъ, по фамиліи Каченовскій, и Бекетовымъ, котораго она только что назначила адъютантомъ къ графу Разумовскому. Нужно сознаться, что всякая другая на мѣстѣ Ея Величества была бы поставлена втупикъ и при менѣе затруднительныхъ условіяхъ. Не всякому дано умѣніе щадить и примирять самолюбіе четверыхъ фаворитовъ одновременно.

Въ началѣ весны нас отправили жить въ маленькій Лѣтній дворецъ Петра Великаго, что доставило намъ удовольствіе, потому что комнаты, которыя мы должны были занимать, выходили прямо въ садъ. Въ то время въ большомъ деревянномъ Лѣтнемъ дворцѣ строили со стороны церкви флигель, гдѣ мы должны были жить. Это означало, что императрица больше не хотѣла, чтобы мы находились такъ же близко отъ ея аппартаментовъ, какъ раньше. Мы со своей стороны вовсе не сожалѣли о нашихъ прежнихъ комнатахъ въ Лѣтнемъ дворцѣ, потому что онѣ были очень неудобны. Это былъ двойной рядъ комнатъ съ двумя выходами, одинъ на лѣстницу, по которой всѣ приходившіе къ намъ должны были проходить; другой выходъ примыкалъ къ парадным покоямъ императрицы, такъ что для внутренней службы нашихъ комнатъ и для всѣхъ нашихъ нуждъ наши люди должны были пользоваться однимъ изъ этихъ выходовъ; случилось однажды, что въ ту минуту, какъ не помню уже какой иностранный посланникъ входилъ къ намъ для аудіенціи, первая вещь, которая ему попалась навстрѣчу, было судно, которое выносили, чтобы его опорожнить. Изъ Лѣтняго дворца насъ заставили переѣхать въ Петергофъ и отвели намъ помѣщеніе среди тѣхъ деревянныхъ построекъ, которыя были воздвигнуты въ концѣ Монплезирской аллеи; помѣщеніе наше занимало нижній этажъ и имѣло только одинъ рядъ комнатъ съ окнами по обѣ стороны; оно было довольно пріятно.

Я устраивалась у одного изъ оконъ моей спальни, на правой или на лѣвой сторонѣ, смотря по тому, гдѣ не свѣтило солнце; тамъ я читала. Моимъ чтеніемъ въ эту минуту былъ «L'Espion Turk». Я уже нѣсколько лѣтъ усвоила себѣ привычку всегда имѣть книгу въ карманѣ, чтобы избавляться отъ скуки, и какъ только представлялась удобная минута, я принималась за чтеніе; это избавило меня отъ многихъ скучныхъ минутъ. Этотъ «Турецкій шпіонъ» едва не повергъ меня въ меланхолію; быть мо-

жетъ, этому способствовалъ больше, чѣмъ эта книга, тотъ образъ жизни, который насъ заставляли вести; но во всякомъ случаѣ регулярно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и въ опредѣленное время у меня являлось желаніе плакать и видѣть все въ черномъ цвѣтѣ. Кромѣ того, у меня была тогда, или мнѣ такъ казалось, очень слабая грудь; я еще была очень худа; я очень скоро поняла, что это желаніе плакать безъ видимой причины происходило или отъ слабости, или отъ расположенія къ ипохондріи. Я приписывала это тому ужасному образу жизни, который насъ заставляли вести въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ городѣ и части лѣта, когда мы бывали въ Лѣтнемъ дворцѣ или же въ Петергофѣ. Вотъ приблизительно этотъ образъ жизни: я вставала между восемью и девятью часами утра; брала книгу и садилась читать до тѣхъ поръ, пока не наступало время одѣваться; никто, кромѣ моихъ женщинъ, не вступалъ въ мою комнату; самое большее, что я дѣлала, я заходила къ великому князю, или онъ приходилъ ко мнѣ; я не чувствовала особеннаго удовольствія въ его комнатахъ, а когда онъ приходилъ въ мои, это была еще лишняя непріятность — я предпочитала мою книгу; пока меня причесывали, я продолжала читать. Въ одиннадцать съ половиной я была готова; тогда я выходила въ мою переднюю, гдѣ обыкновенно находились только двѣ-три мои фрейлины и столько же дежурныхъ кавалеровъ. Скука здѣсь была не меньшая, ибо по части мужчинъ императрица въ то время съ особенною заботливостью старалась заполнить нашъ дворъ всѣмъ, что она могла откопать наиболѣе безтолковаго, и когда случайно она ошибалась въ своемъ выборѣ, тотчасъ же изгонялся тотъ кривой, который казался королемъ среди этихъ слѣпыхъ. Въ полдень мы обѣдали съ этой компаніей и съ Чоглоковыми, которые прилагали всякія старанія къ тому, чтобы разговоръ не принялъ веселаго оборота и чтобъ онъ заключалъ въ себѣ какъ можно меньше смысла; какъ только разговоръ грозилъ стать интереснымъ, они всегда на-

чинали скучать; въ этомъ отношеніи великій князь прекрасно имъ помогалъ; они втроемъ тотчасъ же перебивали бесѣду или какимъ-нибудь досаднымъ замѣчаніемъ, или какой-нибудь грубостью, которая разстраивала всю компанію на все остальное время обѣда. Послѣ обѣда я возвращалась въ свою комнату и къ моей книгѣ приблизительно до шести часовъ, время, посвящаемое или прогулкѣ, или развлеченіямъ, но которое я проводила неизмѣнно окруженная пошлой компаніей, только что мною описанной. Княжна Гагарина была еще лучшей изъ всѣхъ, но въ ней была та непріятная для меня черта, что она не могла воздержаться, чтобъ не обратить мое вниманіе, какъ только представлялся къ тому случай, на скуку и разладъ, меня окружавшіе, при чемъ она удивлялась, что я сама не была изведена этимъ болѣе, чѣмъ это ей казалось. Княжна Гагарина страшно любила большой свѣтъ, роскошь и городъ, и ненавидѣла деревню, которую я предпочитала всякому другому мѣстопребыванію. Около восьми часовъ вечера нужно было возвращаться къ ужину, столь же кислому, какъ обѣдъ, послѣ чего я уходила, и къ десяти часамъ ложилась спать, чтобы снова начать на слѣдующій день тотъ же образъ жизни. Въ Ораніенбаумѣ у меня было больше свободы, ибо хотя я и тутъ, какъ въ городѣ и въ Петергофѣ, не могла выбирать себѣ общества, но по крайней мѣрѣ я могла гулять и бѣгать, когда и сколько хотѣла. Въ этомъ году мы пробыли въ Петергофѣ дольше, чѣмъ мы того желали. Однажды, когда я по обыкновенію читала у своего окна, я увидѣла, какъ шли мимо графъ Кириллъ Разумовскій и князь Петръ Репнинъ. Я ихъ подозвала къ своему окну и поговорила съ ними нѣсколько минутъ. Чоглокова, окна которой выходили въ ту же аллею, это замѣтила и влетѣла, какъ фурія, въ мою комнату, чтобы меня побранить за то, что я посмѣла разговаривать съ ними изъ окна; она и ихъ выбранила за то, что они остановились, и сказала, что доложитъ объ этомъ императрицѣ. Графъ Разумовскій рѣзко отвѣтилъ

ей, что совсѣмъ не понималъ, что тутъ дурного, что они прошли по одной изъ аллей сада, что разговоръ между нами былъ самаго невиннаго свойства и что придраться къ нему могутъ лишь тѣ, которые всюду, гдѣ бы они ни находились, любятъ устраивать Тайную канцелярію; послѣ того, чтобы помириться съ Чоглоковой, они пошли къ ней играть въ карты. Я иногда также приходила въ ея комнаты, въ особенности тогда, когда я надѣялась найти тамъ менѣе скучное общество, и когда знала, что Чоглокова тамъ не было. Чоглокова тотчасъ же смягчалась, когда я къ ней приходила, и не слишкомъ смотрѣла за мной, лишь бы ей можно было играть въ карты.

Великій князь подарилъ мнѣ маленькую черненькую собачку изъ своихъ шарло; это было одно изъ самыхъ смѣшныхъ животныхъ, которыхъ я когда-либо видѣла; она была только шести мѣсяцевъ; ей было совершенно безразлично, ходить ли на двухъ заднихъ лапкахъ, или пользоваться всѣми четырьмя, но она даже охотно пользовалась только двумя; вслѣдствіе ли ея сложенія, или по другой причинѣ, она также часто ходила бокомъ, чтобы добраться туда, куда ей хотѣлось. Эта собака была, кромѣ того, чрезвычайно взбалмошна; вся моя комната полюбила эту собаку, у которой, впрочемъ, не было еще имени. Одинъ изъ моихъ истопниковъ, по любви ли къ собакамъ, или чтобы обратить на себя вниманіе, особенно къ ней привязался; онъ дѣлалъ съ ней все, что хотѣлъ, и мои женщины стали называть ее Ивановой собакой; потомъ, находя это имя слишкомъ длиннымъ, онѣ назвали ее просто Иваномъ и наконецъ въ насмѣшку — Иваномъ Ивановичемъ, потому что истопникъ, который за ней ходилъ, назывался Иваномъ Ушаковымъ. Это имя смѣшило насъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней всѣ наперерывъ старались какъ можно чаще произнести имя Ивана Ивановича; съ этой собакой, такъ окрещенной, играли всѣ; она дѣйствительно была смѣшна, какъ обезьяна. Ей надѣвали чепчики, мантильи юбки, и Иванъ Ивановичъ на все соглашался; мои жен-

щины наряжали ее или шили весь день для Ивана Ивановича новые наряды. Пока эта собака не переступила порога моей комнаты, эта шутка не имѣла никакихъ послѣдствій. Изъ Петергофа мы переѣхали въ Ораніенбаумъ. Въ этомъ году великій князь добился того, чтобы жены нашихъ придворныхъ кавалеровъ переѣхали съ нами въ Ораніенбаумъ.

Изъ Петергофа мы поѣхали въ Ораніенбаумъ. Тамъ мы, и я въ числѣ другихъ, проводили весь день съ утра до вечера на охотѣ. Помнится, въ этомъ году я нѣсколько разъ проводила верхомъ на лошади по тринадцати часовъ изъ двадцати четырехъ. Я страстно любила это занятіе и была неутомима. Сильный моціонъ, который я дѣлала, значительно уменьшалъ ипохондрію, къ которой я чувствовала себя наклонной ежемѣсячно ко времени извѣстнаго періода. Въ этомъ именно году, если память мнѣ не измѣняетъ, я видѣла въ Ораніенбаумѣ полное солнечное затменіе; были видны звѣзды въ полдень, настолько было темно, и за луной, закрывшей солнце, можно было видѣть вокругъ нея только ободокъ свѣтила, дискъ котораго она закрывала. Въ теченіе этого года у меня былъ постоянный и настолько сильный насморкъ, что я употребляла до дюжины носовыхъ платковъ въ день, при чемъ мѣняла ихъ только тогда, когда они были мокры насквозь; когда я сморкалась, я чувствовала, какъ эта мокрота шла изъ груди и изъ моего нутра. Къ осени мы вернулись въ городъ и остались въ этомъ году до конца октября въ новыхъ помѣщеніяхъ, которыя построили въ Лѣтнемъ дворцѣ; они были очень неудобны и до крайности плохо расположены. Въ началѣ октября я схватила вслѣдствіе насморка лихорадку, отъ которой у меня осталась небольшая скрытая лихорадка, повторявшаяся каждый вечеръ. Бургавъ на этотъ разъ счелъ меня чахоточной; онъ поспѣшилъ достать ослицу и заставилъ меня каждое утро въ шесть часовъ пить въ постели только что сдоенное молоко, послѣ чего я спала еще два-три часа. Это принесло мнѣ пользу

и избавило меня и отъ насморка, и отъ лихорадки. Я продолжала это лѣченіе очень долго въ теченіе зимы и поправилась. Во время моего нездоровья великій князь сталъ ухаживать за маленькой горничной-гречанкой, находившейся при мнѣ; она была прелесть какъ хороша. Это ухаживаніе происходило въ комнатѣ Владиславовой, находившейся рядомъ съ моей; великій князь проводилъ тамъ весь день и часть ночи, Владиславова зорко за ними слѣдила. Эта привязанность продолжалась недолго и ограничилась лишь нѣжными взглядами; впослѣдствіи эта дѣвушка была замужемъ за генералъ-майоромъ Мелиссино. Эта интрига великаго князя нисколько не мѣшала той, которая была съ принцессой Курляндской. Масленица была въ этомъ году очень веселая. Кадеты снова начали свои представленія, и Бекетовъ все болѣе и болѣе входилъ въ милость императрицы. Чоглокова начинала находить меня очень забавной въ Зимнемъ дворцѣ. Часто послѣ обѣда она присылала просить меня прійти къ ней; у нея бывалъ всякій народъ и изрѣдка люди приличные. Это меня довольно забавляло, но не всегда; я стала въ эту зиму очень весела, такъ что я часто заставляла плясать и прыгать всѣхъ окружавшихъ меня; я также подражала всякаго рода птицамъ и животнымъ, какъ ихъ крикамъ, такъ ихъ поступи и походкѣ; это смѣшило Чоглокову и иногда заставляло даже улыбаться ея мужа; однако эти случаи были рѣдки. Сознаюсь, что я стала необычайно гримасничать и бѣсноваться; но ко мнѣ привыкали и бранили меня уже не такъ часто. Иногда я наполняла одна всю комнату шумомъ, который производила. Графъ Гендриковъ, братъ Чоглоковой, бывшій въ отсутствіи въ теченіе года, сказалъ мнѣ однажды, видя, какой я производила грохотъ, что у него голова кружилась отъ одного вида моихъ скачковъ; это мнѣ очень понравилось, и я въ теченіе нѣсколькихъ дней повторяла всѣмъ эти слова. Въ эту осень пріѣхалъ въ качествѣ датскаго посланника графъ Линаръ, братъ того, котораго такъ любила принцесса

Анна Брауншвейгская. Ему были поручены переговоры съ великимъ княземъ относительно обмѣна Голштиніи на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Графъ Бестужевъ въ качествѣ русскаго великаго канцлера очень желалъ этого обмѣна, чтобъ устранить это препятствіе къ союзу между Россіей и Даніей, интересы коихъ во многихъ отношеніяхъ совершенно однородны. Графъ Бестужевъ не отступилъ передъ необычайной любовью, которую питалъ великій князь къ Голштиніи, гдѣ онъ родился; онъ приступилъ къ переговорамъ и почти добился согласія великаго князя. Я поговорю объ этомъ впослѣдствіи.

Великій князь Петръ Өедоровичъ.

Съ гравированнаго портрета Штенглина.

[ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ].

9 мая вовсе нѣтъ зелени въ Екатериненгофѣ.

1746.

Поѣздка въ Царское Село; шесть скверныхъ дней; поведеніе великаго князя.
Исторія съ домомъ въ Гостилицахъ 25 мая.
Дворцы въ Петергофѣ и Ораніенбаумѣ исправлены.
Прибытіе Сакромозо.
Свадьба Маѳы Симоновны 1747.
Слезы въ Петровъ день.
Исторія съ дѣвицей Кошелевой.
Поведеніе Крузе.
Ея удаленіе.
Ея замѣна Владиславовой.
Слезы въ день св. Александра [Невскаго].
Дѣло Лестока.
День св. Андрея.
Отъѣздъ въ Москву.

1749

Пріѣздъ въ Москву; дурно помѣщены.
Отставка епископа псковскаго.
Его смерть.
Болѣзнь императрицы.

Поведеніе Чоглокова.

Обѣдъ у Апраксина; оспа у его дочери.

Свадьба Катерины Петровны Войновой.

Большой выговоръ черезъ Чоглокову.

Ссора Чоглокова съ графомъ Бесту[жевымъ].

И. И. Шуваловъ.

Вѣсти объ Андреѣ Чернышевѣ.

Пребываніе въ Перовѣ.

Ужинъ у Шуваловой; она даритъ мнѣ собаку.

Ужинъ императрицы въ Раевѣ.

Обѣдъ въ Тайнинскомъ и пьянство великаго князя.

Зубная боль.

Дѣло охотниковъ.

Страстишка великаго князя къ вдовѣ Долгоруковой, начавшаяся въ Покровскомъ; его пьянство 1 мая въ лѣсу въ Преображенскомъ. Его собаки.

Пребываніе въ Раевѣ.

Прибытіе принцессы Курляндской; перемѣна ею религіи.

Возвращеніе въ Петербургъ; дѣвица Воронцова взята ко двору.

1750.

Шашни великаго князя съ принцессой Курляндской у Чоглоковыхъ.

Пребываніе въ Царскомъ Селѣ и тѣ же шашни.

Нѣтъ снѣгу 17 марта.

Великая распря на первой недѣлѣ между великимъ княземъ, императрицей и Чоглоковой изъ-за бани.

Выговоръ на масленицѣ по поводу наряда и по поводу другихъ вещей, столь же важныхъ... и между прочимъ...

Поведеніе Владиславовой.

Малый Лѣтній дворецъ.

Увольненіе Евреинова и кафешенка, предлогъ къ этому.

Матеріи моей матери; ссоры по этому поводу.

Поѣздка на дачу.

1745, паденіе съ лошади въ Екатериненгофѣ.

1745.

Баня передъ свадьбой, императрица пришла посмотрѣть на меня.

1746.

Весна, Крузе попрекаетъ за то, что я выставляю мое окно, и приводитъ то основаніе, что императрица еще не выставила.

1745.

Кража карандаша, какую произвелъ великій князь въ Эрмитажѣ императрицы, онъ хвастается этимъ и получаетъ за это выговоръ.

1751.

Начинается какъ нельзя веселѣе на свѣтѣ.
Маскарады и кокетничанье.
Дѣло Захара Чернышева.
Сергѣй Салтыковъ.
Графъ Берни.
Арнимъ.
Дѣло о Голштиніи.

1750.

Собачонка, по имени Иванъ Иванычъ.
Шумъ по поводу этой собаки.

1751.

Большой шумъ въ Петергофѣ.

1749.

Пріѣздъ въ Москву.
Плохо помѣщены.
Близость покоевъ великаго князя; чтеніе «Исторіи Германіи».
Болѣзнь императрицы.
Поведеніе Чоглокова по этому поводу, И. И. Шувалова, Владиславовой...
Большой выговоръ по этому поводу черезъ Чоглокову.

Вѣсти объ Андреѣ Чернышевѣ.

Свадьба Катерины Войновой.

Пребываніе въ Перовѣ.

Страшная головная боль тамъ.

Обѣдъ у Апраксина и оспа его дочери.

Паденіе императрицы.

Ужинъ у Шуваловой.

Она даритъ мнѣ собаку.

Страстишка великаго князя къ вдовѣ Долгоруковой въ Покровскомъ.

Пьянство 1 мая въ лѣсу, въ Преображенскомъ.

Пребываніе въ Раевѣ.

Петровъ день въ Троицкомъ монастырѣ; что тамъ произошло.

Возвращеніе въ Раево и развлеченія, какія мы тамъ имѣли.

Дѣло охотниковъ.

Ссора Чоглоковыхъ съ Бестужевымъ.

Экскурсія въ Софьино.

Гнѣвъ императрицы тамъ.

5-е сентября праздновалось въ Воскресенскомъ монастырѣ.

И. И. Шуваловъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ.

Ужинъ въ Раевѣ.

Обѣдъ въ Тайнинскомъ и пьянство тамъ великаго князя.

Возвращеніе въ Раево и зубная боль; исторія съ княгиней Маріей Яковлевной.

Прибытіе принцессы Курляндской ко двору; перемѣна ею религіи.

Дѣвица Воронцова взята ко двору.

Болѣзнь осенью и какъ я получила приказаніе выѣхать на свадьбу Ал. Ал. Нарышкина; описаніе этой свадьбы, гдѣ всѣ падали.

Какъ я этимъ лѣтомъ ходила на охоту.

Возвращеніе въ Петербургъ.

Зубъ, выдернутый въ Царскомъ Селѣ.

Реформа голштинскихъ денежныхъ окладовъ.

1750.

Шашни великаго князя съ принцессой Курляндской.

Выговоръ на масленицѣ по поводу наряда и по поводу другихъ вещей, столь же важныхъ, и между прочимъ... поведеніе Владиславовой.

Великая распря на первой недѣлѣ между великимъ княземъ, императрицей и Чоглоковой изъ-за бани.

Пребываніе въ Царскомъ Селѣ; нѣтъ снѣгу 17 марта.

Шашни великаго князя тамъ и какая [тамъ] была компанія; поведеніе Владиславовой по этому поводу.

Малый Лѣтній дворецъ.

Увольненіе Евреинова.

Солнечное затменіе въ Ораніенбаумѣ.

Пребываніе въ Петергофѣ, въ Монплезирѣ; начало меланхоліи этимъ лѣтомъ.

Гнѣвъ Чоглоковой по поводу графа Кир. Разумовскаго и князя П. Репнина, которые, проходя мимо моихъ оконъ, со мной заговорили.

Игра у Чоглоковой въ Петергофѣ.

Возвращеніе въ городъ.

Новые покои въ Лѣтнемъ дворцѣ.

Кокетничанье княжны Гагариной.

Переѣздъ въ Зимній дворецъ.

Представленіе кадетовъ.

Компанія у Чоглоковой; чтобы меня развлечь, она зоветъ меня часто къ себѣ.

Разговоръ ея брата.

Бекетовъ входитъ въ моду.

Кадетовъ помѣщаютъ при дворѣ.

Веселье на масленицѣ.

Матеріи моей матери, споры по этому поводу.

1749.

Чтеніе въ Москвѣ «Исторіи Германіи» отца Барра.

Болѣзнь въ Москвѣ осенью и какъ мнѣ приказали име-

немъ императрицы выѣхать, дабы присутствовать на свадьбѣ Ал. Ал. Нарышкина.

Описаніе этой свадьбы, гдѣ всѣ падали.

Петровъ день у Троицы; что тамъ произошло.

5-е сентября въ Воскресенскомъ монастырѣ.

И. И. Шуваловъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ.

Какъ я тогда ходила на охоту.

[СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II].

La fortune n'est pas aussi
aveugle qu'on se l'imagine,
elle est souvent le resultat
d'une longue suite de mesures
non aperçues par le vulgaire
juste et precises qui ont precedé
l'evenement, elle est encore
dans les personnes plus particulierement
un resultat des qualités,
et de la conduite
du caractere et personnelle.
Pour rendre ceci plus palpable
je ferai le Sillogisme suivant:
les qualités et le caractere
seront la majeure
la conduite la mineure
la fortune ou l'infortune la
conclusion,
En voici deux exemples frapans

[redacted] Catherine II

[illegible] 10, son Pere, d'la mere.

[redacted] Pierre III
sa mere fille de Pierre I
[illegible] deux mois environs
apres l'avoir mis
au monde de Phtisie dans la
petite Ville de Kile en Holstein,
du chagrin de se voir établie
et d'etre ainsi mal mariée;
Charles Frederic Duc d'Holstein
Neveu de Charles XII. Roy de
laid et Pierre III
Suede, etoit un Prince faible,
petit et pauvre
laid, [illegible], mal ingre (Voyez le
journal de Berkholtz dans le
Magasin de Busching) Il mourut
l'année 1739. et laissa son fils

[ЗАПИСКИ]

[ПЕРВАЯ ЧАСТЬ]

Счастье не такъ слѣпо, какъ его себѣ представляютъ. Часто оно бываетъ слѣдствіемъ длиннаго ряда мѣръ, вѣрныхъ и точныхъ, не замѣченныхъ толпою и предшествующихъ событію. А въ особенности счастье отдѣльныхъ личностей бываетъ слѣдствіемъ ихъ качествъ, характера и личнаго поведенія. Чтобы сдѣлать это болѣе осязательнымъ, я построю слѣдующій силлогизмъ:

Качества и характеръ будутъ большей посылкой;

Поведеніе — меньшей;

Счастье или несчастье — заключеніемъ.

Вотъ два разительныхъ примѣра:

Екатерина II,

Петръ III.

ПЕТРЪ III.

Его отецъ и мать.

Мать Петра III, дочь Петра I, скончалась приблизительно мѣсяца черезъ два послѣ того, какъ произвела его на свѣтъ, отъ чахотки, въ маленькомъ городкѣ Килѣ, въ

Голштиніи, съ горя, что ей пришлось тамъ жить, да еще въ такомъ неудачномъ замужествѣ. Карлъ-Фридрихъ, герцогъ Голштинскій, племянникъ Карла XII, короля Шведскаго, отецъ Петра III, былъ принцъ слабый, неказистый, малорослый, хилый и бѣдный (смотри «Дневникъ» Бергхольца въ «Магазинѣ» Бюшинга). Онъ умеръ въ 1739 году и оставилъ сына, которому было около одиннадцати лѣтъ, подъ опекой своего двоюроднаго брата Адольфа-Фридриха, епископа Любекскаго, герцога Голштинскаго, впослѣдствіи короля Шведскаго, избраннаго на основаніи предварительныхъ статей мира въ Або по предложенію императрицы Елизаветы. Во главѣ воспитателей Петра III стоялъ оберъ-гофмаршалъ его двора Брюммеръ, шведъ родомъ; ему подчинены были оберъ-камергеръ Бергхольцъ, авторъ вышеприведеннаго «Дневника», и четыре камергера; изъ нихъ двое—Адлерфельдтъ, авторъ «Исторіи Карла XII», и Вахтмейстеръ, были шведы, а двое другихъ, Вольфъ и Мардефельдъ, голштинцы. Этого принца воспитывали въ виду шведскаго престола при дворѣ, слишкомъ большомъ для страны, въ которой онъ находился, и раздѣленномъ на нѣсколько партій, горѣвшихъ взаимной ненавистью; изъ нихъ каждая хотѣла овладѣть умомъ принца, котораго она должна была воспитать, и, слѣдовательно, вселяла въ него отвращеніе, которое всѣ партіи взаимно питали по отношенію къ своимъ противникамъ. Молодой принцъ отъ всего сердца ненавидѣлъ Брюммера, внушавшаго ему страхъ, и обвинялъ его въ чрезмѣрной строгости. Онъ презиралъ Бергхольца, который былъ другомъ и угодникомъ Брюммера, и не любилъ никого изъ своихъ приближенныхъ, потому что они его стѣсняли. Съ десятилѣтняго возраста Петръ III обнаружилъ наклонность къ пьянству. Его понуждали къ чрезмѣрному представительству и не выпускали изъ виду ни днемъ, ни ночью. Кого онъ любилъ всего болѣе въ дѣтствѣ и въ первые годы своего пребыванія въ Россіи, такъ это были два старыхъ камердинера: одинъ—Крамеръ, ливонецъ, другой—Румбергъ, шведъ. Послѣдній былъ ему

Его опекунъ.

Его воспитаніе.

Дворъ, слишкомъ большой для маленькой страны Голштиніи. Партіи этого двора.

Молодой принцъ не любитъ своихъ приближенныхъ.

Его наклонность къ пьянству.

Кого онъ любилъ всего болѣе.

особенно дорогъ. Это былъ человѣкъ довольно грубый и жесткій, изъ драгуновъ Карла XII. Брюммеръ, а слѣдовательно и Бергхольцъ, который на все смотрѣлъ лишь глазами Брюммера, были преданы принцу опекуну и правителю; всѣ остальные были недовольны этимъ принцемъ и еще болѣе его приближенными. Вступивъ на русскій престолъ, императрица Елизавета послала въ Голштинію камергера Корфа вызвать племянника, котораго принцъ-правитель и отправилъ немедленно, въ сопровожденіи оберъ-гофмаршала Брюммера, оберъ-камергера Бергхольца и камергера Дукера, приходившагося племянникомъ первому. Велика была радость императрицы по случаю его прибытія. Немного спустя она отправилась на коронацію въ Москву. Она рѣшила объявить этого принца своимъ наслѣдникомъ. Но прежде всего онъ долженъ былъ перейти въ православную вѣру. Враги оберъ-гофмаршала Брюммера, а именно—великій канцлеръ графъ Бестужевъ и покойный графъ Никита Панинъ, который долго былъ русскимъ посланникомъ въ Швеціи, утверждали, что имѣли въ своихъ рукахъ убѣдительныя доказательства, будто Брюммеръ съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ, что императрица рѣшила объявить своего племянника [предполагаемымъ] наслѣдникомъ престола, приложилъ столько же старанія испортить умъ и сердце своего воспитанника, сколько заботился раньше сдѣлать его достойнымъ шведской короны. Но я всегда сомнѣвалась въ этой гнусности и думала, что воспитаніе Петра III оказалось неудачнымъ по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ. Передамъ, что я видѣла и слышала, и это разъяснитъ многое. Я увидѣла Петра III въ первый разъ, когда ему было одиннадцать лѣтъ, въ Эйтинѣ у его опекуна, принца-епископа Любекскаго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины герцога Карла-Фридриха, его отца, принцъ-епископъ собралъ у себя въ Эйтинѣ въ 1739 году всю семью, чтобы ввести въ нее своего питомца. Моя бабушка, мать принца-епископа, и моя мать, сестра того же принца, пріѣхали туда изъ Гамбурга со мною. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Тутъ

Императрица Елизавета вступаетъ на русскій престолъ и вызываетъ своего племянника.

Обвиненіе графа Брюммера въ томъ, что онъ намѣренно испортилъ умъ своего воспитанника.

Сомнѣніе въ подобной гнусности.

были еще принцъ Августъ и принцесса Анна, братъ и сестра принца-опекуна и правителя Голштиніи. Тогда-то я и слышала отъ этой собравшейся вмѣстѣ семьи, что молодой герцогъ наклоненъ къ пьянству и что его приближенные съ трудомъ препятствовали ему напиваться за столомъ, что онъ былъ упрямъ и вспыльчивъ, что онъ не любилъ окружающихъ и особенно Брюммера, что, впрочемъ, онъ выказывалъ живость, но былъ слабаго и хилаго сложенія. Дѣйствительно, цвѣтъ лица у него былъ блѣденъ и онъ казался тощимъ и слабаго тѣлосложенія. Приближенные хотѣли выставить этого ребенка взрослымъ и съ этой цѣлью стѣсняли и держали его въ принужденіи, которое должно было вселить въ немъ фальшь, начиная съ манеры держаться и кончая характеромъ.

Что родственники принца-опекуна говорили между собою объ его питомцѣ.

Какъ только прибылъ въ Россію голштинскій дворъ, за нимъ послѣдовало и шведское посольство, которое прибыло, чтобы просить у императрицы ея племянника для наслѣдованія шведскаго престола; но Елизавета, уже объявившая свои намѣренія, какъ выше сказано, въ предварительныхъ статьяхъ мира въ Або, отвѣтила шведскому сейму, что она объявила своего племянника наслѣдникомъ русскаго престола и что она держалась предварительныхъ статей мира въ Або, который назначалъ Швеціи предполагаемымъ наслѣдникомъ короны принца-правителя Голштиніи. (Этотъ принцъ имѣлъ брата, съ которымъ императрица Елизавета была помолвлена послѣ смерти Петра I. Этотъ бракъ не состоялся, потому что принцъ умеръ отъ оспы черезъ нѣсколько недѣль послѣ обрученія; императрица Елизавета сохранила о немъ очень трогательное воспоминаніе и давала тому доказательства всей семьѣ этого принца). Итакъ, Петръ III былъ объявленъ наслѣдникомъ Елизаветы и русскимъ великимъ княземъ, вслѣдъ за исповѣданіемъ своей вѣры по обряду православной церкви; въ наставники ему дали Симеона Теодорскаго, ставшаго потомъ архіепископомъ псковскимъ. Этотъ принцъ былъ крещенъ и воспитанъ по лютеранскому обряду, самому суровому и

Шведское посольство, чтобы просить у императрицы отдать ея племянника.

Отвѣтъ, который она дала этому посольству.

Императрица была помолвлена со старшимъ братомъ принца-опекуна.

Петръ III объявленъ наслѣдникомъ Елизаветы.

наименѣе терпимому, такъ какъ съ дѣтства онъ всегда былъ неподатливъ для всякаго назиданія. Я слышала отъ его приближенныхъ, что въ Килѣ стоило величайшаго труда посылать его въ церковь по воскресеньямъ и праздникамъ и побуждать его къ исполненію обрядностей, какія отъ него требовали, и что онъ большей частью проявлялъ невѣріе. Его Высочество позволялъ себѣ спорить съ Симеономъ Теоборскимъ относительно каждаго пункта; часто призывались его приближенные, чтобы рѣшительно прервать схватку и умѣрить пылъ, какой въ нее вносили; наконецъ съ большой горечью онъ покорялся тому, чего желала императрица, его тетка, хотя онъ и не разъ давалъ почувствовать, по предубѣжденію ли, по привычкѣ ли, или изъ духа противорѣчія, что предпочелъ бы уѣхать въ Швецію, чѣмъ оставаться въ Россіи. Онъ держалъ при себѣ Брюммера, Бергхольца и своихъ голштинскихъ приближенныхъ вплоть до своей женитьбы; къ нимъ прибавили, для формы, нѣсколькихъ учителей: одного, Исаака Веселовскаго, для русскаго языка — онъ изрѣдка приходилъ къ нему вначалѣ, а потомъ и вовсе не сталъ ходить; другого — профессора Штелина, который долженъ былъ обучать его математикѣ и исторіи, а въ сущности игралъ съ нимъ и служилъ ему чуть не шутомъ. Самымъ усерднымъ учителемъ былъ Ландэ, балетмейстеръ, учившій его танцамъ. Въ своихъ внутреннихъ покояхъ великій князь въ ту пору только и занимался тѣмъ, что устраивалъ военныя ученія съ кучкой людей, данныхъ ему для комнатныхъ услугъ; онъ то раздавалъ имъ чины и отличія, то лишалъ ихъ всего, смотря по тому, какъ вздумается. Это были настоящія дѣтскія игры и постоянное ребячество; вообще онъ былъ еще очень ребячливъ, хотя ему минуло шестнадцать лѣтъ въ 1744 году, когда русскій дворъ находился въ Москвѣ. Въ этомъ именно году Екатерина II прибыла со своей матерью 9-го февраля въ Москву. Русскій дворъ былъ тогда раздѣленъ на два большихъ лагеря или партіи. Во главѣ первой, начинавшей подниматься послѣ своего упадка, былъ вице-

Споры Петра III со своимъ наставникомъ.

Онъ предпочелъ бы уѣхать въ Швецію, чѣмъ оставаться въ Россіи.

Какихъ учителей дали ему въ Россіи.

Чѣмъ Петръ III занимается въ шестнадцать лѣтъ въ своихъ покояхъ.

Пріѣздъ Екатерины II со своей матерью.

Двѣ партіи при дворѣ.

Графъ Бестужевъ.

канцлеръ, графъ Бестужевъ-Рюминъ; его несравненно больше страшились, чѣмъ любили; это былъ чрезвычайный пройдоха, подозрительный, твердый и неустрашимый, по своимъ убѣжденіямъ довольно-таки властный, врагъ непримиримый, но другъ своихъ друзей, которыхъ оставлялъ лишь тогда, когда они повертывались къ нему спиной, впрочемъ, неуживчивый и часто мелочный. Онъ стоялъ во главѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ борьбѣ съ приближенными императрицы онъ, передъ поѣздкой въ Москву, потерпѣлъ уронъ, но начиналъ оправляться; онъ держался Вѣнскаго двора, Саксонскаго и Англіи. Пріѣздъ Екатерины II и ея матери не доставлялъ ему удовольствія. Это было тайное дѣло враждебной ему партіи; враги графа Бестужева были въ большомъ числѣ, но онъ ихъ всѣхъ заставлялъ дрожать. Онъ имѣлъ надъ ними преимущество своего положенія и характера, которое давало ему значительный перевѣсъ надъ политиканами передней. Враждебная Бестужеву партія держалась Франціи, Швеціи, пользовавшейся покровительствомъ ея, и короля Прусскаго; маркизъ де-ла-Шетарди былъ ея душою, а дворъ, прибывшій изъ Голштиніи, — матадорами; они привлекли графа Лестока, одного изъ главныхъ дѣятелей переворота, который возвелъ покойную императрицу Елизавету на русскій престолъ. Этотъ послѣдній пользовался большимъ ея довѣріемъ; онъ былъ ея хирургомъ съ кончины Екатерины I, при которой находился, и оказывалъ матери и дочери существенныя услуги; у него не было недостатка ни въ умѣ, ни въ уловкахъ, ни въ пронырствѣ, но онъ былъ золъ и сердцемъ черенъ и гадокъ. Всѣ эти иностранцы поддерживали другъ друга и выдвигали впередъ графа Михаила Воронцова, который тоже принималъ участіе въ переворотѣ и сопровождалъ Елизавету въ ту ночь, когда она вступила на престолъ. Она заставила его жениться на племянницѣ императрицы Екатерины I, графинѣ Аннѣ Карловнѣ Скавронской, которая была воспитана съ императрицей Елизаветой и была къ ней очень привязана. Къ этой партіи

Партія враждебная Бестужеву.

примкнулъ еще графъ Александръ Румянцовъ, отецъ фельдмаршала, подписавшаго въ Або миръ со шведами, о которомъ не очень-то совѣщались съ Бестужевымъ. Они разсчитывали еще на генералъ-прокурора князя Трубецкого, на всю семью Трубецкихъ и, слѣдовательно, на принца Гессенъ-Гомбургскаго, женатаго на принцессѣ этого дома. Этотъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, пользовавшійся тогда большимъ уваженіемъ, самъ по себѣ былъ ничто и значеніе его зависѣло отъ многочисленной родни его жены, коей отецъ и мать были еще живы; эта послѣдняя имѣла очень большой вѣсъ. Остальныхъ приближенныхъ императрицы составляли тогда семья Шуваловыхъ, которые колебались на каждомъ шагу, оберъ-егермейстеръ Разумовскій, который въ то время былъ признаннымъ фаворитомъ, и одинъ епископъ. Графъ Бестужевъ умѣлъ извлекать изъ нихъ пользу, но его главной опорой былъ баронъ Черкасовъ, секретарь Кабинета императрицы, служившій раньше въ Кабинетѣ Петра I. Это былъ человѣкъ грубый и упрямый, требовавшій порядка и справедливости и соблюденія во всякомъ дѣлѣ правилъ. Остальные придворные становились то на ту, то на другую сторону, смотря по своимъ интересамъ и повседневнымъ видамъ. Великій князь, казалось, былъ радъ пріѣзду моей матери и моему. Мнѣ шелъ пятнадцатый годъ; въ теченіе первыхъ десяти дней онъ былъ очень занятъ мною; тутъ же и въ теченіе этого короткаго промежутка времени я увидѣла и поняла, что онъ не очень цѣнитъ народъ, надъ которымъ ему суждено было царствовать, что онъ держался лютеранства, не любилъ своихъ приближенныхъ и былъ очень ребячливъ. Я молчала и слушала, чѣмъ снискала его довѣріе; помню, онъ мнѣ сказалъ, между прочимъ, что ему больше всего нравится во мнѣ то, что я его троюродная сестра, и что въ качествѣ родственника онъ можетъ говорить со мной по душѣ, послѣ чего сказалъ, что влюбленъ въ одну изъ фрейлинъ императрицы, которая была удалена тогда отъ двора, въ виду несчастья ея матери, нѣкоей Лопухиной, сосланной въ Си-

Приближенные императрицы очень не ладятъ между собой.

Баронъ Черкасовъ.

Чувства великаго князя.

Его неосторожность.

бирь; что ему хотѣлось бы на ней жениться, но что онъ покоряется необходимости жениться на мнѣ, потому что его тетка того желаетъ. Я слушала, краснѣя, эти родственные разговоры, благодаря его за скорое довѣріе, но въ глубинѣ души я взирала съ изумленіемъ на его неразуміе и недостатокъ сужденія о многихъ вещахъ. На десятый день послѣ моего пріѣзда въ Москву какъ-то въ субботу императрица уѣхала въ Троицкій монастырь. Великій князь остался съ нами въ Москвѣ. Мнѣ дали уже троихъ учителей: одного, Симеона Теодорскаго, чтобы наставлять меня въ православной вѣрѣ; другого, Василія Ададурова, для русскаго языка, и Ландэ, балетмейстера, для танцевъ. Чтобы

Причина моей болѣзни.

сдѣлать болѣе быстрые успѣхи въ русскомъ языкѣ, я вставала ночью съ постели и, пока всѣ спали, заучивала наизусть тетради, которыя оставлялъ мнѣ Ададуровъ; такъ какъ комната моя была теплая и я вовсе не освоилась съ климатомъ, то я не обувалась—какъ вставала съ постели, такъ и училась. На тринадцатый день я схватила плевритъ, отъ котораго чуть не умерла. Онъ открылся ознобомъ, который я почувствовала во вторникъ послѣ отъѣзда императрицы въ Троицкій монастырь: въ ту минуту, какъ я одѣлась, чтобы итти обѣдать съ матерью къ великому князю, я съ трудомъ получила отъ матери позволеніе пойти лечь въ постель. Когда она вернулась съ обѣда, она нашла меня почти безъ сознанія въ сильномъ жару и съ невыносимой болью въ боку. Она вообразила, что у меня бу-

Ошибка матери.

детъ оспа, послала за докторами и хотѣла, чтобы они лѣчили меня сообразно съ этимъ; они утверждали, что мнѣ надо пустить кровь; мать ни за что не хотѣла на это согласиться; она говорила, что доктора дали умереть ея брату въ Россіи отъ оспы, пуская ему кровь, и что она не хотѣла, чтобы со мной случилось то же самое. Доктора и приближенные великаго князя, у котораго еще не было оспы, послали въ точности доложить императрицѣ о положеніи дѣла, и я оставалась въ постели, между матерью и докто-

рами, которые спорили между собою. Я была безъ памяти, въ сильномъ жару и съ болью въ боку, которая заставляла меня ужасно страдать и издавать стоны, за которые мать меня бранила, желая, чтобы я терпѣливо сносила боль. Наконецъ, въ субботу вечеромъ, въ семь часовъ, т.-е. на пятый день моей болѣзни, императрица вернулась изъ Троицкаго монастыря и прямо по выходѣ изъ кареты вошла въ мою комнату и нашла меня безъ сознанія. За ней слѣдовали графъ Лестокъ и хирургъ; выслушавъ мнѣніе докторовъ, она сѣла сама у изголовья моей постели и велѣла пустить мнѣ кровь. Въ ту минуту, какъ кровь хлынула, я пришла въ себя и, открывъ глаза, увидѣла себя на рукахъ у императрицы, которая меня приподнимала. Я оставалась между жизнью и смертью въ теченіе двадцати семи дней, въ продолженіе которыхъ мнѣ пускали кровь шестнадцать разъ и иногда по четыре раза въ день. Мать почти не пускали больше въ мою комнату; она попрежнему была противъ этихъ частыхъ кровопусканій и громко говорила, что меня уморятъ; однако, она начинала убѣждаться, что у меня не будетъ оспы. Императрица приставила ко мнѣ графиню Румянцову и нѣсколько другихъ женщинъ, и ясно было, что сужденію матери не довѣряли. Наконецъ нарывъ, который былъ у меня въ правомъ боку, лопнулъ, благодаря стараніямъ доктора португальца Санхеца; я его выплюнула со рвотой и съ этой минуты я пришла въ себя; я тотчасъ же замѣтила, что поведеніе матери во время моей болѣзни повредило ей во мнѣніи всѣхъ. Когда она увидѣла, что мнѣ очень плохо, она захотѣла, чтобы ко мнѣ пригласили лютеранскаго священника; говорятъ, меня привели въ чувство или воспользовались минутой, когда я пришла въ себя, чтобы мнѣ предложить это, и что я отвѣтила: «зачѣмъ же? пошлите лучше за Симеономъ Теодорскимъ, я охотно съ нимъ поговорю». Его привели ко мнѣ, и онъ при всѣхъ такъ поговорилъ со мной, что всѣ были довольны. Это очень подняло меня во мнѣніи императрицы и всего двора. Другое очень ничтож-

ное обстоятельство еще повредило матери. Около Пасхи, однажды утромъ, матери вздумалось прислать сказать мнѣ съ горничной, чтобы я ей уступила голубую съ серебромъ матерію, которую братъ отца подарилъ мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ въ Россію, потому что она мнѣ очень понравилась. Я велѣла ей сказать, что она вольна ее взять, но что, право, я ее очень люблю, потому что дядя мнѣ ее подарилъ, видя, что она мнѣ нравится. Окружавшіе меня, видя, что я отдаю матерію скрѣпя сердце, и въ виду того, что я такъ долго лежу въ постели, [находясь] между жизнью и смертью и что мнѣ стало лучше всего дня два, стали между собою говорить, что весьма неразумно со стороны матери причинять умирающему ребенку малѣйшее неудовольствіе и что вмѣсто желанія отобрать эту матерію она лучше бы сдѣлала, не упоминая о ней вовсе. Пошли разсказать это императрицѣ, которая немедленно прислала мнѣ нѣсколько кусковъ богатыхъ и роскошныхъ матерій и, между прочимъ, одну голубую съ серебромъ; это повредило матери въ глазахъ императрицы: ее обвинили въ томъ, что у нея вовсе нѣтъ нѣжности ко мнѣ, ни бережности. Я привыкла во время болѣзни лежать съ закрытыми глазами; думали, что я сплю, и тогда графиня Румянцова и находившіяся при мнѣ женщины говорили между собой о томъ, что у нихъ было на душѣ, и такимъ образомъ я узнавала массу вещей. Когда мнѣ стало лучше, великій князь сталъ приходить проводить вечера въ комнатѣ матери, которая была также и моею. Онъ и всѣ, казалось, слѣдили съ живѣйшимъ участіемъ за моимъ состояніемъ. Императрица часто проливала объ этомъ слезы. Наконецъ, 21 апрѣля 1744, въ день моего рожденія, когда мнѣ пошелъ пятнадцатый годъ[1]), я была въ состояніи появиться въ обществѣ въ первый разъ послѣ этой ужасной болѣзни. Я думаю, что не слишкомъ-то довольны

[1]) Такъ въ подлинникѣ—quinzième année, а на самомъ дѣлѣ—шестнадцатый.

были моимъ видомъ; я похудѣла, какъ скелетъ, выросла, но лицо и черты мои удлиннились; волосы у меня падали, и я была блѣдна смертельно. Я сама находила, что страшна, какъ пугало, и не могла узнать себя. Императрица прислала мнѣ въ этотъ день банку румянъ и приказала нарумяниться. Съ наступленіемъ весны и хорошей погоды великій князь пересталъ ежедневно посѣщать насъ; онъ предпочиталъ гулять и стрѣлять въ окрестностяхъ Москвы. Иногда, однако, онъ приходилъ къ намъ обѣдать или ужинать, и тогда снова продолжались его ребяческія откровенности со мною, между тѣмъ какъ его приближенные бесѣдовали съ матерью, у которой бывало много народу и шли всевозможные пересуды, которые не нравились тѣмъ, кто въ нихъ не участвовалъ, и, между прочимъ, графу Бестужеву, коего враги всѣ собирались у насъ; въ числѣ ихъ былъ маркизъ де-ла-Шетарди, который еще не воспользовался ни однимъ полномочіемъ французскаго двора, но имѣлъ свои вѣрительныя посольскія грамоты въ карманѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ императрица снова уѣхала въ Троицкій монастырь, куда мы съ великимъ княземъ и матерью за ней послѣдовали. Императрица стала съ нѣкоторыхъ поръ очень холодно обращаться съ матерью; въ Троицкомъ монастырѣ выяснилась причина этого. Какъ-то послѣ обѣда, когда великій князь былъ у насъ въ комнатѣ, императрица вошла внезапно и велѣла матери итти за ней въ другую комнату. Графъ Лестокъ тоже вошелъ туда; мы съ великимъ княземъ сѣли на окно, выжидая. Разговоръ этотъ продолжался очень долго, и мы видѣли, какъ вышелъ Лестокъ; проходя, онъ подошелъ къ великому князю и ко мнѣ — а мы смѣялись — и сказалъ намъ: «этому шумному веселью сейчасъ конецъ»; потомъ, повернувшись ко мнѣ, онъ сказалъ: «вамъ остается только укладываться, вы тотчасъ отправитесь, чтобы вернуться къ себѣ домой». Великій князь хотѣлъ узнать, какъ это; онъ отвѣтилъ: «объ этомъ послѣ узнаете», и ушелъ исполнять порученіе, которое было на него

возложено и котораго я не знаю. Великому князю и мнѣ онъ предоставилъ размыслить надъ тѣмъ, что онъ намъ только что сказалъ; первый разсуждалъ вслухъ, я— про себя. Онъ сказалъ: «но если ваша мать и виновата, то вы не виновны», я ему отвѣтила: «долгъ мой — слѣдовать за матерью и дѣлать то, что она прикажетъ». Я увидѣла ясно, что онъ покинулъ бы меня безъ сожалѣнья; что меня касается, то, въ виду его настроенія, онъ былъ для меня почти безразличенъ, но не безразлична была для меня русская корона. Наконецъ дверь спальной отворилась, и императрица вышла оттуда съ лицомъ очень краснымъ и съ видомъ разгнѣванным, а мать шла за нею съ красными глазами и въ слезахъ. Такъ какъ мы спѣшили спуститься съ окна, на которое влѣзли и которое было довольно высоко, то у императрицы это вызвало улыбку и она поцѣловала насъ обоихъ и ушла. Когда она вышла, мы узнали приблизительно, въ чемъ было дѣло. Маркизъ де-ла Шетарди, который прежде, или, вѣрнѣе сказать, въ первое свое путешествіе или миссію въ Россію пользовался большою милостью и довѣріемъ императрицы, въ этотъ второй пріѣздъ или миссію очень обманулся во всѣхъ своихъ надеждахъ. Разговоры его были скромнѣе, чѣмъ письма; эти послѣднія были полны самой ѣдкой желчи; ихъ вскрыли и разобрали шифръ; въ нихъ нашли подробности его бесѣдъ съ матерью и многими другими лицами о современныхъ дѣлахъ, разговоры насчетъ императрицы заключали выраженія мало осторожныя. Графъ Бестужевъ не преминулъ вручить ихъ императрицѣ и такъ какъ маркизъ де-ла-Шетарди не объявилъ еще ни одного изъ своихъ полномочій, то данъ былъ приказъ выслать его изъ имперіи; у него отняли орденъ Св. Андрея и портретъ императрицы, но оставили всѣ другіе подарки изъ брильянтовъ, какіе онъ имѣлъ отъ этой государыни. Не знаю, удалось ли матери оправдаться въ глазахъ императрицы, но, какъ бы то ни было, мы не уѣхали; съ матерью однако продолжали обра-

Высылка маркиза де-ла-Шетарди.

щаться очень сдержанно и холодно. Не знаю, что говорилось между нею и де-ла-Шетарди, но знаю, что однажды онъ обратился ко мнѣ и поздравилъ, что я причесана en Moyse; я ему сказала, что въ угоду императрицѣ буду причесываться на всѣ фасоны, какіе могутъ ей понравиться; когда онъ услышалъ мой отвѣтъ, онъ сдѣлалъ пируэтъ налѣво, ушелъ въ другую сторону и больше ко мнѣ не обращался.

Вернувшись съ великимъ княземъ въ Москву, мы съ матерью стали жить болѣе замкнуто; у насъ бывало меньше народу и меня готовили къ исповѣданію вѣры. 28-е іюня было назначено для этой церемоніи и слѣдующій день, Петровъ день, для моего обрученія съ великимъ княземъ. Помню, что гофмаршалъ Брюммеръ обращался ко мнѣ въ это время нѣсколько разъ, жалуясь на своего воспитанника, и хотѣлъ воспользоваться мною, чтобы исправить и образумить своего великаго князя; но я сказала ему, что это для меня невозможно и что я этимъ только стану ему столь же ненавистна, какъ уже были ненавистны всѣ его приближенные. Въ это время мать очень сблизилась съ принцемъ и принцессой Гессенскими и еще больше съ братомъ послѣдней, камергеромъ Бецкимъ. Эта связь не нравилась графинѣ Румянцовой, гофмаршалу Брюммеру и всѣмъ остальнымъ; въ то время, какъ мать была съ ними въ своей комнатѣ, мы съ великимъ княземъ возились въ передней и она была въ полномъ нашемъ распоряженіи; у насъ обоихъ не было недостатка въ ребяческой живости. Въ іюлѣ мѣсяцѣ императрица праздновала въ Москвѣ миръ со Швеціей, и по случаю этого праздника она составила мнѣ дворъ, какъ обрученной Русской великой княжнѣ и тотчасъ послѣ этого праздника императрица отправила насъ въ Кіевъ. Она сама отправилась черезъ нѣсколько дней послѣ насъ. Мы ѣхали понемногу за день, мать, я, графиня Румянцова и одна изъ фрейлинъ матери въ одной каретѣ; великій князь, Брюммеръ, Бергхольцъ и Дукеръ—въ другой.

Исповѣданіе вѣры и обрученіе.

Дружба матери съ принцемъ и принцессой Гессенскими.

Празднованіе мира въ 1744 г.

Поѣздка въ Кіевъ.

Какъ-то днемъ великій князь, скучавшій со своими педагогами, захотѣлъ ѣхать съ матерью и со мной; съ тѣхъ поръ, какъ онъ это сдѣлалъ, онъ не захотѣлъ больше выходить изъ нашей кареты. Тогда мать, которой скучно было ѣхать съ нимъ и со мною цѣлые дни, придумала увеличить компанію. Она сообщила свою мысль молодымъ людямъ изъ нашей свиты, между которыми находились князь Голицынъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, и графъ Захаръ Чернышевъ; взяли одну изъ повозокъ съ нашими постелями; приладили отовсюду кругомъ скамейки и на слѣдующій же день мать, великій князь и я, князь Голицынъ, графъ Чернышевъ и еще одна или двѣ помоложе изъ свиты, помѣстились въ ней и такимъ образомъ мы совершили остальную часть поѣздки очень весело, насколько это касалось нашей повозки; но все, что не имѣло входа туда, возстало противъ такой затѣи, которая особенно не нравилась оберъ-гофмаршалу Брюммеру, оберъ-камергеру Бергхольцу, графинѣ Румянцовой, фрейлинѣ матери, и также всей остальной свитѣ, ибо они никогда туда не допускались и, между тѣмъ, какъ мы смѣялись дорогой, они бранились и скучали. При такомъ положеніи вещей мы прибыли черезъ три недѣли въ Козелецъ[1]), гдѣ еще три недѣли ждали императрицу, коей поѣздка замедлилась дорогой вслѣдствіе нѣкоторыхъ приключеній. Мы узнали въ Козельцѣ, что съ дороги было сослано нѣсколько лицъ изъ свиты императрицы и что она была въ очень дурномъ расположеніи духа. Наконецъ, въ половинѣ августа, она прибыла въ Козелецъ; мы еще оставались съ ней тамъ до конца августа. Тутъ вели съ утра до вечера крупную игру въ фараонъ въ большой залѣ, по серединѣ дома; въ остальныхъ помѣщеніяхъ всѣмъ приходилось очень тѣсно: мы съ матерью спали въ одной общей комнатѣ, графиня Румянцова и фрейлина матери—въ передней и такъ далѣе. Однажды великій князь пришелъ въ ком-

Дворъ собрался въ Козельцѣ.

---

[1]) Въ подлинникѣ Koselsk, и далѣе такъ же.

нату матери и въ мою также въ то время, какъ мать писала, а возлѣ нея стояла открытая шкатулка; онъ захотѣлъ въ ней порыться изъ любопытства; мать сказала, чтобы онъ не трогалъ, и онъ, дѣйствительно, сталъ прыгать по комнатѣ въ другой сторонѣ, но прыгая то туда, то сюда, чтобы насмѣшить меня, онъ задѣлъ за крышку открытой шкатулки и уронилъ ее; мать тогда разсердилась и они стали крупно браниться; мать упрекала его за то, что онъ нарочно опрокинулъ шкатулку, а онъ жаловался на несправедливость, и оба они обращались ко мнѣ, требуя моего подтвержденія; зная нравъ матери, я боялась получить пощечины, если не соглашусь съ ней, и, не желая ни лгать, ни обидѣть великаго князя, находилась между двухъ огней; тѣмъ не менѣе я сказала матери, что не думала, чтобы великій князь сдѣлалъ это нарочно, но что когда онъ прыгалъ, то задѣлъ платьемъ крышку шкатулки, которая стояла на очень маленькомъ табуретѣ. Тогда мать набросилась на меня, ибо, когда она бывала въ гнѣвѣ, ей нужно было кого-нибудь бранить; я замолчала и заплакала; великій князь, видя, что весь гнѣвъ моей матери обрушился на меня, за то, что я свидѣтельствовала въ его пользу и такъ какъ я плакала, сталъ обвинять мать въ несправедливости и назвалъ ея гнѣвъ бѣшенствомъ, а она ему сказала, что онъ невоспитанный мальчишка; однимъ словомъ, трудно, не доводя однако ссоры до драки, зайти въ ней дальше, чѣмъ они оба это сдѣлали.

Большая ссора между великимъ княземъ и моею матерью.

Съ тѣхъ поръ великій князь не взлюбилъ мать и не могъ никогда забыть этой ссоры; мать тоже не могла этого ему простить; и ихъ обхожденіе другъ съ другомъ стало принужденнымъ, безъ взаимнаго довѣрія и легко переходило въ натянутыя отношенія. Оба они не скрывались отъ меня; сколько я ни старалась смягчить ихъ обоихъ, мнѣ это удавалось только на короткій срокъ; они оба всегда были готовы пустить колкость, чтобы язвить другъ друга; мое положеніе день ото дня становилось щекотливѣе. Я старалась повиноваться одному и угождать другому и, дѣйстви-

Злоба, которая отъ этого у обоихъ осталась.

тельно, великій князь былъ со мной тогда откровеннѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо; онъ видѣлъ, что мать часто наскакивала на меня, когда не могла къ нему придраться. Это мнѣ не вредило въ его глазахъ, потому что онъ убѣдился, что можетъ быть во мнѣ увѣренъ. Наконецъ, 29 августа мы пріѣхали въ Кіевъ. Мы пробыли тамъ десять дней, послѣ чего отправились назадъ въ Москву точно такимъ же образомъ, какъ ѣхали въ Кіевъ. Когда мы пріѣхали въ Москву, вся осень прошла въ комедіяхъ, придворныхъ балахъ и маскарадахъ. Несмотря на это, замѣтно было, что императрица была часто сильно не въ духѣ. Однажды, когда мы, моя мать, я и великій князь, были въ театрѣ въ ложѣ напротивъ ложи Ея Императорскаго Величества, я замѣтила, что императрица говоритъ съ графомъ Лестокомъ съ большимъ жаромъ и гнѣвомъ. Когда она кончила, Лестокъ ее оставилъ и пришелъ къ намъ въ ложу; онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «замѣтили ли вы, какъ императрица со мною говорила?» Я сказала, что да. «Ну, вотъ», сказалъ Лестокъ: «она очень на васъ сердита». — На меня! За что же? былъ мой отвѣтъ. — «Потому, что у васъ», отвѣтилъ онъ мнѣ, «много долговъ; она говоритъ, что это бездонная бочка, и что, когда она была великой княжной, у нея не было больше содержанія, нежели у васъ, что ей приходилось содержать цѣлый домъ и что она старалась не входить въ долги, ибо знала, что никто за нее не заплатитъ». Онъ сказалъ мнѣ все это съ сердитымъ и сухимъ видомъ, должно быть, затѣмъ, чтобъ императрица видѣла изъ своей ложи, какъ онъ исполняетъ ея порученіе. У меня навернулись на глаза слезы, и я промолчала. Сказавъ все, онъ ушелъ. Великій князь, который былъ рядомъ со мной и приблизительно слышалъ этотъ разговоръ, переспросивъ у меня то, что не разслышалъ, далъ мнѣ понять игрой лица больше, чѣмъ словами, что онъ раздѣляетъ мысли своей тетушки и что онъ доволенъ, что меня выбранили. Это былъ довольно обычный его пріемъ, и въ такихъ случаяхъ онъ думалъ угодить

Возвращеніе въ Москву.

Гнѣвъ императрицы противъ меня.

императрицѣ, улавливая ея настроеніе, когда она на кого-нибудь сердилась. Что касается матери, то когда она узнала, въ чемъ дѣло, она сказала, что это было слѣдствіемъ тѣхъ стараній, которыя употребляли, чтобы вырвать меня изъ ея рукъ, и что такъ какъ меня такъ поставили, что я могла дѣйствовать, не спрашиваясь ея, она умываетъ руки въ этомъ дѣлѣ; итакъ, оба они стали противъ меня. Я же тотчасъ рѣшила привести мои дѣла въ порядокъ и на слѣдующій же день потребовала счета. Изъ нихъ я увидѣла, что должна семнадцать тысячъ рублей; передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Кіевъ императрица прислала мнѣ пятнадцать тысячъ рублей и большой сундукъ простыхъ матерій, но я должна была одѣваться богато. Въ итогѣ оказалось, что я должна всего двѣ тысячи, это мнѣ не показалось не вѣсть какой суммой. Различныя причины ввели меня въ эти расходы. Во-первыхъ, я пріѣхала въ Россію съ очень скуднымъ гардеробомъ. Если у меня бывало три-четыре платья, это уже былъ предѣлъ возможнаго, и это при дворѣ, гдѣ платья мѣнялись по три раза въ день; дюжина рубашекъ составляла все мое бѣлье; я пользовалась простынями матери. Во-вторыхъ, мнѣ сказали, что въ Россіи любятъ подарки и что щедростью пріобрѣтешь друзей и станешь всѣмъ пріятной. Въ-третьихъ, ко мнѣ приставили самую расточительную женщину въ Россіи, графиню Румянцову, которая всегда была окружена купцами, ежедневно представляла мнѣ массу вещей, которыя совѣтовала брать у этихъ купцовъ и которыя я часто брала лишь затѣмъ, чтобы отдать ей, такъ какъ ей этого очень хотѣлось. Великій князь также мнѣ стоилъ много, потому что былъ жаденъ до подарковъ; дурное настроеніе матери также легко умиротворялось какой-нибудь вещью, которая ей нравилась, и такъ какъ она тогда очень часто сердилась и особенно на меня, то я не пренебрегала открытымъ мною способомъ умиротворенія. Дурное расположеніе духа матери происходило отчасти по той причинѣ, что она вовсе не пользовалась благосклонностью императрицы, ко-

Различныя причины долговъ, которые я имѣла.

Причины дурного расположенія духа матери.

торая ее часто оскорбляла и унижала. Кромѣ того, мать, за которой я обыкновенно слѣдовала, съ неудовольствіемъ смотрѣла на то, что я теперь шла передъ ней; я этого избѣгала всюду, гдѣ могла, но въ публикѣ это было невозможно; вообще я поставила себѣ за правило оказывать ей величайшее уваженіе и наивозможную почтительность, но все это не очень-то мнѣ помогало; у нея всегда и при всякомъ случаѣ прорывалось неудовольствіе на меня, что не служило ей въ пользу и не располагало къ ней людей. Графиня Румянцова своими разсказами и пересказами и разными сплетнями чрезвычайно содѣйствовала, какъ и многія другія, тому, чтобы уронить мать во мнѣніи императрицы. Восьмимѣстная повозка, во время поѣздки въ Кіевъ, тоже сдѣлала свое дѣло: всѣ старики были изъ нея изгнаны, вся молодежь допущена. Богъ знаетъ, какой оборотъ придали этому распорядку, очень, впрочемъ, невинному; всего очевиднѣе было то, что это обидѣло всѣхъ, которые могли быть туда допущены по своему положенію и которые увидали, что имъ предпочли тѣхъ, кто былъ забавнѣе. Въ сущности вся эта досада матери пошла отъ того, что не взяли съ собой во время кіевской поѣздки ни Бецкаго, къ которому она прониклась довѣріемъ, ни князя Трубецкого. Конечно, этому посодѣйствовали Брюммеръ и графиня Румянцова, и восьмимѣстная повозка, въ которую ихъ не допустили, стала причиной затаенной злобы. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ великій князь схватилъ корь; такъ какъ у меня ея еще не было, то приняли всѣ мѣры, чтобы мнѣ не заразиться. Окружавшіе этого князя не приходили къ намъ, и всѣ увеселенія прекратились. Какъ только болѣзнь эта прошла и зима установилась, мы поѣхали изъ Москвы въ Петербургъ въ саняхъ, мать и я въ однѣхъ, великій князь и графъ Брюммеръ въ другихъ. 18 декабря, день рожденія императрицы, мы отпраздновали въ Твери, откуда уѣхали на слѣдующій день. Пріѣхавъ на полпути въ Хотиловскій Ямъ, вечеромъ, въ моей комнатѣ, великій князь почувствовалъ себя плохо; его отвели къ

Великій князь заболѣваетъ корью.

Отъѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ.

На полдорогѣ великій князь схватываетъ оспу.

себѣ и уложили; ночью у него былъ сильный жаръ. На слѣдующій день, въ полдень, мы съ матерью пошли къ нему въ комнату, но едва я переступила порогъ двери, какъ гр. Брюммеръ пошелъ мнѣ навстрѣчу и сказалъ, чтобы я не шла дальше; я хотѣла узнать, почему; онъ мнѣ сказалъ, что у великаго князя только что появились оспенныя пятна. Такъ какъ у меня не было оспы, мать живо увела меня изъ комнаты и было рѣшено, что мы съ матерью уѣдемъ въ тотъ же день въ Петербургъ, оставивъ великаго князя и его приближенныхъ въ Хотиловѣ; графиня Румянцова и фрейлина матери остались, чтобы ходить, какъ говорили, за больнымъ. Послали курьера къ императрицѣ, опередившей насъ и бывшей уже въ Петербургѣ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Новгорода мы встрѣтили императрицу, которая, узнавъ, что у великаго князя обнаружилась оспа, возвращалась изъ Петербурга къ нему въ Хотилово, гдѣ и оставалась, пока продолжалась его болѣзнь. Какъ только императрица насъ увидала, хотя это было ночью, она велѣла остановить свои сани и наши и спросила о здоровьѣ великаго князя. Мать сказала ей все, что знала, послѣ чего императрица приказала кучеру ѣхать, а мы продолжали тоже свой путь и прибыли въ Новгородъ къ утру. Было воскресенье, я пошла къ обѣднѣ, послѣ чего мы пообѣдали и, когда собирались уѣзжать, пріѣхали камергеръ князь Голицынъ и камеръ-юнкеръ графъ Захаръ Чернышевъ, ѣхавшіе изъ Москвы въ Петербургъ. Мать разсердилась на Голицына за то, что онъ ѣхалъ съ графомъ Чернышевымъ, ибо этотъ послѣдній распустилъ какую-то ложь. Она утверждала, что его надо избѣгать, какъ человѣка опаснаго, выдумывавшаго какія угодно исторіи. Она дулась на обоихъ, но такъ какъ, благодаря этой досадѣ, было скучно до тошноты и выбора не было, а они были болѣе образованные и болѣе пріятные собесѣдники, чѣмъ другіе, то я и не вдавалась въ досаду, что навлекло на меня нѣсколько нападокъ со стороны матери. Наконецъ мы пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ насъ помѣ-

Мы съ матерью продолжаемъ путь.

Встрѣча съ императрицей.

Пріѣздъ въ Петербургъ.

стили въ одномъ изъ кавалерскихъ придворныхъ домовъ. Такъ какъ дворецъ не былъ тогда еще достаточно великъ, чтобы даже великій князь могъ тамъ помѣщаться, то ему былъ отведенъ также домъ, находившійся между дворцомъ и нашимъ домомъ. Мои комнаты были налѣво отъ лѣстницы, комнаты матери — направо; какъ только мать увидѣла это устройство, она разсердилась, во-первыхъ, потому, что ей показалось, что мое помѣщеніе было лучше расположено, нежели ея, во-вторыхъ, потому, что ея комнаты отдѣлялись отъ моихъ общей залой; на самомъ же дѣлѣ у каждой изъ насъ было по четыре комнаты: двѣ на улицу, двѣ во дворъ дома; такимъ образомъ, комнаты были одинаковыя, обтянутыя голубою и красною матеріей, безо всякой разницы; но вотъ что еще больше способствовало ея гнѣву. Графиня Румянцова, еще въ Москвѣ, принесла мнѣ планъ этого дома, по приказанію императрицы, запрещая мнѣ отъ ея имени говорить объ этой присылкѣ, совѣтуясь со мною, какъ насъ помѣстить. Выбирать было нечего, такъ какъ оба помѣщенія были одинаковы. Я сказала это графинѣ, которая дала мнѣ понять, что императрица предпочитаетъ, чтобы у меня было отдѣльное помѣщеніе, вмѣсто того, чтобы жить, какъ въ Москвѣ, въ общемъ помѣщеніи съ матерью. Такое устройство нравилось мнѣ тоже, потому что я была очень стѣснена у матери въ комнатахъ и что буквально интимный кружокъ, который она себѣ образовала, нравился мнѣ тѣмъ менѣе, что мнѣ было ясно, какъ день, что эта компанія никому не была по душѣ. Мать провѣдала о планѣ, показанномъ мнѣ; она стала мнѣ о немъ говорить, и я сказала ей сущую правду, какъ было дѣло. Она стала бранить меня за то, что я держала это въ секретѣ, я ей сказала, что мнѣ запретили говорить, но она нашла, что это не причина, и вообще я съ каждымъ днемъ видѣла, что она все больше сердится на меня и что она почти со всѣми въ ссорѣ, такъ что перестала появляться къ столу за обѣдомъ и ужиномъ и велѣла подавать къ себѣ въ комнаты. Что меня касается, я ходила къ ней

три-четыре раза въ день, остальное время употребляла, 1745.
чтобы изучать русскій языкъ, играть на клавесинѣ да покупать себѣ книги, такъ что въ пятнадцать лѣтъ я жила одиноко въ моей комнатѣ и была довольно прилежна для своего возраста. Къ концу нашего пробыванія въ Москвѣ прибыло шведское посольство, во главѣ котораго былъ сенаторъ Цедеркрейцъ. Немного времени спустя пріѣхалъ еще графъ Гюлленборгъ, чтобы объявить императрицѣ о свадьбѣ Шведскаго наслѣднаго принца, брата матери, съ принцессой Прусской. Мы знали этого графа Гюлленборга; мы видѣли его въ Гамбургѣ, куда онъ пріѣзжалъ со многими другими шведами во время отъѣзда наслѣднаго принца въ Швецію. Это былъ человѣкъ очень умный, уже не молодой и котораго мать моя очень цѣнила; я же была ему нѣкоторымъ образомъ обязана, потому что въ Гамбургѣ, видя, что мать мало или вовсе не обращаетъ на меня вниманія, онъ ей сказалъ, что она не права и что я, конечно, ребенокъ гораздо старше своихъ лѣтъ. Прибывъ въ Петербургъ, онъ пришелъ къ намъ и сказалъ, какъ и въ Гамбургѣ, что у меня философскій складъ ума. Онъ спросилъ, какъ обстоитъ дѣло съ моей философіей при томъ вихрѣ, въ которомъ я нахожусь; я разсказала ему, что дѣлаю у себя въ комнатѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что пятнадцатилѣтній философъ не можетъ еще себя знать, и что я окружена столькими подводными камнями, что есть всѣ основанія бояться, какъ бы я о нихъ не разбилась, если только душа моя не исключительнаго закала; что надо ее питать самымъ лучшимъ чтеніемъ, и для этого онъ рекомендовалъ мнѣ «Жизнь знаменитыхъ мужей» Плутарха, «Жизнь Цицерона» и «Причины величія и упадка Римской республики» Монтескье. Я тотчасъ же послала за этими книгами, которыя съ трудомъ тогда нашли въ Петербургѣ, и сказала ему, что набросаю ему свой портретъ такъ, какъ себя понимаю, дабы онъ могъ видѣть, знаю ли я себя, или нѣтъ. Дѣйствительно, я изложила на письмѣ свой портретъ, который озаглавила: «Портретъ философа

Портретъ философа въ пятнадцать лѣтъ.

въ пятнадцать лѣтъ». и отдала ему. Много лѣтъ спустя и именно въ 1758 году я снова нашла это сочиненіе и была удивлена глубиною знанія самой себя, какое оно заключало. Къ несчастью, я его сожгла въ томъ же году, во время несчастной исторіи графа Бестужева, со всѣми другими моими бумагами, боясь сохранить у себя въ комнатѣ хоть единую. Графъ Гюлленборгъ возвратилъ мнѣ черезъ нѣсколько дней мое сочиненіе; не знаю, снялъ ли онъ съ него копію. Онъ сопроводилъ его дюжиной страницъ разсужденій, сдѣланныхъ обо мнѣ, посредствомъ которыхъ старался укрѣпить во мнѣ какъ возвышенность и твердость духа, такъ и другія качества сердца и ума. Я читала и перечитывала нѣсколько разъ его сочиненіе, я имъ прониклась и намѣревалась серьезно слѣдовать его совѣтамъ. Я обѣщала это себѣ, а разъ я себѣ что обѣщала, не помню случая, чтобы это не исполнила. Потомъ я возвратила графу Гюлленборгу его сочиненіе, какъ онъ меня объ этомъ просилъ, и, признаюсь, оно очень послужило къ образованію и укрѣпленію склада моего ума и моей души. Въ началѣ февраля императрица вернулась съ великимъ княземъ изъ Хотилова. Какъ только намъ сказали, что она пріѣхала, мы отправились къ ней навстрѣчу и увидѣли ее въ большой залѣ, почти впотьмахъ, между четырьмя и пятью часами вечера; несмотря на это, я чуть не испугалась при видѣ великаго князя, который очень выросъ, но лицомъ былъ неузнаваемъ; всѣ черты его лица огрубѣли, лицо еще все было распухшее и несомнѣнно было видно, что онъ останется съ очень замѣтными слѣдами оспы. Такъ какъ ему остригли волосы, на немъ былъ огромный парикъ, который еще больше его уродовалъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, съ трудомъ ли я его узнала. Я пробормотала ему свое привѣтствіе по случаю его выздоровленія, но въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ ужасенъ. 9 февраля минуло ровно годъ съ моего пріѣзда къ русскому двору. 10-го февраля 1745 г. императрица праздновала день рожденія великаго князя, ему пошелъ семнадцатый годъ. Она

Возвращеніе императрицы и великаго князя въ Петербургъ.

обѣдала одна со мной на тронѣ; великій князь не появлялся въ публикѣ ни въ этотъ день, ни еще долго спустя; не спѣшили показывать его въ томъ видѣ, въ какой привела его оспа. Императрица меня очень ласкала за этимъ обѣдомъ. Она мнѣ сказала, что русскія письма, которыя я ей писала въ Хотилово, доставили ей большое удовольствіе (по правдѣ сказать, они были сочинены Ададуровымъ, но я ихъ собственноручно переписала), и что она знаетъ, какъ я стараюсь изучить мѣстный языкъ. Она стала говорить со мною по-русски и пожелала, чтобы я отвѣчала ей на этомъ языкѣ, что я и сдѣлала, и тогда ей угодно было похвалить мое хорошее произношеніе. Потомъ она дала мнѣ понять, что я похорошѣла съ моей московской болѣзни; словомъ, во время всего обѣда она только тѣмъ и была занята, что оказывала мнѣ знаки своей доброты и расположенія. Я вернулась домой очень довольная этимъ обѣдомъ и очень счастливая, и всѣ меня поздравляли. Императрица велѣла снести къ ней мой портретъ, начатый художникомъ Каравакомъ, и оставила его у себя въ комнатѣ; это тотъ самый, который скульпторъ Фальконетъ увезъ съ собою во Францію; я была на немъ совсѣмъ живая. Чтобы ходить къ обѣднѣ или къ императрицѣ, мнѣ съ матерью приходилось проходить черезъ покои великаго князя, который жилъ рядомъ съ моимъ помѣщеніемъ; вслѣдствіе этого мы часто его видѣли. Онъ приходилъ также по вечерамъ на нѣсколько минутъ ко мнѣ, но безо всякой охоты; наоборотъ, всегда былъ радъ найти какой-нибудь предлогъ, чтобы отдѣлаться отъ этого и остаться у себя, среди своихъ обычныхъ ребяческихъ забавъ, о которыхъ я уже говорила. Черезъ нѣсколько времени послѣ пріѣзда императрицы и великаго князя въ Петербургъ у матери случилось большое огорченіе, котораго она не могла скрыть. Вотъ въ чемъ дѣло. Принцъ Августъ, братъ матери, написалъ ей въ Кіевъ, чтобы выразить ей свое желаніе пріѣхать въ Россію; мать знала, что эта поѣздка имѣла единственную для него цѣль получить при совершеннолѣ-

Доброта императрицы ко мнѣ.

Принцъ Августъ Голштинскій пріѣзжаетъ въ Россію и по какой причинѣ.

тіи великаго князя, которое хотѣли ускорить, управленіе Голштиніей, иначе говоря, желаніе отнять опеку у старшаго брата, ставшаго Шведскимъ наслѣднымъ принцемъ, чтобы вручить управленіе Голштинской страной отъ имени совершеннолѣтняго великаго князя принцу Августу, младшему брату матери и Шведскаго наслѣднаго принца. Эта интрига была затѣяна враждебной Шведскому наслѣдному принцу голштинской партіей, въ союзѣ съ датчанами, которые не могли простить этому принцу того, что онъ одержалъ въ Швеціи верхъ надъ Датскимъ наслѣднымъ принцемъ, котораго далекарлійцы хотѣли избрать наслѣдникомъ Шведскаго престола. Мать отвѣтила принцу Августу, ея брату, изъ Козельца[1]), что вмѣсто того, чтобы поддаваться интригамъ, заставлявшимъ его дѣйствовать противъ брата, онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы отправился служить въ Голландію, гдѣ онъ находился, и тамъ бы далъ себя убить съ честью въ бою, чѣмъ затѣвать заговоръ противъ своего брата и присоединяться къ врагамъ своей сестры въ Россіи. Подъ врагами мать подразумѣвала графа Бестужева, который поддерживалъ эту интригу, чтобы вредить Брюммеру и всѣмъ остальнымъ друзьямъ Шведскаго наслѣднаго принца, опекуна великаго князя по Голштиніи. Это письмо было вскрыто и прочтено графомъ Бестужевымъ и императрицей, которая вовсе не была довольна матерью и уже очень раздражена противъ Шведскаго наслѣднаго принца, который подъ вліяніемъ жены, сестры Прусскаго короля, далъ себя вовлечь французской партіи во всѣ ея виды, совершенно противоположные русскимъ. Его упрекали въ неблагодарности и обвиняли мать въ недостаткѣ нѣжности къ младшему брату за то, что она ему написала о томъ, чтобы онъ далъ себя убить, выраженіе, которое считали жестокимъ и безчеловѣчнымъ, между тѣмъ какъ мать, въ глазахъ друзей, хвасталась, что употребила выраженіе твердое и звонкое. Результатомъ этого всего было

---

1) Въ подлинникѣ—Koselsk.

то, что, не обращая вниманія на намѣренія матери, или, вѣрнѣе, чтобы ее уколоть и насолить всей голштино-шведской партіи, графъ Бестужевъ получилъ безъ вѣдома матери позволеніе для принца Августа Голштинскаго пріѣхать въ Петербургъ. Мать, узнавъ, что онъ въ дорогѣ, очень разсердилась, огорчилась и очень дурно его приняла, но онъ, подстрекаемый Бестужевымъ, держалъ свою линію. Убѣдили императрицу хорошо его принять, что она и сдѣлала для виду; впрочемъ, это не продолжалось и не могло продолжаться долго, потому что принцъ Августъ самъ по себѣ не былъ человѣкомъ порядочнымъ. Одна его внѣшность уже не располагала къ нему: онъ былъ малъ ростомъ и очень нескладенъ, недалекъ и крайне вспыльчивъ, къ тому же руководимъ своими приближенными, которые сами ничего собой не представляли. Глупость—разъ уже пошло на чистоту—ея брата очень сердила мать; словомъ, она была почти въ отчаяніи отъ его пріѣзда. Графъ Бестужевъ, овладѣвъ посредствомъ приближенныхъ умомъ этого принца, убилъ разомъ нѣсколько зайцевъ. Онъ не могъ не знать, что великій князь такъ же ненавидѣлъ Брюммера, какъ и онъ; принцъ Августъ тоже его не любилъ, потому что онъ былъ преданъ Шведскому принцу. Подъ предлогомъ родства и какъ голштинецъ, этотъ принцъ такъ подобрался къ великому князю, разговаривая съ нимъ постоянно о Голштиніи и бесѣдуя объ его будущемъ совершеннолѣтіи, что тотъ сталъ самъ просить тетку и графа Бестужева, чтобы постарались ускорить его совершеннолѣтіе. Для этого нужно было согласіе императора Римскаго, которымъ тогда былъ Карлъ VII изъ Баварскаго дома; но тутъ онъ умеръ, и это дѣло тянулось до избранія Франца I. Такъ какъ принцъ Августъ былъ еще довольно плохо принятъ моею матерью и выражалъ ей мало почтенія, то онъ тѣмъ самымъ уменьшилъ и то немногое уваженіе, которое великій князь еще сохранялъ къ ней; съ другой стороны, какъ принцъ Августъ, такъ и старые камердинеры, любимцы великаго князя,

боясь, вѣроятно, моего будущаго вліянія, часто говорили ему о томъ, какъ надо обходиться со своею женою; Румбергъ, старый шведскій драгунъ, говорилъ ему, что его жена не смѣетъ дыхнуть при немъ, ни вмѣшиваться въ его дѣла, и что если она только захочетъ открыть ротъ, онъ приказываетъ ей замолчать, что онъ хозяинъ въ домѣ и что стыдно мужу позволять женѣ руководить собою, какъ дурачкомъ. Великій князь по природѣ умѣлъ скрывать свои тайны, какъ пушка свой выстрѣлъ, и когда у него бывало что-нибудь на умѣ или на сердцѣ, онъ прежде всего спѣшилъ разсказать это тѣмъ, съ кѣмъ привыкъ говорить, не разбирая, кому это говорить, а потому Его Императорское Высочество самъ разсказалъ мнѣ съ мѣста всѣ эти разговоры при первомъ случаѣ, когда меня увидѣлъ; онъ всегда простодушно воображалъ, что всѣ согласны съ его мнѣніемъ и что нѣтъ ничего болѣе естественнаго. Я отнюдь не довѣрила этого кому бы то ни было, но не переставала серьезно задумываться надъ ожидавшей меня судьбой. Я рѣшила очень бережно относиться къ довѣрію великаго князя, чтобы онъ могъ, по крайней мѣрѣ, считать меня надежнымъ для него человѣкомъ, которому онъ могъ все говорить, безо всякихъ для себя послѣдствій. Это мнѣ долго удавалось. Впрочемъ, я обходилась со всѣми какъ могла лучше и прилагала стараніе пріобрѣтать дружбу или, по крайней мѣрѣ, уменьшать недружелюбіе тѣхъ, которыхъ могла только заподозрить въ недоброжелательномъ ко мнѣ отношеніи; я не выказывала склонности ни къ одной изъ сторонъ, ни во что не вмѣшивалась, имѣла всегда спокойный видъ, была очень предупредительна, внимательна и вѣжлива со всѣми и такъ какъ я отъ природы была очень весела, то замѣчала съ удовольствіемъ, что съ каждымъ днемъ я все больше пріобрѣтала расположеніе общества, которое считало меня ребенкомъ интереснымъ и не лишеннымъ ума. Я выказывала большое почтеніе матери, безграничную покорность императрицѣ, отмѣнное уваженіе великому князю и изыскивала

Моё обхожденіе со всѣми.

со всѣмъ старанiемъ средства прiобрѣсти расположенiе общества. Императрица въ Москвѣ дала мнѣ фрейлинъ и кавалеровъ, составлявшихъ мой дворъ; немного времени спустя послѣ ея прiѣзда въ Петербургъ она дала мнѣ русскихъ горничныхъ, чтобы, какъ она говорила, облегчить мнѣ усвоенiе русскаго языка. Этимъ я была очень довольна, все это были молодыя дѣвушки, изъ которыхъ самой старшей было около двадцати лѣтъ. Всѣ эти дѣвушки были очень веселыя, такъ что съ этой минуты я то и дѣло пѣла, танцовала и рѣзвилась въ моей комнатѣ съ минуты пробужденiя и до самаго сна. Вечеромъ, послѣ ужина, я впускала къ себѣ своихъ трехъ фрейлинъ, двухъ княженъ Гагариныхъ и дѣвицу Кошелеву, и мы играли въ жмурки и въ разныя другiя соотвѣтствующiя нашему возрасту игры. Всѣ эти дѣвушки смертельно боялись графини Румянцовой, но такъ какъ она играла въ карты съ утра до вечера въ передней или у себя, вставая со стула только за своею надобностью, то она рѣдко входила ко мнѣ. Среди всѣхъ нашихъ забавъ мнѣ вздумалось распредѣлить уходъ за моими вещами между моими женщинами: я оставила мои деньги, расходъ и бѣлье на рукахъ дѣвицы Шенкъ, горничной, привезенной изъ Германiи. Это была глупая и ворчливая старая дѣва, которой очень не нравилась наша веселость; кромѣ того, она ревновала меня ко всѣмъ своимъ молодымъ товаркамъ, которымъ приходилось раздѣлять ея обязанности и мою привязанность. Я отдала ключи отъ моихъ брильянтовъ Марiи Петровнѣ Жуковой; эта послѣдняя, будучи умнѣе, веселѣе и откровеннѣе остальныхъ, начинала уже входить ко мнѣ въ довѣрiе. Платья я поручила моему камердинеру Тимоѳею Евреинову; кружева дѣвицѣ Балкъ [1]), которая потомъ вышла за поэта Сумарокова. Ленты мои были сданы дѣвицѣ Скороходовой старшей, вышедшей потомъ замужъ за Аристарха Кашкина; младшая ея сестра, Анна, ничего не получила, потому что

Мнѣ даютъ русскихъ горничныхъ.

Распорядокъ, какой я устроила.

[1]) Въ подлинникѣ — Balcof.

ей было всего лѣтъ тринадцать или четырнадцать. На другой день послѣ установленія этого чуднаго порядка, при которомъ я проявила мою полную власть въ своей комнатѣ, не испрашивая совѣта ни единой души, вечеромъ было представленіе; чтобы туда пойти, надо было проходить черезъ покои матери. Императрица, великій князь и весь дворъ пришли туда; въ манежѣ, служившемъ во времена императрицы Анны для герцога Курляндскаго, покои котораго я занимала, былъ устроенъ маленькій театръ. Послѣ представленія, когда императрица вернулась къ себѣ, графиня Румянцова пришла въ мою комнату и сказала, что императрица не одобряетъ того, что я распредѣлила уходъ за моими вещами между моими женщинами и что ей приказано отнять ключи отъ моихъ брильянтовъ изъ рукъ Жуковой и отдать Шенкъ, что она и сдѣлала въ моемъ присутствіи, послѣ чего ушла и оставила насъ, Жукову и меня, съ немного вытянутыми лицами, а Шенкъ торжествующею отъ довѣрія, оказаннаго ей императрицею. Шенкъ стала принимать со мной вызывающій видъ, что дѣлало ее еще глупѣе и менѣе пріятной, чѣмъ когда-либо. На первой недѣлѣ Великаго поста у меня была очень странная сцена съ великимъ княземъ. Утромъ, когда я была въ своей комнатѣ со своими женщинами, которыя всѣ были очень набожны, и слушала утреню, которую служили у меня въ передней, ко мнѣ явилось посольство отъ великаго князя; онъ прислалъ мнѣ своего карлу съ порученіемъ спросить у меня, какъ мое здоровье, и сказать, что въ виду поста онъ не придетъ въ этотъ день ко мнѣ. Карла засталъ насъ всѣхъ слушающими молитвы и точно исполняющими предписанія поста, по нашему обряду. Я отвѣтила великому князю черезъ карлу обычнымъ привѣтствіемъ, и онъ ушелъ. Карла, вернувшись въ комнату своего хозяина, потому ли, что онъ дѣйствительно проникся уваженіемъ къ тому, что онъ видѣлъ, или потому, что онъ хотѣлъ посовѣтовать своему дорогому владыкѣ и хозяину, который былъ менѣе всего набоженъ, дѣлать то же,

Императрица не одобряетъ моего распорядка.

Сцена съ великимъ княземъ изъ-за набожности.

или просто по легкомыслію, сталъ расхваливать набожность, царившую у меня въ комнатахъ, и этимъ вызвалъ въ немъ дурное противъ меня расположеніе духа. Въ первый разъ, какъ я увидѣла великаго князя, онъ началъ съ того, что надулся на меня; когда я спросила, какая тому причина, онъ сталъ очень меня бранить за излишнюю набожность, въ которую, по его мнѣнію, я впала. Я спросила, кто это ему сказалъ. Тогда онъ мнѣ назвалъ своего карлу, какъ свидѣтеля-очевидца. Я сказала ему, что не дѣлала больше того, что требовалось и чему всѣ подчинялись и отъ чего нельзя было уклониться безъ скандала; но онъ былъ противнаго мнѣнія. Этотъ споръ кончился, какъ и большинство споровъ кончаются, т. е. тѣмъ, что каждый остался при своемъ мнѣніи, и Его Императорское Высочество, не имѣя за обѣдней никого другого, съ кѣмъ бы поговорить, кромѣ меня, понемногу пересталъ на меня дуться. Два дня спустя случилась другая тревога. Утромъ, въ то время, какъ у меня служили заутреню, дѣвица Шенкъ, растерянная, вошла ко мнѣ и сказала, что съ матерью нехорошо, что она въ обморокѣ; я тотчасъ же побѣжала туда и нашла ее лежащею на полу, на матрацѣ, но уже очнувшейся. Я позволила себѣ спросить, что съ нею, она мнѣ сказала, что хотѣла пустить себѣ кровь, но что хирургъ былъ настолько неловокъ, что промахнулся четыре раза и на обѣихъ рукахъ и на обѣихъ ногахъ, и что она упала въ обморокъ. Я знала, что она, впрочемъ, боится кровопусканія, но я не знала, что она имѣла намѣреніе пустить себѣ кровь, ни того даже, что это ей было нужно; однако она стала меня упрекать, что я не принимаю участія въ ея состояніи, и наговорила мнѣ кучу непріятныхъ вещей по этому поводу. Я извинялась, какъ могла, сознаваясь въ своемъ невѣдѣніи, но, видя, что она очень сердится, я замолчала и старалась удержать слезы и ушла только тогда, когда она мнѣ это приказала съ явной досадой. Когда я вернулась въ слезахъ къ себѣ въ комнату, женщины мои хотѣли узнать тому причину, которую я

Другая тревога.

Я всегда избѣгала быть кому бы то ни было въ тягость.

имъ попросту и объяснила. Я ходила нѣсколько разъ въ день въ покои матери и оставалась тамъ сколько нужно, чтобы не быть ей въ тягость; въ отношеніи къ ней это было весьма существенно и къ этому я такъ привыкла, что нѣтъ ничего, чего бы я такъ избѣгала въ моей жизни, какъ быть въ тягость, и всегда удалялась въ ту минуту, когда у меня въ умѣ зарождалось подозрѣніе, что я могу быть въ тягость и слѣдовательно нагонять тоску. Но знаю по опыту, что не всѣ держатся этого правила, потому что мое терпѣніе часто подвергали испытанію тѣ, кто не умѣетъ уйти прежде. чѣмъ сдѣлаться въ тягость или нагнать тоску. Постомъ мать испытала очень существенное огорченіе. Она получила извѣстіе въ минуту, когда всего менѣе его ожидала, что ея дочь, моя младшая сестра Елисавета, умерла внезапно, когда ей было года три-четыре. Она этимъ была очень опечалена, я тоже ее оплакивала. Нѣсколько дней спустя, въ одно прекрасное утро, императрица вошла ко мнѣ въ комнату. Она послала за матерью и вошла съ нею въ мою уборную, гдѣ онѣ обѣ наединѣ имѣли длинный разговоръ, послѣ котораго онѣ возвратились въ мою спальную, и я увидѣла, что у матери глаза очень красные и въ слезахъ, вслѣдствіе разговора. Я поняла, что у нихъ былъ поднятъ вопросъ о послѣдовавшей кончинѣ Карла VII, императора изъ Баварскаго дома, о чемъ императрица только что получила извѣстіе. Императрица еще не была тогда въ союзѣ и она колебалась между союзомъ съ королемъ Прусскимъ и Австрійскимъ домомъ, изъ коихъ каждый имѣлъ своихъ сторонниковъ; императрица имѣла одинаковые поводы къ неудовольствію противъ Австрійскаго дома и противъ Франціи, къ которой тяготѣлъ Прусскій король, и если маркизъ Ботта, посланникъ Вѣнскаго двора, былъ отосланъ изъ Россіи за дурные разговоры насчетъ императрицы, что въ свое время постарались свести на заговоръ, то и маркизъ де-ла-Шетарди былъ изгнанъ на тѣхъ же основаніяхъ. Не знаю цѣли этого разговора; но мать, казалось, возложила на него большія надежды и

Императрица приходитъ въ мою комнату во время поста.

вышла очень довольная; она вовсе не склонялась тогда на сторону Австрійскаго дома; что меня касается, во всемъ этомъ я была зрителемъ очень безучастнымъ, очень осторожнымъ и почти равнодушнымъ. Послѣ Пасхи, когда весна установилась, я выразила графинѣ Румянцовой желаніе учиться ѣздить верхомъ; она получила на это для меня разрѣшеніе императрицы; къ концу года у меня начались боли въ груди послѣ плеврита, который у меня былъ по пріѣздѣ въ Москву, и я продолжала быть очень худой; доктора посовѣтовали мнѣ пить каждое утро молоко съ сельтерской водой. Я взяла мой первый урокъ верховой ѣзды на дачѣ графини Румянцовой, въ казармахъ Измайловскаго полка; я уже нѣсколько разъ ѣздила верхомъ въ Москвѣ, но очень плохо. Въ маѣ мѣсяцѣ императрица съ великимъ княземъ переѣхала на жительство въ Лѣтній дворецъ; намъ съ матерью отвели для житья каменное строеніе, находившееся тогда вдоль Фонтанки и прилегавшее къ дому Петра I. Мать жила въ одной сторонѣ этого зданія, я въ другой. Тутъ кончились частыя посѣщенія великаго князя. Онъ велѣлъ одному слугѣ прямо сказать мнѣ, что живетъ слишкомъ далеко отъ меня, чтобы часто приходить ко мнѣ; я отлично почувствовала, какъ онъ мало занятъ мною, и какъ мало я любима; мое самолюбіе и тщеславіе страдали отъ этого втайнѣ, но я была слишкомъ горда, чтобы жаловаться; я считала бы себя униженной, если бы мнѣ выразили участіе, которое я могла бы принять за жалость. Однако, когда я была одна, я заливалась слезами, отирала ихъ потихоньку и шла потомъ рѣзвиться съ моими женщинами. Мать тоже обращалась со мной очень холодно и церемонно; но я не упускала случая ходить къ ней нѣсколько разъ въ день; въ душѣ я очень тосковала, но остерегалась говорить объ этомъ. Однако Жукова замѣтила какъ-то мои слезы и сказала мнѣ объ этомъ; я привела наилучшія основанія, не высказывая ей истинныхъ. Я больше чѣмъ когда-либо старалась пріобрѣсти привязанность всѣхъ вообще, отъ мала до велика; я никѣмъ не

У меня начались боли въ груди.

Конецъ частымъ посѣщеніямъ великаго князя.

Моя тоска.

пренебрегала со своей стороны и поставила себѣ за правило считать, что мнѣ всѣ нужны, и поступать сообразно съ этимъ, чтобы снискать себѣ всеобщее благорасположеніе, въ чемъ и успѣла. Послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ Лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ стали говорить о приготовленіяхъ къ моей свадьбѣ, дворъ переѣхалъ на житье въ Петергофъ, гдѣ онъ больше былъ въ сборѣ, нежели въ городѣ. Императрица и великій князь жили наверху въ домѣ, который выстроилъ Петръ I; мы съ матерью внизу, подъ комнатами великаго князя; мы обѣдали съ нимъ каждый день подъ парусиннымъ навѣсомъ на открытой галлереѣ, прилегающей къ его комнатамъ; онъ ужиналъ у насъ. Императрица была часто въ отъѣздѣ, разъѣзжая то туда, то сюда, по разнымъ принадлежавшимъ ей дачамъ. Мы дѣлали частыя прогулки пѣшкомъ, верхомъ и въ каретѣ. Мнѣ тутъ стало ясно, какъ день, что всѣ приближенные великаго князя, а именно его воспитатели, утратили надъ нимъ всякое вліяніе и авторитетъ; свои военныя игры, которыя онъ раньше скрывалъ, теперь онъ производилъ чуть ли не въ ихъ присутствіи. Графъ Брюммеръ и старшій воспитатель видѣли его почти только въ публикѣ, находясь въ его свитѣ. Остальное время онъ буквально проводилъ въ обществѣ своихъ слугъ, въ ребячествахъ, неслыханныхъ въ его возрастѣ, такъ какъ онъ игралъ въ куклы. Мать пользовалась отсутствіемъ императрицы, чтобы ѣздить ужинать на окрестныя дачи, а именно къ принцу и принцессѣ Гессенъ-Гомбургскимъ. Однажды вечеромъ, когда она отправилась туда верхомъ, а я сидѣла послѣ ужина въ своей комнатѣ, которая была вровень съ садомъ и одна изъ дверей которой туда выходила, я соблазнилась чудной погодой и предложила своимъ женщинамъ и тремъ фрейлинамъ пойти прогуляться по саду. Мнѣ не трудно было ихъ убѣдить; насъ было восьмеро, мой камердинеръ девятый и двое другихъ лакеевъ, которые слѣдовали за нами; мы прогуляли до полуночи самымъ невиннымъ образомъ; когда мать вернулась, Шенкъ, которая отказалась итти гулять

Пребываніе въ Петергофѣ.

съ нами, ворча противъ придуманной нами прогулки, поспѣшила пойти сказать матери, что я пошла гулять, несмотря на ея доводы. Мать легла, и когда я вернулась со всей своей компаніей, Шенкъ сказала мнѣ съ торжествующимъ видомъ, что мать два раза посылала узнавать, вернулась ли я, потому что ей надо было со мной поговорить, и такъ какъ было очень поздно и она очень устала дожидаться меня, то она легла; я хотѣла тотчасъ же бѣжать къ матери, но дверь ея оказалась запертой. Я сказала Шенкъ, что она могла бы велѣть позвать меня; она увѣряла, что не нашла бы насъ, но все это были только ея штуки, чтобы поссориться со мной, дабы меня побранить; я это отлично чувствовала и легла спать съ большимъ безпокойствомъ относительно завтрашняго дня. Какъ только я проснулась, я пошла къ матери, которую нашла въ постели; я хотѣла подойти, чтобъ поцѣловать ей руку, но она отдернула ее съ большимъ гнѣвомъ и страшно стала меня бранить за то, что я посмѣла гулять вечеромъ безъ ея позволенія. Я ей сказала, что ея не было дома. Она назвала часъ неурочнымъ, и не знаю, чего только она ни выдумывала, чтобы огорчить меня, вѣроятно, съ цѣлью отбить у меня охоту къ ночнымъ прогулкамъ; но что было вѣрнаго, такъ это то, что прогулка эта могла быть неосторожностью, но что она была невиннѣйшей на свѣтѣ. Что меня больше всего огорчило, такъ это обвиненіе въ томъ, что мы поднимались въ покои великаго князя. Я сказала ей, что это гнусная клевета, на что она такъ разсердилась, что казалась внѣ себя. Хоть я и встала на колѣни, чтобы смягчить ея гнѣвъ, но она назвала мою покорность комедіей и выгнала меня вонъ изъ комнаты. Я вернулась къ себѣ въ слезахъ; въ часъ обѣда я поднялась съ матерью, все еще очень сердитой, наверхъ въ покои великаго князя, который спросилъ, что со мною, потому что у меня красные глаза. Я ему правдиво разсказала, что произошло; онъ взялъ на этотъ разъ мою сторону и сталъ обвинять мою мать въ капризахъ и вспышкахъ; я просила его не гово-

рить ей объ этомъ, что онъ и сдѣлалъ, и мало-по-малу гнѣвъ ея прошелъ, но она со мной все такъ же холодно обходилась. Изъ Петергофа, къ концу іюля, мы вернулись въ городъ, гдѣ все приготовлялось къ празднованію нашей свадьбы. Наконецъ 21-е августа было назначено императрицей для этой церемоніи. По мѣрѣ того, какъ этотъ день приближался, моя грусть становилась все болѣе и болѣе глубокой, сердце не предвѣщало мнѣ большого счастья, одно честолюбіе меня поддерживало; въ глубинѣ души у меня было что-то, что не позволяло мнѣ сомнѣваться ни минуты въ томъ, что рано или поздно мнѣ самой по себѣ удастся стать самодержавной Русской императрицей. Свадьба была отпразднована съ большой пышностью и великолѣпіемъ. Вечеромъ я нашла въ своихъ покояхъ Крузе, сестру старшей камерфрау императрицы, которая помѣстила ее ко мнѣ въ качествѣ старшей камерфрау. На слѣдующій же день я замѣтила, что эта женщина приводила въ ужасъ всѣхъ остальныхъ моихъ женщинъ, потому что когда я хотѣла приблизиться къ одной изъ нихъ, чтобы по обыкновенію поговорить съ ней, она мнѣ сказала: «Бога ради не подходите ко мнѣ, намъ запрещено говорить съ вами вполголоса». Съ другой стороны, мой милый супругъ вовсе не занимался мною, но постоянно игралъ со своими слугами въ солдаты, дѣлая имъ въ своей комнатѣ ученья и мѣняя по двадцати разъ на дню свой мундиръ. Я зѣвала, скучала, потому что не съ кѣмъ было говорить, или же я была на выходахъ. На третій день моей свадьбы, который долженъ былъ быть днемъ отдыха, графиня Румянцова прислала мнѣ сказать, что императрица уволила ее отъ должности при мнѣ и что она возвратится жить къ себѣ домой съ мужемъ и дѣтьми. Объ этомъ ни я, да и никто другой не очень сожалѣли, потому что она подавала поводъ ко многимъ пересудамъ. Свадебныя торжества продолжались десять дней, по истеченіи коихъ мы съ великимъ княземъ переѣхали на житье въ Лѣтній дворецъ, гдѣ жила императрица, и начали поговаривать объ отъѣздѣ матери, ко-

Свадьба.

Предчувствіе.

Графиню Румянцову увольняютъ отъ ея должности.

торую я со своей свадьбы не каждый день видѣла, но которая очень смягчилась по отношенію ко мнѣ въ это время. Къ концу сентября она уѣхала, мы съ великимъ княземъ проводили ее до Краснаго Села. Ея отъѣздомъ я очень искренно огорчилась, я много плакала; когда она уѣхала, мы вернулись въ городъ. Возвратившись въ Лѣтній дворецъ, я велѣла позвать свою дѣвушку Жукову; мнѣ сказали, что она пошла къ своей матери, которая захворала; на слѣдующій день утромъ тотъ же вопросъ съ моей стороны, тотъ же отвѣтъ со стороны моихъ женщинъ. Около полудня императрица переѣхала съ большою пышностью изъ лѣтняго жилища въ зимнее, мы послѣдовали за ней въ ея покои. Прибывъ въ свою парадную опочивальную, она тамъ остановилась и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ стала говорить объ отъѣздѣ моей матери; казалось, ласково сказала мнѣ по этому поводу, чтобы я умѣрила свое огорченіе, но каково было мое изумленіе, когда она мнѣ сказала громко, въ присутствіи человѣкъ тридцати, что по просьбѣ моей матери она удалила отъ меня Жукову, потому что мать боялась, чтобы я не привязалась слишкомъ къ особѣ, которая этого такъ мало заслуживаетъ, и послѣ этого стала поносить бѣдную Жукову съ замѣтной злобой. По правдѣ говоря, я ничего не поняла изъ этой сцены и не была убѣждена въ томъ, что утверждала императрица, но была глубоко огорчена несчастьемъ Жуковой, удаленной отъ двора единственно за то, что она за свой общительный характеръ нравилась мнѣ больше, чѣмъ другія мои женщины; ибо, говорила я про себя, зачѣмъ же ее помѣстили ко мнѣ, если она не была того достойна; мать не могла ея знать, такъ кàкъ не могла съ ней даже говорить, не зная по-русски, а Жукова не знала другого языка. Мать могла только полагаться на вздорныя розсказни Шенкъ, у которой даже не было здраваго смысла; эта дѣвушка страдаетъ изъ-за меня, слѣдовательно, не надо покидать ее въ ея несчастіи, коего единственная причина—моя привязанность къ ней. Я никогда не могла

Увольненіе Жуковой.

выяснить, дѣйствительно ли мать просила императрицу удалить отъ меня эту особу; если это такъ, то мать предпочла насильственные пути мирнымъ, потому что никогда рта не открывала относительно этой дѣвушки; а между тѣмъ одного слова съ ея стороны было бы достаточно, чтобъ остеречь меня противъ привязанности, въ концѣ концовъ очень невинной; съ другой стороны, императрица могла тоже приняться за это дѣло не столь круто: эта дѣвушка была молода, стоило только подыскать ей подходящую партію, что было бы очень легко, а вмѣсто того поступили, какъ я только что разсказала. Когда императрица насъ отпустила, мы съ великимъ княземъ прошли въ наши покои. По дорогѣ я увидала, что то, что императрица сказала, расположило ея племянника въ пользу того, что только что было сдѣлано; я высказала ему свои возраженія по этому поводу и дала почувствовать, что эта дѣвушка несчастна исключительно потому, что предполагали, что я имѣла къ ней пристрастіе и что такъ какъ она страдала ради меня, то я считала себя въ правѣ не покидать ее, насколько это будетъ по крайней мѣрѣ отъ меня зависѣть. Дѣйствительно, я послала ей тотчасъ же со своимъ камердинеромъ денегъ, но онъ мнѣ сказалъ, что она уже уѣхала со своею матерью въ Москву; я приказала послать ей то, что я ей назначила, черезъ ея брата, сержанта гвардіи; пришли мнѣ сказать, что этотъ человѣкъ съ женою получили приказаніе также уѣхать и что его перевели офицеромъ въ одинъ изъ полевыхъ полковъ. Въ настоящее время мнѣ трудно найти всему этому сколько-нибудь уважительную причину, и, мнѣ кажется, что это значило зря дѣлать зло изъ прихоти, безъ малѣйшаго основанія и даже безъ повода. Но дѣло на этомъ не стало: черезъ своего камердинера и черезъ другихъ своихъ людей я старалась отыскать для Жуковой какую-нибудь приличную партію: мнѣ предложили одного, гвардіи сержанта, дворянина, имѣвшаго нѣкоторое состояніе, по имени Травина: онъ поѣхалъ въ

Москву, чтобъ на ней жениться, если ей понравится; она приняла его предложеніе, его сдѣлали поручикомъ въ одномъ полевомъ полку; какъ только императрица это узнала, она сослала ихъ въ Астрахань. Этому преслѣдованію еще труднѣе найти основанія. Въ Зимнемъ дворцѣ мы помѣщались, великій князь и я, въ покояхъ, которые послужили для моей свадьбы, покои великаго князя были отдѣлены отъ моихъ громадной лѣстницей, которая также вела въ покои императрицы; чтобы итти къ нему или ему ко мнѣ, нужно было проходить черезъ крыльцо этой лѣстницы, что не было очень-то удобно, особенно зимою; однако и онъ и я дѣлали этотъ путь много разъ на дню; вечеромъ я ходила играть на бильярдѣ въ его передней съ оберъ-камергеромъ Бергхольцомъ, между тѣмъ какъ великій князь рѣзвился въ другой комнатѣ со своими кавалерами. Мои партіи на бильярдѣ были прерваны удаленіемъ Брюммера и Бергхольца, уволенныхъ императрицею отъ великаго князя къ концу зимы, которая прошла въ маскарадахъ въ главныхъ домахъ города, кои тогда были очень малы. На нихъ обыкновенно присутствовали дворъ и весь городъ. Послѣдній маскарадъ былъ данъ оберъ-полиціймейстеромъ Татищевымъ въ домѣ, принадлежавшемъ императрицѣ и называвшемся Смольнымъ дворцомъ; средина этого деревяннаго дома была уничтожена пожаромъ, оставались одни флигеля, которые были въ два этажа; въ одномъ танцовали, но чтобы итти ужинать, насъ заставили пройти, въ январѣ мѣсяцѣ, черезъ дворъ по снѣгу; послѣ ужина надо было опять продѣлать тотъ же путь. Великій князь, вернувшись домой, легъ, но на слѣдующій день проснулся съ сильной головной болью, изъ-за которой не могъ встать. Я послала за докторами, которые объявили, что это была жесточайшая горячка; его перенесли съ моей постели въ мою пріемную и, пустивъ ему кровь, уложили въ кровать, которую для этого тутъ же поставили. Ему было очень худо; ему не разъ пускали кровь; императрица навѣщала его нѣсколько разъ

1746.

Великій князь схватываетъ горячку.

на дню и, видя у меня на глазахъ слезы, была мнѣ за нихъ признательна. Однажды, когда я читала вечернія молитвы въ маленькой молельнѣ, находившейся возлѣ моей уборной, ко мнѣ вошла госпожа Измайлова, которую императрица очень любила. Она мнѣ сказала, что императрица, зная, какъ я опечалена болѣзнью великаго князя, прислала ее сказать мнѣ, чтобы я надѣялась на Бога, не огорчалась, и что она ни въ какомъ случаѣ меня не оставитъ. Измайлова спросила, что я читаю, я ей сказала: вечернія молитвы; она взяла мою книгу и сказала, что я испорчу себѣ глаза, читая при свѣчкѣ такой мелкій шрифтъ. Послѣ этого я попросила ее поблагодарить Ея Императорское Величество за ея милости ко мнѣ, и мы разстались очень дружелюбно, она пошла передать императрицѣ мое порученіе, а я—ложиться спать. На слѣдующій день императрица прислала мнѣ молитвенникъ, напечатанный крупными буквами, чтобы сберечь мнѣ глаза, какъ она говорила. Въ комнату великаго князя, въ ту, куда его помѣстили, хоть и смежную съ моею, я входила только тогда, когда не считала себя лишней, ибо я замѣтила, что ему не слишкомъ-то много дѣла до того, чтобы я тутъ была, и что онъ предпочиталъ оставаться со своими приближенными, которыхъ я, по правдѣ, тоже не любила; впрочемъ, я еще не привыкла проводить время совсѣмъ одна среди мужчинъ. Между тѣмъ наступилъ Великій постъ, я говѣла на первой недѣлѣ; вообще у меня было тогда расположеніе къ набожности. Я очень хорошо видѣла, что великій князь совсѣмъ меня не любитъ; черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы онъ мнѣ сказалъ, что влюбленъ въ дѣвицу Карръ, фрейлину императрицы, вышедшую потомъ замужъ за одного изъ князей Голицыныхъ, шталмейстера императрицы. Онъ сказалъ графу Дивьеру, своему камергеру, что не было и сравненія между этой дѣвицей и мною. Дивьеръ утверждалъ обратное, и онъ на него разсердился; эта сцена происходила почти въ моемъ присутствіи, и я видѣла эту ссору. Правду сказать, я говорила самой себѣ, что съ этимъ

человѣкомъ я непремѣнно буду очень несчастной, если я поддамся чувству любви къ нему, за которое такъ плохо платили, и что будетъ съ чего умереть отъ ревности безо всякой для кого бы то ни было пользы. Итакъ, я старалась изъ самолюбія заставить себя не ревновать къ человѣку, который меня не любитъ, но чтобы не ревновать его, не было иного средства, какъ не любить его. Если бы онъ хотѣлъ быть любимымъ, это было бы для меня не трудно: я отъ природы была склонна и привычна исполнять свои обязанности, но для этого мнѣ нужно было бы имѣть мужа со здравымъ смысломъ, а у моего этого не было. Я постилась въ первую недѣлю Великаго поста; императрица велѣла мнѣ сказать въ субботу, что я доставлю ей удовольствіе, если буду поститься и вторую недѣлю; я велѣла отвѣтить Ея Величеству, что прошу ее разрѣшить мнѣ поститься весь постъ. Гофмаршалъ императрицы Сиверсъ, зять Крузе, который передавалъ эти слова, сказалъ мнѣ, что императрица получила отъ этой просьбы истинное удовольствіе и что она мнѣ это разрѣшаетъ. Когда великій князь узналъ, что я все постничаю, онъ сталъ меня очень бранить; я сказала ему, что не могу поступать иначе; когда ему стало лучше, онъ еще долго разыгрывалъ больного, чтобы не выходить изъ комнаты, гдѣ ему больше нравилось быть, чѣмъ на придворныхъ выходахъ. Онъ вышелъ только въ послѣднюю недѣлю поста, когда и говѣлъ. Послѣ Пасхи онъ устроилъ театръ маріонетокъ въ своей комнатѣ и приглашалъ туда гостей и даже дамъ. Эти спектакли были глупѣйшею вещью на свѣтѣ. Въ комнатѣ, гдѣ находился театръ, одна дверь была заколочена, потому что эта дверь выходила въ комнату, составлявшую часть покоевъ императрицы, гдѣ былъ столъ съ подъемной машиной, который можно было подымать и опускать, чтобы обѣдать безъ прислуги. Однажды великій князь, находясь въ своей комнатѣ за приготовленіями къ своему такъ называемому спектаклю, услышалъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ и, такъ какъ онъ обладалъ легкомысленной живостью, взялъ отъ своего театра

Безразсудство великаго князя.

плотничій инструментъ, которымъ обыкновенно просверливаютъ дыры въ доскахъ, и понадѣлалъ дыръ въ заколоченной двери, такъ что увидѣлъ все, что тамъ происходило, а именно, какъ обѣдала императрица, какъ обѣдалъ съ нею оберъ-егермейстеръ Разумовскій въ парчевомъ шлафрокѣ,—онъ въ этотъ день принималъ лекарство,—и еще человѣкъ двѣнадцать изъ наиболѣе довѣренныхъ императрицы. Его Императорское Высочество, не довольствуясь тѣмъ, что самъ наслаждается плодомъ своихъ искусныхъ трудовъ, позвалъ всѣхъ, кто былъ вокругъ него, чтобы и имъ дать насладиться удовольствіемъ посмотрѣть въ дырки, которыя онъ такъ искусно продѣлалъ. Онъ сдѣлалъ больше: когда онъ самъ и всѣ тѣ, которые были возлѣ него, насытили свои глаза этимъ нескромнымъ удовольствіемъ, онъ явился пригласить Крузе, меня и моихъ женщинъ зайти къ нему, дабы посмотрѣть нѣчто, чего мы никогда не видѣли. Онъ не сказалъ намъ, что это было такое, вѣроятно, чтобы сдѣлать намъ пріятный сюрпризъ. Такъ какъ я не такъ спѣшила, какъ ему того хотѣлось, то онъ увелъ Крузе и другихъ моихъ женщинъ; я пришла послѣдней и увидѣла ихъ расположившимися у этой двери, гдѣ онъ наставилъ скамеекъ, стульевъ, скамеечекъ, для удобства зрителей, какъ онъ говорилъ. Войдя, я спросила, что это было такое, онъ побѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу и сказалъ мнѣ, въ чемъ дѣло; меня испугала и возмутила его дерзость и я сказала ему, что я не хочу ни смотрѣть, ни участвовать въ такомъ скандалѣ, который, конечно, причинитъ ему большія непріятности, если тетка его узнаетъ, и что трудно, чтобы она этого не узнала, потому что онъ посвятилъ по крайней мѣрѣ двадцать человѣкъ въ свой секретъ; всѣ, кто соблазнился посмотрѣть черезъ дверь, видя, что я не хочу дѣлать того же, стали другъ за дружкой выходить изъ комнаты; великому князю самому стало немного неловко отъ того, что онъ надѣлалъ, и онъ снова принялся за работу для своего кукольнаго театра, а я пошла къ себѣ. До воскресенья мы не слышали никакихъ разго-

воровъ; но въ этотъ день, не знаю, какъ это случилось, я пришла къ обѣднѣ нѣсколько позже обыкновеннаго; вернувшись въ свою комнату, я собиралась снять свое придворное платье, когда увидѣла, что идетъ императрица, съ очень разгнѣваннымъ видомъ и немного красная; такъ какъ она не была за обѣдней въ придворной церкви, а присутствовала при богослуженіи въ своей малой домашней церкви, то я, какъ только ее увидѣла, пошла по обыкновенію къ ней навстрѣчу, не видавъ ея еще въ этотъ день, поцѣловать ей руку; она меня поцѣловала, приказала позвать великаго князя, а пока побранила за то, что я опаздываю къ обѣднѣ и оказываю предпочтеніе нарядамъ передъ Господомъ Богомъ; она прибавила, что во времена императрицы Анны, хоть она и не жила при дворѣ, но въ своемъ домѣ, довольно отдаленномъ отъ дворца, никогда не нарушала своихъ обязанностей, что часто для этого вставала при свѣчахъ; потомъ она велѣла позвать моего камердинера - парикмахера и сказала ему, что если онъ впредь будетъ причесывать меня съ такою медлительностью, то она его прогонитъ; когда она съ нимъ покончила, великій князь, который раздѣлся въ своей комнатѣ, пришелъ въ шлафрокѣ и съ ночнымъ колпакомъ въ рукѣ, съ веселымъ и развязнымъ видомъ, и подбѣжалъ къ рукѣ императрицы, которая поцѣловала его и начала тѣмъ, что спросила, откуда у него хватило смѣлости сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ; [затѣмъ сказала], что она вошла въ комнату, гдѣ была машина, и увидѣла дверь, всю просверленную; что всѣ эти дырки были направлены къ тому мѣсту, гдѣ она сидитъ обыкновенно; что, вѣрно, дѣлая это, онъ позабылъ все, чѣмъ ей обязанъ; что она не можетъ смотрѣть на него иначе, какъ на неблагодарнаго; что отецъ ея, Петръ I, имѣлъ тоже неблагодарнаго сына; что онъ наказалъ его, лишивъ его наслѣдства; что во времена императрицы Анны она всегда выказывала ей уваженіе, подобающее вѣнчанной главѣ и помазанницѣ Божіей; что эта императрица не любила шутить и сажала въ крѣпость

Гнѣвъ императрицы по этому поводу.

тѣхъ, кто не оказывалъ ей уваженія; что онъ мальчишка, котораго она сумѣетъ проучить. Тутъ онъ началъ сердиться и хотѣлъ ей возражать, для чего и пробормоталъ нѣсколько словъ, но она приказала ему молчать и такъ разъярилась, что не знала уже мѣры своему гнѣву, что съ ней обыкновенно случалось, когда она сердилась, и наговорила ему обидныхъ и оскорбительныхъ вещей, выказывая ему столько же презрѣнія, сколько гнѣва. Мы остолбенѣли и были смущены оба, и хотя эта сцена не относилась прямо ко мнѣ, у меня слезы выступили на глаза; она замѣтила это и сказала мнѣ: «То, что я говорю, къ вамъ не относится; я знаю, что вы не принимали участія въ томъ, что онъ сдѣлалъ, и что вы не подсматривали и не хотѣли подсматривать черезъ дверь». Это справедливо выведенное ею заключеніе успокоило ее немного, и она замолчала; правда, трудно было прибавить еще что-нибудь къ тому, что она только что сказала; послѣ чего она намъ поклонилась и ушла къ себѣ очень раскраснѣвшаяся и со сверкающими глазами. Великій князь пошелъ къ себѣ, а я стала молча снимать платье, раздумывая обо всемъ, только что слышанномъ. Когда я раздѣлась, великій князь пришелъ ко мнѣ и сказалъ тономъ на половину смущеннымъ, на половину насмѣшливымъ: «Она была точно фурія и не знала, что говоритъ». Я ему отвѣтила: «Она была въ чрезвычайномъ гнѣвѣ». Мы перебрали съ нимъ только что слышанное, затѣмъ отобѣдали лишь вдвоемъ у меня въ комнатѣ. Когда великій князь ушелъ къ себѣ, Крузе вошла ко мнѣ и сказала: «Надо признаться, что императрица поступила сегодня, какъ истинная мать!». Я видѣла, что ей хотѣлось вызвать меня на разговоръ, и потому замолчала. Она сказала: «Мать сердится и бранитъ дѣтей, а потомъ это проходитъ, вы должны были бы сказать ей оба: Виноваты, матушка, и вы бы ее обезоружили». Я ей сказала, что была смущена и изумлена гнѣвомъ Ея Величества, и что все, что я могла сдѣлать въ ту минуту, такъ это лишь слушать и

Совѣтъ Крузе.

молчать. Она ушла отъ меня, вѣроятно, чтобы сдѣлать свой докладъ. Что касается меня, то слова: «виноваты, матушка», какъ средство, чтобы обезоружить гнѣвъ императрицы, запали мнѣ въ голову, и съ тѣхъ поръ я пользовалась ими при случаѣ съ успѣхомъ, какъ будетъ видно дальше. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, какъ императрица отставила графа Брюммера и оберъ-камергера Бергхольца отъ занимаемыхъ ими при великомъ князѣ должностей, однажды, когда я вышла утромъ ранѣе обыкновеннаго въ переднюю, первый изъ нихъ, находясь тамъ какъ бы наединѣ, воспользовался случаемъ поговорить со мною и сталъ просить и заклинать, чтобы я ходила каждое утро въ уборную императрицы, такъ какъ мать моя, передъ отъѣздомъ, добыла на то для меня разрѣшеніе—преимущество, которымъ я очень мало пользовалась до сихъ поръ, потому что это преимущество мнѣ надоѣдало; я ходила туда разъ или два, заставала тамъ женщинъ императрицы, которыя мало-по-малу удалялись, такъ что я оставалась одна; я ему сказала это; онъ мнѣ отвѣтилъ, что это ничего не значитъ, что надо продолжать. По правдѣ говоря, я ничего не понимала въ этой настойчивости царедворца; это могло служить для его цѣлей, но ни къ чему не могло послужить мнѣ, если бы я торчала въ уборной императрицы, да еще была бы ей въ тягость. Я высказала графу Брюммеру свое отвращеніе, но онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы меня убѣдить, но безуспѣшно. Мнѣ больше нравилось быть въ своихъ покояхъ и особенно, когда Крузе тамъ не было. Я открыла въ ней нынѣшней зимою очень опредѣленную слабость къ вину, и такъ какъ она вскорѣ выдала свою дочь за гофмаршала Сиверса, то или она постоянно уходила, или мои люди находили способы ее напаивать, затѣмъ она шла спать, что освобождало мою комнату отъ этого сварливаго Аргуса. Такъ какъ графъ Брюммеръ и оберъ-камергеръ Бергхольцъ были отставлены отъ должностей при великомъ князѣ, то императрица назначила состоять при великомъ князѣ генерала князя Василія Репнина. Это назначеніе было,

Слабость Крузе къ крѣпкимъ напиткамъ.

Гр. Брюммеръ и Бергхольцъ отставлены отъ своихъ должностей.

Князь Василій Репнинъ ихъ замѣняетъ.

конечно, наилучшимъ, что только могла сдѣлать императрица, потому что князь Репнинъ не только былъ человѣкъ порядочный и честный, но также очень умный и благородный, съ душой чистой и искренней. Лично въ глубинѣ души я могла быть лишь очень довольна обхожденіемъ князя Репнина; что касается графа Брюммера, то я о немъ не очень-то жалѣла; онъ мнѣ надоѣдалъ своими вѣчными разговорами о политикѣ, которые отзывались интригой, тогда какъ открытый и военный характеръ князя Репнина внушалъ мнѣ довѣріе. Что касается великаго князя, то онъ былъ въ восторгѣ, что отдѣлался отъ своихъ педагоговъ, которыхъ ненавидѣлъ; однако послѣдніе, покидая его, порядкомъ напугали его тѣмъ, что оставляли его на произволъ интригъ графа Бестужева, который былъ главной пружиной всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, какія подъ благовиднымъ предлогомъ совершеннолѣтія Его Императорскаго Высочества производились въ его Голштинскомъ герцогствѣ; принцъ Августъ, мой дядя, все еще былъ въ Петербургѣ и подкарауливалъ управленіе наслѣдственнымъ владѣніемъ великаго князя. Въ маѣ мѣсяцѣ мы перешли въ Лѣтній дворецъ; въ концѣ мая

Чоглокова назначена моей главной надзирательницей.

императрица приставила ко мнѣ главной надзирательницей Чоглокову, одну изъ своихъ статсъ-дамъ и свою родственницу; это меня какъ громомъ поразило, эта дама была совершенно предана графу Бестужеву, очень грубая, злая, капризная и очень корыстная. Ея мужъ, камергеръ императрицы, уѣхалъ тогда, не знаю съ какимъ-то порученіемъ, въ

Мое огорченіе по этому поводу.

Вѣну; я много плакала, видя, какъ она переѣзжаетъ, и также во весь остальной день; на слѣдующій день мнѣ должны были пустить кровь. Утромъ, до кровопусканія, императрица вошла

Что императрица сказала мнѣ по этому поводу.

въ мою комнату и, видя, что у меня красные глаза, она мнѣ сказала, что молодыя жены, которыя не любятъ своихъ мужей, всегда плачутъ, что мать моя, однако, увѣряла ее, что мнѣ не былъ противенъ бракъ съ великимъ княземъ, что, впрочемъ, она меня къ тому бы не принуждала, а

Примѣненіе совѣта Крузе.

разъ я замужемъ, то не надо больше плакать. Я вспомнила наставленіе Крузе и сказала: «Виновата, матушка», и она

успокоилась. Тѣмъ временемъ пришелъ великій князь, съ которымъ она на этотъ разъ ласково поздоровалась, затѣмъ она ушла. Мнѣ пустили кровь, въ чемъ я въ ту пору очень нуждалась. На слѣдующій день великій князь отвелъ меня днемъ въ сторону, и я ясно увидала, что ему дали понять, что Чоглокова приставлена ко мнѣ, потому что я не люблю его, великаго князя; но я не понимаю, какъ могли думать объ усиленіи моей нѣжности къ нему тѣмъ, что дали мнѣ эту женщину; я ему это и сказала. Чтобы служить мнѣ Аргусомъ, это другое дѣло; впрочемъ, для этой цѣли надо было бы выбрать менѣе глупую и, конечно, для этой должности не достаточно было быть злой и неблагожелательной; Чоглокову считали чрезвычайно добродѣтельной, потому что тогда она любила своего мужа до обожанія; она вышла за него замужъ по любви; такой прекрасный примѣръ, какой мнѣ выставляли напоказъ, долженъ былъ, вѣроятно, убѣдить меня дѣлать то же самое. Увидимъ, какъ это удалось. Вотъ что, повидимому, ускорило это событіе, я говорю ускорило, потому что, думаю, съ самаго начала графъ Бестужевъ имѣлъ всегда въ виду окружать насъ своими приверженцами; онъ очень бы хотѣлъ сдѣлать то же и съ приближенными Ея Императорскаго Величества, но тамъ дѣло было труднѣе. Великій князь имѣлъ, при моемъ пріѣздѣ въ Москву, въ своихъ покояхъ троихъ лакеевъ, по имени Чернышевыхъ, всѣ трое были сыновьями гренадеровъ лейбъ-компаніи императрицы; эти послѣдніе были поручиками, въ чинѣ, который императрица пожаловала имъ въ награду за то, что они возвели ее на престолъ. Старшій изъ Чернышевыхъ приходился двоюроднымъ братомъ остальнымъ двоимъ, которые были братьями родными. Великій князь очень любилъ ихъ всѣхъ троихъ; они были самые близкіе ему люди и, дѣйствительно, они были очень услужливы, всѣ трое рослые и стройные, особенно старшій. Великій князь пользовался послѣднимъ для всѣхъ своихъ порученій и нѣсколько разъ въ день посылалъ его ко мнѣ. Ему же онъ довѣрялся, когда не хотѣлось итти ко мнѣ.

Причина, по которой Чоглокову приставили ко мнѣ.

Особый анекдотъ.

Этотъ человѣкъ былъ очень друженъ и близокъ съ моимъ камердинеромъ Евреиновымъ, и часто я знала этимъ путемъ, что иначе оставалось бы мнѣ неизвѣстнымъ. Оба были мнѣ дѣйствительно преданы сердцемъ и душою, и часто я добывала черезъ нихъ свѣдѣнія, которыя мнѣ было бы трудно пріобрѣсти иначе, о множествѣ вещей. Не знаю, по какому поводу, старшій Чернышевъ сказалъ однажды великому князю, говоря обо мнѣ: «Вѣдь она не моя невѣста, а ваша». Эти слова насмѣшили великаго князя, который мнѣ это разсказалъ, и съ той минуты Его Императорскому Высочеству угодно было называть меня «его невѣста», а Андрея Чернышева, говоря о немъ со мною, онъ называлъ «вашъ женихъ». Андрей Чернышевъ, чтобы прекратить эти шутки, предложилъ Его Императорскому Высочеству, послѣ нашей свадьбы, называть меня «матушка», а я стала называть его «сынокъ», но такъ какъ и между мною и великимъ княземъ постоянно шла рѣчь объ этомъ «сынкѣ», ибо великій князь дорожилъ имъ, какъ зѣницей ока, и такъ какъ и я тоже очень его любила, то мои люди забезпокоились, одни изъ ревности, другіе изъ страха за послѣдствія, которыя могутъ изъ этого выйти и для нихъ, и для насъ. Однажды, когда былъ маскарадъ при дворѣ, а я вошла къ себѣ, чтобы переодѣться, мой камердинеръ Тимоѳей Евреиновъ отозвалъ меня и сказалъ, что онъ и всѣ мои люди испуганы опасностью, къ которой я, видимо для нихъ, стремлюсь. Я его спросила, что бы это могло быть; онъ мнѣ сказалъ: «Вы только и говорите про Андрея Чернышева и заняты имъ».— Ну, такъ что же,—сказала я въ невинности сердца,—какая въ томъ бѣда; это мой сынокъ; великій князь любитъ его также, и больше, чѣмъ я, и онъ къ намъ привязанъ и намъ вѣренъ.—«Да», отвѣтилъ онъ мнѣ: «это правда; великій князь можетъ поступать, какъ ему угодно, но вы не имѣете того же права; что вы называете добротой и привязанностью, ибо этотъ человѣкъ вамъ вѣренъ и вамъ служитъ, ваши люди называютъ любовью». Когда онъ произнесъ это слово, которое мнѣ и въ голову не приходило, я

была какъ громомъ поражена и мнѣніемъ моихъ людей, которое я считала дерзкимъ, и состояніемъ, въ которомъ я находилась, сама того не подозрѣвая. Онъ сказалъ мнѣ, что посовѣтовалъ своему другу Андрею Чернышеву сказаться больнымъ, чтобы прекратить эти разговоры; Чернышевъ послѣдовалъ совѣту Евреинова, и болѣзнь его продолжалась приблизительно до апрѣля мѣсяца. Великій князь очень былъ занятъ болѣзнью этого человѣка и продолжалъ говорить мнѣ о немъ, не зная ничего объ этомъ. Въ Лѣтнемъ дворцѣ Андрей Чернышевъ снова появился; я не могла больше видѣть его безъ смущенія. Между тѣмъ императрица нашла нужнымъ по новому распредѣлить камерлакеевъ: они служили во всѣхъ комнатахъ по очереди и слѣдовательно Андрей Чернышевъ, какъ и другіе. Великій князь часто тогда давалъ концерты днемъ; въ нихъ онъ самъ игралъ на скрипкѣ. На одномъ изъ этихъ концертовъ, на которыхъ я обыкновенно скучала, я пошла къ себѣ въ комнату; эта комната выходила въ большую залу Лѣтняго дворца, въ которой тогда раскрашивали потолокъ и которая была вся въ лѣсахъ. Императрица была въ отсутствіи, Крузе уѣхала къ дочери, къ Сиверсъ; я не нашла ни души въ моей комнатѣ. Отъ скуки я открыла дверь залы и увидала на противоположномъ концѣ Андрея Чернышева; я сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ подошелъ; онъ приблизился къ двери; по правдѣ говоря, съ большимъ страхомъ, я его спросила:—Скоро ли вернется императрица?— Онъ мнѣ сказалъ: «Я не могу съ вами говорить, слишкомъ шумятъ въ залѣ, впустите меня къ себѣ въ комнату». Я ему отвѣтила:—Этого-то я и не сдѣлаю.—Онъ былъ тогда снаружи передъ дверью, я за дверью, держа ее полуоткрытой и такъ съ нимъ разговаривая. Невольное движеніе заставило меня повернуть голову въ сторону, противоположную двери, возлѣ которой я стояла. Я увидѣла позади себя, у другой двери моей уборной, камергера графа Дивьера, который мнѣ сказалъ: «Великій князь проситъ Ваше Высочество». Я закрыла дверь залы и вернулась съ Дивьеромъ

въ комнату, гдѣ у великаго князя шелъ концертъ. Я узнала впослѣдствіи, что графъ Дивьеръ былъ своего рода доносчикомъ, на котораго была возложена эта обязанность, какъ на многихъ вокругъ насъ. На слѣдующій день затѣмъ, въ воскресенье, мы съ великимъ княземъ узнали, что всѣ трое Чернышевыхъ были сдѣланы поручиками въ полкахъ, находившихся возлѣ Оренбурга, а днемъ Чоглокова была приставлена ко мнѣ. Немного дней спустя намъ было приказано готовиться сопутствовать императрицѣ въ Ревель. Въ то же время Чоглокова пришла мнѣ сказать отъ имени Ея Императорскаго Величества, что она меня освобождаетъ впредь отъ посѣщенія ея уборной и что когда мнѣ нужно будетъ сказать ей что-нибудь, то—дѣлать это не иначе, какъ черезъ Чоглокову. Въ сущности я была въ восторгѣ отъ этого приказанія, которое освобождало меня отъ необходимости торчать среди женщинъ императрицы; впрочемъ, я не часто туда ходила и видѣла Ея Величество очень рѣдко: съ тѣхъ поръ, какъ я имѣла къ ней входъ, она показывалась мнѣ всего три-четыре раза, и обыкновенно всѣ женщины понемногу одна за другой выходили изъ комнаты, когда я туда входила; чтобы не быть тамъ одной, я тоже не долго оставалась. Въ іюнѣ императрица поѣхала въ Ревель, и мы ей сопутствовали. Мы съ великимъ княземъ ѣхали въ четырехмѣстной каретѣ; принцъ Августъ и Чоглокова ѣхали вмѣстѣ съ нами. Способъ нашего путешествія былъ и непріятенъ, и неудобенъ. Почтовые дома или станціи занимала императрица; что же насъ касается, то давали намъ палатки, или помѣщали насъ въ службахъ. Помню, что однажды, во время этого путешествія, я одѣвалась возлѣ печи, гдѣ только что испекли хлѣбы, и что другой разъ въ палаткѣ, гдѣ поставили мою кровать, было на полфута воды, когда я туда вошла. Кромѣ того, такъ какъ у императрицы не было никакого опредѣленнаго часа ни для ѣды, ни для отдыха, то всѣ мы были измучены, какъ господа, такъ и слуги. Наконецъ послѣ десяти или двѣнадцати дней ѣзды мы пріѣхали въ имѣніе графа Стенбока, въ 40 вер-

Поѣздка въ Ревель.

Меня освобождаютъ отъ посѣщенія уборной императрицы.

стахъ отъ Ревеля, откуда императрица выѣхала съ большою торжественностью, желая прибыть днемъ въ Екатериненталь; но не знаю, какъ случилось, что ѣхали до половины второго ночи. Во время всего путешествія изъ Петербурга въ Ревель Чоглокова надоѣдала намъ и была отчаяніемъ нашей кареты; на малѣйшій пустякъ, какой высказывали, она возражала словами: «такой разговоръ не былъ бы угоденъ Ея Величеству», или ««это не было бы одобрено императрицей», иногда и самымъ невиннымъ и безразличнымъ вещамъ она навязывала подобный этикетъ. Что меня касается, я покорилась этому и всю дорогу лишь спала въ каретѣ. На слѣдующій день нашего пріѣзда въ Екатериненталь возобновился нашъ обычный образъ жизни, это значитъ, что съ утра до вечера и до очень поздней ночи играли въ довольно крупную игру въ передней императрицы, въ той залѣ, которая раздѣляла домъ и оба этажа этого зданія пополамъ. Чоглокова была игрокомъ—она посовѣтовала мнѣ играть, подобно всѣмъ, въ фараонъ; обыкновенно всѣ любимицы императрицы находились тамъ, когда не были въ покояхъ Ея Императорскаго Величества или, вѣрнѣе, въ ея ставкѣ, потому что она велѣла разбить большую и великолѣпную ставку рядомъ со своими комнатами, которыя были въ первомъ этажѣ и были очень маленькія, какъ ихъ обыкновенно строилъ Петръ I; онъ велѣлъ выстроить этотъ домъ и развести садъ. Князь и княгиня Репнины, которые участвовали въ поѣздкѣ и уже знали заносчивое и лишенное здраваго смысла поведеніе Чоглоковой въ дорогѣ, посовѣтовали мнѣ поговорить объ этомъ съ графиней Шуваловой и Измайловой, самыми любимыми дамами императрицы. Эти дамы не любили Чоглоковой и онѣ уже были освѣдомлены о томъ, что происходило; маленькая графиня Шувалова, которая была воплощеніемъ болтливости, не стала ждать, когда я съ ней объ этомъ заговорю, но, сидя за игрою рядомъ со мной, сама начала этотъ разговоръ, и такъ какъ у нея былъ очень насмѣшливый тонъ, то она выставила все поведеніе Чоглоковой въ столь смѣшномъ видѣ, что та

стала всеобщимъ посмѣшищемъ. Она сдѣлала больше того: разсказала императрицѣ все, что было; вѣроятно, Чоглоковой досталось, потому что она значительно понизила со мною тонъ. По правдѣ сказать, я очень въ этомъ нуждалась, такъ какъ начинала чувствовать большое расположеніе къ грусти. Я чувствовала себя совершенно одинокой. Великій князь увлекся ненадолго въ Ревелѣ нѣкоей Цедерспарръ; онъ не преминулъ, по принятому имъ обычаю, повѣрить мнѣ это тотчасъ же. Я чувствовала частыя боли въ груди, и у меня въ Екатериненталѣ однажды пошла кровь горломъ, вслѣдствіе чего мнѣ сдѣлали кровопусканіе. Днемъ Чоглокова вошла ко мнѣ въ комнату и застала меня въ слезахъ; обходясь гораздо мягче, она спросила меня, что со мною, и предложила, отъ имени императрицы, чтобы разсѣять мою ипохондрію, какъ она говорила, пройтись по саду; въ этотъ день великій князь былъ на охотѣ съ оберъ-егермейстеромъ графомъ Разумовскимъ. Кромѣ того, она мнѣ передала отъ Ея Императорскаго Величества три тысячи рублей для игры въ фараонъ. Дамы замѣтили, что мнѣ не хватало денегъ, и сказали это императрицѣ. Я попросила Чоглокову поблагодарить Ея Императорское Величество за ея милость ко мнѣ и пошла съ Чоглоковой прогуляться по саду, чтобы подышать воздухомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда въ Екатериненталь, пріѣхалъ великій канцлеръ графъ Бестужевъ въ сопровожденіи имперскаго посла барона Бретлаха и мы узнали изъ его привѣтствія, что оба имперскихъ двора вступили въ союзъ, заключивъ договоръ. Затѣмъ императрица отправилась смотрѣть маневры флота, но, кромѣ пушечнаго дыма, мы ничего не видали; день былъ чрезвычайно жаркій и тишина полная. По возвращеніи съ этихъ маневровъ былъ балъ въ палаткахъ императрицы, раскинутыхъ на террасѣ, ужинъ былъ поданъ на открытомъ воздухѣ вокругъ бассейна, гдѣ долженъ былъ быть пущенъ фонтанъ, но какъ только императрица сѣла за столъ, полилъ дождь, промочившій всю компанію, которая бросилась, какъ попало, въ домъ и палатки. Такъ

Союзный договоръ между двумя имперскими дворами.

кончился этотъ праздникъ. Черезъ нѣсколько дней императрица поѣхала въ Рогервикъ. Флотъ снова тамъ маневрировалъ и опять мы видѣли только одинъ дымъ. Отъ этого путешествія мы всѣ необычайно натрудили себѣ ноги. Почва этого мѣстечка каменистая, покрытая густымъ слоемъ мелкаго булыжника, такого свойства, что если постоишь немного на одномъ мѣстѣ, то ноги начинаютъ увязать, и мелкій булыжникъ покроетъ ноги. Мы стояли здѣсь лагеремъ и должны были ходить изъ палатки въ палатку и къ себѣ по такому грунту въ теченіе нѣсколькихъ дней; у меня ноги болѣли потомъ цѣлыхъ четыре мѣсяца. Каторжники, работавшіе на молѣ, носили деревянные башмаки, и тѣ не выдерживали больше восьми-десяти дней. Имперскій посолъ послѣдовалъ [за императрицей] въ этотъ портъ [Рогервикъ], онъ обѣдалъ и ужиналъ съ Ея Императорскимъ Величествомъ. На полпути между Рогервикомъ и Ревелемъ, во время ужина, къ императрицѣ привели старуху 130 лѣтъ, которая походила на ходячій скелетъ. Императрица велѣла дать ей кушанья со своего стола и денегъ, и мы продолжали нашъ путь. По возвращеніи въ Екатериненталь Чоглокова имѣла удовольствіе встрѣтиться съ мужемъ, вернувшимся изъ своей командировки въ Вѣну.

Поѣздка въ Рогервикъ.

Многіе придворные экипажи уже направились въ Ригу, куда императрица хотѣла ѣхать, но, вернувшись изъ Рогервика, она внезапно перемѣнила намѣреніе. Многіе ломали себѣ голову, чтобы отгадать причину этой перемѣны; нѣсколько лѣтъ спустя основаніе тому раскрылось. При проѣздѣ Чоглокова черезъ Ригу одинъ лютеранскій священникъ, сумасшедшій или фанатикъ, передалъ ему письмо или записку для императрицы, въ которой онъ ее увѣщевалъ не предпринимать этого путешествія, говоря, что она подвергнется тамъ величайшей опасности, что сосѣдними врагами имперіи разставлены люди, подосланные ее убить, и тому подобная чепуха. Это писаніе было передано Ея Имп. В-ву и отбило у нея охоту ѣхать дальше; что касается священника, то онъ былъ признанъ сумасшедшимъ,

Проектъ поѣздки въ Ригу.

Причина, по которой она не состоялась.

но поѣздка не состоялась. Мы вернулись, по малу передвигаясь за день, изъ Ревеля въ Петербургъ: у меня въ эту поѣздку очень разболѣлось горло, вслѣдствіе чего я пролежала нѣсколько дней; послѣ этого мы отправились въ Петергофъ и оттуда ѣздили черезъ каждую недѣлю въ Ораніенбаумъ. Въ началѣ августа императрица велѣла сказать великому князю и мнѣ, что мы должны говѣть; мы подчинились ея волѣ и тотчасъ же велѣли служить у себя утрени и всенощныя и стали каждый день ходить къ обѣднѣ. Въ пятницу, когда дѣло дошло до исповѣди, выяснилась причина даннаго намъ приказанія говѣть. Симеонъ Теодорскій, епископъ псковскій, очень много разспрашивалъ насъ обоихъ, каждаго порознь, относительно того, что произошло у насъ съ Чернышевыми; но такъ какъ совсѣмъ ничего не произошло, то ему стало немножко неловко, когда ему съ невиннымъ простодушіемъ сказали, что даже не было и тѣни того, что осмѣлились предполагать. Въ бесѣдѣ со мною у него вырвалось: «Такъ откуда же это происходитъ, что императрицу предостерегали въ противномъ?» На это я ему сказала, что ничего не знаю. Полагаю, нашъ духовникъ сообщилъ нашу исповѣдь духовнику императрицы, а этотъ послѣдній передалъ Ея Имп. В-ву, въ чемъ дѣло, что, конечно, не могло намъ повредить. Мы причащались въ субботу, а въ понедѣльникъ поѣхали на недѣлю въ Ораніенбаумъ, между тѣмъ какъ императрица ѣздила въ Царское Село. Прибывъ въ Ораніенбаумъ, великій князь завербовалъ всю свою свиту; камергерамъ, камеръ-юнкерамъ, чинамъ его двора, адъютантамъ, князю Репнину и даже его сыну, камерлакеямъ, садовникамъ, всѣмъ было дано по мушкету на плечо; Его Императорское Высочество дѣлалъ имъ каждый день ученья, назначалъ караулы; коридоръ дома служилъ имъ кордегардіей, и они проводили тамъ день; обѣдать и ужинать кавалеры подымались наверхъ, а вечеромъ въ штиблетахъ приходили въ залъ танцовать; изъ дамъ были только я, Чоглокова, княгиня Репнина, трое моихъ фрейлинъ да мои горничныя, слѣдова-

Странное говѣніе.

Пребываніе въ Ораніенбаумѣ.

Военныя ученія.

тельно такой балъ былъ очень жидокъ и плохо налаживался: мужчины бывали измученные и не въ духѣ отъ этихъ постоянныхъ военныхъ ученій, которыя приходились не слишкомъ по вкусу придворнымъ. Послѣ бала имъ разрѣшалось итти спать къ себѣ. Вообще мнѣ и всѣмъ намъ опротивѣла скучная жизнь, которую мы вели въ Ораніенбаумѣ, гдѣ насъ было пять или шесть женщинъ, которыя оставались однѣ съ глазу на глазъ съ утра до вечера, между тѣмъ какъ мужчины, со своей стороны, скрѣпя сердце упражнялись въ военномъ искусствѣ. Я прибѣгла къ книгамъ, которыя привезла съ собою. Съ тѣхъ поръ, какъ я была замужемъ, я только и дѣлала, что читала; первая книга, которую я прочла послѣ замужества, былъ романъ подъ заглавіемъ «Tiran le blanc», и цѣлый годъ я читала одни романы; но когда они стали мнѣ надоѣдать, я случайно напала на письма г-жи де-Севинье: это чтеніе очень меня заинтересовало. Когда я ихъ проглотила, мнѣ попались подъ руку произведенія Вольтера; послѣ этого чтенія я искала книгъ съ бо́льшимъ разборомъ. Мы вернулись въ Петергофъ и послѣ двухъ или трехъ поѣздокъ изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ и обратно, гдѣ время проводили все такъ же однообразно, мы возвратились въ Петербургъ, въ Лѣтній дворецъ. Къ концу осени императрица перешла въ Зимній дворецъ, гдѣ заняла покои, въ которыхъ мы помѣщались прошлую зиму, а насъ помѣстили въ тѣ, гдѣ великій князь жилъ до женитьбы. Эти покои намъ очень понравились и дѣйствительно они были очень удобны; это были комнаты императрицы Анны. Каждый вечеръ весь нашъ дворъ собирался у насъ; тутъ играли въ разныя игры или бывали концерты; два раза въ недѣлю бывало представленіе въ Большомъ театрѣ, который былъ тогда напротивъ Казанской церкви. Однимъ словомъ, эта зима была одною изъ самыхъ веселыхъ и наиболѣе удачныхъ въ моей жизни. Мы буквально цѣлый день смѣялись и рѣзвились. Приблизительно среди зимы императрица приказала намъ сказать, чтобы мы слѣдовали за ней въ Тихвинъ, куда она соби-

Скука во время пребыванія въ Ораніенбаумѣ.

Первое чтеніе.

Поѣздка въ Тихвинъ.

ралась. Это была поѣздка на богомолье; но въ ту минуту, какъ мы собирались садиться въ сани, мы узнали, что поѣздка отложена: намъ пришли сказать потихоньку, что у оберъ-егермейстера Разумовскаго подагра, и что императрица не хочетъ ѣхать безъ него [1])...

Въ этотъ промежутокъ времени мой камердинеръ Евреиновъ, причесывая меня однажды утромъ, сказалъ мнѣ, что по очень странной случайности онъ открылъ, что Андрей Чернышевъ и его братья находятся въ Рыбачьей слободѣ, подъ арестомъ на собственной дачѣ императрицы, унаслѣдованной ею отъ своей матери. Вотъ какъ это открылось. На масленой мой камердинеръ катался въ саняхъ съ женою и своячиницей; свояки стояли на запяткахъ. Мужъ своячиницы былъ канцеляристомъ петербургскаго магистрата; у этого человѣка была сестра, замужемъ за подканцеляристомъ Тайной канцеляріи. Они отправились какъ-то кататься въ Рыбачью слободу и вошли къ управляющему этимъ имѣніемъ императрицы; заспорили о праздникѣ Пасхи, въ какой день онъ приходится. Хозяинъ дома сказалъ имъ, что онъ сейчасъ рѣшитъ споръ, что стоитъ только послать къ заключеннымъ за святцами, въ которыхъ можно найти всѣ праздники и календарь на нѣсколько лѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ принесли книгу; своякъ Евреинова схватилъ ее и первое, что онъ нашелъ, открывъ ее, это имя Андрея Чернышева, написанное имъ самимъ вмѣстѣ съ числомъ того дня, въ который великій князь подарилъ ему книгу; затѣмъ онъ сталъ искать праздникъ Пасхи. Споръ кончился, книга была возвращена, и они вернулись въ Петербургъ, гдѣ своякъ Евреинова сообщилъ ему по секрету о своемъ открытіи. Евреиновъ убѣдительно просилъ меня не говорить объ этомъ великому князю, потому что вовсе нельзя было полагаться на его скромность. Я обѣщала и сдержала слово [2])...

---

[1]) Въ подлинникѣ — начало вставки.

[2]) Конецъ вставки.

Двѣ или три недѣли спустя мы дѣйствительно поѣхали въ Тихвинъ. Эта поѣздка продолжалась всего пять дней; мы проѣзжали по пути туда и обратно черезъ Рыбачью слободу и мимо дома, гдѣ, какъ я знала, находились Чернышевы; я старалась увидать ихъ въ окнѣ, но ничего не видѣла. Князь Репнинъ не участвовалъ въ поѣздкѣ; намъ сказали, что у него каменная болѣзнь; мужъ Чоглоковой исполнялъ обязанности князя Репнина во время этой поѣздки, что никому не доставляло большого удовольствія: это былъ дуракъ заносчивый и грубый, всѣ ужасно боялись этого человѣка и его жены и, говоря правду, они были дѣйствительно зловредные люди. Однако были средства, какъ это оказалось впослѣдствіи, не только усыплять этихъ Аргусовъ, но даже ихъ задабривать, но тогда еще эти средства только изыскивались. Одно изъ самыхъ надежныхъ—было играть съ ними въ фараонъ: оба они были игроки и очень жадные; эта слабость была открыта прежде всего, остальныя послѣ. Въ эту зиму умерла моя фрейлина княжна Гагарина отъ горячки, передъ своей свадьбой съ камергеромъ княземъ Голицынымъ, который женился потомъ на ея младшей сестрѣ. Я очень ее жалѣла и во время болѣзни часто навѣщала, не смотря на возраженія Чоглоковой. Императрица вызвала изъ Москвы на ея мѣсто ея старшую сестру, вышедшую потомъ за графа Матюшкина [1])...

1 Февраля 1747 г.

Смерть княжны Гагариной.

Незадолго до поста мы ѣздили съ императрицей въ Гостилицы на праздникъ къ оберъ-егермейстеру графу Разумовскому. Тамъ танцовали и порядкомъ веселились, послѣ чего вернулись въ городъ. Немного дней спустя мнѣ объявили о смерти моего отца, которая меня очень огорчила. Мнѣ дали досыта выплакаться въ теченіе недѣли; но по прошествіи недѣли Чоглокова пришла мнѣ сказать, что довольно плакать, что императрица приказываетъ мнѣ перестать, что мой отецъ не былъ королемъ. Я ей отвѣтила, что это правда, что онъ не король, но что вѣдь онъ мнѣ отецъ;

[1]) Въ подлинникѣ—начало вставки.

на это она возразила, что великой княгинѣ не подобаетъ долѣе оплакивать отца, который не былъ королемъ. Наконецъ постановили, что я выйду въ слѣдующее воскресенье и буду носить трауръ въ теченіе шести недѣль. Первый разъ, какъ я вышла изъ комнаты, я встрѣтила графа Санти, оберъ-церемоніймейстера императрицы, въ передней Ея Имп. В-ва. Я сказала ему нѣсколько незначительныхъ словъ и прошла своей дорогой. Нѣсколько дней спустя Чоглокова пришла мнѣ сказать, что императрица узнала отъ графа Бестужева, которому Санти передалъ это письменно, будто я ему сказала, что нахожу очень страннымъ, что послы не выразили мнѣ соболѣзнованія по поводу смерти отца; что императрица находитъ этотъ разговоръ съ графомъ Санти очень неумѣстнымъ, что я слишкомъ горда, что я должна помнить, что мой отецъ не былъ королемъ, и что по этой причинѣ я не могла и не должна была претендовать на выраженіе соболѣзнованія со стороны иностранныхъ посланниковъ. Я была совершенно поражена, услыхавъ слова Чоглоковой. Я ей сказала, что если графъ Санти сказалъ или написалъ, что я ему сказала хоть что-нибудь похожее на подобный разговоръ, то онъ недостойный лжецъ, что мнѣ ничего подобнаго и въ голову не приходило, и что, слѣдовательно, я не говорила ни ему, ни кому другому ничего относящагося къ этому вопросу. Это была сущая правда, потому что я взяла себѣ за непоколебимое правило ни на что и ни въ какомъ случаѣ не претендовать и во всемъ сообразоваться съ волей императрицы и дѣлать, что мнѣ прикажутъ. Повидимому, простодушіе, съ которымъ я отвѣтила Чоглоковой, ее убѣдило: она мнѣ сказала, что не преминетъ передать императрицѣ, что я формально отрицаю слова графа Санти. И дѣйствительно она пошла къ Ея Императорскому Величеству и вернулась сказать мнѣ, что императрица очень сердита на графа Санти за такую ложь и что она приказала сдѣлать ему выговоръ. Черезъ нѣсколько дней графъ Санти подослалъ ко мнѣ кряду нѣсколькихъ лицъ, между прочимъ камергера Никиту Панина и вице-

канцлера Воронцова, чтобы сказать мнѣ, что графъ Бестужевъ принудилъ его солгать и что онъ очень жалѣетъ, что черезъ это находится у меня въ немилости. Я сказала этимъ господамъ, что лжецъ лжецомъ и останется, какія бы ни имѣлъ причины для лжи, и что изъ опасенія, чтобы этотъ господинъ не приплеталъ меня къ своему вранью, я съ нимъ больше не стану говорить; я сдержала слово и не говорила съ нимъ больше. Вотъ что я думаю объ этой исторіи. Санти былъ итальянецъ; онъ любилъ вести переговоры и очень былъ занятъ своими обязанностями оберъ-церемоніймейстера; я съ нимъ всегда говорила, какъ и со всѣми; онъ, можетъ быть, думалъ, что выраженія соболѣзнованія дипломатическаго корпуса могли бы быть умѣстны, и надо полагать по складу его ума, что онъ думалъ сдѣлать мнѣ этимъ пріятное; онъ и пошелъ къ графу Бестужеву, великому канцлеру, своему начальнику, и сказалъ ему, что я вышла въ первый разъ, показалась ему очень опечаленной смертью отца и, можетъ быть, прибавилъ, что не соблюденныя по этому случаю изъявленія соболѣзнованія могли еще увеличить мое огорченіе. Графъ Бестужевъ, всегда злобствующій, обрадовался случаю меня унизить: онъ велѣлъ Санти тотчасъ же изложить письменно, что тотъ ему сказалъ или намекнулъ и подтвердилъ моимъ именемъ, и велѣлъ ему подписать этотъ протоколъ; Санти, боясь своего начальника, какъ огня, и особенно страшась потерять свое мѣсто, не замедлилъ подписать эту ложь вмѣсто того, чтобы пожертвовать своей карьерой. Великій канцлеръ послалъ эту записку императрицѣ, которая разсердилась, предполагая такія претензіи съ моей стороны, и послала ко мнѣ Чоглокову, какъ выше сказано. Но когда императрица услышала мой отвѣтъ, основанный на сущей правдѣ, то изъ всего этого вышло, что господинъ оберъ-церемоніймейстеръ остался съ носомъ [1]).

[1]) Конецъ вставки.

Князь Репнинъ удаляется.

Весною мы переѣхали на житье въ Лѣтній дворецъ, а оттуда на дачу. Князь Репнинъ подъ предлогомъ слабаго здоровья получилъ позволеніе удалиться въ свой домъ, и Чоглоковъ продолжалъ временно исполнять обязанности князя Репнина. Эта перемѣна сначала же сказалась на отставкѣ отъ нашего двора камергера графа Дивьера, котораго послали бригадиромъ въ армію, и камеръ-юнкера Вильбуа, который былъ туда же отправленъ полковникомъ, по представленію Чоглокова, косившагося на нихъ за то, что великій князь и я къ нимъ благоволили. Подобныя увольненія случались уже раньше [напримѣръ], въ лицѣ графа Захара Чернышева въ 1745 г. по просьбѣ его матери; но все же на эти увольненія смотрѣли при дворѣ, какъ на немилость, и они тѣмъ самымъ были очень чувствительны для этихъ лицъ. Мы съ великимъ княземъ очень огорчились этой отставкой. Такъ какъ принцъ Августъ получилъ все, чего желалъ, то ему велѣно было сказать отъ имени императрицы, чтобы онъ уѣзжалъ. Это тоже было дѣло рукъ Чоглоковыхъ, которые во что бы то ни стало хотѣли уединить великаго князя и меня, въ чемъ слѣдовали инструкціямъ графа Бестужева, которому всѣ были подозрительны и который любилъ сѣять и поддерживать разладъ всюду, изъ боязни, чтобы не сплотились противъ него. Несмотря на это, всѣ взгляды сходились на ненависти къ нему, но это ему было безразлично, лишь бы его боялись. Въ теченіе этого лѣта, за неимѣніемъ лучшаго и потому, что скука у насъ и при нашемъ дворѣ все росла, я больше всего пристрастилась къ верховой ѣздѣ; остальное время я читала у себя все, что попадалось подъ руку. Что касается великаго князя, такъ какъ отъ него отняли людей, которыхъ онъ больше всего любилъ, то онъ выбралъ новыхъ среди камерлакеевъ.

Принцъ Августъ уѣзжаетъ.

На дачѣ онъ составилъ себѣ свору собакъ и началъ самъ ихъ дрессировать; когда онъ уставалъ ихъ мучить, онъ принимался пилить на скрипкѣ; онъ не зналъ ни одной ноты, но имѣлъ отличный слухъ и для него красота въ музыкѣ заключалась въ силѣ и страстности, съ

которою онъ извлекалъ звуки изъ своего инструмента. Тѣ, кому приходилось его слушать, часто съ охотой заткнули бы себѣ уши, если бы посмѣли, потому что онъ ихъ терзалъ ужасно. Этотъ образъ жизни продолжался какъ на дачѣ, такъ и въ городѣ. Когда мы вернулись въ Лѣтній дворецъ, Крузе, которая продолжала быть всѣми признаннымъ Аргусомъ, настолько стала добрѣе, что очень часто соглашалась обманывать Чоглоковыхъ, которые стали всѣмъ ненавистны. Она дѣлала больше того, а именно доставляла великому князю игрушки, куклы и другія дѣтскія забавы, которыя онъ любилъ до страсти: днемъ ихъ прятали въ мою кровать и подъ нее. Великій князь ложился первый послѣ ужина и, какъ только мы были въ постели, Крузе запирала дверь на ключъ, и тогда великій князь игралъ до часу или двухъ ночи; волей неволей я должна была принимать участіе въ этомъ прекрасномъ развлеченіи такъ же, какъ и Крузе. Часто я надъ этимъ смѣялась, но еще чаще это меня изводило и безпокоило, такъ какъ вся кровать была покрыта и полна куклами и игрушками, иногда очень тяжелыми. Не знаю, провѣдала ли Чоглокова объ этихъ ночныхъ забавахъ, но однажды, около полуночи, она постучалась къ намъ въ дверь спальной; ей не сразу открыли, потому что великій князь, Крузе и я спѣшили спрятать и снять съ постели игрушки, чему помогло одѣяло, подъ которое мы игрушки сунули. Когда это было сдѣлано, открыли дверь, но Чоглокова стала намъ ужасно выговаривать за то, что мы заставили ее ждать, и сказала намъ, что императрица очень разсердится, когда узнаетъ, что мы еще не спимъ въ такой часъ, и ушла ворча, но не сдѣлавъ другого открытія. Когда она ушла, великій князь продолжалъ свое, пока не захотѣлъ спать. При наступленіи осени мы снова перешли въ покои, которые занимали раньше, послѣ нашей свадьбы, въ Зимнемъ дворцѣ. Здѣсь вышло очень строгое запрещеніе отъ императрицы черезъ Чоглокову, чтобы никто не смѣлъ входить въ покои великаго князя и мои безъ особаго разрѣшенія господина или госпожи Чог-

локовыхъ, и также приказаніе дамамъ и кавалерамъ нашего двора находиться въ передней, не переступать порога комнаты и говорить съ нами только громко; то же приказаніе вышло и слугамъ подъ страхомъ увольненія. Мы съ великимъ княземъ, оставаясь такимъ образомъ всегда наединѣ другъ съ другомъ, оба роптали и обмѣнивались мыслями объ этой своего рода тюрьмѣ, которой никто изъ насъ не заслуживалъ. Чтобы доставить себѣ больше развлеченія зимой, великій князь выписалъ изъ деревни восемь или десять охотничьихъ собакъ и помѣстилъ ихъ за деревянной перегородкой, которая отдѣляла альковъ моей спальной отъ огромной прихожей, находившейся сзади нашихъ покоевъ. Такъ какъ альковъ былъ только изъ досокъ, то запахъ псарни проникалъ къ намъ, и мы должны были оба спать въ этой вони. Когда я жаловалась на это, онъ мнѣ говорилъ, что нѣтъ возможности сдѣлать иначе; такъ какъ псарня была большимъ секретомъ, то я переносила это неудобство, не выдавая тайны Его Императорскаго Высочества. 6-го января 1748 г. я схватила сильную лихорадку съ сыпью. Когда лихорадка прошла, и такъ какъ не было никакихъ развлеченій въ теченіе этой масленой при дворѣ, то великій князь придумалъ устраивать маскарады въ моей комнатѣ; онъ заставлялъ рядиться своихъ и моихъ слугъ и моихъ женщинъ, и заставлялъ ихъ плясать въ моей спальной; онъ самъ игралъ на скрипкѣ и тоже подплясывалъ. Это продолжалось до поздней ночи; что меня касается, то подъ предлогами головной боли или усталости я ложилась на канапе, но всегда ряженая, и до смерти скучала отъ нелѣпости этихъ маскарадовъ, которые его чрезвычайно потѣшали. Съ наступленіемъ поста отъ него удалили еще четверыхъ лицъ; въ числѣ ихъ было трое пажей, которыхъ онъ больше любилъ, нежели другихъ. Эти увольненія его огорчали, но онъ не дѣлалъ ни шагу, чтобы ихъ прекратить, или же дѣлалъ такіе неудачные шаги, что только увеличивалъ бѣду. Въ эту зиму мы узнали, что князь Репнинъ, какъ ни былъ боленъ, дол-

женъ былъ командовать корпусомъ, который посылали въ Богемію, на помощь императрицѣ-королевѣ Маріи Терезіи. Это была форменная немилость для князя Репнина, онъ туда отправился и уже не возвращался, потому что умеръ съ горя въ Богеміи. Княжна Гагарина, моя фрейлина, первая передала мнѣ извѣстіе, несмотря на всѣ запрещенія доводить до насъ малѣйшее слово о томъ, что происходило въ городѣ или при дворѣ. Отсюда видно, что значатъ подобныя запрещенія, которыя никогда во всей строгости не исполняются, потому что слишкомъ много лицъ занято тѣмъ, чтобы ихъ нарушать. Всѣ окружавшіе насъ, до ближайшихъ родственниковъ Чоглоковыхъ, старались уменьшить суровость такого рода политической тюрьмы, въ которой пытались насъ держать. Даже собственный братъ Чоглоковой, графъ Гендриковъ, и тотъ часто вскользь давалъ мнѣ полезныя и необходимыя свѣдѣнія, и другіе пользовались имъ же, чтобы мнѣ ихъ доставлять, чему онъ всегда поддавался съ простодушіемъ честнаго и благороднаго человѣка; онъ смѣялся надъ глупостями и грубостями своей сестры и своего зятя, и всѣ съ нимъ чувствовали себя хорошо и увѣренно, потому что онъ никогда не выдавалъ и не обманывалъ; это былъ прямолинейный человѣкъ, но ограниченный, дурно воспитанный и невѣжественный, впрочемъ, твердый и безхитростный. Во время того же поста, однажды около полудня я вышла въ комнату, гдѣ были наши кавалеры и дамы; Чоглоковы еще не приходили; разговаривая съ тѣми и другими, я подошла къ двери, гдѣ стоялъ камергеръ Овцынъ. Онъ, понизивъ голосъ, заговорилъ о скучной жизни, какую мы ведемъ, и сказалъ, что притомъ насъ чернятъ въ глазахъ императрицы; такъ нѣсколько дней тому назадъ Ея Императорское Величество сказала за столомъ, что я черезчуръ обременяю себя долгами, что все, что я ни дѣлаю, глупо, что при этомъ воображаю, что я очень умна, но что я одна такъ думаю о себѣ, что я никого не обману и что моя совершенная глупость всѣми признана, и что поэтому меньше надо

обращать вниманія на то, что дѣлаетъ великій князь, нежели на то, что я дѣлаю, и Овцынъ прибавилъ со слезами на глазахъ, что онъ получилъ приказаніе императрицы передать мнѣ это, но онъ меня просилъ не подавать вида, что онъ мнѣ сказалъ, что именно таково было ея приказаніе. Я ему отвѣтила относительно моей глупости, что нельзя меня за это винить, потому что каждый таковъ, какимъ его Богъ создалъ, что же касается долговъ, то неудивительно, если они у меня есть, потому что, при тридцати тысячахъ содержанія, мать оставила мнѣ, уѣзжая, шестьдесятъ тысячъ рублей долгу, чтобы заплатить за нее; что сверхъ того графиня Румянцова вовлекала меня въ тысячу расходовъ, которые она считала необходимыми; что Чоглокова одна стоитъ мнѣ въ этомъ году семнадцать тысячъ рублей и что онъ самъ знаетъ, какую адскую игру надо вести съ ними каждый день, что онъ можетъ этотъ отвѣтъ передать тѣмъ, отъ кого онъ получилъ это порученіе; что, впрочемъ, мнѣ очень непріятно знать, что противъ меня возбуждаютъ императрицу, по отношенію къ которой я никогда не была неуважительной, непокорной и непочтительной, и что чѣмъ больше будутъ за мною наблюдать, тѣмъ больше въ этомъ убѣдятся. Я обѣщала ему сохранить тайну и сдержала слово—не знаю, передалъ ли онъ, что я сказала, но думаю это, хотя никогда больше не слышала разговоровъ объ этомъ и остерегалась сама возобновлять бесѣду, столь мало пріятную. Въ послѣднюю недѣлю поста у меня сдѣлалась корь, я не могла явиться на Пасху и причащалась въ своей комнатѣ въ субботу. Во время этой болѣзни Чоглокова, хоть и беременная на послѣднемъ мѣсяцѣ, почти не покидала меня и дѣлала все, что могла, чтобы развлекать меня. При мнѣ была тогда маленькая калмычка, которую я очень любила; этотъ ребенокъ получилъ отъ меня корь. Послѣ Пасхи мы переѣхали въ Лѣтній дворецъ [1],—

---

[1]) Въ подлинникѣ — начало вставки.

...и оттуда въ концѣ мая на Вознесенье ѣздили къ графу Разумовскому въ Гостилицы; императрица выписала туда 23-го того же мѣсяца посла императорскаго двора барона Бретлаха, который ѣхалъ въ Вѣну; онъ провелъ въ Гостилицахъ вечеръ и ужиналъ съ императрицей. Этотъ ужинъ кончился поздней ночью, и мы вернулись послѣ восхода солнца въ домикъ, гдѣ жили. Этотъ деревянный домикъ былъ расположенъ на маленькой возвышенности и примыкалъ къ катальной горѣ. Расположеніе этого домика намъ понравилось зимою, когда мы были въ Гостилицахъ на именинахъ оберъ-егермейстера, и, чтобы доставить намъ удовольствіе, онъ и на этотъ разъ поселилъ насъ въ этомъ домикѣ; онъ былъ двухъэтажный; верхній этажъ состоялъ изъ лѣстницы, зала и трехъ маленькихъ комнатъ; мы спали въ одной, великій князь одѣвался въ другой, а Крузе занимала третью, внизу помѣщались Чоглокова, мои фрейлины и горничныя. Вернувшись съ ужина, всѣ улеглись. Около шести часовъ утра сержантъ гвардіи Левашовъ пріѣхалъ изъ Ораніенбаума къ Чоглокову поговорить насчетъ построекъ, которыя тогда тамъ производились; найдя всѣхъ спящими, онъ сѣлъ возлѣ часового и услышалъ трескъ, показавшійся ему подозрительнымъ; часовой сказалъ ему, что этотъ трескъ повторяется уже нѣсколько разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ на часахъ. Левашовъ всталъ и обѣжалъ домъ снаружи; онъ увидѣлъ, что изъ-подъ дома вываливаются большія каменныя плиты; онъ побѣжалъ разбудить Чоглокова и сказалъ ему, что фундаментъ дома опускается и что надо поскорѣе постараться вывести изъ дома всѣхъ, кто въ немъ находится. Чоглоковъ надѣлъ шлафрокъ и побѣжалъ наверхъ; стеклянныя двери были заперты; онъ взломалъ замки и дошелъ до комнаты, гдѣ мы спали; отдернувъ занавѣсъ, онъ насъ разбудилъ и велѣлъ поскорѣе выходить, потому что фундаментъ дома рушился. Великій князь соскочилъ съ постели, взялъ свой шлафрокъ и убѣжалъ. Я сказала Чоглокову, что иду за нимъ, и онъ ушелъ; я одѣлась на-

скоро; одѣваясь, я вспомнила, что Крузе спала въ сосѣдней комнатѣ; я пошла ее разбудить, она спала очень крѣпко, мнѣ удалось съ нѣкоторымъ трудомъ разбудить ее и объяснить ей, что надо выходить изъ дому. Я помогла ей одѣться, и когда она была готова, мы переступили порогъ комнаты и вошли въ залъ, но едва мы тамъ очутились какъ все затряслось, съ шумомъ, подобнымъ тому, съ какимъ корабль спускается съ верфи. Крузе и я упали на полъ, въ эту минуту Левашовъ вошелъ черезъ дверь лѣстницы, находившейся противъ насъ. Онъ меня поднялъ съ полу и вышелъ изъ комнаты; я взглянула случайно на гору; она была въ уровень со вторымъ этажомъ, теперь же по крайней мѣрѣ на аршинъ выше уровня этого второго этажа. Левашовъ, дойдя со мною до лѣстницы, по которой пришелъ, не нашелъ ея больше: она обрушилась, но такъ какъ нѣсколько лицъ влѣзли на развалины, то Левашовъ передалъ меня ближайшему, этотъ другому и такъ, переходя съ рукъ на руки, я очутилась внизу лѣстницы, въ прихожей, а оттуда меня вынесли изъ дому на лужайку. Тамъ былъ и великій князь, въ шлафрокѣ. Выбравшись, я стала смотрѣть, что дѣлалось въ сторонѣ дома, и увидѣла, что нѣкоторыя лица выходили оттуда окровавленныя, а другихъ выносили; между наиболѣе тяжело ранеными была моя фрейлина княжна Гагарина: она хотѣла спастись изъ дому, какъ и другіе, и когда проходила по комнатѣ, смежной съ ея комнатой, обрушившаяся печь упала на ширмы, которыя опрокинули ее на находившуюся въ комнатѣ кровать; нѣсколько кирпичей упали ей на голову и тяжело ее ранили, такъ же, какъ и горничную, спасавшуюся вмѣстѣ съ ней. Въ этомъ самомъ нижнемъ этажѣ была маленькая кухня, гдѣ спало нѣсколько лакеевъ, трое изъ нихъ были убиты обрушившейся печью. Но это было еще пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что произошло между фундаментомъ этого дома и первыми этажами. Шестнадцать работниковъ, служившихъ при катальной горѣ, спали тамъ и всѣ были раздавлены этимъ осѣвшимъ строеніемъ.

Причиной всего этого было то, что домикъ этотъ былъ построенъ осенью, наспѣхъ. Фундаментъ былъ заложенъ въ четыре ряда известняковыхъ плитъ; архитекторъ велѣлъ поставить въ первомъ этажѣ двѣнадцать балокъ на манеръ столбовъ въ прихожей. Онъ долженъ былъ отправиться въ Украйну; уѣзжая, онъ приказалъ управляющему Гостилицъ запретить до своего возвращенія прикасаться къ этимъ двѣнадцати балкамъ. Когда управляющій узналъ, что мы должны жить въ этомъ домикѣ, то, несмотря на распоряженіе архитектора, принялъ самыя спѣшныя мѣры къ тому, чтобы выломать эти двѣнадцать балокъ, такъ какъ онѣ портили сѣни. Когда наступила оттепель, все зданіе осѣло на четыре ряда известняковыхъ плитъ, которыя стали сползать въ разныя стороны, и само зданіе поползло до бугра, который его задержалъ. Я отдѣлалась нѣсколькими синяками и большимъ страхомъ, вслѣдствіе котораго мнѣ пустили кровь. Этотъ общій испугъ былъ такъ великъ, что въ теченіе четырехъ слишкомъ мѣсяцевъ всякая дверь, закрывавшаяся съ нѣкоторой силой, заставляла насъ всѣхъ вздрагивать. Когда первый страхъ прошелъ, въ этотъ день императрица, жившая въ другомъ домѣ, позвала насъ къ себѣ и, такъ какъ ей хотѣлось уменьшить опасность, всѣ старались находить въ этомъ очень мало опаснаго и нѣкоторые даже не находили ничего опаснаго; мой страхъ ей очень не понравился, и она разсердилась на меня за него; оберъ-егермейстеръ плакалъ и приходилъ въ отчаяніе; онъ говорилъ, что застрѣлится изъ пистолета; вѣроятно, ему въ этомъ помѣшали, потому что онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ, и на слѣдующій день мы возвратились въ Петербургъ, и послѣ нѣсколькихъ недѣль нашего пребыванія въ Лѣтнемъ дворцѣ... [1])

Не помню точно, но мнѣ кажется, что приблизительно около этого времени пріѣхалъ въ Россію кавалеръ Сакромозо. Уже давно не пріѣзжало въ Россію мальтійскихъ

[1]) Конецъ одной и начало другой вставки.

кавалеровъ и вообще тогда очень мало видно было иностранцевъ, навѣщающихъ Петербургъ; слѣдовательно, его пріѣздъ былъ своего рода событіемъ. Съ нимъ обошлись какъ можно лучше и показали ему всѣ достопримѣчательности Петербурга, а въ Кронштадтѣ одинъ изъ лучшихъ флотскихъ офицеровъ былъ назначенъ на этотъ случай, чтобы сопровождать его; это былъ Полянскій [1]), капитанъ линейнаго корабля, впослѣдствіи адмиралъ. Онъ былъ намъ представленъ; цѣлуя мою руку, Сакромозо сунулъ мнѣ въ руку очень маленькую записку и сказалъ очень тихо: «это отъ вашей матери». Я почти что остолбенѣла отъ страху передъ тѣмъ, что онъ только что сдѣлалъ. Я замирала отъ боязни, какъ бы кто-нибудь этого не замѣтилъ, особенно Чоглоковы, которые были совсѣмъ близко. Однако я взяла записку и сунула ее въ перчатку; никто этого не замѣтилъ. Вернувшись къ себѣ въ комнату, въ этой свернутой запискѣ, въ которой онъ говорилъ мнѣ, что ждетъ отвѣта черезъ одного итальянскаго музыканта, приходившаго на концерты великаго князя, я, дѣйствительно, нашла записку отъ матери, которая, будучи встревожена моимъ невольнымъ молчаніемъ, спрашивала меня объ его причинѣ и хотѣла знать, въ какомъ положеніи я нахожусь. Я отвѣтила матери и увѣдомила ее о томъ, что она хотѣла знать; я сказала ей, что мнѣ было запрещено писать ей и кому бы то ни было, подъ предлогомъ, что русской великой княгинѣ не подобаетъ писать никакихъ другихъ писемъ, кромѣ тѣхъ, которыя составлялись въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и подъ которыми я должна была только выставлять свою подпись, и никогда не говорить, о чемъ надо писать, ибо коллегія знала лучше меня, что слѣдовало въ нихъ сказать; что Олсуфьеву чуть не вмѣнили въ преступленіе то, что я послала ему нѣсколько строкъ, которыя просила включить въ письмо къ матери. Я сообщила ей еще нѣсколько свѣдѣній, о кото-

[1]) Въ подлинникѣ — Palensky.

рыхъ она меня просила. Я свернула свою записку, какъ была свернута та, которую я получила, и выждала съ тревогой и нетерпѣніемъ минуту, чтобы отъ нея отдѣлаться. На первомъ концертѣ, который былъ у великаго князя, я обошла оркестръ и стала за стуломъ віолончелиста д'Ололіо, того человѣка, на котораго мнѣ указали. Когда онъ увидѣлъ, что я остановилась за его стуломъ, онъ сдѣлалъ видъ, что вынимаетъ изъ кармана свой носовой платокъ и такимъ образомъ широко открылъ карманъ; я сунула туда, какъ ни въ чемъ не бывало, свою записку и отправилась въ другую сторону, и никто ни о чемъ не догадался. Сакромозо во время своего пребыванія въ Петербургѣ сунулъ мнѣ еще двѣ или три записки, касавшіяся одного и того же, и отвѣты мои были ему такъ же переданы и никто никогда объ этомъ ничего не узналъ. Изъ Лѣтняго дворца мы поѣхали въ Петергофъ, который тогда перестраивали [1])...

Насъ помѣстили наверху, въ старой постройкѣ Петра I, тогда существовавшей. Здѣсь отъ скуки великій князь сталъ играть со мною вдвоемъ каждый день послѣ обѣда въ ломберъ; когда я выигрывала, онъ сердился, а когда проигрывала, требовалъ, чтобы ему было уплачено немедленно; у меня не было ни гроша, за неимѣніемъ денегъ, онъ принимался играть со мною вдвоемъ въ азартныя игры. Помню, что однажды его ночной колпакъ служилъ намъ маркой въ десять тысячъ рублей; но когда въ концѣ игры онъ проигрывалъ, то приходилъ въ ярость и былъ способенъ дуться въ теченіе нѣсколькихъ дней; эта игра ни съ какой стороны не была мнѣ по душѣ. Во время этого пребыванія въ Петергофѣ мы увидѣли въ окна, которыя выходили въ садъ у моря, что мужъ и жена Чоглоковы постоянно ходятъ взадъ и впередъ изъ верхняго дворца во дворецъ въ Монплезирѣ, на берегу моря, гдѣ жила тогда императрица. Это заинтересовало насъ такъ

[1]) Конецъ вставки.

же, какъ и Крузе. Чтобы узнать причину этихъ частыхъ хожденій туда и обратно, Крузе пошла къ своей сестрѣ, которая была старшей камерфрау императрицы. Она вернулась оттуда вся сіяющая, узнавъ, что всѣ эти хожденія происходили оттого, что до императрицы дошло, что у Чоглокова была любовная интрига съ одной изъ моихъ фрейлинъ, Кошелевой, и что она была беременна. Императрица велѣла позвать Чоглокову и сказала ей, что мужъ ее обманываетъ, тогда какъ она любитъ его до безумія; что она была слѣпа до того, что эта дѣвица, любовница ея мужа, чуть не жила у нея; что если она пожелаетъ теперь разойтись съ мужемъ, то сдѣлаетъ угодное императрицѣ, которая безъ удовольствія смотрѣла на бракъ Чоглоковой съ ея мужемъ. Она прямо объявила ей, что не желаетъ, чтобы ея мужъ оставался при насъ, что она уволитъ его, а ей оставитъ ея должность. Жена въ первую минуту стала отрицать передъ императрицей страсть своего мужа, утверждала, что это клевета, но Ея Императорское Величество въ то время, какъ говорила съ женой, послала разспросить дѣвицу. Эта послѣдняя во всемъ совершенно чистосердечно призналась, что вызвало въ женѣ ярость противъ мужа. Она вернулась къ себѣ и стала ругать мужа; онъ упалъ передъ ней на колѣни, и сталъ просить прощенія и пустилъ въ ходъ все вліяніе, какое имѣлъ на нее, чтобъ ее смягчить. Куча дѣтей, какую они имѣли, послужила къ тому, чтобы возстановить ихъ согласіе, которое между тѣмъ не стало съ тѣхъ поръ болѣе искреннимъ; разъединенные по любви, они были связаны по интересу; жена простила мужу, она пошла къ императрицѣ и сказала ей, что все простила мужу и хочетъ оставаться съ нимъ изъ любви къ своимъ дѣтямъ; она на колѣняхъ умоляла императрицу не удалять ея мужа съ позоромъ отъ двора—это значило бы обезчестить ее и довершить ея горе; наконецъ, она вела себя въ этомъ случаѣ съ такою твердостью и великодушіемъ, и ея горе, кромѣ того, было такъ дѣйствительно, что она обезоружила гнѣвъ императрицы. Она сдѣ-

лала больше того: она привела мужа къ Ея Императорскому Величеству, высказала ему всю правду, а потомъ бросилась вмѣстѣ съ нимъ на колѣни къ ногамъ императрицы и просила ее простить ея мужа ради ея и ея шестерыхъ дѣтей, отцомъ которыхъ онъ былъ. Всѣ эти различныя сцены продолжались пять или шесть дней и мы узнавали почти съ часу на часъ, что происходило, потому что насъ меньше караулили въ этотъ промежутокъ времени и потому что всѣ надѣялись увидѣть отставку этихъ людей. Но исходъ вовсе не соотвѣтствовалъ ожиданію, какое у всѣхъ сложилось, ибо удалили только дѣвицу къ ея дядѣ, оберъ-гофмаршалу Шепелеву, а Чоглоковы остались, впрочемъ, въ меньшемъ почетѣ, сравнительно съ тѣмъ, какимъ они пользовались до тѣхъ поръ. Выбрали день, въ который мы должны были ѣхать въ Ораніенбаумъ, и въ то время, какъ мы ѣхали въ одну сторону, дѣвицу отправили въ другую. Въ Ораніенбаумѣ мы занимали въ этомъ году флигеля направо и налѣво отъ малаго дворцоваго корпуса; приключеніе въ Гостилицахъ такъ напугало, что во всѣхъ придворныхъ домахъ велѣно было осмотрѣть потолки и полы, послѣ чего починили всѣ, какіе въ томъ нуждались. Вотъ образъ жизни, какой я тогда вела въ Ораніенбаумѣ. Я вставала въ три часа утра, сама одѣвалась съ головы до ногъ въ мужское платье; старый егерь, который у меня былъ, ждалъ уже меня съ ружьями; на берегу моря у него былъ совсѣмъ наготовѣ рыбачій челнокъ. Мы пересѣкали садъ пѣшкомъ, съ ружьемъ на плечѣ и мы садились—онъ, я, лягавая собака и рыбакъ, который насъ везъ—въ этотъ челнокъ, и я отправлялась стрѣлять утокъ въ тростникахъ, окаймляющихъ море съ обѣихъ сторонъ Ораніенбаумскаго канала, который на двѣ версты уходитъ въ море. Мы огибали часто этотъ каналъ и слѣдовательно находились иногда въ довольно бурную погоду въ открытомъ морѣ на этомъ челнокѣ. Великій князь пріѣзжалъ черезъ часъ или два послѣ насъ, потому что ему надо было всегда тащить съ собою завтракъ и

еще не вѣсть что такое. Если онъ насъ встрѣчалъ, мы отправлялись вмѣстѣ; если же нѣтъ, то каждый изъ насъ ѣздилъ и охотился порознь. Въ десять часовъ, а иногда и позже, я возвращалась и одѣвалась къ обѣду; послѣ обѣда отдыхала, а вечеромъ или у великаго князя была музыка, или мы катались верхомъ. Приблизительно черезъ недѣлю такой жизни я почувствовала сильный жаръ и голова была тяжелая; я поняла, что мнѣ нуженъ отдыхъ и діэта. Въ теченіе сутокъ я ничего не ѣла, пила только холодную воду и спала двѣ ночи столько, сколько могла, послѣ чего стала вести тотъ же образъ жизни и чувствовала себя очень хорошо. Помню, что я читала тогда «Записки» Брантома, которыя меня очень забавляли; передъ этимъ я прочла «Жизнь Генриха VI» Перефикса. Къ осени мы вернулись въ городъ и намъ сказали, что зимою мы поѣдемъ въ Москву. Крузе пришла мнѣ сказать, что мнѣ нужно прибавить бѣлья для этой поѣздки; я подробно занялась этимъ бѣльемъ; Крузе предполагала развлечь меня, распорядившись кроить бѣлье въ моей комнатѣ, чтобы, какъ она говорила, показать мнѣ, сколько можетъ выйти рубашекъ изъ куска полотна. Это ученье или это развлеченіе не понравилось, вѣрно, Чоглоковой, которая была въ самомъ дурномъ расположеніи духа съ тѣхъ поръ, какъ открыла измѣну своего мужа. Не знаю, что она пошла сказать императрицѣ, но только она пришла какъ-то днемъ сказать мнѣ, что императрица увольняетъ Крузе отъ ея должности при мнѣ, что Крузе удалится къ своему зятю камергеру Сиверсу, и на слѣдующій день привела мнѣ Владиславову, чтобъ она заняла при мнѣ ея мѣсто. Это была женщина высокаго роста, съ хорошими, повидимому, манерами; ея умное лицо на первыхъ порахъ мнѣ довольно понравилось. Я спросила объ этомъ выборѣ мой оракулъ Тимоѳея Евреинова, который сказалъ, что эта женщина, которую я никогда раньше не видала, была тещей старшаго чиновника при графѣ Бестужевѣ, совѣтника Пуговишникова, что у нея не было недостатка ни въ умѣ, ни въ живости,

что она слыла за очень хитрую, что надо посмотрѣть, какъ она будетъ себя вести, и особенно не надо слишкомъ высказывать ей довѣріе. Ее звали Прасковья Никитична. Она начала очень удачно; она была общительна, любила говорить, говорила и разсказывала съ умомъ, знала основательно всѣ анекдоты прошлаго и настоящаго, знала всѣ семьи до четвертаго и пятаго колѣна, очень отчетливо помнила родословныя отцовъ, матерей, дѣдовъ, бабокъ и прадѣдовъ и предковъ съ отцовской и материнской стороны всѣхъ на свѣтѣ, и никто не познакомилъ меня съ тѣмъ, что происходило въ Россіи въ теченіе ста лѣтъ, болѣе обстоятельно, чѣмъ она. Умъ и манеры этой женщины мнѣ достаточно нравились и, когда я скучала, я заставляла ее болтать, чему она всегда охотно поддавалась. Я безъ труда открыла, что она очень часто не одобряетъ словъ и поступковъ Чоглоковыхъ, но такъ какъ она очень часто ходила также въ покои императрицы и совсѣмъ не знали, зачѣмъ, то были съ ней до извѣстной степени осторожны, не зная, какъ могутъ быть перетолкованы самые невинные поступки и слова. Изъ Лѣтняго дворца мы перешли въ Зимній. Здѣсь намъ представили г-жу Латуръ Лонуа, которая была при императрицѣ въ ея ранней молодости и послѣдовала за цесаревной Анной Петровной, старшей дочерью Петра I, когда эта послѣдняя покинула Россію со своимъ мужемъ, герцогомъ Голштинскимъ, во время царствованія императора Петра II. По смерти этой герцогини г-жа Лонуа возвратилась во Францію, и въ настоящее время вернулась въ Россію, чтобъ или поселиться здѣсь, или снова уѣхать, получивъ отъ императрицы нѣкоторыя милости. Г-жа Лонуа надѣялась, что, въ качествѣ старой знакомой, она снова войдетъ въ милость и близкое расположеніе императрицы, но она очень ошиблась; всѣ соединились, чтобы оттѣснить ее. Съ первыхъ дней ея пріѣзда я предвидѣла, что произойдетъ, и вотъ какъ. Однажды вечеромъ, когда была карточная игра въ покояхъ императрицы, Ея Императорское Величество ходила изъ комнаты въ комнату и нигдѣ не

усаживалась, какъ она обыкновенно дѣлала. Г-жа Лонуа, думая, вѣроятно, выразить ей свою угодливость, слѣдовала за ней повсюду, куда она ни шла. Чоглокова, видя это, сказала мнѣ: «Смотрите, какъ эта женщина слѣдуетъ всюду за императрицей; но это не долго будетъ длиться; ее скоро отучатъ такъ за ней бѣгать». Я запомнила это и, дѣйствительно, ее стали отстранять, а потомъ отправили во Францію съ подарками. Въ теченіе этой зимы состоялся бракъ графа Лестока съ дѣвицей Менгденъ, фрейлиной императрицы. Ея Императорское Величество и весь дворъ присутствовали на свадьбѣ, и государыня оказала молодымъ честь посѣтить ихъ. Можно было сказать, что они пользуются величайшимъ фаворомъ, но мѣсяцъ или два спустя счастье имъ измѣнило. Однажды вечеромъ, во время карточной игры въ покояхъ императрицы, я увидала тамъ графа Лестока; я подошла къ нему, чтобы поговорить; онъ мнѣ сказалъ вполголоса: «Не подходите ко мнѣ, я въ подозрѣніи». Я думала, что онъ шутитъ, и спросила, что это значитъ; онъ возразилъ: «Повторяю вамъ очень серьезно — не подходите ко мнѣ, потому что я человѣкъ заподозрѣнный, котораго надо избѣгать». Я видѣла, что онъ измѣнился въ лицѣ и былъ очень красный; я думала, что онъ пьянъ, и повернулась въ другую сторону. Это происходило въ пятницу. Въ воскресенье утромъ, причесывая меня, Тимоѳей Евреиновъ сказалъ мнѣ: «Знаете ли вы, что сегодня ночью графъ Лестокъ и его жена арестованы и отвезены въ крѣпость, какъ государственные преступники?» Никто не зналъ, изъ-за чего, знали только, что генералъ Степанъ Апраксинъ и Александръ Шуваловъ были назначены слѣдователями по этому дѣлу. Отъѣздъ двора въ Москву былъ назначенъ на 16 декабря, Чернышевы были переведены изъ крѣпости въ домъ, принадлежавшій императрицѣ и называвшійся «Смольный дворъ». Старшій изъ троихъ братьевъ напаивалъ иногда своихъ сторожей и ходилъ гулять въ городъ къ своимъ пріятелямъ. Однажды моя гардеробная дѣвушка-финка, которая была невѣстой одного камеръ-

Дѣло графа Лестока и его жены.

лакея, родственника Евреинова, принесла мнѣ письмо отъ Андрея Чернышева, въ которомъ онъ меня просилъ о разныхъ вещахъ. Эта дѣвушка видала его у своего жениха, гдѣ они провели вмѣстѣ вечеръ. Я не знала, куда сунуть это письмо, когда его получила; я не хотѣла его сжечь, чтобы не забыть того, о чемъ онъ меня просилъ. Уже очень давно мнѣ было запрещено писать даже матери; черезъ эту дѣвушку я купила серебряное перо съ чернильницей. Днемъ письмо было у меня въ карманѣ; раздѣваясь, я засовывала его въ чулокъ, за подвязку и прежде, чѣмъ ложиться спать, я его оттуда вынимала и клала въ рукавъ; наконецъ я отвѣтила, послала ему, чего онъ желалъ, тѣмъ же путемъ, которому онъ довѣрилъ свое письмо, и выбрала удобную минуту, чтобы сжечь это письмо, причинявшее мнѣ столь большія хлопоты. Въ половинѣ декабря мы уѣхали въ Москву. Мы съ великимъ княземъ были въ большомъ возкѣ, дежурные кавалеры— на передкѣ. Великій князь днемъ садился въ городскія сани съ Чоглоковыми, а я оставалась въ большомъ возкѣ, котораго мы никогда не закрывали, и разговаривала съ тѣми, кто сидѣлъ на передкѣ. Помню, что камергеръ князь Александръ Юрьевичъ Трубецкой разсказалъ мнѣ въ это время, будто графъ Лестокъ, будучи заключенъ въ крѣпость, въ теченіе первыхъ одиннадцати дней своего заключенія хотѣлъ уморить себя голодомъ, но его заставили принять пищу. Его обвиняли въ томъ, что онъ взялъ десять тысячъ рублей отъ Прусскаго короля, чтобы поддерживать его интересы, и въ томъ, что онъ отравилъ нѣкоего Этингера, который могъ свидѣтельствовать противъ него. Его пытали, послѣ чего сослали въ Сибирь. Въ этомъ путешествіи императрица обогнала насъ въ Твери, и такъ какъ для ея свиты взяли лошадей и провизію, какія были заготовлены для насъ, то мы остались въ теченіе сутокъ въ Твери безъ лошадей и безъ пищи. Мы были очень голодны; къ вечеру Чоглоковъ досталъ намъ жареную стерлядь, которая показалась намъ превкусной. Мы поѣхали ночью и

пріѣхали въ Москву за два или за три дня до Рождества. Первое извѣстіе, которое мы тамъ получили, было то, что камергеръ нашего двора, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, въ минуту нашего отъѣзда изъ Петербурга получилъ приказаніе отправиться въ Гамбургъ русскимъ посланникомъ, съ четырьмя тысячами жалованья. На это опять посмотрѣли какъ на новое изгнаніе; его свояченица, княжна Гагарина, которая была при мнѣ, очень объ этомъ плакала, и мы всѣ его жалѣли. Мы заняли въ Москвѣ помѣщеніе, которое было отведено мнѣ съ матерью въ 1744 году. Чтобы отправиться въ главную придворную церковь, надо было объѣхать въ каретѣ вокругъ всего дома; въ самый день Рождества, въ часъ обѣдни, мы собирались сѣсть въ карету и уже были для этого на крыльцѣ, при 28—29-градусномъ морозѣ, когда намъ пришли сказать отъ имени императрицы, что она освобождала насъ отъ поѣздки къ обѣднѣ въ этотъ день, по случаю чрезвычайнаго холода, какой стоялъ; дѣйствительно, морозъ щипалъ за носъ. Я была принуждена оставаться въ своей комнатѣ въ первое время моего пребыванія въ Москвѣ изъ-за необыкновеннаго количества прыщей, высыпавшихъ у меня на лицѣ; я смертельно боялась остаться угреватой; я послала за докторомъ Бургавомъ, который далъ мнѣ успокоительныя средства и разныя разности, чтобы согнать прыщи съ лица; наконецъ, когда ничто не помогло, онъ мнѣ сказалъ однажды: «Я вамъ дамъ средство, которое ихъ сгонитъ». Онъ вытащилъ изъ кармана маленькій пузырекъ тальковаго масла и велѣлъ мнѣ капнуть одну каплю въ чашку воды и мочить этимъ лицо отъ времени до времени, напримѣръ, еженедѣльно. Дѣйствительно, тальковое масло очистило мнѣ лицо и дней черезъ 10 я могла показываться. Немного времени спустя послѣ нашего пріѣзда въ Москву Владиславова пришла передать мнѣ, что императрица приказала поскорѣе сыграть свадьбу моей гардеробной дѣвушки-финки. Единственная причина, по которой, вѣроятно, спѣшили съ этой свадьбой, заключалась, повидимому, въ томъ,

что я выказывала нѣкоторое предпочтенiе этой дѣвушкѣ, которая была веселой толстушкой, смѣшившей меня иногда тѣмъ, что передразнивала всѣхъ и особенно забавно Чоглокову. Итакъ ее выдали замужъ, и больше и рѣчи о ней не было. Среди масленой, въ теченiе которой не было никакого веселья, ни развлеченiя, императрица почувствовала себя нездоровой; у нея сдѣлались сильныя колики, которыя, казалось, становились очень серьезными. Владиславова и Тимоѳей Евреиновъ шепнули мнѣ это на ухо, убѣдительно прося меня никому не говорить о томъ, что они мнѣ сказали. Не называя ихъ, я предупредила великаго князя, что его сильно встревожило. Однажды утромъ Евреиновъ пришелъ мнѣ сказать, что канцлеръ Бѣстужевъ и генералъ Апраксинъ провели эту ночь въ комнатѣ Чоглоковыхъ, что давало основанiе думать, что императрица очень плоха. Чоглоковъ и его жена были нахмурены болѣе, чѣмъ когда-либо, приходили къ намъ, обѣдали и ужинали у насъ, но ни слова не проронили объ этой болѣзни, и мы тоже не говорили о ней, а слѣдовательно и не смѣли послать узнать, какъ здоровье императрицы, потому что прежде всего спросили бы, какъ и откуда и черезъ кого вы знаете, что она больна, а тѣ, которые были бы названы или даже заподозрѣны, навѣрное были бы уволены, сосланы или даже отправлены въ Тайную канцелярiю, государственную инквизицiю, которой всѣ боялись пуще огня. Наконецъ, когда черезъ десять дней императрицѣ стало лучше, при дворѣ праздновали свадьбу одной изъ ея фрейлинъ. За столомъ я сидѣла рядомъ съ графиней Шуваловой, любимицей императрицы. Она мнѣ разсказала, что императрица была еще такъ слаба отъ ужасной болѣзни, которую вынесла, что она убирала голову невѣстѣ своими брильянтами (честь, которую она оказывала всѣмъ своимъ фрейлинамъ), сидя на постели только со спущенными ногами съ постели, и что поэтому она не показалась на свадебномъ пиру. Такъ какъ графиня Шувалова первая заговорила со мной объ этой болѣзни, я вы-

разила ей огорченіе, которое мнѣ причиняетъ ея состояніе, и участіе, какое я въ немъ принимаю. Она мнѣ сказала, что императрица съ удовольствіемъ узнаетъ о моемъ образѣ мыслей по этому поводу. День спустя Чоглокова пришла утромъ въ мою комнату и сказала мнѣ въ присутствіи Владиславовой, что императрица очень сердита на великаго князя и на меня за недостатокъ участія къ ея болѣзни, дошедшій до того, что мы даже ни разу не послали узнать, какъ она себя чувствуетъ. Я сказала Чоглоковой, что я ссылаюсь на нее самое въ томъ, что ни она, ни ея мужъ ни слова не сказали намъ о болѣзни императрицы, что, ничего о ней не зная, мы не могли выказать участія, какое мы въ ней принимали. Она мнѣ отвѣтила: «Какъ вы можете говорить, что вы ничего не знали? Графиня Шувалова сказала императрицѣ, что вы съ ней говорили за столомъ объ этой болѣзни». Я ей отвѣтила: «Это правда, что я съ ней говорила объ этомъ, ибо она сказала мнѣ, что Ея Величество еще очень слаба и не можетъ выходить, и тогда я у нея разспросила подробно объ этой болѣзни». Чоглокова ушла ворча, а Владиславова сказала мнѣ, что странно сердиться на людей за то, чего они не знаютъ, что такъ какъ Чоглоковы одни были въ правѣ сказать намъ объ этомъ, то если они этого не сдѣлали, это ихъ вина, а не наша, если мы не выказали участія по невѣдѣнію. Нѣсколько времени спустя на куртагѣ императрица приблизилась ко мнѣ, и я нашла удобную минуту, чтобы сказать ей, что ни Чоглоковъ, ни его жена не освѣдомили насъ объ ея болѣзни и что поэтому мы не имѣли возможности выразить ей участіе, которое мы въ ней принимали. Она это очень хорошо приняла, и мнѣ показалось, что вліяніе этихъ людей уменьшается [1]).

Однажды императрица поѣхала обѣдать къ генералу Степану Апраксину, мы были въ числѣ приглашенныхъ. Послѣ обѣда привели къ императрицѣ одного старика.

[1]) Въ подлинникѣ — начало вставки.

князя Долгорукова, слѣпого, который жилъ напротивъ дома генерала Апраксина. Это былъ князь Михаилъ Владимировичъ Долгоруковъ, который прежде былъ сенаторомъ, но не умѣлъ ни читать, ни писать ничего, кромѣ своего имени; однако онъ считался гораздо умнѣе своего брата, фельдмаршала князя Василья Долгорукова, умершаго въ 1746 г. На слѣдующій день я узнала, что третья дочь генерала Степана Апраксина, у котораго мы наканунѣ обѣдали, умерла въ этотъ день отъ оспы; я перепугалась: всѣ дамы, приглашенныя съ нами на обѣдъ къ генералу Апраксину, то и дѣло сновали взадъ и впередъ изъ комнаты этого больного ребенка въ покои, гдѣ мы были. Но и на этотъ разъ я отдѣлалась тол.ко страхомъ. Я увидѣла въ первый разъ въ этотъ день двухъ дочерей генерала Апраксина, изъ которыхъ старшая становилась очень красивой--ей могло быть тогда около 13 лѣтъ; это та самая, которая потомъ вышла замужъ за князя Куракина; второй было только шесть лѣтъ; она была тогда чахоточной, харкала кровью и была буквально одна кожа да кости; конечно, и не подозрѣвали, что она станетъ столь большою, столь колоссальною, столь чудовищно толстою, какой всѣ тѣ, кто ее знали, видѣли Талызину, ибо это именно та самая, которая тогда была лишь очень маленькимъ ребенкомъ [1]).

На первой недѣлѣ поста Чоглоковъ хотѣлъ говѣть. Онъ исповѣдался, но духовникъ императрицы запретилъ ему причащаться. Весь дворъ говорилъ, что это по приказанію Ея Императорскаго Величества изъ-за его приключенія съ Кошелевой. Одно время, когда мы были въ Москвѣ, Чоглоковъ, казалось, былъ въ очень тѣсной дружбѣ съ канцлеромъ графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ и съ закадычнымъ его другомъ генераломъ Степаномъ Апраксинымъ. Онъ былъ постоянно у нихъ или съ ними и, если его послушать, можно было сказать, что онъ ближайшій совѣтникъ графа Бестужева, чего на самомъ дѣлѣ не могло быть,

[1]) Конецъ вставки.

потому что у Бестужева было черезчуръ много ума, чтобы принимать совѣты отъ такого заносчиваго дурака, какимъ былъ Чоглоковъ. Но почти на половинѣ нашего пребыванія въ Москвѣ эта чрезвычайная близость вдругъ прекратилась, не знаю хорошенько, почему, и Чоглоковъ сталъ заклятымъ врагомъ тѣхъ, съ кѣмъ передъ этимъ жилъ въ такой близости. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Москву я начала отъ скуки читать «Исторію Германіи» отца Барра, каноника собора св. Женевьевы, 8 или 9 томовъ въ четвертку. Въ недѣлю я прочитывала по книгѣ, послѣ чего я прочла произведенія Платона. Мои комнаты выходили на улицу; противоположныя имъ были заняты великимъ княземъ; его окна выходили на маленькій дворъ. Я читала у себя въ комнатѣ; одна изъ дѣвушекъ обыкновенно входила ко мнѣ и стояла, сколько хотѣла, а потомъ выходила и другая занимала ея мѣсто, когда находила это кстати. Я дала понять Владиславовой, что это было ни къ чему и только меня безпокоило; и безъ этого мнѣ приходилось страдать отъ близости комнатъ великаго князя и отъ того, что въ нихъ происходило; что она страдала отъ этого столько же, сколько и я, потому что занимала маленькую комнату, которая составляла именно конецъ моихъ покоевъ. Она согласилась освободить дѣвушекъ отъ этого своего рода этикета. Вотъ что заставляло насъ страдать: утромъ, днемъ и очень поздно ночью великій князь съ рѣдкой настойчивостью дрессировалъ свору собакъ, которую сильными ударами бича и крикомъ, какъ кричатъ охотники, заставлялъ гоняться изъ одного конца своихъ двухъ комнатъ (потому что у него больше не было) въ другой; тѣхъ же собакъ, которыя уставали или отставали, онъ строго наказывалъ, это заставляло ихъ визжать еще больше; когда наконецъ онъ уставалъ отъ этого упражненія, несноснаго для ушей и покоя сосѣдей, онъ бралъ скрипку и пилилъ на ней очень скверно и съ чрезвычайной силой, гуляя по своимъ комнатамъ, послѣ чего снова принимался за воспитаніе своей своры и за наказываніе со-

бакъ, что мнѣ, по истинѣ, казалось жестокимъ. Слыша разъ, какъ страшно и очень долго визжала какая-то несчастная собака, я открыла дверь спальной, въ которой сидѣла и которая была смежной съ тою комнатой, гдѣ происходила эта сцена, и увидѣла, что великій князь держитъ въ воздухѣ за ошейникъ одну изъ своихъ собакъ, а бывшій у него мальчишка, родомъ калмыкъ, держитъ ту же собаку, приподнявъ за хвостъ. Это былъ бѣдный маленькій шарло англійской породы, и великій князь билъ эту несчастную собачонку изо всей силы толстой ручкой своего кнута; я вступилась за бѣдное животное, но это только удвоило удары; не будучи въ состояніи выносить это зрѣлище, которое показалось мнѣ жестокимъ, я удалилась со слезами на глазахъ къ себѣ въ комнату. Вообще слезы и крики вмѣсто того, чтобы внушать жалость великому князю, только сердили его; жалость была чувствомъ тяжелымъ и даже невыносимымъ для его души. Около этого времени мой камердинеръ Тимоѳей Евреиновъ передалъ мнѣ письмо своего прежняго товарища, Андрея Чернышева, котораго наконецъ освободили и который проѣзжалъ по близости отъ Москвы въ свой полкъ, куда онъ былъ назначенъ поручикомъ. Я поступила съ этимъ письмомъ, какъ съ предыдущимъ, и послала ему все, что онъ у меня просилъ, и ни слова не сказала ни великому князю, и ни одной живой душѣ. Весною императрица вызвала насъ въ Перово, гдѣ мы провели нѣсколько дней съ нею у графа Разумовскаго. Великій князь и Чоглоковъ таскались почти весь день по лѣсамъ съ хозяиномъ дома; я читала у себя въ комнатѣ, или же Чоглокова, когда не играла въ карты, приходила посидѣть со мною отъ скуки. Она очень жаловалась на скуку, царившую въ этомъ мѣстѣ, и на постоянныя охоты своего мужа, который сталъ страстнымъ охотникомъ съ тѣхъ поръ, какъ ему въ Москвѣ подарили прекрасную англійскую борзую. Я узнала отъ другихъ, а не отъ нея, что мужъ ея служилъ посмѣшищемъ для всѣхъ другихъ охотниковъ и что онъ воображалъ и его увѣряли,

будто его Цирцея (такъ звали его суку) брала всѣхъ зайцевъ, которыхъ ловили. Вообще Чоглоковъ воображалъ, что все, что ему принадлежало, было рѣдкой красоты или рѣдкой доброты: его жена, дѣти, слуги, домъ, столъ, лошади, собаки, все, что ему принадлежало, возбуждало его самолюбіе; хотя бы все это было весьма посредственно, но разъ это принадлежало ему, то становилось въ его глазахъ несравненнымъ. Въ Перовѣ со мной случилась такая головная боль, какой я не запомню въ своей жизни. Чрезвычайная боль вызвала у меня ужасную тошноту, меня вырвало нѣсколько разъ и каждый шагъ, какой дѣлали въ комнатѣ, увеличивалъ мою боль. Я провела почти сутки въ такомъ состояніи и наконецъ заснула. На слѣдующій день я чувствовала только слабость; Чоглокова всячески позаботилась обо мнѣ во время этого сильнаго приступа; вообще всѣ люди, которыхъ ставило вокругъ меня самое отъявленное недоброжелательство, въ очень короткое время становились ко мнѣ невольно благосклонными и, когда ихъ не настраивали и не возбуждали ихъ снова, они дѣйствовали вопреки расчетамъ тѣхъ, кто ими пользовался, и часто поддавались склонности, которая влекла ихъ ко мнѣ, или, по крайней мѣрѣ, интересу, который я имъ внушала; они никогда не видѣли меня надутой или нахмуренной, но всегда готовой пойти навстрѣчу малѣйшему шагу съ ихъ стороны. Во всемъ этомъ помогалъ мнѣ мой веселый нравъ, потому что всѣ эти Аргусы часто забавлялись рѣчами, съ которыми я къ нимъ обращалась, и мало-по-малу невольно переставали хмуриться. Въ Перовѣ у императрицы случился новый приступъ коликъ. Она велѣла перевезти себя въ Москву, и мы поѣхали шагомъ во дворецъ, который находился всего въ четырехъ верстахъ оттуда. Этотъ приступъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій, и вскорѣ затѣмъ императрица поѣхала на богомолье въ Троицкій монастырь. Ея Императорское Величество хотѣла пройти эти пятьдесятъ верстъ пѣшкомъ и для этого отправилась въ свой домъ, въ Покровское; намъ тоже велѣли направить

путь къ Троицѣ, и мы поселились на этомъ пути, въ одиннадцати верстахъ отъ Москвы, на очень маленькой дачѣ, принадлежавшей Чоглоковой и называвшейся Раево. Все помѣщеніе состояло изъ маленькаго зала среди дома съ двумя маленькими комнатами по бокамъ; разбили палатки вокругъ дома, гдѣ размѣстилась вся наша свита. У великаго князя была одна [палатка], я занимала одну маленькую комнату, Владиславова другую; Чоглоковы были въ остальныхъ [палаткахъ]; обѣдали мы въ залѣ. Императрица дѣлала пѣшкомъ три-четыре версты, потомъ отдыхала нѣсколько дней. Это путешествіе продолжалось почти все лѣто. Мы ежедневно ходили на охоту послѣ обѣда. Когда императрица дошла до Тайнинскаго, которое находится почти насупротивъ Раева, по ту сторону большой дороги въ Троицкій монастырь, гетманъ графъ Разумовскій, младшій братъ фаворита, жившій на своей дачѣ въ Петровскомъ, на Петербургской дорогѣ, по другую сторону Москвы, вздумалъ пріѣзжать къ намъ каждый день въ Раево. Это былъ [человѣкъ] очень веселый и приблизительно нашихъ лѣтъ. Мы очень его любили. Чоглоковы охотно принимали его къ себѣ, какъ брата фаворита; его посѣщенія продолжались все лѣто и мы всегда встрѣчали его съ радостью; онъ обѣдалъ и ужиналъ съ нами и послѣ ужина уѣзжалъ въ свое имѣніе; слѣдовательно, онъ дѣлалъ отъ сорока до пятидесяти верстъ въ день. Лѣтъ двадцать спустя, мнѣ вздумалось его спросить, что заставляло его тогда пріѣзжать дѣлить скуку и нелѣпость нашего пребыванія въ Раевѣ, тогда какъ его собственный домъ ежедневно кишѣлъ лучшимъ обществомъ, какое тогда было въ Москвѣ. Онъ мнѣ отвѣтилъ, не колеблясь: «Любовь».—«Но, Боже мой», сказала я ему: «въ кого вы у насъ могли быть влюблены?»—«Въ кого?» сказалъ онъ мнѣ: «въ васъ». Я громко разсмѣялась, ибо никогда въ жизни этого не подозрѣвала. Впрочемъ, онъ уже былъ нѣсколько лѣтъ женатъ на богатой наслѣдницѣ изъ дома Нарышкиныхъ, на которой императрица женила его, правда, немного противъ его воли, но съ которой онъ, казалось,

хорошо жилъ; впрочемъ, хорошо было извѣстно, что всѣ самыя хорошенькія придворныя и городскія дамы разрывали его на части. И дѣйствительно, это былъ красивый мужчина своеобразнаго нрава, очень пріятный и несравненно умнѣе своего брата, который въ свою очередь равнялся съ нимъ по красотѣ, но превосходилъ его щедростью и благотворительностью. Эти два брата составляли семью фаворитовъ, самую любимую всѣми, какую я когда-либо видѣла. Около Петрова дня императрица велѣла намъ сказать, чтобы мы ѣхали къ ней въ Братовщину. Мы тотчасъ же туда отправились. Такъ какъ всю весну и часть лѣта я была или на охотѣ, или постоянно на воздухѣ, потому что раевскій домъ былъ такъ малъ, что мы проводили большую часть дня въ окружавшемъ его лѣсу, то я пріѣхала въ Братовщину чрезвычайно красной и загорѣвшей. Императрица, увидѣвъ меня, ужаснулась моей краснотѣ и сказала мнѣ, что пришлетъ умыванье, чтобы снять загаръ. Дѣйствительно она тотчасъ же прислала мнѣ пузырекъ, въ которомъ была жидкость, составленная изъ лимона, яичныхъ бѣлковъ и французской водки; она приказала, чтобы мои женщины заучили составъ и пропорцію, какую нужно положить: нѣсколько дней спустя мой загаръ прошелъ и съ тѣхъ поръ я стала пользоваться этимъ средствомъ и давала его многимъ лицамъ для употребленія въ подобныхъ случаяхъ. Когда кожа разгорячена, я не знаю лучшаго средства; это хорошо еще и противъ того, что по-русски называется «лишай», по-нѣмецки Flechten,—французскаго названія я сейчасъ не припомню,—это не что иное, какъ жаръ, который заставляетъ трескаться кожу. Мы провели Петровъ день въ Троицкомъ монастырѣ и такъ какъ въ этотъ день послѣ обѣда великому князю нечѣмъ было заняться, онъ придумалъ дать балъ у себя въ комнатѣ, гдѣ, однако, были только онъ, два его камердинера и двѣ женщины, которыя были со мной и одной изъ которыхъ было за пятьдесятъ. Изъ монастыря императрица поѣхала въ Тайнинское, а мы снова въ Раево, гдѣ вели тотъ же

образъ жизни. Мы оставались тамъ до половины августа, когда... [1]).

Императрица поѣхала въ Софьино,—эта мѣстность расположена въ 60—70 верстахъ отъ Москвы. Мы стояли тамъ лагеремъ. На другой день по пріѣздѣ въ это мѣсто мы пошли въ ея палатку; тамъ мы увидѣли, что она бранитъ управляющаго этимъ имѣніемъ. Она ѣздила на охоту и не нашла зайцевъ. Этотъ человѣкъ былъ блѣденъ и дрожалъ и не было ругательства, какого бы она ему не высказала; по истинѣ она была въ бѣшенствѣ. Видя, что мы пришли поцѣловать ей руку, она поцѣловала насъ по обыкновенію и продолжала бранить своего человѣка; въ своемъ гнѣвѣ она проѣзжалась насчетъ всѣхъ, противъ кого что-либо имѣла или на кого была сердита. Она доходила до этого постепенно, и велика была бѣглость ея рѣчи. Она между прочимъ стала говорить, что она очень много понимаетъ въ управленіи имѣньемъ, что ее научило этому царствованіе императрицы Анны, что, имѣя мало денегъ, она умѣла беречься отъ расходовъ, что если бы она надѣлала долговъ, то боялась бы страшнаго суда; что если бы она умерла тогда съ долгами, никто не заплатилъ бы ихъ и душа ея пошла бы въ адъ, чего она не хотѣла; что для этого дома и когда не было особой нужды, она носила очень простыя платья, кофту изъ бѣлой тафты, юбку изъ сѣраго гризету, чѣмъ и дѣлала сбереженія, и что она отнюдь не надѣвала дорогихъ платьевъ въ деревнѣ или въ дорогѣ; это было въ мой огородъ: на мнѣ было лиловое съ серебромъ платье. Я это запомнила твердо. Это поученіе — потому что иначе это и нельзя назвать, такъ какъ никто не говорилъ ни слова, видя, какъ она пылаетъ и сверкаетъ глазами отъ гнѣва — продолжалось добрыхъ три четверти часа. Наконецъ ея шутъ Аксаковъ прекратилъ это: онъ вошелъ и подалъ ей въ своей шапкѣ маленькаго ежа. Она подошла къ нему взглянуть, и какъ

[1]) Въ подлинникѣ — начало вставки.

только его увидѣла, взвизгнула и сказала, что онъ похожъ на мышь, и побѣжала со всѣхъ ногъ внутрь палатки, потому что смертельно боялась мышей. Мы больше ея не видѣли; она обѣдала у себя, послѣ обѣда поѣхала на охоту, взяла съ собою великаго князя, а я получила приказаніе вернуться съ Чоглоковой въ Москву, куда великій князь пріѣхалъ вслѣдъ за мной нѣсколько часовъ спустя, такъ какъ охота была короткая изъ-за очень сильнаго въ тотъ день вѣтра [1]).

Какъ-то въ воскресенье императрица вызвала насъ въ Тайнинское изъ Раева, куда мы вернулись, и мы удостоились чести обѣдать съ Ея Императорскимъ Величествомъ. Она была одна въ концѣ стола, великій князь направо отъ нея, я—налѣво, противъ него; возлѣ великаго князя—фельдмаршалъ Бутурлинъ, возлѣ меня—графиня Шувалова. Столъ былъ очень длинный и узкій, великій князь, сидя между императрицей и фельдмаршаломъ Бутурлинымъ, такъ напился съ помощью этого фельдмаршала, который не прочь былъ выпить, что онъ перешелъ всякую границу, не помнилъ, что̀ говоритъ и дѣлаетъ, заплетался въ словахъ, и на него было такъ непріятно смотрѣть, что у меня навернулись слезы на глазахъ, у меня, скрывавшей тогда или смягчавшей, насколько могла, все, что было въ немъ предосудительнаго; императрица была довольна моею чувствительностью и встала ранѣе обыкновеннаго изъ-за стола. Его Императорское Высочество долженъ былъ ѣхать послѣ обѣда на охоту съ графомъ Разумовскимъ. Онъ остался въ Тайнинскомъ, а я вернулась въ Раево. Дорогой у меня страшно разболѣлись зубы; погода становилась холодной и сырой, а въ Раевѣ едва можно было укрыться. Братъ Чоглоковой, гр. Гендриковъ, который былъ дежурнымъ при мнѣ камергеромъ, предложилъ сестрѣ немедленно меня вылѣчить; она мнѣ это сказала, я согласилась попробовать его средство, которое мнѣ показалось пустячнымъ или,

[1]) Конецъ вставки.

вѣрнѣе, вполнѣ шарлатанскимъ: онъ тотчасъ же пошелъ въ другую комнату и принесъ оттуда очень маленькую бумажную трубочку, которую велѣлъ жевать больнымъ зубомъ; едва я сдѣлала то, что онъ мнѣ сказалъ, какъ зубная боль моя стала такой сильной, что я должна была лечь въ постель; у меня сдѣлалась сильная лихорадка и такой жаръ, что я стала бредить. Чоглокова, испуганная моимъ состояніемъ и приписывая его средству своего брата, побранилась съ нимъ; она не отходила отъ моей постели всю ночь и послала сказать императрицѣ, что ея домъ въ Раевѣ никоимъ образомъ не годится ни для кого, кто былъ такъ тяжко боленъ, какъ, ей думалось, я была больна; она такъ хлопотала, что на слѣдующій день меня совсѣмъ больную отвезли въ Москву. Я была дней десять-двѣнадцать въ постели, и зубная боль начиналась у меня каждый день послѣ обѣда въ одинъ и тотъ же часъ. Въ началѣ сентября императрица отправилась въ Воскресенскій монастырь, куда мы получили приказаніе пріѣхать ко дню ея именинъ. Въ этотъ день она назначила своимъ камеръюнкеромъ Ивана Ивановича Шувалова. Это было событіемъ при дворѣ; всѣ шептали другъ другу на ухо, что это новый фаворитъ; я радовалась его возвышенію, потому что, когда онъ еще былъ пажомъ, я его замѣтила, какъ человѣка много обѣщавшаго по своему прилежанію; его всегда видѣли съ книгой въ рукѣ. У меня по возвращеніи изъ этой поѣздки сдѣлалась острая боль въ горлѣ съ сильной лихорадкой. Императрица навѣстила меня во время этой болѣзни. Едва я начала поправляться и была еще очень слаба, какъ Ея Императорское Величество приказала мнѣ черезъ Чоглокову причесать племянницу гр. Румянцовой и быть у нея на свадьбѣ; она выходила за Александра Нарышкина, который впослѣдствіи былъ оберъ-шенкомъ. Чоглокова, видя, что я едва еще поправляюсь, была немного огорчена, передавая мнѣ это приказаніе, которое не доставило мнѣ удовольствія, потому что я ясно видѣла, какъ мало заботятся о моемъ здоровьѣ, а можетъ быть и

о самой жизни; я въ этомъ духѣ говорила съ Владиславовой, которая, казалось, какъ и я, была очень недовольна этимъ грубымъ и безпощаднымъ приказаніемъ. Я собралась съ силами и въ день, назначенный для свадьбы, ко мнѣ въ комнату привели невѣсту, которой я убрала голову моими брильянтами; когда это было сдѣлано, ее повели въ придворную церковь для вѣнчанія; мнѣ же велѣли ѣхать въ обществѣ Чоглоковой и моего двора въ домъ къ Нарышкинымъ. А мы жили въ Москвѣ во дворцѣ на краю Нѣмецкой слободы; чтобы попасть къ Нарышкинымъ, надо было проѣхать черезъ всю Москву и сдѣлать по крайней мѣрѣ семь верстъ; это было въ октябрѣ мѣсяцѣ, около девяти часовъ вечера; былъ трескучій морозъ и такая гололедица, что можно было ѣхать только тихимъ шагомъ. Я провела по крайней мѣрѣ два съ половиной часа въ дорогѣ туда и столько же оттуда, и не было ни одного человѣка изъ моей свиты и ни одной лошади, кто бы не упалъ одинъ или нѣсколько разъ. Наконецъ, доѣхавъ до Казанской церкви, которая возлѣ воротъ, называемыхъ Троицкими, мы встрѣтили другое затрудненіе: въ этой церкви вѣнчали въ тотъ самый часъ сестру Ив. Ив. Шувалова, которую причесывала императрица въ то время, какъ я причесывала Румянцову, и у этихъ воротъ скопились и спутались кареты; мы останавливались на каждомъ шагу, потомъ возобновились паденія, такъ какъ ни одна лошадь не была подкована на шипы; наконецъ мы прибыли, нельзя сказать, однако, чтобы въ самомъ лучшемъ настроеніи. Мы очень долго ждали новобрачныхъ, съ которыми случились приблизительно тѣ же приключенія, что и съ нами. Великій князь сопровождалъ новобрачныхъ, потомъ ждали еще императрицу, наконецъ сѣли за столъ; послѣ ужина сдѣлали нѣсколько туровъ парадныхъ танцевъ по комнатѣ, потомъ намъ велѣли вести новобрачныхъ въ ихъ спальню. Для этого пришлось пройти по нѣсколькимъ очень холоднымъ коридорамъ, подняться по нѣсколькимъ лѣстницамъ, не менѣе холоднымъ, потомъ проходить черезъ длинныя

галлереи, сколоченныя на скорую руку изъ сырыхъ досокъ, по которымъ вода текла со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, дойдя до покоевъ, мы сѣли за столъ, на которомъ было накрыто угощеніе; тамъ оставались, чтобы выпить только за здоровье новобрачныхъ, потомъ повели молодую въ спальню и вернулись, чтобы ѣхать домой. На слѣдующій день вечеромъ пришлось туда снова поѣхать. Кто бы подумалъ, что вся эта суматоха, вмѣсто того, чтобы повредить моему здоровью, нисколько не помѣшала моему выздоровленію; на слѣдующій день я лучше чувствовала себя, чѣмъ наканунѣ.

Безпокойство великаго князя.

Въ началѣ зимы я увидѣла, что великій князь очень безпокоится. Я не знала, что это значитъ; онъ больше не дрессировалъ своихъ собакъ, разъ по двадцати на дню приходилъ въ мою комнату, имѣлъ очень огорченный видъ, былъ задумчивъ и разсѣянъ; онъ накупилъ себѣ нѣмецкихъ книгъ, но какихъ книгъ? часть ихъ состояла изъ лютеранскихъ молитвенниковъ, а другая — изъ исторій и процессовъ какихъ-то разбойниковъ съ большой дороги, которыхъ вѣшали или колесовали. Онъ читалъ это поочередно, когда не игралъ на скрипкѣ. Такъ какъ онъ обыкновенно не долго хранилъ на сердцѣ то, что его удручало, и такъ какъ ему некому было разсказать объ этомъ, кромѣ меня, то я терпѣливо выжидала, что онъ мнѣ скажетъ. Наконецъ, однажды онъ мнѣ открылъ, что его мучило; я нашла, что дѣло несравненно серьезнѣе, чѣмъ я предполагала. Въ теченіе почти всего лѣта, по крайней мѣрѣ во время пребыванія въ Раевѣ и по дорогѣ въ Троицкій монастырь, я видѣла великаго князя почти только за столомъ и въ постели; онъ ложился послѣ того, какъ я уже спала, и уходилъ раньше, чѣмъ я просыпалась; остальное время почти все проходило въ охотѣ и въ приготовленіяхъ къ охотѣ. Чоглоковъ получилъ отъ оберъ-егермейстера, подъ предлогомъ развлеченія великаго князя, двѣ своры: одну изъ русскихъ собакъ и съ егерями, другую изъ французскихъ или нѣмецкихъ собакъ; къ этой былъ

приставленъ старый доѣзжачій французъ, мальчикъ-курляндецъ и одинъ нѣмецъ. Такъ какъ Чоглоковъ сталъ заправлять русской сворой, Его Императорское Высочество взялъ на себя иностранную свору, которой Чоглоковъ вовсе не интересовался; каждый изъ нихъ входилъ во всѣ мелочи, касающіяся его части, слѣдовательно Его Императорское Высочество ходилъ самъ постоянно на псарню, или же охотники приходили докладывать ему о состояніи своры, объ ея приключеніяхъ и нуждахъ, и наконецъ, коли пошло на чистоту, онъ связался съ этими людьми, закусывалъ и выпивалъ съ ними; на охотѣ онъ былъ всегда среди нихъ. Въ Москвѣ стоялъ тогда Бутырскій полкъ; въ этомъ полку былъ поручикъ Асафъ Батуринъ, весь въ долгу, игрокъ и всюду извѣстный за большого негодяя, впрочемъ человѣкъ очень рѣшительный. Не знаю, по какой случайности или какимъ образомъ этотъ человѣкъ свелъ знакомство съ охотниками французской своры, но думаю, что тѣ и другіе стояли возлѣ села Мытищи или Алексѣевскаго; словомъ, какъ бы то ни было, охотники сказали великому князю, что у нихъ былъ знакомый, поручикъ Бутырскаго полка, который выказываетъ большую преданность Его Императорскому Высочеству и утверждаетъ, что весь полкъ съ нимъ заодно. Великій князь охотно выслушалъ этотъ разсказъ и захотѣлъ узнать подробности о полкѣ черезъ своихъ охотниковъ; ему передали много дурного о начальникахъ и много хорошаго о подчиненныхъ. Батуринъ, все черезъ охотниковъ, попросилъ быть представленнымъ великому князю на охотѣ; на это великій князь вначалѣ согласился не сразу, но затѣмъ онъ сталъ поддаваться; мало-по-малу случилось то, что, когда великій князь былъ однажды на охотѣ, Батуринъ встрѣтился въ укромномъ мѣстечкѣ; при видѣ его и павъ передъ нимъ на колѣни, Батуринъ сказалъ ему, что онъ клянется не признавать никакого другого государя, кромѣ него, и что онъ сдѣлаетъ все, что великій князь прикажетъ. Великій князь сказалъ мнѣ, что онъ, великій князь, услышавъ эту клятву, испу-

гался, пришпорилъ лошадь, оставивъ Батурина на колѣняхъ въ лѣсу, и что охотники, которые его представили, не слышали, что тотъ сказалъ. Великій князь утверждалъ, что онъ болѣе не имѣлъ никакихъ спошеній съ этимъ человѣкомъ и что онъ даже предупредилъ охотниковъ, чтобы они остерегались, какъ бы этотъ человѣкъ не принесъ имъ несчастья. Его настоящее безпокойство происходило оттого, что охотники ему только что сказали, что Батуринъ былъ арестованъ и переведенъ въ Преображенское, гдѣ была Тайная канцелярія, которая вѣдала государственныя преступленія. Его Императорское Высочество дрожалъ за своихъ охотниковъ и очень боялся оказаться замѣшаннымъ. Что касается охотниковъ, его опасенія вскорѣ осуществились, ибо онъ узналъ нѣсколько дней спустя, что они были арестованы и отвезены въ Преображенское. Я старалась уменьшить его тревогу, указывая ему, что если онъ дѣйствительно не входилъ ни въ какіе переговоры съ этимъ человѣкомъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ мнѣ говорилъ, то какъ бы тотъ ни былъ виноватъ, я не думаю, чтобы его, великаго князя, очень стали винить за его поступокъ, который, по-моему, былъ не больше, какъ неосторожностью, какую онъ сдѣлалъ, связавшись со столь дурной компаніей. Затрудняюсь сказать, говорилъ ли онъ мнѣ правду; я имѣю основаніе думать, что онъ убавлялъ, передавая о переговорахъ, которые, можетъ быть, велъ, ибо со мною даже онъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ только отрывочными фразами и какъ будто поневолѣ; можетъ быть, чрезвычайный страхъ, который онъ испытывалъ, производилъ на него такое дѣйствіе. Вскорѣ послѣ того онъ пришелъ мнѣ сказать, что охотники выпущены на свободу, но съ приказаніемъ выслать ихъ за границу, и что они велѣли ему сказать, что не назвали его, вслѣдствіе чего онъ прыгалъ отъ радости, успокоился, и больше не было и рѣчи объ этомъ дѣлѣ. Что же касается Асафа Батурина, то его нашли очень виновнымъ. Я не читала и не видѣла этого дѣла; но узнала съ тѣхъ поръ, что онъ замышлялъ ни болѣе, ни менѣе, какъ

убить императрицу, поджечь дворецъ и этимъ ужаснымъ способомъ, благодаря сумятицѣ, возвести великаго князя на престолъ. Онъ былъ осужденъ, послѣ пытки, къ заключенію на всю жизнь въ Шлиссельбургѣ, и во время моего царствованія за то, что сдѣлалъ попытку бѣжать изъ тюрьмы, былъ сосланъ въ Камчатку, откуда убѣжалъ съ Беніовскимъ и былъ убитъ въ пути, во время грабежа на островѣ Формозѣ, въ Тихомъ океанѣ.

15 декабря мы отправились изъ Москвы въ Петербургъ. Мы ѣхали день и ночь въ саняхъ, которыя были открыты На полдорогѣ у меня снова сдѣлалась сильная зубная боль; несмотря на это, великій князь не соглашался закрыть сани, съ трудомъ соглашался онъ, чтобы я задернула немного занавѣску въ кибиткѣ, дабы защититься отъ холоднаго и сырого вѣтра, который дулъ мнѣ въ лицо. Наконецъ мы пріѣхали въ Царское Село, гдѣ уже была императрица, обогнавшая насъ по обыкновенію въ пути. Какъ только я вышла изъ саней, я пошла въ комнаты, намъ назначенныя, и послала за лейбъ-медикомъ императрицы Бургавомъ, племянникомъ знаменитаго [Бургава], и просила его, чтобы онъ велѣлъ вырвать мнѣ зубъ, который меня мучилъ уже отъ четырехъ до пяти мѣсяцевъ. Онъ соглашался на это съ трудомъ; но я этого хотѣла непремѣнно; наконецъ онъ послалъ за Гюйономъ, моимъ хирургомъ. Я сѣла на полъ, Бургавъ съ одной стороны, Чоглоковъ съ другой, а Гюйонъ рвалъ мнѣ зубъ; но въ ту минуту, какъ онъ его вырвалъ, глаза мои, носъ и ротъ превратились въ фонтанъ; изо рта лила кровь, изъ носу и глазъ вода. Тогда Бургавъ, у котораго было много здраваго смысла, воскликнулъ: «какой неловкій!» и, велѣвъ подать себѣ зубъ, сказалъ: «Вотъ этого-то я и боялся, и вотъ почему не хотѣлъ, чтобы его вырвали». Гюйонъ, удаляя зубъ, оторвалъ кусокъ нижней челюсти, въ которой зубъ сидѣлъ. Императрица подошла къ дверямъ моей комнаты въ ту минуту, какъ это происходило; мнѣ сказали потомъ, что она растрогалась до слезъ. Меня уло-

жили въ постель, я очень страдала, больше четырехъ недѣль, даже въ городѣ, куда мы, несмотря на то, поѣхали на слѣдующій день, все въ открытыхъ саняхъ. Я вышла изъ своей комнаты только въ половинѣ января 1750 г., потому что всѣ пять пальцевъ г. Гюйона были отпечатаны у меня синими и желтыми пятнами на щекѣ, внизу. Въ первый день новаго года, желая причесаться, я увидѣла, что мальчикъ-парикмахеръ, родомъ калмыченокъ, котораго я воспитала, былъ очень красенъ и съ очень отяжелѣвшими глазами; я спросила, что съ нимъ; онъ отвѣтилъ, что у него жаръ и очень болитъ голова. Я его отослала, велѣвъ ему итти лечь, потому что дѣйствительно онъ еле держался. Онъ ушелъ и вечеромъ мнѣ доложили, что у него оспа; я отдѣлалась страхомъ, что схвачу оспу, но не заразилась, хоть онъ мнѣ и причесывалъ голову. Императрица оставалась большую часть масленой въ Царскомъ Селѣ. Петербургъ былъ почти пустъ; большая часть остававшихся тамъ лицъ жили въ Петербургѣ по обязанности, никто—по своей охотѣ. Всѣ придворные, какъ только дворъ побывалъ въ Москвѣ и возвращался въ Петербургъ, спѣшили брать отпуски на годъ, на шесть мѣсяцевъ или хоть на нѣсколько недѣль, чтобы остаться въ Москвѣ. Чиновники, напримѣръ сенаторы и другіе, дѣлали то же самое, и когда боялись не получить отпуска, пускали въ ходъ настоящія или притворныя болѣзни мужей, женъ, отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ или дѣтей, или же процессы и другія дѣловыя и неотложныя хлопоты, словомъ, требовалось шесть мѣсяцевъ, а иногда и болѣе, прежде, чѣмъ дворъ и городъ становились тѣмъ, чѣмъ были до отъѣзда двора, а въ отсутствіе двора петербургскія улицы зарастали травой, потому что въ городѣ почти не было каретъ. При такомъ положеніи вещей въ настоящую минуту нельзя было разсчитывать на большое общество, особенно для насъ, которыхъ держали все взаперти. Чоглоковъ вздумалъ въ это время доставить намъ развлеченіе, или, вѣрнѣе, не зная, что дѣлать самому и женѣ отъ скуки, онъ приглашалъ насъ съ

великимъ княземъ приходить ежедневно послѣ обѣда играть у него въ покояхъ, которые онъ занималъ при дворѣ и которые состояли изъ четырехъ-пяти довольно маленькихъ комнатъ. Онъ звалъ туда дежурныхъ кавалеровъ и дамъ и принцессу Курляндскую, дочь герцога Эрнста Іоганна Бирона, прежняго фаворита императрицы Анны. Императрица Елизавета вернула этого герцога изъ Сибири, куда во время регентства принцессы Анны онъ былъ сосланъ; мѣстомъ жительства ему назначили Ярославль, на Волгѣ; тамъ онъ и жилъ, съ женою, двумя сыновьями и дочерью. Эта дочь не была ни красива, ни мила, ни стройна, ибо она была горбата и довольно мала ростомъ, но у нея были красивые глаза, умъ и необычайная способность къ интригѣ; ея отецъ и мать не очень ее любили; она увѣряла, что они постоянно дурно съ ней обращались. Въ одинъ прекрасный день она убѣжала изъ родительскаго дома и укрылась у жены ярославскаго воеводы, Пушкиной. Эта женщина, въ восторгѣ, что можетъ придать себѣ значеніе при дворѣ, привезла ее въ Москву, обратилась къ Шуваловой и бѣгство принцессы Курляндской изъ родительскаго дома объяснила какъ слѣдствіе преслѣдованій, которыя она терпѣла отъ родителей за то, что выразила желаніе перейти въ православіе. Въ самомъ дѣлѣ, первое, что она сдѣлала при дворѣ, было дѣйствительно ея исповѣданіе вѣры; императрица была ея крестной матерью, послѣ чего ей отвели помѣщеніе среди фрейлинъ. Чоглоковъ особенно старался выказывать ей вниманіе, потому что старшій братъ принцессы положилъ основаніе его благополучію, взявъ его изъ Кадетскаго корпуса, гдѣ онъ воспитывался, въ кавалергарды, и держалъ его при себѣ для посылокъ. Принцесса Курляндская, втершаяся такимъ образомъ къ намъ и игравшая каждый день въ триссетъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ съ великимъ княземъ, съ Чоглоковымъ и со мною, вела себя вначалѣ съ большою сдержанностью: она была вкрадчива, и умъ ея заставлялъ забывать, что у нея было непріятнаго въ наружности, осо-

Графиня Елисавета Романовна Воронцова.

Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Е. А. Воронцовой-Дашковой.

бенно, когда она сидѣла; она каждому говорила то, что могло ему нравиться. Всѣ смотрѣли на нее, какъ на интересную сироту, къ ней относились какъ къ особѣ почти безъ всякаго значенія. Она имѣла въ глазахъ великаго князя другое достоинство, которое было немаловажнымъ: это была своего рода иностранная принцесса и тѣмъ болѣе нѣмка, слѣдовательно они говорили вмѣстѣ только по-нѣмецки. Это придавало ей прелести въ его глазахъ; онъ началъ оказывать ей столько вниманія, сколько былъ способенъ; когда она обѣдала у себя, онъ посылалъ ей вина и нѣкоторыя любимыя блюда со своего стола и когда ему попадалась какая-нибудь новая гренадерская шапка или перевязь, онъ ихъ посылалъ къ ней, чтобы она посмотрѣла. Это было не единственное пріобрѣтеніе, которое дворъ сдѣлалъ въ Москвѣ въ лицѣ этой Курляндской принцессы, которой могло быть тогда отъ двадцати четырехъ до двадцати пяти лѣтъ. Императрица взяла ко двору двухъ графинь Воронцовыхъ, племянницъ вице-канцлера, дочерей графа Романа, его младшаго брата. Старшей, Маріи, могло быть около четырнадцати лѣтъ, ее сдѣлали фрейлиной императрицы; младшая, Елизавета, имѣла всего одиннадцать лѣтъ; ее опредѣлили ко мнѣ; это была очень некрасивая дѣвочка, съ оливковымъ цвѣтомъ лица и неопрятная до крайности. Онѣ обѣ начали въ Петербургѣ съ того, что схватили при дворѣ оспу и младшая стала еще некрасивѣе, потому что черты ея совершено обезобразились и все лицо покрылось не оспинами, а рубцами. Къ концу масленой императрица вернулась въ городъ. На первой недѣлѣ поста мы начали говѣть. Въ среду вечеромъ я должна была пойти въ баню, въ домѣ Чоглоковой; но наканунѣ вечеромъ Чоглокова вошла въ мою комнату, гдѣ находился и великій князь, и передала ему отъ императрицы приказаніе тоже итти въ баню. А баня и всѣ другіе русскіе обычаи и мѣстныя привычки не только не были по сердцу великому князю, но онъ даже смертельно ихъ ненавидѣлъ. Онъ наотрѣзъ сказалъ, что не сдѣлаетъ ничего подобнаго;

Чоглокова, тоже очень упрямая и не знавшая въ своемъ разговорѣ никакой осторожности, сказала ему, что это значитъ не повиноваться Ея Императорскому Величеству. Онъ сталъ утверждать, что не надо приказывать того, что противно его натурѣ, что онъ знаетъ, что баня, гдѣ онъ никогда не былъ, ему вредна, что онъ не хочетъ умереть, что жизнь ему дороже всего и что императрица никогда его къ такой вещи не принудитъ. Чоглокова возразила, что императрица сумѣетъ наказать его за сопротивленіе. Тутъ онъ разсердился и сказалъ ей вспыльчиво: «Увидимъ, что она мнѣ сдѣлаетъ, я не ребенокъ». Тогда Чоглокова стала ему угрожать, что императрица посадитъ его въ крѣпость. Въ виду этого онъ принялся горько плакать, и они наговорили другъ другу всего, что бѣшенство могло имъ внушить самаго оскорбительнаго, и у обоихъ буквально не было здраваго смысла. Въ концѣ концовъ она ушла и сказала, что передастъ слово въ слово этотъ разговоръ императрицѣ. Не знаю, что она сдѣлала, но она вернулась и разговоръ принялъ другой оборотъ, ибо она сказала, что императрица говорила и очень сердилась, что у насъ еще нѣтъ дѣтей, и что она хотѣла знать, кто изъ насъ двоихъ въ томъ виноватъ, что мнѣ она пришлетъ акушерку, а ему доктора; она прибавила ко всему этому много другихъ обидныхъ и безсмысленныхъ вещей и кончила словами, что императрица освобождаетъ насъ отъ говѣнія на этой недѣлѣ, потому что великій князь говоритъ, что баня повредитъ его здоровью. Надо знать, что во время этихъ разговоровъ я не открывала рта, во-первыхъ, потому, что оба говорили съ такою запальчивостью, что я не находила, куда бы вставить слово; во-вторыхъ, потому, что я видѣла, что съ той и другой стороны говорятъ совершенно безразсудныя вещи. Я не знаю, какъ судила объ этомъ императрица, но какъ бы то ни было, больше не поднимался вопросъ ни о томъ, ни о другомъ предметѣ послѣ того, что только что я разсказала. Въ половинѣ поста императрица поѣхала въ Гостилицы къ графу Разумовскому, чтобы отпраздновать тамъ

его именины, и она послала насъ со своими фрейлинами и съ нашей обычной свитой въ Царское Село. Погода была необыкновенно мягкая и даже жаркая, такъ что 17 марта не было больше снѣгу, и пыль стояла по дорогѣ. Пріѣхавъ въ Царское Село, великій князь и Чоглоковъ принялись охотиться, я же и дамы дѣлали какъ можно больше прогулокъ то пѣшкомъ, то въ экипажахъ; вечеромъ играли въ различныя игры. Здѣсь великій князь сталъ выказывать рѣшительное пристрастіе къ принцессѣ Курляндской, особенно выпивши вечеромъ за ужиномъ, что случалось съ нимъ почти каждый день; онъ не отходилъ отъ нея больше ни на шагъ, говорилъ только съ нею, однимъ словомъ дѣло это быстро шло впередъ въ моемъ присутствіи и на глазахъ у всѣхъ, что начинало оскорблять мое тщеславіе и самолюбіе; мнѣ обидно было, что этого маленькаго урода предпочитаютъ мнѣ. Однажды вечеромъ, когда я вставала изъ-за стола, Владиславова сказала мнѣ, что всѣ возмущены тѣмъ, что эту горбунью предпочитаютъ мнѣ; я ей отвѣтила: «что дѣлать!» у меня навернулись слезы, и я пошла спать. Только что я улеглась, какъ великій князь пришелъ спать. Такъ какъ онъ былъ пьянъ и не зналъ, что дѣлаетъ, то сталъ мнѣ говорить о высокихъ качествахъ своей возлюбленной; я сдѣлала видъ, что крѣпко сплю, чтобы заставить его поскорѣе замолчать, онъ сталъ говорить еще громче, чтобы меня разбудить, и, видя, что я не подаю признаковъ жизни, довольно сильно ткнулъ меня раза два-три кулакомъ въ бокъ, ворча на мой крѣпкій сонъ, повернулся и заснулъ. Я очень плакала въ эту ночь и изъ-за всей этой исторіи и изъ-за ударовъ, которые онъ мнѣ нанесъ, и изъ-за своего положенія, столь же непріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ, какъ и скучнаго. На слѣдующій день, казалось, ему было стыдно за то, что онъ сдѣлалъ; онъ мнѣ объ этомъ не говорилъ, я сдѣлала видъ, что не почувствовала. Мы вернулись два дня спустя въ городъ; на послѣдней недѣлѣ поста мы возобновили наше говѣніе; великому князю не говорили больше о томъ, чтобы итти въ

баню. Съ нимъ случилось на этой недѣлѣ другое приключеніе, которое немного его озаботило. Въ своей комнатѣ въ то время онъ былъ такъ или иначе цѣлый день въ движеніи; въ тотъ день онъ щелкалъ громаднымъ кучерскимъ кнутомъ, который нарочно себѣ заказалъ; онъ размахивалъ имъ по комнатѣ направо и налѣво, и заставлялъ своихъ камеръ-лакеевъ шибко бѣгать изъ угла въ уголъ, такъ какъ они боялись, что онъ ихъ исполосуетъ. Незнаю, какъ это онъ сдѣлалъ, но какъ бы то ни было, онъ самъ очень сильно хватилъ себя по щекѣ; рубецъ шелъ вдоль всей лѣвой части лица и былъ до крови; онъ очень встревожился, боясь, что ему даже на Пасхѣ нельзя будетъ выходить изъ-за этого и что императрица изъ-за его окровавленной щеки снова запретитъ ему говѣть, а когда узнаетъ о причинѣ, то его щелканіе кнутомъ навлечетъ на него непріятный выговоръ. Въ своемъ несчастіи онъ поспѣшилъ прибѣгнуть ко мнѣ за совѣтомъ, что всегда дѣлалъ въ такихъ случаяхъ. Итакъ, онъ прибѣжалъ съ окровавленной щекой; я воскликнула при видѣ его: «Боже мой, что съ вами случилось?» Онъ разсказалъ мнѣ тогда, въ чемъ дѣло. Подумавъ немного, я сказала: «Ну, можетъ быть, я вамъ помогу; прежде всего идите къ себѣ и постарайтесь, чтобы вашу щеку видѣли какъ можно меньше; я приду къ вамъ, когда достану то, что мнѣ нужно, и надѣюсь, что никто этого не замѣтитъ». Онъ ушелъ, а я вспомнила, что нѣсколько лѣтъ назадъ я упала въ петергофскомъ саду, расцарапала щеку до крови и мой хирургъ Гюйонъ далъ мнѣ мазь изъ свинцовыхъ бѣлилъ; я покрыла царапину, не переставала выходить и никто даже не замѣтилъ, что у меня была оцарапана щека. Я сейчасъ же послала за этой мазью и, когда мнѣ ее принесли, пошла къ великому князю и такъ хорошо замазала ему щеку, что онъ даже самъ ничего не видѣлъ въ зеркало. Въ четвергъ мы причащались съ императрицей въ большой придворной церкви, и, когда причастились и вернулись на наши мѣста, свѣтъ упалъ на щеку великому князю; Чоглоковъ подошелъ къ намъ, чтобы ска-

зать что-то и, взглянувъ на великаго князя, замѣтилъ ему: «Вытрите щеку, на ней мазь». На это я сказала великому князю, какъ бы шутя: «А я, ваша жена, запрещаю вамъ вытирать ее». Тогда великій князь сказалъ Чоглокову: «Видите, какъ эти женщины съ нами обращаются, мы не смѣемъ даже вытереться, когда это имъ не угодно».Чоглоковъ засмѣялся и сказалъ: «Вотъ ужъ настоящій женскій капризъ». Дѣло тѣмъ и кончилось, и великій князь былъ мнѣ очень признателенъ и за мазь, которая оказала ему услугу, выручивъ его изъ непріятности, и за мою находчивость, не оставившую ни малѣйшаго подозрѣнія даже въ Чоглоковѣ.

Такъ какъ въ ночь на Пасху надо было не спать, я легла въ Великую субботу около пяти часовъ дня, чтобы поспать до того часу, какъ надо будетъ одѣваться. Какъ только я легла, великій князь прибѣжалъ со всѣхъ ногъ сказать мнѣ, чтобы я немедленно вставала и шла ѣсть только что привезенныя изъ Голштиніи совсѣмъ свѣжія устрицы. Для него было большимъ и двойнымъ праздникомъ, когда онѣ приходили; онъ ихъ любилъ и вдобавокъ онѣ были изъ Голштиніи, его родины, къ которой онъ имѣлъ особое пристрастіе, но которой онъ не правилъ отъ этого лучше и въ которой онъ дѣлалъ или его заставляли дѣлать ужасныя вещи, какъ это будетъ видно впослѣдствіи. Не встать значило бы разобидѣть его и подвергнуться очень большой ссорѣ; итакъ, я встала и пошла къ нему, хотя и была измучена исполненіемъ всѣхъ обрядовъ говѣнія въ теченіе Страстной недѣли. Устрицы уже были поданы, когда я пришла къ нему, я съѣла дюжину, послѣ чего онъ позволилъ мнѣ вернуться къ себѣ, чтобы снова лечь, а самъ остался доканчивать устрицы. Не ѣсть слишкомъ много устрицъ значило тоже угодить ему, потому что ему оставалось больше, а онъ былъ очень жаденъ до нихъ. Въ двѣнадцать часовъ я встала и одѣлась, чтобы итти къ пасхальной заутренѣ и обѣднѣ, но не могла оставаться до конца службы изъ-за сильныхъ коликъ, которыя со мною случились; не помню, чтобы когда-либо въ жизни у меня

были такія сильныя боли; я вернулась къ себѣ въ комнату только съ княжной Гагариной, всѣ мои люди были въ церкви. Она помогла мнѣ раздѣться, лечь, послала за докторами; мнѣ дали лѣкарство; я провела первые два дня праздника въ постели.

Приблизительно около того времени, или немного ранѣе, пріѣхалъ въ Россію графъ Берни, посолъ Вѣнскаго двора, графъ Линаръ, посланникъ датскій, и генералъ Арнимъ, посланникъ саксонскій; послѣдній привезъ съ собою свою жену, рожденную Гоймъ. Графъ Берни былъ изъ Пьемонта; ему было тогда за пятьдесятъ; онъ былъ уменъ, любезенъ, веселъ и образованъ и такого характера, что молодые люди его предпочитали и больше развлекались съ нимъ, нежели со своими сверстниками. Онъ былъ вообще любимъ и уважаемъ, и я тысячу разъ говорила и повторяла, что если бы этотъ или ему подобный человѣкъ былъ приставленъ къ великому князю, то это было бы великимъ благомъ для этого принца, который такъ же, какъ я, оказывалъ графу Берни привязанность и особый почетъ и отличіе. Великій князь самъ говорилъ, что съ такимъ человѣкомъ возлѣ себя стыдно было бы дѣлать глупости. Прекрасныя слова, которыхъ и я никогда не забывала. Графъ Берни имѣлъ при себѣ кавалеромъ посольства графа Гамильтона, мальтійскаго кавалера. Какъ-то разъ, когда я при дворѣ спросила у него о здоровьѣ посла графа Берни, который былъ боленъ, мнѣ вздумалось сказать кавалеру Гамильтону, что я самаго высокаго мнѣнія о графѣ Батіани, котораго императрица-королева Марія Терезія назначила тогда воспитателемъ двоихъ старшихъ сыновей своихъ, эрцгерцоговъ Іосифа и Карла, потому что его предпочли въ этой должности графу Берни. Въ 1780 году, когда я имѣла свое первое свиданіе съ императоромъ Іосифомъ II въ Могилевѣ, Его Императорское Величество сказалъ мнѣ, что ему извѣстно это мое сужденіе; я ему возразила, что онъ знаетъ объ этомъ, вѣроятно, отъ графа Гамильтона, который состоялъ при этомъ государѣ послѣ того, какъ онъ вернулся изъ Россіи;

онъ мнѣ сказалъ тогда, что я вѣрно отгадала и что гр. Берни, котораго онъ не зналъ, оставилъ по себѣ репутацію человѣка болѣе пригоднаго для этой должности, чѣмъ его прежній воспитатель. Графъ Линаръ, посланникъ Датскаго короля, былъ отправленъ въ Россію, чтобы вести переговоры объ обмѣнѣ Голштиніи, принадлежавшей великому князю, на графство Ольденбургъ. Это былъ человѣкъ, соединявшій въ себѣ, какъ говорили, большія знанія съ такими же способностями; внѣшностью онъ походилъ на самаго настоящаго фата. Онъ былъ статенъ, хорошо сложенъ, рыжевато-бѣлокурый, съ бѣлымъ, какъ у женщины, цвѣтомъ лица; говорятъ, онъ такъ холилъ свою кожу, что ложился спать не иначе, какъ намазавъ лицо и руки помадой, и надѣвалъ на ночь перчатки и маску. Онъ хвастался тѣмъ, что имѣлъ восемнадцать дѣтей, и увѣрялъ, что всѣхъ кормилицъ своихъ дѣтей приводилъ въ положеніе, въ которомъ онѣ вторично могли кормить. Этотъ графъ Линаръ, такой бѣлый, носилъ датскій бѣлый орденъ и у него не было другого платья, кромѣ самыхъ свѣтлыхъ цвѣтовъ, какъ, напримѣръ, голубого, абрикосоваго, сиреневаго, тѣльнаго цвѣта и проч., хотя въ то время на мужчинахъ еще рѣдко можно было видѣть такіе свѣтлые цвѣта. Великій канцлеръ графъ Бестужевъ и его жена принимали у себя графа Линара, какъ родного, очень съ нимъ носились, но это не уберегло его фатоватости отъ насмѣшекъ. Противъ него было еще одно обстоятельство, состоявшее въ томъ, что еще довольно свѣжо было въ памяти; какъ братъ его былъ болѣе чѣмъ хорошо принятъ принцессой Анной, регентство которой всѣ осуждали. А съ тѣхъ поръ, какъ этотъ человѣкъ пріѣхалъ, онъ не нашелъ ничего болѣе неотложнаго, какъ хвастаться возложенными на него переговорами относительно обмѣна Голштиніи на графство Ольденбургъ. Великій канцлеръ графъ Бестужевъ призвалъ къ себѣ Пехлина, министра Голштинскаго герцогства при великомъ князѣ, и разсказалъ ему то, съ чѣмъ Линаръ пріѣхалъ. Пехлинъ сдѣлалъ объ этомъ докладъ великому князю.

Этотъ страстно любилъ свою Голштинскую страну. Съ Москвы уже представляли Его Императорскому Высочеству объ ея несостоятельности. Онъ попросилъ денегъ у императрицы. Она дала ему немного; эти деньги не дошли до Голштиніи, но ими были уплачены самые неотложные долги Его Императорскаго Высочества въ Россіи. Пехлинъ представлялъ дѣла въ Голштиніи со стороны финансовъ безнадежными; это Пехлину было не трудно, потому что великій князь полагался на него въ управленіи и мало или вовсе не обращалъ на него вниманія, такъ что однажды Пехлинъ, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ ему, медленно отчеканивая слова: «Ваше Высочество, отъ государя зависитъ вмѣшиваться или не вмѣшиваться въ дѣла его страны; если онъ не вмѣшивается, страна управляется сама собою, но управляется плохо». Этотъ Пехлинъ былъ человѣкъ очень маленькій и очень толстый, носилъ громадный парикъ, но онъ не лишенъ былъ ни знаній, ни способностей; въ этой короткой и толстой фигурѣ жилъ умъ тонкій и проницательный; его обвиняли только за неразборчивость въ средствахъ. Великій канцлеръ графъ Бестужевъ имѣлъ къ нему большое довѣріе и это былъ одинъ изъ его ближайшихъ довѣренныхъ. Пехлинъ докладывалъ великому князю, что слушать не значитъ вести переговоры, а отъ веденія переговоровъ до принятія [условій] еще очень далеко, что въ его власти будетъ всегда прервать ихъ, когда онъ найдетъ это нужнымъ, словомъ, мало-по-малу онъ заставилъ его разрѣшить Пехлину выслушать предложенія датскаго посланника и этимъ переговоры были открыты. Въ сущности, они огорчали великаго князя; онъ сталъ мнѣ о нихъ говорить. Я, которая была воспитана въ старинной враждѣ Голштинскаго дома противъ Датскаго, и которой всегда проповѣдывали, что графъ Бестужевъ всегда имѣлъ только вредные великому князю и мнѣ планы, я приняла извѣстіе объ этихъ переговорахъ съ большимъ раздраженіемъ и безпокойствомъ и противодѣйствовала имъ у великаго князя, сколько могла; мнѣ, впрочемъ, кромѣ

него, никто не говорилъ объ этомъ ни слова, и ему предписывали держать это въ величайшей тайнѣ, въ особенности, прибавляли, по отношенію къ дамамъ. Я думаю, что это предостереженіе касалось меня больше, нежели другихъ; но въ этомъ ошибались, потому что первымъ дѣломъ великаго князя было сказать мнѣ объ этомъ. Чѣмъ больше подвигались переговоры, тѣмъ больше старались выставить ихъ великому князю въ благопріятномъ и заманчивомъ видѣ; часто я видѣла его въ восхищеніи отъ того, что онъ пріобрѣтетъ; затѣмъ онъ испытывалъ мучительныя колебанія и сожалѣнія о томъ, что ему приходилось потерять. Когда видѣли, что онъ колеблется, замедляли переговоры и возобновляли ихъ лишь послѣ того, какъ изобрѣтали какую-нибудь новую приманку, чтобы заставить его видѣть вещи въ благопріятномъ свѣтѣ. Въ началѣ весны насъ перевели на житье въ Лѣтній садъ, въ маленькій Петровскій домикъ, гдѣ комнаты выходятъ прямо въ садъ; ни каменной набережной, ни моста на Фонтанкѣ тогда еще не существовало. Въ этомъ домикѣ у меня было одно изъ самыхъ сильныхъ огорченій, какія я имѣла въ царствованіе императрицы Елизаветы. Какъ-то разъ утромъ пришли сказать мнѣ, что императрица уволила отъ меня моего стариннаго камердинера Тимоѳея Евреинова. Предлогомъ для этого изгнанія была ссора Евреинова въ моей гардеробной съ человѣкомъ, подававшимъ намъ кофе, на эту ссору пришелъ великій князь и услышалъ часть ругательствъ, которыми они обмѣнивались. Противникъ Евреинова пошелъ жаловаться Чоглокову и сказалъ, что тотъ наговорилъ ему, безъ всякаго уваженія къ присутствію великаго князя, массу грубостей. Чоглоковъ тотчасъ же доложилъ объ этомъ императрицѣ, которая велѣла обоихъ уволить отъ двора, и Евреинова сослали въ Казань, гдѣ онъ былъ впослѣдствіи полиціймейстеромъ. Правда въ этомъ дѣлѣ заключалась въ томъ, что и Евреиновъ и другой лакей были къ намъ очень привязаны, особенно первый, и это было лишь давно желаннымъ предлогомъ, чтобы удалить его отъ меня; у него

было на рукахъ все, что мнѣ принадлежало. Императрица приказала, чтобы человѣкъ, котораго Евреиновъ взялъ въ помощники и котораго звали Шкуринымъ, занялъ его мѣсто; къ этому человѣку я не имѣла тогда никакого довѣрія. Вскорѣ насъ перевели изъ Петровскаго домика въ Лѣтній деревянный дворецъ, гдѣ намъ приготовили новые покои; одна сторона дворца выходила на Фонтанку, которая была тогда лишь грязнымъ болотомъ, а другая на гадкій узкій дворишко. Въ Троицынъ день императрица приказала мнѣ пригласить супругу саксонскаго посланника г-жу д'Арнимъ [1]) поѣхать со мною верхомъ въ Екатериненгофъ. Эта женщина хвасталась, что любитъ ѣздить верхомъ, и увѣряла, что справляется съ этимъ отлично; императрица хотѣла видѣть, насколько это правда. Я послала пригласить госпожу Арнимъ ѣхать со мною. Это была высокая, стройная женщина лѣтъ двадцати пяти-шести, нѣсколько худощавая и очень некрасивая, лицо у нея было слишкомъ длинное и рябоватое, но такъ какъ она хорошо одѣвалась, то издали она производила извѣстный эффектъ и казалась довольно бѣленькой. Арнимъ пришла ко мнѣ около пяти часовъ пополудни, одѣтая съ головы до ногъ въ мужской костюмъ изъ краснаго сукна, обшитаго золотымъ галуномъ; куртка была зеленая гродетуровая, тоже вышитая золотомъ. Она не знала, куда дѣвать шляпу и руки, и показалась намъ довольно неуклюжей. Такъ какъ я знала, что императрица не любитъ, чтобы я ѣздила верхомъ помужски, то я велѣла приготовить себѣ англійское дамское сѣдло и надѣла англійскую амазонку изъ очень дорогой матеріи, голубой съ серебромъ, отдѣланную хрустальными пуговицами, которыя до неузнаваемости походили на брильянты, и черная шапочка моя была окружена шнуркомъ изъ брильянтовъ. Я спустилась, чтобъ садиться на лошадь; въ эту минуту императрица пришла къ намъ въ комнаты посмотрѣть, какъ мы поѣдемъ. Такъ какъ я была тогда

---

[1]) Въ подлинникѣ—d'Arnheim; и далѣе такъ же.

очень ловка и очень привычна къ верховой ѣздѣ, то, какъ только я подошла къ лошади, такъ на нее и вскочила; юбку, которая у меня была разрѣзная, я спустила по бокамъ лошади. Мнѣ передали, что императрица, видя, съ какимъ проворствомъ и ловкостью я вскочила на лошадь, изумилась и сказала, что нельзя быть лучше меня на лошади; она спросила, на какомъ я сѣдлѣ, и, узнавъ, что на дамскомъ, сказала: «Можно поклясться, что она на мужскомъ сѣдлѣ». Когда очередь дошла до Арнимъ, она не блеснула ловкостью передъ Ея Императорскимъ Величествомъ. Эта дама велѣла привести свою лошадь изъ дому; то была старая вороная кляча, очень большая и тяжелая, и, какъ увѣряли наши придворные, упряжная изъ ея кареты. Ей понадобилась лѣсенка, чтобы влѣзть. Все это сопровождалось всякими церемоніями и наконецъ съ помощью нѣсколькихъ лицъ она усѣлась на свою клячу, которая пошла довольно неровной рысью, такъ что порядкомъ трясла даму, которая не была тверда ни въ сѣдлѣ, ни въ стременахъ, и которая держалась рукой за луку. Видя, что она сѣла, я поѣхала впередъ, а за мной кто могъ, тотъ и поспѣвалъ. Я догнала великаго князя, который уѣхалъ впередъ, а Арнимъ со своей клячей осталась позади. Мнѣ говорили, что императрица очень смѣялась и не осталась довольна верховой ѣздою Арнимъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ двора, кажется, Чоглокова, ѣхавшая въ каретѣ, взяла къ себѣ эту даму, терявшую то шляпу, то стремена; наконецъ, намъ ее доставили въ Екатериненгофъ, но приключенія этимъ еще не кончились. Въ этотъ день шелъ дождь до трехъ часовъ пополудни и площадка у лѣстницы Екатериненгофскаго дома была покрыта лужами; сойдя съ лошади и пробывъ нѣкоторое время въ залѣ этого дома, гдѣ было много народу, я вздумала пройти черезъ открытый подъѣздъ въ комнату, гдѣ были мои женщины. Арнимъ хотѣла итти за мною и такъ какъ я шла очень скоро, то она поспѣвала только бѣгомъ, попала въ лужу, поскользнулась и растянулась во весь ростъ, это вызвало смѣхъ

многочисленныхъ зрителей, бывшихъ на крыльцѣ. Она поднялась немного сконфуженная, свалила всю вину своего паденія на новые сапоги, которые въ этотъ день надѣла. Мы вернулись съ прогулки въ каретѣ, и по дорогѣ Арнимъ расхваливала намъ доброту своей клячи, а мы кусали губы, чтобъ не разсмѣяться. Однимъ словомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней она была посмѣшищемъ двора и города. Мои женщины увѣряли, что она упала потому, что хотѣла мнѣ подражать, не будучи такъ ловка, какъ я. Чоглокова, которая не была смѣшлива, хохотала до слезъ, когда ей объ этомъ напоминали и даже долгое время спустя. Изъ Лѣтняго дворца мы отправились въ Петергофъ, гдѣ въ этомъ году жили въ Монплезирѣ. Мы проводили постоянно часть дня у Чоглоковой и такъ какъ у нея бывалъ народъ, то тамъ было довольно весело. Оттуда мы отправились въ Ораніенбаумъ, гдѣ каждый Божій день бывали на охотѣ и иногда проводили по тринадцати часовъ на лошади. Лѣто было однако довольно дождливое; помню, что однажды, когда я возвращалась домой вся промокшая, я встрѣтила своего портного, который мнѣ сказалъ: «Какъ вы себя отдѣлали; не удивляюсь, что едва поспѣваю шить амазонки и что у меня постоянно требуютъ новыхъ». Я носила ихъ только изъ шелковаго камлота; отъ дождя онѣ садились, отъ солнца выгорали, а слѣдовательно мнѣ и нужны были все новыя. Въ это время я придумала себѣ сѣдла, на которыхъ можно было сидѣть какъ угодно; они были съ англійскимъ крючкомъ и можно было перекидывать ногу, чтобы сидѣть по-мужски; кромѣ того, крючокъ отвинчивался и другое стремя спускалось и поднималось, какъ угодно и смотря по тому, что я находила нужнымъ. Когда спрашивали у берейторовъ, какъ я ѣзжу, они отвѣчали: «на дамскомъ сѣдлѣ, согласно съ волей императрицы»; они не лгали; я перекидывала ногу только тогда, когда была увѣрена, что меня не выдадутъ, и такъ какъ я вовсе не хвасталась своей выдумкой и всѣ были рады мнѣ угодить, то я и не имѣла никакихъ непріятностей; великому князю было все равно, какъ я ѣзжу; что касается

берейторовъ, то они находили, что для меня менѣе риску ѣздить по-мужски, особенно гоняясь постоянно на охотѣ, нежели на англійскомъ сѣдлѣ, которое они ненавидѣли, боясь всегда какого-нибудь несчастнаго случая, за который, можетъ быть, ихъ потомъ обвинятъ. По правдѣ сказать, я была очень равнодушна къ охотѣ, но страстно любила верховую ѣзду; чѣмъ это упражненіе было вольнѣе, тѣмъ оно было мнѣ милѣе, такъ что если какая-нибудь лошадь убѣгала, то я догоняла ее и приводила назадъ. Въ это время у меня также всегда была съ собою въ карманѣ книга и, если я находила свободную минутку, я употребляла ее на чтеніе. Я замѣтила на этихъ охотахъ, что Чоглоковъ становится гораздо мягче, особенно со мною; это внушило мнѣ опасеніе, какъ бы онъ не вздумалъ ухаживать за мною, что мнѣ отнюдь не было на руку; во-первыхъ, сама особа его нисколько мнѣ не нравилась: онъ былъ бѣлокурый, хлыщеватый, очень толстый и такъ же тяжелъ умомъ, какъ и тѣломъ, его всѣ ненавидѣли какъ жабу, и онъ совершенно ничѣмъ не былъ пріятенъ; ревность его жены, ея злость и недоброжелательность были такъ же вещами, которыхъ слѣдовало избѣгать, особенно мнѣ, не имѣвшей на свѣтѣ никакой другой опоры, кромѣ себя самой и своихъ достоинствъ, если они у меня были. А потому я остерегалась и избѣгала, какъ мнѣ казалось, очень ловко всѣхъ преслѣдованій Чоглокова, но такимъ образомъ, что ему никогда не приходилось жаловаться на мое обращеніе. Это было отлично замѣчено его женою, которая была мнѣ за это благодарна и которая меня впослѣдствіи очень полюбила, отчасти изъ-за этого, какъ я потомъ разскажу. При нашемъ дворѣ было двое камергеровъ Салтыковыхъ, сыновей генералъ-адъютанта Василія Ѳедоровича Салтыкова, жена котораго, Марія Алексѣевна, рожденная княжна Голицына, мать этихъ двухъ молодыхъ людей, была въ большой чести у императрицы за отличныя услуги, оказанныя ей при вступленіи ея на престолъ когда она проявила ей рѣдкую вѣрность и преданность. Младшій изъ ея сыновей, Сер-

гѣй, недавно женился на одной изъ фрейлинъ императрицы, Матренѣ Павловнѣ Балкъ. Старшаго его брата звали Петромъ, это былъ дуракъ въ полномъ смыслѣ слова, у него была самая глупая физіономія, какую я только видѣла въ моей жизни. Большіе неподвижные глаза, вздернутый носъ и всегда полуоткрытый ротъ; при этомъ онъ былъ сплетникъ перваго сорта и, какъ таковой, былъ довольно хорошо принятъ у Чоглоковыхъ, которые, впрочемъ, считали его незначащимъ человѣкомъ. Я подозрѣваю, что это Владиславова, въ качествѣ старинной знакомой матери этого дурака, и внушила Чоглоковымъ мысль женить его на принцессѣ Курляндской. Какъ бы то ни было, но онъ сталъ въ ряды ея поклонниковъ, сдѣлалъ предложеніе, получилъ ея согласіе, а его родители просили согласія императрицы. Великій князь узналъ объ этомъ только тогда, когда дѣло было уже совсѣмъ слажено. По возвращеніи нашемъ въ городъ онъ былъ этимъ сильно разсерженъ и дулся на принцессу Курляндскую. Не знаю, какіе привела она ему доводы, но какъ бы то ни было, хоть онъ и очень не одобрялъ ея замужества, но все же она сохранила часть его привязанности и продолжала имѣть на него нѣкотораго рода вліяніе еще очень долгое время. Я была въ восторгѣ отъ этого брака и велѣла вышить великолѣпный свадебный костюмъ для жениха. Тогда свадьбы при дворѣ по полученіи согласія императрицы совершались только по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ ожиданія, потому что Ея Императорское Величество сама назначала день, очень часто надолго это забывала, а когда ей напоминали, она откладывала съ одного срока на другой. Такъ было въ данномъ случаѣ и съ этой свадьбой. Осенью мы возвратились въ городъ, и я имѣла удовольствіе видѣть, какъ принцесса Курляндская и Петръ Салтыковъ благодарили Ея Императорское Величество за согласіе, которое она соизволила дать на ихъ бракъ. Впрочемъ, семья Салтыковыхъ была одна изъ самыхъ древнихъ и знатныхъ въ имперіи. Она даже была въ свойствѣ съ императорскимъ домомъ черезъ мать императрицы Анны, которая была

Салтыковой, но отъ другой вѣтви, чѣмъ эти, между тѣмъ какъ Биронъ, сдѣланный принцемъ Курляндскимъ по милости императрицы Анны, былъ только сыномъ бѣднаго мелкаго фермера одного курляндскаго дворянина. Этого фермера звали Биренъ, но фаворъ, которымъ пользовался въ Россіи сынъ, сдѣлалъ то, что семья Бироновъ во Франціи приняла его въ свой родъ, по уговору кардинала Флери, который, желая привлечь русскій дворъ, поощрялъ честолюбіе и тщеславіе Бирена, герцога Курляндскаго. Какъ только мы вернулись въ городъ, намъ сказали, что, кромѣ двухъ дней въ недѣлю, уже назначенныхъ для французской комедіи, будутъ еще два раза въ недѣлю маскарады. Великій князь прибавилъ къ этому еще одинъ день для концертовъ у него, а по воскресеньямъ обыкновенно былъ куртагъ. Итакъ, мы собирались провести довольно веселую и оживленную зиму. Одинъ изъ маскарадныхъ дней былъ только для двора и для тѣхъ, кого императрицѣ угодно было допустить; другой для всѣхъ сановныхъ лицъ города, начиная съ чина полковника, и для тѣхъ, кто служилъ въ гвардіи въ офицерскихъ чинахъ; иногда допускалось и на этотъ балъ все дворянство и наиболѣе именитое купечество. Придворные балы не превышали числомъ человѣкъ полтораста-двѣсти; на тѣхъ же, которые назывались публичными, [бывало до] 800 масокъ. Императрицѣ вздумалось въ 1744 г. въ Москвѣ заставлять всѣхъ мужчинъ являться на придворные маскарады въ женскомъ платьѣ, а всѣхъ женщинъ — въ мужскомъ, безъ масокъ на лицѣ, это былъ собственно куртагъ навыворотъ. Мужчины были въ большихъ юбкахъ на китовомъ усѣ, въ женскихъ платьяхъ и съ такими прическами, какія дамы носили на куртагахъ, а дамы въ такихъ платьяхъ, въ какихъ мужчины появлялись въ этихъ случаяхъ. Мужчины не очень любили эти дни превращеній; большинство были въ самомъ дурномъ расположеніи духа, потому что они чувствовали, что они были безобразны въ своихъ нарядахъ; женщины большею частью казались маленькими, невзрачными маль-

чишками, а у самыхъ старыхъ были толстыя и короткія ноги, что не очень-то ихъ красило. Дѣйствительно и безусловно хороша въ мужскомъ нарядѣ была только сама императрица, такъ какъ она была очень высока и немного полна; мужской костюмъ ей чудесно шелъ; вся нога у нея была такая красивая, какой я никогда не видала ни у одного мужчины, и удивительно изящная ножка. Она танцовала въ совершенствѣ и отличалась особой граціей во всемъ, что дѣлала, одинаково въ мужскомъ и въ женскомъ нарядѣ. Хотѣлось бы все смотрѣть, не сводя съ нея глазъ, и только съ сожалѣніемъ ихъ можно было оторвать отъ нея, такъ какъ не находилось никакого предмета, который бы съ ней сравнялся. Какъ-то на одномъ изъ этихъ баловъ я смотрѣла, какъ она танцуетъ менуэтъ; когда она кончила, она подошла ко мнѣ; я позволила себѣ сказать ей, что счастье женщинъ, что она не мужчина, и что одинъ ея портретъ, написанный въ такомъ видѣ, могъ бы вскружить голову многимъ женщинамъ. Она очень хорошо приняла то, что я ей сказала отъ полноты чувствъ, и отвѣтила мнѣ въ томъ же духѣ самымъ милостивымъ образомъ, сказавъ, что если бы она была мужчиной, то я была бы той, которой она дала бы яблоко. Я наклонилась, чтобы поцѣловать ей руку за такой неожиданный комплиментъ; она меня поцѣловала, и все общество старалось отгадать, что произошло между императрицей и мною. Я не утаила этого отъ Чоглоковой, которая пересказала на ухо двумъ-тремъ лицамъ, и изъ устъ въ уста черезъ четверть часа почти всѣ это узнали. Когда дворъ былъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ, князь Юсуповъ, сенаторъ и директоръ Кадетскаго корпуса, былъ главнымъ командиромъ города Санктъ-Петербурга, гдѣ онъ оставался въ отсутствіи двора. Для собственнаго развлеченія и увеселенія главныхъ особъ, которыя тамъ съ нимъ находились, онъ заставлялъ кадетовъ играть поочередно лучшія трагедіи, какъ русскія, которыя тогда сочинялъ Сумароковъ, такъ и французскія трагедіи Вольтера. Въ этихъ послѣднихъ сіи молодые люди

такъ же плохо произносили слова, какъ играли, и такъ какъ женскія роли исполнялись тоже кадетами, то эти пьесы вообще были изуродованы. По возвращеніи своемъ изъ Москвы императрица приказала, чтобы пьесы Сумарокова были разыграны при дворѣ этой труппой молодыхъ людей. Императрица находила удовольствіе въ этихъ представленіяхъ и вскорѣ замѣтили, что она смотрѣла на эту игру съ большимъ, нежели можно было ожидать, интересомъ. Театръ, который былъ устроенъ въ одной изъ залъ дворца, былъ перенесенъ во внутренніе ея покои, она находила удовольствіе въ томъ, чтобы наряжать актеровъ; она заказала имъ великолѣпные костюмы и они сплошь были покрыты драгоцѣнными камнями Ея Императорскаго Величества. Замѣтили особенно, что первый любовникъ, довольно красивый восемнадцати или двадцатилѣтній юноша, былъ, какъ то и полагалось, самый нарядный; но на немъ видѣли и внѣ театра брильянтовыя пряжки, кольца, часы, кружева и очень изысканное бѣлье. Наконецъ онъ вышелъ изъ Кадетскаго корпуса, и оберъегермейстеръ графъ Разумовскій, прежній фаворитъ императрицы, тотчасъ же взялъ его къ себѣ въ адъютанты, что этому послѣднему дало чинъ капитана. Тогда царедворцы стали дѣлать заключенія на свой ладъ и вообразили, что, такъ какъ графъ Разумовскій взялъ къ себѣ въ адъютанты кадета Бекетова, то это не могло имѣть другой цѣли, какъ подорвать фаворъ камеръ-юнкера Шувалова, который не былъ ни въ хорошихъ, ни въ дружественныхъ отношеніяхъ съ семьею Разумовскихъ, и отсюда было выведено наконецъ заключеніе, что этотъ молодой человѣкъ начинаетъ пользоваться очень большою милостью императрицы. Узнали, кромѣ того, что Разумовскій приставилъ къ своему новому адъютанту другого юнца, котораго онъ [и] назначилъ, Ивана Перфильевича Елагина. Этотъ послѣдній былъ женатъ на прежней горничной императрицы; она-то и позаботилась снабдить молодого человѣка бѣльемъ и кружевами, о которыхъ выше упомянуто; такъ какъ она

вовсе не была богата, то можно было легко догадаться, что деньги на эти расходы шли не изъ кошелька этой женщины. Никто не былъ болѣе заинтригованъ начинающимся фаворомъ этого молодого человѣка, какъ моя фрейлина княжна Гагарина, которая была уже не молода и искала себѣ партіи по вкусу, у нея было свое состояніе, она не была красива, но очень умна и ловка, ей во второй разъ довелось остановить свой выборъ на томъ самомъ лицѣ, которое потомъ пользовалось фаворомъ императрицы: первымъ былъ Шуваловъ, вторымъ тотъ самый Бекетовъ, о которомъ только что шла рѣчь. Множество молодыхъ и красивыхъ женщинъ дружили съ княжной Гагариной, кромѣ того, у нея была многочисленная родня; родня эта обвиняла Шувалова въ томъ, что онъ былъ скрытой причиной тѣхъ постоянныхъ выговоровъ, которые императрица дѣлала княжнѣ Гагариной относительно ея наряда и запрещала ей, какъ и многимъ другимъ молодымъ дамамъ, носить тѣ или другія тряпки; отъ злости на это княжна Гагарина и всѣ молодыя хорошенькія придворныя дамы на чемъ свѣтъ стоитъ бранили Шувалова и принялись его ненавидѣть, хотя прежде очень любили; онъ думалъ ихъ смягчить, ухаживая за ними и передавая имъ разныя любезности черезъ самыхъ довѣренныхъ своихъ людей, а онѣ смотрѣли на это, какъ на новыя оскорбленія. Его всюду отталкивали и дурно принимали; всѣ эти женщины смотрѣли на него, какъ на чуму, отъ которой надо было бѣжать. Между тѣмъ великій князь подарилъ мнѣ маленькаго англійскаго пуделя, какого я хотѣла имѣть. У меня въ комнатѣ былъ истопникъ, Иванъ Ушаковъ, и ему поручили ходить за этимъ пуделемъ. Не знаю, почему, но другіе слуги вздумали звать моего пуделя Иваномъ Ивановичемъ, по имени этого человѣка. Пудель этотъ самъ по себѣ былъ забавнымъ животнымъ; онъ ходилъ большею частью на заднихъ лапкахъ, словно человѣкъ, и былъ необычайно взбалмошный, такъ что я и мои женщины причесывали и одѣвали его каждый день по раз-

кому, и чѣмъ больше на него напутывали, тѣмъ больше онъ бѣсновался; онъ садился съ нами за столъ, ему надѣвали салфетку и онъ очень чисто ѣлъ со своей тарелки; потомъ онъ поворачивалъ голову и тявкалъ, прося пить у того, кто стоялъ за его стуломъ; иногда онъ влѣзалъ на столъ, чтобы взять то, что ему приходилось по вкусу, какъ, напримѣръ, пирожокъ или сухарикъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, что смѣшило всю компанію. Такъ какъ онъ былъ малъ, то онъ никого не безпокоилъ и ему все позволяли, потому что онъ не злоупотреблялъ свободой, которой пользовался, и былъ образцовой чистоты. Этотъ пудель забавлялъ насъ въ теченіе всей зимы; лѣтомъ мы взяли его съ собою въ Ораніенбаумъ; камергеръ Салтыковъ младшій пріѣхалъ къ намъ съ женой и эта послѣдняя и всѣ наши придворныя дамы цѣлыми днями только и дѣлали, что шили моему пуделю разные чепцы и одѣянія и другъ у друга его отбивали. Наконецъ Салтыкова такъ его полюбила, что онъ особенно къ ней привязался, и когда она уѣзжала, ни пудель не хотѣлъ отъ нея уходить, ни она отъ него, и она такъ просила отпустить его съ ней, что я отдала его. Она взяла его подъ мышку и отправилась вмѣстѣ съ пуделемъ въ деревню къ своей свекрови, которая тогда была больна. Свекровь, при видѣ ея съ собакой, выдѣлывавшей разныя штуки, захотѣла узнать ея кличку; услышавъ, что ее зовутъ Иваномъ Ивановичемъ, она не преминула выразить свое удивленіе въ присутствіи разныхъ придворныхъ особъ, которыя пріѣхали навѣстить ее изъ Петергофа. Послѣднія вернулись ко двору и черезъ три-четыре дня весь дворъ и городъ были заняты разсказами о томъ, какъ всѣ молодыя женщины, враги Шувалова, имѣютъ каждая по бѣлому пуделю, съ кличкой Иванъ Ивановичъ, въ насмѣшку надъ фаворитомъ императрицы, что онѣ заставляютъ этихъ пуделей выдѣлывать разныя штуки и носить свѣтлые цвѣта, въ которые онъ любилъ рядиться. Дѣло дошло до того, что императрица велѣла сказать родителямъ этихъ молодыхъ дамъ, что она

находитъ дерзкимъ позволять такія вещи. Пуделю тотчасъ же перемѣнили кличку, но съ нимъ попрежнему носились и онъ оставался въ домѣ Салтыковыхъ любимцемъ своихъ хозяевъ до самой смерти, несмотря на императорскій изъ-за него выговоръ. Въ сущности это была клевета; только одну эту собаку такъ называли, да и то она была черная и о Шуваловѣ не думали, когда давали ей эту кличку. Что касается Чоглоковой, не любившей Шуваловыхъ, то она дѣлала видъ, что не обратила вниманія на кличку собаки, которую она однако постоянно слышала, и сама не разъ кормила эту собаку пирожками и смѣялась надъ ея шалостями и фокусами. Во время послѣднихъ зимнихъ мѣсяцевъ и частыхъ придворныхъ баловъ и маскарадовъ при дворѣ снова появились двое прежнихъ моихъ камеръ-юнкеровъ, назначенныхъ полковниками въ армію, Александръ Вильбуа и графъ Захаръ Чернышевъ; такъ какъ они искренно были ко мнѣ привязаны, то я была очень рада ихъ видѣть и сообразно съ этимъ приняла ихъ; они со своей стороны пользовались каждымъ случаемъ, когда могли дать мнѣ доказательства своего искренняго расположенія. Я тогда очень любила танцы; на публичныхъ балахъ я обыкновенно до трехъ разъ мѣняла платья; нарядъ мой былъ всегда очень изысканный, и если надѣтый мною маскарадный костюмъ вызывалъ всеобщее одобреніе, то я навѣрное ни разу больше его не надѣвала, потому что поставила себѣ за правило: разъ платье произвело однажды большой эффектъ, то вторично оно можетъ произвести уже меньшій. На придворныхъ балахъ, гдѣ публика не присутствовала, я зато одѣвалась такъ просто, какъ могла, и въ этомъ не мало угождала императрицѣ, которая не очень-то любила, чтобы на этихъ балахъ появлялись въ слишкомъ нарядныхъ туалетахъ. Однако, когда дамамъ было приказано являться въ мужскихъ платьяхъ, я являлась въ роскошныхъ платьяхъ, расшитыхъ по всѣмъ швамъ, или въ платьяхъ очень изысканнаго вкуса, и это сходило безъ всякой критики, наобо-

ротъ, это нравилось императрицѣ, но я не знаю хорошенько, почему. Надо сознаться, что ухищренія кокетства были тогда очень велики при дворѣ, и что всякій старался отличиться въ нарядѣ. Помню, что какъ-то разъ, на одномъ изъ этихъ публичныхъ маскарадовъ, узнавъ, что всѣ дѣлаютъ себѣ новыя и прекраснѣйшія платья, и потерявъ надежду превзойти всѣхъ женщинъ, я придумала надѣть гродетуровый бѣлый корсажъ (у меня тогда была очень тонкая талія) и такую же юбку на очень маленькихъ фижмахъ; я велѣла убрать волосы спереди какъ можно лучше, а назади сдѣлать локоны изъ волосъ, которые были у меня очень длинные, очень густые и очень красивые; я велѣла ихъ завязать бѣлой лентой сзади въ видѣ лисьяго хвоста и приколола къ нимъ одну только розу съ бутонами и листьями, которые до неузнаваемости походили на настоящіе; другую я приколола къ корсажу; я надѣла на шею брыжжи изъ очень бѣлаго газу, рукавчики и маленькій передникъ изъ того же газу, и отправилась на балъ. Въ ту минуту, какъ я вошла, я легко замѣтила, что обращаю на себя всѣ взоры. Я прошла, не останавливаясь, черезъ всю галлерею и вошла въ покои, которые составляли другую половину; я встрѣтила императрицу, которая мнѣ сказала: «Боже мой, какая простота! какъ! даже ни одной мушки?» Я засмѣялась и отвѣтила, что это для того, чтобы быть легче одѣтой. Она вынула изъ своего кармана коробочку съ мушками и выбрала изъ нихъ одну средней величины, которую прилѣпила мнѣ на лицо. Оставивъ ее, я вскорѣ вернулась въ галлерею, гдѣ показала мушку самымъ близкимъ, а также фавориткамъ императрицы, и такъ какъ мнѣ было очень весело, то въ этотъ вечеръ я танцовала больше обыкновеннаго. Не помню, чтобы когда-либо въ жизни я получала столько отъ всѣхъ похвалъ, какъ въ тотъ день. Говорили, что я прекрасна, какъ день, и поразительна хороша; правду сказать, я никогда не считала себя чрезвычайно красивой, но я нравилась и полагаю, что въ этомъ и была моя сила. Я вернулась домой очень

довольная тѣмъ, что придумала такую простоту, въ то время какъ остальные наряды были рѣдкой изысканности. Въ такихъ развлеченіяхъ кончился 1750 г. Г-жа Арнимъ танцовала лучше, нежели ѣздила верхомъ. Помню, какъ однажды, когда у меня съ ней зашло дѣло о томъ, чтобъ узнать, кто изъ насъ двоихъ скорѣе устанетъ, оказалось, что это она; усѣвшись на стулъ, она призналась, что изнемогаетъ, между тѣмъ какъ я еще танцовала.

[ЗАПИСКИ].

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Въ началѣ 1751 г. великій князь, полюбившій такъ же, какъ и я, посланника Вѣнскаго двора графа Берни, вздумалъ говорить съ нимъ о своихъ голштинскихъ дѣлахъ, о долгахъ, которыми страна эта тогда была обременена, и о начатыхъ съ его разрѣшенія переговорахъ съ Даніей. Онъ мнѣ сказалъ какъ-то разъ, чтобъ и я поговорила съ графомъ Берни; я отвѣтила, что если онъ мнѣ это приказываетъ, я не премину это сдѣлать. Дѣйствительно, на первомъ же маскарадѣ я подошла къ графу Берни, остановившемуся у балюстрады, за которой танцовали, и сказала, что великій князь приказалъ мнѣ поговорить съ нимъ о дѣлахъ Голштиніи. Графъ Берни выслушалъ меня съ большимъ интересомъ и вниманіемъ. Я ему вполнѣ откровенно сказала, что хотя я молода и мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться, въ дѣлахъ, можетъ быть, плохо смыслю и вовсе не имѣю опыта, который я могла бы привести въ свою пользу, но взгляды у меня свои собственные; пусть не хватаетъ для этого многихъ знаній, но мнѣ кажется прежде всего, что голштинскія дѣла не въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ хотятъ ихъ представить. Далѣе, что касается обмѣна самого по себѣ, то я довольно хорошо понимаю, что онъ мо-

жетъ быть полезнѣе для Россіи, чѣмъ лично для великаго князя; конечно, ему, какъ наслѣднику престола, долженъ быть дорогъ и важенъ интересъ имперіи; если для этого интереса необходимо нужно, чтобъ великій князь отдѣлался отъ Голштиніи, дабы прекратить нескончаемый разладъ съ Даніей, то и тогда дѣло лишь въ томъ, чтобы, сохраняя пока Голштинію, выбрать наиболѣе благопріятный моментъ, когда бы великій князь согласился на это; настоящее время, какъ мнѣ кажется, не такой моментъ ни для интереса имперіи, ни для личной славы великаго князя; между тѣмъ могло бы наступить время или обстоятельства, которыя сдѣлали бы этотъ актъ и болѣе важнымъ и болѣе славнымъ для него, и, можетъ быть, болѣе выгоднымъ для самой Россійской имперіи; но теперь все это имѣетъ видъ явной интриги, которая при удачѣ придастъ великому князю такой видъ слабости, отъ котораго онъ не оправится, можетъ быть, въ общественномъ мнѣніи во всю свою жизнь; онъ, такъ сказать, лишь немного дней управляетъ дѣлами своей страны, онъ страстно любитъ эту страну и, несмотря на это, удалось убѣдить его обмѣнять ее, неизвѣстно зачѣмъ, на Ольденбургъ, котораго онъ совсѣмъ не знаетъ и который больше удаленъ отъ Россіи; сверхъ того одинъ только Кильскій портъ въ рукахъ великаго князя можетъ быть важенъ для русскаго мореплаванія. Графъ Берни вошелъ во всѣ мои соображенія и сказалъ мнѣ въ заключеніе: «Какъ посланникъ, на все это я не имѣю инструкцій, но какъ графъ Берни, я думаю, что вы правы». Великій князь сказалъ мнѣ послѣ этого, что имперскій посланникъ ему сказалъ: «Все, что я могу сказать вамъ объ этомъ дѣлѣ, такъ это то, что, по моему мнѣнію, ваша жена права, и что вы очень хорошо сдѣлаете, если ее послушаете». Вслѣдствіе этого великій князь очень охладѣлъ къ этимъ переговорамъ, что, очевидно, и замѣтили и что было причиной, по которой стали съ нимъ рѣже говорить объ этомъ. Послѣ Пасхи мы по обыкновенію переѣхали на нѣкоторое время въ Лѣтній дворецъ, а оттуда въ Петер-

гофъ. Пребываніе здѣсь съ каждымъ годомъ становилось короче [1])...

Въ этомъ году случилось событіе, которое дало придворнымъ пищу для пересудовъ. Оно было подстроено интригами Шуваловыхъ. Полковникъ Бекетовъ, о которомъ говорилось выше, со скуки и не зная, что дѣлать во время своего фавора, который дошелъ до такой степени, что со дня на день ждали, кто изъ двоихъ уступитъ свое мѣсто другому, т.-е. Бекетовъ ли Ивану Шувалову, или послѣдній первому,—вздумалъ заставлять малышей пѣвчихъ императрицы пѣть у себя. Онъ особенно полюбилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ за красоту ихъ голоса и, такъ какъ и онъ самъ, и его другъ Елагинъ были стихотворцы, то онъ сочинялъ для нихъ пѣсни, которыя дѣти пѣли. Всему этому дали гнусное толкованіе; знали, что ничто не было такъ ненавистно въ глазахъ императрицы, какъ подобнаго рода порокъ, Бекетовъ въ невинности своего сердца прогуливался съ этими дѣтьми по саду: это было вмѣнено ему въ преступленіе. Императрица уѣхала въ Царское Село дня на два и потомъ вернулась въ Петергофъ, а Бекетовъ получилъ приказаніе остаться тамъ подъ предлогомъ болѣзни. Онъ тамъ остался въ самомъ дѣлѣ съ Елагинымъ, схватилъ тамъ горячку, отъ которой чуть не умеръ, и въ бреду онъ говорилъ только объ императрицѣ, которой былъ всецѣло занятъ; онъ поправился, но остался въ немилости и удалился, послѣ чего былъ переведенъ въ армію, гдѣ не имѣлъ никакого успѣха. Онъ былъ слишкомъ изнѣженъ для военнаго ремесла.

Въ это время мы поѣхали въ Ораніенбаумъ, гдѣ бывали каждый день на охотѣ; къ осени вернулись въ городъ [2]).

Въ сентябрѣ императрица опредѣлила камеръ-юнкеромъ къ нашему двору Льва Нарышкина. Онъ только что вер-

---

[1]) Въ подлинникѣ — начало вставки.

[2]) Конецъ одной вставки и начало другой.

нулся съ матерью, братомъ, женой этого послѣдняго и съ тремя своими сестрами изъ Москвы. Это была одна изъ самыхъ странныхъ личностей, какихъ я когда-либо знала, и никто не заставлялъ меня такъ смѣяться, какъ онъ. Это былъ врожденный арлекинъ и, если бы онъ не былъ знатнаго рода, къ какому онъ принадлежалъ, то онъ могъ бы имѣть кусокъ хлѣба и много зарабатывать своимъ дѣйствительно комическимъ талантомъ: онъ былъ очень неглупъ, обо всемъ наслышанъ, и все укладывалось въ его головѣ оригинальнымъ образомъ. Онъ былъ способенъ создавать цѣлыя разсужденія о какомъ угодно искусствѣ или наукѣ; употреблялъ при этомъ техническіе термины, говорилъ по четверти часа и болѣе безъ перерыву и въ концѣ концовъ ни онъ и никто другой ничего не понимали во всемъ, что лилось изъ его рта потокомъ вмѣстѣ связанныхъ словъ, и всѣ подъ конецъ разражались смѣхомъ. Онъ между прочимъ говорилъ объ исторіи, что онъ не любитъ исторіи, въ которой были только исторіи, и что для того, чтобы исторія была хороша, нужно, чтобы въ ней не было исторій, и что исторія, впрочемъ, сводится къ набору словъ [1]). Еще въ вопросахъ политики онъ былъ неподражаемъ. Когда онъ начиналъ о ней говорить, ни одинъ серьезный человѣкъ этого не выдерживалъ [безъ смѣха]. Онъ говорилъ также, что хорошо написанныя комедіи большею частью скучны. Какъ только онъ былъ назначенъ ко двору, императрица дала его старшей сестрѣ приказаніе выйти замужъ за нѣкоего Сенявина, который для этого былъ опредѣленъ камеръ-юнкеромъ къ нашему двору. Это было громовымъ ударомъ для дѣвицы, которая вышла за него замужъ лишь съ величайшимъ отвращеніемъ. Бракъ этотъ былъ очень дурно принятъ обществомъ, которое взвалило всю вину на Шувалова, фаворита императрицы; онъ имѣлъ большую склонность къ этой дѣвицѣ до своего фавора, и ее такъ не-

---

[1]) Въ подлинникѣ: que d'ailleurs l'histoire devenoit du phébus [Phébus—темный и высокопарный стиль].

удачно выдали замужъ только для того, чтобы онъ потерялъ ее изъ виду. Это было по истинѣ тираническое преслѣдованіе; наконецъ, она вышла за него замужъ, впала въ чахотку и умерла [1]).

Въ концѣ сентября мы снова перешли въ Зимній дворецъ. При дворѣ въ это время былъ такой недостатокъ въ мебели, что тѣ же зеркала, кровати, стулья, столы и комоды, которые намъ служили въ Зимнемъ дворцѣ, перевозились за нами въ Лѣтній дворецъ, а оттуда въ Петергофъ и даже слѣдовали за нами въ Москву. Билось и ломалось въ переѣздахъ не малое количество этихъ вещей и въ такомъ поломанномъ видѣ намъ ихъ и давали, такъ что трудно было ими пользоваться; такъ какъ нужно было особое приказаніе императрицы на полученіе новыхъ вещей и большею частью трудно, а подчасъ и невозможно было до нея добраться, то я рѣшила мало-по-малу покупать себѣ комоды, столы и самую необходимую мебель на собственныя деньги, какъ для Зимняго, такъ и для Лѣтняго дворца, и, когда мы переѣзжали изъ одного въ другой, я находила у себя все, что мнѣ было нужно, безъ хлопотъ и потерь при перевозкѣ. Такой порядокъ полюбился великому князю; онъ завелъ такой же для своихъ покоевъ. Что касается Ораніенбаума, принадлежавшаго великому князю, мы тамъ имѣли за свой счетъ все, что намъ было нужно. Для своихъ комнатъ въ этомъ дворцѣ я все покупала на свои деньги, во избѣжаніе всякихъ споровъ и затрудненій, ибо Его Императорское Высочество, хотя и очень былъ мотоватъ на всѣ свои прихоти, но жалѣлъ денегъ на все, что меня касалось, и вообще вовсе не былъ щедрымъ; но такъ какъ то, что я дѣлала для своихъ комнатъ на собственный коштъ, служило къ украшенію дома, то онъ былъ очень этимъ доволенъ. Въ теченіе этого лѣта Чоглокова особенно меня полюбила и такъ искренно, что, вернувшись въ городъ, не могла безъ меня обойтись и скучала, когда

[1]) Конецъ вставки.

я не бывала съ ней. Сущность этой привязанности заключалась въ томъ, что я совсѣмъ не отвѣчала на привязанность, которую ея супругу угодно было ко мнѣ проявить, что придало мнѣ необычайную заслугу въ глазахъ этой женщины. По возвращенiи въ Зимнiй дворецъ Чоглокова каждый день послѣ обѣда присылала за мной съ приглашенiемъ къ себѣ; у нея бывало немного народу, но все же больше, чѣмъ у меня, гдѣ я была одна за чтенiемъ, или съ великимъ княземъ, который появлялся только затѣмъ, чтобы ходить большими шагами по моей комнатѣ и говорить о вещахъ, которыя его интересовали, но для меня не имѣли никакой цѣны. Эти прогулки продолжались часа по два и повторялись нѣсколько разъ въ день; надо было шагать съ нимъ до изнеможенiя, слушать со вниманiемъ, надо было ему отвѣчать, а рѣчи его были большею частью безсвязны и воображенiе его часто разыгрывалось. Помню, что какъ-то разъ онъ былъ занятъ почти цѣлую зиму проектомъ постройки въ Ораніенбаумѣ дачи въ видѣ капуцинскаго монастыря, гдѣ онъ, я и весь дворъ, который его сопровождалъ, должны были быть одѣты капуцинами; онъ находилъ это одѣянiе прелестнымъ и удобнымъ. Каждый долженъ былъ имѣть клячу и по очереди ѣздить на ней за водой или возить провизiю въ мнимый монастырь; онъ помиралъ со смѣху и былъ внѣ себя отъ удовольствiя въ виду изумительныхъ и забавныхъ эффектовъ, какiе произведетъ его выдумка. Онъ заставилъ меня набросать карандашомъ планъ этой чудесной затѣи и каждый день надо было прибавлять или убавлять что-нибудь. Какъ я ни была полна рѣшимости быть въ отношенiи къ нему услужливой и терпѣливой, признаюсь откровенно, что очень часто мнѣ было невыносимо скучно отъ этихъ посѣщенiй, прогулокъ и разговоровъ, ни съ чѣмъ по нелѣпости не сравнимыхъ. Когда онъ уходилъ, самая скучная книга казалась восхитительнымъ развлеченiемъ. Къ концу осени при дворѣ возобновились дворцовые и публичные балы такъ же, какъ и погоня за нарядами и изы-

сканностью маскарадныхъ костюмовъ. Графъ Захаръ Чернышевъ вернулся въ Петербургъ; какъ къ старинному знакомому я продолжала очень хорошо къ нему относиться; отъ меня зависѣло на этотъ разъ принимать его ухаживанія, какъ мнѣ угодно. Онъ началъ съ того, что сказалъ мнѣ, что находитъ меня очень похорошѣвшей. Въ первый разъ въ жизни мнѣ говорили подобныя вещи. Мнѣ это понравилось и даже больше: я простодушно повѣрила, что онъ говоритъ правду. На каждомъ балу—новые разговоры въ томъ же духѣ; какъ-то разъ княжна Гагарина принесла мнѣ отъ него девизъ; разламывая его, я замѣтила, что онъ былъ вскрытъ и подклеенъ; билетикъ въ немъ былъ, какъ всегда, печатный, но это были два стиха, очень нѣжныхъ и чувствительныхъ. Я велѣла принести себѣ послѣ обѣда девизы и стала искать между ними билетикъ, который могъ бы отвѣчать, не компрометируя меня, на его билетикъ, нашла подходящій, положила его въ девизъ, изображавшій апельсинъ, и дала его княжнѣ Гагариной, которая передала его графу Чернышеву. На слѣдующій день она принесла мнѣ отъ него еще девизъ, но на этотъ разъ я нашла въ немъ его собственноручную записку въ нѣсколько строкъ. На этотъ разъ и я отвѣтила, и вотъ мы съ нимъ въ правильной, очень чувствительной перепискѣ. На первомъ маскарадѣ, танцуя со мною, онъ сталъ мнѣ говорить, что имѣетъ сказать мнѣ тысячу вещей, которыхъ не смѣетъ довѣрить бумагѣ или вложить въ девизъ, такъ какъ княжна Гагарина можетъ раздавить его въ карманѣ или потерять по дорогѣ, а потому онъ проситъ назначить ему на минуту свиданіе у меня въ комнатѣ или гдѣ это я найду удобнымъ. Я отвѣтила ему, что это совершенно невозможно, что мои комнаты совершенно недоступны и что я также не могу выходить изъ нихъ. Онъ мнѣ сказалъ, что переодѣнется, если это нужно, лакеемъ, но я наотрѣзъ отказалась, и дѣло остановилось на перепискѣ, какую прятали въ девизы. Наконецъ княжна Гагарина спохватилась, что̀ изъ этого можетъ выйти, стала бранить меня за то, что я ей это по-

ручаю, и не захотѣла больше принимать девизы. Между тѣмъ кончился 1751 годъ и начался 1752 годъ. Въ концѣ
1572 масленой графъ Чернышевъ уѣхалъ въ свой полкъ. За нѣсколько дней до его отъѣзда мнѣ надо было пустить кровь. Это было въ субботу; въ слѣдующую среду Чоглоковъ пригласилъ насъ къ себѣ на островъ въ устьѣ Невы; онъ имѣлъ тамъ домъ, состоявшій изъ одного зала по серединѣ и нѣсколькихъ боковыхъ комнатъ. Рядомъ съ этимъ домомъ онъ велѣлъ устроить катальныя горы. Пріѣхавъ туда, я застала гр. Романа Воронцова, который, увидавъ меня, сказалъ: «Я все устроилъ, я заказалъ отличныя санки для катанья съ горъ». Такъ какъ онъ и раньше часто меня каталъ, я охотно приняла его предложеніе, и тотчасъ же онъ велѣлъ привезти санки, въ которыхъ было своего рода маленькое кресло; я въ него усѣлась, а онъ сталъ позади меня и мы начали спускаться, но на половинѣ ската онъ не справился съ санями, онѣ опрокинулись, я вылетѣла вонъ, а графъ Воронцовъ, очень тяжеловѣсный и неуклюжій, повалился на меня, или, вѣрнѣе, на мою лѣвую руку, изъ которой дня за четыре, за пять назадъ пускали кровь. Я поднялась и онъ также, и мы пошли пѣшкомъ къ придворнымъ санямъ, поджидавшимъ всѣхъ, кто скатывался, и отвозившимъ ихъ на мѣсто, откуда они спускались, чтобы желающіе могли снова кататься. Сидя въ этихъ саняхъ съ княжною Гагариной, которая вмѣстѣ съ гр. Иваномъ Чернышевымъ поѣхала со мною, причемъ Чернышевъ и Воронцовъ стояли на запяткахъ, я почувствовала, что лѣвую мою руку обдаетъ тепломъ отъ неизвѣстной мнѣ причины; я засунула правую руку въ рукавъ шубы, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и, вытащивъ ее, увидѣла, что она въ крови. Я сказала обоимъ графамъ и княжнѣ, что, повидимому, у меня открылась жила и что изъ нея течетъ кровь. Они погнали сани и, вмѣсто горъ, мы отправились домой; тамъ мы нашли только одного тафельдекера. Я сняла шубу, тафельдекеръ далъ намъ уксусу и гр. Чернышевъ исполнялъ

обязанности хирурга. Мы всѣ согласились и рта не открывать насчетъ этого происшествія. Какъ только рука моя была перевязана, я вернулась на горы; весь остальной вечеръ я танцовала; потомъ мы поужинали, я вернулась домой, и никто не подозрѣвалъ, что̀ со мною случилось; однако отъ этого у меня почти на мѣсяцъ какъ бы отнялся большой палецъ на рукѣ; но понемногу это прошло. Постомъ у меня была сильная перебранка съ Чоглоковой; вотъ въ чемъ дѣло. Мать моя съ нѣкоторыхъ поръ находилась въ Парижѣ; старшій сынъ генерала Ивана Ѳедоровича Глѣбова, вернувшись изъ этой столицы, передалъ мнѣ отъ матери два куска очень богатыхъ и красивыхъ матерій. Глядя на нихъ въ присутствіи Шкурина, который ихъ развертывалъ у меня въ уборной, я невольно сказала, что эти матеріи такъ хороши, что мнѣ хотѣлось бы подарить ихъ императрицѣ. И дѣйствительно я выжидала минуту, чтобы сказать о нихъ Ея Императорскому Величеству; я видѣла ее очень рѣдко и то большей частью въ публикѣ. Я не говорила объ этомъ съ Чоглоковой. Это былъ подарокъ, который я хотѣла сдѣлать лично; я запретила Шкурину говорить кому бы то ни было о томъ, что у меня сорвалось съ языка только при немъ; но онъ первымъ дѣломъ поспѣшилъ передать тотчасъ Чоглоковой то, что у меня сорвалось съ языка. Черезъ нѣсколько дней, въ одно прекрасное утро Чоглокова вошла ко мнѣ и сказала, что императрица велѣла благодарить меня за матеріи, что она оставила одну, а другую возвращаетъ мнѣ. Я была поражена отъ удивленія, услышавъ это. Я сказала: «Какъ?» Тогда Чоглокова отвѣтила мнѣ, что она снесла мои матеріи императрицѣ, услыхавъ, что я ихъ предназначаю Ея Императорскому Величеству. Тутъ я такъ разсердилась, какъ и не упомню, чтобы это со мной случалось; я бормотала, почти не могла говорить, но все же сказала Чоглоковой, что я радовалась тому, что подарю сама эти матеріи императрицѣ, и что она лишила меня этой радости; что она, Чоглокова, не могла знать моихъ намѣреній, потому что я ей не говорила о нихъ, и что если она

ихъ знала, то только изъ устъ предателя-лакея, который выдалъ свою госпожу, ежедневно осыпавшую его благодѣяніями. Чоглокова, у которой всегда были свои доводы, сказала мнѣ и стала утверждать, что я никогда не должна ни о чемъ сама говорить съ императрицей, что она мнѣ объявляла этотъ приказъ отъ имени Ея Императорскаго Величества, и что мои слуги должны были передавать ей все, что я говорю, что, слѣдовательно, Шкуринъ исполнилъ только свой долгъ, а она свой, снеся Ея Императорскому Величеству безъ моего вѣдома предназначенныя мной для императрицы матеріи, и что все это сдѣлано правильно. Я не мѣшала ей говорить, потому что у меня не было словъ отъ гнѣва; наконецъ она ушла; я направилась въ маленькую переднюю, гдѣ Шкуринъ обыкновенно находился по утрамъ и гдѣ были мои платья; заставъ его тамъ, я влѣпила ему изо всѣхъ силъ здоровую пощечину и сказала, что онъ предатель и самый неблагодарный изъ людей, такъ какъ посмѣлъ передать Чоглоковой, о чемъ я запретила ему говорить; что я осыпала его благодѣяніями, а онъ выдавалъ меня даже въ такихъ невинныхъ словахъ; что съ этого дня я больше ничего не стану ему давать, что я его прогоню и велю отодрать. Я его спросила, на что онъ разсчитываетъ при такомъ поведеніи; вѣдь я всегда останусь тѣмъ, что я есмь, а Чоглоковы, всѣми ненавидимые и презираемые, кончатъ тѣмъ, что ихъ выгонитъ сама императрица, которая, навѣрное, рано или поздно признаетъ и ихъ непроходимую глупость и неспособность къ своей должности, на которую опредѣлилъ ихъ своими происками дурной человѣкъ; что если онъ хочетъ, то ему стоитъ только пойти передать то, что я ему сейчасъ сказала; что со мной изъ-за этого, конечно, ничего не случится, но онъ самъ увидитъ, что съ нимъ будетъ. Мой Шкуринъ упалъ на колѣни, заливаясь горючими слезами, и просилъ у меня прощенія, съ искреннимъ, какъ мнѣ показалось, раскаяніемъ. Я была тронута и сказала, что дальнѣйшее его поведеніе покажетъ мнѣ путь, какого мнѣ съ нимъ держаться,

и что съ его поведеніемъ я согласую свое обращеніе. Это былъ толковый малый, у котораго не было недостатка въ умѣ и который никогда больше не поступалъ противъ меня; наоборотъ, онъ далъ мнѣ доказательства самаго явнаго усердія и вѣрности въ наиболѣе трудныя времена. На выкинутую Чоглоковой со мною штуку я жаловалась всѣмъ, кому могла, дабы это дошло до ушей императрицы. Увидѣвъ меня, императрица поблагодарила меня за матеріи, и я изъ третьихъ рукъ узнала, что она не одобряетъ поступка Чоглоковой; дѣло на этомъ и кончилось. Послѣ Пасхи мы перешли въ Лѣтній дворецъ. Я уже нѣсколько времени замѣчала, что камергеръ Сергѣй Салтыковъ бывалъ чаще обыкновеннаго при дворѣ; онъ всегда приходилъ со Львомъ Нарышкинымъ, который всѣхъ забавлялъ своей оригинальностью,— я уже привела нѣкоторыя черты ея. Сергѣй Салтыковъ былъ ненавистенъ княжнѣ Гагариной, которую я очень любила и къ которой питала даже довѣріе. Льва Нарышкина всѣ терпѣли и смотрѣли на него, какъ на личность совсѣмъ не значащую и очень оригинальную. Сергѣй Салтыковъ заискивалъ, какъ только могъ, у Чоглоковыхъ; но такъ какъ Чоглоковы не были ни пріятны, ни умны, ни занимательны, то его частыя посѣщенія должны были имѣть какія-нибудь скрытыя цѣли. Чоглокова была тогда беременна и часто нездорова; такъ какъ она увѣряла, что я ее развлекаю лѣтомъ такъ же, какъ и зимою, то она часто просила, чтобы я къ ней приходила. Сергѣй Салтыковъ, Левъ Нарышкинъ, княжна Гагарина и нѣкоторые другіе бывали обыкновенно у нея, когда не было концерта у великаго князя или представленія при дворѣ. Концерты надоѣдали Чоглоковой, которая или поздно, или совсѣмъ на нихъ не появлялась. Чоглоковъ никогда ихъ не пропускалъ. Сергѣй Салтыковъ нашелъ необыкновенное средство занимать его. Не знаю, какъ онъ выискалъ въ этомъ человѣкѣ, самомъ тупомъ и лишенномъ всякаго воображенія и ума, страстную наклонность къ сочиненію пѣсенъ, не имѣвшихъ здраваго смысла. Какъ только сдѣлано было

это открытіе, каждый разъ, какъ хотѣли отдѣлаться отъ Чоглокова, просили его сочинить новую пѣсню, онъ съ большою готовностью сейчасъ же садился въ уголъ комнаты, большею частью къ печкѣ, и принимался за свою пѣсню, что заполняло весь вечеръ. Потомъ находили пѣсню прелестной, это его поощряло сочинять все новыя. Левъ Нарышкинъ клалъ ихъ на музыку и пѣлъ съ Чоглоковымъ, а пока тотъ ихъ сочинялъ, разговоръ шелъ въ комнатѣ безъ стѣсненія и говорили, что угодно, ибо когда Чоглоковъ куда-нибудь усаживался, то онъ уже не вставалъ со стула во весь вечеръ; такимъ образомъ отъ мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, зависѣло, чтобы онъ былъ удобенъ или неудобенъ, невыносимъ или очарователенъ; послѣднимъ онъ бывалъ только тогда, когда находился очень далеко. У меня была толстая книга его пѣсенъ, не знаю, что съ ней сталось. Во время одного изъ этихъ концертовъ Сергѣй Салтыковъ далъ мнѣ понять, какая была причина его частыхъ посѣщеній. Я не сразу ему отвѣтила; когда онъ снова сталъ говорить со мной о томъ же, я спросила его: на что же онъ надѣется? Тогда онъ сталъ рисовать мнѣ столь же плѣнительную, сколь полную страсти картину счастья, на какое онъ разсчитывалъ; я ему сказала: «А ваша жена, на которой вы женились по страсти два года назадъ, въ которую вы, говорятъ, влюблены и которая любитъ васъ до безумія,—что она объ этомъ скажетъ?» Тогда онъ сталъ мнѣ говорить, что не все то золото, что блеститъ, и что онъ дорого расплачивается за мигъ ослѣпленія. Я приняла всѣ мѣры, чтобы заставить его перемѣнить эти мысли; я простодушно думала, что мнѣ это удастся; мнѣ было его жаль. Къ несчастію, я продолжала его слушать; онъ былъ прекрасенъ, какъ день, и, конечно, никто не могъ съ нимъ сравняться ни при большомъ дворѣ, ни тѣмъ болѣе при нашемъ. У него не было недостатка ни въ умѣ, ни въ томъ складѣ познаній, манеръ и пріемовъ, какой даютъ большой свѣтъ и особенно дворъ. Ему было 26 лѣтъ; вообще и по рожденію, и по многимъ другимъ качествамъ это

Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ.

… собранія покойнаго А. Я. В…

Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ.

Съ портрета, принадлежащаго А. А. Васильчикову.

былъ кавалеръ выдающійся; свои недостатки онъ умѣлъ скрывать: самыми большими изъ нихъ были склонность къ интригѣ и отсутствіе строгихъ правилъ; но они тогда еще не развернулись на моихъ глазахъ. Я не поддавалась всю весну и часть лѣта; я видала его почти каждый день; я не мѣняла вовсе своего обращенія съ нимъ, была такая же, какъ всегда и со всѣми; я видѣла его только въ присутствіи двора или нѣкоторой его части. Какъ-то разъ я ему сказала, чтобы отдѣлаться, что онъ не туда обращается, и прибавила: «Почемъ вы знаете, можетъ быть, мое сердце занято въ другомъ мѣстѣ?» Эти слова не отбили у него охоту, а наоборотъ, я замѣтила, что преслѣдованія его стали еще жарче. При всемъ этомъ о миломъ супругѣ и рѣчи не было, ибо это было дѣло извѣстное и знакомое, что онъ не любезенъ даже съ тѣми, въ кого онъ влюбленъ, а влюбленъ онъ былъ постоянно и ухаживалъ, такъ сказать, за всѣми женщинами; только та, которая носила имя его жены, была исключена изъ [круга] его вниманія. Между тѣмъ Чоглоковъ пригласилъ насъ на охоту на свой островъ, и мы всѣ туда отправились въ лодкахъ; наши лошади были высланы впередъ. Тотчасъ по пріѣздѣ я сѣла на лошадь, и мы поскакали за собаками. Сергѣй Салтыковъ улучилъ минуту, когда всѣ были заняты погоней за зайцами, и подъѣхалъ ко мнѣ, чтобы поговорить на свою излюбленную тему; я слушала его терпѣливѣе обыкновеннаго. Онъ нарисовалъ мнѣ картину придуманнаго имъ плана, какъ покрыть глубокой тайной, говорилъ онъ, то счастье, которымъ нѣкто могъ бы наслаждаться въ подобномъ случаѣ. Я не говорила ни слова. Онъ воспользовался моимъ молчаніемъ, чтобы убѣдить меня, что онъ страстно меня любитъ, и просилъ меня позволить ему надѣяться, что я, по крайней мѣрѣ, къ нему не равнодушна. Я ему сказала, что не могу помѣшать игрѣ его воображенія. Наконецъ онъ сталъ дѣлать сравненія между другими придворными и собою и заставилъ меня согласиться, что заслуживаетъ предпочтенія, откуда онъ заключилъ, что и былъ

уже предпочтенъ. Я смѣялась тому, что онъ мнѣ говорилъ, но въ душѣ согласилась, что онъ мнѣ довольно нравится. Часа черезъ полтора разговора я сказала ему, чтобы онъ ѣхалъ прочь, потому что такой долгій разговоръ можетъ стать подозрительнымъ. Онъ возразилъ, что не уѣдетъ, пока я не скажу ему, что я къ нему не равнодушна; я отвѣтила: «Да, да, но только убирайтесь», а онъ: «Я это запомню», и пришпорилъ лошадь; я крикнула ему въ слѣдъ: «Нѣтъ, нѣтъ», а онъ повторилъ: «Да, да». Такъ мы разстались. Вернувшись въ домъ, находившійся на островѣ, мы тамъ поужинали; во время ужина поднялся сильный вѣтеръ съ моря, который вздымалъ волны такъ сильно, что онѣ поднялись до ступеней лѣстницы и весь островъ былъ покрытъ водою на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ моря. Мы были принуждены оставаться на островѣ у Чоглокова, пока не утихнетъ буря и не спадетъ вода, что продолжалось часовъ до двухъ или до трехъ утра. Въ это время Сергѣй Салтыковъ сказалъ мнѣ, что само небо благопріятствуетъ ему въ этотъ день, доставляя ему возможность дольше любоваться мною, и наговорилъ еще множество подобныхъ вещей; онъ уже считалъ себя очень счастливымъ, а я не совсѣмъ была счастлива; тысяча опасеній смущали мой умъ и я была, по-моему, очень скучна въ этотъ день и очень недовольна собою; я думала, что могу управлять его головой и своей и направлять ихъ, а тутъ поняла, что и то, и другое очень трудно, если не невозможно. Два дня спустя Сергѣй Салтыковъ сказалъ мнѣ, что одинъ изъ камеръ-лакеевъ великаго князя, Брессанъ, французъ родомъ, передалъ ему, что Его Императорское Высочество сказалъ въ своей комнатѣ: «Сергѣй Салтыковъ и моя жена обманываютъ Чоглокова, увѣряютъ его, въ чемъ хотятъ, а потомъ смѣются надъ нимъ». Надо правду сказать, что отчасти оно такъ и было, и великій князь это замѣтилъ. Я ему посовѣтовала въ отвѣтъ, чтобы впредь онъ былъ болѣе осмотрителенъ. Нѣсколько времени спустя у меня сильно заболѣло горло, что продолжалось болѣе

трехъ недѣль при сильномъ жарѣ, во время котораго императрица прислала мнѣ княжну Куракину, выходившую замужъ за князя Лобанова. Я должна была ее причесывать; ее усадили для этого въ придворномъ платьѣ и въ большихъ фижмахъ на мою постель; я старалась, какъ могла; но Чоглокова, видя, что мнѣ не удастся убрать ей голову, велѣла ей сойти съ моей постели и докончила ея прическу. Я не видала этой дамы съ тѣхъ поръ. Великій князь былъ тогда влюбленъ въ дѣвицу Марѳу Исаевну Шафирову, которую императрица недавно приставила ко мнѣ такъ же, какъ и ея старшую сестру, Анну Исаевну. Сергѣй Салтыковъ, который по части интригъ былъ настоящій бѣсъ, втерся къ этимъ двумъ дѣвицамъ, чтобы узнавать, какія могли быть на его счетъ рѣчи у великаго князя съ двумя сестрами, и чтобъ извлечь изъ нихъ себѣ пользу. Эти дѣвушки были бѣдныя, довольно глупыя и очень корыстныя, и дѣйствительно онѣ стали съ нимъ очень откровенны въ весьма короткій срокъ. Между тѣмъ мы отправились въ Ораніенбаумъ, гдѣ я снова была цѣлый день на лошади и, за исключеніемъ воскресеній, не носила другого костюма, кромѣ мужского. Чоглоковъ и его жена стали кротки, какъ овечки. Я пріобрѣла въ глазахъ Чоглоковой новую заслугу: я очень любила и ласкала одного изъ ея сыновей, бывшаго съ ней; я заказывала ему платья и Богъ знаетъ сколько я надавала ему игрушекъ и тряпья; мать же съ ума сходила объ этомъ ребенкѣ, который потомъ сталъ такимъ негодяемъ, что за свои продѣлки былъ посаженъ по суду въ крѣпость на пятнадцать лѣтъ. Сергѣй Салтыковъ сталъ другомъ, повѣреннымъ и совѣтчикомъ Чоглоковыхъ; конечно, никакой человѣкъ со здравымъ смысломъ не сталъ бы принуждать себя къ столь тяжелому дѣлу, какъ выслушиваніе по цѣлымъ днямъ бредней двухъ дураковъ, гордыхъ, заносчивыхъ и себялюбивыхъ, если бы не имѣлъ въ томъ очень большого интереса. Отгадали, предположили тотъ интересъ, какой онъ могъ имѣть; это дошло до Петергофа, до ушей императрицы. А въ это время очень часто случа-

лось, что когда Ея Императорскому Величеству хотѣлось браниться, то она не бранила за то, за что могла бранить, но ухватывалась за предлогъ бранить за то, за что и въ голову не приходило, что она можетъ бранить. Это замѣтка царедворца; я знаю о ней изъ собственныхъ устъ ея автора, а именно отъ графа Захара Чернышева. Въ Ораніенбаумѣ вся наша свита, какъ мужчины, такъ и женщины, согласились сдѣлать себѣ на лѣто костюмы одинаковаго цвѣта: нижнее платье сѣрое, остальное синее съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, и все безо всякой отдѣлки; это однообразіе было намъ удобно во многихъ отношеніяхъ. Къ этимъ-то костюмамъ и придрались и особенно къ тому, что я всегда была одѣта въ костюмъ для верховой ѣзды и что я ѣзжу по-мужски. Когда мы однажды пріѣхали въ Петергофъ на куртагъ, императрица сказала Чоглоковой, что моя манера ѣздить верхомъ мѣшаетъ мнѣ имѣть дѣтей и что мой костюмъ совсѣмъ неприличенъ; что когда она сама ѣздила верхомъ въ мужскомъ костюмѣ, то какъ только сходила съ лошади, тотчасъ же мѣняла платье. Чоглокова ей отвѣтила, что для того, чтобы имѣть дѣтей, тутъ нѣтъ вины, что дѣти не могутъ явиться безъ причины, и что хотя Ихъ Императорскія Высочества живутъ въ бракѣ съ 1745 года, а между тѣмъ причины не было. Тогда Ея Императорское Величество стала бранить Чоглокову и сказала, что она взыщетъ съ нея за то, что она не старается усовѣстить на этотъ счетъ заинтересованныя стороны; вообще она проявила сильный гнѣвъ и сказала, что ея мужъ колпакъ, который позволяетъ водить себя за носъ соплякамъ. Все это было передано Чоглоковыми въ однѣ сутки довѣреннымъ лицамъ; при словѣ «сопляки» сопляки утерлись и въ очень секретномъ совѣщаніи, устроенномъ сопляками по этому поводу, было рѣшено и постановлено, что, слѣдуя съ большою точностью намѣреніямъ Ея Императорскаго Величества, Сергѣй Салтыковъ и Левъ Нарышкинъ притворятся, будто подверглись немилости Чоглокова, о которой онъ самъ, пожалуй, и не будетъ подозрѣвать, и подъ предлогомъ бо-

лѣзни ихъ родителей поѣдутъ къ себѣ домой недѣли на три, на четыре, чтобы прекратить бродившіе темные слухи. Это было выполнено буквально, и на слѣдующій день они уѣхали, чтобы укрыться на мѣсяцъ въ свои семьи. Что меня касается, то я тотчасъ перемѣнила одѣяніе, ставшее къ тому же безполезнымъ. Первая мысль объ однообразномъ костюмѣ явилась у насъ отъ того костюма, который носили на куртагахъ въ Петергофѣ: снизу онъ былъ бѣлый, остальная часть зеленая и все обшитое серебрянымъ галуномъ. Сергѣй Салтыковъ, который былъ брюнетъ, говорилъ, что въ этомъ бѣломъ съ серебромъ костюмѣ онъ похожъ на муху въ молокѣ. Впрочемъ, я продолжала посѣщать Чоглоковыхъ попрежнему, только побольше у нихъ скучала; и мужъ, и жена жалѣли объ отсутствіи двоихъ главныхъ героевъ ихъ общества, въ чемъ, конечно, я имъ не противорѣчила. Болѣзнь и смерть матери Сергѣя Салтыкова еще продлила его отсутствіе, во время котораго императрица велѣла пріѣхать намъ изъ Ораніенбаума къ ней въ Кронштадтъ, куда она отправилась для открытія канала Петра I, начатаго по его приказанію и теперь законченнаго. Она пріѣхала въ Кронштадтъ раньше насъ. Первая ночь по ея пріѣздѣ была очень бурной. Ея Императорское Величество, пославшая тотчасъ по своемъ прибытіи сказать намъ, чтобы мы ѣхали къ ней въ Кронштадтъ, подумала, что мы во время этой бури находимся на морѣ; она очень безпокоилась всю ночь, и ей казалось, что какое-то судно, которое было ей видно изъ ея оконъ и которое билось на морѣ, могло быть той яхтой, на которой мы должны были переѣхать по морю. Она прибѣгла къ мощамъ, которыя всегда находились рядомъ съ ея постелью. Она поднесла ихъ къ окну и дѣлала ими движенія, обратныя тѣмъ, которыя дѣлало боровшееся съ бурей судно. Она нѣсколько разъ вскрикивала, что мы, навѣрное, погибнемъ, что это будетъ ея вина, потому что недавно она посылала намъ выговоръ и что мы, вѣроятно, для засвидѣтельствованія бо̀льшей готовности, поѣхали тотчасъ

по прибытіи яхты. Но на самомъ дѣлѣ яхта пріѣхала въ Ораніенбаумъ уже послѣ этой бури, такъ что мы взошли на нее только на слѣдующій день послѣ полудня. Мы оставались трое сутокъ въ Кронштадтѣ; въ это время совершено было съ большою торжественностью освященіе канала и впущена въ него въ первый разъ вода. Послѣ обѣда былъ большой балъ. Императрица хотѣла остаться въ Кронштадтѣ, чтобы видѣть, какъ снова выпустятъ воду изъ канала, но она уѣхала на третій день, а спускъ такъ и не удался: этотъ каналъ не былъ осушенъ до тѣхъ поръ, пока въ мое царствованіе я не велѣла выстроить огненную мельницу, которая удаляетъ изъ него воду, впрочемъ, это было бы и невозможное тогда дѣло, такъ какъ дно канала ниже моря, но этого не предусмотрѣли. Изъ Кронштадта каждый вернулся къ себѣ. Императрица поѣхала въ Петергофъ, а мы въ Ораніенбаумъ. Чоглоковъ просилъ и получилъ разрѣшеніе поѣхать въ одно изъ своихъ имѣній на мѣсяцъ. Въ его отсутствіе его супруга очень суетилась изъ-за того, чтобы буквально исполнять приказанія императрицы. Сначала она имѣла нѣсколько совѣщаній съ камеръ-лакеемъ великаго князя Брессаномъ; Брессанъ нашелъ въ Ораніенбаумѣ хорошенькую вдову одного художника, нѣкую Гротъ; нѣсколько дней ее уговаривали, насулили не знаю чего, потомъ сообщили ей, чего отъ нея хотятъ и на что она должна согласиться, потомъ Брессанъ долженъ былъ познакомить великаго князя съ этой молодой и красивой вдовушкой. Я хорошо замѣчала, что Чоглокова была очень занята, но я не знала, чѣмъ, когда наконецъ Сергѣй Салтыковъ вернулся изъ своего добровольнаго изгнанія и сообщилъ мнѣ приблизительно, въ чемъ дѣло. Наконецъ, благодаря своимъ трудамъ, Чоглокова достигла цѣли и, когда она была увѣрена въ успѣхѣ, она предупредила императрицу, что все шло согласно ея желаніямъ. Она разсчитывала на большія награды за свои труды, но въ этомъ отношеніи она ошиблась, потому что ей ничего не дали; между тѣмъ она говорила, что имперія ей за это обязана.

Тотчасъ послѣ этого мы вернулись въ городъ, и въ это время я убѣдила великаго князя прервать переговоры съ Даніей; я ему напомнила совѣтъ гр. Берни, который уже уѣхалъ въ Вѣну; онъ меня послушался и приказалъ прекратить переговоры безъ всякаго рѣшенія, что и было сдѣлано. Послѣ недолгаго пребыванія въ Лѣтнемъ дворцѣ мы перешли въ Зимній. Мнѣ показалось, что Сергѣй Салтыковъ сталъ меньше за мною ухаживать, что онъ становился невнимательнымъ, подчасъ фатоватымъ, надменнымъ и разсѣяннымъ; меня это сердило; я говорила ему объ этомъ, онъ приводилъ плохіе доводы и увѣрялъ, что я не понимаю всей ловкости его поведенія. Онъ былъ правъ, потому что я находила его поведеніе довольно страннымъ. Намъ велѣли готовиться къ поѣздкѣ въ Москву, что мы и сдѣлали. Мы отправились изъ Петербурга 14 декабря 1752 г. Сергѣй Салтыковъ остался тамъ и пріѣхалъ лишь черезъ нѣсколько недѣль послѣ насъ. Я отправилась изъ Петербурга съ кое-какими легкими признаками беременности. Мы ѣхали очень быстро и днемъ и ночью; на послѣдней станціи эти признаки исчезли при сильныхъ рѣзяхъ. Пріѣхавъ въ Москву и увидѣвъ, какой оборотъ приняли дѣла, я догадывалась, что могла легко имѣть выкидышъ. Чоглокова оставалась въ Петербургѣ, потому что у нея только что родился ея послѣдній ребенокъ — дочь; это былъ седьмой по счету. Когда она встала, она пріѣхала къ намъ въ Москву. Здѣсь насъ помѣстили въ деревянномъ флигелѣ, только что отстроенномъ въ эту осень, такъ что вода текла съ обшивокъ и всѣ комнаты были необычайно сыры. Въ этомъ флигелѣ было два ряда комнатъ, по пяти-шести въ каждомъ; изъ нихъ выходившія на улицу были моими, а находившіяся на другой сторонѣ—великаго князя. Въ той же комнатѣ, которая должна была быть моей уборной, помѣстили моихъ камеръ-юнгферъ и камерфрау, съ ихъ служанками, такъ что ихъ было семнадцать дѣвушекъ и женщинъ въ одной комнатѣ, имѣвшей, правда, три большихъ окна, но никакого другого выхода, кромѣ моей спальной, черезъ

которую онѣ должны были проходить за всякаго рода нуждою, что не было удобно ни имъ, ни мнѣ. Въ теченіе десяти первыхъ дней по моемъ прибытіи въ Москву онѣ со мною принуждены были терпѣть это неудобство, которому я ничего подобнаго не видѣла. Кромѣ того, ихъ столовой была одна изъ моихъ прихожихъ; я была больна по пріѣздѣ; чтобы отстранить это неудобство, я велѣла наставить въ моей спальной большихъ ширмъ, съ помощью которыхъ раздѣлила ее на три части; но это почти нисколько не помогло, потому что двери постоянно открывались и закрывались, что было неизбѣжно. Наконецъ на десятый день императрица пришла навѣстить меня и, видя это постоянное хожденіе, она вошла въ сосѣднюю комнату и сказала моимъ женщинамъ: «Я велю сдѣлать вамъ другой выходъ, а не черезъ спальную великой княгини». Но что же она сдѣлала? Она приказала устроить перегородку, которая отняла одно окно у этой комнаты, гдѣ и безъ того съ трудомъ жило семнадцать человѣкъ; теперь комнату сузили, чтобы выгадать коридоръ; окно было пробито на улицу, къ нему придѣлали лѣстницу и мои женщины принуждены были выходить на улицу; подъ ихъ окнами поставили для нихъ отхожія мѣста; когда они шли обѣдать, имъ опять приходилось итти по улицѣ. Словомъ, все это устройство никуда не годилось, и я не знаю, какъ эти семнадцать женщинъ, жившія въ такой тѣснотѣ и подчасъ болѣвшія, не схватили какой-нибудь гнилой горячки въ этомъ жильѣ, и это рядомъ съ моей комнатой, которая благодаря имъ была полна всевозможными насѣкомыми до того, что онѣ мѣшали спать. Наконецъ Чоглокова, оправившись отъ родовъ, пріѣхала въ Москву, а нѣсколько дней спустя [пріѣхалъ] и Сергѣй Салтыковъ. Такъ какъ Москва очень велика, и всѣ тамъ всегда очень раскидывались, то онъ воспользовался такой выгодной мѣстностью, чтобы ею прикрыться и притворно или дѣйствительно сократить свои частыя посѣщенія двора. По правдѣ говоря, я была этимъ огорчена, однако онъ мнѣ приводилъ такія основательныя и дѣйствительныя причины,

что, какъ только я его увижу и поговорю съ нимъ, мое раздумье исчезало. Мы согласились, что для уменьшенія числа его враговъ я велю сказать гр. Бестужеву нѣсколько словъ, которыя дадутъ ему надежду на то, что я не такъ далека отъ него, какъ прежде. Я возложила это порученіе на нѣкоего Бремзе, который былъ чиновникомъ въ Голштинской канцеляріи у Пехлина. Этотъ человѣкъ, когда не бывалъ при дворѣ, часто ходилъ въ домъ канцлера графа Бестужева. Онъ очень усердно взялся за это и сказалъ мнѣ, что канцлеръ сердечно этому обрадовался и сказалъ, что я могу располагать имъ каждый разъ, какъ я найду это умѣстнымъ, и что если со своей стороны онъ можетъ быть мнѣ полезенъ, то онъ проситъ указать мнѣ надежный путь, которымъ мы можемъ сообщать другъ другу, что найдемъ нужнымъ. Я поняла его мысль и отвѣтила Бремзе, что подумаю. Я передала это Сергѣю Салтыкову и тотчасъ же было рѣшено, что онъ поѣдетъ къ канцлеру подъ предлогомъ сдѣлать ему по пріѣздѣ визитъ. Старикъ отлично его принялъ, отвелъ его въ сторону, говорилъ съ нимъ о внутренней жизни нашего двора, о глупости Чоглоковыхъ, и сказалъ ему между прочимъ: «Я знаю, что хотя вы очень къ нимъ близки, но судите о нихъ такъ же, какъ я, потому что вы неглупый молодой человѣкъ». Потомъ онъ сталъ говорить съ нимъ обо мнѣ, о моемъ положеніи, какъ будто жилъ въ моей комнатѣ; затѣмъ сказалъ: «Въ благодарность за благоволеніе, которое великой княгинѣ угодно было мнѣ оказать, я отплачу ей маленькой услугой, за которую она будетъ, я думаю, признательна мнѣ; я сдѣлаю Владиславову кроткой, какъ овечка, и она будетъ дѣлать изъ нея, что угодно. Она увидитъ, что я не такой бука, какимъ меня изображали въ ея глазахъ». Наконецъ Сергѣй Салтыковъ вернулся въ восторгѣ и отъ этого порученія, и отъ Бестужева. Онъ далъ лично ему нѣсколько совѣтовъ, столь же умныхъ, сколь и полезныхъ. Все это очень сблизило его съ нами, хотя ни одна живая душа и не знала объ этомъ. Между тѣмъ Чоглокова, вѣчно занятая своими излюбленными забо-

тами о престолонаслѣдіи, однажды отвела меня въ сторону и сказала: «Послушайте, я должна поговорить съ вами очень серьезно». Я, понятно, вся обратилась въ слухъ; она съ обычной своей манерой начала длиннымъ разглагольствованіемъ о привязанности своей къ мужу, о своемъ благоразуміи, о томъ, что нужно и чего не нужно для взаимной любви и для облегченія или отягощенія узъ супруга или супруги, и затѣмъ свернула на заявленіе, что бываютъ иногда положенія высшаго порядка, которыя вынуждаютъ дѣлать исключенія изъ правила. Я дала ей высказать все, что она хотѣла, не прерывая, вовсе не вѣдая, куда она клонитъ, нѣсколько изумленная, и не зная, была ли это ловушка, которую она мнѣ ставитъ, или она говоритъ искренно. Пока я внутренно такъ размышляла, она мнѣ сказала: «Вы увидите, какъ я люблю свое отечество и насколько я искренна; я не сомнѣваюсь, чтобы вы кому нибудь не отдали предпочтенія: предоставляю вамъ выбрать между С[ергѣемъ] С[алтыковымъ] и Л[ьвомъ] Н[арышкинымъ]. Если не ошибаюсь, то [избранникъ вашъ] послѣдній». На это я воскликнула: «Нѣтъ, нѣтъ, отнюдь нѣтъ». Тогда она мнѣ сказала: «Ну, если это не онъ, такъ другой навѣрно». На это я не возразила ни слова, и она продолжала: «Вы увидите, что помѣхой вамъ буду не я». Я притворилась наивной настолько, что она меня много разъ бранила за это какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, куда мы отправились послѣ Пасхи. Тогда, или приблизительно около этого времени, императрица подарила великому князю имѣніе Люберцы и нѣсколько другихъ, верстахъ въ четырнадцати или пятнадцати отъ Москвы. Но прежде, чѣмъ переѣхать на житье въ эти новыя владѣнія Его Императорскаго Высочества, императрица праздновала въ Москвѣ годовщину своего коронованія. Это было 25 апрѣля. Намъ объявили, что она приказала, чтобы церемоніалъ былъ въ точности соблюденъ сообразно съ тѣмъ, какъ онъ былъ установленъ въ день самой коронаціи. Намъ было очень любопытно посмотрѣть, что будетъ. Наканунѣ императрица

ночевала въ Кремлѣ; мы оставались въ слободѣ, въ деревянномъ дворцѣ, и получили приказаніе явиться къ обѣднѣ въ соборъ. Въ девять часовъ утра мы выѣхали изъ деревяннаго дворца въ парадныхъ экипажахъ, камеръ-лакеи шли пѣшкомъ; мы проѣхали всю Москву шагъ за шагомъ; проѣхать надо было семь верстъ, мы вышли изъ экипажей у церкви; нѣсколько минутъ спустя, пріѣхала туда императрица со своимъ кортежемъ, въ малой коронѣ на головѣ, въ императорской мантіи, которую, какъ обыкновенно, несли камергеры. Она встала въ церкви на своемъ обычномъ мѣстѣ и во всемъ этомъ не было еще ничего необычайнаго, что не совершалось бы во всѣ большіе праздники ея царствованія. Въ церкви была пронизывающая холодомъ сырость, какой я никогда въ жизнь не испытывала; я вся посинѣла и мерзла отъ холода въ придворномъ платьѣ и съ открытой шеей. Императрица велѣла мнѣ сказать, чтобы я надѣла соболью палатину, но у меня не было ея при себѣ; она велѣла принести свои, взяла изъ нихъ одну и накинула на шею; я увидѣла въ коробкѣ другую и думала, что она пошлетъ мнѣ ее, чтобы надѣть, но ошиблась. Она ее отослала; я сочла это за знакъ явнаго недоброжелательства; Чоглокова, видя, что я дрожу отъ холода, достала мнѣ, не знаю отъ кого, шелковый платокъ, который я и надѣла на шею. Когда обѣдня и проповѣдь кончились, императрица вышла изъ церкви; мы сочли долгомъ послѣдовать за нею, но она велѣла намъ сказать, что мы можемъ вернуться домой. Тогда только мы узнали, что она будетъ обѣдать одна на тронѣ и что въ этомъ церемоніалъ будетъ тотъ же, какъ и въ день коронаціи, когда она обѣдала одна. Устраненные отъ этого обѣда, мы вернулись, какъ и пріѣхали, съ большимъ парадомъ: наши люди, сдѣлавъ пѣшкомъ четырнадцать верстъ туда и обратно по Москвѣ, а мы—окоченѣвъ отъ холода и умирая съ голода. Если императрица показалась намъ въ очень дурномъ расположеніи духа во время обѣдни, то она отослала насъ ничуть не въ лучшемъ настроеніи отъ столь непріятнаго для насъ знака по край-

ней мѣрѣ пренебреженія къ намъ, чтобы не сказать болѣе. Во время другихъ празднествъ, когда она обѣдала на тронѣ, мы имѣли честь обѣдать съ ней; на этотъ разъ она публично насъ отослала. Дорогой, находясь въ каретѣ одна съ великимъ княземъ, я ему высказала, что объ этомъ думаю; онъ мнѣ отвѣтилъ, что будетъ жаловаться. Вернувшись домой, окоченѣвшая отъ холода и уставшая, я пожаловалась Чоглоковой на то, что простудилась; на слѣдующій день былъ балъ въ деревянномъ дворцѣ; я сказалась больной и не поѣхала. Великій князь дѣйствительно велѣлъ что-то сказать Шуваловымъ по этому поводу, а они также велѣли отвѣтить ему что-то для него удовлетворительное, не знаю, что именно; больше и рѣчи объ этомъ не было. Около этого времени мы узнали, что Захаръ Чернышевъ и полковникъ Николай Леонтьевъ поссорились между собою изъ-за игры въ карты у Романа Воронцова, что они дрались на шпагахъ и что графъ Захаръ Чернышевъ былъ настолько тяжело раненъ въ голову, что его не могли перенести изъ дома графа Романа Воронцова въ его собственный; онъ тамъ и остался, былъ очень плохъ и говорили о трепанаціи. Мнѣ это было весьма непріятно, такъ какъ я его очень любила. Леонтьевъ былъ по приказанію императрицы посаженъ подъ арестъ. Этотъ поединокъ занялъ весь городъ, благодаря многочисленной роднѣ того и другого изъ противниковъ. Леонтьевъ былъ зятемъ графини Румянцовой и очень близкимъ родственникомъ Паниныхъ и Куракиныхъ. Графъ Чернышевъ тоже имѣлъ родственниковъ, друзей и покровителей. Все случилось въ домѣ графа Романа Воронцова; больной былъ у него. Наконецъ, когда опасность миновала, дѣло замяли, и тѣмъ все и кончилось.

Въ теченіе мая мѣсяца у меня появились новые признаки беременности. Мы поѣхали въ Люберцы, имѣніе великаго князя, въ 12 или 14 верстахъ отъ Москвы. Бывшій тамъ каменный домъ, давно выстроенный княземъ Меншиковымъ, развалился; мы не могли въ немъ жить; чтобы

этому помочь, разбили во дворѣ палатки. Я спала въ кибиткѣ; утромъ съ трехъ или четырехъ часовъ сонъ мой прерывался ударами топора и шумомъ, какой производили на постройкѣ деревяннаго флигеля, который спѣшили выстроить, такъ сказать, въ двухъ шагахъ отъ нашихъ палатокъ для того, чтобы намъ было гдѣ прожить остатокъ лѣта. Почти все время мы проводили на охотѣ или въ прогулкахъ; я не ѣздила больше верхомъ, но въ кабріолетѣ. Къ Петрову дню мы вернулись въ Москву и на меня напалъ такой сонъ, что я спала по цѣлымъ днямъ до двѣнадцати часовъ и съ трудомъ меня будили къ обѣду. Петровъ день былъ отпразднованъ, какъ всегда; я одѣлась, была у обѣдни, на обѣдѣ, на балу и за ужиномъ. На слѣдующій день я почувствовала боль въ поясницѣ. Чоглокова призвала акушерку, и та предсказала выкидышъ, который у меня и былъ въ слѣдующую ночь. Я была беременна, вѣроятно, мѣсяца два-три; въ теченіе тринадцати дней я находилась въ большой опасности, потому что предполагали, что часть «мѣста» осталась; отъ меня скрыли это обстоятельство; наконецъ на тринадцатый день мѣсто вышло само безъ боли и усилій; меня продержали по этому случаю шесть недѣль въ комнатѣ, при невыносимой жарѣ. Императрица пришла ко мнѣ въ тотъ самый день, когда я захворала, и, казалось, была огорчена моимъ состояніемъ. Въ теченіе шести недѣль, пока я оставалась въ своей комнатѣ, я смертельно скучала. Все мое общество составляли Чоглокова, и то она приходила довольно рѣдко, да маленькая калмычка, которую я любила, потому что она была мила; съ тоски я часто плакала. Что касается великаго князя, то онъ былъ большей частью въ своей комнатѣ, гдѣ одинъ украинецъ, его камердинеръ, по имени Карновичъ, такой же дуракъ, какъ и пьяница, забавлялъ его, какъ умѣлъ, снабжая его, сколько могъ, игрушками, виномъ и другими крѣпкими напитками, безъ вѣдома Чоглокова, котораго, впрочемъ, всѣ обманывали и надували. Но въ этихъ ночныхъ и тайныхъ попойкахъ великаго князя со своими камердинерами, среди ко-

торыхъ было нѣсколько калмыковъ, случалось часто, что великаго князя плохо слушались и плохо ему служили, ибо, будучи пьяны, они не знали, что дѣлали, и забывали, что они были со своимъ господиномъ, что этотъ господинъ—великій князь; тогда Его Императорское Высочество прибѣгалъ къ палочнымъ ударамъ или обнажалъ шпагу, но, несмотря на это, его компанія плохо ему повиновалась, и не разъ онъ прибѣгалъ ко мнѣ, жалуясь на своихъ людей и прося сдѣлать имъ внушеніе; тогда я шла къ нему и выговарила имъ всю правду, напоминая имъ объ ихъ обязанностяхъ, и тотчасъ же они подчинялись, что заставляло великаго князя неоднократно говорить мнѣ и повторять также Брессану, что онъ не знаетъ, какъ я справляюсь съ его людьми; что онъ ихъ сѣчетъ и не можетъ ихъ заставить себѣ повиноваться, а я однимъ словомъ добиваюсь отъ нихъ всего, чего хочу. Однажды, когда я вошла съ этой цѣлью въ покои Его Императорскаго Высочества, я была поражена при видѣ здоровой крысы, которую онъ велѣлъ повѣсить, и всей обстановкой казни среди кабинета, который онъ велѣлъ себѣ устроить при помощи перегородки. Я спросила, что это значило; онъ мнѣ сказалъ тогда, что эта крыса совершила уголовное преступленіе и заслуживаетъ строжайшей казни по военнымъ законамъ, что она перелѣзла черезъ валъ картонной крѣпости, которая была у него на столѣ въ этомъ кабинетѣ, и съѣла двухъ часовыхъ на караулѣ, сдѣланныхъ изъ крахмала, на одномъ изъ бастіоновъ, и что онъ велѣлъ судить преступника по законамъ военнаго времени; что его лягавая собака поймала крысу и что тотчасъ же она была повѣшена, какъ я ее вижу, и что она останется тамъ, выставленная напоказъ публикѣ въ теченіе трехъ дней, для назиданія. Я не могла удержаться, чтобы не расхохотаться надъ этимъ сумасбродствомъ, но это очень ему не понравилось, въ виду той важности, какую онъ этому придавалъ; я удалилась и прикрылась моимъ женскимъ незнаніемъ военныхъ законовъ, однако онъ не переставалъ дуться на меня за мой

хохотъ. Можно было, по крайней мѣрѣ, сказать въ оправданіе крысѣ, что ее повѣсили, не спросивъ и не выслушавъ ея оправданія. Во время этого пребыванія двора въ Москвѣ случилось, что одинъ камеръ-лакей сошелъ съ ума и даже сталъ буйнымъ. Императрица приказала своему первому лейбъ-медику Бургаву имѣть уходъ за этимъ человѣкомъ; его помѣстили въ комнату вблизи покоевъ Бургава, который жилъ при дворѣ. Случилось какъ-то, что въ этомъ году нѣсколько человѣкъ лишились разсудка; по мѣрѣ того, какъ императрица объ этомъ узнавала, она брала ихъ ко двору, помѣщала возлѣ Бургава, такъ что образовалась маленькая больница для умалишенныхъ при дворѣ. Я припоминаю, что главными изъ нихъ были: майоръ гвардіи Семеновскаго полка, по фамиліи Чаадаевъ, подполковникъ Лейтрумъ, майоръ Чоглоковъ, одинъ монахъ Воскресенскаго монастыря, срѣзавшій себѣ бритвой причинныя мѣста, и нѣкоторые другіе. Сумасшествіе Чаадаева заключалось въ томъ, что онъ считалъ Господомъ Богомъ шаха Надира, иначе Тахмаса-Кулы-хана, узурпатора Персіи и ея тирана. Когда врачи не смогли излѣчить его отъ его маніи, его поручили попамъ; эти послѣдніе убѣдили императрицу, чтобы она велѣла изгнать изъ него бѣса. Она сама присутствовала при этомъ обрядѣ; но Чаадаевъ остался такимъ же безумнымъ, какимъ, казалось, онъ былъ; однако были люди, которые сомнѣвались въ его сумасшествіи, потому что онъ здраво судилъ обо всемъ прочемъ, кромѣ шаха Надира; его прежніе друзья приходили даже съ нимъ совѣтоваться о своихъ дѣлахъ и онъ давалъ имъ очень здравые совѣты; тѣ, кто не считалъ его сумасшедшимъ, приводили какъ причину этой притворной маніи, какую онъ имѣлъ, грязное дѣло у него на рукахъ, отъ котораго онъ отдѣлался только этой хитростью; съ начала царствованія императрицы онъ былъ назначенъ въ податную ревизію[1]); его обвиняли во взяткахъ и онъ подлежалъ суду; изъ боязни суда онъ и за-

[1]) Въ подлинникѣ—à la révision des contribuables.

бралъ себѣ эту фантазію, которая его и выручила. Въ половинѣ августа мы вернулись въ деревню; на 5-е сентября, день именинъ императрицы, она уѣхала въ Воскресенскій монастырь. Когда она тамъ была, молнія ударила въ церковь; по счастью, Ея Императорское Величество стояла въ придѣлѣ рядомъ съ главной церковью. Она узнала объ этомъ только по испугу своихъ придворныхъ; однако при этомъ происшествіи не было ни раненыхъ, ни убитыхъ. Немного времени спустя, она вернулась въ Москву, куда мы также отправились изъ Люберецъ. Возвратившись въ городъ, мы видѣли, какъ принцесса Курляндская поцѣловала при всѣхъ руку императрицѣ за позволеніе, которое она ей дала, выйти замужъ за князя Георгія Хованскаго. Она поссорилась со своимъ первымъ женихомъ Петромъ Салтыковымъ, который со своей стороны тотчасъ же женился на княжнѣ Солнцевой. 1-го ноября этого года, въ три часа по полудни, я была въ покояхъ у Чоглоковой, когда ея мужъ, Сергѣй Салтыковъ, Левъ Нарышкинъ и многіе другіе кавалеры нашего двора вышли изъ комнаты, чтобы пойти въ покои камергера Шувалова, дабы поздравить его со днемъ его рожденія, приходившимся въ это число. Мы съ Чоглоковой и княжною Гагариной болтали всѣ вмѣстѣ, какъ вдругъ въ небольшой молельной, находившейся по близости отъ комнаты, гдѣ мы были, послышался какой-то шумъ и показались двое изъ этихъ господъ, которые намъ сказали, что имъ нельзя было пройти черезъ залы дворца, такъ какъ тамъ загорѣлось. Тотчасъ я пошла въ свою комнату и, проходя по одной передней, я увидѣла, что угловая балюстрада большого зала была въ пламени. Это было въ двадцати шагахъ отъ нашего флигеля; я вошла въ свои комнаты и нашла ихъ уже полными солдатъ и слугъ, которые брали мебель и уносили все, что могли. Чоглокова шла за мною слѣдомъ, и такъ какъ ничего не оставалось дѣлать въ домѣ, какъ ждать, пока онъ загорится, то мы съ Чоглоковой вышли и, найдя у подъѣзда карету капельмейстера Арайи, который явился

на концертъ къ великому князю,—его я сама предупредила, что домъ горитъ,—мы сѣли съ ней обѣ въ эту карету, такъ какъ улица была покрыта грязью отъ постоянныхъ дождей, шедшихъ уже нѣсколько дней, и мы смотрѣли оттуда какъ на пожаръ, такъ и на то, какимъ образомъ со всѣхъ сторонъ выносили мебель изъ дому. Я увидала тогда странную вещь: это—удивительное количество крысъ и мышей, которыя спускались по лѣстницѣ гуськомъ, не слишкомъ даже торопясь. Нельзя было оказать никакой помощи этому обширному деревянному дому, за недостаткомъ инструментовъ и потому, что тѣ немногіе инструменты, которые имѣлись, находились какъ разъ подъ залой, которая горѣла. Эта зала занимала приблизительно середину строеній, которыя ее окружали, что могло составить двѣ-три версты въ окружности. Я вышла оттуда ровно въ три часа, а въ шесть не оставалось никакого слѣда отъ дома. Жаръ отъ огня сталъ такъ великъ, что ни я, ни Чоглокова не были въ состояніи его выносить, и мы велѣли каретѣ отъѣхать въ поле, на нѣсколько сотъ шаговъ. Наконецъ Чоглоковъ пришелъ съ великимъ княземъ и сказалъ намъ, что императрица уѣзжаетъ въ свой домъ въ Покровское и что она приказала намъ ѣхать въ домъ Чоглокова, находившійся на первомъ углу направо на Большой Слободской улицѣ. Тотчасъ же мы туда отправились; въ этомъ домѣ былъ залъ посрединѣ и по четыре комнаты съ каждой стороны. Хуже нашего едва ли можно было помѣститься. Вѣтеръ гулялъ тамъ по всѣмъ направленіямъ, двери и окна тамъ на половину сгнили, полъ былъ со щелями въ три-четыре пальца шириной; кромѣ того, насѣкомыя тамъ такъ и кишѣли; дѣти и слуги Чоглокова жили въ немъ въ ту минуту, когда мы въ него вошли, ихъ оттуда выпроводили и помѣстили насъ въ этомъ ужасномъ домѣ, не имѣвшемъ почти мебели. На другой день моего пребыванія въ этомъ пріютѣ я узнала, что такое калмыцкій носъ: маленькая дѣвочка, которая была при мнѣ, при моемъ пробужденіи сказала мнѣ, показывая на свой

носъ: «у меня тутъ орѣшекъ»; я пощупала ей носъ и ничего тамъ не нашла, но все утро это дѣвочка только и повторяла, что у нея въ носу орѣшекъ; это былъ ребенокъ лѣтъ четырехъ-пяти; никто не зналъ, что она хочетъ сказать этимъ своимъ орѣшкомъ въ носу; около полудня она, бѣгая, упала и стукнулась объ уголъ стола, что заставило ее плакать и, плача, она вытащила свой платокъ и высморкалась; когда она сморкалась, орѣшекъ выпалъ у нея изъ носу, что я видѣла сама, и тогда я поняла, что орѣшекъ, который не могъ бы оставаться незамѣтнымъ ни въ какомъ европейскомъ носу, могъ держаться въ углубленіи калмыцкаго носа, который уходитъ внутрь головы, между двумя толстыми щеками. Наши пожитки и все, что намъ было нужно, осталось въ грязи передъ сгорѣвшимъ дворцомъ, и намъ ихъ привозили въ теченіе ночи и на слѣдующій день. Чего мнѣ было всего болѣе жалко, такъ это моихъ книгъ. Я кончала тогда четвертый томъ «Словаря» Бейля; я употребила на это чтеніе два года; каждые шесть мѣсяцевъ я одолѣвала одинъ томъ, по этому можно представить себѣ, въ какомъ одиночествѣ я проводила мою жизнь. Наконецъ мнѣ ихъ принесли. Между моими пожитками находились пожитки графини Шуваловой; Владиславова изъ любопытства показала мнѣ юбки этой дамы, которыя всѣ были подбиты сзади кожей, потому что она не могла держать мочи—эта бѣда случилась съ ней послѣ ея первыхъ родовъ — и запахъ отъ нея пропиталъ всѣ юбки; я поскорѣе отослала ихъ по принадлежности [1]).

Императрица потеряла въ этомъ пожарѣ все, что привезли въ Москву изъ ея огромнаго гардероба. Я имѣла честь услышать отъ нея, что она лишилась четырехъ тысячъ паръ платьевъ и что изъ всѣхъ она жалѣетъ только платье, сдѣланное изъ матеріи, которую я ей послала и которую я получила отъ матери. Она потеряла тутъ еще

[1]) Въ подлинникѣ—начало вставки.

другія цѣнныя вещи, между прочимъ тазъ, осыпанный рѣзными каменьями, который графъ Румянцовъ купилъ въ Константинополѣ и за который онъ заплатилъ 8.000 дукатовъ. Всѣ эти вещи помѣщались въ гардеробной, находившейся подъ залой, гдѣ начался пожаръ. Эта зала служила аванзалой для большой дворцовой залы; въ десять часовъ утра истопники пришли топить эту аванзалу; положивъ дрова въ печь, они ихъ зажгли, какъ обыкновенно; какъ только это было сдѣлано, комната наполнилась дымомъ; они подумали, что онъ проходитъ черезъ какія-нибудь незамѣтныя скважины въ печи и стали замазывать скважины между изразцами глиной. Такъ какъ дымъ увеличивался, они стали искать щелей въ печи; не нашедши ихъ, они поняли, что щели находятся между переборками комнаты. Переборки эти были только изъ дерева. Они пошли за водой и погасили огонь въ печи; но дымъ увеличивался и перешелъ въ переднюю, гдѣ былъ часовой изъ конногвардейцевъ; этотъ, боясь задохнуться и не смѣя двинуться со своего поста, разбилъ стекло въ окнѣ и сталъ кричать, но такъ какъ никто не шелъ къ нему на помощь и не слышалъ его, онъ выстрѣлилъ изъ ружья въ окошко. Этотъ выстрѣлъ былъ услышанъ на гауптвахтѣ, находившейся напротивъ дворца; къ нему прибѣжали и, войдя, нашли всюду густой дымъ, изъ котораго вывели часового. Истопниковъ арестовали,—они думали, что, не предупреждая никого, сами потушатъ огонь или же помѣшаютъ дыму увеличиться: они добросовѣстно были заняты этимъ въ теченіе пяти часовъ. Этотъ пожаръ натолкнулъ на открытіе, которое сдѣлалъ Чоглоковъ. У великаго князя въ его покояхъ было много очень большихъ комодовъ; когда ихъ вынесли изъ его комнаты, нѣсколько открытыхъ или плохо закрытыхъ ящиковъ представили глазамъ зрителей то, чѣмъ они были наполнены. Кто бы повѣрилъ, что эти ящики содержали не что иное, какъ громадное количество бутылокъ вина и крѣпкихъ настоекъ; они служили погребомъ Его Императорскому Высочеству. Чоглоковъ разсказалъ мнѣ

объ этомъ; я ему сказала, что не знала этого обстоятельства, и сказала правду: я ничего объ этомъ не вѣдала, но видѣла очень часто и почти ежедневно великаго князя пьянымъ [1]).

Послѣ пожара мы оставались въ домѣ Чоглоковыхъ около шести недѣль и, такъ какъ, гуляя, мы проходили часто мимо деревяннаго дома, расположеннаго въ саду близъ Салтыковскаго моста, принадлежавшаго императрицѣ и называвшагося архіерейскимъ домомъ, потому что императрица купила его у одного архіерея, то намъ вздумалось просить императрицу, безъ вѣдома Чоглоковыхъ, разрѣшить намъ жить въ этомъ домѣ, который, какъ намъ казалось и какъ говорили, былъ болѣе удобенъ для жилья, нежели тотъ, въ которомъ мы находились. Наконецъ послѣ многихъ хожденій туда и сюда мы получили приказаніе переѣхать на житье въ архіерейскій домъ. Это былъ очень старый деревянный домъ, изъ котораго не было никакого вида; онъ былъ построенъ на каменныхъ подвалахъ и вслѣдствіе этого выше только что покинутаго нами дома, имѣвшаго всего одинъ этажъ. Печи были такъ стары, что когда ихъ топили, насквозь былъ виденъ огонь, такъ много было щелей, и дымъ наполнялъ комнаты; у насъ у всѣхъ болѣли отъ него голова и глаза. Мы рисковали въ этомъ домѣ быть сожженными заживо; въ немъ была всего одна деревянная лѣстница, а окна .были высоко. И дѣйствительно въ немъ начинался въ это время раза два или три пожаръ, пока мы въ немъ оставались, но его тушили. У меня тутъ очень заболѣло горло, съ сильной лихорадкой. Въ тотъ день, какъ я захворала, Бретлахъ, который снова вернулся въ Россію отъ Вѣнскаго двора, долженъ былъ у насъ ужинать, чтобы откланяться; онъ засталъ меня съ красными и опухшими глазами; онъ подумалъ, что я плакала, и не ошибся. Скука, нездоровье, тѣлесное и душевное безпокойство [и неудобство] моего

[1]) Конецъ вставки.

положенія нагнали на меня на весь день большую ипохондрію. Я провела его вдвоемъ съ Чоглоковой, поджидая тѣхъ, кто не пришелъ, она каждую минуту говорила: «Вотъ какъ насъ покидаютъ». Ея мужъ обѣдалъ не дома и увезъ съ собою всѣхъ. Несмотря на всѣ обѣщанія, данныя намъ Сергѣемъ Салтыковымъ, улизнуть съ этого обѣда, онъ вернулся только съ Чоглоковымъ. Отъ всего этого я была зла, какъ собака. Наконецъ черезъ нѣсколько дней намъ позволили ѣхать въ Люберцы. Здѣсь мы считали себя въ раю. Домъ былъ совсѣмъ новый и довольно хорошо устроенный; въ немъ танцовали каждый вечеръ и весь нашъ дворъ здѣсь собрался. Во время одного изъ этихъ баловъ мы видѣли, что великій князь былъ долго занятъ разговоромъ на ухо съ Чоглоковымъ, послѣ чего Чоглоковъ казался опечаленнымъ, задумчивымъ и болѣе обыкновеннаго замкнутымъ и хмурымъ. Сергѣй Салтыковъ, видя это, а также то, что Чоглоковъ необычайно съ нимъ холоденъ, подсѣлъ къ дѣвицѣ Марѳѣ Шафировой и постарался узнать черезъ нее, что это могла быть за непривычная дружба у великаго князя съ Чоглоковымъ. Она ему сказала, что не знаетъ, что такое, но она догадывается, что это могло бы быть, такъ какъ великій князь нѣсколько разъ ей говорилъ: «Сергѣй Салтыковъ съ моей женою обманываютъ Чоглокова неслыханнымъ образомъ, тотъ влюбленъ въ великую княгиню, а она его терпѣть не можетъ. Сергѣй Салтыковъ наперсникъ Чоглокова; онъ его увѣряетъ, что старается для него у моей жены, а вмѣсто того старается у нея для себя самого, а та охотно выноситъ общество Сергѣя Салтыкова, который забавенъ; она пользуется имъ, чтобы дѣлать съ Чоглоковымъ, что хочетъ, а въ душѣ издѣвается надъ обоими; надо разувѣрить этого бѣднягу Чоглокова, мнѣ его жаль, надо ему сказать правду, и тогда онъ увидитъ, кто изъ насъ двоихъ ему настоящій другъ, жена моя или я». Какъ только Сергѣй Салтыковъ узналъ объ этомъ опасномъ разговорѣ и о непріятномъ положеніи, которое

отсюда вытекало, онъ мнѣ его передалъ, подсѣлъ къ Чоглокову и спросилъ, что съ нимъ. Чоглоковъ сначала вовсе не хотѣлъ объясняться и только вздыхалъ; потомъ сталъ горько жаловаться на то, какъ трудно находить вѣрныхъ друзей; наконецъ Сергѣй Салтыковъ столько разъ подходилъ къ нему со всѣхъ сторонъ, что вырвалъ у него признаніе относительно разговора, который у него только что былъ съ великимъ княземъ. Конечно, нельзя было ожидать того, что было между ними сказано, не зная этого заранѣе. Его Императорское Высочество началъ съ того, что сталъ усиленно убѣждать Чоглокова въ дружбѣ, говоря ему, что лишь въ крайнихъ житейскихъ обстоятельствахъ можно отличить истинныхъ друзей отъ ложныхъ; что для того, чтобы убѣдить его, Чоглокова, въ искренности своей дружбы, онъ сейчасъ дастъ ему явное доказательство своей откровенности; онъ знаетъ безъ всякаго сомнѣнія, что Чоглоковъ влюбленъ въ меня, что онъ не ставитъ ему этого въ вину,—что я могу казаться ему достойной любви, что съ сердцемъ не совладаешь, но что онъ долженъ его предупредить, что онъ плохо выбираетъ своихъ наперсниковъ, что онъ простодушно думаетъ, будто Сергѣй Салтыковъ его другъ и что онъ у меня старается для него, между тѣмъ какъ тотъ старается только для самого себя и подозрѣваетъ въ немъ своего соперника; что же меня касается, то я смѣюсь надъ ними обоими, но если онъ, Чоглоковъ, желаетъ слѣдовать его, великаго князя, совѣтамъ и довѣриться ему, тогда онъ увидитъ, что онъ ему единственный и настоящій другъ. Чоглоковъ очень благодарилъ великаго князя за дружбу и за увѣренія въ дружбѣ, и въ сущности онъ принялъ все остальное за пустяки и бредни на свой счетъ. Легко повѣрить, что ни въ какомъ случаѣ онъ не придалъ значенія тому наперснику, который и по положенію и по характеру былъ такъ же мало надеженъ, какъ и полезенъ. Разъ это было высказано, Сергѣю Салтыкову не стоило ни малѣйшаго труда водворить миръ и спокойствіе въ головѣ Чоглокова, который

привыкъ не дорожить и не придавать большого значенія рѣчамъ человѣка, не обладавшаго никакимъ разсудкомъ и прослывшаго за таковаго. Когда я узнала все это, признаюсь, я была сильно возмущена противъ великаго князя; и чтобы отбить у него охоту къ подобнымъ попыткамъ впредь, я дала ему почувствовать, что мнѣ небезызвѣстно то, что происходило между нимъ и Чоглоковымъ. Онъ покраснѣлъ, не сказалъ ни слова, ушелъ, надулся на меня, и дѣло на томъ и остановилось. Когда мы вернулись въ Москву, насъ перевели изъ архіерейскаго дома въ покои того, который назывался Лѣтнимъ домомъ императрицы и уцѣлѣлъ отъ пожара. Императрица велѣла выстроить себѣ новые покои въ теченіе шести недѣль; для этой цѣли брали и привозили бревна изъ перовскаго дома, изъ дома графа Гендрикова и князей Грузинскихъ. Наконецъ она въѣхала въ него около 1754
Новаго года [1]).

Императрица отпраздновала день 1 января 1754 г. въ этомъ дворцѣ, и мы съ великимъ княземъ имѣли честь обѣдать съ ней публично подъ балдахиномъ. За столомъ Ея Императорское Величество казалась очень веселой и разговорчивой. У подножья трона были разставлены столы для нѣсколькихъ сотъ особъ первыхъ классовъ. Во время обѣда императрица спросила, что это сидитъ тамъ за особа (она указала ея мѣсто) такая тощая, невзрачная и съ журавлиной шеей, какъ она выразилась. Ей сказали, что это Мареа Шафирова. Она расхохоталась и, обращаясь ко мнѣ, сказала, что это напоминаетъ ей русскую пословицу: шейка долга, на висѣлицу годна [2]); я не могла удержаться отъ улыбки надъ этой императорской колкой насмѣшкой, которая не пропала даромъ и которую придворные повторяли изъ устъ въ уста, такъ что, вставъ изъ-за стола, я увидѣла, что уже нѣсколько лицъ о ней знали. Слышалъ ли это великій князь, я не знаю, но достовѣрно

[1]) Въ подлинникѣ—начало вставки.

[2]) Въ подлинникѣ—шейка долга, на виселицу годна.

только то, что онъ ни словомъ объ этомъ не заикнулся, я и не подумала съ нимъ объ этомъ заговорить [1]).

Ни одинъ годъ не изобиловалъ такъ пожарами, какъ 1753 и 1754. Мнѣ случалось неоднократно видѣть изъ оконъ этихъ покоевъ Лѣтняго дворца два, три, четыре и даже до пяти пожаровъ одновременно въ различныхъ мѣстахъ Москвы. Во время масленой императрица приказала, чтобы въ этихъ новыхъ покояхъ бывали разные балы и маскарады. Во время одного изъ нихъ я видѣла, что императрица имѣла длинный разговоръ съ генеральшей Матюшкиной. Эта послѣдняя не хотѣла, чтобы ея сынъ женился на княжнѣ Гагариной, моей фрейлинѣ, но императрица убѣдила мать, и княжна Гагарина, которой тогда было уже вѣрныхъ 38 лѣтъ, получила разрѣшеніе выйти замужъ за Дмитрія Матюшкина. Она была этому очень рада, да и я также; это былъ бракъ по склонности; Матюшкинъ тогда былъ очень красивъ. Чоглокова совсѣмъ не переѣзжала къ намъ въ лѣтніе покои: она осталась подъ разными предлогами со своими дѣтьми у себя въ домѣ, который былъ очень недалеко отъ двора. Въ дѣйствительности же, дѣло было въ томъ, что эта женщина, такая благонравная и такъ любившая своего мужа, воспылала страстью къ князю Петру Репнину и получила очень замѣтное отвращеніе къ своему мужу. Она думала, что не можетъ быть счастлива безъ наперсницы, и я показалась ей самымъ надежнымъ человѣкомъ; она показывала мнѣ всѣ письма, которыя получала отъ своего возлюбленнаго; я хранила ея секретъ очень вѣрно, съ мелочной точностью и осторожностью. Она видѣлась съ княземъ въ очень большомъ секретѣ; несмотря на то, супругъ ея возымѣлъ нѣкоторыя подозрѣнія; одинъ конногвардейскій офицеръ, Камынинъ, возбудилъ ихъ въ немъ впервые. Этотъ человѣкъ былъ олицетвореніемъ ревности и подозрѣнія; это было у него въ характерѣ; онъ былъ старымъ знакомымъ Чоглокова; этотъ послѣдній от-

---

[1]) Конецъ вставки.

крылся Сергѣю Салтыкову, который постарался его успокоить; я отнюдь не говорила Сергѣю Салтыкову того, что объ этомъ знала, боясь невольной иногда нескромности. Подъ конецъ и мужъ сталъ мнѣ дѣлать кое-какіе намеки; я разыграла изъ себя дурочку и удивленную и промолчала. Въ февралѣ мѣсяцѣ у меня появились признаки беременности. Въ самую Пасху во время службы Чоглоковъ захворалъ сухой коликой; ему давали сильныхъ лекарствъ, но болѣзнь его только усиливалась. На святой недѣлѣ великій князь поѣхалъ кататься съ кавалерами нашего двора верхомъ. Сергѣй Салтыковъ былъ въ томъ числѣ; я оставалась дома, потому что меня боялись выпускать въ виду моего положенія и въ виду того, что у меня было уже два выкидыша; я была одна въ своей комнатѣ, когда Чоглоковъ прислалъ просить меня пойти къ нему; я пошла туда и застала его въ постели; онъ сталъ сильно жаловаться мнѣ на свою жену, сказалъ, что у нея свиданія съ княземъ Репнинымъ, что онъ ходитъ къ ней пѣшкомъ, что на масленой, въ одинъ изъ дней придворнаго бала, онъ пришелъ къ ней одѣтый арлекиномъ, что Камынинъ его выслѣдилъ; словомъ, Богъ знаетъ, какихъ подробностей онъ мнѣ не разсказалъ. Въ минуту наибольшаго возбужденія его пришла его жена; тогда онъ сталъ въ моемъ присутствіи осыпать ее упреками, говоря, что она покидаетъ его больного. И онъ и она были люди очень подозрительные и ограниченные; я смертельно боялась, чтобы жена не подумала, что это я выдала ее во множествѣ подробностей, которыя онъ привелъ ей относительно ея свиданій. Жена, въ свою очередь, сказала ему, что не было бы страннымъ, если бы она наказала его за его поведеніе по отношенію къ ней; что ни онъ и никто другой не можетъ по крайней мѣрѣ упрекнуть ее въ томъ, что она пренебрегала имъ до сихъ поръ въ чемъ бы то ни было; и свою рѣчь она закончила словами, что ему не пристало жаловаться; и тотъ и другой обращались все время ко мнѣ и брали меня судьей и посредникомъ въ томъ, что говорили. Я молчала, боясь оскорбить того или

другого, или обоихъ вмѣстѣ, или же выдать себя. У меня горѣло лицо отъ страха; я была одна съ ними. Въ самый разгаръ пререканій Владиславова пришла сказать мнѣ, что императрица пожаловала въ мои покои; я тотчасъ же туда побѣжала, Чоглокова вышла со мною, но вмѣсто того, чтобы слѣдовать за мной, она остановилась въ одномъ коридорѣ, гдѣ была лѣстница, выходившая въ садъ; она тамъ и усѣлась, какъ мнѣ потомъ сказали. Что касается меня, то я вошла въ мою комнату вся запыхавшаяся, и дѣйствительно застала тамъ императрицу. Видя меня впопыхахъ и немного красной, она меня спросила, гдѣ я была. Я ей сказала, что пришла отъ Чоглокова, который боленъ, и что я побѣжала, чтобы вернуться возможно скорѣе, когда узнала, что она изволила ко мнѣ пожаловать. Она не обратилась ко мнѣ съ другими вопросами, но мнѣ показалось, что она задумалась надъ тѣмъ, что я сказала, и что это ей казалось страннымъ; однако она продолжала разговаривать со мною; она не спросила, гдѣ великій князь, потому что ей было извѣстно, что онъ выѣхалъ. Ни онъ, ни я во все царствованіе императрицы не смѣли выѣзжать въ городъ, ни выходить изъ дому, не пославъ испросить у нея на это позволеніе. Владиславова была въ моей комнатѣ; императрица нѣсколько разъ обращалась къ ней, а потомъ ко мнѣ, говорила о безразличныхъ вещахъ и затѣмъ, пробывъ безъ малаго полчаса, ушла, объявивъ мнѣ, что по случаю моей беременности она позволяетъ мнѣ не являться 21 и 25 апрѣля. Я была удивлена, что Чоглокова не послѣдовала за мною; я спросила у Владиславовой, когда императрица ушла, что съ тою приключилось; она мнѣ сказала, что та усѣлась на лѣстницѣ, гдѣ плакала. Какъ только великій князь вернулся, я разсказала Сергѣю Салтыкову о томъ, что со мною случилось во время ихъ прогулки, какъ Чоглоковъ меня позвалъ, что было сказано между мужемъ и женою, о моей боязни и визитѣ, который императрица мнѣ сдѣлала. Тогда онъ мнѣ сказалъ: «Если это такъ, то я думаю, что императрица приходила посмотрѣть, что вы дѣлаете въ

отсутствіи вашего мужа, и, чтобы видѣли, что вы были совершенно однѣ и у себя и у Чоглокова, я пойду и захвачу всѣхъ моихъ товарищей такъ, какъ есть, съ ногъ до головы въ грязи, къ Ивану Шувалову». Дѣйствительно, когда великій князь удалился, онъ ушелъ со всѣми тѣми, кто ѣздилъ верхомъ съ великимъ княземъ, къ Ивану Шувалову, который имѣлъ помѣщеніе при дворѣ. Когда они туда пришли, сей послѣдній сталъ разспрашивать ихъ подробно о прогулкѣ, и Сергѣй Салтыковъ сказалъ мнѣ потомъ, что, по его вопросамъ, ему показалось, что онъ не ошибся. Съ этого дня болѣзнь Чоглокова стала все ухудшаться; 21 апрѣля, въ день моего рожденія, доктора нашли, что нѣтъ надежды на выздоровленіе. Объ этомъ сообщили императрицѣ, которая приказала, по своему обыкновенію, перевезти больного въ его собственный домъ, чтобъ онъ не умеръ при дворѣ, потому что она боялась покойниковъ. Я была очень огорчена, какъ только узнала о состояніи, въ которомъ Чоглоковъ находился. Онъ умиралъ какъ разъ въ то время, когда послѣ многихъ лѣтъ усилій и труда удалось сдѣлать его не только менѣе злымъ и зловреднымъ, но когда онъ сталъ сговорчивымъ и съ нимъ даже можно было справляться, изучивъ его характеръ. Что касается жены, то она искренно меня любила въ то время и изъ черстваго и недоброжелательнаго Аргуса стала другомъ надежнымъ и преданнымъ. Чоглоковъ прожилъ въ своемъ домѣ еще до 25 апрѣля, до дня коронаціи императрицы, въ который онъ и скончался послѣ полудня. Меня тотчасъ объ этомъ увѣдомили, я посылала туда почти каждый часъ. Я была по истинѣ огорчена и очень плакала. Его жена тоже лежала въ постели въ послѣдніе дни болѣзни мужа; онъ былъ въ одной сторонѣ своего дома, она — въ другой. Сергѣй Салтыковъ и Левъ Нарышкинъ находились въ комнатѣ жены въ минуту смерти ея мужа; окна комнаты были открыты, птица влетѣла въ нее и сѣла на карнизъ потолка, противъ постели Чоглоковой; тогда она, видя это, сказала: «Я убѣждена, что мой мужъ только что отдалъ Богу душу; пошлите узнать,

такъ ли это». Пришли сказать, что онъ дѣйствительно умеръ. Она говорила, что эта птица была душа ея мужа; ей хотѣли доказать, что эта птица была обыкновенная птица, но не могли ее отыскать. Ей сказали, что она улетѣла, но такъ какъ никто ея не видѣлъ, она осталась убѣждена, что это была душа ея мужа, которая прилетѣла повидаться съ ней. Какъ только похороны Чоглокова были кончены, Чоглокова хотѣла побывать у меня; императрица, видя, что она переправляется черезъ длинный Яузскій мостъ, послала ей навстрѣчу сказать, что она увольняетъ ее отъ ея должности при мнѣ и чтобы она возвращалась домой. Ея Императорское Величество нашла неприличнымъ, что, какъ вдова, она выѣхала такъ рано. Въ тотъ же день она назначила Александра Ивановича Шувалова исполнять при великомъ князѣ должность покойнаго Чоглокова. А этотъ Александръ Шуваловъ, не самъ по себѣ, а по должности, которую онъ занималъ, былъ грозою всего двора, города и всей имперіи: онъ былъ начальникомъ государственнаго инквизиціоннаго суда, который звали тогда Тайной канцеляріей. Его занятія, какъ говорили, вызвали у него родъ судорожнаго движенія, которое дѣлалось у него на всей правой сторонѣ лица, отъ глаза до подбородка, каждый разъ, какъ онъ былъ взволнованъ радостью, гнѣвомъ, страхомъ или боязнью. Удивительно, какъ выбрали этого человѣка со столь отвратительной гримасой, чтобы держать его постоянно лицомъ къ лицу съ молодой беременной женщиной; если бы у меня родился ребенокъ съ такимъ несчастнымъ тикомъ, я думаю, что императрица была бы этимъ очень разгнѣвана; между тѣмъ, это могло бы случиться, такъ какъ я видѣла его постоянно, всегда неохотно и большею частью съ чувствомъ невольнаго отвращенія, причиняемаго его личными свойствами, его родными и его должностью, которая, понятно, не могла увеличить удовольствія отъ его общества. Но это было только слабымъ началомъ того блаженства, которое готовили намъ и, главнымъ образомъ, мнѣ. На слѣдующій день пришли

мнѣ сказать, что императрица снова назначитъ ко мнѣ графиню Румянцову. Я знала, что это былъ заклятый врагъ Сергѣя Салтыкова, что она недолюбливала также княжну Гагарину и что она очень повредила моей матери въ глазахъ императрицы. На сей разъ, узнавъ это, я потеряла всякое терпѣніе; я принялась горько плакать и сказала графу Александру Шувалову, что если ко мнѣ приставятъ графиню Румянцову, то я сочту это за очень большое несчастье для меня; что эта женщина прежде повредила моей матери, что она очернила ее во мнѣніи императрицы и что теперь она сдѣлаетъ то же самое и мнѣ; что ея боялись, какъ чумы, когда она была у насъ и что много будетъ несчастныхъ отъ такого распоряженія, если онъ не найдетъ средствъ отвратить его. Онъ обѣщалъ мнѣ похлопотать объ этомъ и постарался успокоить меня, боясь особенно за мое положеніе. Дѣйствительно, онъ отправился къ императрицѣ и когда вернулся, сказалъ мнѣ, что онъ надѣется, что императрица не назначитъ ко мнѣ графиню Румянцову. Въ самомъ дѣлѣ, я не слышала больше разговоровъ объ этомъ, и всѣ занялись только отъѣздомъ въ Петербургъ. Было установлено, что мы проведемъ 29 дней въ дорогѣ, то-есть, что мы будемъ проѣзжать ежедневно только по одной почтовой станціи. Я умирала отъ страху, какъ бы Сергѣя Салтыкова и Льва Нарышкина не оставили въ Москвѣ; но не знаю, какъ это случилось, что соблаговолили записать ихъ въ нашу свиту. Наконецъ мы отправились десятаго или одиннадцатаго мая изъ московскаго дворца. Я была въ каретѣ съ женою графа Александра Шувалова, съ самой скучной кривлякой, какую только можно себѣ представить, съ Владиславовой и съ акушеркой, безъ которой, какъ полагали, невозможно было обойтись, потому что я была беременна; мнѣ было до тошноты скучно въ каретѣ, и я то и дѣло плакала. Наконецъ княжна Гагарина, которая лично не любила графиню Шувалову изъ-за того, что ея дочь, бывшая замужемъ за Головкинымъ, двоюроднымъ братомъ княжны, была довольно не-

обходительна съ родителями своего мужа, выбрала минуту, когда она могла подойти ко мнѣ, чтобы сказать мнѣ, что она старается расположить въ мою пользу Владиславову, потому что и она сама, и всѣ боятся, чтобы ипохондрія, бывшая у меня въ моемъ положеніи, не повредила и мнѣ, и ребенку, котораго я носила. Что касается Сергѣя Салтыкова, то онъ не смѣлъ подойти ко мнѣ ни близко, ни даже издали, изъ-за стѣсненія и постояннаго присутствія Шуваловыхъ, мужа и жены. Дѣйствительно, ей удалось уговорить Владиславову, которая согласилась по крайней мѣрѣ на нѣкоторое снисхожденіе, чтобы облегчить состояніе вѣчнаго стѣсненія и принужденности, которое само и порождало эту ипохондрію, съ какой я уже не въ силахъ была справляться. Дѣло шло вѣдь о такихъ пустякахъ, всего о нѣсколькихъ минутахъ разговора; наконецъ это удалось. Послѣ двадцати девяти дней столь скучной ѣзды мы пріѣхали въ Петербургъ, въ Лѣтній дворецъ. Великій князь возобновилъ тамъ прежде всего свои концерты. Это нѣсколько облегчало мнѣ возможность разговаривать, но ипохондрія моя стала такова, что каждую минуту и по всякому поводу у меня постоянно навертывались слезы на глаза и тысячу опасеній приходили мнѣ въ голову; однимъ словомъ, я не могла избавиться отъ мысли, что все клонится къ удаленію Сергѣя Салтыкова. Мы поѣхали въ Петергофъ; я много тамъ ходила, но, несмотря на это, мои огорченія меня тамъ преслѣдовали. Въ августѣ мы вернулись въ городъ и снова заняли Лѣтній дворецъ. Для меня было почти смертельнымъ ударомъ, когда я узнала, что къ моимъ родамъ готовили покои, примыкавшіе къ аппартаментамъ императрицы и составлявшіе часть этихъ послѣднихъ. Александръ Шуваловъ повелъ меня смотрѣть ихъ; я увидѣла двѣ комнаты [такія же], какъ и всѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ, скучныя, съ единственнымъ выходомъ, плохо отдѣланныя малиновой камкой, почти безъ мебели и безъ всякихъ удобствъ. Я увидѣла, что буду здѣсь въ уединеніи, безъ какого бы то ни было общества, и глубоко не-

счастна. Я сказала объ этомъ Сергѣю Салтыкову и княжнѣ Гагариной, которые, хоть и не любили другъ друга, но сходились въ своей дружбѣ ко мнѣ. Они видѣли то же, что и я, но помочь этому было невозможно. Я должна была въ среду перейти въ эти покои, очень отдаленные отъ покоевъ великаго князя. Во вторникъ вечеромъ я легла и проснулась ночью съ болями. Я разбудила Владиславову, которая послала за акушеркой, утверждавшей, что я скоро разрѣшусь. Послали разбудить великаго князя, спавшаго у себя въ комнатѣ, и графа Александра Шувалова. Этотъ послалъ къ императрицѣ, не замедлившей прійти около двухъ часовъ ночи. Я очень страдала, наконецъ, около полудня слѣдующаго дня, 20 сентября, я разрѣшилась сыномъ. Какъ только его спеленали, императрица ввела своего духовника, который далъ ребенку имя Павла, послѣ чего тотчасъ же императрица велѣла акушеркѣ взять ребенка и слѣдовать за ней. Я оставалась на родильной постели, а постель эта помѣщалась противъ двери, сквозь которую я видѣла свѣтъ; сзади меня было два большихъ окна, которыя плохо затворялись, а направо и налѣво отъ этой постели двѣ двери, изъ которыхъ одна выходила въ мою уборную, а другая—въ комнату Владиславовой. Какъ только удалилась императрица, великій князь тоже пошелъ къ себѣ, а также и Шуваловы, мужъ и жена, и я никого не видѣла ровно до трехъ часовъ. Я много потѣла; я просила Владиславову смѣнить мнѣ бѣлье, уложить меня въ кровать; она мнѣ сказала, что не смѣетъ. Она посылала нѣсколько разъ за акушеркой, но та не приходила; я просила пить, но получила тотъ же отвѣтъ. Наконецъ послѣ трехъ часовъ пришла графиня Шувалова, вся разодѣтая. Увидѣвъ, что я все еще лежу на томъ же мѣстѣ, гдѣ она меня оставила, она вскрикнула и сказала, что такъ можно уморить меня. Это было очень утѣшительно для меня, уже заливавшейся слезами съ той минуты, какъ я разрѣшилась, и особенно отъ того, что я всѣми покинута и лежу плохо и неудобно, послѣ тяжелыхъ и мучительныхъ уси-

лій, между плохо затворявшимися дверьми и окнами, причемъ никто не смѣлъ перенести меня на мою постель, которая была въ двухъ шагахъ, а я сама не въ силахъ была на нее перетащиться. Шувалова тотчасъ же ушла и, вѣроятно, она послала за акушеркой, потому что послѣдняя явилась полчаса спустя и сказала намъ, что императрица была такъ занята ребенкомъ, что не отпускала ее ни на минуту. Обо мнѣ и не думали. Это забвеніе или пренебреженіе по меньшей мѣрѣ не были лестны для меня; я въ это время умирала отъ усталости и жажды; наконецъ меня положили въ мою постель и я ни души больше не видала во весь день, и даже не посылали освѣдомиться обо мнѣ. Его Императорское Высочество со своей стороны только и дѣлалъ, что пилъ съ тѣми, кого находилъ, а императрица занималась ребенкомъ. Въ городѣ и въ имперіи радость по случаю этого событія была велика. Со слѣдующаго дня я начала чувствовать невыносимую ревматическую боль, начиная съ бедра, вдоль ляжки и по всей лѣвой ногѣ; эта боль мѣшала мнѣ спать и при томъ я схватила сильную лихорадку. Несмотря на это, на слѣдующій день мнѣ оказывали почти столько же вниманія; я никого не видѣла и никто не справлялся о моемъ здоровьѣ; великій князь однако зашелъ въ мою комнату на минуту и удалился, сказавъ, что не имѣетъ времени оставаться. Я то и дѣло плакала и стонала въ своей постели, одна Владиславова была въ моей комнатѣ; въ сущности, она меня жалѣла, но не могла этому помочь. Кромѣ того, я не любила, чтобы меня жалѣли, и не любила жаловаться; у меня была слишкомъ гордая душа и одна мысль быть несчастной казалась мнѣ невыносимой. До тѣхъ поръ я дѣлала все, что могла, чтобы казаться таковой. Я могла бы видѣть графа Александра Шувалова и его жену, но это были существа такія пошлыя и такія скучныя, что я всегда была въ восторгѣ, когда они отсутствовали. На третій день пришли отъ императрицы спросить у Владиславовой отъ имени государыни, не осталась ли у меня въ комнатѣ мантилья

изъ голубого атласа, которая была въ тотъ день, когда я разрѣшалась, на Ея Императорскомъ Величествѣ, такъ какъ было очень холодно въ моей комнатѣ. Владиславова пошла всюду искать эту мантилью и наконецъ нашла ее въ углу моей уборной, гдѣ ея не замѣтили, потому что со времени моихъ родовъ рѣдко входили въ эту комнату; найдя ее, она тотчасъ ее отослала. Эта мантилья, какъ мы узнали немного времени спустя, дала поводъ къ довольно странному приключенію. У императрицы не было опредѣленнаго часа ни для сна, ни для вставанья, ни для обѣда, ни для ужина, ни для одѣванія; послѣ полудня въ одинъ изъ трехъ указанныхъ дней она легла на канапе, куда велѣла положить матрацъ и подушки; лежа, она спросила эту мантилью, такъ какъ ей было холодно; ее стали всюду искать и не нашли, потому что она осталась у меня въ комнатѣ. Тогда императрица приказала искать ее подъ подушками изголовья, думая, что ее тамъ найдутъ; сестра Крузе, эта любимая камерфрау императрицы, просунула руку подъ изголовье Ея Императорскаго Величества и вытащила ее, говоря, что мантильи подъ этимъ изголовьемъ нѣтъ, но что тамъ есть пучокъ волосъ или что-то въ родѣ этого, но она не знаетъ, что это такое. Императрица тотчасъ встала съ мѣста и велѣла поднять матрацъ и подушки, и тогда увидѣли, не безъ удивленія, бумагу, въ которой были волосы, намотанные на какіе-то коренья. Тогда и женщины императрицы, и она сама стали говорить, что это, навѣрное, какія-нибудь чары или колдовство, и всѣ стали дѣлать догадки о томъ, кто бы могъ имѣть смѣлость положить этотъ свертокъ подъ изголовье императрицы. Заподозрѣли одну изъ женщинъ, которую Ея Императорское Величество любила больше всѣхъ; ее звали Анной Дмитріевой Домашевной; но недавно эта женщина, овдовѣвъ, вышла во второй разъ замужъ за камердинера императрицы. Господа Шуваловы не любили этой женщины, которая была имъ враждебна, и по своей силѣ и по довѣрію императрицы, которымъ она пользовалась

съ молодыхъ лѣтъ, была очень способна сыграть съ ними какую-нибудь штуку, которая сильно уменьшила бы ихъ фаворъ. Такъ какъ Шуваловы имѣли сторонниковъ, то послѣдніе усмотрѣли въ этомъ преступленіе. Императрица и сама по себѣ была къ тому склонна, потому что вѣрила въ чары и колдовство. Вслѣдствіе этого она велѣла графу Александру Шувалову арестовать эту женщину, ея мужа и ея двоихъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, а другой камеръ-пажемъ императрицы. Мужъ черезъ два дня послѣ того, какъ былъ арестованъ, спросилъ бритву, чтобы побриться, и перерѣзалъ ею себѣ горло; а жена съ дѣтьми оставались долго подъ арестомъ, и она призналась, что, дабы продлить милость императрицы къ ней, она употребила эти чары, и что положила еще нѣсколько крупинокъ четверговой соли въ рюмку венгерскаго, которую подавала императрицѣ. Это дѣло кончили тѣмъ, что сослали и женщину, и ея дѣтей въ Москву; распустили потомъ слухъ, будто обморокъ, бывшій съ императрицей за нѣсколько дней до моихъ родовъ, былъ вслѣдствіе напитковъ, которые эта женщина давала императрицѣ; но на самомъ дѣлѣ она никогда не давала ей ничего, кромѣ двухъ или трехъ крупинокъ четверговой соли, которыя, конечно, не могли ей повредить; во всемъ этомъ могли быть достойны порицанія только дерзость этой женщины и ея суевѣріе. Наконецъ великій князь, скучая по вечерамъ безъ моихъ фрейлинъ, за которыми онъ ухаживалъ, пришелъ предложить мнѣ провести вечеръ у меня въ комнатѣ. Тогда онъ ухаживалъ какъ разъ за самой некрасивой: это была графиня Елизавета Воронцова; на шестой день были крестины моего сына; онъ уже чуть не умеръ отъ молочницы. Я могла узнавать о немъ только украдкой, потому что спрашивать объ его здоровьѣ значило бы сомнѣваться въ заботѣ, которую имѣла о немъ императрица, и это могло быть принято очень дурно. Она и безъ того взяла его въ свою комнату и, какъ только онъ кричалъ, она сама къ нему подбѣгала и заботами его

буквально душили. Его держали въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, запеленавши во фланель и уложи́въ въ колыбель, обитую мѣхомъ чернобурой лисицы; его покрывали стеганымъ на ватѣ атласнымъ одѣяломъ и сверхъ этого клали еще другое, бархатное, розоваго цвѣта, подбитое мѣхомъ чернобурой лисицы. Я сама много разъ послѣ этого видѣла его уложеннаго такимъ образомъ, потъ лилъ у него съ лица и со всего тѣла, и это привело къ тому, что, когда онъ подросъ, то отъ малѣйшаго вѣтерка, который его касался, онъ простужался и хворалъ. Кромѣ того, вокругъ него было множество старыхъ мамушекъ, которыя безтолковымъ уходомъ, вовсе лишеннымъ здраваго смысла, приносили ему несравненно больше тѣлесныхъ и нравственныхъ страданій, нежели пользы. Въ самый день крестинъ императрица послѣ обряда пришла въ мою комнату и принесла мнѣ на золотомъ блюдѣ указъ своему Кабинету выдать мнѣ сто тысячъ рублей; къ этому она прибавила небольшой ларчикъ, который я открыла только тогда, когда она ушла. Эти деньги пришлись мнѣ очень кстати, потому что у меня не было ни гроша и я была вся въ долгу; ларчикъ же, когда я его открыла, не произвелъ на меня большого впечатлѣнія: тамъ было очень бѣдное маленькое ожерелье съ серьгами и двумя жалкими перстнями, которые мнѣ совѣстно было бы подарить моимъ камерфрау. Во всемъ этомъ ларчикѣ не было ни одного камня, который стоилъ бы сто рублей; ни работой, ни вкусомъ эти вещи тоже не блистали. Я промолчала и велѣла убрать императорскій ларчикъ; вѣроятно, чувствовали явную ничтожность этого подарка, потому что графъ Александръ Шуваловъ пришелъ мнѣ сказать, что ему приказано узнать отъ меня, какъ мнѣ понравился ларчикъ; я ему отвѣтила, что все, что я получала изъ рукъ Ея Императорскаго Величества, я привыкла считать безцѣннымъ для себя. Онъ ушелъ съ этимъ комплиментомъ очень веселый. Онъ впослѣдствіи снова къ этому вернулся, видя, что я никогда не надѣваю это прекрасное ожерелье и особенно—жалкія серьги, и сказалъ, чтобы я ихъ надѣвала; я ему отвѣтила,

что на празднества императрицы я привыкла надѣвать, что у меня есть лучшаго, а это ожерелье и серьги не такого сорта. Четыре или пять дней спустя послѣ того, какъ мнѣ принесли деньги, которыя императрица мнѣ пожаловала, баронъ Черкасовъ, ея кабинетъ-секретарь, велѣлъ попросить меня, чтобы я Бога ради одолжила эти деньги Кабинету императрицы, потому что она требовала денегъ, а ихъ не было ни гроша. Я отослала ему его деньги и онъ возвратилъ мнѣ ихъ въ январѣ мѣсяцѣ. Великій князь, узнавъ о подаркѣ, сдѣланномъ мнѣ императрицей, пришелъ въ страшную ярость отъ того, что она ему ничего не дала. Онъ съ запальчивостью сказалъ объ этомъ графу Александру Шувалову. Этотъ послѣдній пошелъ доложить объ этомъ императрицѣ, которая тотчасъ же послала великому князю такую же сумму, какую дала и мнѣ; для этого и взяли у меня въ долгъ мои деньги. Надо правду сказать, Шуваловы были вообще люди крайне трусливые и этимъ-то путемъ можно было ими управлять; но эти прекрасныя качества тогда были еще не совсѣмъ открыты. Послѣ крестинъ моего сына были празднества, балы, иллюминація и фейерверкъ при дворѣ. Что касается меня, то я все еще была въ постели, больная и страдающая отъ сильной скуки; наконецъ выбрали семнадцатый день послѣ моихъ родовъ, чтобы объявить мнѣ сразу двѣ очень непріятныя новости. Первая, что Сергѣй Салтыковъ былъ назначенъ отвезти извѣстіе о рожденіи моего сына въ Швецію. Вторая, что свадьба княжны Гагариной назначена на слѣдующей недѣлѣ; это значило попросту сказать, что я буду немедленно разлучена съ двумя лицами, которыхъ я любила больше всѣхъ изъ тѣхъ, кто меня окружалъ. Я зарылась больше чѣмъ когда-либо въ свою постель, гдѣ я только и дѣлала, что горевала; чтобы не вставать съ постели, я отговорилась усиленіемъ боли въ ногѣ, мѣшавшей мнѣ вставать; но на самомъ дѣлѣ, я не могла и не хотѣла никого видѣть, потому что была въ горѣ [1]).

[1]) Въ подлинникѣ—начало вставки.

Во время моихъ родовъ у великаго князя была тоже большая непріятность, потому что графъ Александръ Шуваловъ пришелъ ему сказать, что прежній охотникъ великаго князя, Бастіанъ, которому императрица повелѣла нѣсколько лѣтъ тому назадъ жениться на Шенкъ, моей прежней камеръ-юнгферѣ, донесъ ему, что онъ отъ кого-то слышалъ, что Брессанъ хотѣлъ чѣмъ-то опоить великаго князя. А этотъ Бастіанъ былъ большой плутъ и пьяница, покучивавшій время отъ времени съ Его Императорскимъ Высочествомъ; поссорившись съ Брессаномъ, котораго онъ считалъ въ бóльшей милости у великаго князя, нежели былъ онъ самъ, онъ вздумалъ сыграть съ нимъ злую шутку. Великій князь любилъ ихъ обоихъ. Бастіанъ былъ посаженъ въ крѣпость; Брессанъ думалъ, что тоже туда угодитъ, но онъ отдѣлался однимъ страхомъ. Охотникъ былъ высланъ изъ Россіи и отправленъ въ Голштинію со своею женою, а Брессанъ сохранилъ свое мѣсто, потому что онъ служилъ всѣмъ шпіономъ [1]).

Сергѣй Салтыковъ послѣ нѣкоторыхъ отсрочекъ, происшедшихъ отъ того, что императрица не часто и неохотно подписывала бумаги, уѣхалъ; княжна Гагарина между тѣмъ вышла замужъ въ назначенный срокъ. Когда прошло 40 дней со времени моихъ родовъ, императрица, когда давали молитву, пришла вторично въ мою комнату. Я встала съ постели, чтобы ее принять; но она, видя меня такой слабой и такой исхудавшей, велѣла мнѣ сидѣть, пока ея духовникъ читалъ молитву. Сына моего принесли въ мою комнату: это было въ первый разъ, что я его увидѣла послѣ его рожденія. Я нашла его очень красивымъ, и его видъ развеселилъ меня немного; но въ ту самую минуту, какъ молитвы были кончены, императрица велѣла его унести и ушла. 1-ое ноября было назначено Ея Императорскимъ Величествомъ для того, чтобы я принимала обычныя поздравленія послѣ шести недѣль, прошедшихъ со времени моихъ

[1]) Конецъ вставки.

родовъ. Для этого случая поставили очень богатую мебель въ комнату рядомъ съ моей и тамъ я сидѣла на бархатной розовой постели, вышитой серебромъ, и всѣ подходили цѣловать мнѣ руку. Императрица тоже пришла туда и отъ меня переѣхала въ Зимній дворецъ, куда мы получили приказаніе послѣдовать за нею дня два или три спустя. Насъ помѣстили въ комнатахъ, которыя занимала моя мать и которыя, собственно говоря, принадлежали на половину къ дому Ягужинскаго и на половину къ дому Рагузинскаго; другая половина этого послѣдняго дома была занята коллегіей иностранныхъ дѣлъ. Въ то время строили Зимній дворецъ со стороны большой площади. Я переѣхала изъ Лѣтняго дворца въ зимнее помѣщеніе съ твердымъ намѣреніемъ не выходить изъ комнаты до тѣхъ поръ, пока не буду чувствовать себя въ силахъ побѣдить свою ипохондрію. Я читала тогда «Исторію Германіи» и «Всеобщую исторію» Вольтера. Затѣмъ я прочла въ эту зиму столько русскихъ книгъ, сколько могла достать, между прочимъ два огромныхъ тома Бароніуса, въ русскомъ переводѣ; потомъ я напала на «Духъ законовъ» Монтескье, послѣ чего прочла «Анналы» Тацита, сдѣлавшіе необыкновенный переворотъ въ моей головѣ, чему, можетъ быть, не мало способствовало печальное расположеніе моего духа въ это время. Я стала видѣть многія вещи въ черномъ свѣтѣ и искать въ предметахъ, представлявшихся моему взору, причинъ глубокихъ и болѣе основанныхъ на интересахъ. Я собралась съ силами, чтобы выйти на Рождествѣ. Дѣйствительно, я присутствовала при богослуженіи, но въ самой церкви меня охватила дрожь, и я почувствовала боли во всемъ тѣлѣ, такъ что, вернувшись къ себѣ, я раздѣлась и улеглась въ мою кровать, а это было не что иное, какъ кушетка, поставленная мной у задѣланной двери, черезъ которую, какъ мнѣ казалось, не дуло, потому что, кромѣ подбитой сукномъ портьеры, передъ ней стояли еще большія ширмы, но эта дверь, вѣроятно, наградила меня всѣми флюсами, какіе одолѣвали меня въ эту зиму.

На второй день Рождества жаръ отъ лихорадки былъ такъ великъ, что я бредила; когда я закрывала глаза, я видѣла передъ собою лишь плохо нарисованныя фигуры на изразцахъ печи, въ которую упиралась моя кушетка, такъ какъ комната была маленькая и узкая. Что касается моей спальной, то я почти вовсе туда не входила, потому что она была очень холодная отъ оконъ, выходившихъ съ двухъ сторонъ на Неву, на востокъ и на сѣверъ; вторая причина, прогонявшая меня оттуда, была близость покоевъ великаго князя, гдѣ днемъ и отчасти ночью былъ всегда шумъ приблизительно такой же, какъ въ кордегардіи; кромѣ того, такъ какъ онъ и всѣ его окружающіе много курили, то непріятныя испаренія и запахъ табаку давалъ себя здѣсь знать. Итакъ, я находилась всю зиму въ этой несчастной узкой комнаткѣ, въ которой было два окна и одинъ простѣнокъ, что въ общемъ могло составлять пространство отъ семи до восьми аршинъ въ длину и аршина четыре въ ширину, между тремя дверьми. Такъ начался 1755 годъ. Съ Рождества до поста были только празднества при дворѣ и въ городѣ: это было все еще по случаю рожденія моего сына. Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили задавать возможно лучшіе пиршества, балы, маскарады, иллюминаціи и фейерверки; я ни на одномъ не присутствовала подъ предлогомъ болѣзни. Къ концу масленой Сергѣй Салтыковъ вернулся изъ Швеціи. Во время его отсутствія великій канцлеръ графъ Бестужевъ всѣ извѣстія, какія онъ получалъ отъ него, и депеши графа Панина, въ то время русскаго посланника въ Швеціи, посылалъ мнѣ черезъ Владиславову, которой передавалъ ихъ ея зять, старшій чиновникъ при великомъ канцлерѣ, а я ихъ отсылала тѣмъ же путемъ. Такимъ же образомъ я узнала еще, что какъ только Сергѣй Салтыковъ вернется, рѣшено послать его жить въ Гамбургъ въ качествѣ русскаго посланника на мѣсто князя Александра Голицына, котораго назначали въ армію. Это новое распоряженіе не уменьшило моего горя. Когда Сергѣй Салтыковъ вернулся,

онъ послалъ мнѣ сказать черезъ Льва Нарышкина, чтобы я указала ему, если могу, средство меня видѣть; я поговорила объ этомъ съ Владиславовой, которая согласилась на это свиданіе. Онъ долженъ былъ пройти къ ней, а оттуда ко мнѣ; я ждала его до трехъ часовъ утра, но онъ совсѣмъ не пришелъ; я смертельно волновалась по поводу того, что могло помѣшать ему прійти. Я узнала на слѣдующій день, что его увлекъ графъ Романъ Воронцовъ въ ложу франкъ-масоновъ. Онъ увѣрялъ, что не могъ выбраться оттуда, не возбудивъ подозрѣній. Но я такъ разспрашивала и вывѣдывала у Льва Нарышкина, что мнѣ стало ясно, какъ день, что онъ не явился по недостатку рвенія и вниманія ко мнѣ безъ всякаго уваженія къ тому, что я такъ долго страдала исключительно изъ-за моей привязанности къ нему. Самъ Левъ Нарышкинъ, хоть и другъ его, не очень-то или даже совсѣмъ не оправдывалъ его. Правду сказать, я этимъ была очень оскорблена; я написала ему письмо, въ которомъ горько жаловалась на его поступокъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ и пришелъ ко мнѣ; ему не трудно было меня успокоить, потому что я была къ тому очень расположена. Онъ меня убѣдилъ показаться въ обществѣ. Я послѣдовала его совѣту и появилась 10 февраля, въ день рожденія великаго князя и наканунѣ поста. Я заказала себѣ для этого дня великолѣпное платье изъ голубого бархата, вышитое золотомъ. Такъ какъ въ своемъ одиночествѣ я много и много размышляла, то я рѣшила дать почувствовать тѣмъ, которые мнѣ причинили столько различныхъ огорченій, что отъ меня зависѣло, чтобы меня не оскорбляли безнаказанно, и что дурными поступками не пріобрѣтешь ни моей привязанности, ни моего одобренія. Вслѣдствіе этого я не пренебрегала никакимъ случаемъ, когда могла бы выразить Шуваловымъ, насколько они расположили меня въ свою пользу; я выказывала имъ глубокое презрѣніе, я заставляла другихъ замѣчать ихъ злость, глупости, я высмѣивала ихъ всюду, гдѣ могла, всегда имѣла для нихъ наготовѣ какую-нибудь язвительную насмѣшку, которая

затѣмъ облетала городъ и тѣшила злобу на ихъ счетъ; словомъ, я имъ мстила всякими способами, какіе могла придумать; въ ихъ присутствіи я не упускала случая отличать тѣхъ, кого они не любили. Такъ какъ было не мало людей, которые ихъ ненавидѣли, то у меня не было недостатка въ поддержкѣ. Графовъ Разумовскихъ, которыхъ я всегда любила, я больше чѣмъ когда-либо ласкала. Я удвоила внимательность и вѣжливость по отношенію ко всѣмъ, исключая Шуваловыхъ. Однимъ словомъ, я держалась очень прямо, высоко несла голову, скорѣе какъ глава очень большой партіи, нежели какъ человѣкъ униженный и угнетенный. Шуваловы сначала не знали, на какой ногѣ плясать. Они держали совѣтъ и прибѣгли къ придворнымъ хитростямъ и интригамъ. Въ это время появился въ Россіи нѣкій Брокдорфъ, голштинскій дворянинъ, котораго раньше прогнали съ границы Россіи, куда онъ было ѣхалъ, тогдашніе приближенные великаго князя Брюммеръ и Бергхольцъ, потому что они знали его за человѣка съ очень дурнымъ характеромъ и способнаго къ интригѣ. Этотъ человѣкъ явился очень кстати для господъ Шуваловыхъ. Такъ какъ онъ имѣлъ ключъ камергера великаго князя, какъ герцога Голштинскаго, то сей ключъ далъ ему право входа къ Его Императорскому Высочеству, который, кромѣ того, былъ милостиво расположенъ ко всякому болвану, пріѣзжавшему изъ этой страны. Этотъ человѣкъ нашелъ доступъ къ графу Петру Шувалову вотъ какимъ образомъ. Онъ познакомился въ гостиницѣ, гдѣ онъ стоялъ, съ однимъ человѣкомъ, который не выходилъ изъ петербургскихъ гостиницъ, развѣ только для того, чтобы пойти къ тремъ дѣвицамъ-нѣмкамъ, довольно пригожимъ, по имени Рейфенштейнъ: одна изъ этихъ дѣвицъ была на содержаніи у графа Петра Шувалова. Человѣка, о которомъ идетъ рѣчь, звали Браунъ: это былъ своего рода сводникъ по всякимъ дѣламъ, онъ ввелъ Брокдорфа къ этимъ дѣвицамъ; здѣсь онъ познакомился съ графомъ Петромъ Шуваловымъ; тотъ началъ усиленно завѣрять его въ своей привязанности къ вели-

кому князю и мало-по-малу сталъ жаловаться на меня. Брокдорфъ при первомъ случаѣ донесъ все это великому князю и его настроили на то, чтобы, какъ онъ говорилъ, образумить его жену. Съ этой цѣлью Его Императорское Высочество однажды послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ въ комнату и сказалъ мнѣ, что я начинаю становиться невыносимо горда, и что онъ сумѣетъ меня образумить. Я его спросила, въ чемъ состоитъ эта гордость? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что я держусь очень прямо. Я его спросила: развѣ для того, чтобы ему понравиться, нужно гнуть спину, какъ рабы Турецкаго султана? Онъ разсердился и сказалъ мнѣ, что онъ сумѣетъ меня образумить. Я спросила у него: «Какимъ образомъ?». Тогда онъ прислонился спиною къ стѣнѣ, вытащилъ на половину свою шпагу и показалъ мнѣ ее. Я его спросила, что это значитъ, не разсчитываетъ ли онъ драться со мною; что тогда и мнѣ нужна шпага. Онъ вложилъ свою на половину вынутую шпагу въ ножны и сказалъ мнѣ, что я стала ужасно зла. Я спросила его: «Въ чемъ?» Тогда онъ мнѣ пробормоталъ: «Да по отношенію къ Шуваловымъ». На это я отвѣчала, что это лишь въ отместку и что онъ хорошо сдѣлаетъ, если не станетъ говорить о томъ, чего не знаетъ и въ чемъ ничего не смыслитъ. Онъ сталъ говорить: «Вотъ что значитъ не довѣряться своимъ истиннымъ друзьямъ, и выходитъ плохо. Если бы вы мнѣ довѣрялись, то это пошло бы вамъ на пользу». Я сказала ему: «Да въ чемъ довѣряться?» Тогда онъ сталъ говорить мнѣ такія несуразныя вещи, столь лишенныя самаго обыкновеннаго здраваго смысла, что я, видя, что онъ просто-на просто заврался, дала ему говорить, не возражая ему, и воспользовалась перерывомъ, удобнымъ, какъ мнѣ показалось, чтобы посовѣтовать ему итти спать, ибо я видѣла ясно, что вино помутило ему разумъ и лишило его всякаго признака здраваго смысла. Онъ послѣдовалъ моему совѣту и пошелъ спать. Отъ него уже тогда начало почти постоянно нести виномъ вмѣстѣ съ запахомъ курительнаго табаку, такъ что это бывало буквально не-

выносимо для тѣхъ, кто къ нему приближался. Въ тотъ же вечеръ, когда я играла въ карты, графъ Александръ Шуваловъ пришелъ мнѣ объявить отъ имени императрицы, будто она запретила дамамъ употреблять въ ихъ нарядѣ многія матеріи, которыя были перечислены въ объявленіи. Чтобы показать ему, какъ Его Императорское Высочество меня усмирилъ, я засмѣялась ему въ лицо и сказала ему, что онъ могъ бы не утруждать себя сообщеніемъ мнѣ этого объявленія, потому что я никогда не надѣваю ни одной изъ матерій, которыя не нравятся Ея Императорскому Величеству; что, впрочемъ, я не полагаю своего достоинства ни въ красотѣ, ни въ нарядѣ, что когда первая прошла, послѣдній становится смѣшнымъ, что остается только одинъ характеръ. Онъ выслушалъ это до конца, помаргивая правымъ глазомъ, какъ это было у него въ привычкѣ, и ушелъ со своей гримасой. Я обратила на это вниманіе тѣхъ, кто игралъ со мною, передразнивъ его, что заставило смѣяться всю компанію. Нѣсколько дней спустя великій князь сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ просить у императрицы денегъ для своихъ голштинскихъ дѣлъ, которыя идутъ все хуже и хуже, и что совѣтуетъ ему это Брокдорфъ. Я хорошо поняла, что это была приманка, на которую его хотѣли поймать, чтобы заставить его надѣяться [на полученіе этихъ денегъ] черезъ посредство господъ Шуваловыхъ. Я ему сказала: «Нѣтъ ли возможности сдѣлать иначе?» Онъ мнѣ отвѣтилъ, что покажетъ мнѣ, что по этому поводу ему предъявляютъ голштинцы. Онъ дѣйствительно такъ и сдѣлалъ; просмотрѣвъ бумаги, которыя онъ мнѣ показалъ, я ему сказала, что, какъ мнѣ кажется, онъ можетъ обойтись безъ того, чтобы выпрашивать деньги у своей тетушки, которая, можетъ быть, еще откажетъ, такъ какъ не прошло еще и шести мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ она дала ему сто тысячъ; но онъ остался при своемъ мнѣніи, а я при своемъ. Что несомнѣнно, такъ это то, что его долго обнадеживали, что у него будутъ деньги, но онъ ничего не получилъ. Послѣ Пасхи мы отправились въ Ораніенбаумъ.

Передъ отъѣздомъ императрица позволила мнѣ повидать моего сына въ третій разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ родился. Надо было пройти черезъ всѣ покои Ея Императорскаго Величества, чтобы добраться до его комнаты. Я нашла его въ удушливой жарѣ, какъ я это уже разсказывала. Пріѣхавъ на дачу въ Ораніенбаумъ, мы увидѣли тамъ нѣчто необычайное. Его Императорское Высочество, которому его голштинцы постоянно толковали о дефицитѣ, и которому всѣ говорили, чтобы онъ сократилъ число этихъ непутныхъ людей, которыхъ притомъ онъ могъ видать только тайкомъ и урывками, взялъ да и рѣшился вдругъ выписать ихъ цѣлый отрядъ. Это было также дѣло рукъ злосчастнаго Брокдорфа, льстившаго преобладающей страсти этого князя. Шуваловымъ онъ далъ понять, что, потворствуя ему этой игрушкой или погремушкой, они навсегда обезпечатъ себѣ его милость, что они займутъ его этимъ и могутъ быть на будущее время увѣрены въ его полномъ одобреніи всего того, что они со временемъ предпримутъ. Отъ императрицы, которая ненавидѣла Голштинію и все то, что оттуда исходило, и видѣла, какъ подобныя военныя погремушки погубили отца великаго князя, герцога Карла-Фридриха, во мнѣніи Петра I и всего русскаго общества, сначала, кажется, это скрыли или сказали ей, что это такой пустякъ, что не стоило объ этомъ и говорить, и что притомъ одно присутствіе графа Александра Шувалова является уже достаточной уздой для того, чтобы это дѣло не имѣло никакихъ послѣдствій. Сѣвъ на суда въ Килѣ, этотъ отрядъ прибылъ въ Кронштадтъ, а оттуда перебрался въ Ораніенбаумъ. Великій князь, который при Чоглоковѣ надѣвалъ голштинскій мундиръ только въ своей комнатѣ и какъ бы украдкой, теперь уже не сталъ носить другого, кромѣ какъ на куртагахъ, хотя онъ былъ подполковникомъ Преображенскаго полка и, кромѣ того, былъ въ Россіи шефомъ Кирасирскаго полка. По совѣту Брокдорфа, великій князь держалъ въ большомъ секретѣ отъ меня эту перевозку войскъ. Признаюсь, когда я это узнала, я ужас-

нулась тому отвратительному впечатлѣнію, которое этотъ поступокъ великаго князя долженъ былъ произвести на русское общество и даже на умъ императрицы, взгляды которой мнѣ были прекрасно извѣстны. Александръ Шуваловъ съ обычнымъ помаргиваніемъ глаза смотрѣлъ, какъ этотъ отрядъ проходилъ мимо балкона въ Ораніенбаумѣ. Я была рядомъ съ нимъ; въ глубинѣ души онъ не одобрялъ того, что онъ и его родня условились терпѣть. При Ораніенбаумскомъ дворцѣ стоялъ караулъ изъ Ингерманландскаго полка, который чередовался съ Астраханскимъ. Я узнала, что, видя, какъ проходятъ голштинскія войска, солдаты сказали: «Эти проклятые нѣмцы всѣ проданы Прусскому королю; это все предателей приводятъ въ Россію». Вообще общество было возмущено этимъ появленіемъ; самые преданные пожимали плечами, самые умѣренные находили это смѣшнымъ и страннымъ; въ сущности, это было очень неосторожное ребячество. Что меня касается, то я молчала, а когда мнѣ объ этомъ говорили, я высказывала свое мнѣніе такимъ образомъ, чтобы увидѣли, что я этого ничуть не одобряю; я дѣйствительно смотрѣла на это дѣло, съ какой стороны его ни поверни, какъ на въ высшей степени вредное для блага великаго князя, ибо при ближайшемъ разсмотрѣніи какое же другое мнѣніе можно было по этому поводу имѣть? Одно его удовольствіе не могло никогда вознаградить за тотъ вредъ, который эта затѣя должна была сдѣлать ему въ общественномъ мнѣніи. Его Императорское Высочество, въ восхищеніи отъ своего отряда, помѣстился съ нимъ въ лагерѣ, который для этого устроилъ, и только и дѣлалъ, что занимался съ ними военными ученіями. Надо было ихъ кормить, но объ этомъ совсѣмъ не подумали; между тѣмъ дѣло было неотложное, и произошло нѣсколько столкновеній съ гофмаршаломъ, который не былъ готовъ къ такому требованію; наконецъ онъ на это согласился и камеръ-лакеи вмѣстѣ съ солдатами Ингерманландскаго полка, имѣвшими караулъ при дворцѣ, были употреблены на то, чтобы носить изъ дворцовой

кухни въ лагерь пищу для вновь прибывшихъ. Этотъ лагерь былъ не особенно близко отъ дворца; ни тѣмъ, ни другимъ ничего не дали за ихъ трудъ; можно себѣ представить, какое прекрасное впечатлѣніе должно было произвести столь мудрое и разумное распоряженіе. Солдаты Ингерманландскаго полка говорили: «Вотъ мы стали лакеями этихъ проклятыхъ нѣмцевъ». Дворцовые лакеи говорили: «Насъ заставляютъ служить этому мужичью». Когда я увидѣла и узнала, что происходитъ, я твердо рѣшила держаться какъ можно дальше отъ этой опасной ребяческой игры. Камергеры нашего двора, которые были женаты, имѣли при себѣ своихъ женъ; это составляло довольно многочисленную компанію, кавалерамъ нечего было дѣлать въ голштинскомъ лагерѣ, изъ котораго Его Императорское Высочество не выходилъ. Такимъ образомъ среди этой компаніи придворныхъ и съ нею я уходила гулять какъ можно чаще, но всегда въ сторону противоположную отъ лагеря, къ которому мы не подходили ни издали, ни близко. Мнѣ вздумалось тогда развести себѣ садъ въ Ораніенбаумѣ и, такъ какъ я знала, что великій князь не дастъ мнѣ для этого ни клочка земли, то я попросила князей Голицыныхъ продать или уступить мнѣ пространство во сто саженей невоздѣланной и давно брошенной земли, которая находилась у нихъ совсѣмъ рядомъ съ Ораніенбаумомъ; такъ какъ этотъ кусокъ земли принадлежалъ восьми или десяти членамъ ихъ семьи, то они охотно мнѣ его уступили, не получая отъ нея, впрочемъ, никакого дохода. Я начала дѣлать планы, какъ строить и сажать, и, такъ какъ это была моя первая затѣя въ смыслѣ посадокъ и построекъ, то она приняла довольно обширные размѣры. У меня былъ старый хирургъ, французъ, по имени Гюйонъ, который, видя это, говорилъ мнѣ: «Къ чему это? Помяните мое слово: я вамъ предсказываю, что въ одинъ прекрасный день вы все это бросите». Его предсказаніе сбылось, но мнѣ нужно было какое-либо развлеченіе, а это и было развлеченіемъ, которое могло развивать во-

ображеніе. Для посадки моего сада я сначала пользовалась услугами ораніенбаумскаго садовника, Ламберти; онъ находился на службѣ императрицы, когда она была еще цесаревной, въ ея царскосельскомъ имѣніи, откуда она перевела его въ Ораніенбаумъ. Онъ занимался предсказаніями, и, между прочимъ, предсказаніе, сдѣланное имъ императрицѣ, сбылось. Онъ ей предрекъ, что она взойдетъ на престолъ. Этотъ же человѣкъ сказалъ мнѣ и повторялъ это столько разъ, сколько мнѣ было угодно его слушать, что я стану Россійской самодержавной императрицей, что я увижу дѣтей, внуковъ и правнуковъ и умру въ глубокой старости, слишкомъ 80 лѣтъ отъ роду. Онъ сдѣлалъ болѣе того: онъ опредѣлилъ годъ моего восшествія на престолъ за шесть лѣтъ до того, какъ оно дѣйствительно произошло. Это былъ очень странный человѣкъ, говорившій съ такою увѣренностью, съ которой невозможно было его сбить. Онъ увѣрялъ, что императрица относится къ нему съ недоброжелательствомъ за то, что онъ предсказалъ ей, что съ ней случилось, и что она выслала его изъ Царскаго Села въ Ораніенбаумъ, потому что боялась его, такъ какъ онъ не могъ больше обѣщать ей трона. Кажется, въ Троицынъ день насъ вытащили изъ Ораніенбаума и заставили пріѣхать въ городъ. Приблизительно около этого времени прибылъ въ Россію англійскій посланникъ кавалеръ Вилльямсъ; въ его свитѣ находился графъ Понятовскій, полякъ, сынъ того, который примкнулъ къ партіи Карла XII, короля Шведскаго. Послѣ краткаго пребыванія въ городѣ мы вернулись въ Ораніенбаумъ, гдѣ императрица приказала праздновать Петровъ день. Она не пріѣхала туда сама, потому что не хотѣла праздновать первыя именины моего сына Павла, приходившіяся въ тотъ же день. Она осталась въ Петергофѣ; тамъ она сѣла у окна, гдѣ, повидимому, оставалась весь день, потому что всѣ пріѣхавшіе въ Ораніенбаумъ говорили, что видѣли ее у этого окна. Въ Ораніенбаумъ наѣхало множество народа; танцовали въ залѣ, которая находится при входѣ въ мой садъ, потомъ тамъ же

ужинали; иностранные послы и посланники также пріѣхали; помню, что англійскій посланникъ, кавалеръ Генбюри Вилльямсъ, былъ за ужиномъ моимъ сосѣдомъ и что у насъ съ нимъ былъ разговоръ столь же пріятный, сколь и веселый; такъ какъ онъ былъ очень уменъ и образованъ и зналъ всю Европу, то съ нимъ не трудно было разговаривать. Я узнала потомъ, что ему такъ же было весело въ этотъ вечеръ, какъ и мнѣ, и что онъ отзывался обо мнѣ съ большой похвалой; въ этомъ отношеніи я никогда не терпѣла недостатка со стороны тѣхъ головъ или умовъ, которые подходили къ моему уму, и такъ какъ въ то время у меня было меньше завистниковъ, то обо мнѣ говорили вообще съ довольно большой похвалой: меня считали умной, и множество лицъ, знавшихъ меня поближе, удостаивали меня своимъ довѣріемъ, полагались на меня, спрашивали моихъ совѣтовъ и оставались довольны тѣми, которые я имъ давала. Великій князь издавна звалъ меня madame la Ressource и какъ бы онъ ни былъ сердитъ и какъ бы ни дулся, но если онъ находился въ бѣдѣ въ какомъ-нибудь смыслѣ, онъ по принятому имъ обыкновенію бѣжалъ ко мнѣ со всѣхъ ногъ, чтобы вырвать у меня мое мнѣніе; какъ только онъ его получалъ, онъ удиралъ опять со всѣхъ ногъ. Помню также, что на этомъ праздникѣ въ Петровъ день въ Ораніенбаумѣ, видя, какъ танцуетъ графъ Понятовскій, я стала говорить кавалеру Вилльямсу объ его отцѣ и о томъ злѣ, которое онъ причинилъ Петру I. Англійскій посланникъ сказалъ мнѣ много хорошаго о сынѣ и подтвердилъ мнѣ то, что я уже знала, а именно, что въ то время его отецъ и семья его матери, Чарторыйскіе, составляли русскую партію въ Польшѣ и что они отправили этого сына въ Россію, поручивъ его ему [Вилльямсу], чтобы воспитать его въ ихъ чувствахъ къ Россіи, и что онъ надѣется, что этотъ молодой человѣкъ сдѣлаетъ карьеру въ Россіи. Ему могло быть тогда 22—23 года. Я отвѣтила ему, что вообще я считаю Россію для иностранцевъ пробнымъ камнемъ ихъ достоинствъ и что тотъ,

кто успѣвалъ въ Россіи, могъ быть увѣренъ въ успѣхѣ во всей Европѣ. Это замѣчаніе я считала всегда безошибочнымъ, ибо нигдѣ, какъ въ Россіи, нѣтъ такихъ мастеровъ подмѣчать слабости, смѣшныя стороны или недостатки иностранца; можно быть увѣреннымъ, что ему ничего не спустятъ, потому что естественно всякій русскій въ глубинѣ души не любитъ ни одного иностранца. Приблизительно въ это время я узнала, что поведеніе Сергѣя Салтыкова было очень нескромно и въ Швеціи, и въ Дрезденѣ; и въ той, и въ другой странѣ онъ, кромѣ того, ухаживалъ за всѣми женщинами, которыхъ встрѣчалъ. Сначала я не хотѣла ничему вѣрить, но подъ конецъ я слышала, какъ объ этомъ со всѣхъ сторонъ говорили, такъ что даже друзьямъ его не удалось его оправдать. Въ теченіе этого года я больше, чѣмъ когда-либо, сдружилась съ Анной Никитичной Нарышкиной. Левъ, ея деверь, много этому содѣйствовалъ; онъ былъ почти всегда третьимъ между нами и его дурачествамъ не было конца; онъ намъ говорилъ иногда: «Той изъ васъ, которая будетъ лучше себя вести, я предназначаю одну драгоцѣнную вещь, за которую вы меня поблагодарите». Ему не мѣшали говорить, и никто даже не любопытствовалъ спросить у него, что это была за драгоцѣнность. Осенью голштинскія войска были отправлены обратно моремъ, и мы вернулись въ городъ и заняли Лѣтній дворецъ. Въ это время Левъ Нарышкинъ заболѣлъ горячкой, въ продолженіе которой онъ писалъ мнѣ письма; я очень хорошо видѣла, что письма эти были не его собственнаго сочиненія. Я ему отвѣчала. Онъ просилъ у меня въ этихъ письмахъ то варенья, то другихъ подобныхъ пустяковъ, а потомъ благодарилъ меня за нихъ. Эти письма были отлично написаны и очень веселыя; онъ говорилъ, что пользуется рукою своего секретаря. Наконецъ я узнала, что этимъ секретаремъ былъ графъ Понятовскій, который не выходилъ отъ него и втерся въ домъ Нарышкиныхъ. Изъ Лѣтняго дворца съ наступленіемъ зимы насъ перевели въ новый Зимній

дворецъ, который императрица велѣла выстроить изъ дерева, гдѣ въ настоящее время находится домъ Чичериныхъ. Этотъ дворецъ занималъ весь кварталъ до мѣста, находившагося противъ дома графини Матюшкиной, который принадлежалъ тогда Наумову. Мои окна были противъ этого дома, занятаго фрейлинами. При входѣ туда, я была особенно поражена высотою и величиною покоевъ, которые намъ предназначали. Четыре большихъ прихожихъ и двѣ комнаты съ кабинетомъ были приготовлены для меня и столько же для великаго князя; мои покои были достаточно хорошо распредѣлены, такъ что мнѣ не приходилось страдать отъ близости комнатъ великаго князя. Въ этомъ уже было большое преимущество. Графъ Александръ Шуваловъ замѣтилъ мое удовольствіе и пошелъ тотчасъ же доложить императрицѣ, что я очень хвалила красоту, величину и количество предназначенныхъ мнѣ покоевъ. Онъ мнѣ это потомъ сказалъ съ видомъ нѣкотораго самодовольства, сопровождавшимся его обычнымъ помаргиваніемъ глаза и улыбкой. Въ это время и еще долго спустя главной забавой великаго князя въ городѣ было необычайное количество игрушечныхъ солдатиковъ изъ дерева, свинца, крахмала, воска, которыхъ онъ разставлялъ на очень узкихъ столахъ, занимавшихъ цѣлую комнату; между этими столами едва можно было проходить; онъ прибилъ узкія латунныя полоски вдоль этихъ столовъ; къ этимъ латуннымъ полоскамъ были привязаны веревочки и, когда ихъ дергали, латунныя полосы производили шумъ, который, по его мнѣнію, воспроизводилъ ружейные залпы. Онъ очень аккуратно праздновалъ придворныя торжества, заставляя эти войска производить ружейные залпы; кромѣ того, каждый день смѣнялись караулы, то-есть съ каждаго стола снимали тѣхъ солдатиковъ, которые должны были стоять на часахъ; онъ присутствовалъ на этомъ парадѣ въ мундирѣ, въ сапогахъ со шпорами, съ офицерскимъ значкомъ и шарфомъ, и тѣ изъ его слугъ, которые были допущены къ участію въ этомъ прекрасномъ упражненіи, были обя-

заны также тамъ присутствовать. Къ зимѣ этого года мнѣ показалось, что я снова беременна, мнѣ пустили кровь. У меня сдѣлался флюсъ, или, вѣрнѣе, какъ я думала, флюсы на обѣихъ щекахъ; но послѣ нѣсколькихъ дней страданія у меня появились четыре коренныхъ зуба по четыремъ концамъ челюстей. Такъ какъ наши комнаты были очень обширны, великій князь устраивалъ каждую недѣлю по балу и по концерту: четвергъ былъ для бала, а вторникъ—для концерта. На нихъ бывали только фрейлины и кавалеры нашего двора съ ихъ женами. Эти балы бывали интересны, смотря по лицамъ, которыя на нихъ бывали. Я очень любила Нарышкиныхъ, которые были общительнѣе другихъ; въ этомъ числѣ я считаю госпожъ Сенявину и Измайлову, сестеръ Нарышкиныхъ, и жену старшаго брата, о которой я уже упоминала. Левъ Нарышкинъ, все такой же сумасбродный и на котораго всѣ смотрѣли, какъ на человѣка пустого, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности, взялъ привычку перебѣгать постоянно изъ комнаты великаго князя въ мою, не останавливаясь нигдѣ подолгу. Чтобы войти ко мнѣ, онъ принялъ обыкновеніе мяукать кошкой у двери моей комнаты, и когда я ему отвѣчала, онъ входилъ. 17 декабря между шестью и семью часами вечера онъ такимъ образомъ доложилъ о себѣ у моей двери; я велѣла ему войти; онъ началъ съ того, что передалъ мнѣ привѣтствія отъ своей невѣстки, причемъ сказалъ мнѣ, что она не особенно здорова; потомъ онъ прибавилъ: «Но вы должны были бы ее навѣстить». Я сказала: «Я охотно бы это сдѣлала, но вы знаете, что я не могу выходить безъ позволенія и что мнѣ никогда не разрѣшатъ пойти къ ней». Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Я сведу васъ туда». Я возразила ему: «Въ своемъ ли вы умѣ? Какъ можно итти съ вами? Васъ посадятъ въ крѣпость, а мнѣ за это Богъ знаетъ какая будетъ исторія». «О!» сказалъ онъ: «никто этого не узнаетъ; мы примемъ свои мѣры». «Какъ такъ?» Тогда онъ мнѣ сказалъ: «Я зайду за вами черезъ часъ или два, великій князь будетъ ужинать» (я уже давно

подъ предлогомъ, что не ужинаю, оставалась въ своей комнатѣ), «онъ проведетъ за столомъ часть ночи, встанетъ только когда будетъ очень пьянъ, и пойдетъ спать». Онъ спалъ тогда большею частью у себя, со времени моихъ родовъ. «Для большей безопасности одѣньтесь мужчиной, и мы пойдемъ вмѣстѣ къ Аннѣ Никитичнѣ». Это предпріятіе начинало меня соблазнять; я всегда была одна въ своей комнатѣ, со своими книгами, безъ всякаго общества. Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ я разбирала съ нимъ этотъ проектъ, самъ по себѣ безразсудный и показавшійся мнѣ таковымъ въ первую минуту, я нашла его осуществимымъ и согласилась, съ цѣлью доставить себѣ минуту развлеченія и веселья. Онъ вышелъ; я позвала парикмахера-калмыка, который у меня служилъ, и велѣла ему принести мнѣ одинъ изъ моихъ мужскихъ костюмовъ и все, что мнѣ для этого было нужно, подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ надо было подарить его кому-то. Этотъ малый имѣлъ привычку не разжимать рта и нужно было больше труда, чтобы заставить его говорить, чѣмъ требуется для другихъ, чтобы заставить ихъ молчать; онъ быстро исполнилъ мое порученіе и принесъ все, что мнѣ было нужно. Подъ предлогомъ, что у меня болитъ голова, я пошла спать пораньше. Какъ только Владиславова меня уложила и удалилась, я поднялась и одѣлась съ головы до ногъ въ мужской костюмъ; я подобрала волосы, какъ могла лучше; давно уже я имѣла эту привычку и хорошо въ этомъ наловчилась. Въ назначенный часъ Левъ Нарышкинъ пришелъ черезъ покои великаго князя и сталъ мяукать у моей двери, которую я ему отворила; мы вышли черезъ маленькую переднюю въ сѣни и сѣли въ его карету, никѣмъ не замѣченные, смѣясь какъ сумасшедшіе надъ нашей продѣлкой. Левъ жилъ со своимъ братомъ и женою его въ томъ же домѣ, который занимала и ихъ мать. Когда мы пріѣхали въ этотъ домъ, тамъ находилась Анна Никитична, ничего не подозрѣвавшая; мы нашли тамъ графа Понятовскаго; Левъ представилъ меня какъ своего друга, котораго просилъ принять

ласково, и вечеръ прошелъ въ самомъ сумасшедшемъ веселье, какое только можно себѣ вообразить. Пробывъ полтора часа въ гостяхъ, я ушла и вернулась домой самымъ счастливымъ образомъ, не встрѣтивъ ни души. На другой день, въ день рожденія императрицы, на утреннемъ куртагѣ и вечеромъ на балу, мы всѣ, бывшіе въ секретѣ, не могли смотрѣть другъ на друга, чтобы не расхохотаться при воспоминаніи о вчерашней шалости. Нѣсколько дней спустя Левъ предложилъ отвѣтный визитъ, который долженъ былъ имѣть мѣсто у меня; онъ такимъ же путемъ привелъ своихъ гостей въ мою комнату и такъ удачно, что никто этого не пронюхалъ. Такъ начался 1756 годъ. Мы находили необыкновенное удовольствіе въ этихъ свиданіяхъ украдкой. Не проходило недѣли, чтобы не было хоть одной, двухъ и до трехъ встрѣчъ, то у однихъ, то у другихъ, и когда кто-нибудь изъ компаніи бывалъ боленъ, то непремѣнно у него-то и собирались. Иногда во время представленія, не говоря другъ съ другомъ, а извѣстными условными знаками, хотя бы мы находились въ разныхъ ложахъ, а нѣкоторые въ креслахъ, но всѣ мигомъ узнавали, гдѣ встрѣтиться и никогда не случалось у насъ ошибки, только два раза мнѣ пришлось возвращаться домой пѣшкомъ, что было [хорошей] прогулкой. Въ то время готовились къ войнѣ съ Прусскимъ королемъ. Императрица въ силу своего договора съ Австрійскимъ дворомъ должна была выставить тридцать тысячъ человѣкъ вспомогательнаго войска. Таково было мнѣніе великаго канцлера Бестужева, но Австрійскій дворъ желалъ, чтобы Россія поддержала его всѣми своими [военными] силами. Графъ Эстергази, вѣнскій посолъ, хлопоталъ въ этомъ направленіи изо всѣхъ силъ, гдѣ только могъ, часто дѣйствуя различными путями. Противную графу Бестужеву партію составляли вице-канцлеръ графъ Воронцовъ и Шуваловы. Англія въ то время вступала въ союзъ съ Прусскимъ королемъ, а Франція—съ Австріей. Императрица Елисавета уже съ этого времени начала часто хворать. Сначала не понимали, что съ ней

такое; приписывали это прекращенію мѣсячныхъ. Нерѣдко видѣли Шуваловыхъ опечаленными, очень озабоченными и усиленно ласкающими отъ времени до времени великаго князя. Придворные передавали другъ другу на ухо, что эти недомоганія Ея Императорскаго Величества были болѣе серьезны, чѣмъ думали; одни называли истерическими страданіями то, что другіе называли обмороками, конвульсіями, или нервными болями. Это продолжалось всю зиму 1755—1756 г.г. Наконецъ весною мы узнали, что фельдмаршалъ Апраксинъ отправляется командовать арміей, которая должна была вступить въ Пруссію. Жена его пришла къ намъ проститься съ нами вмѣстѣ со своею младшею дочерью. Я стала говорить ей объ опасеніяхъ, которыя мнѣ внушало состояніе здоровья императрицы, и что мнѣ очень жаль, что мужъ ея уѣзжаетъ въ такое время, когда, я думаю, нельзя слишкомъ разсчитывать на Шуваловыхъ, которыхъ я считала своими личными врагами и которые были страшно злы на меня за то, что я предпочитаю имъ враговъ ихъ, а именно графовъ Разумовскихъ. Она передала все это своему мужу, который такъ же былъ доволенъ моимъ расположеніемъ къ нему, какъ и графъ Бестужевъ, который не любилъ Шуваловыхъ и былъ въ свойствѣ съ Разумовскими, ибо сынъ его былъ женатъ на одной изъ ихъ племянницъ. Фельдмаршалъ Апраксинъ могъ быть полезнымъ посредникомъ между всѣми заинтересованными сторонами вслѣдствіе связи его дочери съ графомъ Петромъ Шуваловымъ; утверждали, что эта связь существовала съ вѣдома отца и матери. Я отлично понимала, кромѣ того, и мнѣ было ясно, какъ день, что господа Шуваловы пользовались Брокдорфомъ больше, чѣмъ когда-либо, чтобы сколько возможно отдалить отъ меня великаго князя. Несмотря на это, онъ въ то время еще питалъ невольное довѣріе ко мнѣ, онъ почти навсегда сохранилъ это довѣріе до странной степени и помимо своей воли; онъ самъ его не замѣчалъ, не подозрѣвалъ и не остерегался. Онъ былъ въ это время въ ссорѣ съ графиней Воронцовой и влюбленъ въ Теплову,

племянницу Разумовскихъ. Когда онъ захотѣлъ свидѣться съ нею, онъ спросилъ моего совѣта о томъ, какъ убрать комнату, и показалъ мнѣ, что для того, чтобы понравиться этой дамѣ, онъ наполнилъ комнату ружьями, гренадерскими шапками, шпагами и перевязями, такъ что она имѣла видъ уголка арсенала; я предоставила ему дѣлать, какъ онъ хочетъ, и ушла; кромѣ этой [дамы], ему приводили еще по вечерамъ, чтобъ ужинать съ нимъ, нѣмецкую пѣвичку, которую онъ содержалъ и которую звали Леонорой. Поссорила великаго князя съ графиней Воронцовой принцесса Курляндская. По правдѣ сказать, хорошенько не знаю, какимъ образомъ. Эта принцесса Курляндская играла тогда особую роль при дворѣ. Прежде всего это была въ то время дѣвушка лѣтъ 30, маленькая, некрасивая и горбатая, какъ я уже объ этомъ говорила; она сумѣла снискать себѣ покровительство духовника императрицы и нѣсколькихъ старыхъ камерфрау Ея Императорскаго Величества, такъ что ей сходило съ рукъ все, что она дѣлала. Она жила съ фрейлинами Ея Императорскаго Величества. Онѣ находились подъ надзоромъ нѣкоей госпожи Шмидтъ, жены придворнаго трубача. Эта Шмидтъ была финляндка по происхожденію, необычайно толстая и массивная; при томъ бой-баба, всецѣло сохранившая простой и грубый тонъ своего первобытнаго положенія. Она, однако, играла роль при дворѣ и была подъ непосредственнымъ покровительствомъ старыхъ нѣмецкихъ, финскихъ и шведскихъ камерфрау императрицы, а слѣдовательно и гофмаршала Сиверса, который былъ самъ финляндецъ и женатъ на дочери г-жи Крузе, сестры одной изъ первыхъ любимицъ, какъ я уже объ этомъ говорила. Шмидтъ правила внутренней жизнью фрейлинскаго флигеля съ большею строгостью, нежели умомъ, но никогда не появлялась при дворѣ. Въ обществѣ принцесса Курляндская стояла во главѣ ихъ, и Шмидтъ молча довѣряла ей руководство ими при дворѣ. У себя въ своемъ флигелѣ онѣ помѣщались всѣ въ ряду комнатъ, примыкавшемъ съ одной стороны къ комнатѣ Шмидтъ, а съ дру-

гой—къ комнатѣ принцессы Курляндской: ихъ жило по двѣ, по три и по четыре въ одной комнатѣ, у каждой стояла ширма вокругъ кровати, и всѣ комнаты не имѣли другого хода, какъ изъ одной въ другую. Поэтому съ перваго взгляда казалось, что благодаря такому устройству покои фрейлинъ были недоступны, потому что туда можно было попасть только проходя черезъ комнату Шмидтъ или принцессы Курляндской. Но Шмидтъ часто болѣла разстройствомъ желудка отъ всѣхъ тѣхъ жирныхъ пироговъ и другихъ лакомствъ, которые ей посылали родители этихъ дѣвицъ; слѣдовательно, оставался только выходъ черезъ комнату принцессы Курляндской. Здѣсь, какъ говорили злые языки, для того, чтобы пройти въ другія комнаты, надо было такъ или иначе заплатить пошлину за проходъ; что было въ этомъ случаѣ удостовѣрено, такъ это то, что принцесса Курляндская устраивала и разстраивала браки фрейлинъ императрицы, сговаривала ихъ и отказывала за нихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по собственному усмотрѣнію, и я слышала отъ нѣкоторыхъ лицъ, между прочимъ отъ Льва Нарышкина и отъ графа Бутурлина, исторію съ пошлиной, которую имъ, какъ они увѣряли, приходилось платить, но не деньгами. Интрига великаго князя съ Тепловой продолжалась до тѣхъ поръ, пока мы не переѣхали на дачу. Здѣсь она прервалась, потому что Его Императорское Высочество находилъ, что эта женщина стала невыносима лѣтомъ; лишенная возможности видѣться съ нимъ, она требовала, чтобы онъ писалъ ей по крайней мѣрѣ разъ или два въ недѣлю, и, чтобы втянуть его въ эту переписку, она начала съ того, что написала ему письмо на четырехъ страницахъ. Какъ только онъ его получилъ, онъ пришелъ ко мнѣ въ комнату съ сильно взволнованнымъ лицомъ, держа въ рукахъ письмо Тепловой, и сказалъ мнѣ раздраженнымъ и гнѣвнымъ тономъ, и притомъ довольно громко: «Вообразите, она пишетъ мнѣ письмо на цѣлыхъ четырехъ страницахъ и воображаетъ, что я долженъ прочесть это и больше того—отвѣчать на него, я, которому нужно итти на ученіе (онъ опять выписалъ свое

голштинское войско), потомъ обѣдать, потомъ стрѣлять, потомъ смотрѣть репетицію оперы и балетъ, который въ ней будутъ танцовать кадеты; я ей велю прямо сказать, что у меня нѣтъ времени, а если она разсердится, я разссорюсь съ ней до зимы». Я ему отвѣтила, что это, конечно, самый короткій путь. Я полагаю, что черты, которыя я привожу, характерны и что поэтому онѣ здѣсь умѣстны. Вотъ скрытая причина появленія кадетовъ въ Ораніенбаумѣ. Весной 1756 г. Шуваловы думали сдѣлать очень ловкій политическій ходъ, чтобы отвлечь великаго князя отъ его голштинскаго войска, убѣдивъ императрицу дать Его Императорскому Высочеству командованіе надъ Сухопутнымъ кадетскимъ корпусомъ, единственнымъ, который тогда существовалъ. Подъ его начальство поставили близкаго друга и довѣренное лицо Ивана Ивановича Шувалова, Мельгунова. Онъ былъ женатъ на одной изъ камеръюнгферъ императрицы, нѣмкѣ и ея любимицѣ. Такимъ образомъ господа Шуваловы имѣли въ комнатѣ великаго князя одного изъ самыхъ близкихъ имъ людей, имѣвшаго возможность говорить съ ними ежечасно. Подъ предлогомъ оперныхъ балетовъ въ Ораніенбаумѣ привезли туда сотню кадетовъ, а съ ними прибыли Мельгуновъ и самые близкіе къ нему офицеры, состоявшіе въ корпусѣ. Всѣ они, сколько ихъ было, могли служить удобными наблюдателями во вкусѣ Шуваловыхъ; среди учителей, пріѣхавшихъ въ Ораніенбаумъ съ кадетами, находился ихъ берейторъ Циммерманъ, который считался самымъ лучшимъ въ то время наѣздникомъ въ Россіи. Такъ какъ моя мнимая осенняя беременность исчезла, я вздумала брать настоящіе уроки верховой ѣзды у Циммермана, чтобы научиться хорошо управлять лошадью. Я сказала объ этомъ великому князю, который ничего противъ этого не возразилъ. Давно уже всѣ прежнія правила, введенныя Чоглоковыми, были заброшены, забыты или игнорируемы Александромъ Шуваловымъ; впрочемъ, онъ самъ не пользовался никакимъ или очень ничтожнымъ уваженіемъ. Мы смѣялись надъ

нимъ, надъ его женой, дочерью, зятемъ чуть ли не въ ихъ присутствіи; они подавали тому поводъ, потому что нельзя было себѣ представить болѣе отвратительныхъ и ничтожныхъ фигуръ. Госпожа Шувалова получила отъ меня прозвище соляного столпа. Она была худа, мала ростомъ и застѣнчива; ея скупость проглядывала въ ея одеждѣ; юбки ея всегда были слишкомъ узки и имѣли однимъ полотнищемъ меньше, чѣмъ полагалось и чѣмъ употребляли остальныя дамы для своихъ юбокъ; ея дочь, графиня Головкина, была одѣта такимъ же образомъ; у нихъ всегда были самые жалкіе головные уборы и манжеты, въ которыхъ постоянно въ чемъ-нибудь да проглядывало желаніе сберечь копейку. Хотя это были люди очень богатые и не стѣсненные въ средствахъ, но они любили по природѣ все мелкое и узкое, истинное отраженіе ихъ души. Какъ только мнѣ удалось брать уроки верховой ѣзды по всѣмъ правиламъ, я снова отдалась со страстью этому упражненію. Я вставала въ 6 часовъ утра, одѣвалась по-мужски и шла въ мой садъ; тамъ я распорядилась отвести себѣ площадку на открытомъ воздухѣ, которая служила мнѣ манежемъ. Я дѣлала такіе быстрые успѣхи, что часто Циммерманъ со средины этого манежа подбѣгалъ ко мнѣ со слезами на глазахъ и цѣловалъ мнѣ сапогъ въ порывѣ восторга, съ которымъ не могъ совладать; иногда онъ въ восхищеніи говорилъ: «Никогда въ жизни у меня не было ученика, который дѣлалъ бы мнѣ столько чести и достигъ бы такихъ успѣховъ въ такой короткій срокъ». На этихъ урокахъ присутствовали только мой старый хирургъ Гюйонъ, одна камерфрау и нѣсколько слугъ. Такъ какъ я занималась съ большимъ прилежаніемъ на этихъ урокахъ, которые брала каждое утро, кромѣ воскресенья, то Циммерманъ вознаградилъ меня за трудъ серебряными шпорами, которыя онъ далъ мнѣ по манежнымъ правиламъ. По прошествіи трехъ недѣль я прошла всѣ манежныя школы, и къ осени Циммерманъ выписалъ мнѣ скаковую лошадь, послѣ чего хотѣлъ дать мнѣ стре-

мена; но наканунѣ дня, назначеннаго для ѣзды на этой лошади, мы получили приказаніе вернуться въ городъ, и дѣло было отложено до будущей весны. Этимъ же лѣтомъ графъ Понятовскій съѣздилъ въ Польшу и вернулся оттуда съ кредитивомъ посланника Польскаго короля [1])...

Передъ отъѣздомъ онъ пріѣхалъ въ Ораніенбаумъ, чтобы проститься съ нами. Его сопровождалъ графъ Горнъ, котораго Шведскій король, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ долженъ былъ отвезти въ Петербургъ извѣщеніе о смерти своей матери, моей бабушки, перевелъ въ Россію, чтобы спасти его отъ преслѣдованій французской партіи, иначе называемой «партіей шляпъ», противъ русской, [носившей названіе] «партіи шапокъ». Эти преслѣдованія такъ разрослись въ Швеціи во время сейма 1756 г., что почти всѣ вожаки русской партіи были въ этомъ году казнены отсѣченіемъ головы; графъ Горнъ говорилъ мнѣ самъ, что, если бы онъ не пріѣхалъ въ Петербургъ, то навѣрное былъ бы въ этомъ же числѣ. Графъ Понятовскій и графъ Горнъ провели двое сутокъ въ Ораніенбаумѣ. Въ первый день великій князь обошелся съ ними очень любезно, но на второй день они ему надоѣли, потому что онъ былъ всецѣло занятъ мыслью о свадьбѣ одного егеря, куда онъ хотѣлъ итти на попойку, и когда онъ увидѣлъ, что графы Понятовскій и Горнъ остаются, онъ ихъ бросилъ и мнѣ пришлось ихъ занимать и угощать. Послѣ обѣда я повела оставшуюся у меня компанію, не очень многочисленную, посмотрѣть внутренніе покои великаго князя и мои. Когда мы пришли въ мой кабинетъ, моя маленькая болонка прибѣжала къ намъ навстрѣчу и стала сильно лаять на графа Горна, но когда она увидѣла графа Понятовскаго, то я думала, что она сойдетъ съ ума отъ радости. Такъ какъ кабинетъ мой былъ очень малъ, то, кромѣ Льва Нарышкина, его невѣстки и меня, никто этого не замѣтилъ, но графъ Горнъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, когда я проходила черезъ

[1]) Въ подлинникѣ—начало вставки.

комнаты, чтобы вернуться въ залъ, графъ Горнъ дернулъ графа Понятовскаго за рукавъ и сказалъ: «Другъ мой, нѣтъ ничего болѣе предательскаго, чѣмъ маленькая болонка; первая вещь, которую я дѣлалъ съ любимыми мною женщинами, заключалась въ томъ, что дарилъ имъ болонку, и черезъ нее-то я всегда узнавалъ, пользовался ли у нихъ кто-нибудь бо̀льшимъ расположеніемъ, чѣмъ я. Это правило вѣрно и непреложно. Вы видите, собака чуть не съѣла меня, тогда какъ не знала, что дѣлать отъ радости, когда увидѣла васъ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что она не въ первый разъ васъ здѣсь видитъ». Графъ Понятовскій сталъ увѣрять, что все это его фантазія, но не могъ его разубѣдить. Графъ Горнъ отвѣтилъ ему только: «Не бойтесь ничего, вы имѣете дѣло со скромнымъ человѣкомъ». На слѣдующій день они уѣхали. Этотъ графъ Горнъ говорилъ, что, когда ему случалось влюбляться, то всегда въ трехъ женщинъ сразу. Это онъ показалъ намъ на дѣлѣ на нашихъ глазахъ въ Петербургѣ, гдѣ ухаживалъ за тремя фрейлинами императрицы за разъ [1]).

Графъ Понятовскій уѣхалъ два дня спустя къ себѣ на родину. Во время его отсутствія англійскій посланникъ, кавалеръ Вилльямсъ, велѣлъ мнѣ передать черезъ Льва Нарышкина, что великій канцлеръ графъ Бестужевъ ведетъ интригу, чтобы помѣшать этому назначенію графа Понятовскаго, и чрезъ его-то [Вилльямса] посредство онъ и сдѣлалъ попытку отговорить графа Брюля, въ то время министра и любимца Польскаго короля, отъ этого назначенія, но что онъ, [Вилльямсъ], и не подумалъ исполнить это порученіе, хотя и не отказался отъ него изъ боязни, чтобы великій канцлеръ не поручилъ этого комунибудь другому, кто могъ бы съ большей точностью исполнить возложенное на него и тѣмъ повредить его другу, желавшему прежде всего вернуться въ Россію. Кавалеръ Вилльямсъ подозрѣвалъ, что графъ Бестужевъ, который

[1]) Конецъ вставки.

уже давно держалъ всѣхъ польско-саксонскихъ посланниковъ въ своемъ распоряженіи, хотѣлъ добиться назначенія на это мѣсто кого-нибудь изъ самыхъ довѣренныхъ своихъ людей. Несмотря на это, графъ Понятовскій получилъ это мѣсто и вернулся къ зимѣ въ качествѣ польскаго посланника, а саксонская миссія осталась подъ непосредственнымъ управленіемъ графа Бестужева. За нѣсколько времени до нашего отъѣзда изъ Ораніенбаума къ намъ пріѣхали князь и княгиня Голицыны вмѣстѣ съ Бецкимъ. Они ѣхали за границу для поправленія здоровья, въ чемъ особенно нуждался Бецкій, которому надо было разсѣяться послѣ тяжелаго горя, тяготившаго его со времени кончины принцессы Гессенъ Гомбургской, рожденной княжны Трубецкой, матери княгини Голицыной, которая родилась отъ перваго брака принцессы Гессенской съ Валашскимъ господаремъ, княземъ Кантемиромъ. Такъ какъ княгиня Голицына и Бецкій были мои старые знакомые, я постаралась принять ихъ въ Ораніенбаумѣ какъ можно лучше; мы много гуляли, потомъ я сѣла съ княгиней Голицыной въ кабріолетъ, въ которомъ сама правила, и мы поѣхали кататься въ окрестности Ораніенбаума. Дорогой княгиня Голицына, личность довольно странная и очень ограниченная, завела со мной разговоръ, въ которомъ дала мнѣ понять, что считаетъ меня сердитой на нее. Я ей сказала, что нисколько, и что не знаю, изъ-за чего могла бы на нее сердиться, такъ какъ намъ не изъ-за чего было спорить. На это она мнѣ сказала, что боялась, что графъ Понятовскій наговорилъ мнѣ на нее. Я почти остолбенѣла при этихъ словахъ и возразила ей, что она, конечно, бредила и что онъ былъ не въ состояніи вредить ей здѣсь и въ моихъ глазахъ, такъ какъ онъ давно уѣхалъ и такъ какъ я знаю его только по имени и какъ иностранца, и что я не знаю, съ чего она все это взяла. Вернувшись къ себѣ, я позвала Льва Нарышкина и передала ему этотъ разговоръ, который показался мнѣ столь же глупымъ, сколь дерзкимъ и нескромнымъ; на это онъ мнѣ сказалъ, что

княгиня Голицына въ теченіе прошедшей зимы всѣ силы употребила, чтобы привлечь къ себѣ графа Понятовскаго, что онъ, изъ вѣжливости и чтобы не обидѣть ее, оказалъ ей нѣкоторое вниманіе, что она была съ нимъ чрезвычайно любезна, а онъ, понятно, не слишкомъ ей отвѣчалъ, потому что она была стара, дурна, глупа и безразсудна, почти даже сумасбродна; она же, видя, что онъ не отвѣчаетъ на ея желанія, вѣроятно, возымѣла подозрѣніе оттого, что онъ былъ всегда со Львомъ и съ его невѣсткой и у нихъ. Во время краткаго пребыванія княгини Голицыной въ Ораніенбаумѣ у меня была страшная ссора съ великимъ княземъ изъ-за моихъ фрейлинъ. Я замѣтила, что онѣ, все либо наперсницы, либо любовницы великаго князя, во многихъ случаяхъ пренебрегаютъ своимъ долгомъ, а иногда также уваженіемъ и почтеніемъ, какое онѣ мнѣ были обязаны оказывать. Я пошла какъ-то послѣ обѣда на ихъ половину и стала упрекать ихъ за ихъ поведеніе, напоминая имъ объ ихъ долгѣ и о томъ, что онѣ были обязаны мнѣ оказывать и [сказала], что, если онѣ будутъ продолжать, я пожалуюсь императрицѣ. Нѣкоторыя всполошились, другія разсердились, иныя расплакались, но какъ только я ушла, онѣ поспѣшили немедленно пересказать великому князю, что произошло въ ихъ комнатѣ. Его Императорское Высочество взбѣсился и тотчасъ же прибѣжалъ ко мнѣ. Войдя, онъ началъ съ того, что сказалъ мнѣ, что нѣтъ больше возможности жить со мною, что съ каждымъ днемъ я становлюсь болѣе гордой и высокомѣрной, что я требую почтенія и уваженія отъ фрейлинъ и отравляю имъ жизнь, что онѣ цѣлый день заливаются слезами, что это были дѣвицы благородныя, а что я обращаюсь съ ними, какъ съ прислугой, и что, если я пожалуюсь на нихъ императрицѣ, онъ станетъ жаловаться на меня, на мою гордость, на мою заносчивость, на мою злость и Богъ вѣсть, чего онъ тутъ мнѣ наговорилъ. Я слушала его тоже не безъ волненія и отвѣтила ему, что онъ можетъ говорить обо мнѣ что угодно, что если дѣло будетъ доведено до его те-

тушки, то она легко разсудитъ, не благоразумнѣе ли выгнать всѣхъ этихъ дѣвицъ дряннаго поведенія, которыя своими сплетнями ссорятъ племянника съ племянницей, и что, конечно, Ея Императорскому Величеству, дабы водворить миръ и согласіе между нимъ и мною, и чтобы ей не докучали нашими ссорами, нельзя будетъ принять иное рѣшеніе, кромѣ этого, и что она непремѣнно это сдѣлаетъ. Тутъ онъ понизилъ тонъ и вообразилъ, такъ какъ былъ очень подозрителенъ, что я больше знаю о намѣреніяхъ императрицы по отношенію къ этимъ дѣвицамъ, чѣмъ показываю, и что ихъ дѣйствительно могутъ прогнать изъ-за этой исторіи, и сталъ мнѣ говорить: «Скажите же мнѣ, развѣ вы что-нибудь знаете объ этомъ? Развѣ объ этомъ говорятъ?» Я ему отвѣтила, что если дѣло дойдетъ до того, чтобы доложить его императрицѣ, то я не сомнѣваюсь, что она расправится съ нимъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Тогда онъ сталъ ходить по комнатѣ большими шагами въ задумчивости, смягчился, затѣмъ ушелъ и дулся только на половину. Въ тотъ же вечеръ я передала той изъ этихъ дѣвицъ, которая показалась мнѣ самой разумной, слово въ слово ту сцену, которую выдержала изъ-за ихъ глупыхъ сплетенъ, что заставило ихъ остерегаться, дабы не доводить дѣло до той крайности, жертвами которой онѣ могли бы стать. Осенью мы вернулись въ городъ. Немного времени спустя кавалеръ Виллььямсъ отправился въ отпускъ въ Англію. Онъ не достигъ своей цѣли въ Россіи: на слѣдующій день послѣ своей аудіенціи у императрицы онъ предложилъ союзный договоръ между Россіей и Англіей; графъ Бестужевъ получилъ приказаніе и полномочіе заключить этотъ договоръ, и дѣйствительно договоръ былъ подписанъ великимъ канцлеромъ и посломъ, который не помнилъ себя отъ радости по случаю своего успѣха, а на другой же день графъ Бестужевъ сообщилъ ему нотой о приступленіи Россіи къ конвенціи, подписанной въ Версалѣ между Франціей и Австріей. Это какъ громомъ поразило англійскаго посла, который былъ проведенъ и

обманутъ въ этомъ дѣлѣ великимъ канцлеромъ, или казалось, что былъ обманутъ, но графъ Бестужевъ самъ уже не воленъ былъ тогда дѣлать то, что хотѣлъ. Его противники начинали уже брать верхъ надъ нимъ, а они интриговали или, вѣрнѣе, передъ ними интриговали, чтобы увлечь ихъ во франко-австрiйскую партiю, къ чему они были очень склонны—Шуваловы, а особенно Иванъ Ивановичъ, любившiй до безумiя Францiю и все, что оттуда шло, въ чемъ ихъ поддерживалъ вице-канцлеръ графъ Воронцовъ, которому Людовикъ XV меблировалъ за эту услугу домъ, который онъ только что выстроилъ въ Петербургѣ, старой мебелью, начинавшей надоѣдать его фавориткѣ, маркизѣ Помпадуръ, которая продала ее по этому случаю съ выгодой королю, своему любовнику. Вице-канцлеръ, кромѣ выгоды, имѣлъ еще другое побужденiе, а именно унизить своего соперника по влiянiю, графа Бестужева, и завладѣть его мѣстомъ. Что касается Петра Шувалова, онъ мечталъ получить монополiю на продажу табака въ Россiи, чтобы продавать его во Францiю. Къ концу года графъ Понятовскiй вернулся въ Петербургъ
1757. въ качествѣ посланника Польскаго короля. Въ эту зиму, когда начался 1757 г., образъ жизни у насъ былъ тотъ же, что и въ прошедшую: тѣ же концерты, тѣ же балы, тѣ же кружки. Я замѣтила, вскорѣ послѣ нашего возвращенiя въ городъ, гдѣ я ближе стала присматриваться къ вещамъ, что Брокдорфъ своими интригами все больше входитъ въ довѣрiе великаго князя; ему помогало въ этомъ большое количество голштинскихъ офицеровъ, которыхъ Его Императорское Высочество оставилъ по его побужденiю въ теченiе этой зимы въ Петербургѣ. Число тѣхъ, которые были постоянно вмѣстѣ съ великимъ княземъ и около него, достигало по крайней мѣрѣ двухъ десятковъ, не считая пары голштинскихъ солдатъ, которые несли въ его комнатѣ службу разсыльныхъ, камеръ-лакеевъ и употреблялись на всѣ руки. Въ сущности всѣ служили шпiонами Брокдорфу и компанiи. Я караулила въ теченiе этой зимы удобную

Станиславъ-Августъ Понятовскій.

Съ гравированнаго портрета Миллота.

минуту, чтобы серьезно поговорить съ великимъ княземъ и искренно сказать ему мое мнѣніе о томъ, что его окружаетъ, и объ интригахъ, которыя я видѣла. Случай представился, и я его не упустила. Великій князь самъ пришелъ ко мнѣ однажды сказать, будто ему представляли, что было безусловно необходимо послать тайный приказъ въ Голштинію, дабы арестовать одного изъ первыхъ по своей должности и вліянію лицъ въ странѣ, нѣкоего Элендсгейма, мѣщанина по происхожденію, но по своимъ познаніямъ и способностямъ достигшаго своего мѣста. На это я спросила, какія имѣются жалобы на этого человѣка и что онъ такое сдѣлалъ, за что онъ рѣшился приказать его арестовать. На это онъ мнѣ отвѣтилъ: «Видите ли, говорятъ, что его подозрѣваютъ въ лихоимствѣ». Я спросила: «Кто его обвинители?» На это онъ съ полной увѣренностью сказалъ мнѣ: «О, обвинители, ихъ нѣтъ, ибо всѣ тамъ его боятся и уважаютъ; оттого-то и нужно, чтобы я приказалъ его арестовать, а какъ только онъ будетъ арестованъ, меня увѣряютъ, что ихъ найдется довольно и даже съ избыткомъ». Я ужаснулась тому, что онъ сказалъ, и возразила ему: «Но если такъ приниматься за дѣло, то не будетъ больше невинныхъ на свѣтѣ. Достаточно одного завистника, который распуститъ въ обществѣ неясный слухъ, какой ему угодно будетъ, по которому арестуютъ кого вздумается, говоря: обвинители и преступленія найдутся послѣ; вамъ совѣтуютъ поступать, не взирая ни на вашу славу, ни на вашу справедливость, на манеръ «Barbarie, mon ami», какъ поется въ пѣснѣ. Кто даетъ вамъ такіе плохіе совѣты, позвольте васъ спросить?» Мой великій князь немного сконфузился отъ моего вопроса и сказалъ мнѣ: «Ну, вы тоже всегда хотите быть умнѣе другихъ». Тогда я ему отвѣтила, что я говорю не для того, чтобы умничать, а потому, что ненавижу несправедливость и не думаю, чтобы онъ такъ или иначе захотѣлъ съ легкимъ сердцемъ сдѣлать несправедливость. Онъ принялся ходить крупными шагами по моей комнатѣ, потомъ ушелъ, болѣе взвол-

нованный, чѣмъ сердитый. Немного времени спустя онъ вернулся и сказалъ мнѣ: «Пойдемте ко мнѣ, Брокдорфъ скажетъ вамъ о дѣлѣ Элендсгейма, и вы увидите и убѣдитесь, что надо, чтобы я приказалъ его арестовать». Я ему отвѣтила: «Отлично, я пойду за вами и выслушаю, что онъ скажетъ, коли вамъ это угодно». Дѣйствительно, я нашла Брокдорфа въ комнатѣ великаго князя, который ему сказалъ: «Говорите съ великой княгиней». Брокдорфъ, немного смущенный, поклонился великому князю и сказалъ: «Такъ какъ Ваше Императорское Высочество мнѣ приказываетъ, я буду говорить съ великой княгиней...» Тутъ онъ сдѣлалъ паузу и затѣмъ сказалъ: «Это дѣло, которое требуетъ, чтобы его вели съ большей тайной и осторожностью»... Я слушала. «Вся Голштинія полна слухомъ о лихоимствѣ и вымогательствѣ Элендсгейма; правда, нѣтъ обвинителей, потому что его боятся, но когда его арестуютъ, можно будетъ имѣть ихъ сколько угодно». Я потребовала у него подробностей объ этомъ лихоимствѣ и вымогательствѣ, и узнала, что никакого казнокрадства тутъ не могло быть, такъ какъ у него на рукахъ не было денегъ великаго князя, а лихоимствомъ считали то, что такъ какъ онъ стоялъ во главѣ департамента юстиціи, то во всякомъ судебномъ дѣлѣ всегда бываетъ одинъ истецъ, который жалуется на несправедливость и говоритъ, что противная сторона выиграла только потому, что щедро заплатила судьямъ. Но сколько ни выставлялъ Брокдорфъ напоказъ все свое краснорѣчіе и свои познанія, онъ меня не убѣдилъ; я продолжала утверждать Брокдорфу въ присутствіи великаго князя, что стараются склонить Его Императорское Высочество на вопіющую несправедливость, убѣждая его послать приказъ, дабы велѣть арестовать человѣка, противъ котораго не существуетъ ни формальной жалобы, ни формальнаго обвиненія. Я сказала Брокдорфу, что такимъ манеромъ великій князь можетъ и его засадить въ тюрьму каждую минуту и также сказать, что преступленія и обвиненія придутъ послѣ, и что въ судебныхъ дѣлахъ не

трудно понять, что тотъ, кто теряетъ процессъ, всегда кричитъ, что его обидѣли. Я прибавила, что великій князь долженъ остерегаться больше, чѣмъ кто-либо, такихъ дѣлъ, ибо цѣною собственнаго опыта уже научился тому, что могутъ сдѣлать преслѣдованіе и ненависть партіи; прошло не болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ, по моему ходатайству, Его Императорское Высочество велѣлъ выпустить Гольмера, котораго держали въ теченіе шести или восьми лѣтъ въ тюрьмѣ затѣмъ, чтобы заставить его дать отчетъ въ дѣлахъ, которыя велись во время опеки надъ великимъ княземъ и во время управленія его опекуна, наслѣднаго Шведскаго принца, при которомъ Гольмеръ состоялъ и за которымъ послѣдовалъ въ Швецію, откуда онъ даже вернулся лишь тогда, когда великій князь подписалъ и отправилъ по всей формѣ одобреніе и свидѣтельство въ пользу всего, что было сдѣлано во время его несовершеннолѣтія; несмотря на то однако побудили великаго князя арестовать Гольмера и назначить комиссію для разслѣдованія того, что было сдѣлано во время управленія Шведскаго принца; эта комиссія дѣйствовала вначалѣ съ большою энергіей, открывъ свободное поле доносчикамъ и однако, не найдя таковыхъ, впала въ летаргію за недостаткомъ пищи; а между тѣмъ въ это время Гольмеръ томился въ тѣсной тюрьмѣ, куда не разрѣшали доступа ни его женѣ, ни его дѣтямъ, ни его друзьямъ, ни его родственникамъ, и въ концѣ концовъ вся страна стала роптать на несправедливость и на тиранію, къ какимъ прибѣгли въ этомъ дѣлѣ, которое дѣйствительно было вопіющимъ и которое бы еще не кончилось такъ рано, если бы я не посовѣтовала великому князю разрубить гордіевъ узелъ, отправивъ приказъ выпустить Гольмера и упразднить комиссію, которая, кромѣ того, стоила не мало денегъ и безъ того очень пустой казнѣ великаго князя въ его наслѣдственной землѣ. Но хоть я и привела этотъ разительный примѣръ, великій князь, я думаю, слушалъ меня, мечтая о другомъ, а Брокдорфъ, съ очерствѣвшимъ

отъ злобы сердцемъ, ума очень ограниченнаго и упрямый, какъ чурбанъ, не мѣшалъ мнѣ говорить, не имѣя другихъ доводовъ; но когда я вышла, онъ сказалъ великому князю, что все, что я говорила, вытекало лишь изъ того принципа, какой мнѣ внушало желаніе властвовать, что я не одобряю никакихъ мѣръ, относительно которыхъ не давала совѣта, что я ничего не понимаю въ дѣлахъ, что женщины всегда хотятъ во все вмѣшиваться и что онѣ портятъ все, чего касаются, что въ особенности дѣйствія рѣшительныя имъ не подъ силу, наконецъ онъ столько наговорилъ и надѣлалъ, что восторжествовалъ надъ моимъ мнѣніемъ, и великій князь, убѣжденный имъ, велѣлъ составить и подписалъ приказъ, который былъ отправленъ, чтобы арестовать Элендсгейма. Нѣкто Цейцъ, секретарь великаго князя, состоявшій при Пехлинѣ и зять акушерки, служившей мнѣ, увѣдомилъ меня объ этомъ; партія Пехлина вообще не одобряла этой насильственной и неумѣстной мѣры, посредствомъ которой Брокдорфъ заставлялъ трепетать и ихъ, и всю Голштинію. Какъ только я узнала, что происки Брокдорфа въ дѣлѣ столь несправедливомъ взяли верхъ надо мною и надъ всѣмъ тѣмъ, что я могла представить великому князю, я приняла твердое рѣшеніе дать вполнѣ почувствовать Брокдорфу мое негодованіе. Я сказала Цейцу и велѣла сказать Пехлину, что съ этой минуты я смотрю на Брокдорфа, какъ на чуму, отъ которой надо бѣжать и которую слѣдуетъ удалить отъ великаго князя, если бы это было возможно; что я лично употреблю всѣ усилія, какія только могу, для этого. Дѣйствительно я старалась показать при всякомъ случаѣ какъ публично, такъ и частнымъ образомъ, презрѣніе и отвращеніе, которыя мнѣ внушило поведеніе этого человѣка; не было тѣхъ насмѣшекъ, какими бы я его не осыпала, и я отнюдь ни отъ кого не скрывала, когда представлялся къ тому случай, что я думаю на его счетъ. Левъ Нарышкинъ и другіе придворные молодые люди помогали мнѣ въ этомъ. Когда Брокдорфъ проходилъ по комнатѣ, всѣ кричали

ему вслѣдъ: «баба-птица, баба-птица»—это было его прозвище; птица эта была самая отвратительная, какую только знали, и какъ человѣкъ Брокдорфъ былъ точно такъ же омерзителенъ своею внѣшностью, какъ и внутренними качествами. Онъ былъ высокъ, съ длинной шеей и тупою плоской головой; при томъ онъ былъ рыжій и носилъ парикъ на проволокѣ; глаза у него были маленькіе и впалые, почти безъ рѣсницъ и безъ бровей; углы рта спускались къ подбородку, что придавало ему всегда жалобный и недовольный видъ. Относительно его внутреннихъ качествъ я сошлюсь на то, что уже сказала; но прибавлю еще, что онъ былъ такъ порочень, что онъ бралъ деньги со всѣхъ, кто хотѣлъ ему давать, и чтобы его августѣйшій государь со временемъ ничего не нашелъ сказать по поводу его взятокъ, видя, что тотъ постоянно нуждается, онъ убѣдилъ его дѣлать то же самое и доставлялъ ему такимъ образомъ столько денегъ, сколько могъ, продавая голштинскіе ордена и титулы тѣмъ, кто хотѣлъ за нихъ платить, или заставляя великаго князя просить и хлопотать въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ имперіи и въ Сенатѣ о всевозможныхъ дѣлахъ, часто несправедливыхъ, иногда даже тягостныхъ для имперіи, какъ монополіи и другія привилегіи, которыя никогда не прошли бы иначе, потому что онѣ противорѣчили законамъ Петра I. Сверхъ того Брокдорфъ вовлекалъ великаго князя болѣе, чѣмъ когда-либо, въ пьянство и въ кутежи, окруживъ его сбродомъ авантюристовъ и людей, добытыхъ изъ кордегардіи и изъ кабаковъ, какъ изъ Германіи, такъ и изъ Петербурга, людей безъ стыда и совѣсти, которые только и дѣлали, что ѣли, пили, курили и болтали грубый вздоръ. Видя, что, несмотря на все, что я говорила и дѣлала противъ Брокдорфа, чтобы уменьшить его вліяніе, онъ все-таки держится у великаго князя и болѣе, чѣмъ когда-либо, въ милости, я рѣшила сказать графу Александру Шувалову, что я думаю объ этомъ человѣкѣ, прибавивъ къ этому, что я считаю этого человѣка однимъ изъ самыхъ опас-

ныхъ существъ, какихъ только можно приставить къ молодому принцу, наслѣднику великой имперіи, и что, по совѣсти, я принуждена поговорить съ нимъ объ этомъ по секрету, дабы онъ могъ предупредить императрицу, или принять тѣ мѣры, которыя найдетъ подходящими. Онъ спросилъ, можетъ ли онъ на меня сослаться; я сказала ему: «да», и если бы императрица спросила меня сама, я бы не стала стѣсняться, и сказала, что знаю и вижу. Графъ Александръ Шуваловъ помаргивалъ своимъ глазомъ, слушая меня очень серьезно, но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, чтобы дѣйствовать, не посовѣтовавшись со своимъ братомъ Петромъ и со своимъ двоюроднымъ братомъ Иваномъ; долго онъ ничего мнѣ не говорилъ, потомъ онъ мнѣ далъ понять, что возможно, что императрица будетъ со мной говорить. Въ это время, въ одно прекрасное утро великій князь вошелъ подпрыгивая въ мою комнату, а его секретарь Цейцъ бѣжалъ за нимъ съ бумагой въ рукѣ. Великій князь сказалъ мнѣ: «Посмотрите на этого чорта: я слишкомъ много выпилъ вчера и сегодня еще голова идетъ у меня кругомъ, а онъ вотъ принесъ мнѣ цѣлый листъ бумаги, и это еще только списокъ дѣлъ, которыя онъ хочетъ, чтобы я кончилъ, онъ преслѣдуетъ меня даже въ вашей комнатѣ». Цейцъ мнѣ сказалъ: «Все, что я держу тутъ, зависитъ только отъ простого «да» или «нѣтъ», и дѣла-то всего на четверть часа». Я сказала: «Ну, посмотримъ, можетъ быть, вы съ этимъ скорѣе справитесь, нежели думаете». Цейцъ принялся читать, и по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, я говорила: «да» или «нѣтъ». Это понравилось великому князю, а Цейцъ ему сказалъ: «Вотъ, Ваше Высочество, если бы вы согласились два раза въ недѣлю такъ дѣлать, то ваши дѣла не останавливались бы. Это все пустяки, но надо дать имъ ходъ, и великая княгиня покончила съ этимъ шестью «да» и приблизительно столькими же «нѣтъ». Съ этого дня Его Императорское Высочество придумалъ посылать ко мнѣ Цейца каждый разъ, какъ тому нужно было спрашивать

«да» или «нѣтъ». Черезъ нѣсколько времени я сказала ему, чтобы онъ далъ мнѣ подписанный приказъ о томъ, что я могу рѣшать и чего не могу рѣшать безъ его приказа, что онъ и сдѣлалъ. Только Пехлинъ, Цейцъ, великій князь и я знали объ этомъ распоряженіи, отъ котораго Пехлинъ и Цейцъ были въ восторгѣ: когда надо было подписывать, великій князь подписывалъ то, что я постановляла. Дѣло Элендсгейма осталось въ рукахъ Брокдорфа. Но такъ какъ Элендсгеймъ былъ арестованъ, Брокдорфъ не спѣшилъ съ окончаніемъ, ибо приблизительно все, что онъ хотѣлъ сдѣлать, было—удалить его отъ дѣлъ и показать тамъ свое вліяніе на своего государя. Я воспользовалась однажды удобнымъ случаемъ или благопріятнымъ моментомъ, чтобы сказать великому князю, что, такъ какъ онъ находитъ веденіе дѣлъ Голштиніи такимъ скучнымъ и считаетъ это для себя бременемъ, а между тѣмъ долженъ былъ бы смотрѣть на это какъ на образецъ того, что ему придется современемъ дѣлать, когда Россійская имперія достанется ему въ удѣлъ, я думаю, что онъ долженъ смотрѣть на этотъ моментъ, какъ на тяжесть, еще болѣе ужасную; на это онъ мнѣ снова повторилъ то, что говорилъ много разъ, а именно, что онъ чувствуетъ, что не рожденъ для Россіи; что ни онъ не подходитъ вовсе для русскихъ, ни русскіе для него, и что онъ убѣжденъ, что погибнетъ въ Россіи. Я сказала ему на это то же, что говорила раньше много разъ, то-есть, что онъ не долженъ поддаваться этой фатальной идеѣ, но стараться изо всѣхъ силъ о томъ, чтобы заставить каждаго въ Россіи любить его и просить императрицу дать ему возможность ознакомиться съ дѣлами имперіи. Я даже побудила его испросить позволенія присутствовать въ конференціи, которая заступала у императрицы мѣсто совѣта. Дѣйствительно онъ говорилъ объ этомъ Шуваловымъ, которые склонили императрицу допускать его въ эту конференцію всякій разъ, когда она тамъ сама будетъ присутствовать; это значило то же самое, какъ если бы сказали, что онъ

не будетъ туда допущенъ, ибо она приходила туда съ нимъ раза два-три и больше ни она, ни онъ туда не являлись. Совѣты, какіе я давала великому князю, вообще были благіе и полезные, но тотъ, кто совѣтуетъ, можетъ совѣтовать только по своему разуму и по своей манерѣ смотрѣть на вещи и за нихъ приниматься; а главнымъ недостаткомъ моихъ совѣтовъ великому князю было то, что его манера дѣйствовать и приступать къ дѣлу была совершенно отлична отъ моей, и по мѣрѣ того, какъ мы становились старше, она дѣлалась все замѣтнѣе. Я старалась во всемъ приближаться всегда какъ можно больше къ правдѣ, а онъ съ каждымъ днемъ отъ нея удалялся до тѣхъ поръ, пока не сталъ отъявленнымъ лжецомъ. Такъ какъ способъ, благодаря которому онъ имъ сдѣлался, довольно странный, то я сейчасъ его приведу; можетъ быть, онъ разъяснитъ направленіе человѣческаго ума въ этомъ случаѣ и тѣмъ можетъ послужить къ предупрежденію или къ исправленію этого порока въ какой-нибудь личности, которая возымѣетъ склонность ему предаться. Первая ложь, какую великій князь выдумалъ, заключалась въ томъ, что онъ, дабы придать себѣ цѣны въ глазахъ иной молодой женщины или дѣвицы, разсчитывая на ея невѣдѣніе, разсказывалъ ей, будто бы, когда онъ еще находился у своего отца въ Голштиніи, его отецъ поставилъ его [великаго князя] во главѣ небольшого отряда своей стражи и послалъ взять шайку цыганъ, бродившую въ окрестностяхъ Киля и совершавшую, по его словамъ, страшные разбои. Объ этихъ послѣднихъ онъ разсказывалъ въ подробностяхъ такъ же, какъ и о хитростяхъ, которыя онъ употребилъ, чтобы ихъ преслѣдовать, чтобы ихъ окружить, чтобы дать имъ одно или нѣсколько сраженій, въ которыхъ, по его увѣренію, онъ проявилъ чудеса ловкости и мужества, послѣ чего онъ ихъ взялъ и привелъ въ Киль. Вначалѣ онъ имѣлъ осторожность разсказывать все это лишь людямъ, которые ничего о немъ не знали; мало-по-малу онъ набрался смѣлости воспроизводить свою

выдумку передъ тѣми, на скромность которыхъ онъ достаточно разсчитывалъ, чтобы не быть изобличеннымъ ими во лжи, но когда онъ вздумалъ приводить свой разсказъ при мнѣ, я у него спросила, за сколько лѣтъ до смерти его отца это происходило. Тогда, не колеблясь, онъ мнѣ отвѣтилъ: «Года за три или четыре». «Ну», сказала я: «вы таки очень молодымъ начали совершать подвиги, потому что за три или за четыре года до смерти герцога, отца вашего, вамъ было всего 6 или 7 лѣтъ, такъ какъ вы остались послѣ него одиннадцати лѣтъ подъ опекой моего дяди, Шведскаго наслѣднаго принца, и что меня равно удивляетъ», сказала я: «такъ это то, какъ вашъ отецъ, имѣя только васъ единственнымъ сыномъ и при вашемъ постоянно слабомъ здоровьи, какое, говорятъ, было у васъ въ дѣтствѣ, послалъ васъ сражаться съ разбойниками, да еще въ шести-семилѣтнемъ возрастѣ». Великій князь ужасно разсердился на меня за то, что я ему только что сказала, и сталъ говорить, что я хочу заставить его прослыть лгуномъ передъ всѣми и что я подрываю къ нему довѣріе. Я возразила ему, что это не я, а календарь подрываетъ довѣріе къ тому, что онъ разсказываетъ, что я предоставляю ему самому судить, есть ли какая-нибудь человѣческая возможность посылать маленькаго шести-семилѣтняго ребенка, единственнаго сына и наслѣднаго принца, всю надежду своего отца, ловить цыганъ. Онъ замолчалъ и я тоже, и онъ очень долго дулся на меня, но, когда онъ забылъ мои возраженія, онъ все-таки продолжалъ даже въ моемъ присутствіи разсказывать эту басню, которую онъ до безконечности разнообразилъ. Онъ впослѣдствіи выдумалъ другую, гораздо болѣе постыдную и вредную для него, которую я приведу въ свое время; мнѣ было бы невозможно въ настоящее время пересказать всѣ бредни, какія онъ часто выдумывалъ и выдавалъ за факты и въ которыхъ не было и тѣни правды; достаточно, мнѣ кажется, и этого образчика. Въ одинъ изъ четверговъ къ концу масленой, когда у насъ былъ балъ, я усѣлась между

невѣсткой Льва Нарышкина и ея сестрой Сенявиной, и мы смотрѣли, какъ танцуетъ менуэтъ Марина Осиповна Закревская, фрейлина императрицы, племянница графовъ Разумовскихъ; она тогда была ловка и легка, и говорили, что графъ Горнъ въ нее сильно влюбленъ; но такъ какъ онъ былъ всегда влюбленъ въ трехъ женщинъ сразу, то онъ ухаживалъ также за графиней Маріей Романовной Воронцовой и за Анной Алексѣевной Хитрово, тоже фрейлиной Ея Императорскаго Величества. Мы нашли, что первая танцуетъ хорошо и довольно мила собой; она танцовала со Львомъ Нарышкинымъ. По этому поводу его невѣстка и сестра разсказали мнѣ, что его мать поговариваетъ о томъ, чтобы женить Льва Нарышкина на дѣвицѣ Хитрово, племянницѣ Шуваловыхъ по матери, сестрѣ Петра и Александра, выданной замужъ за отца дѣвицы Хитрово; этотъ послѣдній такъ часто приходилъ въ домъ къ Нарышкинымъ и такъ старался, что мать Льва Нарышкина вбила себѣ этотъ бракъ въ голову. Ни Сенявиной, ни ея невѣсткѣ вовсе не было дѣла до родства съ Шуваловыми, которыхъ они не любили, какъ я уже раньше это сказала; что касается Льва, онъ и не зналъ, что мать думаетъ его женить; онъ былъ влюбленъ въ графиню Марію Воронцову, о которой я только что упоминала. Услышавъ это, я сказала Сенявиной и Нарышкиной, что нельзя допускать этого брака, который устраивала его мать съ дѣвицей Хитрово, а ея никто терпѣть не могъ, потому что она была интригантка, сплетница и пустая крикунья, и что для того, чтобы покончить съ подобными планами, надо дать Льву въ жены кого-нибудь въ нашемъ духѣ, и для этого выбрать вышеупомянутую племянницу графовъ Разумовскихъ, которые, впрочемъ, были въ дружбѣ и свойствѣ съ домомъ Нарышкиныхъ; графъ Кириллъ Разумовскій, кромѣ того, былъ очень любимъ этими двумя дамами и всегда бывалъ у нихъ въ домѣ, когда они не бывали у него. Эти двѣ дамы очень одобрили мое мнѣніе; на слѣдующій день, такъ какъ былъ маскарадъ при дворѣ, я обратилась къ фельдмар-

шалу Разумовскому, который тогда былъ малороссійскимъ гетманомъ, и прямо сказала ему, что онъ очень нехорошо дѣлаетъ, что упускаетъ для своей племянницы такую партію, какъ Левъ Нарышкинъ, что мать хочетъ женить его на дѣвицѣ Хитрово, но что Сенявина, его невѣстка Нарышкина и я, мы согласились на томъ, что его племянница будетъ болѣе подходящей партіей и чтобы онъ, не теряя времени, пошелъ сдѣлать это предложеніе заинтересованнымъ сторонамъ. Фельдмаршалу полюбился нашъ планъ, онъ сказалъ о немъ своему тогдашнему фактотуму Теплову, который тотчасъ же пошелъ сказать объ этомъ графу Разумовскому старшему, тотъ согласился; на слѣдующій же день Тепловъ отправился къ петербургскому архіепископу купить за пятьдесятъ рублей позволеніе или разрѣшеніе [на бракъ]. Получивъ его, фельдмаршалъ Разумовскій и его жена отправились къ своей теткѣ, матери Льва, и тамъ повели дѣло такъ хорошо, что заставили мать согласиться на то, чего она не хотѣла. Они пріѣхали очень кстати, потому что въ этотъ самый день она должна была дать слово Хитрово. Сдѣлавъ это, фельдмаршалъ Разумовскій, Сенявина и Нарышкина, ея золовка, принялись за Льва и убѣдили его жениться на той, о которой онъ даже и не думалъ. Онъ согласился на это, хотя любилъ другую, но та была почти помолвлена съ графомъ Бутурлинымъ, а до дѣвицы Хитрово ему не было никакого дѣла. Получивъ это согласіе, фельдмаршалъ призвалъ къ себѣ свою племянницу, она нашла бракъ слишкомъ выгоднымъ, чтобы отъ него отказываться. На другой день въ воскресенье оба графа Разумовскихъ просили у императрицы ея соизволенія на этотъ бракъ, которое она тотчасъ и дала. Шуваловы были удивлены способомъ, какимъ провели Хитрово и ихъ самихъ, такъ какъ узнали объ этомъ только послѣ того, какъ было получено согласіе императрицы. Разъ дѣло было сдѣлано, итти назадъ было нельзя, такимъ образомъ Левъ, который былъ влюбленъ въ одну дѣвицу и которому мать сватала другую, женился на третьей, о которой ни онъ, ни кто дру-

гой три дня тому назадъ не думали. Этотъ бракъ Льва Нарышкина сдружилъ меня болѣе, чѣмъ когда-либо, съ графами Разумовскими, которые дѣйствительно желали мнѣ добра за то, что я доставила такую хорошую и блестящую партію ихъ племянницѣ, и не были также недовольны тѣмъ, что одержали верхъ надъ Шуваловыми, а эти послѣдніе не могли даже на то пожаловаться и были принуждены скрывать на то свою досаду; къ тому же это былъ еще лишній знакъ вниманія, который я по отношенію къ нимъ проявила.

Любовныя дѣлишки великаго князя съ Тепловой хромали на обѣ ноги: однимъ изъ главныхъ препятствій къ этимъ шашнямъ была та трудность, съ какой они могли видѣться; это было всегда украдкой и стѣсняло Его Императорское Высочество, который такъ же не любилъ встрѣчать затрудненія, какъ отвѣчать на письма, которыя онъ получалъ. Къ концу масленой эти любовныя похожденія начали становиться дѣломъ партій. Принцесса Курляндская однажды увѣдомила меня, что графъ Романъ Воронцовъ, отецъ двухъ дѣвицъ, находившихся при дворѣ, и который, кстати сказать, былъ противенъ великому князю такъ же, какъ и своимъ пятерымъ дѣтямъ, держалъ неумѣренныя рѣчи насчетъ великаго князя и что онъ между прочимъ говорилъ, что если бы онъ этого пожелалъ, онъ сумѣлъ бы положить конецъ ненависти, какую великій князь къ нему питалъ, и обратить ее въ милость, что для этой цѣли ему стоитъ только дать обѣдъ Брокдорфу, напоить его англійскимъ пивомъ и при уходѣ положить ему въ карманъ шесть бутылокъ для Его Императорскаго Высочества и что тогда онъ и его младшая дочь станутъ первыми матадорами милости у великаго князя. Такъ какъ я замѣтила на балу въ этотъ самый вечеръ, какъ много шептались между собой Его Императорское Высочество и графиня Марія Воронцова, старшая дочь графа Романа, и такъ какъ эта семья была дѣйствительно связана съ Шуваловыми, у которыхъ Брокдорфъ былъ всегда очень желаннымъ гостемъ, я безъ

удовольствія смотрѣла на то, что дѣвица Елисавета Воронцова снова всплываетъ наверхъ; чтобы сдѣлать лишнюю помѣху, я передала великому князю слова отца, о которыхъ я только что упоминала; онъ чуть не пришелъ въ ярость и спросилъ меня въ сильномъ гнѣвѣ, откуда я знаю эти слова. Долго я не хотѣла этого говорить, но онъ мнѣ сказалъ, что такъ какъ я не могу никого назвать, то онъ предполагаетъ, что это я сама выдумала эту исторію, чтобы повредить отцу и дочерямъ. Напрасно я ему говорила, что никогда въ жизни не занималась такими сочиненіями, я была принуждена подъ конецъ назвать ему принцессу Курляндскую. Онъ мнѣ сказалъ, что тотчасъ онъ напишетъ ей записку, чтобы узнать, правду ли я говорю, и что, если будетъ малѣйшая разница между тѣмъ, что она ему отвѣтитъ, и тѣмъ, что я ему только-что сказала, то онъ пожалуется императрицѣ на наши интриги и ложь. Послѣ этого онъ вышелъ изъ моей комнаты; изъ опасенія отъ того, что принцесса Курляндская ему отвѣтитъ, и боясь, чтобы она не сказала надвое, я написала ей слѣдующую записку: «Ради Бога, скажите чистую и сущую правду про то, что у васъ спросятъ». Мою записку снесли ей тотчасъ же, и она пришла во время, потому что опередила записку великаго князя. Принцесса Курляндская отвѣтила Его Императорскому Высочеству правдиво, и онъ нашелъ, что я не солгала. Это еще на нѣкоторое время удержало его отъ связи съ двумя дочерьми человѣка, который имѣлъ такъ мало уваженія къ нему и котораго онъ къ тому же не любилъ. Но дабы устроить еще помѣху, Левъ Нарышкинъ убѣдилъ фельдмаршала Разумовскаго разъ или два въ недѣлю приглашать къ себѣ потихоньку вечеромъ великаго князя; это была почти «partie carrée», потому что тамъ были только фельдмаршалъ, Марья Павловна Нарышкина, великій князь, Теплова и Левъ Нарышкинъ. Это продолжалось часть поста и дало поводъ къ другой затѣѣ. Домъ фельдмаршала былъ тогда деревянный; въ покояхъ фельдмаршала собирался народъ и такъ какъ и она и онъ лю-

били играть, то у нихъ всегда была игра. Фельдмаршалъ ходилъ взадъ и впередъ и въ своихъ покояхъ имѣлъ свой кружокъ, когда не пріѣзжалъ туда великій князь. Но такъ какъ фельдмаршалъ много разъ бывалъ у меня въ моемъ маленькомъ тайномъ кружкѣ, онъ захотѣлъ, чтобы этотъ кружокъ собрался у него, и для этого намъ было предназначено то, что онъ называлъ своимъ эрмитажемъ, который состоялъ изъ двухъ-трехъ комнатъ въ первомъ этажѣ. Всѣ прятались другъ отъ друга, потому что мы не смѣли выходить, какъ я уже говорила, безъ позволенія; а благодаря этому распоряженію, было три или четыре кружка въ домѣ, и фельдмаршалъ ходилъ отъ одного къ другому, и только мой кружокъ зналъ все, что происходило въ домѣ, между тѣмъ какъ другіе не знали, что мы тамъ находимся.

Къ веснѣ умеръ Пехлинъ, министръ великаго князя по голштинскимъ дѣламъ; великій канцлеръ графъ Бестужевъ, предвидя его смерть, велѣлъ посовѣтовать мнѣ просить у великаго князя за нѣкоего Штамбке, котораго выписали и который замѣнилъ Пехлина. Великій князь далъ ему подписанный приказъ работать вмѣстѣ со мною, что онъ и дѣлалъ. Благодаря этому распоряженію я могла свободно сноситься съ графомъ Бестужевымъ, который довѣрялъ Штамбке. Въ началѣ весны мы поѣхали въ Ораніенбаумъ. Здѣсь образъ жизни былъ тотъ же, что и въ прошлые годы, съ тою только разницею, что число голштинскаго войска и авантюристовъ, которые занимали тамъ офицерскія мѣста, увеличивалось изъ года въ годъ, и такъ какъ для такого количества не могли найти квартиръ въ ораніенбаумской деревушкѣ, гдѣ вначалѣ было всего двадцать восемь избъ, то располагали эти войска лагеремъ, и число ихъ никогда не превышало 1300 человѣкъ. Офицеры обѣдали и ужинали при дворѣ. Но такъ какъ число придворныхъ дамъ и женъ кавалеровъ не превышало пятнадцати - шестнадцати, и такъ какъ Его Императорское Высочество страстно любилъ большіе ужины, которые онъ часто задавалъ и въ лагерѣ

и во всѣхъ уголкахъ и закоулкахъ Ораніенбаума, то онъ допускалъ къ этимъ ужинамъ не только пѣвицъ и танцовщицъ своей оперы, но множество мѣщанокъ весьма дурного общества, которыхъ ему привозили изъ Петербурга... Какъ только я узнала, что пѣвицы и проч. будутъ допущены къ этимъ ужинамъ, я стала воздерживаться бывать тамъ вначалѣ подъ предлогомъ, что я пью воды, и большею частью я ѣла у себя съ двумя-тремя лицами. Потомъ я сказала великому князю, что я боюсь, чтобы императрица не нашла дурнымъ, если я появлюсь въ такомъ смѣшанномъ обществѣ, и дѣйствительно я тамъ никогда не показывалась, когда я знала, что тамъ оказывается широкое гостепріимство, вслѣдствіе чего, когда великій князь хотѣлъ, чтобы я тамъ присутствовала, туда допускались только придворныя дамы. На маскарадахъ, задававшихся великимъ княземъ въ Ораніенбаумѣ, я являлась всегда очень просто одѣтой, безъ брильянтовъ и уборовъ. Это произвело отличное впечатлѣніе на императрицу, которая не любила и не одобряла этихъ ораніенбаумскихъ празднествъ, гдѣ ужины превращались въ настоящія вакханаліи, но однако она ихъ терпѣла или по крайней мѣрѣ не запрещала. Я узнала, что Ея Императорское Величество говорила: «Эти праздники доставляютъ великой княгинѣ такъ же мало удовольствія, какъ мнѣ, она приходитъ на нихъ такъ просто одѣтая, какъ только можетъ, и никогда не ужинаетъ со всѣмъ сбродомъ, какой тамъ бываетъ». Я занималась тогда въ Ораніенбаумѣ разбивкой того, что называютъ тамъ моимъ садомъ, и посадками въ немъ, остальное время я дѣлала прогулки пѣшкомъ, верхомъ или въ кабріолетѣ, и когда я бывала у себя въ комнатѣ, я читала. Въ іюлѣ мѣсяцѣ мы узнали, что Мемель добровольно сдался русскимъ войскамъ 24 іюня. А въ августѣ мѣсяцѣ получили извѣстіе о сраженіи при Гроссъ-Егерсдорфѣ, выигранномъ русской арміей 19 августа. Въ день молебствія я дала большой обѣдъ въ моемъ саду великому князю и всему, что только было наиболѣе значительнаго въ Ора-

ніенбаумѣ; на немъ великій князь и вся компанія казались столь же веселыми, сколь и довольными. Это уменьшило на время огорченіе, испытываемое великимъ княземъ отъ войны, только что разыгравшейся между Россіей и Прусскимъ королемъ, къ которому онъ съ дѣтства имѣлъ особенную склонность, вовсе не странную сначала и выродившуюся въ безуміе впослѣдствіи. Тогдашняя всеобщая радость отъ успѣховъ русскаго оружія заставляла его скрывать то, что было въ глубинѣ души, а именно, что онъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, какъ терпѣло пораженія прусское войско, которое, между тѣмъ, онъ считалъ непобѣдимымъ. Я велѣла дать въ этотъ день жаренаго быка ораніенбаумскимъ каменщикамъ и рабочимъ. Нѣсколько дней спустя послѣ этого обѣда мы вернулись въ городъ [1]), гдѣ мы заняли Лѣтній дворецъ. Здѣсь графъ Александръ Шуваловъ пришелъ однажды вечеромъ сказать мнѣ, что императрица находится въ комнатѣ у его жены и что она велѣла мнѣ сказать, чтобы я пришла туда поговорить съ ней, какъ я хотѣла прошлую зиму. Я отправилась тотчасъ же въ покои графа и графини Шуваловыхъ, находившіеся въ концѣ моихъ покоевъ. Я нашла тамъ императрицу совсѣмъ одну. Послѣ того, какъ я поцѣловала ей руку, а она поцѣловала меня, по своему обыкновенію, она удостоила меня сказать, что, узнавъ, что я хочу съ ней говорить, она пришла сегодня, чтобы узнать, чего я отъ нея хочу. А тогда уже прошло слишкомъ восемь мѣсяцевъ со времени разговора, который я имѣла съ Александромъ Шуваловымъ по поводу Брокдорфа. Я отвѣтила Ея Императорскому Величеству, что прошлой зимой, видя поведеніе Брокдорфа, я сочла необходимымъ поговорить объ этомъ съ графомъ Александромъ Шуваловымъ, дабы онъ могъ предупредить объ этомъ Ея Императорское Величество; что онъ спросилъ меня, можетъ ли онъ на меня сослаться, и что я ему сказала, что если Ея Императорское Величе-

[1]) Въ подлинникѣ—вставка.

ство этого пожелаетъ, то я повторю ей самой все, что я сказала, и все, что знаю. Тутъ я разсказала ей исторію Элендсгейма, какъ она происходила; она, казалось, слушала меня очень холодно, потомъ стала разспрашивать у меня подробности о частной жизни великаго князя, объ его приближенныхъ. Я ей сказала вполнѣ правдиво все, что я объ этомъ знала, и когда сообщила ей о голштинскихъ дѣлахъ нѣкоторыя подробности, показавшія ей, что я ихъ достаточно знаю, она мнѣ сказала: «Вы, кажется, хорошо освѣдомлены объ этой странѣ». Я возразила ей простодушно, что это не было трудно, такъ какъ великій князь приказалъ мнѣ ознакомиться съ нею. Я видѣла по лицу императрицы, что это признаніе произвело непріятное впечатлѣніе на нее, и вообще она показалась мнѣ очень странно сдержанной во время всего этого разговора, въ которомъ она заставляла меня говорить и для этого меня разспрашивала, а сама не говорила почти ни слова, такъ что эта бесѣда показалась мнѣ скорѣе своего рода допросомъ съ ея стороны, чѣмъ конфиденціальнымъ разговоромъ. Наконецъ она меня отпустила такъ же холодно, какъ и встрѣтила, и я была очень недовольна моей аудіенціей, которую Александръ Шуваловъ посовѣтовалъ мнѣ держать въ большомъ секретѣ, что я ему обѣщала; да и нечѣмъ тутъ было похвастаться. Вернувшись къ себѣ, я приписала холодность императрицы антипатіи, которую, какъ меня давно уже освѣдомили, Шуваловы внушили ей противъ меня. Впослѣдствіи увидятъ гнусное употребленіе, если смѣю такъ выразиться, которое убѣдили ее сдѣлать изъ этого разговора между нею и мною[1]). Спустя нѣкоторое время мы узнали, что фельдмаршалъ Апраксинъ вмѣсто того, чтобы воспользоваться своими успѣхами послѣ взятія Мемеля и выиграннаго подъ Гроссъ-Егерсдорфомъ сраженія и итти впередъ, отступалъ съ такою поспѣшностью, что это отступленіе походило на бѣгство, потому что онъ бросалъ и сжигалъ свой экипажъ и закле-

[1]) Конецъ вставки.

пывалъ пушки. Никто ничего не понималъ въ этихъ дѣйствіяхъ; даже его друзья не знали, какъ его оправдывать, и черезъ это самое стали искать скрытыхъ намѣреній. Хотя я и сама точно не знаю, чему приписать поспѣшное и непонятное отступленіе фельдмаршала, такъ какъ никогда больше его не видѣла, однако я думаю, что причина этого могла быть въ томъ, что онъ получалъ отъ своей дочери, княгини Куракиной, все еще находившейся, изъ политики, а не по склонности, въ связи съ Петромъ Шуваловымъ, отъ своего зятя, князя Куракина, отъ своихъ друзей и родственниковъ довольно точныя извѣстія о здоровьи императрицы, которое становилось все хуже и хуже; тогда почти у всѣхъ начало появляться убѣжденіе, что у нея бываютъ очень сильныя конвульсіи, регулярно каждый мѣсяцъ, что эти конвульсіи замѣтно ослабляютъ ея организмъ, что послѣ каждой конвульсіи она находится въ теченіе двухъ, трехъ и четырехъ дней въ состояніи такой слабости и такого истощенія всѣхъ способностей, какія походятъ на летаргію, что въ это время нельзя ни говорить съ ней, ни о чемъ бы то ни было бесѣдовать. Фельдмаршалъ Апраксинъ, считая, можетъ быть, опасность болѣе крайней, нежели она была на самомъ дѣлѣ, находилъ не своевременнымъ углубляться дальше въ предѣлы Пруссіи, но счелъ долгомъ отступить, чтобы приблизиться къ границамъ Россіи, подъ предлогомъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, предвидя, что въ случаѣ, если послѣдуетъ кончина императрицы, эта война сейчасъ же окончится. Трудно было оправдать поступокъ фельдмаршала Апраксина, но таковы могли быть его виды, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ себя нужнымъ въ Россіи, какъ я это говорила, упоминая объ его отъѣздѣ. Графъ Бестужевъ прислалъ сказать мнѣ черезъ Штамбке, какой оборотъ принимаетъ поведеніе фельдмаршала Апраксина, на которое императорскій и французскій послы громко жаловались; онъ просилъ меня написать фельдмаршалу по дружбѣ и присоединить къ его убѣжденіямъ свои, дабы

заставить его повернуть съ дороги и положить конецъ бѣгству, которому враги его придавали оборотъ гнусный и пагубный. Дѣйствительно, я написала фельдмаршалу Апраксину письмо, въ которомъ я предупреждала его о дурныхъ слухахъ въ Петербургѣ и о томъ, что его друзья находятся въ большомъ затрудненіи, какъ оправдать поспѣшность его отступленія, прося его повернуть съ дороги и исполнить приказанія, которыя онъ имѣлъ отъ правительства. Великій канцлеръ графъ Бестужевъ послалъ ему это письмо. Фельдмаршалъ Апраксинъ не отвѣтилъ мнѣ; между тѣмъ отправился изъ Петербурга и явился откланяться къ намъ главный директоръ строеній императрицы генералъ Ферморъ; намъ сказали, что онъ ѣхалъ, чтобы занять мѣсто въ арміи; онъ нѣкогда былъ генералъ-квартирмейстромъ у фельдмаршала Миниха. Первымъ дѣломъ генералъ Ферморъ потребовалъ, чтобы дали ему подъ начальство его чиновниковъ или смотрителей надъ строеніями, бригадировъ Рязанова и Мордвинова, и съ ними онъ уѣхалъ въ армію. Это были [такіе] военные, которые раньше ничего не дѣлали, какъ заключали контракты на постройки. Какъ только онъ туда пріѣхалъ, ему велѣли принять командованіе вмѣсто фельдмаршала Апраксина, который былъ отозванъ; а когда онъ возвращался, онъ нашелъ въ Четырехъ-рукахъ[1]) распоряженіе остановиться тамъ и ждать приказаній императрицы. Долго пришлось ихъ ждать, потому что его друзья, его дочь и Петръ Шуваловъ дѣлали все на свѣтѣ и дѣйствовали всевозможными средствами, чтобы утишить гнѣвъ императрицы, разжигаемый Воронцовыми, графомъ Бутурлинымъ, Иваномъ Шуваловымъ и другими, которыхъ побуждали послы Версальскаго и Вѣнскаго дворовъ начать процессъ противъ Апраксина. Наконецъ назначили слѣдователей, чтобы разсмотрѣть дѣло. Послѣ перваго допроса у фельдмаршала Апраксина сдѣлался апоплектическій ударъ, отъ котораго онъ умеръ приблизительно черезъ сутки.

---

[1]) Въ подлинникѣ—Trirouky.

Въ этомъ процессѣ былъ бы навѣрное также замѣшанъ генералъ Ливенъ; онъ былъ другомъ и повѣреннымъ фельдмаршала Апраксина; мнѣ пришлось бы испытать лишнее огорченіе, потому что Ливенъ былъ ко мнѣ искренно привязанъ; но какую бы дружбу я ни питала къ Ливену и Апраксину, я могу поклясться, что я совершенно не знала причины ихъ поведенія и самаго поведенія, хотя и старались распустить слухъ, что это въ угоду великому князю и мнѣ они отступали вмѣсто того, чтобы итти впередъ. Ливенъ иногда давалъ довольно странныя доказательства своей ко мнѣ привязанности; между прочимъ однажды, когда посолъ Вѣнскаго двора графъ Эстергази давалъ маскарадъ, на которомъ присутствовали императрица и весь дворъ, Ливенъ, видя, какъ я проходила по комнатѣ, гдѣ онъ находился, сказалъ своему сосѣду, которымъ былъ въ эту минуту графъ Понятовскій: «Вотъ женщина, изъ-за которой порядочный человѣкъ могъ бы вынести безъ сожалѣнія нѣсколько ударовъ кнута». Этотъ анекдотъ я узнала отъ самого графа Понятовскаго, впослѣдствіи короля Польскаго. Какъ только генералъ Ферморъ принялъ командованіе, онъ поспѣшилъ выполнить свои инструкціи, въ которыхъ было точно указано, чтобы наступать, ибо, несмотря на суровое время года, онъ занялъ Кенигсбергъ, который выслалъ ему депутатовъ 18 января 1758 [1]).

Въ эту зиму я вдругъ замѣтила большую перемѣну въ поведеніи Льва Нарышкина. Онъ начиналъ становиться невѣжливымъ и грубымъ: онъ только нехотя приходилъ ко мнѣ и говорилъ вещи, которыя показывали, что ему вбивали въ голову недоброжелательство по отношенію ко мнѣ, его невѣсткѣ, сестрѣ, графу Понятовскому и всѣмъ тѣмъ, кто былъ ко мнѣ привязанъ. Я узнала, что онъ почти всегда былъ у Ивана Шувалова, и я легко догадывалась, что его отвращаютъ отъ меня, чтобы меня

[1]) Въ подлинникѣ -начало вставки.

наказать за то, что я ему помѣшала жениться на дѣвицѣ Хитрово, и что, конечно, такъ постараются, что доведутъ его до болтовни, которая можетъ стать мнѣ вредной. Его невѣстка, его сестра, его братъ были такъ же разсержены на него, какъ и я, и буквально онъ велъ себя какъ безумный и оскорблялъ насъ, какъ только могъ, безъ причины, и это въ то время, когда я меблировала на свой счетъ домъ, гдѣ онъ долженъ былъ жить, когда женится. Всѣ обвиняли его въ неблагодарности, а онъ говорилъ, что у него не корыстная душа; словомъ, у него не было причинъ жаловаться никоимъ образомъ; ясно было видно, что онъ служитъ орудіемъ тѣмъ, кто имъ завладѣлъ. Онъ болѣе, чѣмъ когда-либо, аккуратно являлся на поклонъ къ великому князю, котораго онъ забавлялъ такъ, какъ могъ, и все болѣе и болѣе склонялъ его къ тому, что, какъ онъ зналъ, я порицала; онъ простиралъ невѣжливость иногда до того, что, когда я съ нимъ разговаривала, то онъ мнѣ не отвѣчалъ. Въ настоящее время я не знаю, какая муха его укусила, между тѣмъ какъ я буквально осыпала его благодѣяніями и изъявленіями дружбы такъ же, какъ и его семью, съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ знала. Я думаю, что онъ старался ласкать великаго князя также по совѣтамъ господъ Шуваловыхъ, которые ему говорили, что эта милость будетъ для него всегда прочнѣе моей, потому что я на дурномъ счету у императрицы и у великаго князя, что ни тотъ, ни другой меня не любятъ, и что онъ повредитъ своей карьерѣ, если не отстанетъ отъ меня [1])... что какъ только императрица умретъ, великій князь заточитъ меня въ монастырь, и тому подобныя вещи, которыя говорили Шуваловы и которыя были мнѣ переданы. Кромѣ того, ему посулили орденъ св. Анны, какъ знакъ милости великаго князя по отношенію къ нему. Съ помощью этихъ разсужденій и обѣщаній добивались отъ этой слабой и безха-

[1]) Въ подлинникѣ—новая вставка.

рактерной головы всѣхъ маленькихъ измѣнъ, какихъ хотѣли, и его заставили зайти такъ далеко и даже дальше, чѣмъ желали, хотя отъ времени до времени у него бывали порывы раскаянія [1]). Какъ потомъ увидятъ, тогда онъ старался, какъ только могъ, удалять великаго князя отъ меня, такъ что послѣдній дулся на меня почти непрерывно и связался снова съ графиней Елисаветой Воронцовой. Къ веснѣ этого года распространился слухъ, что принцъ Карлъ Саксонскій, сынъ Польскаго короля Августа III, пріѣдетъ въ Петербургъ. Это не доставило удовольствія великому князю по разнымъ причинамъ, изъ которыхъ первой была та, что онъ боялся, чтобы этотъ пріѣздъ не былъ увеличеніемъ стѣсненія для него, такъ какъ онъ не любилъ, чтобы образъ жизни, который онъ себѣ устроилъ, былъ бы хоть сколько-нибудь разстроенъ; вторая причина заключалась въ томъ, что Саксонскій домъ былъ на сторонѣ, противной королю Прусскому. Третьей причиной могло быть еще то, что онъ боялся потерять въ сравненіи: это значило по меньшей мѣрѣ быть очень скромнымъ, потому что этотъ бѣдный Саксонскій принцъ ничего собой не представлялъ и не имѣлъ никакого образованія; кромѣ охоты и танцевъ, онъ ничего не зналъ, и онъ самъ мнѣ говорилъ, что за всю его жизнь у него не было въ рукахъ книги, кромѣ молитвенника, которымъ его снабдила королева, его мать, государыня, отличавшаяся большимъ ханжествомъ. Принцъ Карлъ Саксонскій пріѣхалъ дѣйствительно 5 апрѣля этого года въ Петербургъ, гдѣ его встрѣтили съ большимъ парадомъ и съ большимъ наружнымъ великолѣпіемъ и блескомъ. Его свита была очень многочисленна: его сопровождали множество поляковъ и саксонцевъ, между которыми былъ одинъ изъ Любомирскихъ, одинъ изъ Потоцкихъ, коронный писарь, графъ Ржевусскій, котораго звали «красивымъ», двое князей Сулковскихъ, одинъ графъ Сапѣга, графъ Браницкій, впо-

[1]) Конецъ вставки.

слѣдствіи великій гетманъ, графъ Эйнзидель и много другихъ, имена которыхъ не приходятъ мнѣ сейчасъ на память. Съ ними былъ своего рода помощникъ воспитателя, по имени Лашиналь, который руководилъ его поведеніемъ и перепиской. Принца Саксонскаго помѣстили въ домѣ камергера Ивана Шувалова, который былъ только что отдѣланъ и въ который домохозяинъ вложилъ весь свой вкусъ, несмотря на что домъ былъ устроенъ безъ вкуса и довольно плохо, но, впрочемъ, очень богато. Въ немъ было много картинъ, но большею частью—копіи; одну комнату отдѣлали чинаровымъ деревомъ, но такъ какъ чинара не блеститъ, то ее покрыли лакомъ и черезъ это комната стала желтой, но очень непріятнаго желтаго цвѣта; отсюда вышло то, что ее сочли некрасивой и, чтобы этому пособить, ее покрыли очень тяжелой и богатой деревянной рѣзьбой, которую посеребрили. Снаружи этотъ домъ, большой самъ по себѣ, походилъ своими украшеніями на манжетки изъ алансонскаго кружева, такъ много было на немъ рѣзьбы. Графъ Иванъ Чернышевъ назначенъ былъ состоять при Саксонскомъ принцѣ Карлѣ, и содержаніе его и услуги шли на счетъ двора и ему прислуживали придворные люди. Въ ночь наканунѣ дня пріѣзда принца Карла я почувствовала такую сильную колику съ такимъ поносомъ, что мнѣ пришлось больше 30 разъ ходить на судно; несмотря на это и на схватившую меня лихорадку, я на слѣдующій день одѣлась, чтобы принять Саксонскаго принца. Его привели къ императрицѣ около двухъ часовъ пополудни, а по выходѣ отъ нея его привели ко мнѣ, куда черезъ минуту послѣ него долженъ былъ войти великій князь. Для этого поставили у одной и той же стѣны три кресла: среднее было для меня, правое отъ меня для великаго князя и лѣвое для Саксонскаго принца. Я вела разговоръ, такъ какъ великій князь не хотѣлъ почти говорить, да и принцъ Карлъ не былъ разговорчивъ. Наконецъ черезъ семь-восемь минутъ разговора принцъ Карлъ всталъ, чтобы

представить намъ свою огромную свиту; съ нимъ было, кажется, больше двадцати человѣкъ, къ которымъ присоединились въ этотъ день посланники: польскій и саксонскій, которые состояли при русскомъ дворѣ, со своими чиновниками. Послѣ получасовой бесѣды принцъ ушелъ, а я раздѣлась, чтобы лечь въ кровать, гдѣ оставалась три-четыре дня въ очень сильной лихорадкѣ, послѣ которой у меня снова появились признаки беременности. Въ концѣ апрѣля мы поѣхали въ Ораніенбаумъ. До нашего отъѣзда мы узнали, что принцъ Карлъ Саксонскій отправляется добровольцемъ въ русскую армію. Прежде, чѣмъ ѣхать въ армію, онъ ѣздилъ съ императрицей въ Петергофъ, и его чествовали тамъ и въ городѣ. Мы не были на этихъ празднествахъ, но оставались у себя на дачѣ, гдѣ онъ съ нами простился и уѣхалъ 4 іюля. Такъ какъ великій князь былъ почти всегда очень сердитъ на меня и я не знала этому другой причины, кромѣ той, что я неласково принимала ни Брокдорфа, ни графиню Елисавету Воронцову, которая снова становилась любимой султаншей, то я вздумала дать въ честь Его Императорскаго Высочества праздникъ въ моемъ ораніенбаумскомъ саду, дабы смягчить его дурное настроеніе, если сдѣлать это было возможно. Всякое празднество всегда было пріятно Его Императорскому Высочеству. Для этого я велѣла выстроить въ одномъ уединенномъ мѣстѣ лѣсочка итальянскому архитектору, который тогда у меня былъ, Антоніо Ринальди, большую колесницу, на которую могли бы помѣстить оркестръ въ шестьдесятъ человѣкъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Я велѣла сочинить стихи придворному итальянскому поэту, а музыку капельмейстеру Арайѣ. Въ саду, на главной аллеѣ, поставили иллюминованную декорацію съ занавѣсомъ, противъ которой накрыли столы для ужина. 17 іюня подъ вечеръ Его Императорское Высочество со всѣми, кто былъ въ Ораніенбаумѣ, и со множествомъ зрителей, пріѣхавшихъ изъ Кронштадта и изъ Петербурга, отправились въ садъ, который нашли иллюминованнымъ; сѣли за столъ и послѣ

перваго блюда поднялся занавѣсъ, который скрывалъ главную аллею, и увидѣли приближающійся издалека подвижной оркестръ, который везли штукъ двадцать быковъ, убранныхъ гирляндами, и окружали столько танцоровъ и танцовщицъ, сколько я могла найти. Аллея была иллюминована, и такъ ярко, что различали предметы. Когда колесница остановилась, то, игрою случая, луна очутилась какъ разъ надъ колесницей, что произвело восхитительный эффектъ и что очень удивило все общество; погода была, кромѣ того, превосходнѣйшая. Всѣ выскочили изъ-за стола, чтобы ближе насладиться красотой симфоніи и зрѣлища. Когда она окончилась, занавѣсъ опустили и всѣ снова сѣли за столъ и принялись за второе блюдо. Когда его кончали, послышались трубы и литавры, и вышелъ скоморохъ, выкрикивая: «Милостивые государи и милостивыя государыни, заходите, заходите ко мнѣ, вы найдете въ моихъ лавочкахъ даровую лотерею». Съ двухъ сторонъ декораціи съ занавѣсомъ поднялись два маленькіе занавѣса, и увидѣли двѣ ярко освѣщенныя лавочки, въ одной изъ которыхъ раздавались безплатно лотерейные нумера для фарфора, находившагося въ ней, а въ другой—для цвѣтовъ, лентъ, вѣеровъ, гребенокъ, кошельковъ, перчатокъ, темляковъ и тому подобныхъ бездѣлокъ въ этомъ родѣ. Когда лавки были опустошены, мы пошли ѣсть сладкое, послѣ чего стали танцовать до шести часовъ утра. На этотъ разъ никакая интрига, ни злоба не выдержали передъ моимъ праздникомъ, и Его Императорское Высочество и всѣ были въ восхищеніи отъ него, и то и дѣло хвалили великую княгиню и ея праздникъ; правда, что я ничего не пожалѣла: вино мое нашли чуднымъ, ужинъ отличнѣйшимъ, все было на мой собственный счетъ, и праздникъ стоилъ мнѣ отъ десяти до пятнадцати тысячъ; замѣтьте, что я имѣла всего тридцать тысячъ въ годъ. Но этотъ праздникъ чуть не стоилъ мнѣ гораздо дороже: утромъ 17 іюля я поѣхала въ кабріолетѣ съ Нарышкиной, чтобы посмотрѣть приготовленія; когда я пожелала выйти

изъ кабріолета и была уже на подножкѣ, лошадь тронула, и я упала на землю на колѣни; а я была уже на четвертомъ или на пятомъ мѣсяцѣ беременности; но я и виду не показала и оставалась послѣдней на праздникѣ, занимаясь съ гостями. Между тѣмъ я очень боялась выкидыша; однако со мною ничего не случилось и я отдѣлалась страхомъ. Великій князь, всѣ его окружающіе, всѣ его голштинцы и даже самые злые мои враги въ теченіе нѣсколькихъ дней не переставали восхвалять меня и мой праздникъ, такъ какъ не было ни друга, ни недруга, который не унесъ бы какой-нибудь тряпки на память обо мнѣ; и такъ какъ на этомъ праздникѣ, который былъ маскарадомъ, было множество народа изъ всѣхъ слоевъ общества, и общество въ саду было смѣшанное и между прочимъ находилось много женщинъ, которыя обыкновенно не появлялись совсѣмъ при дворѣ и въ моемъ присутствіи, то всѣ хвастались моими подарками и выставляли ихъ, хотя въ сущности они были неважными, потому что, я думаю, не было ни одного дороже ста рублей, но ихъ получили отъ меня и всѣмъ было пріятно сказать: «это у меня отъ Ея Императорскаго Высочества, великой княгини; она сама доброта, она всѣмъ сдѣлала подарки; она прелестна; она смотрѣла на меня съ веселымъ любезнымъ видомъ; она находила удовольствіе заставлять насъ танцовать, угощаться, гулять; она разсаживала тѣхъ, у кого не было мѣста; она хотѣла, чтобы всѣ видѣли то, на что было посмотрѣть; она была весела», словомъ, въ этотъ день у меня нашли качества, которыхъ за мною не знали, и я обезоружила своихъ враговъ. Это и было моею цѣлью; но это было не надолго, какъ увидятъ впослѣдствіи.

Послѣ этого праздника Левъ Нарышкинъ сталъ снова у меня бывать. Однажды, желая войти въ мой кабинетъ, я застала его тамъ нахально развалившимся на канапе, которое тамъ находилось, и распѣвающимъ безсмысленную пѣсню. Видя это, я вышла, захлопнувъ за собою дверь, и

тотчасъ же пошла за его невѣсткой; я ей сказала, что надо взять хорошій пучокъ розогъ и высѣчь ими этого мужчину, который уже давно такъ дерзко ведетъ себя съ нами, чтобы научить его уважать насъ. Его невѣстка охотно на это согласилась и тотчасъ же мы велѣли принести хорошихъ розогъ, обвязанныхъ крапивой; мы заставили пойти съ нами одну вдову, которая была при мнѣ среди моихъ женщинъ, по имени Татьяну Юрьевну, и мы всѣ трое отправились въ мой кабинетъ, гдѣ застали Льва Нарышкина на томъ же мѣстѣ распѣвающимъ во все горло свою пѣсню. Когда онъ насъ увидѣлъ, онъ хотѣлъ удрать отъ насъ, но мы такъ отстегали его нашими крапивными розгами, что у него ноги, руки и лицо настолько распухли въ теченіе двухъ-трехъ дней, что онъ не могъ поѣхать съ нами на слѣдующій день въ Петергофъ на куртагъ, а былъ принужденъ оставаться у себя. Онъ отнюдь не сталъ также хвастаться тѣмъ, что съ нимъ случилось, потому что мы его увѣрили, что при малѣйшей невѣжливости или по малѣйшему поводу, какимъ онъ вызоветъ наши жалобы на него, мы повторимъ ту же операцію, видя, что нѣтъ никакого другого средства справиться съ нимъ. Все это понималось какъ чистая шутка, безъ злобы, но нашъ мужчина достаточно это почувствовалъ, чтобы запомнить это, и не подвергался этому впредь, въ той степени по крайней мѣрѣ, въ какой онъ дѣлалъ это до сихъ поръ. Въ августѣ мѣсяцѣ мы узнали въ Ораніенбаумѣ, что 14 августа было дано сраженіе при Цорндорфѣ, одно изъ самыхъ кровопролитныхъ за этотъ вѣкъ, потому что каждая изъ сторонъ насчитывала болѣе двадцати тысячъ человѣкъ убитыми и пропавшими. Наша потеря въ офицерахъ была значительна и превосходила 1200. Намъ объявили объ этомъ сраженіи, какъ о выигранномъ, но на ухо говорили другъ другу, что съ обѣихъ сторонъ потери были равныя, что въ теченіе трехъ дней ни одна изъ двухъ армій не смѣла приписать себѣ выигрыша сраженія, что наконецъ на третій день Прусскій король велѣлъ служить молебствіе въ своемъ ла-

герѣ, а генералъ Ферморъ—на полѣ сраженія. Горе императрицы и уныніе всего города было велико, когда узнали всѣ подробности этого кроваваго дня, гдѣ многіе потеряли своихъ близкихъ друзей и знакомыхъ; долго слышны были одни сожалѣнія объ этомъ днѣ; много генераловъ было убито, ранено или взято въ плѣнъ. Наконецъ было признано, что генералъ Ферморъ велъ дѣло совсѣмъ не по военному и безъ всякаго искусства. Войско его ненавидѣло и не имѣло къ нему никакого довѣрія. Дворъ его отозвалъ и назначили генерала графа Петра Салтыкова, чтобы отправиться въ Пруссію командовать арміей вмѣсто генерала Фермора. Для этого выписали графа Салтыкова изъ Украйны, гдѣ онъ имѣлъ команду, а пока отдали командованіе арміей генералу Фролову-Багрѣеву, но съ секретнымъ предписаніемъ ничего не дѣлать безъ генералъ-лейтенантовъ графа Румянцова и князя Александра Голицына, шурина Румянцова [1]).

Послѣдняго обвиняли въ томъ, что когда онъ былъ на небольшомъ разстояніи отъ поля сраженія съ корпусомъ въ десять тысячъ человѣкъ на высотахъ, откуда онъ слышалъ канонаду, то отъ него зависѣло сдѣлать ее болѣе рѣшительной, наступая съ тылу прусской арміи, въ то время, какъ она была въ схваткѣ съ нашей. Графъ Румянцовъ этого не сдѣлалъ и когда его шуринъ, князь Голицынъ, пришелъ послѣ сраженія къ нему въ лагерь и разсказалъ ему о бойнѣ, которая была, онъ очень дурно его принялъ, наговорилъ ему грубостей и не захотѣлъ его видѣть послѣ этого, обходясь съ нимъ какъ съ трусомъ, каковымъ князь Голицынъ не былъ, и вся армія была болѣе убѣждена въ неустрашимости послѣдняго, нежели въ храбрости графа Румянцова, несмотря на его теперешнюю славу и побѣды [2]).

---

[1]) Въ подлинникѣ—начало вставки.

[2]) Конецъ вставки.

Императрица находилась въ началѣ сентября въ Царскомъ Селѣ, гдѣ 8 числа, въ день Рождества Богородицы, пошла пѣшкомъ изъ дворца въ приходскую церковь, находящуюся въ двухъ шагахъ отъ Сѣверныхъ воротъ, чтобы слушать обѣдню. Едва обѣдня началась, какъ императрица почувствовала себя нехорошо, вышла изъ церкви, спустилась съ маленькаго крыльца, находящагося наискосокъ отъ дворца, и, дойдя до выступа на углу церкви, упала на траву безъ чувствъ, среди толпы, или, вѣрнѣе, окруженная толпой народа, пришедшаго на праздникъ со всѣхъ окрестныхъ селъ слушать обѣдню. Никто изъ свиты императрицы не послѣдовалъ за ней, когда она вышла изъ церкви, но вскорѣ предупрежденныя дамы ея свиты и наиболѣе довѣренные ея побѣжали къ ней на помощь и нашли ее безъ движенія и безъ сознанія среди народа, который смотрѣлъ на нее и не смѣлъ подойти. Императрица была очень рослая и полная и не могла упасть разомъ, не причинивъ себѣ сильной боли самимъ паденіемъ. Ее покрыли бѣлымъ платкомъ и пошли за докторами и хирургомъ; этотъ послѣдній пришелъ первымъ и нашелъ, что самое неотложное—это пустить ей кровь тутъ же, на землѣ, среди и въ присутствіи всего этого народа, но она не пришла въ себя. Докторъ долго собирался, будучи самъ боленъ и не имѣя возможности ходить. Принуждены были принести его въ креслѣ: это былъ покойный Кондоиди, грекъ родомъ, а хирургъ — Фузадье, французъ эмигрантъ. Наконецъ принесли изъ дворца ширмы и канапе, на которое ее помѣстили; лѣкарствами и уходомъ ее слегка привели въ чувство; но, открывъ глаза, она никого не узнала и спросила совсѣмъ почти невнятно, гдѣ она. Все это длилось болѣе двухъ часовъ, послѣ чего рѣшили снести Ея Императорское Величество на канапе во дворецъ. Можно себѣ вообразить, каково было уныніе всѣхъ тѣхъ, кто состоялъ при дворѣ. Гласность событія еще увеличивала его печаль: до сихъ поръ держали болѣзнь императрицы въ большомъ секретѣ, а съ этой минуты случай этотъ сталъ публичнымъ. На слѣдующій день утромъ я

узнала всѣ обстоятельства этого несчастнаго случая изъ записки, присланной мнѣ графомъ Понятовскимъ. Я сейчасъ же пошла сказать это великому князю, который ничего не зналъ, потому что отъ насъ всегда тщательнѣйшимъ образомъ скрывали все вообще и въ частности еще то, что лично касалось императрицы; но было въ обычаѣ каждое воскресенье, когда мы не были въ одномъ и томъ же мѣстѣ съ Ея Императорскимъ Величествомъ, посылать одного изъ кавалеровъ нашего двора, чтобы освѣдомляться о состояніи здоровья императрицы. Мы не преминули сдѣлать это на слѣдующее воскресенье и узнали, что въ теченіе нѣскольких дней императрица не могла свободно владѣть языкомъ и что она еще не могла говорить безъ затрудненія; говорили, что во время обморока она прикусила себѣ языкъ. Все это заставляло предполагать, что эта слабость происходила больше отъ конвульсій, нежели отъ обморока. Въ концѣ сентября мы вернулись въ городъ. Такъ какъ я становилась тяжелой отъ своей беременности, то я больше не появлялась въ обществѣ, считая, что я ближе къ родамъ, нежели была на самомъ дѣлѣ. Это было скучно для великаго князя, потому что, когда я появлялась въ обществѣ, онъ очень часто сказывался нездоровымъ, чтобы оставаться у себя, и, такъ какъ императрица появлялась тоже рѣдко, то и выѣзжали на мнѣ со всѣми куртагами, придворными праздниками и балами, а когда я не бывала тамъ, то приставали къ Его Императорскому Высочеству, чтобы онъ туда отправлялся, дабы кто-нибудь несъ обязанности по представительству. А потому Его Императорское Высочество сердился на мою беременность и вздумалъ сказать однажды у себя, въ присутствіи Льва Нарышкина и нѣкоторыхъ другихъ: «Богъ знаетъ, откуда моя жена беретъ свою беременность, я не слишкомъ-то знаю, мой ли это ребенокъ и долженъ ли я его принять на свой счетъ». Левъ Нарышкинъ прибѣжалъ ко мнѣ и передалъ мнѣ эти слова прямо съ пылу. Я, понятно, испугалась такихъ рѣчей и сказала ему: «Вы всѣ вѣтреники; потре-

буйте отъ него клятвы, что онъ не спалъ со своею женою и скажите, что если онъ дастъ эту клятву, то вы сообщите объ этомъ Александру Шувалову, какъ великому инквизитору имперіи». Левъ Нарышкинъ пошелъ дѣйствительно къ Его Императорскому Высочеству и потребовалъ у него этой клятвы, на что получилъ въ отвѣтъ: «Убирайтесь къ чорту и не говорите мнѣ больше объ этомъ». Эти слова великаго князя, сказанныя такъ неосторожно, очень меня разсердили, и я съ тѣхъ поръ увидала, что на мой выборъ предоставлялись три дороги одинаково трудныя: во-первыхъ, дѣлить участь Его Императорскаго Высочества, какъ она можетъ сложиться; во-вторыхъ, подвергаться ежечасно тому, что ему угодно будетъ затѣять за или противъ меня; въ-третьихъ, избрать путь, независимый отъ всякихъ событій. Но, говоря яснѣе, дѣло шло о томъ, чтобы погибнуть съ нимъ или черезъ него, или же спасать себя, дѣтей и, можетъ быть, государство, отъ той гибели, опасность которой заставляли предвидѣть всѣ нравственныя и физическія качества этого государя. Эта послѣдняя доля показалась мнѣ самой надежной, и я рѣшила по мѣрѣ силъ продолжать подавать великому князю всѣ совѣты, какіе могу придумать для его блага, но никогда не упорствовать до того, чтобы его сердить, какъ раньше, когда онъ ихъ не слушался; открывать ему глаза на его дѣйствительные интересы каждый разъ, какъ случай къ тому представится, и въ остальное время замкнуться въ очень угрюмое молчаніе, наблюдая, съ другой стороны, въ обществѣ мои интересы такъ, чтобы оно видѣло во мнѣ, при случаѣ, спасителя государства. Въ октябрѣ мѣсяцѣ я получила отъ великаго канцлера графа Бестужева извѣщеніе, что Польскій король только что прислалъ графу Понятовскому отзывную грамоту. У графа Бестужева былъ изъ-за этого большой споръ съ графомъ Брюлемъ и Саксонскимъ кабинетомъ, и онъ сердился на то, что съ ними не посовѣтовались, какъ прежде, объ этомъ пунктѣ. Онъ узналъ наконецъ, что это вице-канцлеръ графъ Воронцовъ и Иванъ Шува-

ловъ обдѣлали все это дѣло черезъ Прассе, саксонскаго резидента. Этотъ Прассе казался часто освѣдомленнымъ о множествѣ подробностей, такъ что удивлялись, откуда онъ ихъ знаетъ. Нѣсколько лѣтъ спустя этотъ источникъ открылся: онъ былъ очень тайнымъ и скромнымъ любовникомъ жены вице-канцлера графа Воронцова графини Анны Карловны, рожденной Скавронской, которая была очень дружна съ женою церемоніймейстера Самарина, и у этой-то женщины графиня видала Прассе. Канцлеръ Бестужевъ велѣлъ подать себѣ эти отзывныя грамоты, посланныя графу Понятовскому, и вернулъ ихъ въ Саксонію, подъ предлогомъ несоблюденія формальностей. Въ ночь съ 8 на 9 декабря я начала чувствовать боли передъ родами. Я послала увѣдомить объ этомъ великаго князя черезъ Владиславову, такъ же и графа Александра Шувалова, дабы онъ могъ предупредить императрицу. Черезъ нѣсколько времени великій князь вошелъ въ мою комнату, одѣтый въ свой голштинскій мундиръ, въ сапогахъ и шпорахъ, съ шарфомъ вокругъ пояса и съ громадной шпагой на боку; онъ былъ въ полномъ парадѣ; было около двухъ съ половиной часовъ утра. Очень удивленная этимъ одѣяніемъ, я спросила его о причинѣ столь изысканнаго наряда. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что только въ нуждѣ узнаются истинные друзья, что въ этомъ одѣяніи онъ готовъ поступать согласно своему долгу, что долгъ голштинскаго офицера защищать по присягѣ герцогскій домъ противъ всѣхъ своихъ враговъ и такъ какъ мнѣ нехорошо, то онъ поспѣшилъ ко мнѣ на помощь. Можно было бы сказать, что онъ шутитъ, но вовсе нѣтъ: то, что онъ говорилъ, было очень серьезно; я легко догадалась, что онъ пьянъ, и посовѣтовала ему итти спать, чтобы, когда императрица придетъ, она не имѣла двойного неудовольствія видѣть его пьянымъ и вооруженнымъ съ головы до ногъ, въ голштинскомъ мундирѣ, который, какъ я знала, она ненавидѣла. Мнѣ стоило большого труда заставить его уйти, однако и Владиславова, и я, мы его убѣдили съ помощью акушерки,

которая увѣряла, что я еще не рожу такъ скоро. Наконецъ онъ ушелъ, и императрица пожаловала. Она спросила, гдѣ великій князь; ей отвѣтили, что онъ только что вышелъ и не преминетъ возвратиться. Такъ какъ она увидала, что боли замедлялись и такъ какъ акушерка сказала, что это можетъ длиться еще нѣсколько часовъ, то она вернулась въ свои покои, а я легла въ постель, гдѣ и заснула до слѣдующаго дня, когда встала по обыкновенію, чувствуя отъ времени до времени боли, послѣ которыхъ я цѣлыми часами ничего не чувствовала. Къ ужину я проголодалась и велѣла принести себѣ ужинъ; акушерка сидѣла близъ меня и, видя, что я ѣмъ съ алчнымъ аппетитомъ, она мнѣ сказала: «Кушайте, кушайте, этотъ ужинъ принесетъ намъ счастье». Дѣйствительно, поужинавъ, я встала изъ-за стола и въ ту самую минуту, какъ встала, у меня сдѣлалась такая боль, что я громко вскрикнула. Акушерка и Владиславова подхватили меня подъ руки и уложили меня на родильную постель; послали за великимъ княземъ и за императрицей. Едва они вошли въ мою комнату, какъ я разрѣшилась 9 декабря между 10 и 11 часами вечера дочерью, которой я просила императрицу разрѣшить дать ея имя; но она рѣшила, что она будетъ носить имя старшей сестры Ея Императорскаго Величества, герцогини Голштинской, Анны Петровны, матери великаго князя. Этотъ послѣдній, казалось, былъ очень доволенъ рожденіемъ этого ребенка; онъ по этому случаю устроилъ у себя большое веселье, велѣлъ устроить то же и въ Голштиніи, и принималъ всѣ поздравленія, которыя ему по этому случаю приносили, съ изъявленіями удовольствія. На шестой день императрица была воспріемницей этого ребенка и принесла мнѣ приказъ кабинету выдать мнѣ шестьдесятъ тысячъ рублей. Она послала столько же великому князю, что не мало увеличило его удовольствіе. Послѣ крестинъ начались празднества. Давались, какъ говорятъ, прекраснѣйшія, я не видала ни одного: я была въ моей постели одна-одинешенька и не было ни единой души со мной, кромѣ Владиславовой, по-

тому что, какъ только я родила, не только императрица въ этотъ разъ, какъ и въ прошлый, унесла ребенка въ свои покои, но также, подъ предлогомъ отдыха, который мнѣ былъ нуженъ, меня оставили покинутой, какъ какую-то несчастную, и никто ни ногой не вступалъ въ мою комнату и не освѣдомлялся и не велѣлъ освѣдомляться, какъ я себя чувствую. Какъ и въ первый разъ, я очень страдала отъ этой заброшенности. На этотъ разъ я приняла всевозможныя предосторожности противъ сквозняковъ и неудобствъ помѣщенія, и, какъ только я разрѣшилась, я встала и легла на свою постель, и такъ какъ никто не смѣлъ приходить ко мнѣ, развѣ только украдкой, то и въ этомъ отношеніи у меня не было недостатка въ предусмотрительности. Моя кровать выступала приблизительно до половины довольно длинной комнаты, окно было направо отъ кровати, налѣво отъ кровати былъ черный входъ, выходящій какъ бы въ гардеробную, служившую также передней и очень заставленную ширмами и сундуками; отъ моей кровати до этой двери я велѣла поставить громадныя ширмы, которыя скрывали очень миленькій кабинетъ, какой я только могла придумать, въ виду этого помѣщенія и обстоятельствъ. Въ этомъ кабинетѣ были канапе, зеркала, переносные столики и нѣсколько стульевъ. Когда занавѣсъ моей кровати былъ съ этой стороны спущенъ, ничего не было видно; когда же былъ онъ отдернутъ — видно было и кабинетъ и тѣхъ, кто въ немъ находился; тѣ, кто входилъ въ комнату, видѣли только большія ширмы; когда спрашивали, что за ширмами, говорили — судно; но судно было въ самой ширмѣ и никому не было любопытно на него взглянуть, да и можно было бы его показать, не проникая еще въ кабинетъ, который прикрывали эти ширмы.
1759 1 января 1759 г. придворныя празднества окончились очень большимъ фейерверкомъ между баломъ и ужиномъ; такъ какъ я еще лежала, то и не появлялась при дворѣ. Передъ фейерверкомъ графъ Петръ Шуваловъ вздумалъ подойти къ моимъ дверямъ, чтобы передать мнѣ планъ

фейерверка. Незадолго передъ тѣмъ, какъ его стали пускать, Владиславова сказала ему, что я сплю, но что она, однако, пойдетъ посмотрѣть; я не спала, это было неправда, но только я была въ постели и у меня была моя обычная маленькая компанія, которую составляли, какъ и прежде, Нарышкина, Сенявина, Измайлова и графъ Понятовскій. Послѣдній со времени своего отозванія сказывался больнымъ, но приходилъ ко мнѣ, а дамы эти любили меня достаточно, чтобы предпочесть мое общество баламъ и праздникамъ. Владиславова не знала точно, кто у меня, но у нея былъ слишкомъ хорошій нюхъ, чтобы не подозрѣвать, что кто-то есть; я сказала ей, что рано ложусь спать отъ скуки, и она уже больше не входила. Послѣ прихода графа Петра Шувалова, она постучалась въ дверь, я задернула занавѣсъ со стороны ширмъ и сказала ей, чтобы она вошла; она вошла и передала мнѣ порученіе графа Петра Шувалова; я велѣла ей впустить его. Она пошла за нимъ, а въ это время мои гости за ширмами помирали со смѣху отъ крайней необычайности этой сцены, когда я собиралась принять визитъ графа Петра Шувалова, который могъ бы поклясться, что засталъ меня одну, въ моей постели, между тѣмъ какъ всего одинъ занавѣсъ отдѣлялъ мою маленькую и очень веселую компанію отъ этого лица, столь важнаго тогда, оракула двора и пользовавшагося въ высокой степени довѣріемъ императрицы. Наконецъ онъ вошелъ, принесъ мнѣ свой планъ фейерверка; онъ былъ тогда генералъ-фельдцейхмейстеромъ. Я начала съ того, что стала извиняться, что заставила его ждать, говоря, что я только что проснулась; я немного протирала себѣ глаза, говоря, что я еще совсѣмъ заспанная. Я лгала, чтобы не выдать Владиславову, послѣ чего я завела съ нимъ довольно длинный разговоръ и даже до того, что мнѣ показалось, что онъ очень спѣшитъ уйти, чтобы не заставлять ждать императрицу начала фейерверка. Тогда я его отпустила, онъ вышелъ, и я снова отдернула занавѣсъ: моей компаніи отъ смѣху захотѣлось ѣсть и пить. Я имъ сказала: «Отлично,

у васъ будетъ, что ѣсть и пить; между тѣмъ какъ вы составляете мою компанію, справедливо, чтобы въ угоду мнѣ вы не померли бы у меня отъ голоду и жажды». Я снова закрыла занавѣсъ и позвонила. Владиславова пришла, я ей сказала, чтобъ она велѣла принести мнѣ ужинать, что я умираю отъ голоду и чтобъ было по крайней мѣрѣ шесть вкусныхъ блюдъ. Когда ужинъ былъ готовъ, мнѣ его принесли; я велѣла поставить все у моей кровати и сказала служителямъ, чтобъ они ушли. Тогда находившіеся за ширмами гости набросились какъ голодные на ѣду, какая нашлась; веселье увеличивало аппетитъ. Признаюсь, этотъ вечеръ былъ однимъ изъ самыхъ шальныхъ и самыхъ веселыхъ, какіе я провела въ своей жизни. Когда проглотили ужинъ, я велѣла унести остатки такъ же, какъ мнѣ его принесли. Я думаю только, что моя прислуга была немного удивлена моимъ аппетитомъ. Къ концу придворнаго ужина моя компанія удалилась, также очень довольная своимъ вечеромъ. Графъ Понятовскій, для выхода, бралъ обыкновенно съ собою бѣлокурый парикъ и плащъ и, когда часовые спрашивали его: «кто идетъ?» онъ называлъ себя: «музыкантъ великаго князя». Этотъ парикъ очень насъ смѣшилъ въ тотъ вечеръ. На этотъ разъ послѣ шести недѣль мнѣ давали молитву въ малой церкви императрицы, но, кромѣ графа Александра Шувалова, никто при этомъ не присутствовалъ. Къ концу масленой, когда всѣ городскіе праздники закончились, при дворѣ было три свадьбы: свадьба графа Александра Строганова съ графиней Анной Воронцовой, дочерью вице-канцлера, была первой, а два дня спустя — свадьба Льва Нарышкина съ дѣвицей Закревской въ тотъ же день, какъ и свадьба графа Бутурлина съ графиней Маріей Воронцовой. Эти три дѣвицы были фрейлинами императрицы. По поводу этихъ трехъ свадьбъ держали при дворѣ пари гетманъ графъ Кириллъ Разумовскій и датскій посланникъ графъ Остенъ, кто изъ троихъ новобрачныхъ будетъ раньше всѣхъ рогоносцемъ, и оказалось, что выиграли пари тѣ, кто держалъ за Стро-

ганова, молодая супруга котораго казалась тогда самой некрасивой, самой невинной и наиболѣе ребенкомъ. Канунъ дня свадьбы Льва Нарышкина и графа Бутурлина былъ днемъ несчастнаго событія. Давно уже передавали другъ другу на ухо, что кредитъ великаго канцлера графа Бестужева пошатывался, что его враги брали верхъ. Онъ потерялъ своего друга, генерала Апраксина. Графъ Разумовскій старшій долго его поддерживалъ, но съ преобладаніемъ фавора Шуваловыхъ онъ больше ни во что почти не вмѣшивался, развѣ только испрашивалъ, когда представлялся къ тому случай, какую-нибудь маленькую милость для своихъ друзей или родственниковъ. Шуваловыхъ и Михаила Воронцова возбуждали еще въ ихъ ненависти къ великому канцлеру послы австрійскій, графъ Эстергази, и французскій, маркизъ де-Лопиталь. Этотъ послѣдній считалъ графа Бестужева болѣе склоннымъ къ союзу съ Англіей, нежели съ Франціей. Австрійскій посолъ замышлялъ противъ Бестужева, потому что Бестужевъ хотѣлъ, чтобы Россія держалась своего союзнаго договора съ Вѣнскимъ дворомъ и оказывала бы помощь Маріи-Терезіи, но не хотѣлъ, чтобъ она дѣйствовала въ качествѣ первой воюющей стороны противъ Прусскаго короля. Графъ Бестужевъ думалъ, какъ патріотъ, и имъ не легко было вертѣть, тогда какъ Михаилъ Воронцовъ и Иванъ Шуваловъ были до такой степени въ рукахъ у обоихъ пословъ, что за двѣ недѣли до того, какъ впалъ въ немилость великій канцлеръ графъ Бестужевъ, французскій посолъ маркизъ де-Лопиталь отправился къ вице-канцлеру графу Воронцову съ депешей въ рукѣ и сказалъ: «Графъ, вотъ депеша моего двора, которую я получилъ и въ которой сказано, что, если черезъ двѣ недѣли великій канцлеръ не будетъ отставленъ вами отъ должности, то я долженъ буду обратиться къ нему и вести дѣла только съ нимъ. Тогда вице-канцлеръ разгорѣлся и отправился къ Ивану Шувалову, и императрицѣ представили, что слава ея страдаетъ отъ вліянія графа Бестужева въ Европѣ. Она приказала собрать въ тотъ же вечеръ конфе-

ренцію и призвать туда великаго канцлера. Послѣдній велѣлъ сказать, что онъ боленъ; тогда назвали эту болѣзнь неповиновеніемъ и послали сказать, чтобы онъ пришелъ безъ промедленія. Онъ пришелъ и его арестовали въ полномъ собраніи конференціи, сложили съ него всѣ должности, лишили всѣхъ чиновъ и орденовъ, между тѣмъ какъ ни единая душа не могла обстоятельно изложить, за какія преступленія или злодѣянія такъ всего лишали первое лицо въ имперіи, и его отправили къ себѣ подъ домашній арестъ. Такъ какъ это было подготовлено, то вызвали отрядъ гвардейскихъ гренадеровъ, эти послѣдніе, идя вдоль Мойки, гдѣ у графовъ Александра и Петра Шуваловыхъ были свои дома, говорили: «Слава Богу, мы арестуемъ этихъ проклятыхъ Шуваловыхъ, которые только и дѣлаютъ, что выдумываютъ монополіи»; но, увидѣвъ, что дѣло идетъ о графѣ Бестужевѣ, солдаты выказали неудовольствіе по этому поводу, говоря: «Это не онъ, это другіе давятъ народъ». Хотя Бестужева арестовали въ самомъ дворцѣ, гдѣ мы занимали флигель, и не очень далеко отъ нашихъ покоевъ, въ этотъ вечеръ мы ничего не узнали: такъ заботились скрывать отъ насъ все, что дѣлалось. На слѣдующій день, въ воскресенье, одѣваясь, я получила отъ Льва Нарышкина записку, которую посылалъ мнѣ графъ Понятовскій этимъ путемъ, очень давно уже не внушавшимъ ничего, кромѣ подозрѣнія. Эта записка начиналась словами: «Человѣкъ никогда не остается безъ помощи; пользуюсь этимъ путемъ, чтобы предупредить васъ, что вчера вечеромъ графъ Бестужевъ былъ арестованъ и лишенъ чиновъ и должностей и съ нимъ вмѣстѣ арестованы вашъ ювелиръ Бернарди, Елагинъ и Ададуровъ». Я такъ и остолбенѣла, читая эти строки, и, прочтя ихъ, сказала себѣ, что нельзя обманывать себя тѣмъ, будто это дѣло не касается меня ближе, чѣмъ кажется. А чтобы понять это, нуженъ комментарій. Бернарди былъ итальянскій торговецъ золотыми вещами, который былъ неглупъ и которому его ремесло давало доступъ во всѣ дома. Думаю, что не было ни одного

дома, который не былъ бы ему чѣмъ-нибудь обязанъ, и которому онъ не оказалъ бы той или другой мелкой услуги. Такъ какъ онъ постоянно бывалъ вездѣ, то всѣ другъ для друга давали ему какія-нибудь порученія; словечко въ запискѣ, посланной черезъ Бернарди, достигало скорѣе и вѣрнѣе, нежели черезъ прислугу. Такимъ образомъ арестъ Бернарди интриговалъ цѣлый городъ, потому что онъ ото всѣхъ имѣлъ порученія, отъ меня такъ же, какъ и отъ другихъ. Елагинъ былъ тотъ прежній адъютантъ оберъ-егермейстера графа Разумовскаго, на котораго была возложена опека надъ Бекетовымъ; онъ остался преданнымъ дому Разумовскихъ, а черезъ нихъ и графу Бестужеву; онъ сталъ другомъ графа Понятовскаго. Это былъ человѣкъ надежный и честный; кто разъ пріобрѣталъ его любовь, тотъ не легко ее терялъ; онъ всегда изъявлялъ усердіе и замѣтное ко мнѣ предпочтеніе. Ададуровъ былъ прежде моимъ учителемъ русскаго языка и остался очень ко мнѣ привязаннымъ; это я рекомендовала его графу Бестужеву, который началъ выказывать ему довѣріе всего два или три года и который не любилъ его прежде, потому что онъ былъ раньше приверженъ къ генералъ-прокурору, князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, врагу Бестужева. Послѣ прочтенія этой записки и сдѣланныхъ мною размышленій, множество мыслей, однѣ непріятнѣе и грустнѣе другихъ, пришли мнѣ на умъ. Съ ножомъ въ сердцѣ, такъ сказать, я одѣлась и пошла къ обѣднѣ, гдѣ мнѣ показалось, что большая часть изъ тѣхъ, кого я видѣла, имѣли такую же вытянутую физіономію, какъ и я. Никто ни о чемъ не говорилъ со мною во весь день и какъ будто никто не зналъ о событіи; я тоже ни слова не говорила. Великій князь никогда не любилъ графа Бестужева; онъ мнѣ показался довольно веселымъ въ этотъ день, но держался хотя безъ принужденности, однако довольно далеко отъ меня. Вечеромъ надо было итти на свадьбу. Я снова одѣлась и присутствовала при вѣнчаніи графа Бутурлина и Льва Нарышкина, на ужинѣ и на балу. Во время бала я подошла къ маршалу свадьбы

князю Никитѣ Трубецкому и, подъ предлогомъ разсматриванія лентъ его маршальскаго жезла, я сказала ему вполголоса: «Что же это за чудеса? Нашли вы больше преступленій, чѣмъ преступниковъ, или у васъ больше преступниковъ, нежели преступленій?» На это онъ мнѣ сказалъ: «Мы сдѣлали то, что намъ велѣли, но что касается преступленій, то ихъ еще ищутъ. До сихъ поръ открытія неудачны». По окончаніи разговора съ нимъ я пошла поговорить съ фельдмаршаломъ Бутурлинымъ, который мнѣ сказалъ: «Бестужевъ арестованъ, но въ настоящее время мы ищемъ причину, почему это сдѣлано». Такъ говорили оба главныхъ слѣдователя, назначенныхъ императрицей, чтобы съ графомъ Александромъ Шуваловымъ производить допросъ арестованныхъ. Я увидала на этомъ балу издали Штамбке и нашла, что у него страдальческій и унылый видъ. Императрица не появилась ни на одной изъ этихъ свадьбъ, ни въ церкви, ни на банкетѣ. На слѣдующій день Штамбке пришелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ, что ему только что передали записку отъ графа Бестужева, который наказывалъ ему сказать мнѣ, чтобы я не имѣла никакихъ опасеній относительно того, что я знала, что онъ успѣлъ все бросить въ огонь и что онъ сообщитъ ему тѣмъ же путемъ о допросахъ, которые ему будутъ дѣлать. Я спросила у Штамбке, какой этотъ путь? Онъ мнѣ сказалъ, что трубачъ-охотникъ передалъ ему эту записку и было условлено, что впредь будутъ класть между кирпичами недалеко отъ дома графа Бестужева въ указанномъ мѣстѣ все, что захотятъ другъ другу сообщить. Я велѣла Штамбке очень остерегаться, чтобы эта опасная переписка не открылась, но, хотя онъ мнѣ казался самъ въ большой тревогѣ, тѣмъ не менѣе онъ и графъ Понятовскій продолжали переписку. Какъ только Штамбке вышелъ, я позвала Владиславову и велѣла ей пойти къ ея зятю Пуговишникову и передать ему записку, которую я ему написала. Въ этой запискѣ были только слова: «Вамъ нечего бояться, успѣли все сжечь». Это его успокоило, потому что, пови-

димому, со времени ареста великаго канцлера онъ долженъ былъ быть ни живъ ни мертвъ, и вотъ по какому поводу, и что такое было то, что графъ Бестужевъ успѣлъ сжечь Болѣзненное состояніе и частыя конвульсіи императрицы заставляли всѣхъ обращать взоры на будущее; графъ Бестужевъ и по своему мѣсту и по своимъ умственнымъ способностямъ не былъ, конечно, однимъ изъ тѣхъ, кто объ этомъ подумалъ послѣдній. Онъ зналъ антипатію, которую давно внушили великому князю противъ него; онъ былъ весьма свѣдущъ относительно слабыхъ способностей этого принца, рожденнаго наслѣдникомъ стольких коронъ. Естественно, этотъ государственный мужъ, какъ и всякій другой, возымѣлъ желаніе удержаться на своемъ мѣстѣ; уже нѣсколько лѣтъ онъ видѣлъ, что я освобождаюсь отъ тѣхъ предубѣжденій, которыя мнѣ противъ него внушили; къ тому же онъ смотрѣлъ на меня лично, какъ на единственнаго, можетъ быть, человѣка, на которомъ можно было въ то время основать надежды общества въ ту минуту, когда императрицы не станетъ. Это и подобныя размышленія заставили его составить планъ, по которому со смерти императрицы великій князь будетъ объявленъ императоромъ по праву, а въ то же время я буду объявлена его соучастницей въ управленіи, что всѣ должностныя лица останутся, а ему дадутъ званіе подполковника въ четырехъ гвардейскихъ полкахъ и предсѣдательство въ трехъ государственныхъ коллегіяхъ, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, военной и адмиралтейской. Отсюда видно, что его претензіи были чрезмѣрны. Проектъ этого манифеста онъ мнѣ прислалъ, написанный рукою Пуговишникова, черезъ графа Понятовскаго, съ которымъ я условилась отвѣтить ему устно, что я благодарю его за его добрыя насчетъ меня намѣренія, но что я смотрю на эту вещь, какъ на трудно исполнимую. Онъ заставилъ написать и переписать свой проектъ нѣсколько разъ, измѣнялъ его, пополнялъ, сокращалъ; казалось, онъ былъ имъ очень занятъ. По правдѣ говоря, я смотрѣла на его проектъ, какъ на пустую болтовню и на

удочку, которую этотъ старикъ мнѣ закидывалъ, чтобы пріобрѣсти себѣ все болѣе и болѣе мою привязанность; но на эту удочку я не клюнула, потому что я считала ее вредной для государства, которое терзалось бы отъ всякой домашней ссоры между мною и не любившимъ меня моимъ супругомъ. Но такъ какъ я не видѣла еще наличности самаго факта, то я не хотѣла противорѣчить старику съ характеромъ упрямымъ и цѣльнымъ, когда онъ вобьетъ себѣ что-нибудь въ голову. Этотъ-то свой проектъ онъ и успѣлъ сжечь, о чемъ онъ меня предупредилъ, чтобы успокоить тѣхъ, которые о немъ знали. Между тѣмъ мой камердинеръ Шкуринъ пришелъ мнѣ сказать, что капитанъ, который находится на караулѣ при графѣ Бестужевѣ, былъ всегда ему другомъ и каждое воскресенье, уходя съ караула при дворѣ, обѣдалъ у него; тогда я ему сказала, что если дѣла были таковы и онъ могъ на него разсчитывать, то пусть онъ постарается у него вывѣдать, пойдетъ ли онъ на какія-нибудь сношенія со своимъ арестантомъ. Это становилось тѣмъ болѣе необходимымъ, что графъ Бестужевъ сообщилъ Штамбке своимъ путемъ, что надо предупредить Бернарди, чтобы онъ говорилъ чистую правду на своемъ допросѣ и сообщилъ ему то, что у него будутъ спрашивать. Когда я увидѣла, что Шкуринъ берется охотно найти какое-нибудь средство, чтобы добраться до графа Бестужева, я ему сказала, чтобы онъ постарался также найти сообщеніе съ Бернарди, посмотрѣть, нельзя ли подкупить сержанта или какого-нибудь солдата, который караулилъ Бернарди въ его квартирѣ. Въ тотъ же день къ вечеру Шкуринъ сказалъ мнѣ, что Бернарди находится подъ стражей у нѣкоего сержанта гвардіи, по имени Колышкина, съ которымъ онъ на слѣдующій же день повидается; но что онъ посылалъ къ своему другу капитану, который былъ у графа Бестужева, чтобы спросить его, можетъ ли онъ его видѣть, и тотъ велѣлъ ему сказать, что, если онъ хочетъ съ нимъ говорить, пусть приходитъ къ нему, но что одинъ изъ его подчиненныхъ, котораго онъ также зналъ

и который былъ ему родственникомъ, велѣлъ ему сказать не ходить туда, потому что, если онъ туда придетъ, капитанъ велитъ его арестовать и тѣмъ выслужится на его счетъ, чѣмъ онъ хвастался съ глазу на глазъ. Поэтому Шкуринъ пересталъ посылать къ капитану, своему мнимому другу. Зато Колышкинъ, за котораго я приказала приняться отъ моего имени, сказалъ Бернарди все, что желали; да онъ и долженъ былъ говорить только одну правду, на что и тотъ и другой охотно пошли. Черезъ нѣсколько дней, однажды утромъ очень рано Штамбке пришелъ въ мою комнату очень блѣдный, разстроенный, и сказалъ мнѣ, что его переписка и переписка графа Понятовскаго съ графомъ Бестужевымъ была открыта; что маленькій трубачъ-охотникъ арестованъ и что по всему видно, что ихъ послѣднія письма имѣли несчастіе попасть въ руки караулившихъ графа Бестужева, что онъ самъ ожидаетъ ежеминутно быть по крайней мѣрѣ высланнымъ, если не арестованнымъ, и что онъ пришелъ ко мнѣ, чтобы мнѣ это сказать и проститься со мною. То, что онъ мнѣ сказалъ, не ободрило меня; я утѣшала его, какъ могла, и отправила, не подозрѣвая, что его визитъ ко мнѣ только увеличитъ, если это было возможно, всяческія неудовольствія противъ меня и что меня будутъ избѣгать, какъ лицо, можетъ быть, подозрительное для правительства. Однако я была глубоко убѣждена въ душѣ, что противъ правительства я ни въ чемъ не могла себя упрекать. Общество вообще, за исключеніемъ Михаила Воронцова и Ивана Шувалова и двухъ пословъ, вѣнскаго и версальскаго, и тѣхъ, которыхъ они могли въ чемъ угодно увѣрить, всѣ во всемъ Петербургѣ отъ мала до велика были убѣждены, что графъ Бестужевъ невиненъ, что надъ нимъ не тяготѣло ни злодѣяніе, ни преступленіе; знали, что на слѣдующій день послѣ вечера, когда онъ былъ арестованъ, въ комнатѣ Ивана Шувалова работали надъ манифестомъ; что Волковъ, который былъ прежде старшимъ чиновникомъ графа Бестужева и который убѣжалъ отъ него въ 1755 г., а потомъ, побродивъ по лѣсамъ, снова

далъ себя схватить, и который въ настоящую минуту былъ старшимъ секретаремъ конференціи, долженъ былъ написать этотъ актъ; его хотѣли напечатать, чтобы ознакомить общество съ причинами, которыя принудили императрицу поступить съ великимъ канцлеромъ графомъ Бестужевымъ такъ, какъ она сдѣлала. И вотъ это тайное совѣщаніе, ломая себѣ голову въ поискахъ за преступленіями, согласилось сказать, что Бестужевъ былъ такъ наказанъ за преступленіе въ оскорбленіи Величества и за то, что онъ, Бестужевъ, старался посѣять раздоръ между Ея Императорскимъ Величествомъ и Ихъ Императорскими Высочествами. Безъ разслѣдованія и суда хотѣли на слѣдующій же день его ареста отправить его въ одно изъ его имѣній, отнявъ у него всѣ остальныя его земли. Но нашлись такіе, которые сказали, что было уже слишкомъ ссылать кого-либо безъ вины и суда, и что по крайней мѣрѣ надо поискать преступленій въ надеждѣ ихъ найти; и что, найдутъ ли ихъ, или нѣтъ, но надо было подвергнуть арестанта, лишеннаго неизвѣстно за что его должностей, чиновъ и орденовъ, суду слѣдователей. А этими слѣдователями были, какъ я уже говорила, фельдмаршалъ Бутурлинъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, генералъ графъ Александръ Шуваловъ и Волковъ, въ качествѣ секретаря. Первое, что господа слѣдователи сдѣлали, это то, что предписали черезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ посламъ, посланникамъ и русскимъ чиновникамъ при иностранныхъ дворахъ прислать копіи депешъ, которыя имъ писалъ графъ Бестужевъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ во главѣ дѣлъ. Это было сдѣлано для того, чтобы найти преступленія въ его депешахъ. Говорили, что онъ писалъ только то, что хотѣлъ, и вещи, противорѣчащія приказаніямъ и волѣ императрицы. Но такъ какъ Ея Императорское Величество ничего не писала и не подписывала, то трудно было поступать противъ ея приказаній; что же касается устныхъ повелѣній, то Ея Императорское Величество совсѣмъ не была въ состояніи давать ихъ великому канцлеру, который годами не имѣлъ случая ея видѣть;

а устныя повелѣнія черезъ третье лицо, строго говоря, могли быть плохо поняты и подвергнуться тому, что ихъ такъ же плохо передадутъ, какъ плохо примутъ и поймутъ. Но изъ всего этого ничего не вышло, кромѣ приказа, о которомъ я упоминала, потому что, я думаю, что никто изъ чиновниковъ не далъ себѣ труда просмотрѣть свой архивъ за двадцать лѣтъ и переписать его, чтобы выискать преступленія того, инструкціямъ и указаніямъ коего эти самые чиновники слѣдовали и такимъ образомъ могли оказаться замѣшанными, при всемъ ихъ усердіи, въ томъ, что могли бы найти въ нихъ предосудительнаго. Кромѣ того, одна пересылка такихъ архивовъ должна была ввести казну въ значительные расходы и по прибытіи ихъ въ Петербургъ было бы, чѣмъ истощить терпѣніе, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, многихъ лицъ, чтобы найти и откопать въ нихъ то, чего въ нихъ, можетъ быть, вовсе и не было. Отправленный приказъ никогда не былъ исполненъ. Само дѣло надоѣло и его кончили черезъ годъ манифестомъ, который начали сочинять на слѣдующій день послѣ того, какъ великій канцлеръ былъ арестованъ. Послѣ обѣда въ тотъ день, когда Штамбке приходилъ ко мнѣ, императрица велѣла сказать великому князю, чтобы онъ отослалъ Штамбке въ Голштинію, потому что открыты его сношенія съ графомъ Бестужевымъ и что онъ заслуживалъ бы быть арестованнымъ, но что изъ уваженія къ Его Императорскому Высочеству его, какъ министра, оставляли на свободѣ, съ условіемъ, чтобы онъ тотчасъ же былъ высланъ. Штамбке былъ немедленно отправленъ, и съ его отъѣздомъ кончилось мое руководство голштинскими дѣлами. Дали понять великому князю, что императрицѣ было неугодно, чтобы я въ нихъ вмѣшивалась, а Его Императорское Высочество былъ и самъ къ тому довольно склоненъ. Я не помню хорошо, кого онъ взялъ тогда на мѣсто Штамбке, но думаю, что это былъ нѣкій Вольфъ. Министерство императрицы потребовало въ это время формально у Польскаго короля отозванія графа Понятовскаго, записка котораго къ

графу Бестужеву была найдена; записка, правда, очень невинная, но все-таки адресованная къ мнимому государственному преступнику. Какъ только я узнала о высылкѣ Штамбке и объ отозваніи графа Понятовскаго, я уже не ждала ничего хорошаго и вотъ что я сдѣлала. Я позвала моего камердинера Шкурина и велѣла ему собрать всѣ мои счетоводныя книги и все, что могло вообще имѣть видъ какой-нибудь бумаги между моими вещами, и принести ихъ мнѣ. Онъ исполнилъ мое приказаніе съ усердіемъ и въ точности. Когда все было въ моей комнатѣ, я его отослала. Когда онъ вышелъ, я бросила всѣ книги и бумаги въ огонь и, увидавъ ихъ на половину сгорѣвшими, я позвала снова Шкурина и сказала ему: «Смотрите, будьте свидѣтелемъ, что всѣ мои счета и бумаги сожжены, для того, чтобы, если васъ когда-нибудь спросятъ, гдѣ они, вы могли бы поклясться, что вы видѣли, какъ я тутъ сама ихъ жгла». Онъ поблагодарилъ меня за заботу о немъ и сказалъ мнѣ, что произошла очень странная перемѣна въ караулѣ при арестантахъ. Со времени открытія переписки Штамбке съ графомъ Бестужевымъ заставляли строже караулить этого послѣдняго и для этого взяли отъ Бернарди сержанта Колышкина и помѣстили его въ комнатѣ и при особѣ бывшаго великаго канцлера. Когда Колышкинъ увидалъ это, онъ попросилъ, чтобы дали ему часть вѣрныхъ ему солдатъ, которыхъ онъ имѣлъ, когда былъ на караулѣ при Бернарди. Итакъ, человѣкъ самый надежный и умный, какого мы со Шкуринымъ имѣли, оказался введеннымъ въ комнату графа Бестужева и не потерявшимъ тоже всякаго сообщенія съ Бернарди. Тѣмъ временемъ, допросы графа Бестужева шли своимъ путемъ; Колышкинъ открылся Бестужеву, какъ человѣкъ вполнѣ мнѣ преданный, и дѣйствительно онъ оказалъ ему тысячу услугъ. Онъ былъ такъ же, какъ и я, глубоко убѣжденъ, что великій канцлеръ не виновенъ и былъ жертвой сильной интриги; общество было убѣждено въ томъ же. Великаго князя, какъ я видѣла, напугали и внушили ему

подозрѣнія, что мнѣ будто бы была небезызвѣстна переписка Штамбке съ государственнымъ узникомъ. Я видѣла, что Его Императорское Высочество не смѣетъ почти со мною разговаривать и избѣгаетъ заходить въ мою комнату, гдѣ я на этотъ разъ была одна-одинешенька, не видя ни души; я сама избѣгала звать къ себѣ кого-нибудь, изъ страха подвергнуть ихъ какому-нибудь несчастью или непріятности; при дворѣ, изъ боязни, чтобы не стали меня избѣгать, я воздерживалась подходить ко всѣмъ тѣмъ, отъ кого, по моему предположенію, я могла бы ожидать, что это станется. Въ послѣдніе дни масленой должна была быть русская комедія въ придворномъ театрѣ; графъ Понятовскій велѣлъ меня просить прійти, потому что начинали распускать слухъ о томъ, что собираются меня отослать, мѣшать мнѣ появляться, и почемъ я знаю, что еще, и что каждый разъ, какъ я не появлялась на спектаклѣ или при дворѣ, всѣ были заняты тѣмъ, чтобы узнать тому причину, можетъ быть, столько же изъ любопытства, сколько и изъ участія, которое во мнѣ принимали. Я знала, что русская комедія одна изъ вещей, которыя Его Императорское Высочество всего меньше любилъ, и что уже одинъ разговоръ о томъ, чтобы туда итти, ему очень не нравился; но на этотъ разъ великій князь присоединялъ къ своему отвращенію къ національной комедіи другой мотивъ и маленькій личный интересъ: а именно, онъ еще не видался съ графиней Елисаветой Воронцовой у себя, но такъ какъ она находилась въ передней съ другими фрейлинами, то тамъ Его Императорское Высочество и велъ разговоры съ ней или игралъ съ ней въ карты. Если я отправлялась въ комедію, то дѣвицы эти были принуждены слѣдовать туда за мною, что разстраивало Его Императорское Высочество, которому не оставалось бы другого средства, какъ пойти напиться къ себѣ въ покои. Не принимая во вниманіе этихъ обстоятельствъ, такъ какъ я дала слово ѣхать въ этотъ день въ комедію, я велѣла сказать графу Александру Шувалову

распорядиться насчетъ моихъ каретъ, ибо я намѣревалась ѣхать въ этотъ день въ комедію. Графъ Шуваловъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что мое намѣреніе ѣхать въ русскую комедію не доставляетъ удовольствія великому князю. Я ему отвѣтила, что, такъ какъ я не составляю общества Его Императорскаго Высочества, то я думаю, что ему должно быть безразлично, буду ли я одна въ моей комнатѣ, или въ моей ложѣ на спектаклѣ. Онъ ушелъ, помаргивая глазомъ, какъ всегда дѣлалъ, когда былъ чѣмъ-нибудь взволнованъ. Нѣсколько времени спустя великій князь пришелъ въ мою комнату; онъ былъ въ ужасномъ гнѣвѣ, кричалъ, какъ орелъ, говоря, что я нахожу удовольствіе въ томъ, чтобы нарочно бѣсить его, что я вздумала ѣхать въ комедію, потому что знала, что онъ не любитъ этихъ спектаклей; я возразила ему, что онъ напрасно ихъ не любитъ; онъ мнѣ сказалъ, что запретитъ подать мнѣ мою карету; я ему отвѣтила, что пойду пѣшкомъ, и что я не могу взять въ толкъ, какое онъ находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы заставлять меня умирать со скуки одну въ моей комнатѣ, гдѣ у меня только и общества, что моя собака да мой попугай. Послѣ того, какъ мы долго проспорили и оба крупно поговорили, онъ ушелъ болѣе разсерженный, чѣмъ когда-либо, а я продолжала упорствовать въ своемъ намѣреніи итти въ комедію. Къ часу спектакля я послала спросить у графа Шувалова, готовы ли кареты; онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что великій князь запретилъ подавать мнѣ карету; тогда я окончательно разсердилась и сказала, что пойду пѣшкомъ и что если дамамъ и кавалерамъ запретятъ сопровождать меня, то пойду совсѣмъ одна, и что, кромѣ того, на письмѣ пожалуюсь императрицѣ и на великаго князя, и на него. Онъ мнѣ сказалъ: «А что вы ей скажете?» «Я ей передамъ», возразила я: «какъ со мною обходятся, а что вы, для того, чтобы доставить великому князю свиданіе съ моими фрейлинами, поощряете его въ намѣреніи помѣшать мнѣ ѣхать на спектакль, гдѣ я могу

имѣть счастіе видѣть Ея Императорское Величество; кромѣ того, я ее попрошу отослать меня къ моей матери, потому что мнѣ свыше силъ наскучила роль, которую я играю; одна, брошенная въ своей комнатѣ, ненавидимая великимъ княземъ и не любимая императрицей, я желаю только отдыха и никому не хочу быть въ тягость и дѣлать несчастными тѣхъ, кто мнѣ близокъ, а въ особенности моихъ бѣдныхъ слугъ, изъ которыхъ уже столько было сослано, потому что я имъ желала добра или дѣлала добро; знайте же, что я сейчасъ же напишу императрицѣ и посмотрю, какъ вы сами не снесете этого письма императрицѣ». Мой Шуваловъ испугался взятаго мною рѣшительнаго тона; онъ вышелъ, а я сѣла писать свое письмо императрицѣ по-русски и сдѣлала его насколько могла болѣе трогательнымъ. Я начала съ того, что благодарила ее за всѣ милости и благодѣянія, какими она меня осыпала съ моего пріѣзда въ Россію, говоря, что, къ несчастію, событія доказали, что я ихъ не заслужила, потому что только навлекла на себя ненависть великаго князя и явную немилость Ея Императорскаго Величества; что, видя свое несчастіе и то, что я сохну со скуки въ моей комнатѣ, гдѣ меня лишаютъ даже самаго невиннаго времяпрепровожденія, я ее убѣдительно прошу положить конецъ моимъ несчастіямъ, отославъ меня къ моимъ роднымъ такимъ способомъ, какой она найдетъ подходящимъ, что такъ какъ я не вижу своихъ дѣтей, хотя и живу съ ними въ одномъ домѣ, то для меня становится безразличнымъ, быть ли въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и они, или въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ нихъ; что я знаю, что она окружаетъ ихъ заботами, которыя превосходятъ тѣ, какія мои слабыя способности позволили бы мнѣ имъ оказывать, что я осмѣливаюсь просить ее продолжать ихъ и что въ этомъ упованіи я проведу остатокъ дней у моихъ родныхъ, молясь Богу за нее, за великаго князя, за дѣтей и за всѣхъ тѣхъ, кто мнѣ сдѣлалъ добро или зло, но что мое здоровье доведено горемъ до такого состоянія, что я долж-

на сдѣлать все возможное, чтобы по крайней мѣрѣ спасти свою жизнь, и что для этого я обращаюсь къ ней съ просьбой позволить мнѣ поѣхать на воды, а оттуда къ моимъ роднымъ. Написавъ это письмо, я велѣла позвать графа Шувалова, который, входя, сказалъ мнѣ, что требуемыя мною кареты готовы; я ему сказала, вручая ему мое письмо императрицѣ, что онъ можетъ передать дамамъ и кавалерамъ, которые не желали бы ѣхать со мною въ комедію, что я ихъ освобождаю отъ обязанности сопровождать меня. Графъ Шуваловъ, помаргивая глазомъ, принялъ мое письмо; но такъ какъ оно было адресовано императрицѣ, онъ былъ вынужденъ его взять. Онъ также передалъ мои слова фрейлинамъ и кавалерамъ, и Его Императорское Высочество самъ рѣшилъ, кому ѣхать со мной и кому остаться съ нимъ. Я прошла черезъ переднюю, гдѣ нашла Его Императорское Высочество, усѣвшагося въ уголкѣ съ графиней Елисаветой Воронцовой и занятаго игрою въ карты съ ней. Онъ всталъ и она также, когда меня увидѣлъ, чего онъ обыкновенно никогда не дѣлалъ; на эту церемонію я отвѣтила очень глубокимъ реверансомъ и прошла своею дорогой. Я отправилась въ комедію, куда императрица не пріѣхала въ этотъ день; думаю, что ей помѣшало мое письмо. По возвращеніи съ комедіи графъ Шуваловъ сказалъ мнѣ, что Ея Императорское Величество велѣла передать мнѣ, что сама поговоритъ со мною. Повидимому, графъ Шуваловъ доложилъ и о моемъ письмѣ, и объ отвѣтѣ императрицы великому князю, потому что, хотя онъ съ того дня больше ни ногой не ступилъ въ мою комнату, однако онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы присутствовать при объясненіи, которое императрица должна была имѣть со мною, и не сочли возможнымъ отказать ему въ этомъ. Пока это происходило, я спокойно сидѣла въ своихъ комнатахъ. Я была глубоко убѣждена, что если и имѣли намѣреніе отослать меня или желаніе меня этимъ запугать, то только что сдѣланный мною шагъ совершенно разстраивалъ этотъ

проектъ Шуваловыхъ, который, впрочемъ, долженъ былъ встрѣтить всего больше сопротивленія въ умѣ самой императрицы, вовсе не склонной къ такого рода крайнимъ мѣрамъ; кромѣ того, она еще помнила о старинныхъ раздорахъ въ своей семьѣ и, конечно, не желала бы видѣть повтореніе ихъ въ ея время; противъ меня могъ быть только одинъ пунктъ, заключавшійся въ томъ, что ея племянничекъ не казался мнѣ достойнѣйшимъ любви среди мужчинъ точно такъ же, какъ и я не казалась ему достойнѣйшей любви среди женщинъ. Насчетъ своего племянника императрица была совершенно того же мнѣнія, что и я; она такъ хорошо его знала, что уже много лѣтъ не могла пробыть съ нимъ нигдѣ и четверти часа, чтобы не почувствовать отвращенія, гнѣва или огорченія, и когда дѣло его касалось, она въ своей комнатѣ не иначе говорила о немъ, какъ заливаясь горькими слезами надъ несчастіемъ имѣть такого наслѣдника, или же проявляя свое къ нему презрѣніе и часто называя его именами, которыхъ онъ болѣе чѣмъ заслуживалъ. Доказательства этому были у меня въ рукахъ, такъ какъ я нашла между ея бумагами двѣ собственноручныя записки императрицы, не знаю, къ кому именно, но изъ которыхъ одна, повидимому, адресована была Ивану Шувалову, а другая графу Разумовскому, гдѣ она проклинала своего племянника и посылала его къ чорту. Въ одной изъ нихъ было такое выраженіе: «Проклятой мой племеникъ сегодня такъ мнѣ досадилъ, какъ нельзя болѣе»; а въ другой она говорила: «племенникъ мой уродъ, чертъ ево возьми». Впрочемъ, рѣшеніе мое было принято, и я смотрѣла на мою высылку или невысылку очень философски; я нашлась бы въ любомъ положеніи, въ которое Провидѣнію угодно было бы меня поставить, и тогда не была бы лишена помощи, которую даютъ умъ и талантъ каждому по мѣрѣ его природныхъ способностей; я чувствовала въ себѣ мужество подыматься и спускаться, но такъ, чтобы мое сердце и душа при этомъ не превозносились и не возгордились, или, въ об-

ратномъ направленіи, не испытали ни паденія, ни униженія. Я знала, что я человѣкъ и тѣмъ самымъ существо ограниченное и неспособное къ совершенству; мои намѣренія были всегда честны и чисты; если я съ самаго начала поняла, что любить мужа, который не былъ достоинъ любви и вовсе не старался ее заслужить, вещь трудная, если не невозможная, то по крайней мѣрѣ я оказала ему и его интересамъ самую искреннюю привязанность, какую другъ и даже слуга можетъ оказать своему другу или господину; мои совѣты были всегда самыми лучшими, какіе я могла придумать для его блага; если онъ имъ не слѣдовалъ, не я была въ томъ виновата, а его собственный разсудокъ, который не былъ ни здравъ, ни трезвъ. Когда я пріѣхала въ Россію и затѣмъ въ первые годы нашей брачной жизни, сердце мое было бы открыто великому князю: стоило лишь ему пожелать хоть немного сносно обращаться со мною; вполнѣ естественно, что когда я увидѣла, что изъ всѣхъ возможныхъ предметовъ его вниманія я была тѣмъ, которому Его Императорское Высочество оказывалъ его меньше всего, именно потому, что я была его женой, я не нашла этого положенія ни пріятнымъ, ни по вкусу, и оно мнѣ надоѣдало и, можетъ быть, огорчало меня. Это послѣднее чувство, чувство горя, я подавляла въ себѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ остальныя; природная гордость моей души и ея закалъ дѣлали для меня невыносимой мысль, что я могу быть несчастна. Я говорила себѣ: «Счастіе и несчастіе— въ сердцѣ и въ душѣ каждаго человѣка. Если ты переживаешь несчастіе, становись выше его и сдѣлай такъ, чтобы твое счастіе не зависѣло ни отъ какого событія». Съ такимъ-то душевнымъ складомъ я родилась, будучи при этомъ одарена очень большой чувствительностью и внѣшностью по меньшей мѣрѣ очень интересною, которая безъ помощи искусственныхъ средствъ и прикрасъ нравилась съ перваго же взгляда; умъ мой по природѣ былъ настолько примирительнаго свойства, что никогда никто не

могъ пробыть со мною и четверти часа, чтобы не почувствовать себя въ разговорѣ непринужденнымъ и не бесѣдовать со мною такъ, какъ будто онъ уже давно со мною знакомъ. По природѣ снисходительная, я безъ труда привлекала къ себѣ довѣріе всѣхъ, имѣвшихъ со мною дѣло, потому что всякій чувствовалъ, что побужденіями, которымъ я охотнѣе всего слѣдовала, были самая строгая честность и добрая воля. Я осмѣлюсь утверждать относительно себя, если только мнѣ будетъ позволено употребить это выраженіе, что я была честнымъ и благороднымъ рыцаремъ, съ умомъ несравненно болѣе мужскимъ, нежели женскимъ; но въ то же время, внѣшнимъ образомъ, я ничѣмъ не походила на мужчину; въ соединеніи съ мужскимъ умомъ и характеромъ во мнѣ находили всѣ пріятныя качества женщины, достойной любви; да простятъ мнѣ это выраженіе, во имя искренности признанія, къ которому побуждаетъ меня мое самолюбіе, не прикрываясь ложной скромностью. Впрочемъ, это сочиненіе должно само по себѣ доказать то, что я говорю о своемъ умѣ, сердцѣ и характерѣ. Я только что сказала о томъ, что я нравилась, слѣдовательно, половина пути къ искушенію была уже налицо, и въ подобномъ случаѣ отъ сущности человѣческой природы зависитъ, чтобы не было недостатка и въ другой [половинѣ], ибо искушать и быть искушаемымъ очень близко одно къ другому, и, несмотря на самыя лучшія правила морали, запечатлѣнныя въ головѣ, когда въ нихъ вмѣшивается чувствительность, какъ только она проявится, оказываешься уже безконечно дальше, чѣмъ думаешь, и я еще до сихъ поръ не знаю, какъ можно помѣшать этому случиться. Возвращаюсь къ моему разсказу. На слѣдующій день послѣ этой комедіи я сказалась больной и не вышла, спокойно ожидая рѣшенія Ея Императорскаго Величества на свою смиренную просьбу. Только на первой недѣлѣ поста я нашла нужнымъ говѣть, для того, чтобы видѣли мою приверженность къ православной вѣрѣ. На второй или на третьей

недѣлѣ меня постигло новое жгучее горе. Вставъ однажды утромъ, я была предупреждена моими людьми, что графъ Александръ Шуваловъ велѣлъ позвать Владиславову. Это мнѣ показалось довольно страннымъ; я съ безпокойствомъ ждала, когда она вернется, но напрасно. Около часу дня графъ Александръ Шуваловъ пришелъ мнѣ сказать, что императрица нашла нужнымъ удалить ее отъ меня; я залилась слезами и отвѣтила ему, что, конечно, Ея Императорское Величество вольна брать отъ меня и назначать ко мнѣ, кого ей угодно, но что мнѣ тяжело все болѣе и болѣе убѣждаться въ томъ, что всѣ близкіе мнѣ люди становятся жертвами немилости Ея Императорскаго Величества и, чтобы было меньше несчастныхъ, я молю его и заклинаю упросить Ея Императорское Величество, отославъ меня къ моимъ роднымъ, покончить поскорѣе съ положеніемъ, до котораго я доведена и въ которомъ дѣлаю только несчастныхъ. Я, кромѣ того, увѣряла его, что Владиславова ни въ коемъ случаѣ не пригодна къ тому, чтобы дать какое-либо разъясненіе въ чемъ бы то ни было, потому что ни она, ни кто-либо другой не пользуется моимъ полнымъ довѣріемъ. Графъ Шуваловъ хотѣлъ говорить, но, видя мои рыданія, онъ самъ принялся плакать вмѣстѣ со мною и сказалъ мнѣ, что императрица сама поговоритъ со мною объ этомъ; я просила его ускорить эту минуту, что онъ мнѣ и обѣщалъ. Тогда я пошла разсказать моимъ людямъ, что случилось, и сказала имъ, что если ко мнѣ приставятъ на мѣсто Владиславовой какую-нибудь дуэнью, которая мнѣ не понравится, то пусть она приготовится къ самому дурному обращенію съ моей стороны, какое можно только себѣ представить, включая и побои, и просила ихъ передать это кому вздумается, чтобы отбить у всѣхъ тѣхъ, кого захотятъ назначить ко мнѣ, охоту и готовность принять это мѣсто, такъ какъ я устала страдать и вижу, что моя кротость и терпѣніе ни къ чему не ведутъ, а только все болѣе и болѣе вредятъ всему, что меня касается; вслѣдствіе этого я намѣрена совершенно

перемѣнить свое поведеніе. Мои люди не преминули пересказать то, что я хотѣла; вечеромъ того дня, въ который я много плакала и очень мало ѣла, когда я ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, достаточно взволнованная и тѣломъ и душой, я увидѣла, что въ мою комнату, гдѣ я, какъ всегда, была въ полномъ одиночествѣ, вошла одна изъ моихъ камеръ-юнгферъ, Екатерина Ивановна Шарогородская. Она плача и съ большимъ чувствомъ сказала мнѣ: «Мы всѣ боимся, какъ бы вы не изнемогли отъ того состоянія, въ какомъ мы васъ видимъ; позвольте мнѣ пойти сегодня къ моему дядѣ, духовнику императрицы и вашему; я съ нимъ поговорю, передамъ ему все, что вы мнѣ прикажете, и обѣщаю вамъ, что онъ сумѣетъ такъ поговорить съ императрицей, что вы этимъ будете довольны». Видя ея доброе расположеніе, я ей разсказала по всей правдѣ о положеніи вещей, о томъ, что я написала императрицѣ, и обо всемъ остальномъ. Она пошла къ своему дядѣ и, поговоривъ съ нимъ и расположивъ его въ мою пользу, вернулась около 11 часовъ сказать мнѣ, что ея дядя, духовникъ, совѣтуетъ мнѣ сказаться больной въ эту ночь и просить, чтобы меня исповѣдали, а для этого велѣть позвать его, дабы онъ могъ передать императрицѣ все, что онъ услышитъ изъ собственныхъ моихъ устъ. Я вполнѣ одобрила эту мысль, обѣщала привести ее въ исполненіе и отослала ее, благодаря ее и ея дядю за привязанность, которую они мнѣ выказали. Буквально [выполняя этотъ планъ], я между двумя и тремя часами утра позвонила; одна изъ моихъ женщинъ вошла; я ей сказала, что я такъ плохо себя чувствую, что хочу исповѣдываться. Вмѣсто духовника прибѣжалъ ко мнѣ графъ Александръ Шуваловъ, которому я слабымъ и прерывающимся голосомъ повторила свою просьбу позвать моего духовника. Онъ послалъ за докторами; имъ я сказала, что мнѣ нужна духовная помощь, что я задыхаюсь; одинъ пощупалъ мнѣ пульсъ и сказалъ, что онъ слабъ; я говорила, что душа моя въ опасности, а что моему тѣлу врачи больше не нужны. Наконецъ ду-

ховникъ пришелъ и насъ оставили однихъ. Я усадила его рядомъ со своею постелью, и мы по крайней мѣрѣ полтора часа проговорили съ нимъ. Я ему подробно разсказала о прошедшемъ и настоящемъ положеніи вещей, о поведеніи великаго князя по отношенію ко мнѣ и о моемъ—по отношенію къ Его Императорскому Высочеству, о ненависти Шуваловыхъ, и какъ они навлекаютъ на меня немилость Ея Императорскаго Величества, наконецъ о постоянныхъ ссылкахъ или увольненіяхъ нѣсколькихъ моихъ людей, и въ особенности тѣхъ, которые больше всего ко мнѣ привязывались, и о положеніи вещей въ настоящее время вслѣдствіе всего происшедшаго, положеніи, заставившемъ меня написать императрицѣ письмо съ просьбою отослать меня. Я его просила доставить мнѣ скорѣй отвѣтъ на мою просьбу. Я нашла его исполненнымъ доброжелательства по отношенію ко мнѣ и менѣе глупымъ, чѣмъ о немъ говорили. Онъ сказалъ мнѣ, что мое письмо производитъ и произведетъ желанное впечатлѣніе, что я должна настаивать на томъ, чтобъ меня отослали, и что навѣрное меня не отошлютъ, потому что нечѣмъ будетъ оправдать эту отсылку въ глазахъ общества, вниманіе котораго обращено на меня. Онъ согласился, что со мной поступаютъ жестоко, и что императрица, избравъ меня въ очень нѣжномъ возрастѣ, оставила меня на произволъ моихъ враговъ, и что она гораздо лучше сдѣлала бы, если бъ прогнала моихъ соперницъ, а особенно Елисавету Воронцову, и сдерживала своихъ фаворитовъ, ставшихъ піявками народа при помощи всѣхъ монополій, которыя г.г. Шуваловы изобрѣтаютъ каждый день и которыя, кромѣ того, заставляютъ всѣхъ громко роптать на несправедливость; доказательство тому—дѣло графа Бестужева, въ невинности котораго все общество убѣждено. Онъ закончилъ эту бесѣду, сказавъ, что сейчасъ же отправится къ императрицѣ, будетъ дожидаться ея пробужденія, чтобы съ нею поговорить и ускорить разговоръ, который она мнѣ обѣщала и который долженъ имѣть рѣшающее значеніе, и что я хорошо сдѣ-

лаю, если останусь въ постели; онъ обѣщалъ сказать [императрицѣ], что горе и страданіе могутъ меня убить, если не прибѣгнутъ къ немедленнымъ средствамъ помощи и не выведутъ меня такъ или иначе изъ состоянія полнаго одиночества и заброшенности, въ которомъ я нахожусь. Онъ сдержалъ слово и представилъ императрицѣ мое состояніе въ такихъ убѣдительныхъ и сильныхъ краскахъ, что Ея Императорское Величество позвала графа Александра Шувалова и приказала ему узнать, буду ли я въ состояніи придти поговорить съ ней въ слѣдующую ночь. Графъ Шуваловъ пришелъ мнѣ это передать; я сказала ему, что въ виду этого соберу весь остатокъ моихъ силъ. Когда я къ вечеру вставала съ постели, Александръ Шуваловъ пришелъ мнѣ сказать, что послѣ полуночи онъ придетъ за мною, чтобы сопровождать меня въ покои императрицы. Духовникъ черезъ свою племянницу также велѣлъ мнѣ передать, что дѣла принимаютъ довольно хорошій оборотъ и что императрица будетъ говорить со мною въ тотъ же вечеръ. Итакъ, я одѣлась къ десяти часамъ вечера, легла совсѣмъ одѣтая на канапе и заснула. Около половины второго ночи графъ Александръ Шуваловъ вошелъ въ мою комнату и сказалъ мнѣ, что императрица требуетъ меня къ себѣ. Я встала и пошла за нимъ: мы прошли черезъ переднія, гдѣ никого не было. Подходя къ двери въ галлерею, я увидѣла, что великій князь прошелъ въ противоположную дверь, направляясь, какъ и я, къ Ея Императорскому Величеству. Со дня комедіи я его не видѣла, даже когда я сказалась больной съ опасностью жизни, онъ не пришелъ ко мнѣ и не прислалъ спросить, какъ я себя чувствую. Я послѣ того узнала, что въ этотъ самый день онъ обѣщалъ Елисаветѣ Воронцовой жениться на ней, если я умру, и что оба очень радовались моему состоянію. Наконецъ, дойдя до покоевъ Ея Императорскаго Величества, гдѣ застала великаго князя, какъ только я увидѣла императрицу, я бросилась передъ ней на колѣни и стала со слезами и очень на-

стойчиво просить ее отослать меня къ моимъ роднымъ. Императрица захотѣла поднять меня, но я оставалась у ея ногъ. Она показалась мнѣ болѣе печальной, нежели гнѣвной, и сказала мнѣ со слезами на глазахъ: «Какъ, вы хотите, чтобы я васъ отослала? Не забудьте, что у васъ есть дѣти». Я ей отвѣтила: «Мои дѣти въ вашихъ рукахъ и лучше этого ничего для нихъ не можетъ быть; я надѣюсь, что вы ихъ не покинете». Тогда она мнѣ возразила: «Но какъ объяснить обществу причину этой отсылки?» Я отвѣтила: «Ваше Императорское Величество скажете, если найдете нужнымъ, о причинахъ, по которымъ я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя». Императрица мнѣ сказала: «Чѣмъ же вы будете жить у вашихъ родныхъ»? Я отвѣтила: «Тѣмъ, чѣмъ жила прежде, до того, какъ вы удостоили взять меня». Она мнѣ на это возразила: «Ваша мать находится въ бѣгахъ, она была вынуждена покинуть свою родину и уѣхала въ Парижъ». На это я сказала: «Я это знаю, ее считаютъ слишкомъ преданной интересамъ Россіи, и король Прусскій сталъ ее преслѣдовать». Императрица вторично велѣла мнѣ встать, что я и сдѣлала, и немного отошла отъ меня въ задумчивости. Комната, въ которой мы находились, была длинная и имѣла три окна, между которыми стояли два стола съ золотыми туалетными принадлежностями императрицы, въ комнатѣ были только она, великій князь, Александръ Шуваловъ и я; противъ оконъ стояли широкія ширмы, передъ которыми поставили канапе. Я заподозрѣла сначала, что за этими ширмами находится навѣрное Иванъ Шуваловъ, а можетъ быть также и графъ Петръ Шуваловъ, его двоюродный братъ; я узнала впослѣдствіи, что я отчасти отгадала вѣрно и что Иванъ Шуваловъ тамъ находился. Я стала около туалетнаго стола, ближайшаго къ двери, черезъ которую я вошла, и замѣтила, что въ золотомъ тазу на туалетѣ лежали сложенныя письма. Императрица снова подошла ко мнѣ и сказала: «Богъ мнѣ свидѣтель, какъ я плакала, когда

при вашемъ пріѣздѣ въ Россію вы были при смерти больны, и если бы я васъ не любила, я васъ не удержала бы здѣсь». Эти слова означали, по-моему, извиненіе за то, что я сказала, что подверглась ея немилости. Я на это отвѣтила, благодаря Ея Императорское Величество за всѣ милости и доброту, которыя она мнѣ выказала и тогда и теперь, говоря, что воспоминаніе о нихъ никогда не изгладится изъ моей памяти и что я всегда буду смотрѣть, какъ на величайшее несчастье, на то, что подверглась ея немилости. Тогда она подошла ко мнѣ еще ближе и сказала мнѣ: «Вы чрезвычайно горды. Вспомните, что въ Лѣтнемъ дворцѣ я подошла къ вамъ однажды и спросила васъ, не болитъ ли у васъ шея, потому что я увидѣла, что вы мнѣ едва кланяетесь и что вы изъ гордости поклонились мнѣ только кивкомъ головы». Я ей сказала: «Боже мой, Ваше Императорское Величество, какъ вы можете думать, что я хотѣла выказать гордость передъ вами? Клянусь вамъ, что мнѣ никогда въ голову не приходило, что этотъ вопросъ, сдѣланный вами четыре года тому назадъ, могъ относиться къ чему-либо подобному». На это она сказала: «Вы воображаете, что никого нѣтъ умнѣе васъ». Я ей отвѣтила: «Если бы я имѣла эту увѣренность, ничто больше не могло бы меня въ этомъ разувѣрить, какъ мое настоящее положеніе и даже этотъ самый разговоръ, потому что я вижу, что я по глупости до сихъ поръ не поняла того, что вамъ угодно было мнѣ сказать четыре года тому назадъ». Великій князь между тѣмъ, какъ императрица разговаривала со мной, шептался съ графомъ Александромъ Шуваловымъ. Она это замѣтила и пошла къ нимъ; они оба стояли почти посреди комнаты. Я не слишкомъ хорошо слышала, что говорилось между ними; они не очень громко говорили, а комната была большая; подъ конецъ я услышала, какъ великій князь сказалъ, возвышая голосъ: «Она ужасно злая и очень упрямая». Тогда я увидала, что дѣло шло обо мнѣ, и, обращаясь къ великому князю, сказала ему: «Если вы

обо мнѣ говорите, то я очень рада сказать вамъ въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, что дѣйствительно я зла на тѣхъ, кто вамъ совѣтуетъ дѣлать мнѣ несправедливости, и что я стала упрямой съ тѣхъ поръ, какъ вижу, что мои угожденія ни къ чему другому не ведутъ, какъ къ вашей ненависти». Онъ сталъ говорить императрицѣ: «Ваше Императорское Величество видите сами, какая она злая, по тому, что она говоритъ». Но на императрицу, которая была гораздо умнѣе великаго князя, мои слова произвели другое впечатлѣніе. Я ясно видѣла, что по мѣрѣ того, какъ разговоръ подвигается, хотя ей и присовѣтовали или она сама приняла рѣшеніе выказывать мнѣ строгость, ея настроеніе смягчалось постепенно, помимо ея и помимо ея рѣшеній. Она обратилась, однако, къ нему и сказала: «О, вы не знаете всего, что она мнѣ сказала о вашихъ совѣтчикахъ и противъ Брокдорфа по поводу человѣка, котораго вы велѣли арестовать». Это должно было показаться великому князю форменной измѣной съ моей стороны; онъ не зналъ ни слова о моемъ разговорѣ съ императрицей въ Лѣтнемъ дворцѣ и увидѣлъ, что его Брокдорфъ, который сталъ ему такъ милъ и дорогъ, обвиненъ въ глазахъ императрицы, да еще мною: это значило больше, чѣмъ когда-либо, насъ поссорить и, можетъ быть, сдѣлать насъ непримиримыми и лишить меня навсегда довѣрія великаго князя. Я почти остолбенѣла, услыша, какъ императрица разсказываетъ въ моемъ присутствіи то, что я ей сказала и думала сказать для блага ея племянника, и какъ она обращаетъ это въ смертоносное оружіе противъ меня. Великій князь, очень удивленный этимъ сообщеніемъ, сказалъ: «А, вотъ такъ анекдотъ, котораго я не зналъ; онъ хорошъ и доказываетъ ея злость». Я думала про себя: «Богъ знаетъ, чью злость онъ доказываетъ». Отъ Брокдорфа императрица неожиданно перескочила къ сношеніямъ между Штамбке и графомъ Бестужевымъ, которыя были открыты, и сказала мнѣ: «Сами посудите, какъ можно его извинить за

то, что онъ имѣетъ сношенія съ государственнымъ узникомъ». Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ мое имя не появлялось и о немъ не упоминалось, я промолчала, принимая это за слова, ко мнѣ не относящіяся. Здѣсь императрица подошла ко мнѣ и сказала: «Вы вмѣшиваетесь во многія вещи, которыя васъ не касаются; я не посмѣла бы дѣлать того же во времена императрицы Анны. Какъ, напримѣръ, вы посмѣли посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?» Я ей отвѣтила: «Я! Никогда мнѣ и въ голову не приходило посылать ему приказанія». «Какъ», сказала она: «вы можете отрицать, что ему писали? Ваши письма тутъ, въ этомъ тазу». Она показала мнѣ на нихъ пальцемъ. «Вамъ запрещено писать». Тогда я ей сказала: «Правда, что я нарушила запретъ и прошу въ этомъ прощенія, но такъ какъ мои письма тутъ, то эти три письма могутъ доказать Вашему Императорскому Величеству, что я никогда не посылала ему приказаній, но что въ одномъ изъ нихъ я писала, что говорятъ объ его поведеніи». Здѣсь она мени прервала и спросила: «А почему вы это ему писали?» Я ей отвѣтила: «Просто потому, что я принимала участіе въ фельдмаршалѣ, котораго очень любила; я просила его слѣдовать вашимъ приказаніямъ; остальныя два письма содержатъ только одно поздравленіе съ рожденіемъ сына, а другое — пожеланія на новый годъ». На это она мнѣ сказала: «Бестужевъ говоритъ, что было много другихъ». Я отвѣтила: «Если Бестужевъ это говоритъ, то онъ лжетъ». «Ну такъ», сказала она: «если онъ лжетъ на васъ, я велю его пытать». Она думала этимъ напугать меня; я ей отвѣтила, что въ ея полной власти дѣлать то, что она находитъ нужнымъ, но что я все-таки написала Апраксину только эти три письма. Она замолчала и, казалось, соображала. Я привожу самыя рѣзкія черты этого разговора, которыя остались у меня въ памяти, но я не могу вспомнить всего, что говорилось въ теченіе полутора часовъ, пока онъ продолжался. Императрица ходила взадъ и впередъ по ком-

натѣ, то обращаясь ко мнѣ, то къ своему племянничку, а еще чаще къ графу Александру Шувалову, съ которымъ великій князь большею частью говорилъ, между тѣмъ какъ императрица говорила со мною. Я уже сказала, что я замѣтила въ Ея Императорскомъ Величествѣ меньше гнѣва, чѣмъ озабоченности Что же касается великаго князя, то онъ проявилъ во время этого разговора много желчи, непріязни и даже раздраженія противъ меня; онъ старался, какъ только могъ, раздражить императрицу противъ меня; но такъ какъ онъ принялся за это глупо и проявилъ больше горячности, нежели справедливости, то онъ не достигъ своей цѣли, и умъ и проницательность императрицы стали на мою сторону. Она слушала съ особеннымъ вниманіемъ и нѣкотораго рода невольнымъ одобреніемъ мои твердые и умѣренные отвѣты на выходившія изъ границъ рѣчи моего супруга, по которымъ было видно ясно, какъ день, что онъ стремится къ тому, чтобы очистить мое мѣсто, дабы поставить на него, если это возможно, свою настоящую любовницу. Но это могло быть не по вкусу императрицѣ, и даже, можетъ быть, не въ расчетахъ господъ Шуваловыхъ подпасть подъ власть графовъ Воронцовыхъ, но это соображеніе превышало мыслительныя способности Его Императорскаго Высочества, который вѣрилъ всегда всему, чего желалъ, и отстранялъ всякую мысль, противную той, какая надъ нимъ господствовала. И онъ такъ постарался, что императрица подошла ко мнѣ и сказала мнѣ вполголоса: «Мнѣ надо будетъ многое вамъ еще сказать; но я не могу говорить, потому что не хочу васъ ссорить еще больше», а глазами и головой она мнѣ показала. что это было изъ-за присутствія остальныхъ. Я, видя этотъ знакъ задушевнаго доброжелательства, который она мнѣ давала въ такомъ критическомъ положеніи, была сердечно тронута и сказала ей также очень тихо: «И я также не могу говорить, хотя мнѣ чрезвычайно хочется открыть вамъ свое сердце и душу». Я увидѣла, что то, что я ей сказала, произвело на нее очень сильное и благопріятное

впечатлѣніе. У нея показались на глазахъ слезы и, чтобы скрыть, что она взволнована и до какой степени, она насъ отпустила, говоря, что очень поздно, и, дѣйствительно, было около трехъ часовъ утра. Великій князь вышелъ первымъ, я послѣдовала за нимъ; въ ту минуту графъ Александръ Шуваловъ хотѣлъ пройти въ дверь за мною, императрица позвала его, и онъ остался у нея. Великій князь ходилъ всегда очень большими шагами, я не спѣшила на этотъ разъ итти за нимъ; онъ вернулся въ свои покои, я—въ свои. Я начала раздѣваться, чтобы ложиться, когда я услышала стукъ въ дверь, черезъ которую я вернулась. Я спросила, кто тамъ. Графъ Александръ Шуваловъ сказалъ мнѣ, что это онъ и проситъ ему открыть, что я сдѣлала. Онъ сказалъ, чтобы я удалила моихъ женщинъ; онѣ вышли, тогда онъ мнѣ сообщилъ, что императрица позвала его и, поговоривъ съ нимъ нѣкоторое время, поручила ему передать мнѣ свой поклонъ и просить меня не огорчаться, и что у нея будетъ второй разговоръ со мною одной. Я низко поклонилась графу Шувалову и сказала, чтобы онъ передалъ Ея Императорскому Величеству мое глубочайшее почтеніе и поблагодарилъ ее за ея доброту ко мнѣ, которая возвращаетъ меня къ жизни, что я буду ждать этого второго разговора съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ и что я прошу его ускорить эту минуту. Онъ мнѣ сказалъ, чтобы я не говорила объ этомъ ни единой душѣ и именно великому князю, и что императрица съ сожалѣніемъ видитъ, что онъ такъ раздраженъ противъ меня. Я обѣщала. Я думала: если недовольны тѣмъ, что онъ раздраженъ противъ меня, то къ чему сердить его еще больше, разсказывая ему разговоръ въ Лѣтнемъ дворцѣ по поводу людей, которые его развращали. Однако, этотъ неожиданный возвратъ задушевности и довѣрія императрицы доставилъ мнѣ большое удовольствіе. На слѣдующій день я просила племянницу духовника поблагодарить ея дядю за отмѣнную услугу, которую онъ мнѣ только что оказалъ, устроивъ мнѣ этотъ разговоръ съ императрицей. Она вернулась отъ

своего дяди и сообщила мнѣ, что духовникъ знаетъ, что императрица сказала о своемъ племянникѣ, что онъ дуракъ, но что великая княгиня очень умна. Эти слова дошли до меня съ нѣскольких сторонъ и [говорили], что Ея Императорское Величество то и дѣло хвалитъ своимъ близкимъ мои способности, прибавляя часто: «Она любитъ правду и справедливость; это очень умная женщина, но мой племянникъ дуракъ». Я заперлась въ моихъ покояхъ, какъ и прежде, подъ предлогомъ нездоровья. Я помню, что я тогда читала пять первыхъ томовъ «Исторіи путешествій» съ картой на столѣ, что меня развлекало и обогащало знаніями. Когда я уставала отъ этого чтенія, я перелистывала первые томы Энциклопедіи; и я ждала дня, когда Ея Императорскому Величеству угодно будетъ допустить меня до вторичнаго разговора. Отъ времени до времени я возобновляла просьбу объ этомъ графу Шувалову, говоря ему, что мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы судьба моя была наконецъ рѣшена. Что касается великаго князя, то я не слышала больше о немъ никакого разговора; я знала только, что онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ моей отсылки и что онъ навѣрное разсчитываетъ жениться вторымъ бракомъ на Елисаветѣ Воронцовой: она приходила уже въ его покои и разыгрывала хозяйку. Повидимому, ея дядя, вице-канцлеръ графъ Воронцовъ, который былъ лицемѣромъ, какихъ свѣтъ не производилъ, узналъ планы своего брата, можетъ быть, вѣрнѣе своихъ племянниковъ, которые были тогда еще дѣтьми, такъ какъ самому старшему было всего двадцать лѣтъ или около того, и боялся, чтобы его только что усилившееся вліяніе не пострадало у императрицы, а потому добился порученія отговорить меня отъ моей просьбы объ отсылкѣ, ибо вотъ что случилось. Въ одно прекрасное утро пришли мнѣ доложить, что вице-канцлеръ графъ Михаилъ Воронцовъ проситъ разрѣшенія поговорить со мною отъ имени императрицы. Очень удивленная этимъ необычайнымъ посольствомъ и хотя еще не одѣтая, я приняла господина вице-канцлера. Онъ началъ съ того, что по-

цѣловалъ мнѣ руку и пожалъ ее съ большимъ чувствомъ, затѣмъ вытеръ себѣ глаза, съ которыхъ скатилось нѣсколько слезъ. Такъ какъ я тогда была немного предубѣждена противъ него, то я безъ большого довѣрія отнеслась къ этому предисловію, которое должно было выказать его усердіе, но не мѣшала ему дѣлать то, на что смотрѣла, какъ на кривляніе. Я просила его сѣсть; онъ былъ немного запыхавшись, что происходило оттого, что у него было нѣчто въ родѣ зоба, которымъ онъ страдалъ. Онъ сѣлъ со мною и сказалъ мнѣ, что императрица поручила ему поговорить со мною и убѣдить меня не настаивать на моей отсылкѣ, что Ея Императорское Величество приказала ему даже просить меня со своей стороны отказаться отъ этой мысли, на которую она никогда не согласится, и что онъ лично проситъ меня и заклинаетъ дать ему слово больше никогда объ этомъ не говорить; что этотъ планъ по истинѣ огорчаетъ императрицу и всѣхъ порядочныхъ людей, къ числу которыхъ, какъ онъ завѣрялъ меня, онъ принадлежитъ. Я ему отвѣтила, что нѣтъ ничего, чего бы я охотно не сдѣлала, чтобы угодить Ея Императорскому Величеству и порядочнымъ людямъ, но что я думаю, что моя жизнь и здоровье въ опасности отъ того образа жизни, которому я подвергаюсь; что я дѣлаю только несчастныхъ, что постоянно ссылаютъ и отсылаютъ всѣхъ, кто ко мнѣ приближается; что великаго князя ожесточаютъ противъ меня до ненависти; что онъ, впрочемъ, никогда меня не любилъ, что Ея Императорское Величество тоже оказываетъ почти постоянно знаки своей немилости и что, видя, что я въ тягость всѣмъ, и умирая сама со скуки и горя, я просила отослать меня, для того чтобы освободить всѣхъ отъ особы, которая всѣмъ въ тягость и сама погибаетъ отъ горя и скуки. Онъ сталъ говорить мнѣ о моихъ дѣтяхъ; я ему сказала, что ихъ не вижу, и что съ тѣхъ поръ, какъ брала молитву, я еще не видѣла моей младшей [дочери] и не могла ихъ видѣть безъ особаго разрѣшенія императрицы, въ двухъ комнатахъ отъ

которой они были помѣщены, такъ какъ ихъ комнаты составляютъ часть ея покоевъ; что я отнюдь не сомнѣваюсь, что она очень о нихъ заботится, но что, будучи лишенной удовольствія ихъ видѣть, мнѣ безразлично быть въ ста шагахъ или въ ста верстахъ отъ нихъ. Онъ мнѣ сказалъ, что у императрицы будетъ второй разговоръ со мною, и прибавилъ, что было бы очень желательно, чтобы императрица сблизилась со мной. Я ему отвѣтила, прося ускорить этотъ второй разговоръ, а что я со своей стороны не упущу ничего, что могло бы облегчить исполненіе ея желанія. Онъ оставался у меня больше часу и говорилъ долго и о множествѣ вещей. Я замѣтила, что повышеніе его вліянія придало его разговору и манерѣ держаться какую-то заносчивость, которой не было у него прежде, когда я его видѣла на ряду со множествомъ другихъ людей и когда онъ, недовольный императрицей, дѣлами и тѣми, которые пользуются милостью и довѣріемъ Ея Императорскаго Величества, онъ мнѣ сказалъ однажды при дворѣ, видя, что императрица очень долго разговариваетъ съ посломъ императрицы-королевы Венгріи и Богеміи, между тѣмъ какъ онъ и я и всѣ до смерти устали стоять: «Хотите побиться объ закладъ, что она только мелетъ вздоръ». Я отвѣтила ему, смѣясь: «Боже мой, что вы такое говорите!» Онъ мнѣ возразилъ по-русски слѣдующими очень характерными словами: «Она съ природы фадайзница» [1]). Наконецъ, онъ ушелъ, увѣряя меня въ своемъ усердіи, и простился со мною, поцѣловавъ мнѣ снова руку. На этотъ разъ я должна была быть увѣренной, что меня не отошлютъ, такъ какъ меня просили даже не говорить объ этомъ. Но я находила нужнымъ не выходить и продолжать оставаться у себя въ комнатѣ, какъ будто я ждала рѣшенія моей судьбы только отъ второго разговора, который я должна была имѣть съ императрицей [2]).

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ, гдѣ эта фраза переведена на французскій: elle est de la nature une diseuse de fadaises.

[2]) Въ подлинникѣ—начало вставки.

Этого разговора я ждала долго. Помню, что 21 апрѣля, въ день моего рожденія, я не вышла. Императрица велѣла мнѣ сказать въ часъ своего обѣда черезъ Александра Шувалова, что она пьетъ за мое здоровье; я велѣла ее благодарить за то, что ей угодно было вспомнить обо мнѣ въ этотъ день, какъ я говорила, моего несчастнаго рожденія, который я проклинала бы, если бы не получила въ тотъ же день святого крещенія. Когда великій князь узналъ, что императрица посылала ко мнѣ въ этотъ день съ такимъ порученіемъ, онъ вздумалъ прислать сказать мнѣ то же самое; когда пришли передать мнѣ его привѣтствіе, я встала и съ очень глубокимъ реверансомъ выговорила мою благодарность. Послѣ праздниковъ по случаю дня моего рожденія и коронованія императрицы, между которыми былъ промежутокъ въ четыре дня, я все еще не выходила изъ своей комнаты [1]), пока графъ Понятовскій не довелъ до моего свѣдѣнія, что французскій посолъ маркизъ де-Лопиталь очень хвалитъ меня за мое твердое поведеніе и говоритъ, что это рѣшеніе не выходить изъ моихъ покоевъ можетъ обратиться только въ мою пользу. Тогда, принимая эти слова за коварную похвалу врага, я рѣшила дѣлать обратное тому, что онъ хвалитъ, и въ одно воскресенье, когда этого менѣе всего ожидали, я одѣлась и вышла изъ моихъ внутреннихъ покоевъ. Въ ту минуту, когда я выходила въ комнату, гдѣ находились дамы и кавалеры, я замѣтила ихъ удивленіе и изумленіе при видѣ меня; черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего появленія пришелъ великій князь; я видѣла и его удивленіе, написанное на его лицѣ, и, такъ какъ я разговаривала со всей компаніей, то онъ вмѣшался въ разговоръ и обратился ко мнѣ съ нѣсколькими словами, на которыя я вѣжливо отвѣтила.

Въ это время (17 апрѣля) принцъ Карлъ Саксонскій вторично пріѣхалъ въ Петербургъ. Великій князь довольно пренебрежительно принялъ его, когда онъ былъ впервые въ

---

[1]) Конецъ вставки.

Россіи; но на этотъ разъ великій князь считалъ себя въ правѣ не соблюдать съ нимъ никакихъ границъ, и вотъ почему. Въ русской арміи не было секретомъ, что при Цорндорфскомъ сраженіи принцъ Карлъ Саксонскій бѣжалъ однимъ изъ первыхъ. Говорили даже, что онъ продолжалъ это бѣгство безостановочно до Ландсберга; а Его Императорское Высочество, услышавъ это, рѣшилъ, что такъ какъ принцъ Саксонскій отъявленный трусъ, то онъ не будетъ съ нимъ говорить, и не хотѣлъ имѣть съ нимъ дѣла. Этому, повидимому, не мало содѣйствовала принцесса Курляндская, дочь Бирона, о которой я часто имѣла случай говорить; тогда начинали потихоньку говорить, что былъ планъ сдѣлать герцогомъ Курляндіи принца Карла Саксонскаго, и это очень раздражало принцессу Курляндскую, отца которой все еще держали въ Ярославлѣ. Она сообщила свою злобу великому князю, на котораго она сохранила нѣкотораго рода вліяніе. Эта принцесса была тогда въ третій разъ невѣстой барона Александра Черкасова, за котораго, дѣйствительно, вышла замужъ въ слѣдующую зиму. Наконецъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ деревню, графъ Александръ Шуваловъ пришелъ мнѣ сказать отъ имени императрицы, что я должна просить черезъ него императрицу [о разрѣшеніи] навѣстить сегодня днемъ моихъ дѣтей и что тогда, по выходѣ отъ нихъ, у меня будетъ второе свиданіе съ императрицей, столь давно обѣщанное. Я сдѣлала, что мнѣ велѣли, и въ присутствіи многихъ лицъ я сказала графу Шувалову, чтобъ онъ испросилъ мнѣ у Ея Императорскаго Величества разрѣшеніе видѣть моихъ дѣтей. Онъ ушелъ, и, когда вернулся, то сказалъ мнѣ, что я могу пойти къ дѣтямъ въ три часа. Я очень аккуратно туда отправилась; я оставалась у своихъ дѣтей до тѣхъ поръ, пока графъ Александръ Шуваловъ не пришелъ сказать мнѣ, что императрицу можно видѣть. Я пошла къ ней; я застала ее совсѣмъ одну и на этотъ разъ въ комнатѣ не было ширмъ; слѣдовательно, и она и я мы могли говорить на свободѣ. Я начала съ того,

что поблагодарила ее за это свиданіе, на которое она соизволила, сказавъ, что уже одно очень милостивое обѣщаніе, которое ей было угодно сдѣлать, возвратило меня къ жизни. На это она мнѣ сказала: «Я требую, чтобъ вы мнѣ сказали правду на все, что я у васъ спрошу». Я отвѣтила ей, чтобы ее увѣрить, что она услышитъ изъ моихъ устъ только сущую правду и что я ничего не желаю лучшаго, какъ открыть ей свое сердце безо всякой утайки. Тогда она меня снова спросила, дѣйствительно ли было только три письма, написанныхъ [мною] Апраксину; я ей поклялась въ этомъ съ величайшей искренностью, какъ это и было на самомъ дѣлѣ. Затѣмъ она стала у меня разспрашивать подробности объ образѣ жизни великаго князя...

[«ПЛАНЪ»].

Возвращеніе въ городъ. Кавалеръ В[илльямсъ] уѣзжаетъ. Графъ П[онятовскій] возвращается польскимъ посланникомъ къ концу 1756 г. Свиданія продолжаются тѣмъ же порядкомъ. Интриги Брокдорфа и голштинцевъ, множество офицеровъ изъ этой земли въ покояхъ великаго князя. Что онъ думаетъ о Россіи, его ложь; дѣло Элендсгейма, мое сопротивленіе его аресту; онъ арестованъ совсѣмъ такъ же, какъ былъ арестованъ Гольмеръ, безъ доказательствъ, безъ обвинителя и обвиненія; мое мнѣніе по этому поводу. Начало 1757. Продолженіе любовныхъ похожденій великаго князя съ Тепловой, съ графиней Воронцовой, принцесса Курляндская; опасность, которой она подвергается; любовныя похожденія фельдмаршала Разумовскаго съ Нарышкиной; помолвка Льва Н[арышкина]; какъ хотѣли его женить и какъ онъ... Какъ мы однажды отправились къ... фельдмаршалу Разумовскому во время поста, который... какъ... Отъѣздъ въ деревню, смерть Пехлина, пріѣздъ Штамбке. Въ іюлѣ мѣсяцѣ извѣстіе о добровольной сдачѣ Мемеля 24 іюня. Въ августѣ мѣсяцѣ извѣстіе о Гроссъ-Егерсдорфской битвѣ, происходившей 19 того же мѣсяца. Я давала праздникъ въ моемъ саду въ день молебствія, состоявшій изъ большого обѣда и жаренаго быка

для работниковъ моего сада и каменщиковъ, которые были заняты постройкой горы. Осенью разговоръ съ императрицей въ Лѣтнемъ дворцѣ. Возвращеніе фельдмаршала Апраксина, имѣющее видъ бѣгства. Почему. Пагубное объясненіе. Его дѣло, мои письма къ фельдмаршалу по настоянію великаго канцлера. Фельдмаршалъ не отвѣчаетъ. Зима 1757 г. Начало 1758 г. Назначеніе Фермора, взятіе Кёнигсберга 18 января, фельдмаршалъ Апраксинъ привезенъ въ Четыре Руки [1]). Его процессъ, его смерть. Генералъ Ливенъ, замѣшанный въ это дѣло. Его привязанность ко мнѣ, что онъ сказалъ по этому поводу графу Понятовскому на маскарадѣ у графа Эстергази. Пріѣздъ принца Карла Саксонскаго. Новая беременность. Какъ онъ принятъ; великій князь не оказываетъ ему почета, едва съ нимъ говоритъ; какое участіе принимаетъ въ этомъ принцесса Курляндская. Принцъ Карлъ ѣдетъ въ армію. Отъѣздъ въ Ораніенбаумъ, праздникъ, который я тамъ даю, для... Эффектъ этого праздника. Его Императорское Высочество опять сходится съ графиней Воронцовой, онъ все больше и больше дуется на меня; праздникъ, который я даю въ Ораніенбаумѣ, эффектъ этого праздника. Какъ Левъ поворачиваетъ мнѣ спину весной этого года, какъ онъ опять сходится съ великимъ княземъ, какъ его невѣстка и я его высѣкли. Печаль императрицы по случаю Цорндорфской битвы; о ней объявляютъ, какъ о выигранной, дѣло въ томъ, что были пораженія съ обѣихъ сторонъ, служатъ молебствіе только на третій день; однако наши между тѣмъ отслужили его на полѣ битвы. Императрица по поводу Цорндорфской битвы. Графъ Шверинъ, генералъ-адъютантъ Прусскаго короля, взятъ въ плѣнъ. Ферморъ даетъ подполковнику Григорію Орлову приказаніе везти этого военноплѣннаго въ Петербургъ. Императрица ѣдетъ изъ Петергофа въ Царское Село; что съ ней происходитъ 8 сентября, въ день Рождества Богородицы, какъ я это

---

[1]) Въ подлинникѣ—Trirouky.

узнаю. Возвращеніе въ городъ, я не появляюсь въ обществѣ, считая себя близкой къ родамъ, это просчетъ на одинъ мѣсяцъ; что Левъ Н[арышкинъ] пришелъ мнѣ сказать по поводу моей беременности въ октябрѣ. Отчего я велѣла взять прочь мою большую кровать и спала только въ маленькой постели, притомъ въ другой комнатѣ. Октябрь, извѣстіе объ отозваніи графа П[онятовскаго]. Гнѣвъ графа Бестужева по этому поводу, мои роды въ декабрѣ, празднества по этому случаю, фейерверкъ 1 января 1759 г. Какъ Петръ [Шуваловъ] приноситъ мнѣ планъ фейерверка. Куда я прячу мою компанію и какъ его принимаю. Во время масленой три свадьбы при дворѣ; роковыя свадьбы Л[ьва] Н[арышкина], Стр[оганова], Б[утурлина]; пари по этому случаю о томъ, кто изъ троихъ будетъ первый рогоносцемъ. Арестъ графа Бест[ужева], моего ювелира Бернарди, Елагина, Ададурова, сношенія Шкурина, которыя не удаются. Великій князь не входитъ больше въ мою комнату. Открытіе сношеній Штамбке и графа Пон[ятовскаго] съ графомъ Бест[ужевымъ], отсылка Штамбке; меня устраняютъ отъ голштинскихъ дѣлъ, выписываютъ нѣкоего Вольфа, которому ихъ передаютъ. Пугаютъ великаго князя, чтобы онъ не говорилъ со мною во время дѣла Бестужева. Какъ я захотѣла ѣхать въ русскую комедію и какъ захотѣли мнѣ помѣшать туда ѣхать, какъ я захотѣла написать императрицѣ о причинѣ, по которой захотѣли мнѣ помѣшать туда ѣхать. Меня предупредили о томъ, что говорятъ, что меня отсылаютъ, мое рѣшеніе на этотъ конецъ. Я прошу быть отосланной, я написала объ этомъ императрицѣ, что содержало это письмо, я сказалась больной, и не выхожу больше. Я одна въ своей комнатѣ, читаю 5 томовъ «Исторіи путешествій», съ картой на столѣ, и для развлеченія Энциклопедію. Императрица присылаетъ мнѣ сказать, что желаетъ со мною говорить. Великій князь узналъ это, онъ исполнился ревности и просилъ быть допущеннымъ къ этому разговору. Какъ произошелъ этотъ разговоръ. Поведеніе императрицы, ея слова, ея поступки, поведеніе великаго

князя при этомъ случаѣ, мое, съ чего я начала, входя. Что мнѣ сказала императрица, подойдя къ туалету, что я ей отвѣтила. Она насъ отпускаетъ. Что Александръ Шуваловъ пришелъ мнѣ сказать отъ ея имени. Что я отвѣтила. Какъ она послала ко мнѣ графа Воронцова нѣсколько времени спустя. Принцъ Саксонскій возвращается въ Петербургъ, послѣ битвы при Цорндорфѣ, какъ онъ бѣжалъ до Ландсберга. Считая его трусомъ, великій князь не говоритъ съ нимъ и не хочетъ имѣть съ нимъ дѣла. Говорятъ о томъ, чтобы принца К[арла] Саксонскаго сдѣлать герцогомъ Курляндскимъ, принцесса Курляндская раздражаетъ великаго князя противъ принца Карла; третья помолвка принцессы К[урляндской] съ Черкасовымъ. Какъ великій князь захотѣлъ ѣхать въ Голштинію, что онъ для этого сдѣлалъ, что сдѣлали, какъ мнѣ объ этомъ сказали; что я сказала, что графъ Воронцовъ сказалъ мнѣ объ этомъ, это должно быть отнесено къ концу 1759 г. Отъѣздъ въ деревню; передъ этимъ второй разговоръ съ императрицей съ глазу на глазъ, сужденіе императрицы на мой счетъ. Это было на слѣдующій день послѣ того, какъ принцъ Карлъ заходилъ къ намъ, что мнѣ сказалъ, уѣзжая, графъ П[онятовскій] довольно громко, услышано, было, кажется, Брокдорфомъ, который былъ очень близко отъ насъ. Я тамъ пью воды, гдѣ я помѣщаюсь. Какъ арестуютъ по выходѣ отъ меня графа П[онятовскаго]. Брокдорфъ говоритъ о томъ, чтобы его убить. Левъ Н[арышкинъ] совѣтуетъ передать его графу Але[ксандру] Ш[увалову], этотъ послѣдній передаетъ его своему зятю и уѣзжаетъ въ Петергофъ. Иванъ Ш[уваловъ] совѣтуетъ ему его отпустить, что онъ и сдѣлалъ. Александръ Ш[уваловъ] приходитъ на слѣдующій день разсказать мнѣ, что произошло ночью, я ничего объ этомъ не знала, великій князь приходитъ ко мнѣ, говоритъ со мною, его смягчили, потому что вовсе не хотѣли огласки, онъ мнѣ предложилъ свиданіе, онъ настаиваетъ, чтобы я видѣла графиню Елиз[авету] В[оронцову]. Она приходитъ ко мнѣ, я остаюсь цѣлый день въ постели.

въ большомъ уныніи. На слѣдующій день вечеромъ я получаю черезъ Алекс[андра] Ш[увалова] записку отъ императрицы, написанную рукою Ивана Ш[увалова] и подписанную Ели[заветой], въ которой она проситъ меня не огорчаться и пріѣхать какъ ни въ чемъ не бывало въ Петергофъ на Петровъ день. Я на это отвѣчаю и выражаю мою очень чувствительную благодарность. Я ѣду въ Петергофъ. Во время бала въ Петровъ день графъ Ржевусскій сказалъ мнѣ: «Мой другъ просилъ меня вамъ сказать, что черезъ посредничество де-ла-Греле и графа Браницкаго все устраивается и что сегодня вечеромъ онъ надѣется имѣть счастье видѣть васъ у великаго князя». А онъ никогда тамъ не бывалъ. Я отвѣтила графу Ржевусскому: «Скажите вашему другу, что я нахожу этотъ конецъ совсѣмъ смѣшнымъ, и что это гора, родившая мышь». Вернувшись съ ужина, я пошла спать, не слыша никакихъ разговоровъ. Между двумя и тремя часами утра я услышала, какъ отдергиваютъ занавѣсъ моей кровати и я разомъ проснулась; это былъ великій князь, который сказалъ мнѣ, чтобы я встала и слѣдовала за нимъ; кого я нахожу у него. И вотъ мы всѣ трое лучшіе друзья на свѣтѣ. Какъ до отъѣзда графа По[нятовскаго] великій князь проводилъ два-три вечера въ недѣлю въ моемъ кружкѣ и пилъ мое англійское пиво; какъ въ силу этой сцены и сцены слѣдующей зимы нельзя ни въ чемъ полагаться на Его Императорское Высочество, и какъ обстоятельства принимали такой оборотъ, что надо было погибнуть съ нимъ, черезъ него, или же постараться спастись отъ гибели и спасти своихъ дѣтей и государство.

Je Suis née a Stettin en Pomeranie le 2. de May N.S. 1729.
ma Mere qui avoit épousé mon Pere en 1727 a l'age de
15 ans. pensa mourir apres m'avoir mise au monde
ce fut avec bien de la peine qu'elle se retablit apres 19.
Semaines de maladie, a l'age de deux ans l'on me mit
entre les mains d'une Demoiselle Françoise Fille d'un
Professeur de Francfort sur l'Oder nommé Cardel. a trois
ans et demi l'on dit que je lisois en françois, je ne m'en sou-
viens pas. en 1733. ma Mere me mena avec elle a Hambourg
et ma grand Mere j'allois avec elle a l'Opera, mais lors qu'une bataille se
fit sur le Theatre je me mis a crier et l'on m'emporta.
Je m'en Souviens. en 1734 ma mere accoucha d'un se-
cond frere, c'est celui qui vit, l'ainé ayant été née 1730
est mort a l'age de treize ans. en 1735. mon Pere et ma
Mere allerent voir leurs Parens et nous laisserent
trois avec notre Gouvernante la feme d'un Viel officier
j'ecrivois des lettres toutes les semaines a mon Pere et a
ma Mere, je les informoit de l'etat de notre santé et sur
tout de celle de mon frere ainé qui en jouant [illegible]

Parens revinrent, je pris une toux et un torticoli dont j'ai
pensé devenir bossu je fus 6 mois au lit, lorsqu'on a-
ca a m'habiller l'on me trouva toute de travers,
il y etoit une feme qui conseilla de ne me faire d'au-
tres remede que de froter les parties élevées avec de la
salive d'une personne a jeun. l'épaule droite et le côté
gauches et la hanche droite etoit de deux doits plus
hauts que les parties opposées de facon que l'epine
du dos formoit un zic zac. Mon Pere qui m'aimoit
extremement consulta tout ce qu'il y avoit de gens
a consulter, l'on me fit porter jour et nuits un corps
ce qui joint au remede si dessus marqué me re-
mit dans d'un ans à peine pouvoit
on s'en apercevoir. En 1736. ma Mere alla voir
sa bienfaitrice celle qui l'avoit doté et élevé,

[«ЗАПИСКИ...»]

Я родилась въ Штеттинѣ въ Помераніи 2 мая новаго стиля 1729 г. Моя мать, вышедшая замужъ за моего отца въ 1727 г. пятнадцати лѣтъ отъ роду, чуть не умерла, производя меня на свѣтъ. Съ большимъ трудомъ она поправилась черезъ 19 недѣль болѣзни. Когда мнѣ было 2 года, меня сдали на руки одной француженкѣ, дѣвицѣ, дочери профессора изъ Франкфурта на Одерѣ, по имени Кардель. Въ три съ половиной года, говорятъ, я читала по-французски; я этого не помню. Въ 1733 г. моя мать повезла меня съ собою въ Гамбургъ къ моей бабушкѣ. Я пошла съ ней въ оперу, но, когда на сценѣ происходило сраженіе, я стала кричать и меня унесли. Я помню, что въ 1734 г. у матери родился второй сынъ; это тотъ, который живъ; старшій, родившійся въ 1730 г., умеръ въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ. Къ 1735 г. мои отецъ и мать поѣхали навѣстить своихъ родныхъ и оставили насъ троихъ съ нашей гувернанткой, женой стараго офицера. Я писала письма каждую недѣлю отцу и матери, я увѣдомляла ихъ о состояніи нашего здоровья и особенно о здоровьи моего старшаго брата, который играя, пробилъ себѣ двѣ дыры въ головѣ, стукнувшись о столъ; онъ былъ при смерти; послѣ этого младшій схватилъ вѣтреную оспу.

мнѣ сочиняли эти письма, а я ихъ переписывала. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ родители мои вернулись, у меня сдѣлался кашель и болѣзнь шеи, отъ которой я чуть не стала горбатой, я пробыла 6 мѣсяцевъ въ постели; когда стали меня одѣвать, увидѣли, что меня всю перекосило, нашлась женщина, которая посовѣтовала не лѣчить меня никакимъ другимъ средствомъ, какъ только натирать поднявшіяся части слюной человѣка натощакъ. Правое плечо, лѣвый бокъ и правое бедро были на два пальца выше, чѣмъ противоположныя части, такъ что позвоночный столбъ образовывалъ зигзагъ. Отецъ, который чрезвычайно меня любилъ, совѣтовался со всѣми, съ кѣмъ можно было посовѣтоваться; меня заставили носить и днемъ и ночью особый корсетъ, что вмѣстѣ съ вышеуказаннымъ средствомъ выправило меня менѣе чѣмъ въ годъ; едва можно было это замѣтить. Въ 1736 г. мать моя поѣхала повидаться со своей благодѣтельницей, той, которая дала ей приданое и воспитала ее, старшей вдовствующей герцогиней Брауншвейгъ-Вольфенбюттельской, рожденной принцессой Голштинъ-Норбургской. Послѣ потери Шлезвига, во время управленія моего дѣдушки, этотъ послѣдній, обремененный дѣтьми, былъ очень радъ отдать одну дочь этой дамѣ, которая просила ее у него, какъ у наслѣдника въ правахъ первой жены ея супруга, сестры моего дѣдушки. Моя мать, на которую палъ выборъ, была воспитана на положеніи ея [родной] дочери. Я участвовала въ визитѣ, о которомъ я только что говорила; меня ласкали, мнѣ льстили, хотя я была еще очень маленькой; я такъ часто слышала, что я умна, что я большая дѣвочка, что я это и вообразила себѣ; я не спала, какъ и другіе, на балъ-маскарадахъ, праздникахъ, я во всемъ принимала участіе, я трещала, какъ сорока, и была чрезмѣрно смѣла, вотъ тому свидѣтельство: когда мнѣ было четыре года, въ Штеттинъ пріѣхалъ покойный Прусскій король; мнѣ сказали, что слѣдуетъ поцѣловать его камзолъ; онъ спросилъ обо мнѣ, меня привели, я пошла къ нему и, такъ какъ старалась поймать край

его камзола, а онъ не позволялъ этого, то я повернулась въ сторону матери и сказала ей угрюмо: «его камзолъ такъ коротокъ, что я не могу его достать». Онъ спросилъ, что я сказала; не знаю, кто ему повторилъ это, онъ сказалъ: «Das Mädchen ist naseweis [Дѣвочка умничаетъ»], и съ тѣхъ поръ каждый разъ, какъ мой отецъ ѣздилъ въ Берлинъ или король пріѣзжалъ въ Штеттинъ, онъ меня къ себѣ требовалъ. Въ 1737 г. я была съ матерью въ первый разъ въ Берлинѣ; теперешняя королева, которая тамъ находилась, пожелала меня видѣть. Я поѣхала ко двору, меня заставили болтать, играть; я ужинала съ королевой, а потомъ у наслѣднаго принца. Мы оставались всю зиму въ Берлинѣ. Съ этого года до 1743 я проводила каждый годъ 2 мѣсяца въ Брауншвейгѣ, зиму въ Берлинѣ, а остальное время до 1740 г. въ Штеттинѣ, а потомъ въ Цербстѣ. Я начинала расти, и ужасное безобразіе, которымъ я была надѣлена [отъ природы], стало проходить, когда въ 1739 г. я поѣхала навѣстить моего дядю, Шведскаго короля, тогда епископа Любекскаго. Я тамъ въ первый разъ увидала великаго князя, который, дѣйствительно, былъ красивъ, любезенъ, хорошо воспитанъ, словомъ, чудеса разсказывали объ этомъ одиннадцатилѣтнемъ ребенкѣ, отецъ котораго только что умеръ. Моя мать, очень тогда красивая, ему понравилась, онъ за ней ухаживалъ; я почти не обращала на него вниманія, но я слышала, какъ у моихъ дядей, тетушекъ, у Брюммера и у самыхъ близкихъ и тамъ и сямъ срывались слова, которыя заставляли меня думать, что насъ, можетъ быть, предназначаютъ другъ другу. Я не чувствовала никакого къ тому отвращенія; я знала, что рано или поздно онъ долженъ быть королемъ Шведскимъ; хоть я и была еще ребенкомъ, но титулъ королевы пріятно звучалъ въ моихъ ушахъ. Съ этого времени окружающіе трунили надо мной по поводу его, и мало-по-малу я привыкла считать себя предназначенной ему. Два или три года прошло такимъ образомъ, эти планы стали терять силу, мое пребываніе въ Берлинѣ вызвало другіе. Принцъ Генрихъ Прусскій видѣлъ меня

часто; я ему понравилась, онъ сказалъ объ этомъ своимъ сестрамъ, герцогинѣ Брауншвейгской и королевѣ Шведской, тогда еще дѣвушкѣ, очень любившей мою мать, она сказала, что я еще ребенокъ. Дѣйствительно, мнѣ было только 13 лѣтъ, но [я была] больше ростомъ и болѣе развита физически, чѣмъ это бываетъ обыкновенно въ мои годы; не знаю, какъ я догадывалась объ ихъ переговорахъ, и не была ими недовольна. Пребываніе въ Берлинѣ мнѣ очень понравилось, дѣла были въ такомъ положеніи и думаю, что они подвинулись бы дальше въ 1744 г., когда мать, возвращаясь осенью 1743 изъ Гамбурга, куда она ѣздила, чтобы проститься со Шведскимъ королемъ, котораго избрали наслѣдникомъ и отправлявшагося въ Швецію, проѣхала черезъ Брауншвейгъ и остановилась на нѣкоторое время въ Цербстѣ, чтобы ѣхать затѣмъ провести зиму въ Берлинѣ. 6 января 1744 г. мы были за столомъ и обѣдали; матери доложили въ присутствіи отца, что пришла къ ней эстафета изъ Берлина. Дѣло было довольно необычайное. Она потребовала свои письма, я знала руку Брюммера; такъ какъ я сидѣла возлѣ нея, когда она распечатывала свои письма, то взглядъ искоса [на нихъ] доставилъ мнѣ возможность прочесть слѣдующія слова: «принцесса ваша старшая дочь». Съ меня этого было довольно, я сказала про себя: это насъ касается; я не почувствовала никакого огорченія отъ этого. Встали изъ-за стола; отецъ, мать и дядя, старшій братъ отца, заперлись, я дѣлала видъ, что ничего не замѣчаю, мнѣ ничего не говорили. Три дня прошло такимъ образомъ; ходили взадъ и впередъ, я про себя прекрасно знала причину этого; я находила однако необыкновеннымъ, что мать, которая мѣсяцевъ шесть и именно со времени поѣздокъ въ Гамбургъ стала имѣть ко мнѣ довѣріе и легко обо всемъ со мною бесѣдовала, ни слова мнѣ не говорила. Я пришла на третій день вечеромъ къ ней въ комнату. При входѣ моемъ она мнѣ сказала: «Вы очень безпокоитесь, вы умираете отъ любопытства». «Да, конечно», отвѣтила я: «все же я черезъ гаданье

знаю, что содержатъ ваши письма». «Ну, а что же»? сказала она. Мнѣ стыдно было ей сказать, что я думала, что дѣло идетъ о выдачѣ меня замужъ; я ей отвѣтила: я пойду, составлю свое предсказаніе, какъ дѣлаетъ это извѣстная женщина, которую она знала и которая изъ имени мужчины выводила имя милой, которое хотѣли знать. «Посмотримъ», сказала она; «что вы оттадаете».

На другой день я ей принесла бумажку, написавъ на ней слѣдующія слова, которыя я дѣйствительно вывела изъ своего имени: «предвѣщаю по всему, что Петръ III будетъ твоимъ супругомъ». Она пристально на меня посмотрѣла и сказала мнѣ со смѣхомъ: «Вы плутовка, но вы больше ничего не узнаете». Она встала и пошла къ отцу. Вскорѣ она вернулась и сказала мнѣ, что правда, что отсюда дѣлаютъ мнѣ предложенія, но что это очень далеко и очень рискованно; что ни она, ни отецъ, ни дядя не хотятъ этого, и что даже отказали бы, не посовѣтовавшись со мною, если бы я этого не отгадала, и прибавила: «Что вы объ этомъ думаете»?—Я ей сказала: «Разъ вамъ это не угодно, какъ я могу осмѣлиться этого желать». Она возразила: «Мнѣ кажется, вы совсѣмъ не прочь отъ этого». Мысль покинуть ее и особенно отца, который питалъ ко мнѣ чрезвычайную нѣжность, такъ сильно тронула меня въ эту минуту, что я принялась плакать. Отецъ вошелъ, поцѣловалъ меня и сказалъ, что онъ совсѣмъ не станетъ принуждать меня къ столь важному поступку, что мать поѣдетъ подъ предлогомъ поблагодарить Ея Величество за всѣ милости, какія ея семья отъ нея получила (именно, за пенсію въ 15000 руб., дарованную на третій день ея царствованія моей бабушкѣ; за королевскій санъ моего дяди; за портретъ императрицы, украшенный брильянтами, цѣною въ 25000 р., который мать только что получила, такъ какъ императрица была крестной матерью дѣвочки, которой разрѣшилась моя мать черезъ мѣсяцъ послѣ ея восшествія на престолъ). Онъ прибавилъ, что если я даже не захочу сопровождать мою мать, то это будетъ зависѣть

отъ меня, а если я съ ней поѣду и вернусь, то я всегда буду желанной гостьей, что онъ знаетъ всѣ неудобства и никоимъ образомъ не желаетъ имѣть основаніе упрекать себя за то, что сдѣлалъ меня несчастной. Я заливалась слезами: это была одна изъ трогательнѣйшихъ минутъ моей жизни; тысячу различныхъ побужденій волновали меня: благодарность за доброту моего отца, страхъ не угодить ему, привычка слѣпо ему повиноваться, нѣжность, которую я къ нему всегда питала; уваженіе, котораго онъ заслуживалъ, преодолѣло; дѣйствительно, никогда человѣкъ не заслуживалъ его больше, самая чистая добродѣтель направляла его шаги. Могу правду сказать, что никогда въ жизни не слышала, чтобы онъ произнесъ хоть одно слово, которое бы на самую малость противорѣчило этому характеру; я думаю, что такого рода чувство заставляло его любить республиканскій образъ правленія, котораго рьянымъ сторонникомъ онъ былъ и къ которому я, изъ уваженія ли къ нему, или какъ иначе, я не могла удержаться, чтобы не сохранить склонности, дѣло почти невѣроятное на мѣстѣ, которое я занимаю, и обладая тѣмъ честолюбіемъ, какое я имѣю. Я отправилась съ отцомъ и матерью черезъ десять дней въ Берлинъ. Рѣшили, не знаю почему, что я не буду показываться. Король зналъ тайну поѣздки моей матери, я говорю—тайну, потому что дѣло было рѣшено здѣсь графомъ Брюммеромъ ,шведомъ, воспитателемъ великаго князя, графомъ Лестокомъ и маркизомъ де-ла-Шетарди, чтобы противодѣйствовать канцлеру, у котораго было намѣреніе выдать за великаго князя одну Саксонскую принцессу, а именно курфюрстину Баварскую. Графъ Брюммеръ, изъ привязанности къ Голштинской фамиліи, графъ Лестокъ, изъ ненависти къ графу Бестужеву, пустили въ обществѣ слухъ, что хлопочутъ о французской принцессѣ; маркизъ де-ла-Шетарди, видя маловѣроятность успѣха для одной изъ дочерей своего государя, побудилъ двоихъ друзей своихъ противиться саксонской партіи и открыто объявилъ императрицѣ, что онъ за меня. Онъ видѣлъ меня всего за шесть мѣсяцевъ

передъ тѣмъ въ Гамбургѣ. Дано было тайное повелѣніе Брюммеру написать моей матери, и баронъ Мардефельдъ, прусскій посланникъ, немедленно отправилъ письмо королю. Графъ Петръ Чернышевъ, тогдашній посланникъ въ Берлинѣ, ничего не зналъ до тѣхъ поръ, пока я не проѣхала Кенигсбергъ. Послѣ того, какъ я провела нѣсколько дней въ Берлинѣ, король полюбопытствовалъ взглянуть на меня, онъ велѣлъ пригласить меня къ обѣду; отецъ и мать не взяли меня; увидавъ ихъ безъ меня, онъ снова послалъ за мною и ждалъ меня къ обѣду до трехъ часовъ. Наконецъ я пріѣхала, онъ сталъ со мною говорить, ласкалъ меня, хвалилъ и велѣлъ мнѣ сказать, что я буду ужинать съ нимъ на балу. Вечеромъ онъ посадилъ меня за столъ рядомъ съ собою, все время говорилъ со мной, разспросилъ меня о тысячѣ вещей, говорилъ объ оперѣ, комедіи, стихахъ, танцахъ и ужъ не знаю, о чемъ еще, словомъ бесѣдовалъ о тысячѣ предметовъ, о которыхъ можно бесѣдовать съ четырнадцатилѣтней дѣвочкой. Вначалѣ я была очень застѣнчива съ нимъ, но мало-по-малу я приручалась, и въ концѣ концовъ мы разговаривали очень серьезно, такъ что все общество съ изумленіемъ смотрѣло, какъ Его Величество бесѣдуетъ съ ребенкомъ. Подъ конецъ, не знаю, кто именно прошелъ сзади насъ. Онъ его позвалъ и протянулъ руку, чтобы взять тарелку съ вареньемъ, которая стояла передо мною; я взяла ее и подала ему, онъ мнѣ сказалъ: «Дайте ее этому человѣку», котораго онъ мнѣ назвалъ, но имя котораго я забыла; онъ обратился къ этому человѣку и сказалъ: «Примите этотъ даръ изъ рукъ амуровъ и грацій». Я покраснѣла; мы встали изъ-за стола. Простившись черезъ нѣсколько дней, мы поѣхали изъ Берлина какъ бы для того, чтобы ѣхать въ Штеттинъ, въ Померанію, которой управлялъ мой отецъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Штеттина мать разсталась съ нимъ. Разлука была такъ горестна, какъ только можно себѣ вообразить. Это было въ послѣдній разъ, что я его видѣла. Наше путешествіе было долгое, очень

скучное и очень трудное, ноги у меня такъ распухли, что меня на рукахъ вносили въ карету и выносили изъ нея. Мы были шесть недѣль въ дорогѣ. Мать взяла имя графини Рейнбекъ, имя, которое ей было предписано отсюда взять. Когда мы пріѣхали въ Митаву, генералъ-лейтенантъ, тогда еще полковникъ, Воейковъ велѣлъ о себѣ доложить; мать, очень удивленная его визитомъ, спрятала меня и впустила его; онъ сказалъ, что имѣетъ приказаніе послать увѣдомленіе въ Ригу, какъ только пріѣдетъ знатная дама, и что онъ пришелъ освѣдомиться, не пожелаютъ ли ему дать какое-нибудь приказаніе, что въ Ригѣ уже съ недѣлю находятся придворные экипажи и камергеръ Нарышкинъ и что, безъ сомнѣнія, это и есть та дама, которую ожидаютъ. Мать отвѣтила, что ничего объ этомъ не знаетъ, но что она очень рада съ нимъ познакомиться. Онъ послалъ въ Ригу, просилъ мать подождать прежде, чѣмъ ѣхать, пока вернется его посланный; онъ обѣдалъ, ужиналъ и уѣхалъ съ нами. Онъ научилъ мать многимъ вещамъ, которыхъ иностранцы обыкновенно не знаютъ. Между прочимъ, я помню, что онъ ей сказалъ, когда она стала ему говорить о боярахъ, что ихъ болѣе не существуетъ, что въ старину это была должность, которая давала чинъ, какъ въ настоящее время, напримѣръ, генералъ-аншефы и т. д. На полпути между Митавой и Ригой мы встрѣтили въ обѣденный часъ гофмаршала Семена Нарышкина, тогда камергера, котораго я уже знала, такъ какъ видѣла его въ Гамбургѣ, когда онъ возвращался со своего поста въ Англіи. Онъ насъ довезъ до Риги, гдѣ мы были приняты съ большимъ торжествомъ: гарнизонъ подъ ружьемъ, городское начальство, вице-губернаторъ князь Владиміръ Долгорукій и весь городъ перешелъ черезъ Двину, чтобы насъ принять. Насъ такимъ образомъ провожали до нашей квартиры, гдѣ мы нашли придворную прислугу, поручика гвардіи [1]), который теперь у меня камер-

[1]) Въ подлинникѣ неразборчиво—Семеновскаго полка.

геромъ, нѣкоего Овцына, и одного шталмейстера. Мы останавливались на два дня въ Ригѣ, гдѣ въ то время проживала принцесса Анна Брауншвейгская со своимъ мужемъ и дѣтьми, подъ стражей генерала Василія Салтыкова, который пріѣхалъ къ намъ съ визитомъ изъ Дюнамюнде, гдѣ они находились. Мы уѣхали на саняхъ, что было для меня новостью, въ Петербургъ, куда пріѣхали черезъ 4 дня. Мы тамъ были встрѣчены пушечной пальбой, между тѣмъ какъ дворъ былъ въ Москвѣ; весь городъ ожидалъ у лѣстницы Зимняго дворца, гдѣ мы вышли. Генералъ-отъ-артиллеріи князь Репнинъ насъ принималъ. Мы обѣдали и ужинали съ самыми почетными лицами, какія были въ городѣ, такъ какъ большинство еще не послѣдовало за дворомъ въ Москву. Здѣсь я познакомилась съ оберъ-гофмаршаломъ Бестужевымъ, который, послѣ только что окончившейся несчастной исторіи со своей первой женой, отправлялся посланникомъ не знаю куда; иностранные посланники посѣщали насъ каждый день, между ними самыми усердными посѣтителями были маркизъ де-ла-Шетарди и баронъ Мардефельдъ. Первый посовѣтовалъ матери ѣхать какъ можно скорѣе въ Москву и прибавилъ къ этому много другихъ совѣтовъ, изъ которыхъ большая часть не дошли до моего свѣдѣнія. Послѣ трехъ дней отдыха мать поѣхала со мною въ сопровожденіи четырехъ фрейлинъ императрицы, которыя были оставлены въ Петербургѣ для нашего пріема, а именно: дѣвица Менгденъ, вышедшая потомъ замужъ за графа Лестока, дѣвица Салтыкова, замужемъ въ настоящее время за княземъ Гагаринымъ, дочь генерала, которую я видѣла въ Ригѣ, дѣвица Карръ, вышедшая замужъ за шталмейстера князя Петра Голицына, и дочь князя Репнина, вышедшая замужъ за Петра Нарышкина, поручика гвардіи. Мы ѣхали и днемъ, и ночью, и пріѣхали черезъ 52 часа. Народъ дорогой говорилъ: «Это везутъ невѣсту для великаго князя». Въ 7 верстахъ отъ города камеръ-юнкеръ, въ настоящее время камергеръ, Сиверсъ (котораго я знала съ Берлина, куда

онъ возилъ королю орденъ св. Андрея Первозваннаго), пріѣхалъ къ намъ навстрѣчу съ привѣтствіями отъ имени императрицы и помѣстился въ саняхъ, гдѣ я была съ матерью. Проѣхавъ черезъ весь городъ, мы вышли у Головинскаго дворца, гдѣ увидѣли принца Гомбургскаго и весь дворъ внизу лѣстницы. Послѣ того, какъ мы минуту отдохнули, пришелъ великій князь, а минуту спустя графъ Лестокъ, чтобы намъ сказать, что императрица насъ ждетъ. Она насъ встрѣтила въ дверяхъ своей спальной. Я болѣе всего остальнаго была поражена высотою ея роста. Она много говорила съ матерью и много смотрѣла на меня. Великій князь, во время ихъ разговора, занялся мною, и я ему такъ понравилась, что онъ цѣлую ночь отъ этого не спалъ и что Брюммеръ велѣлъ ему сказать вслухъ, что онъ не хочетъ никого другого, кромѣ меня. Онъ пришелъ ужинать съ нами; я была удивлена, что нашла его такимъ ребенкомъ во всѣхъ его рѣчахъ, хотя ему исполнилось на слѣдующій день ровно 16 лѣтъ. Онъ мнѣ не совсѣмъ однако не нравился. Онъ былъ красивъ, и я такъ часто слышала о томъ, что онъ много обѣщаетъ, что я долго этому вѣрила. На слѣдующій день, день его рожденія, 10 февраля стараго стиля, была такая давка при дворѣ, какой я никогда не видѣла съ тѣхъ поръ. Огромный дворецъ, сгорѣвшій въ 1753 году въ Москвѣ, передъ которымъ деревянный, вамъ извѣстный, можетъ сойти развѣ за внука, былъ такъ переполненъ, что негдѣ было ступить. Въ одиннадцать часовъ императрица велѣла позвать мою мать: она пошла одна, я еще не кончила одѣваться, мнѣ навстрѣчу послали почти весь дворъ и меня провели одну среди всѣхъ этихъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые влѣзли на стулья, чтобы меня видѣть. При входѣ въ опочивальную, императрица пошла мнѣ навстрѣчу съ лентой ордена св. Екатерины, которую она мнѣ надѣла, а потомъ и матери; оттуда мы послѣдовали за ней къ великому князю, который поблагодарилъ ее за то, что она дала мнѣ орденъ. Возвращаясь, мы останавливались со

всѣми дамами, которыя были въ передней. Къ намъ на службу приставили Бецкаго, князя Александра Трубецкого, который умеръ,—одинъ изъ нихъ—камергеръ, другой—камеръ-юнкеръ двора великаго князя,—и камергеръ Нарышкинъ, который насъ сопровождалъ, остался тоже; одна изъ фрейлинъ была ежедневно дежурной и одинъ камеръ-юнкеръ императрицы. Бецкій, принцъ Гомбургскій, Брюммеръ и Лестокъ увѣряли, что я понравилась какъ государынѣ, такъ и народу. Я присоединяла къ очень веселой физіономіи много поклоновъ и вѣжливости и, очень далекая отъ того, чтобы принимать гордый видъ, я почти впадала въ противоположную крайность, такъ что Захаръ Чернышевъ, который былъ потомъ ко мнѣ приставленъ, говорилъ, что я одинаково кланяюсь канцлеру и истопнику; я не много говорила, но такъ кричали, что я умна, что этому повѣрили, не имѣя еще никакихъ доказательствъ. Судите о томъ, какъ спѣшили сдѣлать заключеніе, по тому, что я вамъ сейчасъ скажу: на десятый день моего пріѣзда я заболѣла, а до моей болѣзни держали уже два совѣта, одинъ составленный изъ высшихъ сановниковъ, другой изъ епископа и высшихъ сановниковъ, гдѣ послѣ споровъ объ этомъ бракѣ въ отношеніи религіи, политики и родства было рѣшено убѣдить меня перемѣнить вѣру и архимандритъ Симеонъ Теодорскій, потомъ архіепископъ псковскій, былъ выбранъ и уполномоченъ для того, чтобы меня обучать, и началъ уже свои посѣщенія, также и Ададуровъ—для русскаго языка. Всѣ надежды тѣхъ, которые желали мнѣ добра, чуть не разбились объ эту ужасную болѣзнь. Императрица отправилась на богомолье въ знаменитый монастырь близъ Москвы, называемый Троицей, когда у меня сдѣлалась жестокая головная боль при одѣваніи; мать меня уложила, жаръ, который у меня былъ, такъ усилился, что Бургавъ подумалъ, что это будетъ навѣрное оспа. Я сначала потеряла сознаніе; къ концу пятаго дня онъ хотѣлъ пустить мнѣ кровь; мать этого не захотѣла; Бургавъ послалъ къ графу Лестоку курьера, чтобы сказать, что если

мнѣ не пустятъ кровь, то я умру. Императрица очень спѣшно вернулась и кое-какъ убѣдила мать позволить пустить мнѣ кровь. У меня были такія сильныя боли въ правомъ боку, что думали каждую минуту, что я скончаюсь. Наконецъ я пробыла двадцать семь дней между жизнью и смертью, вслѣдъ за чѣмъ и послѣ 16 кровопусканій нарывъ, который былъ у меня въ тѣлѣ, прорвался, послѣ чего у меня сдѣлалась лихорадка, приступы которой продолжались по 16 часовъ, потомъ наступали 4 часа перерыва, и опять 16 часовъ [лихорадки]; наконецъ благодаря чуду и тому, что я должна была жить, я выздоровѣла. Всѣ тѣ, кто не былъ врачомъ и были попроще, считали меня отравленной и почти вслухъ обвиняли Герсдорфа, саксонскаго посланника. Это дошло до того, что я, находившаяся въ бреду почти все время, была напитана этимъ [слухомъ]; въ крайне опасныя минуты моей болѣзни ко мнѣ въ комнату впускали только докторовъ; императрица удалила изъ нея даже мать въ теченіе трехъ дней, по причинѣ того, что она то и дѣло ссорилась съ докторами, — то были одинъ португалецъ, по имени Санхецъ, Бургавъ и одинъ хирургъ, по имени Верръ, который никогда не покидаетъ оберъ-егермейстера,—и отъ нея скрывали частыя кровопусканія, которыя мнѣ дѣлали. 21 апрѣля, въ день, когда мнѣ минуло 15 лѣтъ, я была въ состояніи принимать поздравленія стоя; императрица велѣла мнѣ нарумяниться, вслѣдствіе чрезвычайной блѣдности, которая у меня осталась. Я поправилась довольно скоро, сравнительно съ болѣзнью, которую перенесла. Едва я поправилась, какъ случилась знаменитая катастрофа съ маркизомъ де-ла-Шетарди. Нашли въ его письмахъ разсказы о неосторожныхъ разговорахъ, которые онъ имѣлъ съ моею матерью, что такъ сильно разсердило императрицу, что мой бракъ чуть отъ этого не разстроился. Такъ какъ отъ меня почти [все] скрывали по моей крайней молодости, то я не знаю всѣхъ подробностей; только однажды утромъ графъ Лестокъ вошелъ и сказалъ ма-

тери: «Готовьтесь уѣзжать». Послѣ чего императрица вошла съ бумагами въ рукѣ; они заперлись, она, мать и Лестокъ; послѣ разговора, продолжавшагося битыхъ два часа, они разошлись, повидимому, довольно дружески. Все это произошло въ Троицкомъ монастырѣ, куда императрица снова отправилась, чтобы исполнить обѣтъ, данный во время моей болѣзни. За день до Петрова дня я прочла свое исповѣданіе вѣры и приняла св. причастіе въ общей придворной церкви, въ присутствіи неисчислимой толпы народа: я прочла на русскомъ языкѣ, котораго даже не понимала, очень бѣгло и съ безукоризненнымъ произношеніемъ 50 листовъ въ четвертку, послѣ чего прочла наизусть символъ вѣры; архіепископъ Новгородскій и настоятельница Дѣвичьяго монастыря, со славой подвижницы, были моими воспріемниками; мнѣ дали имя, которое я теперь ношу, исключительно по той причинѣ, что то, которое я имѣла, было ненавистно изъ-за козней сестры Петра Великаго, которая носила такое же. Съ минуты моего обращенія за меня стали молиться во всѣхъ церквахъ. Вечеромъ мы отправились инкогнито въ Кремль, старинный замокъ, служившій мѣстопребываніемъ царей. Меня помѣстили въ комнату, находившуюся такъ высоко, что едва было видно тѣхъ, кто ходилъ внизу, у стѣны. На слѣдующій день, Петровъ день, въ который должно было состояться мое обрученіе, мнѣ принесли рано утромъ отъ императрицы ея портретъ, осыпанный брильянтами, а минуту спустя отъ великаго князя его [портретъ], такой же цѣнный. Немного погодя онъ зашелъ за мною, чтобы пойти къ императрицѣ, которая въ коронѣ и въ императорской мантіи выступила въ шествіе подъ массивнымъ серебрянымъ балдахиномъ, который несли 8 генералъ-майоровъ; ее сопровождали мы съ великимъ княземъ; за нами шли моя мать, принцесса Гомбургская и другія дамы, смотря по ихъ положенію (съ минуты моего обращенія было сказано, что я буду ходить впереди матери, хотя я еще и не была помолвлена). Мы спустились по знаменитой лѣстницѣ, называемой Красное

крыльцо, перешли черезъ площадь и отправились въ соборъ пѣшкомъ между гвардейскими полками, которые были разставлены шпалерами. Духовенство встрѣтило насъ, какъ обыкновенно. Императрица взяла великаго князя и меня за руку и повела насъ на возвышеніе среди церкви, покрытое бархатомъ, гдѣ архіепископъ Амвросій Новгородскій насъ обручилъ, послѣ чего императрица обмѣняла кольца; то, которое великій князь мнѣ далъ, стоило 12 тысячъ руб., а то, которое я ему дала, стоило 14 тысячъ руб. Послѣ обѣдни были пушечные выстрѣлы; въ полдень императрица обѣдала съ великимъ княземъ и со мною на тронѣ въ залѣ, называемомъ Грановитой палатой. Мать хотѣла тоже быть на этомъ обѣдѣ, на что ей отвѣтили, что она не можетъ имѣть другого мѣста, какъ выше другихъ дамъ, но она заявляла притязаніе быть ступенью ниже на тронѣ; услышавъ это, милордъ Тираулей сказалъ, что, какъ представитель коронованной главы, онъ тоже требуетъ тамъ мѣста; поэтому ей накрыли столъ, откуда прежде смотрѣли на церемоніи царевны; это—родъ кабинета напротивъ трона наверху за стеклянной стѣной, гдѣ она обѣдала какъ бы инкогнито, ибо принцесса Гомбургская и много другихъ дамъ участвовали съ ней въ этомъ обѣдѣ. Вечеромъ былъ балъ у подножія трона на коврѣ, на которомъ изъ дамъ танцовали только императрица, мать, я и принцесса Гессенская, а изъ мужчинъ только великій князь, англійскій, голштинскій и датскій посланники и принцъ Гессенскій, остальное общество танцовало направо. Почти задыхались отъ жары и толпы, ибо залъ такъ выстроенъ, что большой столбъ посрединѣ, поддерживающій сводъ, занимаетъ четвертую часть комнаты. Послѣ бала мы отправились снова во дворецъ за Нѣмецкой слободой, называемый Анненгофъ, гдѣ мы жили. Нѣсколько времени спустя происходили публичныя празднества по случаю мира со шведами, немедленно послѣ которыхъ мы отправились въ Кіевъ. Со времени моего обрученія до отъѣзда не было дня, чтобы я не получала подарковъ отъ

императрицы, самые маленькіе изъ которыхъ были въ 10—15 тысячъ рублей, какъ драгоцѣнными камнями, такъ деньгами, матеріями и т. д., всѣмъ, что можно было придумать. Наконецъ она мнѣ выражала чрезвычайную нѣжность; хотѣли этимъ какъ-нибудь воспользоваться; мать, которая своей безграничной дружбой съ принцессой Гессенской привязала къ себѣ Трубецкихъ, склонила оберъ-прокурора, во время публикованія указа, по которому я была объявлена великой княгиней съ титуломъ Императорскаго Высочества, предложить, какъ бы изъ-за опасенія ошибки, нужно ли принимать мнѣ присягу и прибавлять ли титулъ наслѣдницы, но его отправили съ простымъ «нѣтъ», что не помѣшало обнародовать это объявленіе при трубныхъ звукахъ. Мы поѣхали въ половинѣ іюля изъ Москвы въ Украйну. Дорогой, когда у матери отняли камергера Бецкаго, чѣмъ она была очень опечалена, она начала снова проявлять мнѣ много довѣрія. Она до нѣкоторой степени охладѣла по отношенію ко мнѣ изъ-за графини Румянцовой: къ ней я привязалась со времени моей болѣзни, во время которой она была приставлена ко мнѣ подъ предлогомъ составить мнѣ компанію, между тѣмъ какъ мать, смотрѣвшая на нее какъ на шпіонку и на причину своихъ огорченій, терпѣть ея не могла. Во время празднества по случаю мира мнѣ образовали своего рода дворъ: его составляли 3 камергера, князь Александръ Голицынъ, графъ Гендриковъ, графъ Ефимовскій, и 3 камеръ-юнкера, именно: Александръ Вильбуа, графъ Захаръ Чернышевъ и графъ Андрей Бестужевъ-Рюминъ. Мать хотѣла, чтобы я дѣлала кислое лицо графинѣ Румянцовой за ея поступки, а я, считавшая ее моей будущей приставницей и полагавшая, что надо угождать императрицѣ, я не была очень расположена дѣлать себѣ изъ нея врага. Меня особенно ободрялъ въ этихъ чувствахъ воспитатель великаго князя графъ Брюммеръ, который нѣжно меня любилъ и совѣты котораго я любила; прибавьте къ этому, что чувства героическихъ добродѣтелей, отъ которыхъ я тогда съ ума сходила, не располагали меня

къ чувствамъ, противоположнымъ моимъ. Графъ Захаръ Чернышевъ, къ которому, какъ мать знала, графъ Брюммеръ и графиня Румянцова имѣли рѣшительную антипатію и характеръ котораго—теперь его разузнали,—уже развивался тогда, былъ тѣмъ, кого она отличила, чтобы имъ досадить; напыщенно поверхностный и приписывающій совсѣмъ другой причинѣ то, чего онъ не ожидалъ, онъ хвастался этимъ и тысячью глупостей давалъ понять людямъ то, чего, клянусь, не было. Въ Кіевѣ я снова увидѣла графа Флемминга, котораго знала въ Помераніи. Онъ пріѣхалъ отъ имени Польскаго короля поздравить императрицу съ ея прибытіемъ на границу. Мы оставались тамъ двѣнадцать дней, послѣ чего вернулись съ этого богомолья, переѣзжая понемногу за день. Когда мы прибыли въ Москву, неудовольствія моей матери увеличились; ее чернили со всѣхъ сторонъ въ глазахъ императрицы, но къ этому дурному расположенію духа я не была причастна; меня считали ребенкомъ, я очень боялась не угождать и дѣлала все возможное, чтобы располагать къ себѣ тѣхъ, съ кѣмъ должна была проводить жизнь. Мое уваженіе и благодарность къ императрицѣ были чрезвычайны, я смотрѣла на нее, какъ на божество, лишенное всякихъ недостатковъ; а потому она и говорила, что любитъ меня почти больше великаго князя. Ей пріятно было слышать, когда хорошо обо мнѣ говорили; но я была очень застѣнчива съ ней; великій князь любилъ меня страстно, и все содѣйствовало тому, чтобы мнѣ надѣяться на счастливое будущее. При такихъ условіяхъ мы поѣхали изъ Москвы [1]). На полпути великій князь почувствовалъ себя худо, и сутки спустя у него обнаружилась оспа въ то время, какъ я была въ его комнатѣ. Бургавъ, который [тутъ] присутствовалъ, первый это замѣтилъ и сказалъ матери, чтобы она вывела меня изъ комнаты и особенно—чтобы скрыла отъ меня причину. Рѣшили отправить меня въ ту же ночь и послали курьера

[1]) Въ подлинникѣ—nous partîmes pour Moscow.

къ императрицѣ. Какъ только мнѣ сказали, что я уѣду, я догадалась, что это можетъ быть и была очень этимъ огорчена. Дорогой мы встрѣтили императрицу, которая ѣхала изъ Петербурга къ великому князю въ то село, гдѣ онъ былъ и которое называется Хотилово. По пріѣздѣ въ Петербургъ я стала вести очень уединенный образъ жизни; я употребила тѣ шесть недѣль, какія я тамъ пробыла одна съ матерью, на изученіе русскаго языка, который я уже начинала понимать и [на которомъ начинала] говорить. Я написала нѣсколько писемъ императрицѣ на этомъ языкѣ, что ей доставило большое удовольствіе. Со времени моего пріѣзда въ Петербургъ, мать и меня помѣстили въ различныя комнаты по той причинѣ, кажется, что ея комнаты были всегда полны народомъ и особенно иностранными посланниками; однако, мы ѣли вмѣстѣ. Она изъявила неудовольствіе по случаю этой перемѣны, но на это не обратили вниманія. Поминутно съ ней обращались все съ большей холодностью и небрежностью. Дѣлали приготовленія къ моей свадьбѣ, которая должна была совершиться въ началѣ іюня 1745 г. Когда императрица и великій князь вернулись въ Петербургъ и я увидала его, никогда еще не испытывала подобнаго испуга, какъ въ этотъ разъ. Онъ только что оправился отъ оспы, лицо его было совсѣмъ обезображено и распухло до крайности; словомъ, если бы я не знала, что это онъ, я ни за что не узнала бы его; вся кровь во мнѣ застыла при видѣ его и, если бы онъ былъ немного болѣе чутокъ, онъ не былъ бы доволенъ тѣми чувствами, которыя мнѣ внушилъ. Онъ каждый вечеръ ужиналъ у меня, но чѣмъ ближе подходило время къ моей свадьбѣ, тѣмъ больше я желала бы послѣдовать за матерью. Совсѣмъ образовали мой дворъ: графиня Румянцова исполняла обязанности оберъ-гофмейстерины, не имѣя этого званія; назначили ко мнѣ еще фрейлинами двухъ княженъ Гагариныхъ, изъ которыхъ старшая умерла, а младшая вышла замужъ за князя Александра Голицына, и дѣвицу Кошелеву, которая,

31*

вслѣдствіе приключенія, очень для нея невыгоднаго, была удалена отъ двора. Кромѣ того, всѣ мои слуги и женщины были русскіе, за исключеніемъ одной, которую я привезла съ собой. Между этими послѣдними была одна, коей характеръ, чрезвычайно веселый, достаточно мнѣ понравился, чтобы выказывать къ ней больше доброты, нежели къ другимъ; эта дружба не могла далеко зайти, потому что изъ десяти словъ, которыя мы говорили, мы едва могли понять одно. Однако, какъ ни была невинна эта симпатія, ибо назвать ее привязанностью было бы слишкомъ сильно, она возбудила подозрѣнія матери. Она со мною объ этомъ заговорила, я ее увѣрила, что хотя я и не думаю, что можно дурно истолковать то, что я хорошо обращаюсь съ моими русскими слугами, я уменьшу однако мои милости къ этой дѣвушкѣ, которая была всего на годъ старше меня; судите, было ли это очень опасно. Моя свадьба была отложена до 21 августа стараго стиля 1745 г., когда и совершилась со всѣмъ великолѣпіемъ, какое можно только вообразить. Празднества продолжались 10 дней, и дворъ имѣлъ еще весь тотъ блескъ и важность, какіе внесла въ него императрица Анна. 15 дней спустя пришли сказать матери, что она можетъ уѣзжать, если этого хочетъ; она велѣла отвѣтить, что давно и сильно этого желаетъ и что она ждала до сихъ поръ только совершенія моего брака, но что не хочетъ больше оставаться ни минуты. Императрица послала ей 70 тысячъ рублей, но такъ какъ она имѣла еще столько же долговъ, то я взяла остальное на себя и вотъ основаніе моихъ долговъ. Со времени моей свадьбы я видѣла ее рѣже, и она снова стала дружить со мною, но поѣздка, которую мы сдѣлали въ Царское Село и гдѣ кто-то не оказалъ ей почтенія, а я, по ея мнѣнію, не достаточно выговорила за это, заставила меня снова упасть [въ ея глазахъ]; наконецъ, для моего блага, она сочла нужнымъ удалить отъ меня ту дѣвушку, которую я довольно любила. За два дня до своего отъѣзда она просила [разрѣшенія] поговорить съ им-

ператрицей: эта послѣдняя сказала мнѣ день спустя, что она просила ее удалить отъ меня, этого семнадцатилѣтняго ребенка, по той причинѣ, что было бы опасно терпѣть у меня любимицъ. Наконецъ я вовсе не знаю еще и въ настоящее время, что это должно было значить, потому что въ то время у меня не было даже еще и мысли о злѣ; наоборотъ, если бы я тогда умерла, я бы должна была пойти прямо въ рай, такъ были еще невинны мое сердце и умъ. Удалили эту, якобы столь опасную, особу въ день отъѣзда матери, которую я поѣхала провожать. Ей пришлось бы нищенствовать, если бы я втайнѣ не содержала ее, а потомъ не выдала замужъ; въ настоящее время она вдова и я дала ей, на что купить себѣ малую земельку, гдѣ она живетъ. Мать, боясь очень меня растрогать, уѣхала, не прощаясь со мною. Мы вернулись въ тотъ же день съ великимъ княземъ въ городъ. Я позвала эту дѣвушку, другія отвѣтили съ печальнымъ видомъ, что она пошла навѣстить свою мать, которая захворала. На слѣдующій день кто-то мнѣ сказалъ на ухо, въ чемъ дѣло, но изъ страха сдѣлать этого человѣка несчастнымъ я промолчала. Потомъ мы поѣхали въ Зимній дворецъ, гдѣ императрица мнѣ разсказала о своемъ разговорѣ съ матерью. Нѣсколько дней спустя, графиня Румянцова получила приказаніе вернуться къ своему мужу. Со времени моей свадьбы ко мнѣ приставили тещу Сиверса, которая начала съ того, что запретила моимъ слугамъ говорить со мною тихо, подъ страхомъ быть выгнанными. Я не подала никакого повода къ такому обхожденію, оно меня изумило, но я промолчала; когда я сидѣла у себя въ комнатѣ, она и двѣ старыя карлицы, которыхъ приставили ко мнѣ, приходили смотрѣть въ замочную скважину, что я дѣлаю; наконецъ, когда я мѣняла мѣсто, все приходило въ движеніе, чтобы видѣть, что происходитъ. Я видѣла всѣ эти продѣлки и не мѣшала этому. Я думала: когда онѣ увидятъ, что я дѣлаю, и не найдутъ ничего возразить, то онѣ перестанутъ. Я часто писала матери. Брюммеръ и

Лестокъ предупредили меня, что императрица говоритъ, что я пишу Прусскому королю и сообщаю ему черезъ свою мать то, что происходитъ. Могу побожиться, что Прусскій король никогда не видѣлъ моего почерка, кромѣ подписи на офиціальныхъ письмахъ, которыя пишутся въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Два вышеназванныя лица приписывали всѣ эти розсказни и дурное обхожденіе канцлеру; его недовольство росло съ каждымъ днемъ; они посовѣтовали мнѣ поговорить съ императрицей, но моя застѣнчивость и правота моего дѣла помѣшали послѣдовать ихъ совѣту; ихъ вліяніе падало съ каждымъ днемъ; не было также дня, чтобы меня не бранили и не ябедничали на меня: то я вставала слишкомъ поздно или одѣвалась слишкомъ долго, иной разъ я не достаточно была около великаго князя, а когда я туда чаще ходила, говорили, что это вовсе не для него, но для тѣхъ, кто приходитъ къ нему. Я очень огорчалась и поминутно худѣла; когда видѣли, что я опечалена, говорили: «она ничѣмъ недовольна», а когда я была весела, подозрѣвали во мнѣ хитрость. Если бы всѣ эти неудовольствія и выговоры, которые мнѣ дѣлали, шли прямо отъ императрицы ко мнѣ или черезъ довѣренныхъ лицъ, я имѣла бы меньше огорченія, но большею частью мнѣ посылали говорить самыя неподходящія и самыя грубыя вещи черезъ лакеевъ и камеръ-юнгферъ; довели дѣло до того, что стали говорить великому князю противъ меня о томъ, что я люблю Брюммера, котораго онъ начиналъ ненавидѣть, и мнѣ хотѣли вмѣнить въ преступленіе мою привязанность къ Шведскому королю, съ которымъ поссорили великаго князя изъ-за его управленія. Главнымъ авторомъ этой сцены былъ мой дядя, епископъ Любекскій, котораго нарочно сюда выписали, чтобъ играть эту недостойную роль. Императрица, видя, что великій князь не сталъ изъ-за этого со мною хуже, или же, что его дурное расположеніе духа было только настроеніемъ, сама стала говорить противъ меня, и его убѣдили заставить меня отказаться отъ друж-

бы съ графомъ Брюммеромъ, онъ заговорилъ со мною объ этомъ очень грубо и передалъ мнѣ разговоръ своей тетушки, я была такъ этимъ возмущена, что очень твердо ему возразила, что никакія соображенія въ мірѣ не могутъ меня заставить пренебрегать обязательствами, которыя я имѣла по отношенію къ другу, котораго уважала; что ни интриги, ни недовольство не заставятъ меня поступиться чувствами чести, какія я считала мнѣ присущими; великій князь и всѣ ко мнѣ придирались, но твердость моя отъ этого только увеличивалась. Въ началѣ мая 1746 г. удалили отъ великаго князя графа Брюммера и назначили на его мѣсто генерала-отъ-артиллеріи князя Репнина. Хотя я живо чувствовала потерю человѣка, который любилъ меня, какъ свою дочь, чувства честности и безкорыстія князя Репнина до нѣкоторой степени утѣшили меня: онъ ласкалъ меня, старался мирить насъ съ великимъ княземъ и открыто защищалъ меня. Эти чувства порядочнаго человѣка, не придворнаго къ тому же, не послужили ему на пользу: въ первыя три недѣли онъ навлекъ на себя ненависть тѣхъ, кто былъ противоположныхъ мнѣній, и недовѣріе императрицы и это заставило ее приставить ко мнѣ (такъ какъ она была также недовольна Крузе, тещей Сиверса, моей старшей камерфрау, которая напивалась каждый вечеръ и тѣмъ не оправдывала довѣрія, которое имѣли къ ней, къ тому же отъ времени до времени у нея бывали приступы благосклонности ко мнѣ) Чоглокову со званіемъ оберъ-гофмейстерины. Если бы знали еще болѣе злую, то эта, конечно, не получила бы мѣста. Она начала съ того, что сказала, что императрица велѣла ей передать мнѣ, что когда я захочу писать отцу или матери, то мнѣ стоитъ только послать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, потому что не подобаетъ, чтобы великая княгиня писала сама. Она прибавила, что я тоже слишкомъ затрудняю себя тѣмъ, что хожу каждый день къ туалету императрицы, какъ я имѣла на то разрѣшеніе; что когда мнѣ нужно будетъ за чѣмъ обращаться къ императрицѣ, то я

могу поручать это ей. Ея рѣчь очень меня удивила, и я ей ничего не отвѣтила, и такъ какъ она говорила отъ имени императрицы, то я могла только повиноваться. На слѣдующій день утромъ, въ тотъ день, когда я рѣшила пустить себѣ кровь, я встала рано утромъ. Крузе сказала мнѣ, что императрица уже два раза присылала спрашивать, встала ли я; минуту спустя, она вошла и сказала мнѣ съ разгнѣваннымъ видомъ, чтобы я шла за ней. Она остановилась въ комнатѣ, гдѣ никто не могъ насъ ни видѣть, ни слышать, и тутъ она мнѣ сказала (въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ я была въ Россіи, это она въ первый разъ говорила со мною по душѣ, или по крайней мѣрѣ безъ свидѣтелей). Она стала меня бранить, спрашивать, не отъ матери ли я получила инструкціи, по которымъ я веду себя, что я измѣняю ей для Прусскаго короля; что мои плутовскія продѣлки и хитрости ей извѣстны, что она все знаетъ; что когда я хожу къ великому князю, то это изъ-за его камердинеровъ, что я причиной того, что бракъ мой еще не завершенъ (тѣмъ, чему женщина не можетъ быть причиной), что если я не люблю великаго князя, это не ея вина, что она не выдавала меня противъ моей воли, наконецъ [она высказала] тысячу гнусностей, половину которыхъ я забыла. Я ждала минуты, когда она станетъ меня бить, какъ по счастью пришелъ великій князь, въ присутствіи котораго она перемѣнила разговоръ и сдѣлала видъ, будто ничего не было. Я не знаю, что бы изъ этого вышло: она больше всего походила на фурію. Я сдѣлала нѣсколько усилій, чтобы оправдаться, но, какъ только она видѣла, что я открываю ротъ, она мнѣ говорила: «Молчите, я знаю, что вы ничего не можете мнѣ отвѣтить». Я съ тѣхъ поръ много думала и передумала объ этой сценѣ и считаю еще, что вся эта сцена была только для того, чтобы запугать или держать меня въ страхѣ, потому что, кромѣ этого, я въ ней ничего не понимаю. Великій князь, который засталъ меня всю въ слезахъ, спросилъ меня, когда она вышла, что такое случилось, отчаяніе мое дошло до такой степени.

какимъ никогда не было; я ему сказала въ немногихъ словахъ то, что мнѣ говорили въ теченіе получаса. Крузе, которая видѣла, что я выпустила параграфъ объ его камердинерахъ, и которая, повидимому, знала, что это должно было быть сказано, пошла разсказать ему это, когда онъ вышелъ. Онъ вернулся очень разгнѣванный; а на это, кажется, и мѣтили, чтобы насъ поссорить; но онъ перестала сердиться, когда я разсказала ему, въ чемъ дѣло. Вотъ что это было. Великій князь имѣлъ камердинера, котораго Крузе очень любила за то, что онъ приносилъ ей очень часто вина и напивался вмѣстѣ съ нею; вслѣдъ за чѣмъ онъ выпытывалъ ее и узнавалъ, что она дѣлаетъ и замышляетъ, и все, что императрица могла придумать; послѣ чего онъ мнѣ это сообщалъ и такъ какъ это могло происходить только въ комнатѣ великаго князя, чтобы не возбуждать подозрѣній, то, когда я туда приходила, я часто съ нимъ говорила. Крузе, заставъ насъ раза три-четыре за разговоромъ, приревновала меня къ нему и выдумала сказку, о которой я вамъ только что разсказала. Я была въ такомъ сильномъ отчаяніи, что, если прибавить къ нему героическія чувства, какія я питала,— это заставило меня рѣшиться покончить съ собою; такая полная волненій жизнь и столько со всѣхъ сторонъ несправедливостей и никакого впереди выхода заставили меня думать, что смерть предпочтительнѣе такой жизни; я легла на канапе и, послѣ получасу крайней горести, пошла за большимъ ножомъ, который былъ у меня на столѣ, и собиралась рѣшительно вонзить его себѣ въ сердце, какъ одна изъ моихъ дѣвушекъ вошла, не знаю зачѣмъ, и застала меня за этой прекрасной попыткой. Ножъ, который не былъ ни очень остеръ, ни очень отточенъ, лишь съ трудомъ проходилъ черезъ корсетъ, бывшій на мнѣ. Она схватилась за него; я была почти безъ чувствъ; я испугалась, увидавъ ее, потому что я ея не замѣтила. Она была не глупа (въ настоящее время она замужемъ за полковникомъ Кашкинымъ, который командуетъ Тоболь-

скимъ полкомъ). Она постаралась заставить меня отказаться отъ этой неслыханной мысли и пустила въ ходъ всѣ утѣшенія, какія могла придумать. Понемногу я раскаялась въ этомъ прекрасномъ поступкѣ и заставила ее поклясться, что она не будетъ о немъ говорить, что она и сохранила свято. Дурное обращеніе Чоглоковой шло своимъ чередомъ. Она всѣмъ запрещала со мною говорить и это не только дамамъ и кавалерамъ, окружавшимъ меня, но даже, когда я выѣзжала на куртаги, она всѣмъ говорила: «Если вы будете говорить ей больше, чѣмъ «да» и «нѣтъ», то я скажу императрицѣ, что вы интригуете съ нею, потому что ея интриги извѣстны», такъ что всѣ меня избѣгали, приближалась ли я, или отступала; я дѣлала видъ, что не знаю всѣхъ этихъ ея происковъ, и продолжала вести себя попрежнему, разговаривала со всѣми, была чрезвычайно любезна и старалась расположить къ себѣ всѣхъ до самой Чоглоковой. На слѣдующее лѣто послѣ моей свадьбы мы поѣхали въ Ревель. Тамъ императрица, видя, что я замѣтно чахну, спросила, какая тому причина. Маленькая [Шувалова], которая только что снова вошла въ милость послѣ двухъ лѣтъ опалы, побуждаемая графиней Румянцовой и княземъ Репнинымъ, стала говорить за меня, представляя всѣ дурные по отношенію ко мнѣ поступки во всей ихъ правдѣ, и прибавила нѣсколько личныхъ жалобъ, которыя имѣла противъ Чоглоковой и великаго князя, довольно расположеннаго къ этой послѣдней; это навлекло выговоръ на великаго князя и ему между прочимъ сказали, что если онъ будетъ дурно себя вести, то его посадятъ на корабль, чтобы отвести въ Голштинію, а меня оставятъ, и что императрица можетъ выбрать, кого захочетъ, чтобы замѣстить его. Мнѣ сдѣлали нѣсколько подарковъ, и я думала, что все обратится къ лучшему, но все это лишь больше раздосадовало Чоглокову противъ меня: она думала, что то дурное расположеніе духа, какое ей пришлось вытерпѣть, вытекало изъ моихъ жалобъ, отчасти это была правда. Она подождала, чтобы

шквалъ прошелъ, и такъ ловко повела дѣло, что по возвращеніи изъ этихъ поѣздокъ меня больше бранили и хуже со мною обращались, чѣмъ когда-либо; каждый мѣсяцъ кого-нибудь прогоняли и лишь только видѣли мужчину или женщину, на кого я привѣтливо смотрѣла, какъ ихъ навѣрняка удаляли. Въ началѣ 1747 г. отправили войска на помощь императрицѣ-королевѣ; воспользовались предлогомъ командованія надъ ними, дабы удалить князя Репнина, моего друга и слишкомъ мнѣ преданнаго, чтобы его [дольше] терпѣть. Мужъ Чоглоковой, камергеръ и кавалеръ ордена Данеброка и Бѣлаго Орла, только что вернувшійся изъ Вѣны, куда онъ ѣздилъ для поздравленія императора съ восшествіемъ на престолъ, и надѣлавшій тамъ столько же глупостей, сколько шаговъ, былъ назначенъ къ великому князю. Онъ началъ съ того, что запретилъ кому бы то ни было входить въ комнату великаго князя безъ его [Чоглокова] позволенія, и такъ какъ онъ былъ самымъ невѣжливымъ и рѣзкимъ человѣкомъ на свѣтѣ, то никто не подвергался тому, чтобы добровольно получить отъ него отказъ. Лишенные такимъ образомъ всякаго общества, я—уже полтора года, а великій князь—съ минуты поступленія этого человѣка, мы усердно занялись: онъ—музыкой, я—чтеніемъ. Я выносила все съ мужествомъ, безъ униженія и жалобъ; великій князь—съ большимъ нетерпѣніемъ, ссорой, угрозами, и это-то и ожесточило его характеръ и испортило его совершенно; доведенный до того, чтобы только и видѣть и имѣть вокругъ себя своихъ камердинеровъ, онъ усвоилъ ихъ рѣчи и нравы. Въ маѣ 1748 г. оберъ-егермейстеръ пригласилъ насъ въ свое имѣніе Гостилицы. Бретлахъ, который былъ имперскимъ посломъ, уѣзжалъ обратно, и такъ какъ императрица смотрѣла съ сожалѣніемъ на его отъѣздъ и онъ уже простился по всѣмъ правиламъ, то она воспользовалась предлогомъ показать ему это имѣніе, чтобы снова его повидать. Онъ туда пріѣхалъ, и, чтобы заставить всѣхъ насъ перемѣнить костюмы, насъ всѣхъ одѣли почти пастушками: розовыя

юбки, бѣлыя платья и англійскія шляпы составляли нашъ нарядъ, который, по-моему, былъ изъ самыхъ смѣшныхъ. Мы такъ долго гуляли, что вернулись домой въ 6 часовъ утра. Въ 8 часовъ, только что я уснула, Чоглоковъ вошелъ въ мою комнату; я разомъ проснулась, онъ мнѣ сказалъ: «Вставайте скорѣе, потому что фундаментъ дома обваливается». Великій князь, который крѣпко спалъ, соскочилъ съ постели и убѣжалъ. Я встала не торопясь, совсѣмъ не зная, въ чемъ опасность, одѣлась и разбудила Крузе, которая спала рядомъ съ моей комнатой. Словомъ, мы такъ долго собирались, что домъ провалился; я упала на земь; двѣ печи, находившіяся въ такъ называемомъ залѣ, очень маленькомъ, наклонились такъ, что Крузе и я были ими покрыты, но мы не получили никакого другого вреда, кромѣ очень большого испуга. Унтеръ-офицеръ гвардіи Левашевъ, котораго послали, чтобы поторопить меня выйти, вынесъ меня оттуда; ступеньки валились подъ нимъ, все падало, все ломалось, но, по счастью, ничто насъ не задѣло и болѣе пяти или шести человѣкъ передавали меня одинъ другому, сколь возможно бережнѣе. Мнѣ пустили кровь: сначала мнѣ не было отъ этого другой боли; впрочемъ, 16 человѣкъ было убитыхъ и смертельно раненыхъ, въ томъ числѣ княжна Гагарина, по мужу Матюшкина, тогда моя фрейлина. Лѣто этого года чуть не развязало насъ съ этими неудобными людьми, благодаря слѣдующему приключенію, и если бы канцлеръ ихъ не поддержалъ, то все было бы кончено на этотъ разъ съ его выборомъ. Дѣвица Кошелева стала ближайшимъ другомъ Чоглоковой; она не выходила больше изъ ея комнаты; она была очень бѣленькая и молоденькая, но очень глупая, менѣе однакоже, чѣмъ тѣ, съ кѣмъ она имѣла дѣло; она у нихъ всѣмъ распоряжалась. Я довольно ее любила до ея новой дружбы, но понемногу я разочаровалась въ ней. Чоглокову надоѣла его супруга, постоянно беременная, и онъ возымѣлъ склонность къ этой дѣвицѣ. Ихъ дружба такъ далеко зашла, что онъ ей сдѣлалъ ребенка. На 5-мъ мѣсяцѣ беременности всѣ это

замѣтили; я одна изъ первыхъ это заподозрѣла. Одинъ изъ моихъ камердинеровъ пришелъ доложить Крузе, что онъ засталъ ихъ лежащими вмѣстѣ; императрица, которая вначалѣ не хотѣла этому вѣрить, подъ конецъ послала разслѣдовать это дѣло, и дѣвицу отправили къ ея родителямъ; Чоглокову угрожали тѣмъ, что его сошлютъ въ Сибирь и разведутъ съ женой. Послѣ такого скандала никакъ нельзя было оставить его при насъ. Стали искать, кѣмъ его замѣнить; предложили это мѣсто гетману, тогда камергеру и очень съ нами дружному,— это было во время самаго большого фавора его брата,—но онъ наотрѣзъ отказался. Хотѣли назначить генерала Апраксина, но его побоялись; словомъ, все выбирали и не находили, кого назначить. Мы поѣхали въ Москву въ 1748 г. Прошелъ годъ, дѣло его замялось и послѣднее и единственное наказаніе, которое онъ за это получилъ, было то, что приказали отцу духовному не допускать его два года къ причастію; его вліяніе однако отъ этого пострадало, великій князь немного спустя нашелъ случай принести сильныя на него жалобы; сила его друзей тоже ослабѣвала; онъ думалъ сдѣлать удивительный шагъ, поссорясь совершенно съ канцлеромъ, который его поддерживалъ, воспиталъ; онъ сѣлъ между двухъ стульевъ... По временамъ онъ сталъ хорошо относиться ко мнѣ, и такъ какъ я была рада, что онъ ссорился съ канцлеромъ, наущеніямъ котораго я была обязана частью горестей и страданій, которыя онъ мнѣ причинялъ, то я ему передала, какія нелѣпости канцлеръ выдѣлывалъ со мною, однажды, когда онъ хотѣлъ мнѣ меньше зла, чѣмъ обыкновенно; Чоглоковъ, надутый тщеславіемъ и самолюбіемъ, съ тѣхъ поръ такъ никогда и не примирился съ нимъ. Онъ давалъ намъ, великому князю и мнѣ, съ каждымъ днемъ больше свободы и старался намъ угождать, но по привычкѣ ли, или по натурѣ, онъ обижался на всякую бездѣлицу, и часто мы съ великимъ княземъ были на ножахъ съ нимъ и съ его женой. Мы вернулись сюда въ 1750 г. Чоглоковъ вздумалъ влюбиться или разыгрывать

влюбленнаго въ меня; я смѣялась надъ нимъ со всѣмъ остальнымъ дворомъ, который со времени его исправленія говорилъ со мною съ меньшимъ страхомъ; великій князь это зналъ. Лѣтомъ произошли новыя ссоры, и мы рѣшили съ великимъ княземъ нанести ему послѣдній ударъ, сказавъ объ этой любви императрицѣ; но счастливой звѣздѣ Чоглокова было угодно, чтобы императрица только посмѣялась надъ этимъ и сказала, что, такъ какъ мы на это жалуемся, то это не должно имѣть серьезнаго основанія. Онъ и жена его дѣйствовали заодно только тогда, когда дѣло шло о томъ, чтобы причинить кому-нибудь зло, и оба служили игрушкой и посмѣшищемъ всему двору; насъ жалѣли и намъ угождали тѣмъ, что желали имъ зла. Такъ прошелъ годъ, когда они, мужъ и жена, придумали иначе приняться за то, чтобы возстановить ихъ падающее значеніе; всѣ единогласно кричали о томъ, что послѣ 6 лѣтъ замужества у меня не было дѣтей, знали, что это не моя вина, какъ знали то, что я была еще дѣвушкой. Люди, которые не знали ихъ плана (въ ихъ числѣ была теща Пуговишникова, приставленная ко мнѣ уже два года на мѣсто Крузе — пьянство послѣдней уменьшило ея вліяніе и она нѣкоторымъ образомъ сумѣла снискать мое расположеніе) и вовсе не любили Чоглоковыхъ, были удивлены, что они употребляютъ все на свѣтѣ, чтобы привлечь насъ къ себѣ, и были возмущены тѣмъ, что мы поддавались ихъ авансамъ, несмотря на тѣ основанія, которыя мы имѣли жаловаться на нихъ и остерегаться ихъ. Нашлось много такихъ, которые изъ страха, что въ нихъ откроютъ тайныхъ враговъ Чоглоковыхъ, обидѣлись на это. Наконецъ, были всякаго рода политиканы; одни говорили, что планы Чоглоковыхъ состояли въ томъ, чтобы имъ войти въ фаворъ, впослѣдствіи имѣя виды на меня. Другіе думали, что это были внушенія младшаго Салтыкова и что это въ его пользу интриговалъ Чоглоковъ, который давалъ волю великому князю, чтобы ослѣпить ему глаза. На самомъ дѣлѣ Чоглоковъ, несмотря на свою склонность ко мнѣ, дѣйство-

валъ безкорыстно, зная очень хорошо и безъ ослѣпленія мое отвращеніе къ нему, и единственно въ виду обезпеченія законныхъ наслѣдниковъ [престола] для своей родины. Салтыковъ, который въ теченіе 7 лѣтъ былъ соперникомъ другого и въ теченіе 6 мѣсяцевъ былъ принятъ лучше, чѣмъ ранѣе, побуждалъ Чоглокова предпринять то, на что онъ уже составилъ свой планъ, заставивъ ли великаго князя прибѣгнуть къ медицинской помощи, или какъ иначе. Чоглокова, которая вовсе не считала чувства своего мужа столь чистыми, покровительствовала чувствамъ Салтыкова, чтобы сдѣлать пакость своему мужу, и старалась для той же цѣли, чтобы причинить ему досаду. Наконецъ, крайняя невинность великаго князя сдѣлала то, что ему должны были пріискать женщину. Выборъ палъ на вдову одного живописца, по имени Гротъ. Послѣ того, какъ все это было пущено въ ходъ, они думали заслужить благодарность за услугу, какую, по ихъ мнѣнію, они оказали. Совсѣмъ наоборотъ, Шуваловы, ихъ враги, подняли столь большой шумъ изъ-за ихъ притязательныхъ видовъ, что они думали, что ихъ сошлютъ, и объявили, что все, что они дѣлали, было лишь по внушеніямъ и для фавора Салтыкова, которому нуженъ былъ весь кредитъ его умиравшей матери, чтобы не быть удаленнымъ. Однако это правда, и я могу побожиться, что до своей смерти покойный Чоглоковъ не зналъ о роли Салтыкова и въ ту минуту, когда бы онъ объ этомъ могъ догадаться, этотъ послѣдній былъ человѣкомъ потеряннымъ. Чоглокова изъ ревности къ своему мужу, затѣмъ изъ дружбы къ Салтыкову, наконецъ, когда она имѣла поводъ пожаловаться на него, изъ честности, покровительствовала ему и использовала всѣ, какія только можно себѣ представить, увѣщанія, чтобы меня увлечь, и это въ соединеніи съ прелестью наружности и ума того, кому она покровительствовала, встрѣтило бы во всякомъ другомъ, кромѣ меня, меньше сопротивленія; это подлинно и несомнѣнно, что я отличалась благоразуміемъ и невинностью образцовой. Мы поѣхали въ

концѣ года въ Москву; я забеременѣла и сдѣлала въ іюлѣ 1753 г. выкидышъ. Все было спокойно до ноября мѣсяца, когда сгорѣлъ дворецъ; послѣ этого пожара мы жили въ частныхъ домахъ и такъ какъ Чоглокову приходилось часто ѣздить къ большому двору и оставаться тамъ дольше обыкновеннаго, то, поразило ли его это новшество, или съ какой-нибудь другой стороны вбили ему это въ голову, но только онъ вздумалъ влюбиться въ императрицу. Онъ сначала открылся въ этомъ Салтыкову, но потомъ мнѣ; онъ былъ отлично принятъ, и все дѣло шло хорошо; но его излишнее усердіе все испортило. Шуваловы возымѣли подозрѣніе; частые маскарады, которые происходили два раза въ недѣлю въ эту зиму, этому содѣйствовали: ему дѣлали глазки слишкомъ открыто. Они такъ повернули дѣло, что даже, кажется, выставили его какъ интригу Салтыкова и мою, что было неправда; но видя, что все идетъ хорошо, не стану отрицать, что мы его поощряли. Наконецъ, она велѣла, чтобы онъ подалъ въ отставку и въ разговорѣ за столомъ при всѣхъ назвала его безумцемъ и измѣнникомъ, это его такъ огорчило, что у него сдѣлалась желтуха. Позвали Кондоиди, всецѣло преданнаго Шуваловымъ и знавшаго, что Чоглоковъ ихъ врагъ; онъ думалъ, можетъ быть, оказать имъ услугу, доконавъ его; по крайней мѣрѣ всѣ доктора, какихъ только звали въ послѣдніе дни, увѣряли, что его лѣчили, какъ человѣка, котораго хотятъ убить. Черезъ четыре дня послѣ его смерти велѣли сказать его женѣ, что она можетъ оставаться въ Москвѣ и ее приставили къ намъ. Я думаю, что съ тѣхъ поръ былъ бы удаленъ Салтыковъ, если бы я не была беременна и если бы не боялись причинить мнѣ боль этимъ огорченіемъ. Я пріѣхала въ маѣ 1754 г. послѣ 29 дней пути въ Петербургъ. Я разрѣшилась отъ бремени 20 сентября; радость по этому случаю была неописуема. Три недѣли спустя Салтыковъ былъ посланъ въ Швецію съ этимъ извѣщеніемъ; это меня сильно опечалило; этимъ подвергали меня пересудамъ всего свѣта. Въ декабрѣ послали вслѣдъ

ему указъ отправиться въ Гамбургъ; но я столько хлопотала у канцлера, что онъ вернулся сюда прежде, чѣмъ его курьеръ достигъ Стокгольма. Послѣ долгаго шума, многихъ жалобъ и трескотни, мы порѣшили, что для его собственной пользы ему слѣдуетъ ѣхать. Я поддержала не столько по склонности, сколько по стойкости, то, что начала, и старалась безъ отдыха, побѣждая всѣ трудности и сражаясь изо всѣхъ силъ противъ всякихъ препятствій, чтобы добиться его возвращенія, и это мнѣ удалось, сверхъ того, что слѣдовало ожидать. Однако я вовсе не сулила себѣ радостей отъ этого возвращенія, такъ какъ этому мѣшалъ тяжелый характеръ этого господина. Когда въ декабрѣ мѣсяцѣ... Но къ чему повторять вамъ то, что вы знаете? Если вы найдете, что много вещей пропущено, пеняйте на быстроту, съ какой я пишу. Напримѣръ, причины моего охлажденія къ единственному отпрыску той партіи, которая меня сюда поставила, къ вице-канцлеру и моя тѣсная дружба съ канцлеромъ, вотъ онѣ отчасти. Графъ Лестокъ былъ арестованъ въ ноябрѣ 1748 г. Горе, какое я терпѣла отъ потери близкаго друга, меня очень печалило и, несмотря на все, что мнѣ наговорили относительно его враждебныхъ плановъ противъ насъ, такъ какъ я ничего доподлинно не видѣла, то я не могла этому повѣрить. Я думала, что вице-канцлеръ унаслѣдуетъ его образъ дѣйствій, но не тутъ-то было. Во время интригъ Шуваловыхъ противъ Чоглокова и его жены, онъ присоединился къ намъ, хотя и зналъ, что это косвенно и противъ меня, и былъ одинъ изъ самыхъ яростныхъ преслѣдователей Чоглоковыхъ и потомъ Салтыкова. Видя это поведеніе и зная, что вовсе не въ мою пользу онъ употребляетъ свое восходящее вліяніе, наоборотъ, что онъ избѣгаетъ всего того, что можетъ заставить думать, что онъ меня любитъ попрежнему, я рѣшилась согласоваться съ его образомъ дѣйствій. Прибавьте къ этому, что я начинала сомнѣваться и, по своему врожденному смыслу, чѣмъ больше я себя образовывала, [начинала] видѣть, что интересы Рос-

сіи очень далеки отъ интересовъ Франціи; по крайней мѣрѣ состояніе сомнѣнія, въ какомъ я находилась, не вязалось съ искренними намѣреніями, какія я имѣла; я знала, что канцлеръ всегда желалъ имѣть меня другомъ и что мое упорство и твердость, проявляемая мною въ пользу его враговъ, были единственной причиной, которая его возстановляла противъ меня и заставляла нѣкоторымъ образомъ мнѣ вредить. Первыя предложенія, которыя я велѣла ему сдѣлать, были приняты имъ съ распростертыми объятіями; мы рѣшили позабыть все прошлое, онъ заплатилъ мнѣ за мою искренность дружбой всѣхъ его друзей, которыхъ онъ мнѣ далъ, и предложилъ помогать мнѣ своими совѣтами. Такъ какъ и онъ, и его друзья хорошо со мной обходились, уважали меня и ласкали, то я считала себя достаточно отомщенной за холодность тѣхъ, кто мною пренебрегъ, и такъ какъ я думаю, что въ настоящее время я дѣйствую правильно, то, мнѣ кажется, одна смерть можетъ заставить меня измѣниться; я полагаю, что въ настоящемъ моемъ поведеніи я имѣю въ виду истинный интересъ Россіи и великая слава улыбается мнѣ въ будущемъ; у меня есть друзья искусные и твердые, и я не имѣю никакого основанія сомнѣваться въ ихъ вѣрности.

Я также забыла привести причину, изъ-за которой графиня Румянцова была удалена отъ меня. Мать въ своемъ послѣднемъ разговорѣ съ императрицей говорила противъ нея; канцлеръ, сила котораго становилась очень велика, не любилъ ея, и она стояла поперекъ дороги Крузе; послѣдняя, черезъ вліяніе сестры и зятя, содѣйствовала ея удаленію. Вы найдете, можетъ быть, также, что возразить на то, что, видя, что со мною такъ дурно обходятся, я никогда не говорила сама съ императрицей, чтобы оправдаться въ массѣ клеветы, лжи и пр. Знайте, что тысячу и тысячу разъ я просила о томъ, чтобы поговорить съ ней частнымъ образомъ, но что ей никогда не было угодно на это согласиться. Ея антипатія ко мнѣ

росла съ каждымъ годомъ, хотя моей единственной цѣлью всегда было во всемъ ей угождать. Великій князь мнѣ свидѣтель во всемъ томъ, что я дѣлала, чтобы убѣдить и его также къ ней относиться; мое уваженіе къ ней и мое подчиненіе всему, чего она желала, доходили до крайнихъ предѣловъ, до какихъ человѣкъ можетъ ихъ довести. Правда, что съ ноября 1754 г. я перемѣнила тонъ, онъ сталъ выше, меня больше щадятъ, и у меня больше покоя чѣмъ прежде.

[«ЗАПИСКИ»...]

Я родилась 2 мая н. ст. 1729 г. въ Штеттинѣ въ Помераніи, гдѣ мой отецъ, Христіанъ-Августъ, принцъ Ангальтъ-Цербстскій, былъ тогда комендантомъ Прусскаго короля и командиромъ пѣхотнаго полка. Онъ женился въ октябрѣ 1727 на Іоаннѣ-Елисаветѣ, принцессѣ Шлезвигъ-Голштинской. Я была ихъ первымъ ребенкомъ и моя мать чуть не умерла, разрѣшаясь мною. Меня воспитывали двѣ француженки-эмигрантки, одна за другою, обѣ родныя сестры Кардель. Я выучилась по-французски и въ трехлѣтнемъ возрастѣ уже умѣла читать и говорила на этомъ языкѣ. Мать совершала частыя поѣздки къ своей многочисленной роднѣ и обыкновенно брала меня съ собою. Меня очень любили; я очень хорошо помню, что семи лѣтъ я знала, что я очень некрасива, но очень умна. Я училась въ дѣтствѣ исторіи, географіи, читать и писать по-нѣмецки и по-французски, немного рисовать, немного музыкѣ, танцамъ и разнымъ рукодѣліямъ. Меня наставляли въ лютеранской вѣрѣ: я ужасно любила задавать вопросы, была довольно упряма, очень вкрадчива; у меня было доброе сердце, я была очень чувствительна, легко ударялась въ слезы и была крайне подвижна. Я совсѣмъ не любила куколъ, но очень любила всякія тѣлесныя упражненія; не

было мальчика отважнѣе меня; я хвасталась, что я такова, и часто я скрывала, когда мнѣ было страшно; стыдъ производилъ это движеніе; я была довольно скрытная [1]. .

. . . .

Канцлеръ Бестужевъ былъ арестованъ въ 1757, 14 или 15 февраля въ субботу. На слѣдующее утро меня объ этомъ извѣстили; это меня очень испугало, потому что мнѣ сказали, что одинъ итальянскій купецъ, мой ювелиръ, былъ арестованъ, такъ же какъ и мой учитель русскаго языка, по имени Ададуровъ, герольдмейстеръ. Такъ какъ эти послѣдніе были мнѣ особенно преданы, то я рѣшила, что дѣло могло близко затронуть меня, тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ, какъ вліяніе графа Бестужева у императрицы Елисаветы пало, онъ усиленно добивался расположенія великаго князя и моего въ особенности и дошелъ до того, что составилъ письменный проектъ, чтобы доставить мнѣ въ случаѣ смерти императрицы (здоровье которой было уже сильно разстроено нѣсколько лѣтъ) участіе въ престолонаслѣдіи и правленіи съ моимъ супругомъ; я видѣла этотъ проектъ, я исправила его собственноручно, и хотя онъ былъ у меня въ рукахъ, я не могла знать, не остался ли черновикъ въ бумагахъ этого графа, также какъ и нѣкоторыя мои письма; все это могло бы навлечь столько обвиненій на меня. Я молчала и ждала исхода. Такъ какъ въ это воскресенье вечеромъ при дворѣ была свадьба молодого графа Бутурлина и графини Воронцовой, то я отправилась туда и спросила князя Трубецкого и жену фельдмаршала Бутурлина, (назначеннаго вмѣстѣ съ графомъ Ал[ександромъ] Шуваловымъ комиссаромъ для разслѣдованія поведенія и преступленій графа Бест[ужева]), не тронутъ ли его и не сдѣлаютъ ли какого зла графу, Бернарди и Ададурову. Я побожилась простить всѣмъ тѣмъ, кто меня оскорблялъ; я знаю, что все это дѣло устроено противъ меня Шуваловыми и французскимъ посланникомъ, марки-

---

[1] На этомъ разсказъ обрывается.

зомъ де-Лопиталь. Они мнѣ обѣщали сдѣлать все, отъ нихъ зависящее. На слѣдующій день я послала одного француза, по имени Брессана, камердинера великаго князя, проникавшаго рѣшительно всюду, къ генералъ-прокурору Глѣбову, любимцу графа Петра Шувалова, чтобы сказать ему то же самое. Это произвело свое дѣйствіе. Черезъ день говорили уже о томъ, что нужно отослать графа Бест[ужева] въ его имѣніе, и отдали объ этомъ приказъ, какъ было опубликовано черезъ два года. Между тѣмъ, такъ какъ императрица и графъ Александръ Шуваловъ очень увлеклись продолженіемъ этого дѣла, то я вовсе не забывала разузнавать подробности процесса—дѣло довольно трудное въ виду того, что мы были почти что въ заключеніи и не смѣли и не имѣли возможности ни съ кѣмъ говорить. Притомъ меня всѣ избѣгали въ этомъ случаѣ, полагая, что я тутъ замѣшана. Вотъ однако какъ я за это взялась. Штамбке [1]), министръ великаго князя по голштинскимъ дѣламъ, которыя мой мужъ мнѣ тогда довѣрилъ, бывалъ у меня, а графъ Бест[ужевъ], коего онъ былъ любимцемъ, нашелъ способъ передавать черезъ него свои вопросы и отвѣты; Ададуровъ дѣлалъ то же самое черезъ Брессана, который подкупилъ кое-кого изъ его стражи. Я послала моего камердинера сдѣлать то же у Бернарди, и какъ только произнесли мое имя, унтеръ-офицеръ нисколько не затруднился передавать ему сколько угодно писемъ и онъ приносилъ отвѣты, такъ что все это шло довольно хорошо; но слуга Штамбке измѣнилъ своему господину, и мы испытали несчастіе видѣть увольненіе Штамбке. Между тѣмъ при помощи стражи эти сношенія скоро были возстановлены и всѣ отвѣты условлены.

Въ апрѣлѣ того же года у меня отняли одну старую женщину, которую я тогда очень любила, подъ предлогомъ, что она знала обо всѣхъ поступкахъ графа Бестужева со мною; настоящей же причиной было то, что она

---

[1]) Въ подлинникѣ Stambken.

передавала, когда ее приставили ко мнѣ, обо всемъ, что я дѣлала, покойной императрицѣ Елисаветѣ и перестала это дѣлать, когда я ее привлекла къ себѣ подарками и хорошимъ обращеніемъ,—мнѣ это всегда удавалось со всѣми шпіонами, которыхъ ко мнѣ приставляли, и вслѣдствіе этого пріема и многихъ другихъ у меня оказалось послѣ смерти этой императрицы шестьсотъ тысячъ долгу (между тѣмъ какъ на свои удовольствія я получала тридцать тысячъ рублей). Когда у меня взяли эту женщину, я предположила, что на меня, конечно, сердятся; я велѣла позвать графа Александра Шувалова, который исполнялъ обязанности оберъ-гофмейстера при насъ, и спросила его о причинѣ этого похищенія (такъ можно было выразиться, потому что когда однажды въ пятницу я была на службѣ, и эта женщина пошла туда же, ей пришли сказать, что графъ ее спрашиваетъ; когда она пришла къ нему въ комнату, онъ посадилъ ее въ карету и отправилъ въ свой домъ, гдѣ не жилъ самъ, такъ какъ имѣлъ помѣщеніе при дворѣ, и съ тѣхъ поръ въ теченіе четырехъ лѣтъ ее переводили изъ тюрьмы въ тюрьму, вплоть до смерти императрицы). Онъ мнѣ отвѣтилъ, что она была замѣшана въ дѣлѣ графа Бестужева; я ему сказала: «Напрасно вы меня обманываете; я знаю, что привязанность этой женщины ко мнѣ ее губитъ, но знайте, что какъ бы дурно вы съ ней ни поступили, она ничего не можетъ вамъ сказать, въ особенности относительно меня, потому что я всегда скрывала отъ нея всѣ свои дѣйствія, и мои слуги не бываютъ ни моими повѣренными, ни моими совѣтчиками. Возьмите хоть всѣхъ ихъ, однако вы ничего не узнаете; я знаю, что все это лишь преслѣдованія по отношенію ко мнѣ; вы отвѣтите передъ Богомъ за то, что дѣлаете столько зла столькимъ невиннымъ». Онъ отошелъ совсѣмъ потрясенный; я много плакала, потому что дурное обращеніе императрицы и великаго князя со мною съ каждымъ днемъ все ухудшалось.

[«ЗАПИСКИ»...]

Смерть императрицы Елисаветы повергла въ уныніе всѣхъ русскихъ, но особенно всѣхъ добрыхъ патріотовъ, потому что въ ея преемникѣ видѣли государя жестокаго характера, ограниченнаго ума, ненавидящаго и презирающаго русскихъ, не знающаго совсѣмъ своей страны, неспособнаго къ усидчивому труду, скупого и расточительнаго, преданнаго своимъ прихотямъ и тѣмъ, кто рабски ему льстилъ. Какъ только онъ сталъ властелиномъ, онъ предоставилъ двумъ-гремъ фаворитамъ свои дѣла и предался всякаго рода распутству. Онъ началъ съ того, что отнялъ земли у духовенства, ввелъ множество довольно безполезныхъ новшествъ, большею частью въ войскахъ; онъ презиралъ законы; однимъ словомъ, всякое правосудіе было предметомъ торга. Неудовольствіе проникло всюду, и дурное мнѣніе, какое имѣли о немъ, привело къ тому, что объясняли въ дурную сторону и то немногое, что онъ сдѣлалъ полезнаго. Его проекты, болѣе или менѣе обдуманные, состояли въ томъ, чтобы начать войну съ Даніей за Шлезвигъ, перемѣнить вѣру, разойтись съ женой, жениться на любовницѣ, вступить въ союзъ съ Прусскимъ королемъ, котораго онъ называлъ своимъ господиномъ и которому собирался принести присягу: онъ хотѣлъ дать

ему часть своихъ войскъ; и онъ не скрывалъ почти ни одного изъ своихъ проектовъ. Со времени смерти императрицы, его тетки, дѣлали тайно различныя предложенія императрицѣ Екатеринѣ, которыя она никогда не хотѣла слушать, постоянно надѣясь, что время и обстоятельства измѣнятъ что-нибудь въ ея несчастномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что она знала безъ всякаго сомнѣнія, что въ концѣ концовъ вовсе не могли коснуться ея положенія или ея особы безъ величайшаго риска. Народъ былъ всецѣло ей преданъ и смотрѣлъ на нее, какъ на свою единственную надежду. Образовались различныя партіи, которыя думали помочь бѣдствіямъ своей родины; каждая изъ этихъ партій обращалась къ ней въ отдѣльности и однѣ совершенно не знали другихъ. Она ихъ выслушивала, не отнимала у нихъ всякой надежды, но просила ихъ всегда подождать, полагая, что дѣло не дойдетъ до крайности и считая всякую перемѣну такого рода несчастіемъ. Она смотрѣла на свой долгъ и на свою репутацію, какъ на сильный оплотъ противъ честолюбія; даже эта опасность, которой она подвергалась, была для нея новымъ блескомъ, всю цѣну котораго она сознавала. Петръ III былъ неизмѣнной мушкой на очень красивомъ лицѣ. Поведеніе Екатерины по отношенію къ народу было всегда безупречно; она всегда хотѣла, желала и жаждала лишь счастія этого народа, и вся ея жизнь будетъ употреблена лишь на то, чтобы доставить русскимъ благо и счастіе. Видя однако, что дѣла идутъ все хуже, императрица дала знать различнымъ партіямъ, что пришло время соединиться и подумать о средствахъ, чему удивительно помогло оскорбленіе, которое ея супругъ нанесъ ей публично. Поэтому условились, что, какъ только онъ вернется съ дачи, его арестуютъ въ его комнатѣ и объявятъ его неспособнымъ царствовать. Дѣйствительно, у него голова пошла кругомъ и, конечно, во всей имперіи у него не было болѣе лютаго врага, чѣмъ онъ самъ. Не всѣ были одинаковаго мнѣнія: одни хотѣли, чтобы это совершилось въ пользу его сына,

другіе—въ пользу его жены. За три дня до намѣченнаго времени нескромныя рѣчи одного солдата вызвали арестъ капитана Пассека, одного изъ главныхъ участниковъ тайны. Трое братьевъ Орловыхъ, изъ которыхъ старшій былъ капитаномъ артиллеріи, немедленно приступили къ дѣйствіямъ. Гетманъ и тайный совѣтникъ Панинъ сказали имъ, что это слишкомъ рано; но они по собственному побужденію послали своего второго брата въ каретѣ въ Петергофъ, чтобы привезти императрицу, разбудить которую Алексѣй Орловъ явился въ шесть часовъ утра 28 іюня стараго стиля. Какъ только она узнала, что Пассекъ арестованъ, и что ради своей собственной безопасности нельзя было терять времени, она встала и поѣхала въ городъ, при въѣздѣ въ который встрѣтили ее старшій Орловъ и князь Барятинскій и отвезли въ казармы Измайловскаго полка, гдѣ, при ея прибытіи, было только 12 человѣкъ и одинъ унтеръ-офицеръ—и все казалось спокойнымъ; солдаты были всѣ предупреждены, но оставались у себя, а когда они пришли, провозгласили ее самодержавной императрицей. Радость солдатъ и народа была неописуема. Оттуда ее повезли въ Семеновскій полкъ: семеновцы вышли къ ней навстрѣчу, прыгая и крича отъ радости. Сопровождаемая такимъ образомъ, она отправилась въ Казанскую церковь, куда явились конногвардейцы, неистовствуя отъ радости; явилась гренадерская рота Преображенскаго полка: они извинялись въ томъ, что пришли послѣдними, говоря, что ихъ офицеры хотѣли помѣшать имъ отправиться, что иначе они, безъ сомнѣнія, были-бы первыми. Послѣ нихъ прибыла артиллерія и ея фельдцейхмейстеръ Вильбуа. Такъ, провожаемая восклицаніями безчисленной толпы, императрица прибыла въ Зимній дворецъ, гдѣ собрались—Синодъ, Сенатъ и всѣ сановники. Составили манифестъ и присягу, и всѣ признали ее государыней. Императрица собрала нѣчто вродѣ совѣта, составленнаго изъ гетмана, тайнаго совѣтника Панина, князя Волконскаго, генералъ-фельдцейхмейстера и нѣсколькихъ дру-

Екатерина II въ мундирѣ Преображенскаго полка въ 1762 г.

Съ гравированнаго портрета [illegible]

Екатерина II въ мундирѣ Преображенскаго полка въ 1762 г.

Съ гравированнаго портрета Фосойэ.

гихъ, на которомъ было рѣшено отправиться съ четырьмя гвардейскими полками, кирасирскимъ полкомъ и четырьмя полками пѣхоты въ Петергофъ, чтобы захватить Петра III. На этомъ совѣтѣ князь Волконскій сказалъ, что къ сожалѣнію вовсе не было легкой кавалеріи; только что онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ его вызвалъ офицеръ и сказалъ ему, что полкъ гусаръ только что вступилъ въ предмѣстье; во время этого совѣта прибылъ канцлеръ графъ Воронцовъ отъ имени низложеннаго императора, чтобы высказать императрицѣ упреки за ея бѣгство и потребовать отъ нея объясненій этого. Она приказала ему войти, и когда онъ очень серьезно изложилъ причины, по которымъ онъ посланъ, она ему сказала, что она увѣдомитъ его о своемъ отвѣтѣ; онъ вышелъ и въ другой комнатѣ всѣ ему стали совѣтовать пойти принести новую присягу. Онъ сказалъ, что для того, чтобы облегчить свою совѣсть, онъ проситъ позволенія написать письмо, чтобы отвѣтить о результатѣ своей миссіи, и что затѣмъ онъ принесетъ присягу, что ему и разрѣшили. Послѣ него пріѣхали князь Трубецкой и фельдмаршалъ Александръ Шуваловъ. Они были посланы удержать два первыхъ гвардейскихъ полка, шефами которыхъ они были, и чтобы убить императрицу: они пали къ ея ногамъ и разсказали ей о своей миссіи и затѣмъ отправились принести присягу. Когда все это было кончено, оставили великаго князя и нѣсколько отрядовъ подъ вѣдѣніемъ Сената для охраны города, а императрица въ гвардейскомъ мундирѣ (она объявила себя полковникомъ гвардіи) верхомъ, во главѣ полковъ—выступила изъ города. Шли всю ночь и подъ утро прибыли къ небольшому монастырю—въ двухъ верстахъ отъ Петергофа, куда князь Голицынъ, вице-канцлеръ, доставилъ императрицѣ письмо отъ бывшаго императора, а немного погодя генералъ Измайловъ—съ такимъ же порученіемъ. Вотъ что подало къ этому поводъ. Императоръ долженъ былъ пріѣхать обѣдать 28 изъ Ораніенбаума, гдѣ онъ жилъ, въ Петергофъ. Какъ только

онъ узналъ, что императрица уѣхала оттуда, онъ встревожился и послалъ въ городъ разныхъ лицъ; но такъ какъ сторожили по распоряженію императрицы всѣ подъѣздныя дороги, то никто не вовзвращался; онъ зналъ, что два полка были въ тридцати верстахъ отъ города; онъ послалъ привести ихъ для своей защиты, но эти полки отправились присоединиться къ императрицѣ. Въ виду этого старый фельдмаршалъ Минихъ, генералъ Измайловъ и нѣсколько другихъ совѣтовали ему, взявъ человѣкъ двѣнадцать, или отправиться къ арміи, или же броситься въ Кронштадтъ; женщины, которыхъ было около него по крайней мѣрѣ человѣкъ тридцать, отсовѣтовали ему это, подъ предлогомъ опасности. Онъ послушался ихъ и послалъ въ Кронштадтъ генерала Девьера, котораго адмиралъ Талызинъ, посланный императрицей, обезоружилъ, когда этотъ послѣдній пріѣхалъ, о чемъ императоръ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній; но, протянувъ свое раздумье до этого вечера, онъ наконецъ рѣшилъ сѣсть съ дамами и остатками своего двора на галеру и двѣ яхты и отправиться въ Кронштадтъ; по прибытіи туда онъ потребовалъ, чтобы его впустили, но караульный офицеръ на бастіонѣ у входа въ портъ отказалъ ему и пригрозилъ, что будетъ стрѣлять по галерѣ этого принца, хотя въ дѣйствительности у него не было пороха; услыша это, онъ приказалъ повернуть обратно и отправился высадиться въ Ораніенбаумѣ, гдѣ онъ легъ спать и на слѣдующій день написалъ эти два вышеупомянутыя письма: въ первомъ изъ нихъ онъ просилъ, чтобы ему позволили вернуться въ Голштинію со своей любовницей и фаворитами, а во второмъ—онъ предлагалъ отказаться отъ имперіи, прося лишь о [сохраненіи ему] жизни. Между тѣмъ у него было при себѣ полторы тысячи вооруженныхъ людей голштинскаго войска, болѣе сотни пушекъ и нѣсколько русскихъ отрядовъ. Императрица отослала генерала Измайлова[1])...

---

[1]) Въ подлинникѣ—приписка на полѣ.

Этотъ, придя къ императрицѣ, бросился къ ея ногамъ и сказалъ ей: «Считаете ли вы меня честнымъ человѣкомъ?» Она сказала: «Да». «Ну», возразилъ онъ, «считайте, что я вашъ; я хочу, если вы мнѣ довѣряетесь, избавить мое отечество отъ большого кровопролитія; есть удовольствіе быть съ умными людьми, я даю вамъ слово, если вы меня пошлете, что я одинъ доставлю сюда Петра III». Это онъ и выполнилъ [1])....

... съ письмомъ, чтобы имѣть это отреченіе. Петръ III свободно написалъ этотъ актъ и затѣмъ пріѣхалъ съ генераломъ Измайловымъ, своей любовницей и фаворитомъ Гудовичемъ въ Петергофъ, гдѣ, чтобы предохранить его отъ возможности быть растерзаннымъ солдатами, дали ему надежную охрану съ четырьмя офицерами, подъ начальствомъ Алексѣя Орлова. Пока подготовляли его отъѣздъ въ Ропшу, загородный дворецъ, очень пріятный и отнюдь не укрѣпленный, солдаты стали роптать и говорить, что уже цѣлыхъ три часа, какъ они не видали императрицу; что, повидимому, князь Трубецкой миритъ эту государыню съ ея супругомъ; что ее надо предостеречь, чтобы она не довѣрялась; что несомнѣнно ее обманули бы, погубили, а также ихъ [вмѣстѣ съ ней]. Какъ только Екатеринѣ стали извѣстны эти толки, она отправилась къ князю Трубецкому и сказала, чтобы онъ сѣлъ въ карету и отправился въ городъ, между тѣмъ какъ она пѣшкомъ будетъ обходить войска. Какъ только они ее увидѣли, крики радости и веселья возобновились. Петра III отправили на мѣсто назначенія. Съ наступленіемъ ночи, императрицѣ посовѣтовали возвратиться въ городъ, потому что двое сутокъ она не спала и почти что не ѣла, но войска просили ее не покидать ихъ, на что она съ удовольствіемъ согласилась, видя ихъ крайне восторженное отношеніе къ ея особѣ. На полпути три часа отдыхали, и въ десять часовъ утра тридцатаго іюня стараго

[1]) Конецъ приписки.

стиля 1762 императрица верхомъ, во главѣ войскъ и артиллеріи, совершила свой въѣздъ въ Петербургъ при неописуемо радостныхъ восклицаніяхъ безчисленнаго народа. Никогда нельзя представить себѣ болѣе прекраснаго зрѣлища. Ея дворъ ей предшествовалъ, а войска украсили дубовыми вѣтками фуражки и шляпы — они затоптали ногами всѣ новыя одѣянія, какія далъ имъ Петръ III. Такимъ образомъ съ тріумфомъ прибыла она въ Лѣтній дворецъ, гдѣ собралось и ожидало ее все, что было знатнаго или виднаго. Великій князь вышелъ къ ней навстрѣчу на середину двора. Императрица, какъ только его увидѣла, сошла съ лошади и поцѣловала его. Восклицанія не прекращались; отправились въ церковь, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ при громѣ пушекъ; весь день крики радости продолжали раздаваться среди народа и не было никакихъ безпорядковъ. Императрица легла спать и только что заснула, какъ поручикъ Пассекъ пришелъ разбудить ее, прося ее встать; потому что усталость, безсонница и вино разгорячили мозги болѣе обыкновеннаго, а любовь къ ея особѣ возбудила въ Измайловскомъ полку опасеніе за ея безопасность и простодушно они выступили въ походъ, чтобы притти защитить ее; когда пришли имъ сказать, что бояться было нечего и что она спитъ, они отвѣтили, что въ этомъ отношеніи они могутъ и должны вѣрить лишь собственнымъ глазамъ. Императрица поднялась въ два часа ночи и вышла къ нимъ. Какъ только они ее увидѣли, раздались крики радости; но серьезнымъ тономъ она имъ сказала, чтобы они пошли и легли и дали бы ей уснуть, и чтобы они вѣрили своимъ офицерамъ, коимъ она имъ настойчиво совѣтовала повиноваться; они обѣщали ей это, извиняясь и дѣлая другъ другу упреки въ томъ, что дали себя убѣдить, чтобы такимъ образомъ разбудить ее. Они очень спокойно отправились домой, часто оборачивая назадъ голову, чтобы какъ можно дольше видѣть ее,—NB. въ Петербургѣ лѣтомъ почти не бываетъ ночей. Въ слѣдующіе два дня крики радости

продолжались непрерывно, но не было ни крайностей, ни безпорядковъ—дѣло очень необычное при столь сильныхъ волненіяхъ. Нѣсколько недѣль спустя вновь появилась тревога за особу императрицы въ этихъ войскахъ, и нѣсколько вечеровъ они собирались, чтобы помочь ей, или увидѣть ее. Тогда она подписала приказъ о томъ, чтобы они не собирались болѣе, увѣряя ихъ, что она сама стоитъ на стражѣ своей безопасности и что у нея совсѣмъ нѣтъ враговъ. По поводу этого приказа они разсуждали: должно быть, это правда, ибо не врагъ же она самой себѣ, чтобы считать себя въ безопасности, если бы это было не такъ. Съ этого времени все остается въ величайшемъ спокойствіи.

АНЕКДОТЫ ОБЪ ЭТОМЪ СОБЫТІИ.

Когда поручикъ Пассекъ былъ арестованъ, солдаты, которые караулили его, открыли ему двери и окна, чтобы онъ бѣжалъ, «потому что—говорили они—ты страдаешь за доброе дѣло», и хотя онъ долженъ былъ ожидать допроса и не могъ предвидѣть, что произойдетъ, несмотря на то, что всѣ, посвященные въ тайну, условились, что, будь то, что съ нимъ случилось, тотчасъ же слѣдовало приступить къ дѣлу; однакоже онъ имѣлъ рѣшимость остаться въ своемъ заточеніи, чтобы ничего не испортить, потому что весь полкъ былъ бы поднятъ на ноги и могли бы запереть городъ, чтобы его искать.

Когда адмиралъ Талызинъ былъ посланъ въ Кронштадтъ, мы всѣ считали его погибшимъ человѣкомъ, потому что не представлялось понятнымъ, чтобы императоръ не подумалъ объ этомъ портѣ и крѣпости: надо было сдѣлать водою только одну милю отъ Ораніенбаума, тогда какъ отъ города было четыре и онъ былъ посланъ лишь въ полдень. Когда онъ пріѣхалъ, дѣйствительно онъ нашелъ генерала Девьера съ двумя тысячами человѣкъ, выстроенныхъ на пристани; этотъ послѣдній спросилъ его,

зачѣмъ онъ пріѣхалъ; онъ отвѣтилъ: «Я пріѣхалъ поторопить отплытіе флота». «А что говорятъ и дѣлаютъ въ городѣ?»—«Ничего», сказалъ онъ.—«Куда вы направляетесь теперь?»—«Я собираюсь отдохнуть, я умираю отъ жары». Тотъ его пропустилъ; онъ вошелъ въ одинъ домъ, вышелъ изъ него черезъ заднюю дверь и пришелъ къ коменданту Нумерсу, которому сказалъ: «Послушай, въ городѣ совсѣмъ другія вѣсти, чѣмъ здѣсь; всѣ принесли присягу императрицѣ. Я совѣтую тебѣ сдѣлать то же самое. У меня здѣсь четыре тысячи матросовъ, у тебя лишь двѣ тысячи человѣкъ. Вотъ мой приказъ: рѣшайся». Этотъ отвѣтилъ, что сдѣлаетъ то, что ему будетъ угодно. «Ну», сказалъ онъ: «ступай, обезоружь генерала Девьера». Онъ пошелъ на это, отозвалъ его въ сторону, взялъ у него шпагу,—и всѣ принесли присягу.

Когда императрица отправилась изъ Петергофа, она потеряла болѣе получаса времени, проходя садами, и вслѣдствіе этого не нашла кареты и была узнана на улицѣ нѣкоторыми прохожими. Съ нею была только горничная, которая ни за что не хотѣла ее оставить, и ея первый камердинеръ, искавшій карету.

Въ то время, какъ она шла съ войсками въ Петергофъ, народъ вообразилъ, что Петръ III можетъ пріѣхать водою; нѣсколько тысячъ человѣкъ собралось на Васильевскомъ островѣ, на берегу моря при входѣ въ Неву, вооруженныхъ камнями и палками, въ полной рѣшимости потопить всякое судно, которое прибыло бы съ моря.

ПРОДОЛЖЕНІЕ АНЕКДОТОВЪ.

Когда императрица съ тріумфомъ вернулась въ городъ и удалилась въ свою комнату, капитанъ Орловъ палъ къ ея ногамъ и сказалъ ей: «Я васъ вижу самодержавной императрицей, а мое отечество—освобожденнымъ отъ оковъ; оно будетъ счастливо подъ вашимъ правленіемъ. Я исполнилъ свой долгъ, я послужилъ вамъ, отечеству и самому себѣ; прошу васъ объ одной только милости: позвольте мнѣ удалиться въ свои имѣнія; я родился честнымъ человѣкомъ, дворъ могъ бы меня испортить, я молодъ,—милость могла бы вызвать ненависть ко мнѣ; у меня есть состояніе, я буду счастливъ на покоѣ, покрытый славой, такъ какъ я далъ васъ моему отечеству». Императрица ему отвѣтила, что заставить ее прослыть неблагодарной по отношенію къ человѣку, которому она считала себя наиболѣе обязанной, значило бы испортить ея дѣло; что простой народъ не можетъ повѣрить такому большому великодушію, но подумаетъ, что она дала ему какой-нибудь поводъ къ неудовольствію или даже что она недостаточно его вознаградила. Пришлось какъ бы прибѣгнуть къ власти, чтобы заставить его остаться, и онъ былъ огорченъ до слезъ красной александровской лентой и камергерскимъ ключомъ, которыми она его пожаловала, что даетъ чинъ генералъ-маіора.

Ярость солдатъ противъ Петра III была чрезвычайна: вотъ ея образчикъ. Послѣ присяги, пока держали совѣтъ, войскамъ, выстроеннымъ вокругъ Зимняго деревяннаго дворца, было позволено снова надѣть ихъ прежніе мундиры; одинъ изъ офицеровъ вздумалъ сорвать свой золотой знакъ и бросилъ его своему полку, думая, что они обратятъ его въ деньги: они его съ жадностью подхватили и, поймавъ собаку, повѣсили его ей на шею; эту собаку, наряженную такимъ образомъ, прогнали съ великимъ гиканьемъ; они топтали ногами все, что для нихъ исходило отъ этого государя.

Чтобы отправиться въ Ропшу съ Петромъ III, императрица назначила капитана Алексѣя Орлова, князя Барятинскаго и троихъ другихъ офицеровъ. Они выбрали изъ разныхъ гвардейскихъ полковъ 100 человѣкъ. Данныя имъ приказанія гласили сдѣлать жизнь этому государю настолько пріятной, насколько они могли, и доставить ему для его развлеченія все, что онъ захочетъ. Были намѣренія отослать его изъ этого мѣста въ Шлиссельбургъ и, смотря по обстоятельствамъ, приказать черезъ нѣкоторое время отправить его въ Голштинію съ его фаворитами, настолько его личность была мало опасной.

Когда этотъ государь узналъ, что императрица отправилась изъ Петергофа, онъ пріѣхалъ туда, искалъ ее всюду, даже подъ кроватью, спрашивалъ всѣхъ своихъ, кто тамъ остался, но никакъ ни на что не могъ рѣшиться. Всѣ, окружавшіе его, давали ему разные совѣты, изъ которыхъ онъ выбралъ самые слабые, прогуливался вдоль и поперекъ по саду и, наконецъ, захотѣлъ обѣдать.

Когда гренадерская рота перваго гвардейскаго полка подошла близъ Казанской церкви навстрѣчу къ императрицѣ, они хотѣли занять свой постъ у экипажа императрицы, но гренадеры Измайловскаго полка возразили имъ съ горькими упреками, что они явились послѣдними, и что никоимъ образомъ имъ не уступятъ; это былъ очень опасный моментъ, потому что если бы первые стали упорствовать, пошли бы въ ходъ штыки; но ничуть не бывало, они сказали, что это была вина ихъ офицеровъ, которые ихъ задержали, и самымъ кроткимъ образомъ пошли маршировать передъ лошадьми экипажа императрицы.

Когда императрица сошла съ лошади у Лѣтняго дворца, по возвращеніи изъ Петергофа, давка была такъ велика, что ее вели подъ руки, что представляло прекрасное зрѣлище; это имѣло видъ, какъ будто бы она была вынуждена сдѣлать все то, что только что произошло; что было въ дѣйствительности справедливо, потому что, если бы она отказалась, она подвергнулась бы опасности раздѣлить участь Петра III; такимъ образомъ, не было выбора.

Воронежскій полкъ утромъ 28 іюня былъ въ Красномъ Селѣ, въ 27 верстахъ отъ Петербурга. Нѣмецкій офицеръ, посланный отъ Петра III, пріѣхалъ немного ранѣе посланнаго отъ императрицы, чтобы двинуть этотъ полкъ въ Петергофъ, и они готовились выступить въ путь, не зная, въ чемъ дѣло, когда пріѣхалъ полковникъ Олсуфьевъ съ однимъ гвардейскимъ офицеромъ, чтобы привести ихъ къ присягѣ Екатеринѣ; полковой командиръ колебался; одинъ гренадеръ проронилъ нѣсколько словъ, которыя не понравились нѣмецкому офицеру, онъ вынулъ шпагу и хотѣлъ нанести ударъ ею этому солдату; и всѣ солдаты стали кричать, что нужно итти въ Петербургъ, чтобы присоединиться къ Екатеринѣ. Они двинулись въ путь, когда эта

государыня выступала изъ города, она ихъ встрѣтила. Такъ какъ они устали, она хотѣла оставить ихъ въ городѣ, но они прошли съ ней еще 23 версты и тамъ имъ было приказано сдѣлать привалъ на одной дачѣ, называемой «мыза Стрѣльна», потому что нѣсколько не довѣряли полковому командиру, и въ ту же ночь, когда всѣ вернулись въ городъ, этотъ полкъ также возвратился туда; такимъ образомъ онъ сдѣлалъ въ 24 часа 73 версты, что составляетъ десять съ половиной нѣмецкихъ миль.

По выступленіи изъ города вечеромъ 28 числа первый привалъ былъ сдѣланъ въ 10 верстахъ отъ города, на постояломъ дворѣ, называемомъ Красный Кабачокъ: здѣсь все имѣло видъ настоящаго военнаго предпріятія; солдаты разлеглись на большой дорогѣ, офицеры и множество горожанъ, слѣдовавшихъ изъ любопытства, и все, что могло помѣститься въ этомъ домѣ,—вошло туда. Никогда еще день не былъ болѣе богатъ приключеніями; у каждаго было свое и всѣ хотѣли разсказывать; были необыкновенно веселы и ни у кого не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Можно было подумать, что все ужъ порѣшено, хотя въ дѣйствительности никто не могъ предвидѣть конца, какой приметъ эта великая катастрофа. Не знали даже, гдѣ находится Петръ III. Слѣдовало предполагать, что онъ бросился въ Кронштадтъ; но никто не думалъ объ этомъ. Екатерина, однако, была совсѣмъ не такъ спокойна, какъ это казалось; она смѣялась и шутила съ другими, переговаривалась съ тѣми и другими черезъ всю комнату и когда подмѣчали у нея минуты разсѣянности—она сваливала вину на утомленіе отъ этого дня; захотѣли уложить ее спать,—она бросилась на минуту въ кровать, но, не будучи въ состояніи закрыть глаза, лежала неподвижно, чтобы не разбудить княгиню Дашкову, спавшую возлѣ нея; но, повернувъ нечаянно голову, она увидѣла, что ея большіе голубые глаза открыты и обращены на нее, что заставило

ихъ громко расхохотаться тому, что онѣ считали одна другую заснувшею и взаимно одна другой оберегали сонъ. Онѣ отправились присоединиться къ [остальной] компаніи и немного погодя пустились снова въ путь.

Вотъ какое участіе принимала княгиня Дашкова въ этомъ событіи. Она была младшей сестрой любовницы Петра III, и 19 лѣтъ отъ роду, болѣе красивая, чѣмъ ея сестра, которая была очень дурна. Если въ ихъ наружности вовсе не было сходства, то ихъ умы разнились еще болѣе: младшая съ большимъ умомъ соединяла и большой смыслъ; много прилежанія и чтенія, много предупредительности по отношенію къ Екатеринѣ привязали ее къ ней сердцемъ, душою и умомъ. Такъ какъ она совсѣмъ не скрывала этой привязанности и думала, что судьба ея родины связана съ личностью этой государыни, то вслѣдствіе этого она говорила всюду о своихъ чувствахъ, что безконечно вредило ей у ея сестры и даже у Петра III. Вслѣдствіе подобнаго поведенія, котораго она совсѣмъ не скрывала, многіе офицеры, не имѣя возможности говорить съ Екатериной, обращались къ княгинѣ Дашковой, чтобы увѣрить императрицу въ ихъ преданности; но все это произошло долгое время спустя послѣ предложеній Орловыхъ и даже рѣчи и происки этихъ послѣднихъ побудили первыхъ, не знавшихъ прямой дороги, какая была у Орловыхъ, обращаться къ императрицѣ черезъ княгиню Дашкову, считая ее болѣе близкой къ ней. Екатерина никогда не называла княгинѣ Орловыхъ, чтобы отнюдь не рисковать ихъ именами; большое рвеніе княгини и ея молодость заставляли опасаться, чтобы въ толпѣ ея знакомыхъ не нашелся кто-нибудь, кто неожиданно не выдалъ бы дѣла. Въ концѣ концовъ императрица посовѣтовала Орловымъ познакомиться съ княгиней, чтобы лучше быть въ состояніи сойтись съ вышеупомянутыми офицерами и посмотрѣть, какую пользу они могли бы извлечь изъ нихъ, потому что, какъ

бы ни были хорошо настроены эти офицеры, они, по [признанію самой] княгини Дашковой, были менѣе рѣшившимися, чѣмъ Орловы, которые присоединяли къ намѣреніямъ и средства для ихъ выполненія. Къ тому же вся отвага княгини Дашковой, ибо дѣйствительно она много ея проявила, ничего бы не порѣшила; у нея было больше льстецовъ, чѣмъ кредита, и характеръ ея семьи вызывалъ всегда извѣстное недовѣріе. Наконецъ, княгиня, или, скорѣе, черезъ нее поручикъ Пассекъ, съ одной стороны, и Орловы—съ другой, потребовали, чтобы Екатерина дала имъ записочку, чтобы они могли убѣдить своихъ друзей въ ея согласіи. Она послала черезъ княгиню записку, составленную приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Да будетъ воля Господня и поручика Пассека; я согласна на все, что можетъ быть полезно отечеству», а Орловымъ она написала: «Считайте то, что вамъ скажетъ тотъ, кто показываетъ вамъ эту записку, какъ бы я говорю вамъ это. Я согласна на все то, что можетъ спасти отечество, вмѣстѣ съ которымъ вы спасете меня и также себя»,—и ту и другую записку она подписала своимъ именемъ. Легко понять, что эти записки были разорваны, какъ только ихъ использовали.

По смерти императрицы Елисаветы, дочь Курляндскаго герцога Бирона, которая была замужемъ за барономъ Черкасовымъ, и которую Петръ III любилъ когда-то, несмотря на то, что она была горбата, достигла того, что этотъ императоръ приказалъ вернуть ея отца изъ Ярославля, куда покойная императрица его сослала. Этому много помогла естественная антипатія, которую императоръ почувствовалъ къ принцу Карлу Саксонскому во время пребыванія его въ Петербургѣ. Онъ до такой степени былъ ревнивъ къ нему, что достаточно было назвать его имя, чтобы вызвать въ немъ гнѣвъ. Онъ обѣщалъ дочери возвратить отцу его герцогство и простодушно вѣрилъ въ

это до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ принцъ Георгъ Голштинскій, который со своими сторонниками заставилъ императора перемѣнить свое намѣреніе и склонилъ его принудить Бирона и его сыновей отказаться отъ Курляндіи въ пользу принца Голштинскаго. Бироны въ своей горести обратились къ императрицѣ, которая не могла сдѣлать ничего другого, какъ увѣрить ихъ, что правота ихъ дѣла ей извѣстна и что вовсе не отъ нея зависитъ помочь имъ. Въ день восшествія Екатерины на престолъ Бироны должны были подписать этотъ актъ отреченія; когда положеніе вещей измѣнилось, Биронъ былъ освобожденъ, и императрица не имѣла никакого основанія вновь посадить его въ тюрьму; его дочь была всегда ей предана и тысячу разъ признали справедливыми его права; Россія не должна была кормить эту семью на свой счетъ. Потому было принято рѣшеніе возвратить ему Курляндію; создать «герцога» въ первые дни своего царствованія тоже не было непріятно Екатеринѣ.

Въ день празднованія [по случаю заключенія] мира камергеръ Строгановъ получилъ приказъ не выходить совсѣмъ изъ дому, потому что онъ выказалъ сожалѣніе къ императрицѣ, которую императоръ жестоко обидѣлъ публично. Эта мѣра произвела очень большое впечатлѣніе на всѣ умы, къ тому же настроенные въ пользу этой государыни и очень раздраженные дурнымъ поведеніемъ, лютымъ характеромъ и ненавистью Петра Третьяго къ русскому народу, которую онъ даже не давалъ себѣ труда скрывать. Это броженіе продолжалось, безпрестанно усиливаясь, до 27 іюня. Намѣренія Петра Третьяго не были болѣе тайной. Они состояли въ томъ, чтобы вывести гвардейскіе полки и привести въ городъ его голштинскія войска, заточить императрицу—одинъ разъ приказанія арестовать ее уже были отданы и затѣмъ отмѣнены—жениться на его любовницѣ, графинѣ Воронцовой, перемѣнить вѣру и произвести тысячу дру-

гихъ перемѣнъ, столь же мало обдуманныхъ. 27 вечеромъ былъ арестованъ капитанъ Преображенскаго полка, по имени Пассекъ. Весь полкъ былъ встревоженъ этимъ событіемъ, ибо было извѣстно, что онъ расположенъ къ императрицѣ и за это его арестовали. Всѣ, кто былъ столь же хорошо настроенъ, во главѣ коихъ были трое братьевъ Орловыхъ, изъ которыхъ старшій былъ капитаномъ артиллеріи, сразу поняли опасность, которой подвергалась эта государыня, если дѣла останутся въ этомъ положеніи. Они употребили часть ночи на то, чтобы предупредить гетмана, князя Волконскаго и тайнаго совѣтника Панина, а подъ утро капитанъ Алексѣй Орловъ отправился въ Петергофъ, чтобы увѣдомить императрицу объ опасности, которой она подвергалась, и чтобы привезти ее въ городъ, такъ какъ они были увѣрены, что было достаточно ей показаться, чтобы всѣхъ склонить въ свою пользу. Въ шесть часовъ утра вышеупомянутый офицеръ вошелъ прямо въ ея комнату и просилъ ее встать и спасти отечество, спасая себя. Послѣ нѣкоторыхъ пререканій императрица встала и сѣла въ карету, доставленную съ этой цѣлью, въ сопровожденіи трехъ офицеровъ, горничной и камердинера изъ русскихъ. Такимъ-то образомъ прибыла она въ казармы Измайловскаго полка, гдѣ все, казалось, пребывало въ совершеннѣйшемъ спокойствіи, такъ какъ тамъ находилось лишь двѣнадцать человѣкъ, одинъ унтеръ-офицеръ съ однимъ барабанщикомъ, который тотчасъ же принялся бить тревогу. Въ три минуты офицеры и солдаты собрались вокругъ императрицы, ведя подъ руки священника, чтобы онъ взялъ съ нихъ присягу императрицѣ, послѣ чего ее попросили сѣсть въ экипажъ. Она сѣла въ него съ гетманомъ и отправилась въ Семеновскій полкъ, гдѣ была принята съ кликами неописуемой радости. Оттуда она отправилась въ Казанскую церковь, гдѣ Конная гвардія выѣхала къ ней навстрѣчу поистинѣ съ бѣшеной радостью. Народъ повторялъ эти крики, все было въ слезахъ и благодарило Небо за свое

освобожденіе. Оттуда она направилась въ Зимній дворецъ, гдѣ собрались Сенатъ и Синодъ. Она велѣла тутъ составить манифестъ, была принесена присяга, и затѣмъ образовали совѣтъ, на которомъ было рѣшено двинуться въ походъ на Петергофъ. Императрица надѣла гвардейскій мундиръ и во главѣ 14 тысячъ человѣкъ выступила изъ города.

АНЕКДОТЪ.

Камергеръ Пассекъ часто говорилъ о Петрѣ III, что у этого государя нѣтъ болѣе жестокаго врага, чѣмъ онъ самъ, потому что онъ не пренебрегаетъ ничѣмъ изъ всего, что могло ему повредить.

Шталмейстеръ Нарышкинъ, фаворитъ этого государя, говорилъ при его жизни: «Это—царство безумія, все наше время уходитъ на ѣду, питье и на то, чтобы творить сумасбродства».

Часто случалось, что этотъ государь, во время своего царствованія, ходилъ смотрѣть на караулъ и тамъ билъ солдатъ или зрителей, или же творилъ сумасбродства со своимъ негромъ или со своими любимцами, и это—зачастую въ присутствіи безчисленной толпы народа.

[«ЗАПИСКА НА РОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ».—I.]

Графъ Александръ Андрѣевичь Безбородко написалъ краткое начертаніе дѣлъ политическихъ, военныхъ и внутренныхъ государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссійской, такъ какъ и знаменитѣйшихъ событій во дни ея царствованія. Онъ починаетъ тако. Въ 1762 году. Вступленіе ея императорскаго величества на всероссійскій престолъ.

Объясненіе.

Во время болѣзни блаж[енной] пам[яти] госуд. императ[рицы] Елисаветы Петровны, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1761 года, слышала я изъ устъ Никиты Ивановича Панина, что трое Шуваловы, Петръ Ивановичь, Александръ Ивановичь и Иванъ Ивановичь чрезвычайно робѣютъ о приближающей[ся] кончинѣ государыни императрицы, о будущемъ жребіи ихъ; что отъ сей робости ихъ родятся у многихъ окружающихъ ихъ разнообразные проекты; что наслѣдника ея всѣ боятся; что онъ не любимъ и не почитаемъ никѣмъ; что сама государыня сѣтуетъ, кому поручить престолъ; что склонность въ ней находятъ отрѣшить наслѣдника неспособнаго, отъ котораго много имѣла сама досады, и взять сына его седмилѣтнаго и мнѣ по-

ручить управленіе, но что сіе послѣдное, касательно моего управленія, не по вкусу Шуваловымъ. Изъ сихъ проектовъ родилось, что посредствомъ Мельгунова, Шуваловы помирились съ Петромъ III, и государыня скончалась безъ иныхъ распоряженій. Но тѣмъ не кончилась ферментація публики, а начало ея приписать можно дурному Шуваловскому управленію и беззаконному Бестужевскому дѣлу, то есть съ 1759 году.

При самой кончинѣ Госуд. Имп. Елисаветы Петровны прислалъ ко мнѣ князь Михаила Иван. Дашковъ, тогдашной капитанъ гвардіи, сказать: «повели, мы тебя взведемъ на престолъ». Я приказала ему сказать: «Бога ради не начинайте вздоръ; что Богъ захочетъ, то и будетъ, а ваше предпріятіе есть рановременная и не созрѣлая вещь». Къ князю Дашкову же ѣзжали и въ дружбѣ и согласіи находились всѣ тѣ, кои потомъ имѣли участіе въ моемъ возшествіи, яко то: трое Орловы, пятеро капитаны полку Измайловскаго и прочіе; женатъ же онъ былъ на родной сестрѣ Елисав. Роман. Воронцовой, любимицы Петра III. Княгиня же Дашкова отъ самаго почти ребячества ко мнѣ оказывала особливую привязанность, но тутъ находилась еще персона опасная, братъ княгининъ, Семенъ Романовичь Воронцовъ, котораго Елисавета Роман., да по ней и Петръ III, чрезвычайно любили. Отецъ же Воронцовыхъ, Романъ Ларіоновичь, опаснѣе всѣхъ былъ по своему сварливому и перемечливому нраву; онъ же не любилъ княгиню Дашкову.

Императрица Елисавета Петровна скончалась въ самое Рожество 25 декабря 1761 года, въ три часа за полудни; я осталась при тѣлѣ ея. Петръ III, вышедъ изъ покоя, пошелъ въ конференцію и прислалъ мнѣ сказать чрезъ Мельгунова, чтобъ я осталась при тѣлѣ, дондеже пришлетъ мнѣ сказать. Я Мельгунову сказала: «вы видите, что я здѣсь, и приказаніе исполню». Я изъ сего приказанія заключила, что владычествующая факція опасается моей инфлу[е]нціи. Тѣло императрицы еще обмывали, когда мнѣ

пришли сказать, что генералъ-прокуроръ князь Шаховской отставленъ по его прошеніе, а оберъ-прокуроръ сенатской Александръ Иван. Глѣбовъ пожалованъ генералъ-прокуроромъ. То есть слывущей честнейшимъ тогда человѣкомъ отставленъ, а бездѣльникомъ слывущей и отъ уголовнаго слѣдствія спасенный Петромъ Шуваловымъ здѣланъ на его мѣсто генералъ-прокуроромъ.

Тѣло императрицы Елисаветы Петровны едва успѣли убрать и положить на кровать съ балдахиномъ, какъ гофъ-маршалъ ко мнѣ пришелъ съ повѣсткою, что будетъ въ галереѣ (то есть комнаты чрезъ три отъ усопшаго тѣла) ужинъ, для котораго повѣщено быть въ свѣтномъ богатомъ платьѣ. Я послала по богатое платье въ комнаты сына моего, живущаго возлѣ покойной государыни. Я одѣлась и паки въ такомъ нарядѣ пришла къ усопшему тѣлу, гдѣ мнѣ велѣно было оставаться и ждать приказаній. Тутъ уже окошки были открыты и Евангеліе читали.

Погодя нѣсколько, пришли отъ государя мнѣ сказать, чтобъ я шла въ церковь. Пришедъ туда, я нашла, что тутъ всѣ собраны для присяги, послѣ которой отпѣли вмѣсто панихиды благодарственный молебенъ; потомъ митрополитъ новогородской Сѣченовъ говорилъ рѣчь государю. Сей былъ внѣ себя отъ радости и оной ни мало не скрывалъ, и имѣлъ совершенно позорное поведеніе, кривляясь всячески, и не произнося окромѣ вздорныхъ рѣчей, не соотвѣтствующихъ ни сану, ни обстоятельствамъ, представляя болѣе не смѣшнаго Арлекина, нежели инаго чево, требуя однако всякое почтеніе. Изъ церкви вышедши, я пошла въ свой покой, гдѣ до самаго ужина я горько плакала толико о покойной государынѣ, которая всякія милости ко мнѣ оказывала и послѣдніе два года меня полюбила отмѣнно, какъ и о настоящемъ положеніи вещей. Когда кушанье поставлено было, мнѣ пришли сказать, и я пошла къ ужину; столъ поставленъ былъ въ куртажной галереѣ персонъ на полтораста и болѣе, и галерея набита была зрителями. Многіе, не нашедъ мѣста за ужиномъ, ходили

такъ же около стола, въ томъ числѣ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и Мельгуновъ. Сей изъ прислужниковъ Шуваловыхъ здѣлался ихъ протекторомъ. У Ивана же Ивановича Шувалова хотя знаки отчаянности были на щекѣ, ибо видно было, какъ пяти пальцами кожа содрана была, но тутъ, за стуломъ Петра III стоя, шутилъ и смѣялся съ нимъ. Я сидѣла возлѣ новаго императора, а возлѣ меня князь Никита Юрьевичь Трубецкой, которой во весь столъ ни о чемъ не говорилъ, какъ о великой своей радости, что государь царствуетъ. Множество дамъ также ужинали: многія изъ нихъ такъ, какъ и я, были съ разплаканными глазами, а многія изъ нихъ тотъ же день, не бывъ въ дружбѣ, между собою помирились. Ужинъ сей продолжался часа съ полтора. Пришедъ въ свои комнаты, я начала раздѣваться, чтобъ лечь въ постелю, когда принесли повѣстку, чтобъ дамамъ на завтра быть въ робахъ богатыхъ, и будетъ большой обѣденной столъ въ той же галерeѣ; сидѣть же по билетамъ. Потомъ я легла въ постель; но я, хотя предъ тѣмъ двѣ ночи не спала, проводя оныхъ въ покоѣ покойной императрицы, но сонъ далеко отъ меня былъ и никакъ заснуть не могла, и начала размышлять о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. И здѣлала я слѣдующее заключеніе: ежели въ первомъ часу царствованія отставили честного человѣка, а не постыдились на его мѣсто возвести бездѣльника, чево ждать? Говорила я себѣ: твою инфлуенцію опасаются; удались отъ всево; ты знаешь, съ кѣмъ дѣло имѣешь, по твоимъ мыслямъ и правиламъ дѣла не поведутъ, слѣдовательно ни чести, ни славы—тутъ не будетъ; пусть ихъ дѣлаютъ, что хотятъ. Взявъ сіе за правило своего поведенія, во всѣ шесть мѣсяцовъ царствованія Петра III я ни во что не вступалась, окромѣ похоронъ покойной Государыни, по которымъ траурной комисіи велѣно было мнѣ докладываться, что я и исполнила со всякимъ радѣніемъ, въ чемъ я и заслужила похвалу отъ всѣхъ. Я же тутъ брала совѣты отъ старыхъ дамъ, графини Марьи Андр. Румянцовой, графини Анны Карловны

Воронцовой, отъ фельдмаршалши Аграфены Леонтьевны Апраксиной и иныхъ, подручно случающихся, въ чемъ и на нихъ угодила чрезвычайно.

На другой день поутру нарядилась въ богатой робѣ и пошла къ обѣднѣ, потомъ на поклонъ къ тѣлу, а оттудова къ столу по билетамъ. Сей столъ былъ съ разплаканными глазами почти у всѣхъ, и мало было лицъ равнодушныхъ, и усталь на всѣхъ видно было. Послѣ обѣда я пошла къ себѣ. Во время сего стола тѣло покойной Государыни анатомили. Къ вечеру пришли мнѣ сказать, что посланы курьеры для освобожденія и возвращенія въ Петербурхъ Бирона, Миниха, Лестока и Лопухиныхъ, и что Гудовичъ ѣдетъ въ Берлинъ съ объявленіемъ о вступленіи на престолъ Императора. Я на сіе сказала: «дѣла поспѣшно идутъ».

На третій день я, надѣвъ черное платье, пошла къ тѣлу, гдѣ отправлялась панихида; тутъ ни Императора и никово не было, окромѣ у тѣла дневальныхъ, да тѣ, кои со мною пришли. Оттудова я пошла къ сыну моему, а потомъ посѣтила я графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго въ его покоѣ во дворцѣ, гдѣ онъ отъ чистосердечной горести по покойной Государынѣ находился боленъ. Онъ хотѣлъ пасть къ ногамъ моихъ, но я, не допустя его до того, обняла его и обнявшись оба мы завыли голосомъ и не могши почти говорить слова оба, я, вышедъ отъ него, пошла къ себѣ.

Пришедъ въ свой покой, услышала, что императоръ приказалъ приготовить для себя покой отъ меня чрезъ сѣни, гдѣ жилъ Александръ Ивановичь Шуваловъ, и что въ его покоѣ, возлѣ моихъ, будетъ жить Елисавета Романовна Воронцова.

Въ сей день [въ] вечеру Императоръ поѣхалъ куда-то на вечеринку править Святки.

Какъ покои Александра Ивановича Шувалова убраны были дни чрезъ два, императоръ перешелъ въ нихъ, а Елисавета Воронцова въ его покой переѣхала, мои же покои

парадные обили чернымъ сукномъ, и людей Императоръ принималъ въ оныхъ, по утрамъ и по вечерамъ ѣзжалъ въ гости ко всѣмъ знатнымъ особамъ, кои устроили для него великія пиры; отъ сихъ пировъ я уклонилась по причинѣ великого кашля.

Наканунѣ того дня, какъ переносить положено было тѣло покойной Государыни изъ той комнаты, гдѣ скончалася, на парадную постелю, императоръ ужиналъ у графа Шереметьева; тутъ Елисавета Воронцова приревновала не знаю къ кому и приѣхали домой въ великой ссорѣ. На другой день, послѣ обѣда часу въ пятомъ она прислала ко мнѣ письмо, прося меня, дабы я для Бога самаго пришла къ ней, что она имѣетъ величайшую нужду говорить со мною, сама же не можетъ пріити ко мнѣ, понеже лежитъ больна въ постели. Я пошла къ ней и нашла ее въ великихъ слезахъ; увидя меня, долго говорить не могла; я сѣла возлѣ ея постели, зачала спросить, чѣмъ больна; она, взявъ руки мои, цѣловала, жала и обмывала слезами. Я спрашивала, объ чемъ она столь горюетъ? Она мнѣ на то сказала: «пожалуй, потише говорите». Я спросила: «какой причины ради»? Она мнѣ сказала: «въ другой комнатѣ сестра моя, Анна Михайловна Строгонова, сидитъ съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ (c'est à dire, qu'elle leurs avoit ménagé un rendez-vous, tandis qu'elle s'entretenoit avec moi)[1]). Я разсмѣялась, и она посвободнѣе стала отъ слезъ и начала меня просить, чтобъ я пошла бы къ императору и просила бы его имянемъ ея, чтобъ онъ бы ее отпустилъ къ отцу жить, что она болѣе не хочетъ во дворцѣ остаться. При семъ она бранила его окружающихъ всячески и его самаго. Чево она уже и наканунѣ у Шереметьева дѣлала къ удивленію всѣхъ слышателей, и за что Императоръ приказывалъ отца ея арестовать, но однако упросили его. Я сказала ей, чтобъ она ково инаго вы-

---

[1]) Значитъ, она имъ доставила свиданіе, въ то время какъ бесѣдовала со мною.

брала для сей комиссіи, которая ему будетъ, можно быть, досадительна; но она увѣряла меня, что ему то и надобно и не чрезъ ково окромѣ меня ей о томъ просить, понеже всѣ бездушные бездѣльники, а одна я, на комъ она полагаетъ свое упованіе. Дабы укратить мое у нея пребываніе, я обѣщала ей пойти къ нему и донести ему о ея прозьбѣ, и пришедъ къ себѣ, я послала навѣдоваться, дома ли онъ и можно ли къ нему прійти. Сказали, что опочиваетъ, а какъ проснулся часу въ седьмомъ, пришли мнѣ сказать и я пошла къ Императору. Я нашла его въ шлафроку; ходилъ взадъ [и] впередъ по комнатѣ и былъ еще весьма сененъ. Я начала говорить ему: «ежели вы дивитеся моему приходу, то еще болѣе удивитеся, когда свѣдаете, съ чѣмъ я пришла», и разсказала ему все отъ слова до слова, какъ Елиз. Ром. Воронцова ко мнѣ писала, и что говорила со мною, и какъ я отклоняла сію комисію и причины, кои она имѣетъ не ввѣрять окромѣ меня оной. Онъ, услыша сіе съ удивленіемъ и задумчивостію, заставилъ меня повторить сказанное. Въ сіе время вошли въ комнату Мельгуновъ и Левъ Александровичь Нарышкинъ. Онъ имъ разсказывалъ, съ чѣмъ я пришла, съ досадою на Елисав. Воронцову. Сіе продолжилось съ часъ; наконецъ я сказала: «какой отвѣтъ прикажете ей сказать, или ково иново пошлете?» На сіе Мельгуновъ и Нарышкинъ ему совѣтовали сказать, что онъ къ ней пришлетъ отвѣтъ. Я пошла къ себѣ и велѣла Елисаветѣ Воронцовой сказать, что къ ней отвѣтъ присланъ будетъ. Погодя, она паки прислала ко мнѣ сказать, что она отпущена, одѣвается и ждетъ карету, дабы ѣхать изо дворца къ отцу, и проситъ дозволенія пріити ко мнѣ прощаться. Я сказала: «пусть прійдетъ». Между тѣмъ чрезъ мою переднюю, предъ уборной, здѣлалось великое бѣганіе: то Мельгуновъ, то Нарышкинъ къ ней, и отъ нея взадъ впередъ ходили, что продолжалось часу до одиннацатаго; тогда самъ Императоръ къ ней пошелъ и, побывъ у нея, возвратился въ свои покои; а она ко мнѣ написала цыдулку, что она ко мнѣ не будетъ, по-

неже ей приказано остаться во дворцѣ. Я легла спать, а на другой день ввечеру Петръ III, съ Мельгуновомъ и Львомъ Нарышкинымъ, пришедъ ко мнѣ, бранили и ругали всячески Елизавету Воронцову, и видно было, что имъ хотѣлось, дабы я пристала къ ихъ рѣчамъ; но я молча слушала; Императоръ же тутъ разсказывалъ, какъ она не хотѣла надѣть мой портретъ, когда онъ ее пожаловалъ камеръ-фрелиною, и хотѣла имѣть его портретъ. Онъ думалъ, что зато осержусь, но когда онъ увидѣлъ, что я тому смѣюсь и ни мало не сержусь, тогда вышелъ вонъ изъ комнаты. Тогда Мельгуновъ и Левъ Нарышкинъ мнѣ пеняли, что, имѣвъ такую хорошую оказію выгнать ее изъ дома, не воспользовалась тѣмъ. Я имъ отвѣчала: «а я вамъ дивлюсь, что вы сами не успѣли въ своемъ желаніи вчерась».

Отъ дня кончины покойной Государыни былъ во дворцѣ двойной караулъ, то есть одинъ—полной караулъ у тѣла, а другой таковой же у императора. Въ сіе же время случились великіе морозы; караульня же была мала и тѣсна, такъ что не помѣщались люди, и многіе изъ солдатъ оставались на дворѣ. Сіе обстоятельство въ нихъ произвело, да и въ публикѣ или прибавило, роптаніе. Всякой день же изо дворца выходили новыя исторіи, то тово арестуютъ, то другова, съ женщинами, коихъ ежедневно множество звалъ ужинать, у себя, либо гдѣ въ гостяхъ, поссорится и мужа велитъ посадить безъ шпаги, либо къ кому по службѣ за бездѣлицу придерется и велитъ посадить на гауптвахту. Изо стола же почти никогда не вставалъ, не бывъ безъ языка почти піянъ, и проявилось у него множество новыхъ фаворитовъ, между прочими капитанъ-поручикъ полку Преображенскаго, князь Иванъ Ѳедор. Голицынъ, на котораго вдругъ налѣпилъ орденъ святыя Анны, а до того дня мало кто его и зналъ. Въ сіе время императоръ взялъ въ кабинетъ секретаря, бывшаго конференцъ-секретаря Дмитрія Васил. Волкова. Про сего Ник. Иван. Панинъ думалъ и мнѣ говорилъ, что сей Мельгунову и

Шуваловымъ голову сломитъ; про него тогда думали, что главу имѣетъ необыкновенную, но оказалось послѣ, что хотя былъ быстръ и краснорѣчивъ, но вѣтренъ до крайности, и понеже писалъ хорошо, то болѣе писывалъ, а мало дѣйствовалъ, а любилъ пить и веселиться.

Двѣ недѣли по кончинѣ покойной государыни умре графъ Петръ Иван. Шуваловъ. За нѣсколько дней до кончины его, онъ и братъ его большой, Александръ Иван. Шуваловъ, были отъ императора пожалованы въ фельдмаршалы. И проявилось новое опредѣленіе. Вдругъ Императоръ пожаловалъ въ четырехъ полковъ гвардіи четыре полковники, а имянно въ Преображенской—фельдм. князя Никиту Юрьевича Трубецкаго, въ Семеновской — фельдм. графа Александра Ивановича Шувалова, въ Измайловской — фельдм. графа Кирила Григорьевича Разумовскаго; въ конной гвардіи хотѣлъ пожаловать графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, но сей оттого пошелъ въ отставку и на его мѣсто сдѣланъ полковникомъ принцъ Жоржъ Голштинской. Сіи новые полковники сами всячески спорили и старались отвратить сіе пожалованіе, но не предуспѣли. Полкамъ же гвардіи сіе было громовой несносной ударъ.

Хотя огромные похороны и при оныхъ великолѣпные выносы указомъ покойной Государыни запрещены были, но однако господа Шуваловы выпросили у бывшаго Императора, дабы графъ Петръ Иван. со великолѣпной церемоніею погребенъ былъ; самъ Императоръ обѣщался быть на выносѣ. Въ назначенной день ждали очень долго Императора и онъ не прежде какъ къ полудню въ печальной день пріѣхалъ; народъ же ждалъ для смотрѣнія церемоніи съ самаго утра, день же былъ весьма холодной. Отъ той нетерпѣливости произошли разные въ народѣ разсужденія: иные, вспомня табашной того Шувалова откупъ, говорили, что долго его не везутъ по причинѣ той, что табакомъ осыпаютъ; другіе говорили, что солью осыпаютъ, приводя на память, что по его проекту накладка на соль послѣдовала; иные говорили, что его кладутъ въ моржовое сало, понеже

34*

моржовое сало на откупъ имѣлъ и ловлю трески. Тутъ вспомнили, что ту зиму треску ни за какія деньги получить нельзя, и начали Шувалова бранить и ругать всячески. Наконецъ тѣло его повезли изъ его дома на Мойкѣ въ Невской монастырь. Тогдашной генералъ-полицеймейстеръ Корфъ ѣхалъ верхомъ предъ огромной церемоніей, и онъ самъ мнѣ расказывалъ въ тотъ же день, что не было ругательства и бранныхъ словъ, коихъ бы онъ самъ не слышалъ противу покойника, такъ что онъ, вышедъ изъ терпѣнія, нѣсколько изъ ругателей велѣлъ захватить и посадить въ полиціи, но народъ, вступясь за нихъ, отбилъ было, что видя, онъ оныхъ отпустить велѣлъ, чѣмъ предупредилъ драку и удержалъ по его словамъ тишину.

По прошествіи трехъ недѣль по кончинѣ Государыни, я пошла къ тѣлу для панахиды. Идучи чрезъ переднюю, нашла тутъ князя Михаила Иван. Дашкова плачущаго и внѣ себя отъ радости и, прибѣжавъ ко мнѣ, говорилъ: «государь достоинъ, дабы ему воздвигнуть штатую золотую; онъ всему дворянству далъ вольность», и съ тѣмъ ѣдетъ въ Сенатъ, чтобъ тамъ объявить. Я ему сказала: «развѣ вы были крѣпостные и васъ продавали донынѣ»? Въ чемъ же ета вольность состоитъ? и вышло, что въ томъ, чтобъ служить и не служить по волѣ всякаго. Сіе и прежде было, ибо шли въ отставку, но осталось изъстари, что дворянство, съ вотчинъ и помѣстья служа всѣ, окромѣ одряхлѣлыхъ и малолѣтныхъ, въ службѣ имперіи записаны были; вмѣсто людей дворянскихъ Петръ I началъ рекрутъ собирать, а дворянство осталось въ службѣ. Отъ чево вздумали, что въ неволѣ. Романъ Воронцовъ и генералъ-прокуроръ думали великое дѣло дѣлать, доложа Государю, дабы дать волю дворянству, а въ самомъ дѣлѣ выпросили ни что иное окромѣ тово, чтобъ всякъ былъ воленъ служить и не служить. Пришедъ съ панахиды къ себѣ, я увидѣла у задняго крыльца стоитъ карета парадная съ короною, и императоръ въ ней поѣхалъ въ Сенатъ. Но сей кортежъ въ народѣ произвелъ негодованіе, говорили: какъ ему ѣхать

подъ короною? онъ не коронованъ и не помазанъ. Рановременно вздумалъ употребить корону. У всѣхъ дворянъ велика была радость о данномъ дозволеніи служить или не служить и на тотъ часъ совершенно позабыли, что предки ихъ службою приобрѣли почести и имѣніе, которымъ пользуются.

За десять дней до погребенія Государыни положили тѣло ея во гробъ и понесли оной въ траурной залъ посреди всѣхъ регалій, и народъ двоижды на день допущенъ былъ, какъ и прежде, отъ дня кончины ея. Въ гробу Государыня лежала одѣта въ серебреной гласетовой робѣ, съ кружевными рукавами, имѣя на головѣ императорскую золотую большую корону, на нижнемъ обручѣ съ надписію: «Благочестивѣйшая Самодержавнѣйшая Великая Государыня Императрица Елизавета Петровна, родилась 18 декабря 1709, воцарилась 25 ноября 1741, скончалась 25 декабря 1761 года». Гробъ поставленъ на возвышеніи подъ балдахиномъ, гласета золотаго съ горностаиевымъ спускомъ отъ балдахина до земли; позади гроба посреди спуска гербъ золотой Государственной.

Въ 25 день генваря 1762 года повезли тѣло Государыни во гробѣ лежащей со всевозможнымъ великолѣпіемъ и подобающими почестями изо дворца чрезъ рѣку въ Петропавловскій соборъ въ крѣпость. Самъ Императоръ, за нимъ я, за мною Скавронскія, за ними Нарышкины, потомъ всѣ по рангамъ шли пѣши за гробомъ отъ самаго дворца до церкви.

Императоръ въ сей день былъ чрезмѣрно веселъ и посреди церемоніи сей траурной здѣлалъ себѣ забаву: нарочно отстанетъ отъ везущаго тѣла одра, пустя онаго впередъ саженъ тридцать, потомъ изо всей силы добѣжитъ; старшіе камергеры, носящіе шлеефъ епанчи его черной, паче же оберъ-камеръгеръ, графъ Шереметьевъ, носящій конецъ епанчи, не могши бѣжать за нимъ, принуждены были епанчу пустить, и какъ вѣтромъ ее раздувало, то сіе Петру III пуще забавно стало, и онъ повторялъ нѣсколько разъ сію штуку, отъ чево здѣлалось, что я и всѣ, за мною

идущіе, отстали отъ гроба, и наконецъ принуждены были послать остановить всю церемонію, дондеже отставшіе дошли. О непристойномъ поведеніи семъ произошли многіе разговоры не въ пользу особѣ императора, и толки пошли о безразсудныхъ его во многихъ случаяхъ поступкахъ.

По погребеніи тѣла покойной Государыни, начали во дворцѣ убирать ея покой для Императора.

Екатерина II въ траурномъ одѣяніи по императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1761 г.

Съ рисунка Чемезова, по фотографіи, приложенной къ „Рус. Архиву“ 1866 г.

[«ПОСЛѢДНІЯ МЫСЛИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ»].

Послѣднія мысли п[окойной] І[мператрицы] Е[лисаветы] П[етровны] о наслѣдствѣ точно сказать не можно, ибо твердыхъ не было. То не сумнительно, что она не любила П[етра] III и что она его почитала за неспособнаго къ правленію; что она знала, что онъ рускихъ не любилъ; что она съ трепетомъ смотрѣла на смертный часъ и на то, что послѣ ея происходить можетъ; но какъ она во всемъ имѣла рѣшимость весьма медлительную, особливо въ послѣдные годы ея жизни, то догадываться можно, что и въ пунктѣ наслѣдства мысли болѣе колебалися, нежели что нибудь опредѣлительное было въ ея мысляхъ.

Фаворитъ же ея І[ванъ] І[вановичъ] Шу[валовъ], бывъ окруженъ великимъ числомъ молодыхъ людей и опасаяся, отчасти не любя же отъ сердца, а еще болѣе отъ легкомыслія, ему свойственнаго, бывъ убѣжденъ воплемъ множества людей, кои не любили и опасалися П[етра] III, за нѣсколько время до кончины І[мператрицы] Е[лисаветы] П[етровны] мыслилъ и клалъ на мѣрѣ перемѣнить наслѣдство, въ чемъ адресовался къ Н[икитѣ] І[вановичу] П[анину], спрося, что онъ о томъ думаетъ и какъ бы то дѣлать, говоря, что мысли иныя клонятся—отказавъ и высылая изъ Россіи в[еликаго] к[нязя] съ супругою — здѣ-

лать правленіе именемъ Цесаревича, которому было тогда седьмой годъ; что другія хотятъ лишь высылать отца, а оставить мать съ сыномъ, и что всѣ въ томъ единодушно думаютъ, что в[еликій] к[нязь] П[етръ] Ф[едоровичъ] не способенъ и что кромѣ бѣдства, покаряяся ему, Россія не имѣетъ ожидать. На сіе Н[икита] І[вановичъ] П[анинъ] отвѣтствовалъ, что всѣ сіи проекты суть способы къ междуусобной погибели, что въ одномъ критическомъ часу того перемѣнить безъ мятежа и бѣдственныхъ слѣдствій не можно, что двадцать лѣтъ всѣми клятвами утверждено. Н[икита] І[вановичъ] о семъ мнѣ тотчасъ далъ знать, сказавъ мнѣ притомъ, что больной Імператрицѣ естьлибъ представили, чтобъ мать съ сыномъ оставить, а отца выслать, то большая въ томъ вѣроятность, что она на то склониться можетъ. Но къ сему, благодаря Богу, ея фавориты не приступили, но оборотя всѣ мысли свои къ собственной ихъ безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входитъ в[ъ] милости П[етру] III-му, въ коемъ и отчасти и предуспѣли. А онъ о сей ему грозящей тучѣ и никогда не свѣдалъ; ибо онъ не молчаливъ былъ, и конечно тѣ, кои бы захотѣли его остерегать въ томъ или другомъ изъ вѣрности къ нему, были бы жертвою его нескромности, коя наипаче тогда опасна была, когда онъ изъ-за стола вставалъ, по пословицѣ руской: у п[ьянаго] н[а] я[зыкѣ], что у т[резваго] н[а] у[мѣ].

[«ЗАПИСКА НА РОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ».—II].

Въ 1762 году при вступленіи моемъ на престолъ я нашла сухопутную армію въ Пруссіи за двѣ трети жалованіе не получившею.

Въ статсъ-конторѣ именные указы на выдачу семнадцати милліоновъ рублей не выполненными.

Монетной дворъ со времени царя Алексѣя Михаиловича считалъ денегъ въ обращеніи сто милліоновъ, изъ которыхъ сорокъ почитали вышедши[ми] изъ имперіи вонъ и натурою отправлены[ми], понеже тогда вексельнаго оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли.

Почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ монополіи.

Таможни всей имперіи сенатомъ даны были на откупъ за два милліона.

Шестьдесятъ милліоновъ рублей, кои остались въ имперіи, были двѣнадцати разныхъ вѣсовъ, серебренные отъ 82 пробы до 63, мѣдные отъ сорока рублей съ пуда до 32 рублей въ пудѣ.

Блаженной памяти государыня императрица Елисавета Петровна во время седьмилѣтной войны искала занять два милліона рублей въ Голландіи, но охотниковъ на тотъ заемъ не явилось, слѣдовательно кредита или довѣрья къ Россіи не существовало.

Внутри имперіи заводскіе и монастырскіе крестіяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей, и къ нимъ начинали присоединяться мѣстами и помѣщичіи.

Правительствующей Сенатъ тогда составлялъ одинъ департаментъ. Сей слушалъ аппелляціонныя дѣла не экстрактами, но самое дѣло со всѣми обстоятельствами, и дѣло о выгонѣ города Масальска занимало, при вступленіи моемъ на престолъ, первыя шесть недѣль чтеніемъ засѣданія сената.

Сенатъ хотя посылалъ указы и повелѣнія въ губерніи, но тамо такъ худо исполняли указы Сената, что въ пословицу почти вошло говорить: «ждутъ третьяго указа», понеже по первому и по второму не исполняли.

Вся имперія была раздѣлена на слѣдующія [1]) губерніи: Московская, Нижегородская, Казанская, Астраханская, Сибирская, Бѣлогородская, Новогородская, Архангелгородская, Санктпетербурхская, Лифлянская, Выборгская, Кіевская, Малую Россію, т. е. Черниговъ и Новгородъ Сѣверской, вѣдалъ Гетманъ. Каждая губернія была раздѣлена на провинціи, а къ каждой провинціи были приписаны окружные города, въ коихъ находились воеводы и воеводскія канцеляріи. Оные не получали жалованія, и дозволено имъ было кормиться съ дѣлъ, хотя взятки строго запрещены были.

Сенатъ хотя опредѣлялъ воеводъ, но число городовъ въ имперіи не зналъ. Когда я требовала реестра городамъ, то признались въ невѣдѣніи оныхъ: также карту всей имперіи Сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ. Я, бывъ въ Сенатѣ, послала пять рублевъ въ Академію Наукъ отъ Сената чрезъ рѣку, и купили Кириловскаго печатнаго атласа, котораго въ тотъ же часъ подарила правительствующему Сенату.

Буде хто любопытенъ знать, что съ провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ требовалось, да благоволитъ прочесть манифестъ мой, находящейся въ заглавьѣ учрежде-

---

[1]) «Слѣдующія» зачеркнуто; «десять токмо».

нія для управленія губерній. Тутъ увидѣть можно картину, причинившую предпринятую перемѣну.

По возшествіи моемъ на престолъ, Сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходамъ имперіи, по которому явствовало, что оныхъ считали 16 милліоновъ. По прошествіи двухъ лѣтъ я посадила князя Вяземскаго и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Мельгунова, тогдашнаго президента камеръ-коллегіи, считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переписываясь разъ по семи съ каждымъ воеводою. Наконецъ сочли 28 милліоновъ, двѣнадцать милліоновъ больше, нежели сенатъ вѣдалъ.

При коронаціи моей было у меня три секретаря; у каждаго изъ нихъ было по триста прошеній, и того девять сотъ. Я старалась, колико возможно, удовольствовать просителей, сама принимала прошеніи, но сіе вскорѣ пресѣклось, понеже одинъ праздникъ, идучи со всѣмъ штатомъ къ обѣднѣ, просители пресѣкли мнѣ путь, ставъ полукружьемъ на колѣни съ письмами. Тутъ приступили ко мнѣ старшіе сенаторы, говоря, что таковой непорядокъ послѣдовалъ изъ излишной милости и терпѣнія моего, и что законы запрещаютъ государю самому подавать прошеніи. Я согласилась на то, чтобъ возобновили законъ о неподачѣ самому государю писемъ, понеже увидѣла, что изъ того родился въ самомъ дѣлѣ соблазнъ, и тогда же свѣдала отъ многихъ, что весь городъ Москва инымъ не упражнялся, какъ писаніемъ ко мнѣ писемъ о такихъ дѣлахъ, кои многія уже давно рѣшены были, либо теченіемъ времени сами собою изчезли; но притомъ признаки были великаго роптанія на образъ правленія прошедшихъ послѣднихъ годовъ.

Въ началѣ царствованія государыни императрицы Елизаветы Петровны издано было повелѣніе управлять всѣ дѣла по указамъ родителя ея, Петра Великаго.

При ней въ военной коллегіи былъ президентомъ генералъ-фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичь Долгорукой. Сей въ слѣдствіе ея воли старался приводить войски

въ прежнее положеніе, изъ чево воспослѣдовало разстройство, что называлось тогда, Миниховскихъ штатовъ.

Фельдмаршалъ Минихъ былъ президентъ военной коллегіи во время царствованія императрицы Анны.

Послѣ князя Долгорукова остался главной членъ военной коллегіи генералъ-аншефъ Степанъ Ѳедоровичь Апраксинъ. Сей хлѣбосолъ превеликой былъ, любилъ лошадей, но весьма рѣдко ѣзжалъ верхомъ по причинѣ роста и превеликой толщины и тягости своего колоссальнаго корпуса. Военнымъ людямъ потакалъ во всякой индиссиплинѣ, объ штатахъ никакихъ не думалъ ни онъ, ни подчиненные его, кои рыбу ловили въ мутной водѣ. Въ его время отличались четыре или пять полковники порядкомъ ихъ полковъ, а именно графъ Петръ Алекс. Румянцовъ, графъ Захаръ Григор. Чернышевъ, Петръ Иванов. Панинъ, Михаила Иван. Левонтьевъ, князь Василій Михаил. Долгорукой, въ кавалеріи князь Михаила Никит. Волконской. За сіе въ награду Апраксинъ полковъ сихъ лучшихъ посылалъ на работу въ Рогервикъ.

Въ началѣ седмилѣтной войны нужда пришла въ самомъ дѣлѣ въ армію ввести лучшее устройство, и хотя много поправлено было, но столько же оставалось поправить; но со всѣмъ непорядкомъ завоевали всю Пруссію, въ Берлинѣ были и Колберхъ взяли и три баталіи знатныя выиграли, яко то гросегорсдорфской, палцихской и франкфортской.

Генералы, пріѣхавшіе къ коронаціи моей къ Москвѣ, были того мнѣнія, чтобъ здѣлать военную комиссію и въ оной сочинить штаты всей арміи, на что я согласилась, и посажены были въ оной весь наличной лутчей генералитетъ, и штаты были сочинены и мною конфирмованы, и суммы на войски были отдѣлены отъ прочихъ доходовъ, недостаточные же двѣ трети были на первой случай и тотчасъ по возшествіи моемъ отпущены изъ кабинетной суммы въ армію.

Потомъ здѣлано было по моему приказанію три таблицы или списка. Первой, повальной, всѣмъ служащимъ отъ

фельдмаршала до послѣдняго, въ табели о рангахъ находящагося. Второй—въ арміи находящагося генералитета и прочихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ. Третій: въ штатской службѣ опредѣленныхъ и не у дѣлъ находящихся.

Засимъ послѣдовало опредѣленіе жалованія провинціяльнымъ и городовымъ канцеляріямъ и воеводамъ по всей имперіи.

Въ 1763 Сенатъ раздѣленъ на шесть департаментовъ, два на Москвѣ, четыре въ Санктпетербурхъ, и предписано было слушать дѣла экстрактомъ, а не самое дѣло.

Возвратясь въ Питербурхъ въ іюнѣ 1763, спустя нѣсколько время, поѣхала я въ Сенатъ. Слушали дѣло о новой ревизіи, которой двадцатилѣтной срокъ настоялъ, и требовали съ меня повелѣнія нарядить ревизоровъ по всей имперіи, безщотныхъ воинскихъ командъ, и почитали, что менѣе восми сотъ тысячъ рублей ревизія не станетъ. Сенаторы разговорами между собою упоминали о безчисленныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, которыя ревизія за собою повлечетъ, о побѣгахъ въ Польшу и за границы ревизскихъ душъ, о ущербѣ имперіи отъ ревизіи всякой, почитавъ однакожъ всѣ ревизію за нужную вещь. Я слушала весьма долго все, что говорили, не дозволяя себѣ окромѣ нѣкоторыхъ весьма краткихъ, но объяснительныхъ для меня вопросовъ. Господа Сенатъ, наконецъ, уставъ говоритъ, замолчали. Тогда я спросила: на что таковой нарядъ войскъ и тягостная сумма для казны? Нельзя ли инако? На сіе мнѣ сказали: Такъ дѣлывалось прежде. Я на сіе отвѣтствовала: А мнѣ кажется, вотъ какъ. Публикуйте по всей имперіи, чтобъ каждое селеніе послало о наличномъ числѣ душъ реестръ въ свою воеводскую канцелярію, чтобъ отъ канцелярій прислали въ губерніи, а губерніи въ Сенатъ.

Человѣкъ четыре сенаторовъ встали, представляли мнѣ, что прописныхъ будетъ безъ числа. Я имъ сказала: поставьте штрафъ на прописныхъ. Паки представляли, что за всѣми уже положенными жестокими наказаніями многое

множество прописныхъ есть. Тогда я имъ говорила: Простите всѣхъ доднесь прописныхъ по моей просьбѣ и велите селеніямъ прописныхъ донынѣ внести въ нынѣшнія ревизіонныя сказки. Тутъ князь Яковъ Петр. Шаховской, разгорячась, сказалъ: «Тутъ правосудіе нарушается, и винные будутъ наравнѣ съ невинными. Я ревностно объявлялъ и у меня прописныхъ нѣтъ, а хто пользовался прописными, тотъ станетъ со мной наровнѣ». Генералъ-прокуроръ былъ тогда Александръ Иван. Глѣбовъ. Онъ, слыша у своего стола сей разговоръ и видя горячность князя Шаховскаго, вскочилъ съ своего стула и, пришедъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я ему сказала, какъ мнѣ угодно, чтобъ ревизія сдѣлана была, что̀ мнѣ весьма легко было. Онъ все оное записать велѣлъ и выработать взялся, что̀ и выполнилъ. И до днесь ревизіи такъ дѣлаются въ каждомъ уѣздѣ, безъ наряда и убытка, и прописныхъ нѣтъ и объ нихъ не слышно.

До ревизіи еще, скоро по совершеніи коронаціи моей, повелѣно было монетному двору всю серебренную ходячую монету преводить и впредь бить по 72 пробѣ, а мѣдную по 16 рублей изъ пуда. Сіе приказаніе послѣдовало по слѣдующему правилу: Понеже для каждой земли все равно, по какой бы пробѣ деньги ни ходили, лишь бы 1) постоянно проба была одна; 2) проба бы была менѣе способная къ вывозу и поддѣлкѣ; 3) 72 пробы рублей выпущено съ монетнаго двора болѣе, нежели другихъ пробъ, мѣдные же 16 рублей съ пуда.

NB, что золотой монеты одинъ лишь милліонъ ходилъ во всей имперіи, и сія монета уравнена была съ прочими по 28000 рублей изъ пуда.

Немѣшкатно по коронаціи моей была назначена комиссія подъ имянемъ духовной, въ которой сидѣли многіе архіереи, сенаторы и свѣтскія персоны. Сія комиссія здѣлала штаты архіерейскимъ домамъ и монастырямъ и опредѣлила имъ содержаніе, а деревни монастырскія отданы въ управленіе коллегіи экономіи, нарочно для того учре-

жденной, отъ чево монастырскихъ крестіянъ непослушаніе однимъ разомъ пресѣклось.

Заводскихъ крестіянъ непослушаніе унимали посланные генералы-маіоры, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземской и Александръ Иличъ Бибиковъ, разсмотря на мѣстѣ жалобы на заводосодержателей. Но не единожды принуждены были употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ, и не унялось возстаніе сихъ людей, дондеже Гороблагодатскіе заводы за двумилліонный долгъ казнѣ Петра Иван. Шувалова не были возвращены въ коронное управленіе; также Воронцовскіе, Чернышевскіе, Ягушинскіе и нѣкоторые иные заводы, по таковымъ же причинамъ, вступили паки въ коронное вѣдомство. Весь вредъ сей произошелъ отъ самовластной раздачи Сенатомъ заводовъ сихъ съ приписными къ онымъ крестьянами, въ послѣдные годы царствованія гос. императрицы Елисаветы Петровны. Щедрость Сената тогда доходила до того, что мѣднаго банка тримилліонный капиталъ почти весь роздалъ заводчикамъ, кои, умножая заводскихъ крестіянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе не платили, проматывая взятыя изъ казны деньги въ столицѣ. Сіи заводскія безпокойства пресѣклись не прежде 1779 года манифестомъ моимъ о работахъ заводскихъ крестіянъ. Съ тѣхъ поръ не слышно было объ нихъ ничево.

Съ самаго начала моего царствованія всѣ монополіи были уничтожены, и всѣ отрасли торговли отданы въ свободное теченіе. Таможны же всѣ взяты въ казенное управленіе, и учреждена была комиссія о комерціи, коей означая правила, потомъ по онымъ [она] сочинила тарифъ, что мною и конфирмовано было, и чрезъ нѣсколько лѣтъ тарифъ пересматривается по апробованнымъ правиламъ, что́ до днесь продолжается, и комерція не изчезаетъ, но ежегодно распространяется, и доходы одни питербурхской таможны приносятъ болѣе трехъ милліоновъ.

Таможна питербурхская, бывъ нѣсколько лѣтъ въ казенномъ управленіи, вдругъ правительствующей Сенатъ

прислалъ къ ней пеню, что мало собираетъ доходы; дошедъ дѣло до меня, я спросила, менѣе ли она собираетъ денегъ, нежели [когда] отдана была Сенатомъ на откупъ, или болѣе? Нашлось, что полмилліона болѣе. Я тогда Сенату сказать велѣла, что пока таможна болѣе откупной суммы соберетъ, нѣтъ причины Сенату пенять таможнѣ.

Въ первые три года царствованія моего, усматривая изъ прошеній, мнѣ подаваемыхъ, изъ сенатскихъ и разныхъ коллегій дѣлъ, изъ сенаторскихъ рассужденій и прочихъ многихъ людей разговоровъ не единообразныя, ни объ единой вещи, установленныя правила, законы же по временамъ здѣланные, соотвѣтствующіе сему умовъ разположенію, многимъ казались законами противурѣчащими; и требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ. Изъ сего, у себя на умѣ я вывела заключеніе, что образъ мыслей вообще, да и самой гражданской законъ не можетъ получить поправленія инако, какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ имперіи живущихъ и для всѣхъ вещей вообще правилъ, мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, и потомъ писать Наказъ Комиссіи Уложенію, и читала я и писала два года, не говоря ни слова полтора года, послѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и щастія, [и съ желаніемъ] довести имперію до вышной степени благополучія всякаго рода, людей и вещей, вообще всѣхъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ по мнѣнію моему въ сей работѣ довольно, я начала казать по частямъ, всякому по его вкусу, статіи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, и между прочимъ князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдной мнѣ сказалъ: «Ce sont des axiomes à renverser des murailles».[1]) Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто тому или другому показать, но я болѣе листа одново или другаго не показывала вдругъ. Наконецъ, заго-

[1]) «Это аксіомы, способныя разрушить стѣны».

товя манифестъ о созывѣ депутатовъ со всей имперіи, дабы лучше спознать каждой округи состояніе, съѣхались оные къ Москвѣ въ 1767 году, гдѣ, бывъ въ Коломенскомъ дворцѣ, назначила я разныхъ персонъ, вельми разно мыслящихъ, дабы выслушать заготовленной Наказъ Комиссіи Уложенія. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины тово, что написано мною было, помарали, и остался Наказъ Уложенія, яко напечатанъ, и я запретила на онаго инако взирать, какъ единственно онъ есть: то есть, правила, на которыхъ основать можно мнѣніе, но не яко законъ, и для того по дѣламъ не выписывать яко законъ, но мнѣніе основать на ономъ дозволено.

Комиссія Уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещися должно. Она всѣ части закона собрала и по матеріямъ разобрала, и болѣе того бы здѣлала, ежели бы Турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поѣхали въ армію.

Наказъ Комиссіи Уложенія ввелъ единство въ правила и въ разсужденія не въ примѣръ болѣе прежнаго, и стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайной мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать.

УПУЩЕННЫЕ СЛУЧАИ.

То, что я знаю, и то, о чемъ вспоминаю, и что должно быть внесено въ записки или, по крайней мѣрѣ, служить приложеніемъ къ нимъ.

1. Въ 1744 или 1745 году (не трудно будетъ провѣрить дату) Германская имперія предложила императрицѣ Елисаветѣ I гарантію законовъ, вольностей и привилегій этой имперіи; со своей стороны, Россія оставила это предложеніе безъ отвѣта, потому что при русскомъ дворѣ было два мнѣнія, и ни однимъ изъ нихъ не руководствовались послѣдовательно, но по прихоти—то однимъ, то другимъ, смотря по тому, какія лица были въ данный моментъ въ большей или меньшей милости.

Одно изъ этихъ мнѣній склонялось въ пользу Франціи и Прусскаго короля, который былъ въ то время въ союзѣ съ французами [1]); другое—въ пользу Австрійскаго дома и Англіи. Эти дворы, со своей стороны, себя не забывали и другъ передъ другомъ старались пріобрѣсть себѣ больше друзей: никакія средства не упускались изъ вида. Графъ Бестужевъ былъ за Австрію и Англію, графъ Лестокъ,

[1]) Въ подлинникѣ—Welches.

1.

Ce que je sais et ce dont je me souviens, et qui doit être inséré dans les mémoires ou du moins leurs servir d'Appendix.

occasions perdues

a l'année 1744 ou 1745 (il faut avoir de verifier la datte) l'Empire d'Allemagne fit offrir à l'Imperatrice Elisabeth I. la garantie des lois, liberté, et privilèges de cet Empire; de la part de la Russie on laissa cette proposition sans reponse, parceque la Cour de Russie étoit partagée en deux avis et aucun des deux n'étoit suivi de suite, mais par boutade tantot l'un tantot l'autre selon que l'un les personages étoit plus ou moins en faveur ce jour la. L'Un de ses avis étoit pendant[+] pour la France l'autre pour la maison d'Autriche, les deux et pour l'Angleterre ses cours de leurs coté ne s'oublioit pas, et c'étoit a qui se feroit le plus d'Amis on n'oublioit aucun moyen, Le Comte Bestouchef etoit pour l'Autriche et l'Angleterre le Comte Lestoc Brumner et le Comte Woronzof pour les autres cours qu'il y avoit

+ et le Roy de Prusse alors lié avec les Welches

Брюммеръ и графъ Румянцовъ—за другіе дворы, которые я назвала; графъ Михаилъ Воронцовъ колебался между обѣими партіями, но по личной симпатіи склонялся на сторону французской, хотя графъ Бестужевъ вначалѣ не разъ отвлекалъ его.

2. Въ 1757 или 1758 году одинъ изъ фаворитовъ султана Османа предложилъ Обрескову открыть Россійской имперіи свободное плаваніе по Черному морю, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Россія заплатила за это сразу тридцать тысячъ дукатовъ; со стороны Россіи было отвѣчено (графъ Михаилъ Воронцовъ былъ въ то время великимъ канцлеромъ, а графъ Бестужевъ находился въ ссылкѣ), что вслѣдствіе чрезвычайныхъ затратъ на войну съ Прусскимъ королемъ нельзя согласиться на новые расходы.

Вотъ два упущенные случая, которые не такъ-то скоро представятся вновь.

Характеры.

Императрица Елисавета имѣла отъ природы много ума, она была очень весела и до крайности любила удовольствія; я думаю, что у нея было отъ природы доброе сердце, у нея были возвышенныя чувства и [вмѣстѣ съ тѣмъ] много тщеславія, она вообще хотѣла блистать во всемъ и желала служить предметомъ удивленія; я думаю, что ея физическая красота и врожденная лѣнь очень испортили ея природный характеръ. Красота ея должна была бы предохранить ее отъ зависти и соперничества, которое вызывали въ ней всѣ женщины, не слишкомъ безобразныя; но, напротивъ того, она была до крайности озабочена тѣмъ, чтобъ эту красоту не затмила никакая другая; это порождало въ ней страшную ревность, толкавшую ее часто на мелочные поступки, недостойные Величества. Ея лѣнь помѣшала ей заняться образованіемъ ея ума, и въ ея первой молодости [воспитаніе ея] было совсѣмъ заброшено.

Отецъ ея обращался сначала со своими двумя дочерьми, какъ съ незаконнорожденными. При нихъ находились съ самаго нѣжнаго возраста только служанки-финки, а впослѣдствіи—такія странныя нѣмки, что онѣ служили имъ игрушками. Льстецы и сплетницы довершили дѣло, внеся столько мелкихъ интересовъ въ частную жизнь этой государыни, что ея каждодневныя занятія сдѣлались сплошной цѣпью капризовъ, ханжества и распущенности, а такъ какъ она не имѣла ни одного твердаго принципа и не была занята ни однимъ серьезнымъ и солиднымъ дѣломъ, то при ея большомъ умѣ она впала въ такую скуку, что въ послѣдніе годы своей жизни она не могла найти лучшаго средства, чтобы развлечься, какъ спать, сколько могла; остальное время женщина, спеціально для этого приставленная, разсказывала ей сказки.

Жизнь, которую императрица Елисавета вела въ Царскомъ Селѣ.

Она привозила туда всѣхъ придворныхъ кавалеровъ и множество дамъ, изъ числа тѣхъ, къ кому всего благосклоннѣе относилась. Эти дамы помѣщались по четыре и больше въ одной комнатѣ; ихъ горничныя и все то, что онѣ привезли съ собою, находилось тутъ же. Эти дамы были большею частію въ сильной ссорѣ между собою, что дѣлало это житье не особенно пріятнымъ. Вы подумаете, что онѣ тамъ были, чтобы составлять свиту императрицы или же дѣлать пріятнымъ пребываніе ея въ этомъ дворцѣ; совсѣмъ нѣтъ; онѣ видѣли Ея Императорское Величество лишь очень рѣдко; иногда въ теченіе двухъ или трехъ недѣль императрица не выходила изъ своихъ покоевъ, куда также вовсе не приглашала ихъ. Никто не смѣлъ ѣздить въ городъ, и родственники тѣхъ, кто былъ тамъ, только исподтишка посылали узнавать объ ихъ здоровьи, потому что императрица не любила, чтобы тамъ появлялся кто-либо, кто не былъ бы туда приглашенъ; даже придворные лакеи, если они не принадлежали къ свитѣ, могли туда сунуться не иначе, какъ тайкомъ. Кромѣ

того, было особенно строго запрещено пропускать кого бы то ни было изъ свиты въ садъ за дворцомъ, на террасу и подъ нее, ибо туда выходили покои императрицы. Хотя домъ былъ уже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь, однако Ея Величество занимала покои въ нижнемъ этажѣ, а когда она рѣшалась обѣдать съ кавалерами и дамами своей свиты, то накрывали столъ въ нижнемъ помѣщеніи, находящемся между обѣими лѣстницами, изъ которыхъ одна выходитъ во дворъ, а другая въ садъ; послѣ того, какъ отдѣлали бельэтажъ, она не была тамъ и десяти разъ. Въ довершеніе оригинальности, никто никогда не зналъ часа, когда Ея Величеству угодно будетъ обѣдать или ужинать, и часто случалось, что эти придворные, проигравъ въ карты (единственное ихъ развлеченіе) до двухъ часовъ ночи, ложились спать, и только что они успѣвали заснуть, какъ ихъ будили для того, чтобы присутствовать на ужинѣ Ея Величества; они являлись туда, и такъ какъ она сидѣла за столомъ очень долго, а всѣ они, усталые и полусонные, не говорили ни слова, то императрица сердилась, говоря: «Они любятъ быть только въ своей компаніи; я ихъ такъ рѣдко зову, да и то они только и дѣлаютъ, что зѣваютъ и нисколько не хотятъ развлечь меня». Эти ужины кончались иногда тѣмъ, что императрица бросала съ досадой салфетку на столъ и покидала компанію. А нужно при этомъ замѣтить, что говорить въ присутствіи Ея Величества было задачей не менѣе трудной, чѣмъ знать ея обѣденный часъ. Было множество темъ разговора, которыхъ она не любила; напримѣръ, не слѣдовало совсѣмъ говорить ни о Прусскомъ королѣ, ни о Вольтерѣ, ни о болѣзняхъ, ни о покойникахъ, ни о красивыхъ женщинахъ, ни о французскихъ манерахъ, ни о наукахъ; всѣ эти предметы разговора ей не нравились. Кромѣ того, у нея было множество суевѣрій, которыхъ не слѣдовало оскорблять; она также бывала настроена противъ нѣкоторыхъ лицъ и тогда она всегда была склонна перетолковывать въ дурную сторону все, что бы они ни

говорили, а такъ какъ окружавшіе охотно возстановляли ее противъ очень многихъ, то никто не могъ быть увѣренъ въ томъ, не имѣетъ ли она чего-нибудь противъ него; вслѣдствіе этого разговоръ былъ очень щекотливымъ. Вы мнѣ скажете, что въ то время не легко жилось при этомъ дворѣ; я не утверждаю противнаго; я передаю вещи, какъ онѣ были.

АНЕКДОТЪ.

Царица Прасковья Өедоровна, жена царя Ивана Алексѣевича, старшаго брата Петра Великаго, была изъ дома Салтыковыхъ. У нея было три дочери: старшая, Екатерина, была выдана замужъ за герцога Мекленбургскаго, вторая, Анна, вышла замужъ за герцога Курляндскаго и потомъ сдѣлалась императрицей; третья, Прасковья, умерла незамужнею. У царицы былъ непріятный и тяжелый характеръ; дочери ея были очень плохо воспитаны; онѣ безпрестанно ссорились между собою и съ матерью. Къ концу жизни послѣдней ей пришла въ голову фантазія проклясть ихъ всѣхъ троихъ; когда эта государыня была при послѣднемъ издыханіи, Петръ Великій просилъ ее снять это проклятіе и, не будучи въ состояніи добиться этого, бросился на колѣни и заклиналъ ее простить ея дочерей. Она смягчилась только по отношенію къ одной герцогинѣ Курляндской, но что касается двухъ другихъ, она ихъ снова прокляла съ ихъ потомствомъ на вѣки вѣчные. Младшая не имѣла совсѣмъ потомства, кромѣ какой-то неизвѣстной незаконнорожденной [дочери]; но потомство старшей и есть то несчастное поколѣніе принцессы Анны Брауншвейгской, сынъ которой былъ лишенъ престола и погибъ такъ злополучно въ Шлиссельбургѣ. Четверо остальныхъ, а именно—

Екатерина, Алексѣй, Петръ и Елисавета—до сихъ поръ живутъ съ отцомъ, принцемъ Антономъ Ульрихомъ Брауншвейгскимъ, въ Холмогорахъ. Я пишу это 18 октября 1772 г. Принцъ Иванъ былъ сумасшедшимъ; я его видѣла въ 1762 г.; кромѣ того, онъ былъ заика. Одинъ изъ его братьевъ хромой, другой горбатый; одна изъ дочерей страдаетъ меланхоліей, а у другой время отъ времени бываютъ припадки сумасшествія. Такимъ образомъ, можно сказать, что проклятіе царицы оказало свое вліяніе на этотъ несчастный родъ. Все, что я только что разсказала, есть фактъ достовѣрный, и я знала очевидцевъ его. Императрица Елисавета знала про это отъ своего отца, Петра Великаго; графиня Воронцова знала это отъ императрицъ Екатерины I и Елисаветы и отъ своего мужа, графа Воронцова; графиня Румянцова знала объ этомъ, какъ о фактѣ всѣмъ извѣстномъ въ то время; Чернышевы и Бутурлины также знали о немъ: они были современниками этому событію.

АНЕКДОТЪ.

Въ 1762 г., три дня спустя послѣ моей коронаціи, ко мнѣ пришелъ мой духовникъ, отецъ Ѳеодоръ Дубянскій, который былъ также духовникомъ императрицы Елисаветы, и сказалъ мнѣ, что въ день коронаціи этой императрицы она дала ему крошечный запечатанный пакетъ, чтобы положить его на престолъ московскаго собора; что онъ, протоіерей Дубянскій, получивъ этотъ пакетъ изъ рукъ императрицы Елисаветы, пошелъ и положилъ его на престолъ; что онъ не знаетъ, что содержитъ въ себѣ эта бумага что другіе священники также этого не знаютъ; что онъ пришелъ увѣдомить меня объ этомъ и предлагаетъ мнѣ велѣть доставить мнѣ этотъ пакетъ, чтобы узнать его содержаніе; онъ предложилъ свои услуги, чтобы за нимъ сходить. Я согласилась на его предложеніе. Я жила въ Кремлѣ; онъ сошелъ внизъ и менѣе чѣмъ черезъ полчаса принесъ мнѣ этотъ пакетъ, который былъ шириною приблизительно въ два моихъ пальца, вершковъ двухъ въ длину и очень тонкій. Печать мнѣ показалась немного смятой; несмотря на это, я безъ труда узнала партикулярную печать покойной императрицы. Прошло двадцать лѣтъ, что этотъ пакетъ существовалъ, и знали объ его существованіи только покойная императрица, ея духовникъ и со-

борные священники[1]); но эти послѣдніе не знали его содержанія. Я взяла пакетъ въ руки и сказала ему: «Батюшка, оставьте меня одну; я открою его». Онъ вышелъ, а я отошла къ окну моей спальной, которое было всего ближе къ двери въ мою уборную, черезъ которую онъ вошелъ и вышелъ, и открыла этотъ пакетъ. Я нашла въ немъ небольшой клочокъ бумаги со слѣдующими словами, написанными рукою императрицы Елисаветы: «За здравія Благочестивейшей Самодержавнейшей великой Государыни Іmператрицы Елизаветы Петровны всея Россіи и за наслѣдника Ея, внука Петра Перваго, Государя великаго князя Петра Феодоровича». Она такъ обрѣзала этотъ клочокъ бумаги, что онъ могъ вмѣстить только эти слова и ничего болѣе. Какъ только я окончила чтеніе [записки], я позвала обратно моего духовника, такъ какъ первое, что мнѣ пришло въ голову, было опасеніе, чтобы онъ или другіе священники не вообразили, что я отрѣзала часть бумаги и скрыла отъ нихъ какой-нибудь даръ, котораго онъ, какъ мнѣ показалось, ожидалъ отъ вскрытія этого пакета. Я показала моему духовнику записку, которую нашла въ пакетѣ; онъ, повидимому, былъ очень этимъ удивленъ и мнѣ даже показалось, что онъ немного про себя подсмѣивался; онъ сказалъ: «Эдакая диковинка». Я спросила его, что могъ означать этотъ пакетъ. Онъ мнѣ сказалъ: «Я ничего не знаю, но это очень странно». Я сказала ему: «Батюшка, возьмите снова эту бумагу вмѣстѣ съ пакетомъ и положите его туда, гдѣ вы его нашли». Онъ взялъ его и отнесъ его обратно въ соборъ. Нѣсколько минутъ спустя послѣ ухода моего духовника, ко мнѣ пришелъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, который исполнялъ должность маршала [на] моей коронаціи. Я ему объ этомъ разсказала, и мы пришли къ заключенію, что императрица, къ которой, можетъ быть, приставали множество окружавшихъ ее святошъ [съ совѣтами], чтобы она сдѣ-

[1]) Въ подлинникѣ: les prêtres de la capitale.

лала, по примѣру своихъ предшественниковъ, какой-нибудь даръ въ этотъ соборъ по случаю своей коронаціи, съ цѣлью отдѣлаться отъ ихъ криковъ, написала эту записку, отослала ее запечатанной и затѣмъ сказала имъ: «я сдѣлала, что мнѣ было угодно, замолчите». Я долго оставалась при такомъ убѣжденіи вмѣстѣ со многими другими, которымъ я разсказала про это дѣло; но теперь я думаю, что это мнѣніе ошибочно; то, что я сейчасъ скажу, кажется мнѣ болѣе правдоподобнымъ. Во время коронаціи покойной императрицы Елисаветы ея племянникъ, который названъ въ этой запискѣ ея наслѣдникомъ и великимъ княземъ, не былъ еще публично объявленъ таковымъ и даже не принялъ еще православія; онъ присутствовалъ на этой коронаціи просто какъ герцогъ Голштинскій. Она, будучи очень набожной, назвала его наслѣдникомъ (такъ сказать, in petto) въ день своей коронаціи, написала сама въ первый разъ его имя и титулъ и довѣрила это одному Богу; съ этимъ упованіемъ она и велѣла положить [записку] на престолъ. У нея, впрочемъ, была привычка, когда она должна была подписать что-нибудь особенно важное, класть такую бумагу, прежде, чѣмъ подписать, подъ изображеніе плащаницы, которую она особенно почитала; оставивши ее тамъ нѣкоторое время, она подписывала или не подписывала ее, смотря по тому, что ей скажетъ сердце. Противъ этого можно сдѣлать, правда, такое возраженіе: къ чему же она написала [на этой запискѣ] свое собственное имя передъ именемъ племянника? На это я отвѣчу, что она положила [на алтарь] ту формулу, по которой въ церкви во время обѣдни слѣдовало молиться за здравіе ихъ обоихъ, чѣмъ она и удовлетворила своей исключительной набожности; нѣтъ у насъ женщины, которая не употребляла бы эту формулу для своихъ родителей.

[НАСТАВЛЕНІЕ ДЛЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III].

1) Представляется очень важнымъ, чтобы вы знали, Ваше Высочество, по возможности точно состояніе здоровья императрицы, не полагаясь на чьи-либо слова, но вслушиваясь и сопоставляя факты, и чтобы, если Господь Богъ возьметъ ее къ себѣ, вы бы присутствовали при этомъ событіи.

2) Когда [событіе] это будетъ признано совершившимся, вы (отправясь на мѣсто происшествія, какъ только получите это извѣстіе) покинете ея комнату, оставя въ ней сановное лицо изъ русскихъ и притомъ умѣлое, для того, чтобы сдѣлать требуемыя обычаемъ въ этомъ случаѣ распоряженія.

3) Съ хладнокровіемъ полководца и безъ малѣйшаго замѣшательства и тѣни смущенія вы пошлете за

4) Канцлеромъ и другими членами конференціи; между тѣмъ

5) Вы позовете капитана гвардіи, котораго заставите присягнуть на крестѣ и евангеліи въ вѣрности вамъ (если форма присяги не установлена) по формѣ, которая употребляется въ православной церкви.

6) Вы ему прикажете (въ случаѣ, если генералъ-адъютантъ не можетъ явиться, или если вы найдете удобнымъ предлогъ оставить его у тѣла императрицы) пойти

7) Объявить дворцовой гвардіи о смерти [1]) императрицы и о вашемъ восшествіи на престолъ вашихъ предковъ по праву, которымъ вы владѣете отъ Бога и по природѣ вашей, приказавъ имъ тутъ же итти въ церковь принести присягу на вѣрность, куда между тѣмъ—вы

8) Прикажете позвать дежурнаго живущаго при дворѣ священника, который вынесетъ крестъ и евангеліе, и по

---

[1]) Въ подлинникѣ—de la m.

мѣрѣ того, какъ солдаты будутъ приносить вамъ присягу, вы имъ при выходѣ будете давать цѣловать руку, и вышлете имъ нѣсколько мѣшковъ съ нѣсколькими тысячами рублей.

9) То же распоряженіе, которое получитъ капитанъ, должно быть дано вами сержанту лейбъ-компаніи, и, кромѣ того, ему будетъ приказано притти въ покои со своими людьми безъ ружей; сержантъ не отойдетъ отъ васъ во все время исполненія имъ своихъ обязанностей, что не будетъ излишней предосторожностью по отношенію къ вашей особѣ.

10) Вы пошлете оповѣстить гвардейскіе полки, чтобы они собрались вокругъ дворца; дивизіонный генералъ получитъ приказъ собрать свои полки, артиллерію, лейбъ-кампанію, и все, что есть войска, расположится вокругъ дворца.

11) Къ этому времени соберется конференція; будетъ выработана форма объявленія объ этихъ событіяхъ, при чемъ вы тутъ воспользуетесь той, которую вынете изъ своего кармана, и въ которой очень убѣдительно изложены ваши права.

12) Эти господа пойдутъ въ церковь, первые принесутъ присягу и поцѣлуютъ вамъ руку въ знакъ подданства. Затѣмъ

13) Вы поручите кому-нибудь, если возможно, самому уважаемому лицу, напримѣръ, фельдмаршалу Трубецкому [1]), пойти возвѣстить войскамъ въ установленной формѣ, которая должна быть краткой и сильной, о событіи дня, послѣ чего они всѣ должны будутъ принести присягу въ вѣрности и вы обойдете, если желаете, ряды, для того, чтобы показаться.

14) Синодъ, Сенатъ и всѣ высокопоставленныя лица должны принести вамъ присягу и цѣловать руку въ этотъ же день.

---

[1]) Имя князя Трубецкого приписано на полѣ.

15) Послѣ того будутъ посланы курьеры и надлежащія въ подобномъ случаѣ извѣщенія какъ внутри страны, такъ и за границу.

16) Утвержденіе каждаго въ его должности послужило бы ко всеобщему успокоенію въ эту минуту и расположило бы каждаго въ вашу пользу.

17) Форма церковныхъ молитвъ должна быть такова: «О благочестивейшемъ самодержавнейшемъ великомъ гдрѣ, внукѣ Петра перваго, Імператорѣ Петрѣ Федоровичѣ, самодержецѣ всероссійскомъ, и о супругѣ его, благовѣрной великой гдринѣ І. Екат. Алекс.

и о благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ Павлѣ Петр.»

Проектъ указа.

Божіею милостию мы, Петръ III, Наслѣдной Імператоръ и Самодержецъ всероссійской, объявляемъ симъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ и любезнымъ подданнымъ. Понеже всемогущій Богъ по неиспытаннымъ ево судбамъ заблаговолилъ отзывать отъ сего свѣта и переселить въ вѣчное блаженство.... числа сего.... м. 17. жизнь благовѣрной благочестивейшей и самодержавнейшей великой Государини І. Е. П., вселюбезнейшей Нашей Государини тетки, мы какъ единственной ея наслѣдникъ и отрасль плѣмени Гдря дѣда Нашего, Петра Великаго, приняли Нашъ природной Престолъ, котораго наслѣдство намъ въ 1742 ноября 9 числа отъ Ея велич. Блаж. памяти тетки Нашей по самодержавной ея власти, какъ сыну бо́лшой ея велич. сестры, цесар. Анны Петр., еще особымъ указомъ и присягою подтверждено, и тако повелѣваемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ яко самодержавному наслѣдному Імператору и Государю намъ надлежащую присягу учинить.

Клятвенное обѣщаніе.

Хотя прежде, при блаженной и вѣчнодостойной памяти всепресвѣтлѣйшей самодержавнейшей великой Государинѣ I. Е. П. в'1742 году гдрю наслѣднику ея, внуку гдря П. В., уже присяга учинена, однакожъ нынѣ правительствующему всепресвѣтлѣйшему самодержавнѣйшему великому и наслѣдному Государю и Iмператору Петру III, по уставу и опредѣленію бл. пам. Ея Імп. вел., въ подтвержденіе всенижайшей моей и подданнѣйшей вѣрности, азъ нижеименованный обѣщаюся и клянуся всемогущимъ Богомъ предъ святымъ его Евангеліемъ в томъ, что хощу и долженъ его величеству своему истинному Государю Імператору и по немъ его Величества высокимъ наслѣдникамъ, которые по соизволенію и самодержавной его отъ Бога данной Імператорской власти опредѣляемы будутъ, вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть и всѣ, къ высокому Его вел. самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и в томъ во всемъ живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить и притомъ по крайней мѣрѣ старатися, споспѣшествовать все, что къ Его величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касатися можетъ, такъ, какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ; въ заключеніи же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь [1]).

---

[1]) Ошибки въ правописаніи частію исправлены, какъ и выше.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II КЪ ГР. СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ ПОНЯТОВСКОМУ,

1762—1763.

[Письма изъ Россіи, полученныя Понятовскимъ послѣ восшествія Екатерины II на престолъ].

I.

Мерси д'Аржанто Понятовскому.

М. Г.

По повелѣнію Ея Величества Императрицы имѣю честь доставить вамъ прилагаемое при семъ письмо. Оно будетъ передано Вашему Сіятельству довѣреннымъ лицомъ, которому Ваше Сіятельство можете довѣрить всѣ порученія, которыя захотите передать въ Петербургъ. Мой человѣкъ въ вашемъ распоряженіи, и Ваше Сіятельство отошлете его обратно, когда вамъ это заблагоразсудится.

Я весьма радъ, М. Г., что имѣю этотъ случай положить начало знакомству съ вами и увѣрить васъ въ моемъ отмѣнномъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть,

М. Г.,
Вашего Сіятельства
нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою
Мерси Аржанто.

С.-Петербургъ
13 іюля (н. ст.).
1762.

P. S. Никто въ мірѣ не знаетъ объ отправкѣ моего нарочнаго, котораго я присоединилъ къ курьеру подъ предлогомъ безопасности отъ воровъ и другихъ дорожныхъ приключеній.

II.

Императрица Понятовскому.

(Письмо, приложенное къ предыдущему).

2 сего іюля.

Убѣдительно прошу васъ не спѣшить пріѣздомъ сюда, потому что ваше пребываніе при настоящихъ обстоятельствахъ было бы опасно для васъ и очень вредно для меня. Переворотъ, который только что совершился въ мою пользу, похожъ на чудо. Прямо невѣроятно то единодушіе, съ которымъ это произошло. Я завалена дѣлами, и не могу сдѣлать вамъ подробную реляцію. Я всю жизнь буду только стремиться быть вамъ полезной и уважать и васъ и вашу семью; но въ настоящій моментъ все здѣсь полно опасности и чревато послѣдствіями. Я не спала три ночи и ѣла только два раза въ теченіе четырехъ дней. Прощайте; будьте здоровы.

Екатерина.

III.

Мерси д'Аржанто Понятовскому.

М. Г.

Мой нарочный привезъ мнѣ письмо Вашего Сіятельства съ приложеніемъ, которое было передано тотчасъ же по назначенію. Вотъ еще одно [письмо], которое вы получите черезъ одного довѣреннаго человѣка, котораго я отправляю съ этой цѣлью и который будетъ ждать вашихъ приказаній, чтобы вернуться обратно ко мнѣ. Ему приказано обращаться впредь къ г. Карасу и никому рѣшительно не показываться по дѣламъ. Эта предосторожность, показавшаяся мнѣ необходимой, вызываетъ однако то затрудненіе, что этотъ нарочный не сможетъ запастись у посланника моего двора паспортами, которые ему нужны для его возвращенія. По этому случаю будьте добры, Ваше Сіятельство, оказать въ этомъ ваше содѣйствіе тѣмъ способомъ, какой вы найдете подходящимъ. Все то любезное, что вы соблаговолили передать мнѣ, М. Г., преисполняетъ меня благодарности. Удовольствіе

завязать сношенія съ вами и причины, которыя подали тому поводъ, являются для меня предметами очень лестными. Онѣ заставляютъ меня ревностно желать быть въ скоромъ времени въ состояніи изъяснить вамъ устно мои чувства въ этомъ отношеніи, стараться удостоиться вашей дружбы и добиваться принятія вами благосклонно [выраженія] той привязанности, которую я такъ склоненъ питать къ вамъ и съ коей имѣю честь быть навсегда,

М. Г.,

Вашимъ нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою

Мерси Аржанто.

С.-Петербургъ
2 августа
1762.

IV.

Императрица Понятовскому.

(Письмо, приложенное къ предыдущему).

2-е августа (стараго стиля) 1762 г.

Я отправляю немедленно графа Кейзерлинга посломъ въ Польшу, чтобы сдѣлать васъ королемъ, по кончинѣ настоящаго [короля] и въ случаѣ, если ему не удастся это по отношенію къ вамъ, я желаю, чтобы [королемъ] былъ князь Адамъ.

Всѣ умы еще въ броженіи. Я васъ прошу воздержаться отъ поѣздки сюда, изъ страха усилить его. Уже шесть мѣсяцевъ, какъ замышлялось мое восшествіе на престолъ. Петръ III потерялъ ту малую долю разсудка, какую имѣлъ. Онъ во всемъ шелъ напроломъ; онъ хотѣлъ сломить гвардію, онъ велъ ее въ походъ для этого; онъ замѣнилъ бы ее своими голштинскими войсками, которыя должны были оставаться въ городѣ. Онъ хотѣлъ перемѣнить вѣру, жениться на Л. В. (Елисаветѣ Воронцовой), а меня заключить въ тюрьму. Въ день празднованія мира, сказавъ мнѣ публично оскорбительныя вещи за столомъ, онъ приказалъ вечеромъ арестовать меня. Мой дядя, принцъ Георгъ, заставилъ отмѣнить этотъ приказъ.

Съ этого дня я стала прислушиваться къ предложеніямъ, которыя мнѣ дѣлались со времени смерти императрицы. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы схватить его въ его комнатѣ и заключить, какъ принцессу Анну и ея дѣтей. Онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ. Мы были увѣрены въ [преданности] большого числа капитановъ гвардейскихъ полковъ. Узелъ секрета находился въ рукахъ троихъ братьевъ Орловыхъ; Остенъ помнитъ, что видѣлъ старшаго, какъ онъ всюду за мною слѣдовалъ и дѣлалъ тысячу безумныхъ вещей. Его страсть ко мнѣ была всѣмъ извѣстна, и все имъ дѣлалось съ этой цѣлью. Это—люди необычайно рѣшительные и очень любимые большинствомъ солдатъ, такъ какъ они служили въ гвардіи. Я очень многимъ обязана этимъ людямъ; весь Петербургъ тому свидѣтель.

Умы гвардейцевъ были подготовлены, и подъ конецъ въ тайну было посвящено отъ 30 до 40 офицеровъ и около 10,000 нижнихъ чиновъ. Не нашлось ни одного предателя въ теченіе трехъ недѣль, потому что было четыре отдѣльныхъ партіи, начальники которыхъ созывались для приведенія [плана] въ исполненіе, а главная тайна находилась въ рукахъ этихъ троихъ братьевъ; Панинъ хотѣлъ, чтобъ это совершилось въ пользу моего сына, но они ни за что не хотѣли согласиться на это.

Я была въ Петергофѣ. Петръ III жилъ и пилъ въ Ораніенбаумѣ. Условились, что въ случаѣ предательства не станутъ ждать его возвращенія, но соберутъ гвардейцевъ и провозгласятъ меня [самодержавной императрицей]. Рвеніе по отношенію ко мнѣ вызвало то же, что произвела бы измѣна. Распространился 27-го слухъ въ войскахъ, что я арестована. Солдаты приходятъ въ волненіе; одинъ изъ нашихъ офицеровъ успокаиваетъ ихъ. Одинъ солдатъ приходитъ къ капитану Пассеку, начальнику одной изъ партій, и говоритъ ему, что я, безъ сомнѣнія, погибла. Онъ увѣряетъ его, что у него есть извѣстія обо мнѣ. Этотъ солдатъ, все продолжая тревожиться за меня, идетъ къ другому офицеру и говоритъ ему то же самое. Этотъ не

былъ посвященъ въ тайну; испуганный тѣмъ, что услышалъ, что офицеръ отослалъ этого солдата, не арестовавъ его, онъ идетъ къ майору, а этотъ послѣдній послалъ арестовать Пассека. И вотъ весь полкъ въ движеніи. Въ теченіе этой же ночи послали рапортъ въ Ораніенбаумъ. И вотъ тревога между нашими заговорщиками. Они рѣшили прежде всего послать второго брата Орлова ко мнѣ, чтобы привезти меня въ городъ, а два другіе идутъ всюду извѣщать, что я скоро пріѣду. Гетманъ, Волконскій, Панинъ были посвящены въ тайну.

Я спокойно спала въ Петергофѣ, въ 6 часовъ утра, 28-го. День прошелъ очень тревожно для меня, такъ какъ я знала все то, что подготовлялось. Алексѣй Орловъ входитъ въ мою комнату и говоритъ мнѣ съ большимъ спокойствіемъ: «Пора вамъ вставать; все готово для того, чтобы васъ провозгласить». Я спросила у него подробности; онъ сказалъ мнѣ: «Пассекъ арестованъ». Я не медлила болѣе, одѣлась какъ можно скорѣе, не дѣлая туалета, и сѣла въ карету, которую онъ привезъ. Другой офицеръ подъ видомъ лакея находился при дверцахъ кареты; третій выѣхалъ навстрѣчу ко мнѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петергофа. Въ пяти верстахъ отъ города я встрѣтила старшаго Орлова съ княземъ Барятинскимъ младшимъ; послѣдній уступилъ мнѣ свое мѣсто въ одноколкѣ, потому что мои лошади выбились изъ силъ, и мы отправились въ Измайловскій полкъ, гдѣ вышли; тамъ было всего двѣнадцать человѣкъ и одинъ барабанщикъ, который сталъ бить тревогу. И вотъ сбѣгаются солдаты, обнимаютъ меня, цѣлуютъ мнѣ ноги, руки, платье, называютъ меня своей спасительницей. Двое привели подъ руки священника съ крестомъ; и вотъ они начинаютъ приносить мнѣ присягу. По окончаніи этого меня просятъ сѣсть въ карету; священникъ съ крестомъ шелъ впереди; мы отправились въ Семеновскій полкъ; послѣдній вышелъ къ намъ навстрѣчу съ криками виватъ. Мы поѣхали въ Казанскую церковь, гдѣ я вышла. Приходитъ Преображенскій полкъ, съ кри-

ками виватъ; [солдаты] говорятъ мнѣ: «Мы просимъ прощенія за то, что явились послѣдними; наши офицеры задержали насъ, но вотъ четверо изъ нихъ, которыхъ мы приводимъ къ вамъ арестованными, чтобы показать вамъ наше усердіе. Мы желали того же, чего желали наши братья». Пріѣзжаетъ Конная гвардія; она была въ бѣшеномъ восторгѣ, такъ что я никогда не видѣла ничего подобнаго, плакала, кричала объ освобожденіи отечества. Эта сцена происходила между садомъ гетмана и Казанской. Конная гвардія была въ полномъ составѣ, съ офицерами во главѣ. Такъ какъ я знала, что дядю моего, которому Петръ III далъ этотъ полкъ, они страшно ненавидѣли, я послала пѣшихъ гвардейцевъ къ дядѣ, чтобы просить его оставаться дома, изъ боязни несчастія съ нимъ. Не тутъ-то было: его полкъ отрядилъ [солдатъ], чтобъ его арестовать; домъ его разграбили, а съ нимъ обошлись грубо.

Я отправилась въ новый Зимній дворецъ, гдѣ Синодъ и Сенатъ были въ сборѣ. Тутъ на скорую руку составили манифестъ и присягу. Оттуда я спустилась и обошла пѣшкомъ войска. Было болѣе 14.000 человѣкъ гвардіи и полевыхъ полковъ. Какъ только меня увидѣли, поднялись радостные крики, которые повторялись безчисленной толпой.

Я отправилась въ старый Зимній дворецъ, чтобы принять необходимыя мѣры и завершить дѣло. Тамъ мы держали совѣтъ, и было рѣшено отправиться, со мною во главѣ, въ Петергофъ, гдѣ Петръ III долженъ былъ обѣдать. По всѣмъ большимъ дорогамъ были разставлены пикеты, и время отъ времени къ намъ приводили лазутчиковъ.

Я послала адмирала Талызина въ Кронштадтъ. Пріѣхалъ канцлеръ Воронцовъ, посланный для того, чтобы упрекнуть меня за мой отъѣздъ: его повели въ церковь для принесенія присяги. Пріѣзжаютъ князь Трубецкой и графъ Шуваловъ, также изъ Петергофа, чтобы обезпечить вѣрность войска и убить меня; ихъ повели приносить присягу безо всякаго сопротивленія [съ ихъ стороны].

Разославъ всѣхъ нашихъ курьеровъ и принявъ всѣ мѣры предосторожности съ нашей стороны, около 10 часовъ вечера я облеклась въ гвардейскій мундиръ, приказавъ объявить себя полковникомъ при неописуемыхъ крикахъ радости. Я сѣла верхомъ; мы оставили лишь немного человѣкъ отъ каждаго полка для охраны моего сына, который остался въ городѣ. Я выступила такимъ образомъ во главѣ войскъ, и мы всю ночь шли въ Петергофъ. Когда мы подошли къ небольшому монастырю на этой дорогѣ, является вице-канцлеръ Голицынъ съ очень льстивымъ письмомъ отъ Петра III. (Я забыла сказать, что когда я выступала изъ города, ко мнѣ подошли три гвардейскихъ солдата, посланные изъ Петергофа, для того, чтобы распространять манифестъ среди народа, и сказали мнѣ: «Возьми, вотъ что поручилъ намъ Петръ III; мы даемъ это тебѣ, и радуемся, что имѣли этотъ случай присоединиться къ нашимъ братьямъ»). За первымъ письмомъ пришло второе, доставленное генераломъ Михаиломъ Измайловымъ, который бросился къ моихъ ногамъ и сказалъ мнѣ: «Считаете ли вы меня за честнаго человѣка». Я ему сказала, что да.— «Ну такъ», сказалъ онъ, «пріятно быть заодно съ умными людьми. Императоръ предлагаетъ отречься. Я вамъ доставлю его послѣ его совершенно добровольнаго отреченія. Я безъ труда избавлю мое отечество отъ гражданской войны». Я возложила на него это порученіе; онъ отправился его исполнять. Петръ III отрекся въ Ораніенбаумѣ безо всякаго принужденія, окруженный 1590 голштинцевъ, и прибылъ съ Елисаветой Воронцовой, Гудовичемъ и Измайловымъ въ Петергофъ, гдѣ, для охраны его особы, я дала ему шесть офицеровъ и нѣсколько солдатъ. Такъ какъ это было [уже] 29-ое число, день Петра и Павла, въ полдень, то нужно было пообѣдать. Въ то время, какъ готовили обѣдъ для такой массы народу, солдаты вообразили, что Петръ III былъ привезенъ княземъ Трубецкимъ, фельдмаршаломъ, и что послѣдній старался примирить насъ другъ съ другомъ. И вотъ они поручаютъ всѣмъ проходящимъ, и между

прочимъ гетману, Орловымъ и нѣсколькимъ другимъ [передать мнѣ], что уже три часа, какъ они меня не видѣли, что они умираютъ со страху, какъ бы этотъ старый плутъ Трубецкой не обманулъ меня, «устроивъ притворное примиреніе между твоимъ мужемъ и тобою, какъ бы не погубили тебя, а одновременно и насъ, но мы его въ клочья разорвемъ». Вотъ ихъ выраженія. Я пошла къ Трубецкому и сказала ему: «Прошу васъ, сядьте въ карету, между тѣмъ какъ я обойду пѣшкомъ эти войска». Я ему разсказала то, что происходило. Онъ уѣхалъ въ городъ сильно перепуганный, а меня приняли съ неслыханными восклицаніями; послѣ того я послала, подъ начальствомъ Алексѣя Орлова, въ сопровожденіи четырехъ офицеровъ и отряда смирныхъ и избранныхъ людей, низложеннаго императора за 25 верстъ отъ Петергофа, въ мѣстечко, называемое Ропша, очень уединенное и очень пріятное, на то время, пока готовили хорошія и приличныя комнаты въ Шлиссельбургѣ и пока не успѣли разставить лошадей для него на подставу. Но Господь Богъ расположилъ иначе. Страхъ вызвалъ у него поносъ, который продолжался три дня и прошелъ на четвертый; онъ чрезмѣрно напился въ этотъ день, такъ какъ имѣлъ все, что хотѣлъ, кромѣ свободы. (Попросилъ онъ у меня, впрочемъ, только свою любовницу, собаку, негра и скрипку; но, боясь [произвести] скандалъ и усилить броженіе среди людей, которые его караулили, я ему послала только три послѣднія вещи). Его схватилъ приступъ геморроидальныхъ коликъ вмѣстѣ съ приливами крови къ мозгу; онъ былъ два дня въ этомъ состояніи, за которымъ послѣдовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторовъ, онъ испустилъ духъ, потребовавъ [передъ тѣмъ] лютеранскаго священника. Я опасалась, не отравили ли его офицеры. Я велѣла его вскрыть; но вполнѣ удостовѣрено, что не нашли ни малѣйшаго слѣда [отравы]: онъ имѣлъ совершенно здоровый желудокъ, но умеръ онъ отъ воспаленія въ кишкахъ и апоплексическаго удара. Его сердце было необычайно мало

и совсѣмъ сморщено. Послѣ его отъѣзда изъ Петергофа мнѣ совѣтовали отправиться прямо въ городъ. Я предвидѣла, что войска будутъ этимъ встревожены. Я велѣла распространить объ этомъ слухъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы узнать, въ которомъ часу приблизительно, послѣ трехъ утомительныхъ дней, они были бы въ состояніи двинуться въ путь. Они сказали: «Около 10 часовъ вечера, но пусть и она пойдетъ съ нами». Итакъ, я отправилась съ ними, и на полдорогѣ я удалилась на дачу Куракина; гдѣ я бросилась, совсѣмъ одѣтая, въ постель. Одинъ офицеръ снялъ съ меня сапоги. Я проспала два съ половиной часа, и затѣмъ мы снова пустились въ путь. Отъ Екатеринενгофа я опять сѣла на лошадь, во главѣ Преображенскаго полка, впереди шелъ одинъ гусарскій полкъ, затѣмъ мой конвой, состоявшій изъ Конной гвардіи; за нимъ слѣдовалъ, непосредственно передо мною, весь мой дворъ. За мною шли гвардейскіе полки по ихъ старшинству, и три полевыхъ полка.

Я въѣхала въ городъ при безчисленныхъ крикахъ радости, и такъ ѣхала до Лѣтняго дворца, гдѣ меня ждали дворъ, Синодъ, мой сынъ и все то, что является ко двору. Я пошла къ обѣднѣ; затѣмъ отслужили молебенъ; потомъ пришли меня поздравлять. Я почти не пила, не ѣла и не спала съ 6 часовъ утра въ пятницу до полудня въ воскресенье; вечеромъ я легла и заснула. Въ полночь, только что я заснула, капитанъ Пассекъ входитъ въ мою комнату и будитъ меня, говоря: «Наши люди страшно пьяны; одинъ гусаръ, находившійся въ такомъ же состояніи, прошелъ передъ ними и закричалъ имъ: къ оружію! 30,000 пруссаковъ идутъ, хотятъ отнять у насъ нашу матушку. Тутъ они взялись за оружіе и идутъ сюда, чтобъ узнать о состояніи вашего здоровья, говоря, что три часа они не видѣли васъ и что они пойдутъ спокойно домой, лишь бы увидѣть, что вы благополучны. Они не слушаютъ ни своихъ начальниковъ, ни даже Орловыхъ». И вотъ я снова на ногахъ, и, чтобы не тревожить мою дворцовую стражу,

которая состояла изъ одного батальона, я пошла къ нимъ и сообщила имъ причину, почему я выхожу въ такой часъ. Я сѣла въ свою карету съ двумя офицерами и отправилась къ нимъ; я сказала имъ, что я здорова, чтобъ они шли спать и дали мнѣ также покой, что я только что легла, не спавши три ночи, и что я желаю, чтобъ они слушались впредь своихъ офицеровъ. Они отвѣтили мнѣ, что у нихъ подняли тревогу съ этими проклятыми пруссаками, что они всѣ хотятъ умереть за меня. Я имъ сказала: «Ну, спасибо вамъ, но идите спать». На это они мнѣ пожелали покойной ночи и добраго здоровья, и пошли какъ ягнята домой, и все оборачивались на мою карету, уходя. На слѣдующій день они прислали просить у меня извиненія и очень сожалѣли, что разбудили меня, говоря: «Если каждый изъ насъ будетъ хотѣть постоянно видѣть ее, мы повредимъ ея здоровью и ея дѣламъ».

Потребовалась бы цѣлая книга, чтобъ описать поведеніе каждаго изъ начальствующихъ лицъ. Орловы блистали своимъ искусствомъ управлять умами, осторожною смѣлостью въ большихъ и мелкихъ подробностяхъ, присутствіемъ духа и авторитетомъ, который это поведеніе имъ доставило. У нихъ много здраваго смысла, благороднаго мужества. Они патріоты до энтузіазма и очень честные люди, страстно привязанные къ моей особѣ, и друзья, какими никогда еще не были никакіе братья; ихъ пятеро, но только трое было здѣсь. Капитанъ Пассекъ отличился стойкостью, которую онъ проявилъ, оставаясь двѣнадцать часовъ подъ арестомъ, тогда какъ солдаты отворяли ему окна и двери, дабы не вызвать тревоги до моего прибытія въ его полкъ, и въ ежеминутномъ ожиданіи, что его повезутъ для допроса въ Ораніенбаумъ: приказъ [о томъ] пришелъ уже послѣ меня. Княгиня Дашкова, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хотя и желаетъ приписать себѣ всю честь, такъ какъ была знакома съ нѣкоторыми изъ главарей, не была въ чести по причинѣ своего родства и своего девятнадцатилѣтняго возраста, и не внушала ни-

кому довѣрія; хотя она увѣряетъ, что все ко мнѣ проходило черезъ ея руки, однако всѣ лица [бывшія въ заговорѣ] имѣли сношенія со мною въ теченіе шести мѣсяцевъ прежде, чѣмъ она узнала только ихъ имена. Правда, она очень умна, но съ большимъ тщеславіемъ она соединяетъ взбалмошный характеръ и очень нелюбима нашими главарями; только вѣтреные люди сообщали ей о томъ, что знали сами, но это были лишь мелкія подробности. И. И. Шуваловъ, самый низкій и самый подлый изъ людей, говорятъ, написалъ тѣмъ не менѣе Вольтеру, что девятнадцатилѣтняя женщина перемѣнила правительство этой Имперіи; выведите, пожалуйста, изъ заблужденія этого великаго писателя. Приходилось скрывать отъ княгини пути, которыми другіе сносились со мной еще за пять мѣсяцевъ до того, какъ она что-либо узнала, а за четыре послѣднихъ недѣли ей сообщали такъ мало, какъ только могли. Твердость характера князя Барятинскаго, который скрывалъ отъ своего любимаго брата, адъютанта бывшаго императора, эту тайну, потому что тотъ былъ бы довѣреннымъ не опаснымъ, но безполезнымъ, заслуживаетъ похвалы. Въ Конной гвардіи одинъ офицеръ, по имени Хитрово, 22 лѣтъ, и одинъ унтеръ-офицеръ 17-ти, по имени Потемкинъ, всѣмъ руководили со смѣтливостью, мужествомъ и расторопностью.

Вотъ приблизительно наша исторія. Все дѣлалось, признаюсь вамъ, подъ моимъ ближайшимъ руководствомъ, и въ концѣ я охладила пылъ, потому что отъѣздъ на дачу мѣшалъ исполненію [предпріятія], а все болѣе чѣмъ созрѣло за двѣ недѣли до того. Когда бывшій императоръ узналъ о мятежѣ въ городѣ, молодыя женщины, изъ которыхъ онъ составилъ свою свиту, помѣшали ему послѣдовать совѣту стараго фельдмаршала Миниха, который совѣтовалъ ему броситься въ Кронштадтъ или удалиться съ небольшимъ числомъ людей къ арміи, и когда онъ отправился на галерѣ въ Кронштадтъ, городъ былъ уже въ нашихъ рукахъ, благодаря исполнительности адмирала Та-

лызина, приказавшаго обезоружить генерала Дивьера, который былъ уже тамъ отъ имени императора, когда первый туда прiѣхалъ. Одинъ портовый офицеръ, по собственному побужденiю, пригрозилъ этому несчастному государю, что будетъ стрѣлять боевыми снарядами по галерѣ. Наконецъ, Господь Богъ привелъ все къ концу, предопредѣленному имъ, и все это представляется скорѣе чудомъ, чѣмъ дѣломъ, предусмотрѣннымъ и заранѣе подготовленнымъ, ибо совпаденiе стольких счастливыхъ случайностей не можетъ произойти безъ воли Божiей.

Я получила ваше письмо. Правильная переписка была бы подвержена тысячѣ неудобствъ, а я должна соблюдать двадцать тысячъ предосторожностей, и у меня нѣтъ времени писать опасные billets-doux.

Я очень стѣснена... Я не могу разсказать вамъ все это, но это правда.

Я сдѣлаю все для васъ и вашей семьи, будьте въ этомъ твердо увѣрены.

Я должна соблюдать тысячу приличiй и тысячу предосторожностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую все бремя правленiя.

Знайте, что все проистекло изъ ненависти къ иностранцамъ; что Петръ III самъ слыветъ за таковаго.

Прощайте, бываютъ на свѣтѣ положенiя [очень] странныя.

V.

Мерси д'Аржанто Понятовскому.

М. Г.

Я получилъ съ возвращенiемъ моего нарочнаго письмо, которое Ваше Сiятельство сдѣлали мнѣ честь написать мнѣ отъ 11 числа; приложенiе къ нему было передано тотчасъ же по своему назначенiю.

Просьба, съ которой я къ вамъ обратился, М. Г., о паспортѣ для моего человѣка, проистекала изъ того, что я ему запретилъ показываться кому бы то ни было въ Варшавѣ, и особенно ни одному министру, для того, чтобы секретъ былъ лучше сохраненъ.

Я отправляю сегодня курьера, который, при своемъ проѣздѣ черезъ Варшаву, передастъ настоящее [письмо] г. Карасу. Я не въ состояніи выразить вамъ вполнѣ, М. Г., какое удовольствіе я испытываю при повтореніи этихъ случаевъ увѣрять васъ въ искренней преданности, съ коей имѣю честь быть,

М. Г.,
Вашего Сіятельства
нижайшій и покорнѣйшій слуга
Мерси Аржанто.

С.-Петербургъ
22 августа
1762.

P. S. Если вы хотите, М. Г., воспользоваться случаемъ пріѣздовъ сюда нашихъ курьеровъ, чтобы доставлять сюда письма, мнѣ кажется, что вы могли бы адресовать ихъ мнѣ и посылать ихъ черезъ третье лицо графу Штернбергу, оставляя его въ невѣдѣніи относительно того, что они идутъ отъ васъ. Я долженъ васъ предупредить, однако, что онъ не знаетъ о нашей перепискѣ, и что способъ, который я предлагаю, окажется осуществимымъ только въ томъ случаѣ, когда вы будете увѣрены, что найдется среди вашихъ курьеровъ одинъ, готовый ѣхать въ Петербургъ.

P. S. Прошу васъ сказать императрицѣ, что этотъ путь надеженъ.

VI.

Императрица Понятовскому.

9 августа 1762.

Я могу вамъ сказать лишь правду: я подвергаюсь тысячѣ опасностей благодаря этой перепискѣ. Ваше послѣднее письмо, на которое я отвѣчаю, чуть не было перехвачено. Меня не выпускаютъ изъ виду. Я отнюдь не должна быть въ подозрѣніи; нужно итти прямо; я не могу вамъ писать; оставайтесь въ покоѣ. Разсказать всѣ внутреннія тайны—было бы нескромностью; наконецъ, я не могу. Не мучьте вы себя; я поддержу вашу семью. Я не могу отпустить Волконскаго; у васъ будетъ Кейзерлингъ, который будетъ служить вамъ какъ нельзя лучше. Я приму во вниманіе всѣ ваши указанія. Впрочемъ, я совсѣмъ не

хочу вводить васъ въ заблужденіе; меня заставятъ продѣлать еще много странныхъ вещей, и все это естественнѣйшимъ въ мірѣ образомъ. Если я соглашусь на это, меня будутъ боготворить; если нѣтъ—право, я не знаю, что тогда произойдетъ. Если вамъ скажутъ, что въ войскахъ снова происходитъ сумятица, знайте, что все это лишь чрезмѣрная ко мнѣ любовь ихъ, которая начинаетъ быть мнѣ въ тягость. Они смертельно боятся, чтобы со мною не случилось малѣйшаго пустяка. Я не могу выйти изъ моей комнаты безъ радостныхъ восклицаній. Однимъ словомъ, это энтузіазмъ, напоминающій собою энтузіазмъ временъ Кромвеля. Жена Брюса и фельдмаршальша—недостойныя женщины, особенно вторая. Онѣ были преданы сердцемъ, тѣломъ и душою Петру III и очень зависѣли отъ его любовницы и ея плановъ, говоря тѣмъ, кто хотѣлъ это слышать, что она совсѣмъ еще не то, чѣмъ бы эти женщины желали, чтобы она была. Князь Адамъ рыцарь больше, чѣмъ въ одномъ отношеніи. Я не вернула ни его письма, ни вашего, потому что я и не могу ихъ вернуть; кругомъ друзья; у васъ ихъ мало, а у меня—слишкомъ много. Тепловъ услужилъ мнѣ во многомъ. Ададуровъ городитъ чепуху. Елагинъ—при мнѣ. У меня нѣтъ шифровъ,—вашихъ шифровъ,—такъ какъ я не имѣю болѣе ключей, которые истребили критическія времена. Передайте мой привѣтъ вашей семьѣ, и пишите мнѣ какъ можно меньше, или лучше совсѣмъ не пишите, безъ [крайней] необходимости, въ особенности безъ іероглифовъ.

VII.

Баронъ де-Бретейль Понятовскому.

Петербургъ, 12 сентября.

Я посылаю вамъ, графъ, письмо, которое императрица велѣла просить меня переслать вамъ. Я освѣдомлялся у г. Беранже, дошло ли письмо, которое вы просили меня передать гетману во время моего перваго проѣзда черезъ Варшаву. Г. Беранже сказалъ мнѣ, что онъ

самъ отдалъ его гетману. Такимъ образомъ, не наша вина, если это порученіе не достигло своей цѣли.

Я совсѣмъ не говорилъ Ея Императорскому Величеству о двухъ прекрасныхъ тѣлохранителяхъ, которыхъ вы поставили по двумъ сторонамъ вашей кровати. Вы не будете удивлены небрежностью моихъ дружескихъ отношеній къ вамъ въ этомъ случаѣ, когда вы узнаете, что я еще не имѣлъ чести представиться Ея Императорскому Величеству и что, по всей вѣроятности, я уѣду изъ Россіи безъ этого преимущества. Я въ этомъ безутѣшенъ, какъ вамъ легко понять. Я вовсе не затѣмъ сдѣлалъ 1200 льё со всѣмъ усердіемъ, какого требовала готовность короля услужить императрицѣ, [не затѣмъ] чтобы пріѣхать на непріятности. Мнѣ кажется, въ концѣ концовъ у меня есть разумныя основанія: то, что я прошу у Екатерины II отъ имени короля, было исполнено безъ затрудненія императрицей Елисаветой [и] Петромъ III. Я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, чтобы дать почувствовать всю силу въ двухъ обстоятельствахъ. Зачѣмъ васъ здѣсь нѣтъ! Вы приближаетесь къ вашему сейму, и я полагаю, что вы имъ очень заняты. Что касается меня, то я приближаюсь къ своему отъѣзду въ Москву, и я уже заранѣе этимъ измученъ. Я столько проѣхалъ на почтовыхъ за три мѣсяца, что буду нуждаться въ отдыхѣ или въ удовлетвореніи.

Прощайте, графъ. Не лишайте меня вашей дружбы и будьте увѣрены въ вѣчности и искренности моей.

VIII.

Императрица Понятовскому.

Вы читаете мои письма не достаточно внимательно. Я вамъ сказала и повторила, что я подвергнусь крайнимъ опасностямъ съ разныхъ сторонъ, если вы появитесь въ Россіи. Вы отчаиваетесь; я удивляюсь этому, потому что въ концѣ концовъ всякій разсудительный человѣкъ долженъ покориться. Я не могу и не хочу объясняться по поводу многихъ вещей. Я вамъ сказала, и я вамъ повторяю, что всю мою жизнь съ вашей семьей и съ вами я буду въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, въ соединеніи съ признательностью и отмѣннымъ уваженіемъ. Хотя я поссорилась изъ-за курляндскихъ дѣлъ съ вашимъ королемъ, однако я сдѣлаю всѣ рекомендаціи, какихъ вы

требуете. Я думала, что Кейзерлингъ исполнилъ бы ихъ лучше, чѣмъ Ржичевскій, который, говорятъ, не преданъ вамъ; но такъ какъ вы этого хотите, то онѣ также будутъ на него возложены.

Только мое поведеніе можетъ, несомнѣнно, меня поддерживать. Оно должно быть такимъ, какого я придерживаюсь. Впрочемъ, всякія затрудненія на свѣтѣ могутъ со мною приключиться, и ваше имя и вашъ пріѣздъ способны произвести самые печальные результаты. Я вамъ это повторяла, и я говорю вамъ это еще разъ, вы хотите быть обнадеженнымъ; я этого не могу и не хочу; я должна тысячу разъ въ день [проявлять] подобную твердость. Остенъ слишкомъ уменъ; я предпочитаю дурака, съ которымъ слажу; не говорите ему этого. Не давайте отнюдь письма Одару. Данія мнѣ подозрительна, и притомъ ея дворъ дѣлаетъ мнѣ кляузы по дѣламъ моего сына, на которыя я имѣю всѣ поводы жаловаться; несомнѣнно, я не должна и не могу ни уступать, ни дѣлиться въ его дѣлахъ ни съ одною живою душой, и ихъ трактатъ лишенъ значенія, потому что младшій въ Германіи безъ своего старшаго ничего не можетъ рѣшить. Монсей негодяй, и я уволила его въ отставку. Я не могу мѣнять такимъ образомъ со дня на день; Кейзерлингъ назначенъ ѣхать къ вамъ, а мнѣ нуженъ Волконскій. Мое существованіе состоитъ и будетъ состоять въ томъ, чтобы, развѣ потеряю разсудокъ, не хотѣть быть подъ игомъ ни у какого двора,—и я, слава Богу, не нахожусь подъ нимъ,—заключить миръ, привести мое обремененное долгами государство въ наилучшее состояніе, какое только могу, и это все. Всѣ тѣ, кто говорятъ вамъ другое,—большіе лжецы. Бестужевъ—сенаторъ и занимаетъ свое мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; съ нимъ совѣтуются и его чествуютъ столько, сколько слѣдуетъ. Всѣ спокойны, помилованы, проникаются честными намѣреніями по отношенію къ отечеству, и нѣтъ другого имени, которое было бы въ ходу. Гетманъ всегда со мною, и Панинъ самый искусный, самый смышленный и самый ревностный

человѣкъ при моемъ дворѣ. Ададуровъ—президентъ мануфактуръ-коллегіи. Право, если дадутъ денегъ моимъ министрамъ, то ловко попадутся, потому что, что бы ни говорили, я могу вамъ поклясться, что они дѣлаютъ только то, что я имъ диктую. Я ихъ всѣхъ выслушиваю, и сама вывожу свои заключенія.

Прощайте. Будьте увѣрены, что я всегда буду питать особенную дружбу къ вамъ и ко всему, что вамъ близко, и предоставьте мнѣ выпутываться изъ моихъ хлопотъ. Если всѣ затрудненія въ теченіе восемнадцати лѣтъ, отъ которыхъ естественно я должна была бы погибнуть, свелись къ тому, что сдѣлали меня тѣмъ, что я есмь, то чего же я не должна ожидать? Но я не хочу льстить, и не хочу погубить насъ. Забыла вамъ сказать, что Бестужевъ очень любитъ и ласкаетъ тѣхъ, которые послужили мнѣ съ такимъ усердіемъ, какого можно было ожидать отъ благородства ихъ характера. Поистинѣ, это герои, готовые положить свою жизнь за отечество, и столь же уважаемые, сколь достойные уваженія.

VIII [bis].

Мерси д'Аржанто Понятовскому.

Москва, 26 ноября 1762.

М. Г.

Я не отвѣтилъ на письмо, которое вы сдѣлали честь написать мнѣ отъ 6 октября, потому что мнѣ не дали никакого порученія, въ которомъ я могъ бы дать отчетъ вамъ. Что касается цѣли отправки г-на Муратовича, Ваше Сіятельство увидитъ изъ прилагаемаго письма, что она была аккуратно исполнена. Нѣкоторыя лица, о которыхъ вы можете легко догадаться, были увѣдомлены о поѣздкѣ этого армянина, и мнѣ стоило большого труда сбить съ пути всѣ тѣ поиски, которые были сдѣланы по поводу его. Я думаю однако, что мнѣ это удалось,

и я доволенъ собою тѣмъ болѣе, что надѣюсь, М. Г., дать вамъ этимъ доказательство моей готовности служить Вамъ и выразить вамъ искреннія чувства, съ которыми имѣю честь быть,

М. Г.,
Вашего Сіятельства
нижайшій и покорнѣйшій слуга
nota manu.

IX.

Императрица Понятовскому.

11 ноября 1762.

Вашъ № 5 до меня дошелъ. Чтобы дѣйствовать съ энергіей въ дѣлѣ предполагаемой измѣны, нужно много доказательствъ. Невозможно, наконецъ, чтобы именно тотъ, кого вы мнѣ называете, зналъ о моихъ намѣреніяхъ, потому что я повѣдала ихъ лишь Кейзерлингу; онъ пользуется всѣмъ моимъ довѣріемъ и [располагаетъ] моими инструкціями, написанными собственною моею рукою. Я распоряжусь такъ, чтобы мнѣ служили согласно моимъ намѣреніямъ. Я не могу и не хочу говорить вамъ о всѣхъ препятствіяхъ, какія имѣются, чтобы помѣшать вашему сюда пріѣзду. Я довольно сказала вамъ объ этомъ въ моихъ предыдущихъ письмахъ и я вамъ не лгу. Я одна могу управлять собою во всѣхъ случайностяхъ моей жизни. Я отсовѣтываю вамъ тайную поѣздку, ибо мои шаги не могутъ оставаться тайными. Положеніе мое таково, что мнѣ приходится соблюдать большую осторожность и прочее, и послѣдній гвардейскій солдатъ, глядя на меня, говоритъ себѣ: вотъ дѣло рукъ моихъ. Несмотря на это, все въ броженіи, и еще недавно вы должны были слышать тому доказательства. Признаюсь вамъ, я крайне бы желала знать все дурное, что говорятъ обо мнѣ въ чужихъ краяхъ, ибо здѣсь все такъ себѣ. Будьте увѣрены, что я поддерживаю васъ и буду поддерживать. Ржичевскій оста-

нется съ носомъ. Я уже была имъ крайне недовольна, а теперь стала еще недовольнѣе. Стрекаловъ меня удивляетъ. Ему было приказано скрыть свое порученіе отъ Ржичевскаго, по совѣту графа Кейзерлинга; онъ описываетъ мнѣ его, какъ человѣка невѣрнаго и очень глупаго, что доказываютъ его письма. Я напишу графу Кейзерлингу въ пользу вашихъ новыхъ рекомендацій. Боюсь до смерти за письма, которыя вы пишете ко мнѣ. Не знаю, что говорятъ о людяхъ, окружающихъ меня; но знаю, что они не подлые льстецы и не презрѣнныя и низкія души. Я знаю за ними лишь патріотическія чувства, знаю, что они любятъ и творятъ добро, никого не обманываютъ и не берутъ денегъ за то, что по своему кредиту они въ правѣ совершить. Если съ этими качествами они не имѣютъ счастія нравиться тѣмъ, кто желалъ бы видѣть ихъ порочными, то, по совѣсти, они и я, мы обойдемся безъ ихъ одобреній. Я подумаю о томъ, что могу сдѣлать для Остена, котораго буду очень рада принять къ себѣ на службу, въ случаѣ, если его слишкомъ будутъ преслѣдовать у васъ изъ-за васъ; вы можете требовать отъ меня гарантіи вашихъ вольностей, и на этомъ основаны всѣ инструкціи Кейзерлинга. Я не пишу ни одного письма къ этому послу безъ того, чтобы не сказать ему поддерживать васъ. Тысячу привѣтствій вашимъ роднымъ. Извините нескладность этого письма; я тороплюсь. Я получила вашъ шифръ.

Бестужевъ почти не имѣетъ кредита у меня, и я совѣтуюсь съ нимъ лишь для виду.

X.

Баронъ Бретейль Понятовскому.

Москва, 26 декабря 1762.

Вы очень обезпокоились, дорогой графъ, судьбою вашего письма отъ 21 ноября, когда узнали, что курьеръ, которому оно было поручено, былъ ограбленъ и чуть не убитъ между Петербургомъ и этимъ городомъ. Я хотѣлъ бы имѣть возможность немедленно васъ успокоить и

[сообщить] вамъ, что хотя большая часть моихъ писемъ была распечатана ворами и затѣмъ разсѣяна въ лѣсу и снѣгу, ваше, къ счастью, было въ числѣ тѣхъ, которыя подобралъ одинъ изъ моихъ слугъ, посланныхъ королевскимъ консуломъ разыскивать мои бумаги, и оказалось въ совершенной цѣлости, о чемъ, не сомнѣваюсь, васъ извѣщаютъ въ письмѣ, при семъ приложенномъ, которое просили меня вамъ переслать и которое, надѣюсь, къ вамъ придетъ безъ злоключеній. Я переслалъ, слѣдуя вашимъ желаніямъ, письмо барона Остена и всѣ къ нему приложенныя бумаги. Передайте ему, прошу васъ, а также и графу Огинскому, тысячу нѣжныхъ привѣтовъ отъ меня и скажите имъ, что у меня нѣтъ времени имъ писать.

Я былъ увѣренъ, дорогой графъ, во всемъ томъ участіи, которое дружба ваша заставитъ васъ принять въ моихъ политическихъ затрудненіяхъ и по письму вашему вижу, съ той же чувствительностью, участіе, которое вы мнѣ выражаете, и вмѣстѣ съ тѣмъ все, что вы сдѣлали по этому поводу. У меня много основаній любить васъ отъ всего моего сердца и также желать вашего полнаго удовлетворенія. Я отчаиваюсь покончить со своими затрудненіями; различныя, очень подходящія, соглашенія, мною предложенныя, не пришлись по вкусу, и я думалъ лишь объ отъѣздѣ, когда послѣдовала императорская декларація. Такъ какъ ея задача соотвѣтствовала моей цѣли, то я взялъ на себя просить объ аудіенціяхъ; вы чувствуете все удовольствіе, которое я имѣлъ, рѣшаясь на это.

Надѣюсь, что нѣкій курьеръ священникъ и купецъ возвратился къ вамъ въ добромъ здоровьи.

Прощайте, дорогой графъ, никто не любитъ васъ сильнѣе меня. По всей вѣроятности, пробуду здѣсь до весны. Тогда переѣду въ Швецію, согласно съ прежнимъ условіемъ.

XI.

Императрица Понятовскому.

27. IV.

Итакъ, разъ нужно говорить вполнѣ откровенно и разъ вы рѣшили не понимать того, что я повторяю вамъ уже шесть мѣсяцевъ, это то, что если вы явитесь сюда, вы рискуете, что убьютъ обоихъ насъ. Если, послѣ самыхъ точныхъ приказаній Кейзерлингу и строгихъ выговоровъ Ржичевскому насчетъ ихъ поведенія въ отношеніи къ вамъ, вы скажете, что васъ не поддерживаютъ, я буду просить васъ сообщить мнѣ, какъ же наконецъ

нужно будетъ поступать. Правда, я велѣла написать Остену, что очень легко засыпать человѣка упреками; но если бы всѣ вели себя лишь по волѣ всѣхъ иностранцевъ, которыхъ вы желали бы видѣть вокругъ нихъ, они не долго просуществовали бы. Чѣмъ же я выказала такую ужасную неблагодарность? Тѣмъ ли, что я вамъ мѣшаю и не хочу, чтобъ вы сюда пріѣзжали? Не на что еще, по моему мнѣнію, жаловаться. Я вамъ говорила, что даже письма наши ровно ни къ чему, и, если бъ вы были очень благоразумны, вы остерегались бы писать ихъ, попросту передавая Кейзерлингу для пересылки мнѣ все, что касается дѣлъ. Послѣдній курьеръ, везшій ваше письмо къ Бретейлю, едва не лишился жизни отъ рукъ грабителей и было бы очень мило, если бы мой пакетъ былъ вскрытъ и доложенъ по министерству. Я получила всѣ ваши письма и не ожидала, что послѣ самыхъ сильныхъ и искреннихъ увѣреній въ моей дружбѣ къ вамъ и къ вашимъ, я буду обвинена въ черной неблагодарности. Вы можете говорить что желаете; тѣмъ не менѣе я докажу вамъ, какого блага желаю семьѣ вашей, поддерживая васъ возможно лучше по мѣрѣ моихъ силъ.

XII.

Баронъ Бретейль Понятовскому.

Москва, 22 февраля 1763.

Получилъ своевременно ваше письмо отъ 8 декабря прошлаго года, дорогой графъ, и, согласно вашимъ желаніямъ, немедленно вручилъ приложенное письмо. Вы найдете на него отвѣтъ. Онъ былъ мнѣ переданъ черезъ два дня по полученіи вашего посланія; но, за неимѣніемъ прямого и вѣрнаго случая, я не могъ вамъ его послать раньше.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы были очень заняты здоровьемъ вашего короля. Мы полагаемъ, что онъ поправляется, такъ какъ не получаемъ никакихъ новыхъ извѣстій. Я не думаю, чтобы вы были бездѣятельнымъ въ эти неопредѣленныя минуты.

Если тронъ будетъ вакантенъ, я увѣренъ, что вы преимущественно передъ всѣми выкажете чувства настоящаго и смѣлаго патріота и предвижу, зная высоту вашихъ чувствъ, много выгодъ для спокойствія и чести вашихъ вольностей. Вамъ извѣстно сколь любовное, столь и безкорыстное участіе, какое въ нихъ всегда принимала Франція. Я убѣжденъ, что оно будетъ таковымъ во всѣ времена. Будь я хозяиномъ своихъ дѣйствій, ничто не могло бы помѣшать мнѣ быть свидѣтелемъ такого великаго и почетнаго дѣла, какъ единогласный выборъ столь благородной и уважаемой націи.

Есть у меня неопредѣленныя надежды на удовольствіе обнять васъ вскорѣ. Меня ласкаютъ разрѣшеніемъ поѣздки въ Парижъ до моего отправленія въ Швецію. Вы, понятно, предполагаете, что, если это со мной случится, то немедленно будете извѣщены, для того, чтобы я могъ воспользоваться своимъ краткимъ пребываніемъ въ Варшавѣ и удобно побесѣдовать съ вами.

Дорогой графъ, будьте такъ же увѣрены, прошу васъ, въ моей дружбѣ, какъ я всецѣло разсчитываю на вашу. Прощайте.

Итакъ, баронъ Остенъ покидаетъ васъ, чтобы пріѣхать сюда. Вотъ кстати сказать: нѣтъ худа безъ добра.

XIII.

Императрица Понятовскому.

5 января.

Отвѣчаю на ваше письмо отъ 8 декабря. Не знаю, чѣмъ заслужила я всѣ тѣ упреки, которыми полны ваши письма. Мнѣ кажется, что я васъ поддерживаю, насколько могу. Если Кейзерлингъ не вполнѣ откровененъ, это, очевидно, потому, что онъ еще недостаточно знаетъ васъ, и его осторожность, быть можетъ, не хочетъ, до времени, подвергать непріятности самую большую мою тайну. Впрочемъ, и того, безъ сомнѣнія, много, что я вамъ отвѣчаю: мнѣ бы не слѣдовало этого дѣлать. Я не хочу и не могу лгать. Моя роль должна быть безупречной. Отъ меня ждутъ сверхъестественнаго. Сила моего имени вамъ не измѣнитъ. Я отвѣтила Кейзерлингу на всѣ три докладныхъ записки. Я ему также приказала рекомендовать тѣхъ, кого вы найдете

нужнымъ, не дожидаясь отсюда приказаній насчетъ каждой рекомендаціи. Остенъ пріѣдетъ сюда. Вашъ шифръ никакъ не могъ быть разобранъ, такъ былъ онъ спутанъ въ вашемъ № 4. Вы можете быть увѣренными, вы и семья ваша, въ крайнемъ вниманіи съ моей стороны и въ моей дружбѣ, сопровождаемой всѣмъ уваженіемъ, которое только можно себѣ представить.

[ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА].

[Около 1767—1768].

Въ іюлѣ мѣсяцѣ
1762 года.

— Россія только что вышла изъ обременительной войны. Миръ ей не далъ иного преимущества, кромѣ отдыха. Финансы были истощены до такой степени, что ежегодно былъ недочетъ въ 7.000.000 рублей, не считая того, что государство должно было за поставки и прочее, что могло достигать 13 милліоновъ. Арміи не было уплачено за 8 мѣсяцевъ. Торговля была подавлена множествомъ монополій, разорительныхъ для тѣхъ отраслей торговли, на которыя онѣ распространялись. Недовѣріе къ казнѣ было велико. Было до пяти различныхъ стоимостей рубля и до четырехъ—серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ: прихоть устанавливала эту стоимость. Не было опредѣленной системы; «роспись» не была точно опредѣлена. Военное вѣдомство было перегружено, морское еле поддерживалось и было въ большомъ пренебреженіи. У духовенства отняты были земли, безъ назначенія ему содержанія. Возстало около двухсотъ тысячъ крестьянъ, частью работавшихъ на заводахъ, частью изъ принадлежавшихъ монастырямъ; эта зараза распространилась на помѣщичьихъ крестьянъ и во многихъ уѣздахъ они переставали подчиняться и платить повинности своимъ владѣльцамъ. Правосудіе продавалось платившему дороже и законами пользовались только тамъ,

гдѣ они были полезны сильнѣйшему. Всѣ судебныя учреждения государства вышли изъ своихъ границъ; одни прекратили свою дѣятельность, другія были подавлены; были и такія, которыя вовсе не были похожи на учрежденія въ ихъ начальномъ видѣ. Частныя лица, которыя посредствомъ займа или инымъ образомъ захватили деньги, рудники и казенныя земли, считали несправедливымъ, когда требовали обратно то, что они уже давно растратили. Это достигало приблизительно до 4-хъ милліоновъ чистыми деньгами и болѣе семи въ недвижимости земельной и рудникахъ.

Въ 1765 г. оказалось въ остаткѣ 5.500,000 рублей; долги царствованій Петра I, императрицы Анны и три четверти долга за царствованіе императрицы Елисаветы—уплачены. Торговля оживляется; монополіи уничтожены; довѣріе къ казнѣ дошло даже до того, что купцы довѣряли свои деньги государственнымъ конторамъ въ одномъ мѣстѣ имперіи, чтобы получить ихъ въ другомъ, въ срокъ, ими указанный. Цѣнность серебряной и мѣдной монеты установлена точно разъ навсегда. «Роспись» установлена; военное вѣдомство также приведено въ порядокъ; морское вѣдомство поднято; духовенство получаетъ свои оклады по назначенію; бунтовщики усмирены, работаютъ и платятъ; правосудіе болѣе не продается; законы уважаются и исполняются; всѣ судебныя мѣста вернулись къ своимъ обязанностямъ; частныя лица платятъ слѣдуемое, не разоряясь. Изъ новыхъ учрежденій существуетъ Воспитательный домъ; школа академіи художествъ, присоединенная къ этой Академіи, уже существовавшей; училище благородныхъ дѣвицъ и другое для дочерей разночинцевъ; инвалидный домъ и пенсіи для всѣхъ тѣхъ, кто уже не въ состояніи служить и кто не имѣетъ средствъ къ жизни; банкъ въ Астрахани. Здѣсь учреждается вдовья касса и ломбардъ; и занимаются великимъ дѣломъ преобразованія законовъ для всей имперіи и, чтобъ не хранить слишкомъ много денегъ, много строятъ, что составитъ особую статью.

Екатерина II въ 1762 г.

Съ гравированнаго портрета Чемесова

[illegible]

Екатерина II въ 1762 г.

Съ гравированнаго портрета Чемезова.

[МЕМУАРЫ.—Отрывокъ.—I.]

Анекдоты.

На пятый или шестой день по вступленіи Екатерины II на престолъ она явилась въ Сенатъ, который она велѣла перевести въ Лѣтній дворецъ, дабы ускорить производство всѣхъ дѣлъ. Начали съ представленія ей существовавшей крайней скудости средствъ: армія была въ Пруссіи и платы не хватало уже восемь мѣсяцевъ; цѣна хлѣба въ Петербургѣ поднялась вдвойнѣ противъ обычной стоимости. Въ концѣ своей жизни императрица Елисавета скопила, сколько могла, и держала свои деньги при себѣ, не употребляя ихъ ни на какія нужды имперіи; послѣдняя нуждалась во всемъ; почти никому не платили. Петръ III поступалъ приблизительно такъ же. Когда у нихъ просили на нужды государства, они гнѣвались, отвѣчая: «Найдите денегъ гдѣ хотите; а отложенныя—наши». Онъ, какъ и его тетка, отдѣляли свой личный интересъ отъ интереса имперіи. Екатерина, видя денежныя затрудненія, объявила въ полномъ собраніи Сената, что, принадлежа сама государству, она желаетъ, чтобъ принадлежащее ей и ему принадлежало и чтобы впредь не дѣлали разницы между ея и его интересами. Это заявленіе вызвало слезы на глазахъ у всѣхъ присутствовавшихъ, которые встали и единогласно выразили ей живѣйшую признательность за такія благоразумныя чувства. И Екатерина доставила столько денегъ,

сколько было нужно, и запретила временно вывозъ хлѣба, что, черезъ два мѣсяца, возвратило обиліе и дешевизну всѣмъ предметамъ.

Такъ какъ въ Сенатѣ все дѣлается согласно журналу за исключеніемъ дѣлъ, не терпящихъ отлагательства, то случилось по несчастію, что въ этомъ засѣданіи первымъ на очереди, пока записывали, оказался проектъ дозволенія евреямъ въѣзжать въ Россію. Екатерина, затрудненная по тогдашнимъ обстоятельствамъ, дать свое согласіе на это предложеніе, единогласно признаваемое всѣми полезнымъ, была выведена изъ этого затрудненія сенаторомъ княземъ Одоевскимъ, который всталъ и сказалъ ей: «Не пожелаетъ ли Ваше Величество прежде, чѣмъ рѣшиться, взглянуть на то, что императрица Елисавета собственноручно начертала на полѣ подобнаго же предложенія?» Екатерина велѣла принести реестры и нашла, что Елисавета по своему благочестію написала на поляхъ: «Я не желаю выгоды отъ враговъ Іисуса Христа». Не прошло недѣли со времени восшествія Екатерины на престолъ; она была на него возведена для защиты православной вѣры; ей приходилось имѣть дѣло съ народомъ набожнымъ, съ духовенствомъ, которому еще не вернули его имѣній и у котораго не было необходимыхъ средствъ къ жизни, вслѣдствіе этого плохо обдуманнаго распоряженія; умы, какъ всегда бываетъ послѣ столь великаго событія, были въ сильнѣйшемъ волненіи; начать такой мѣрой не было средствомъ къ успокоенію [умовъ], а признать ее вредной было невозможно. Екатерина просто обратилась къ генералъ-прокурору послѣ того, какъ онъ собралъ голоса и подошелъ къ ней за ея рѣшеніемъ, и сказала ему: «Я желаю, чтобъ это дѣло было отложено до другого времени». Такъ-то нерѣдко не достаточно быть просвѣщеннымъ, имѣть наилучшія намѣренія и власть для исполненія ихъ; тѣмъ не менѣе часто разумное поведеніе подвергается безразсуднымъ толкамъ.

[МЕМУАРЫ.—Отрывокъ.—II]

Въ 1744-мъ году 28 іюня на Москвѣ въ Головинскомъ деревянномъ Дворцѣ, который сгорѣлъ въ 1753 году, я приняла Грекороссійской Православной законъ.

Въ 1762 году 28 іюня въ С.-Петербургѣ я приняла всероссійской престолъ въ пятницу на четвертой недѣли послѣ Троицына дня; въ сей день весьма достойно примѣчанія Апостолъ и Евангеліе, которое и читается ежегодно въ день моего возшествія и начинается Апостолъ сими словами: «вручаю вамъ сестру мою Фиву, сущую служительницу» и проч.

Предъ моей коронаціей на Москвѣ я въѣздъ имѣла публичной въ день возобновленія храма.

Молебенъ о Чесменской баталіи былъ въ день Воздвиженія Креста. Апостолъ сего дня во всѣхъ умахъ тогда не инако какъ съ восхищеніемъ принятъ былъ и всѣмъ казалось пророчествомъ разрушенія турецкаго варварства.

Въ 1742 или третьемъ году я была съ матерью моей въ Брауншвейгѣ, у вдовствующей герцогини, у которой мать моя была воспитана, и та герцогиня и мать моя были дома Голштинскаго. Тутъ случилось быть епископу католицкому Корвенскому (l'évêque de Corbie) и съ нимъ было нѣсколько его каноников; между каноникамі былъ одинъ дома Менгдена. Сей упражнялся предсказаніями и хиромантіею; бывъ вопрошенъ матерью моей о принцессѣ

Маріаннѣ Бевернской, съ которой я была весьма дружна и которая по нраву и красотѣ своей была весьма всѣми любима, не получить ли она по своимъ достоинствамъ корону. Онъ не захотѣлъ объ ней сказать ничего; наконецъ сказалъ матери моей: «на лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мѣрѣ три».—Мать моя приняла то за шутку—онъ же сказалъ ей, чтобъ она никакъ о томъ не сумнѣвалась и отвелъ ее къ окошку, и она послѣ уже съ прекрайнимъ удивленіемъ сказала, что онъ ей чудеса насказалъ, о чемъ она ему и говорить запретила, а мнѣ сказала уже здѣсь, что Менгдена предсказаніи выполняются, а болѣе отъ нея узнать не могла.

Еще садовникъ Ламбертусъ въ Ораніенбаумѣ предсказалъ мнѣ, что мнѣ царствовать и жить до глубокой старости за восемдесятъ лѣтъ. — Онъ задолго предъ восшествіемъ Императрицы Елисаветы Петровны и ей предсказалъ, что ей царствовать.

[МЕМУАРЫ.—Отрывокъ.—III].

Послѣ коронаціи въ 1763 году, были маскарады какъ при дворѣ, такъ и у Локатели. Въ одинъ изъ сихъ надѣла я офицерскій мундиръ и сверхъ онаго розовую домину и, пришедъ въ залу, стала въ кругу, гдѣ танцуютъ. Княжна Настасія Сергѣевна Долгорукова, оттанцовавъ, остановилась предо мною и начала хвалить ей знакомой молодую дѣвицу. Я, позади ея стоя, вздумала вздыхать и половину голосомъ, наклонясь къ ней, молвила: «та, которая хвалитъ, не въ примѣръ лутче той, которую хвалить изволила». Она, обратясь ко мнѣ, молвила: «Шутишь, маска; кто ты таковъ? Я не имѣю честь тебя знать. Да ты самъ знаешь ли меня?» На сіе я отвѣтствовала: «Я говорю по своимъ чувствамъ и ими влекомъ».

Она паки спросила. «Да кто ты таковъ?»

Я сказала: «Будьте милостивы ко мнѣ, тогда свѣдаете».

— «Пожалуй, скажи, кто ты таковъ».

— «Обѣщайте быть милостивы».

Тутъ подошли къ ней другія дѣвицы. Она, смотря на меня, почасту говорила съ ними. Онѣ увели ее. Я, обошедъ залу, нашла стула порожняго, на которомъ я сѣла. Княжна, прошедъ мимо, оглянулась. Я встала и пошла за ней; и паки пришли къ танцовальному мѣсту, гдѣ я старалась занимать мѣсто позади ея ближнее. Она оглянулась и, увидя меня, спросила: «маска, танцуешь ли?» Я сказала,

что танцую. Она подняла меня танцовать, и во время танцу я пожала ей руку, говоря: «Какъ я щастливъ, что вы удостоили мнѣ дать руку; я отъ удовольствія внѣ себя.» Я, оттанцовавъ, наклонилась такъ низко, что поцаловала у нея руку. Она покраснѣла и пошла отъ меня. Я опять обошла залу и встрѣтилась съ нею; она отвернулась, будто не видитъ. Я пошла за ней. Она, увидя меня, сказала: «Воля твоя, не знаю, кто ты таковъ». На что я молвила: «Я вашъ покорный слуга; употребите меня къ чему хотите; вы сами увидите, какъ вы усердно услужены будете». Усмѣхнувшись, она отвѣчала: «Ты весьма учтивъ и голосъ пріятной имѣешь». Я сказала: «Все сіе припишите своей красотѣ». На сіе она мнѣ говорила: «Неужели что я для васъ хороша?

— «Безпримѣрна», вскричала я.

«Пожалуй, скажи, кто ты таковъ?».

— «Я вашъ».

«Да, это все хорошо; да кто ты таковъ»?

— «Я васъ люблю, обожаю; будьте ко мнѣ склонны, я скажу, кто я таковъ».

«О, много требуешь; я тебя, другъ мой, не знаю».

Тутъ паки кончился нашъ разговоръ; я пошла въ другія комнаты, а княжна пошла съ своей компаніей. Я сѣла на лавку...

[ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА].[1]

Для исторіи Ея Императорскаго Величества къ свѣденію надлежитъ:

Состояніе государства какъ блаженной памяти Императрица Елисавета Петровна его оставила; то есть: 1) разные союзы съ другими государствами; 2) Доходы государственные, какія оные и куда употреблялись; 3) Долги, которые разные правительствы единые другимъ имѣли; 4) Число войскъ внутренней и заграничной армѣи; 5) Заключенной миръ съ прусскимъ королемъ, даже и секретные артикулы; 6) Данную инструкцію командующему вспомогательные войски Его Величеству прускому королю; 7) Инструкція князя Репнина, тогда бывшаго министра при прусскомъ дворѣ, и 9) Послѣднія мысли Императрицы Елисаветы Петровны, касающіяся до наслѣдства престола.

---

[1]) По копіи, находящейся среди автографовъ.

[РАСПОРЯЖЕНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ О ПРІЕМѢ ПРИНЦА ГЕНРИХА ПРУССКАГО. 1770].

1. Послать яхты: Катерина, Алексѣй и Петергофъ въ Ревель.

2. На нихъ посадить какъ придворную кухню, такъ и погребъ и нѣсколько служителей; и на нихъ поѣдетъ гвардіи маіоръ Капкинъ принцу на встрѣчу.

3. Изъ Ревеля онѣ выйдутъ въ конвоѣ однаго военнаго корабля.

4. Послать къ контръ-адмиралу Чичегову, которой въ морѣ, чтобъ онъ свое крейцированіе производилъ между Элзинфорсомъ и Ревелемъ.

Сіи 4 пункты дать графу I. Чернышеву, дабы по нихъ исполнилъ, а о кухнѣ и проч. писать къ кн. Н. Ли[1]).

О семъ къ Елагину. — 5. Въ Катеринендалѣ все держать въ готовности.

Въ конюшни, о семъ кн. Вяземскому. — 6. Три кареты дворцовыя и три коляски послать отселѣ до Ревеля и по сто лошадей на станціи поставить.

О семъ куды слѣдуетъ, то-есть въ конюшни и къ гофъ-маршалу. — 7. Тоже учинить отъ Меліенъ Аборфорса до Питербурха, а экипажи поставить въ Фридрихсгамѣ, куда послать какъ дворцовую кухню, такъ и погребъ и служителей.

---

[1]) Неясно.

8. Съ яхтами послать чиновную персону. Послать по Кашкина.

9. Въ Фридрихсъ-гамъ тоже. Бибикова.

10. На всѣхъ станціяхъ какъ въ Эстландіи, такъ и въ Финландіи поставить караула. Графъ З. Черн.

11. Въ домѣ канцлерскомъ роту на полную и съ знаменемъ.

12. При принцѣ имѣетъ быть Г. П. Бибиковъ, одинъ камеръ-геръ, одинъ камеръ-юнкеръ, одинъ камеръ-пажъ, два пажа, гофъ-фуріеръ, камеръ-лакей, двѣнадцать лакеевъ, два гайдука, два скорохода, три кареты съ цугами и съ вершниками, двѣ или три половинчатые кареты съ яселничими, рейтпажъ и верховыхъ лошадей для принца и свиты его, метеръ-дотель и пр. Гофъ-маршаламъ.

13. Столъ для принца на шестнацать и до двадцати кувертовъ, другой для камердинеровъ, секретарей и пр. [1]). Ивану Пер. и гофъ-мар.

Господинъ Эстляндской генералъ-губернаторъ, принцъ фонъ Голштейнъ-Бекъ.

Я послала лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку премьеръ [2]) маіора Кашкина въ Ревель, которой оттуда на яхтахъ отправится на встрѣчу ѣдущему сюда Прусскому принцу Генриху, чего ради прикажите оному маіору, въ чемъ дѣлать ему нужда будетъ, по его требованію вспоможеніе, а принца, естьли онъ пріѣдетъ въ Ревель, примите съ подобающею ему честію. Впрочемъ остаюсь какъ и всегда вамъ доброжелательною.

16 августа 1770. Ц. С.

Указъ.

Нашей лейбъ-гвардіи премьеръ маіору Кашкину.

Естьли вамъ для встрѣчи ѣдущаго сюда Прусскаго принца Генриха что потребно будетъ сверхъ того, что уже

---

[1]) Здѣсь кончается автографъ: дальнѣйшія распоряженія—въ копіяхъ.

[2]) Въ подлинникѣ—«примеръ».

отсюда отправлено, то имѣете вы требовать какъ отъ Эстландскаго гдна генерала-губернатора, такъ и отъ воинскихъ тамо командировъ, о чемъ первой отъ насъ повелѣніе уже имѣетъ, а послѣднимъ чрезъ сіе требованія ваши исполнять повелѣваемъ.

Гдн҇ъ Выборгской вицъ-губернаторъ Энгелгардъ.

Отправили мы въ Фридригсъ-гамъ нашего камеръ-гера Нелединскаго Мелецкаго для встрѣчи ѣдущаго сюда Прусскаго принца Генриха, чего ради изволте ему, Нелединскому Мелецкому, дѣлать по его требованію во всемъ вспоможеніе.

17 августа 1770. Ц. С.

Указъ нашему дѣйствительному камеръ-геру Нелединскому Мелецкому.

Естьли вамъ для встрѣчи ѣдущаго сюда прусскаго принца Генриха что потребно будетъ сверхъ того, что уже отсюда отправлено, то имѣете вы требовать, какъ отъ выборгскаго вицъ-губернатора Энгелгарда, такъ и отъ воинскихъ и прочихъ командировъ, о чемъ первой отъ насъ повелѣніе уже имѣетъ, а послѣднимъ чрезъ сіе требованія ваши исполнять повелѣваемъ.

№ 19.

Графъ Петръ Семеновичъ! Его королевское высочество принцъ Генрихъ отъѣзжаетъ отсюда въ Москву декабря 3-го дня единственно чтобъ видѣть старинный столичный нашъ городъ и все, что въ немъ достойно любопытства. Желаніе его при томъ есть то, чтобъ быть у васъ инкогнито, не имѣя на себѣ никакихъ знаковъ, дабы тѣмъ и себя не обезпокоить и васъ удалить отъ всѣхъ церемоніальныхъ почестей, каковыхъ бы онъ ожидать могъ по обыкновенію. Чего ради мы вамъ и рекомендуемъ распорядить все заблаговременно слѣдующимъ образомъ: 1-е, въ пріѣздъ

его никакихъ встрѣчь церемоніальныхъ не дѣлать. 2-е, домъ графа Ивана Ларіоновича Воронцова кажется намъ выгоднѣйшимъ для пребыванія Принцу на сіе короткое время; и мы надѣемся, что хозяинъ не сочтетъ себѣ за безпокойство опростать оный. 3-е, что касается до содержанія стола, въ томъ дворцовая Наша канцелярія и придворная кантора разпорядка никакого отсюда здѣлать не могутъ, не имѣя тамъ ничего, а рекомендуемъ вамъ пріискать гдѣ можно приличное къ столу серебро и прочее, и провизіи столовыя держать на нашъ щетъ наилучшія, которыя у васъ въ городѣ всегда покупкою сысканы быть могутъ, и по присланному отъ васъ щету заплачены отъ насъ будутъ. 4-е. Для экипажа сыщите отъ Московской конюшенной команды пристойную карету, а лошадей ямскихъ промышлять будетъ генералъ-порутчикъ Бибиковъ, который съ его Высочествомъ отправится, такъ какъ и въ оба пути и въ Москвѣ въ домѣ пристойный порядокъ его же смотренію мы поручили. Словомъ, ничто церемоніальное не подобно, а сколько возможно сохраните Его Высочеству свободу быть вояжиромъ партикулярнымъ и входить во всѣ, каковы на сіе время, въ городѣ случиться могутъ, благопристойныя общества и увеселенія или и публичные спектакли; къ чему мы не сумнѣваемся, что не примѣтнымъ образомъ и жители города Москвы по внушенію вашему подадутъ сами поводъ. Прямое же угощеніе Его Высочеству состоять должно въ томъ, чтобъ все любопытства у васъ достойное видѣть онъ могъ, какъ на примѣръ: Согласитеся съ преосвященнымъ Московскимъ показать Его Высочеству соборныя наши церкви, патріаршую ризницу, печатный дворъ и, ежели пожелаетъ видѣть лучшій какой монастырь въ городѣ, по тому обыкновенію, какъ и прежде сего бывало угощеніе отъ духовныхъ для удовольствія любопытства знатныхъ пріѣзжихъ особъ; и потомъ надобно, чтобъ Его Высочество увидѣлъ домъ воспитательный во всемъ его установленіи и порядкѣ, а наконецъ Московскій Университетъ и тѣ домы, въ которыхъ

классы Университетскіе, камора физическая и библіотека находятся: но предостерегите, чтобъ ученые тамъ люди пріемъ здѣлали такъ, какъ партикулярной знатной особѣ [1]). Я думаю, что уже столько и модели новопроэктованнаго Кремлевскаго дворца здѣлано, что можно для полученія идеи о семъ строеніи, оную показать. Мы не думаемъ, чтобъ болѣе пяти дней Его Высочества въ Москвѣ пробылъ, а потому и размѣряйте ваше угощеніе на сіе короткое время. Ежели же кто пожелаетъ изъ нашихъ чиновныхъ людей къ нему пріѣхать или его къ себѣ просить на угощеніе, то будетъ неизлишнее, но только бы не было никакой повѣстки ни о формальныхъ визитахъ, ни о трактаментахъ, а все сходствовало съ желаніемъ Его Высочества быть со всѣми и во всѣхъ компаніяхъ инкогнито. Чего ради и караулъ въ домѣ принца поставте пристойный для охраненія дому, а не по характеру его особы. Впрочемъ мы полагаемся на ваше во всемъ наилучшее благоизобрѣтеніе и пребываемъ къ вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою: Екатерина.

Ноября 23-го
дня 1770-го года.

---

[1]) «*Мастерская полата и модель новаго дворца* — приписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою».

ЧЕСМЕНСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

[Разговоръ между портретами и медальонами].

Одинъ старый инвалидъ, обходя рундомъ вокругъ Чесменскаго дворца, услышалъ тамъ шумъ; онъ прислушался и къ его великому удивленію услышалъ, что находящіеся тамъ портреты и медальоны бесѣдовали другъ съ другомъ.

NB. Для пониманія этого надо знать, что аппартаменты Чесменскаго дворца украшены картинами или портретами всѣхъ государей Россіи и всѣхъ нынѣшнихъ государей Европы.

Вотъ приблизительно то, что, какъ ему показалось, онъ слышалъ *).

ЛЮДОВИКЪ XVI. Я хочу добра.

КОРОЛЕВА [1]). Я хотѣла бы поцѣловать васъ, государь, за эти прекрасныя слова, и въ этотъ же вечеръ я дамъ балъ по этому поводу; пусть позовутъ m-lle Бертэнъ [2]) и скажутъ ей, чтобы она принесла мнѣ перья, которыя я заказала для спектакля, и чтобы она не забыла мой brin d'esprit [соломинку ума].

---

*) Примѣчанія принадлежатъ простому переводчику Чесменскаго дворца.

[1]) Марія Антуанетта Австрійская.

[2]) Торговка модами.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ-ТЕРЕЗІЯ [Къ императору Іосифу II]. Антуанетта такъ любитъ свѣтъ, что я боюсь за спасеніе ея души.

ІОСИФЪ II. Но она такъ красива, такъ любезна, такъ молода.

КОРОЛЕВА НЕАПОЛИТАНСКАЯ [3]) [своему мужу]. Отправляйтесь, государь, на охоту; я позабочусь объ остальномъ.

КОРОЛЬ НЕАПОЛИТАНСКІЙ. Нѣтъ, я отправлюсь кататься на лодкѣ съ моими любезными липаріотами; я вамъ оставляю сегодня весь дипломатическій корпусъ и особенно Caro Ragatzo [4]) онъ заставитъ васъ забыть вашу беременность. Онъ нравится мнѣ больше, чѣмъ вашъ духовникъ, ваша нѣмецкая кухарка и ваша горничная нѣмка †).

МАРІЯ-ТЕРЕЗІЯ. И эта—туда же! Надо молиться Богу, чтобы онъ направилъ ее на путь истинный.

ІОСИФЪ II. Я вѣрю только половинѣ того, что люди говорятъ.

ГЕРЦОГИНЯ ПАРМСКАЯ [5]) [своему мужу]. Что въ этихъ бумажонкахъ? Не заключаются ли въ нихъ тѣ молитвы, которыя вы пишете каждый день, чтобы онѣ читались въ вашей капеллѣ?

ГЕРЦОГЪ ПАРМСКІЙ. Да, madame.

ГЕРЦОГИНЯ ПАРМСКАЯ. Прощайте, потомокъ Генриха IV, на котораго вы не похожи ни лицомъ, ни манерой. Сегодня вечеромъ я отправляюсь верхомъ на балъ въ Миланъ: мой почтальонъ дожидается меня у воротъ замка съ двумя лошадьми.

МАРІЯ-ТЕРЕЗІЯ. Объ этой я не хотѣла бы слышать.

ІОСИФЪ II. Что дѣлать, матушка! По крайней мѣрѣ она не дорого стоитъ, потому что ей нужны только двѣ почтовыя лошади, чтобы скакать по Италіи.

---

[3]) Марія-Каролина Австрійская.

[4]) Такъ называлъ онъ графа Андрея Разумовскаго, русскаго посланника.

[5]) Марія-Амелія Австрійская.

†) Въ подлинникѣ—Tudesque.

ЭРЦГЕРЦОГЪ МИЛАНСКІЙ. Какъ вы думаете, моя милая супруга, не отправиться ли намъ въ Вѣну?

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ МИЛАНСКАЯ. Охотно я за вами послѣдую и мнѣ всего лучше подлѣ васъ; однако, Италія также имѣетъ свои пріятности.

ВЕЛИКАЯ ГЕРЦОГИНЯ ТОСКАНСКАЯ. Я мерзну здѣсь отъ холода; тепло только въ Испаніи.

ВЕЛИКІЙ ГЕРЦОГЪ ТОСКАНСКІЙ. Это ясная и чистая прибыль [6]) — сбереженіе топлива въ жаркомъ климатѣ.

ІОСИФЪ II [въ сторону]. Мой братъ любитъ чистую прибыль; я также ничего противъ нея не имѣю, но, кромѣ того, я также люблю чистый домъ [7]).

МАРІЯ-ТЕРЕЗІЯ [Іосифу II]. Что вы бормочете, мой сынъ?

ІОСИФЪ II. Я говорю, что люблю домики. Этотъ, напримѣръ, мнѣ довольно нравится.

МАРІЯ-ТЕРЕЗІЯ. Да, но здѣсь нужно бы распятіе; мои глаза къ нему привыкли, и я всегда возлагала всѣ мои надежды на чудеса Іисуса Христа.

ІОСИФЪ II. Да, матушка, но съ этимъ мы потеряли Силезію; нужны только войско, деньги и хорошій генералъ, чтобы совершить чудо, которое бы намъ ее возвратило.

МАРІЯ-ТЕРЕЗІЯ. Я хотѣла бы умереть въ мирѣ; новая война это—дѣло совѣсти, о которомъ я ничего не могу рѣшить, не посовѣтовавшись съ моимъ духовникомъ, прелатомъ св. Доротеи. Кромѣ того, мой добрый другъ, императрица Елисавета находится на землѣ только въ медальонѣ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА. Этотъ медальонъ такъ же дуренъ, какъ всѣ существующіе мои портреты. Но, madame моя кума [8]), зачѣмъ вы прячете свое лицо въ этомъ большомъ черномъ чепцѣ? Ваше мрачное одѣяніе таково, что въ жизнь мою никто не осмѣлился бы явиться ко

---

[6]) Онъ вдавался въ химеры экономистовъ.

[7]) По смерти своей матери онъ поселилъ сестеръ внѣ братняго дома.

[8]) Великій герцогъ Тосканскій былъ ея крестный сынъ.

мнѣ такъ одѣтымъ. Это вызываетъ насмѣшку, и это въ тысячу разъ хуже, чѣмъ у моей кузины, императрицы Анны, которую я всегда осуждала за то, что она носила лишь темные цвѣта.

марія-терезія. Я вдова, мои лѣта, моя набожность...

императрица елисавета. Именно такъ сказалъ мнѣ однажды мой проклятый племянникъ [mon maudit neveu][9]) Петръ III, когда я при немъ осуждала вѣчно темныя платья моей кузины Анны, которую я не очень любила. Но онъ скоро остановилъ свою глупую болтовню, когда я повелительнымъ тономъ ему сказала, что Анна была императрица. Этому сану, по-моему, принадлежитъ привилегія дѣлать что хочешь, не стѣсняясь.

марія-терезія. Я часто думала именно такъ; но я говорила это только тайкомъ, и я считала васъ очень счастливой.

императрица елисавета. Что меня касается, я такъ не церемонилась. Я это говорила всѣмъ, кто хотѣлъ слушать. Это — правило, которое я приняла отъ своихъ предшественниковъ. Они здѣсь. Вы можете ихъ спросить. По правдѣ, вы сдѣлали очень хорошо, что запретили румяна хорошенькимъ женщинамъ съ минуты смерти вашего мужа; я также запретила много пустыхъ бездѣлокъ молодымъ женщинамъ при моей жизни, и меня ничто такъ не сердило, какъ похвалы, какія имъ дѣлали. Во времена моей кузины Анны женщины надѣвали, что хотѣли; но я своими священными руками срывала съ нихъ кучу бездѣлушекъ.

императрица анна. Есть чѣмъ похвастаться, кузина. Я любила власть столько же, какъ вы; но я не употребляла ее на бездѣлушки.

имп. елисавета. Если бъ я стала говорить, кузина, то увидѣли бы, кто изъ насъ двоихъ сдѣлалъ лучшее употребленіе изъ своей власти.

---

[9]) Она часто давала ему этотъ эпитетъ.

ИМП. АННА. Въ моемъ царствованіи было больше силы †), чѣмъ въ вашемъ.

ИМП. ЕЛИСАВЕТА. То, что одни называютъ силой, другіе иногда называютъ жестокостью.

ИМП. АННА. По своимъ чувствамъ и по манерѣ вы больше похожи на свою мать, чѣмъ на отца.

ИМП. ЕКАТЕРИНА I. Да, Елисавета была всегда моей любимицей.

ИМП. АННА. Мы замѣчали то много разъ. Развѣ не подписывала она ваше имя на тѣхъ указахъ, которые диктовалъ ей князь Меншиковъ и которыхъ вы никогда не читали, не зная азбуки.

ИМП. ЕКАТЕРИНА I. Милая племянница, дѣло тутъ было не въ А и не въ Б; нужно было царствовать. По собственному опыту вы знаете, что каждый царствуетъ, какъ можетъ; но, вѣроятно, дѣло это не такое трудное, такъ какъ мнѣ говорили, что люди всякаго рода и всякаго возраста любятъ за него браться; я даже слыхала, что сапогъ Калигулы занималъ нѣкогда въ Римѣ мѣсто приблизительно такое же, какъ я въ Петербургѣ; помню еще слова тайнаго совѣтника моего зятя, герцога Голштинскаго, который говорилъ, что государь не имѣетъ никакой нужды вмѣшиваться въ управленіе своимъ государствомъ, что въ такомъ случаѣ государство управляется само собой; онъ прибавлялъ: но тогда оно управляется скверно. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ я расхожусь съ нимъ во мнѣніяхъ; полная и очень пышно одѣтая, въ креслѣ съ локотниками и подъ балдахиномъ, я выполняла свое назначеніе и продолжала быть супругой монарха, котораго столько же боялись, сколько уважали, и потерю котораго оплакивала я ежедневно.

ИМП. АННА. Да, моя любезная тетушка, въ концѣ самыхъ шумныхъ пиршествъ вы часто бывали растроганы.

ИМП. ЕЛИСАВЕТА [въ сторону]. Какой злой языкъ!

†) Въ подлинникѣ—de nerf.

ИМП. АННА [Петру II]. При вашемъ восшествіи на престолъ нашли ли вы мебельные сараи дворца настолько же полными, насколько подвалы, гдѣ все было пусто?

ПЕТРЪ II. Что касается мебели, правда, мнѣ ея досталось немного; та малость, которая существовала, не дошла до меня благодаря князю Меншикову и моимъ тетушкамъ, которые ее подѣлили; моя меблировка была до того незначительна, что при моемъ обрученіи для освѣщенія бальной залы не придумали иного средства, какъ разставить вдоль стѣнъ гренадеровъ съ факелами въ рукахъ.

АННА I. Судя по посудѣ, мой дѣдъ, должно быть, былъ хорошо обставленъ. Я сужу по отвѣту, который дали французскому повару, взятому имъ на службу и спросившему, изъ сколькихъ блюдъ будетъ состоять столъ царя Алексѣя; ему отвѣтили, что онъ будетъ состоять изъ ста золотыхъ блюдъ, а за вторымъ столомъ будутъ поданы двѣсти блюдъ на серебрѣ. Петръ I все это отправилъ въ монетный дворъ. Но поговоримъ о другомъ. Вы тоже очень далеко распространяли свою любезность. Вы позволили взять вашу мебель; вы два раза были обручены противъ вашей склонности. Вы каждый день ѣздили на охоту противъ воли; ужъ не умерли ли вы совсѣмъ молодымъ, чтобы дать намъ мѣсто?

ПЕТРЪ II. Я былъ молодъ и податливъ. Тотъ, кто получалъ мою дружбу, дѣлалъ изъ меня приблизительно все, что хотѣлъ. Мы хозяйничали вмѣстѣ, мой фаворитъ [10]) и я; мнѣ было 15 лѣтъ, а ему 19.

АННА I. Правда ли, что вы помышляли жениться на теткѣ вашей Елисаветѣ?

ПЕТРЪ II. Она мнѣ очень нравилась своей красотой, мягкостью, умомъ и веселостью; я привыкъ къ ней; мы каждый день вмѣстѣ ѣздили на охоту.

---

[10]) Князь Иванъ Долгорукій. Императрица Анна долгое время спустя велѣла его обезглавить.

АННА I. Отчего же это желаніе не получило исполненія.

ПЕТРЪ II. Елисавета отказала наотрѣзъ подъ предлогомъ, что я сынъ ея брата и что религія запрещаетъ подобные союзы.

АННА I. Хорошо, что вы говорите: подъ предлогомъ; по крайней мѣрѣ онъ былъ правдоподобенъ; я же нашла свою кузину очень похудѣвшей нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ вашей смерти; перемежающаяся лихорадка †) придала ей тонкую талію.

ПЕТРЪ II. Вы должны быть благодарны этой перемежающейся лихорадкѣ. Безъ нея, быть можетъ, вы не были бы возведены на престолъ.

АННА I. Я была дочь старшаго брата Петра I.

ПЕТРЪ II. Да, но у васъ существовала старшая сестра, бывшая себѣ на умѣ и, кромѣ того, Елисавета была дочерью Петра I, память о которомъ была дорога народу вообще.

АННА I. Я была вдовой; у моей сестры былъ въ живыхъ мужъ, котораго она покинула, потому что онъ былъ такъ безуменъ, что принуждены были назначить ему опекуновъ. Про Елисавету знали только, что въ то время она думала лишь о своихъ развлеченіяхъ.

ПЕТРЪ II. Въ сущности эти споры меня не касаются; я наслѣдовалъ своему дѣду, своей бабушкѣ; это ихъ дѣло.

АННА I. Мой дядюшка Петръ I очень меня цѣнилъ; онъ мнѣ много разъ высказывалъ до и послѣ того, какъ лишилъ наслѣдства вашего отца[11]), что онъ очень огорченъ, что я не была мальчикомъ.

ПЕТРЪ I. Дѣйствительно, племянница, я васъ уважалъ; это и дало поводъ къ клеветѣ, чтобы говорить, будто вы моя дочь; но по правдѣ сказать, я былъ слишкомъ уменъ, чтобы стараться поставить кого-нибудь надъ собой; я васъ

---

[11]) Царевичъ Алексѣй.

†) Въ подлинникѣ—une fièvre tierce.

любилъ, потому что вашъ умъ, мужественный и зрѣлый, заставлялъ меня предполагать, что вы болѣе, чѣмъ другія женщины нашего рода, были далеки отъ этой наклонности къ пошлымъ судамъ и пересудамъ, въ которыхъ клевета играетъ первую роль и къ которымъ я питалъ такое отвращеніе, потому что глубоко изъ-за нихъ страдалъ; часто видѣлъ я, какъ начинались они въ семьяхъ, а кончалось пожаромъ всего государства. Вспомните время, когда я сталъ на колѣни у изголовья вашей умирающей матери [12]), умоляя ее снять съ васъ и съ обѣихъ вашихъ сестеръ проклятіе, которое она на васъ наложила; съ трудомъ добился я, чтобы она вамъ простила, а сестры ваши остались прокляты.

АННА I. Если бы мой дорогой отецъ былъ живъ, быть можетъ, этого не было бы.

ПЕТРЪ I. Ну да, если меня не послушались, какъ хотите вы, чтобы слушались моего почти слѣпого и слабоумнаго брата. Невѣстка моя давно была раздражена противъ васъ своими приближенными, и какими еще приближенными; такихъ встрѣчаешь только въ госпиталяхъ для неизлѣчимыхъ, калѣкъ, полоумныхъ и дурацкихъ головъ †), которые сходили у нея за прозорливцевъ и съ которыми она совѣтовалась во всѣхъ случаяхъ; безсмысленная набожность вашей матери собирала ихъ у нея и они были самымъ уважаемымъ обществомъ.

АННА I. Я не помню своего отца; знаю только, что онъ былъ болѣзненъ и имѣлъ полное довѣріе къ моей тетушкѣ Софьѣ. Что касается моей матери, она была окружена такъ же, какъ большинство вашихъ сестеръ. Число женщинъ, вдовъ и дѣвицъ всякихъ лѣтъ и состояній, которыя составляли ихъ свиту, было значительно; я насчи-

---

[12]) Она была изъ дома Салтыковыхъ и звалась Прасковьей Өедоровной.

†) Въ подлинникѣ—des incurables, des culs de jattes, des pancraches, des têtes enpiramidés des foux.

тала до семидесяти въ одной комнатѣ. Эта мода не совсѣмъ прошла еще въ мое время; двоюродная сестра моя Елисавета имѣла ихъ также изрядное количество. Когда [ея] домъ сгорѣлъ, я послала предложить ей поселиться при моемъ дворѣ, поставивъ условіемъ, чтобы она разсчитала лишніе рты, но она не захотѣла этого сдѣлать и предпочла платить за наемъ очень тѣснаго дома, чѣмъ разстаться съ этой дорогой толпой безполезныхъ дуръ.

ЦАРЬ ИВАНЪ. Если я хорошо понялъ, кто-то говорилъ обо мнѣ; но я плохо вижу въ тѣ дни, когда не былъ въ банѣ.

ПЕТРЪ I. Не сдѣлай обстоятельства мнѣ врага изъ моей сестры Софьи, я охотно воспользовался бы ея совѣтами. У ней было много дарованій; но она слишкомъ слушалась родныхъ своей матери [13]) и въ особенности своего дяди Милославскаго, питавшаго большую непріязнь противъ семьи моей матери [14]).

ЦАРЬ ѲЕДОРЪ. При моей жизни, братецъ, всѣ мы жили въ мирѣ; я уважалъ вашу мать, хотя она не была моею; мои пять сестеръ, старшія изъ которыхъ были старше нашей мачехи, слѣдовали моему примѣру. Но правду говоря, братецъ, ваша мать имѣла родню ума столь же гордаго, сколь ограниченнаго; ихъ недостатки способствовали обращенію ихъ завистниковъ во враговъ. Отецъ мой самъ хорошо зналъ ихъ недостатки и неоднократно ихъ журилъ за это.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ. Знаю, что вмѣнили въ преступленіе старшему изъ братьевъ моей второй жены [15]), что однажды, будучи въ моей пріемной залѣ, онъ имѣлъ неосторожность сѣсть на мое кресло подъ балдахиномъ, говоря присутствующимъ: «Не важный ли у меня видъ [16])? Согласитесь,

---

[13]) Марія Ильинична Милославская.

[14]) Наталья Кирилловна Нарышкина.

[15]) Иванъ Львовичъ Нарышкинъ.

[16]) Онъ былъ высокъ ростомъ и статенъ.

что я былъ бы очень красивымъ царемъ». А въ другой разъ онъ пошелъ на рыбную ловлю къ прудамъ, которые были отведены для меня и гдѣ были громадныя рыбы, которымъ моимъ предшественникамъ вздумалось прикрѣпить золотыя кольца; онъ поймалъ пару и съѣлъ ихъ. Какъ только меня предупредили объ его безразсудствахъ, возмущавшихъ всѣхъ моихъ старыхъ слугъ, я сказалъ своей женѣ, что во всякомъ другомъ наказалъ бы столь достойныя порицанія дерзости и только ради нея прощаю ея брату, при условіи, что въ будущемъ онъ будетъ вести себя осторожнѣе.

ЦАРЬ МИХАИЛЪ [царю Алексѣю]. Мнѣ кажется, сынъ мой, что весь разладъ, случившійся въ вашей семьѣ, произошелъ оттого, что вы женились вторично, имѣя полонъ домъ взрослыхъ дѣтей послѣ смерти вашей первой жены.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ. Что дѣлать, батюшка, я думалъ, что я хорошо поступаю. У меня было два сына и пять дочерей; оба сына казались мнѣ хилыми; я былъ еще молодъ и женился вторично, сдѣлавъ выборъ, который, казалось мнѣ, никого не долженъ былъ смутить въ виду незнатности [médiocrité] семьи моей второй жены; къ несчастью, у ней было нѣсколько братьевъ, коихъ пороки и недостатки и въ особенности тщеславіе, могли бы очень повредить и даже погубить сына моего Петра, если бъ послѣдній не родился на свѣтъ съ геніемъ и необыкновенными качествами.

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ [царю Михаилу]. Не всѣ имѣютъ счастье получать такіе хорошіе совѣты, какъ вы; вы имѣли подлѣ себя отца большихъ способностей и чрезвычайно осторожнаго: таковъ былъ патріархъ Филаретъ, который произвелъ васъ на свѣтъ; его умѣнье и мудрость послѣ того, какъ возвели васъ на престолъ пятнадцати лѣтъ, служили вамъ руководителями. Во время моего плѣна въ Польшѣ я былъ свидѣтелемъ...

Тутъ стало разсвѣтать, медальоны и портреты замолчали. Инвалидъ пошелъ съ докладомъ о томъ, что онъ слы-

шалъ; начальникъ назвалъ его пустомелей, пьяницей, вралемъ, мечтателемъ и проч. Старикъ ушелъ совсѣмъ пристыженный; по дорогѣ онъ встрѣтилъ дворцоваго переводчика и поторопился ему разсказать то, что сказалъ своему начальнику, и о недовѣріи послѣдняго. Толмачъ поспѣшилъ все записать; они разстались съ твердымъ рѣшеніемъ подстеречь вмѣстѣ, при приближеніи ночи, моментъ разговора; они даже рано вошли въ залъ и спрятались за драпировку изъ бархата съ черными и желтыми полосами, но собесѣдникамъ или не хотѣлось болтать въ тотъ вечеръ, или стѣсняло ихъ присутствіе подстерегавшихъ ихъ, но царило самое глубокое молчаніе. Не то было въ галлереѣ № 6; услыхавъ тамъ шумъ, старый инвалидъ проскользнулъ туда и вотъ что, казалось ему, онъ услыхалъ.

ФРИДРИХЪ, КОРОЛЬ ПРУССКІЙ [принцу Генриху]. Что думаете вы объ этомъ, братъ мой; это порядкомъ походитъ на наши семейные обѣды, но зачѣмъ соединять насъ попарно съ нашими дорогими половинами, точно мы собираемся войти въ Ноевъ ковчегъ.

ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ. Насъ бы туда не допустили, ваше потомство и мое не населили бы вновь земли.

ФРИДРИХЪ. Да и потомство моего брата Фердинанда; на немъ лежитъ лишь расходъ на священника, который креститъ дѣтей его жены. Мой рослый и толстый племянникъ одинъ несетъ должность продолженія рода.

ПРИНЦЪ ПРУССКІЙ. У меня очень болитъ нога.

ПРИНЦЕССА ПРУССКАЯ. Но гдѣ же заполучили вы эту неизлѣчимую болѣзнь, на которую вы такъ давно жалуетесь?

ПРИНЦЕССА ГЕНРИХЪ. Шш..., кузина, не говорите ему объ этомъ; я вамъ скажу это на ушко немного погодя.

ПРИНЦЪ ФЕРДИНАНДЪ. Это не мое дѣло. Это не мое дѣло. Это дѣла моей жены. Это дѣла моей жены. Она была очень хорошенькая. Она была очень хорошенькая. Я люблю красивыя лица. Я люблю красивыя лица. Мои адъютанты хорошо подобраны, хорошо подобраны.

ПРИНЦЕССА ФЕРДИНАНДЪ. Я люблю веселиться; здѣсь скучаешь и даромъ теряешь время.

КОРОЛЕВА ПРУССКАЯ. А я люблю сидѣть тутъ спокойно, какъ хорошая и мудрая матрона, предоставляющая всему итти своимъ путемъ; живешь, чтобъ жить, а когда отжилъ, больше не живешь.

ФРИДРИХЪ [принцу Прусскому]. Какимъ образомъ оказались вы, дорогой мой племянникъ, безъ знанія, въ самомъ центрѣ засѣданія Петербургской Академіи Наукъ.

ПРИНЦЪ ПРУССКІЙ. Это ничего не значитъ, государь.

ФРИДРИХЪ. Однако это дало поводъ очень дурнымъ толкамъ. Эти проклятые австрійцы, принцъ де-Линь, графъ Кобенцель и другіе насмѣшники, говорили, что у васъ голова недостаточно крѣпка, чтобы выдержать академическое засѣданіе; что умъ Академіи, бросившись на вашъ мозгъ, причинилъ вамъ падучую болѣзнь.

ПРИНЦЪ ПРУССКІЙ. Правду сказать, государь, было жарко и умъ Академіи причинилъ мнѣ скуку, что, какъ вы знаете, развиваетъ ипохондрію; прежде, чѣмъ лишиться сознанія, я нѣсколько разъ тихонько позѣвывалъ, прикрывая ротъ шляпой, такъ какъ я вѣжливъ.

ФРИДРИХЪ [принцу Генриху]. Братъ мой, кто этотъ бородачъ, котораго я тамъ вижу? Господинъ бородачъ, кто вы такой?

СВ. АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ. Не нужно судить о людяхъ по бородѣ. Таковъ, какъ я есмь, я никогда не предпринималъ несправедливыхъ войнъ. Я защищалъ свою родину и своихъ союзниковъ храбро и успѣшно противъ шведовъ, литвы и тевтонскихъ рыцарей, основавшихся въ Ливоніи и Пруссіи. Мои достоинства и въ особенности мое безкорыстіе привлекли мнѣ довѣріе моего народа и моихъ сосѣдей. Мои родные меня любили и уважали, потому что я былъ справедливъ и безъ зависти по отношенію къ нимъ; моя праведная жизнь и мудрость способствовали моему причисленію, послѣ смерти, къ лику преподобныхъ.

ФРИДРИХЪ. Всего вамъ добраго, господинъ преподобный, поглядите-ка, сколько достоинства скрывалось подъ этой бородой.

СВ. АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ. Дорогой сотоварищъ, недостаточно остроумничать насчетъ бороды своего ближняго; нужно понимать достоинства, не смотря на бороду. Я родился и жилъ до 1740 года. Вы могли бы меня знать, если бъ столько же занялись этой частью исторіи, которая меня касается, сколько французскими стихами. Не моя вина, если вы со мной знакомы не болѣе, чѣмъ съ нѣмецкой литературой, хотя это литература вашей родины; а вообще, слуга покорный, и не имѣю ничего общаго съ вами ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ.

ФРИДРИХЪ. И прекрасно, но кто эти другіе господа съ такими заросшими подбородками?

СВ. АЛЕКСАНДРЪ. Направо отъ меня вы видите моего отца, налѣво моихъ братьевъ; противъ меня Всеволодъ, мой дѣдъ, и двое моихъ дядей.

ФРИДРИХЪ. Полагаю, что все это не умѣло ни читать, ни писать?

ЯРОСЛАВЪ ЯРОСЛАВИЧЪ. Никто изъ насъ не мнилъ прослыть писателемъ, не зная грамматики и орѳографіи; но зато мы всѣ умѣли воевать.

ФРИДРИХЪ. Но какое у васъ громадное родство!

ВАСИЛІЙ ЯРОСЛАВИЧЪ. Домъ Рюрика былъ въ родствѣ съ большинствомъ изъ королей: племянница моя Анна вышла замужъ за Филиппа, Второго по имени, короля французскаго.

ФРИДРИХЪ. А дѣдушка никогда не разговариваетъ?

ВСЕВОЛОДЪ ЮРЬЕВИЧЪ. Я не люблю долгихъ разговоровъ; впрочемъ, я могу вамъ сказать, что я основатель Владимирскаго княжества, гдѣ прокняжилъ 35 лѣтъ.

[ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II КЪ Д-РУ ЦИММЕРМАНУ, 1789, январь,— *черновое*].

Вы, конечно, милостивый государь, первый такой докторъ, который проситъ у кого-нибудь позволенія отправить его на тотъ свѣтъ; другіе дѣлаютъ это безъ такой учтивой формальности.

Вы дѣлаете больше, вы провожаете его въ поля Елисейскія. Я бы не желала лучшаго, какъ отправиться туда въ такой хорошей компаніи, но, впрочемъ, съ однимъ только условіемъ—выбрать тамъ себѣ общество, которое могло бы стать очень забавнымъ. Признаюсь вамъ, рѣчь, съ какой вы ко мнѣ обращаетесь, была бы мнѣ довольно пріятна, если бы я могла быть довольно увѣрена, что она не слишкомъ льстива. Вотъ приблизительно что я бы отвѣтила. Если мой вѣкъ меня боялся, то онъ сильно ошибался: я никогда не хотѣла никому внушить страхъ; я желала быть любимой и почитаемой, насколько я этого стою, и ничего болѣе. Всегда я думала, что на меня клеветали, такъ какъ меня не понимали. Я видѣла много людей, у которыхъ было безконечно больше ума, нежели у меня. Никогда ни противъ кого я не имѣла злобы и никому не завидовала. Мое желаніе и мое удовольствіе было бы всѣхъ дѣлать счастливыми, но такъ какъ всякій хочетъ быть счастливымъ лишь

сообразно со своимъ характеромъ или разумѣніемъ, то мои желанія часто встрѣчали въ томъ препятствія, въ которыхъ я ничего не могла понять. Мое честолюбіе, конечно, не было злымъ, но, можетъ быть, я слишкомъ много предпринимала, чтобы считать людей способными стать разсудительными, справедливыми и счастливыми. Родъ людской вообще наклоненъ къ несправедливости, а съ этимъ нельзя быть счастливымъ, и къ безразсудству; если бы онъ слушался разсудка и справедливости, то и въ насъ онъ не имѣлъ бы нужды; что касается счастья, какъ я уже выше сказала, то всякій разумѣетъ его по-своему. Я уважала философію, потому что всегда моя душа была отмѣнно республиканской. Я согласна, что, можетъ быть, покажется чудомъ этотъ закалъ души, [на ряду] съ неограниченной властью на моемъ мѣстѣ; но никто въ Россіи также не скажетъ, что я ею злоупотребляла. Я люблю изящныя искусства по чистой склонности. Что касается моихъ сочиненій, то я смотрю на нихъ, какъ на пустяки; я любила дѣлать опыты въ разныхъ родахъ, и, мнѣ кажется, все, что я сдѣлала, довольно посредственно, также не придавала я имъ никогда никакой важности и считала развлеченіемъ. Что касается моего политическаго поведенія, то я старалась слѣдовать планамъ, которые мнѣ казались наиболѣе полезными для моей страны и наиболѣе выносимыми для другихъ; если бы я знала лучшіе планы, то я бы ихъ приняла; Европа напрасно пугалась моихъ намѣреній, отъ которыхъ она, напротивъ, могла только выиграть. Если мнѣ иногда платили неблагодарностью, то, по крайней мѣрѣ, никто не скажетъ, что я была неблагодарной, и часто я сторонилась отъ моихъ враговъ, дѣлая имъ добро или прощая ихъ; вообще человѣчество имѣло во мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни въ какомъ случаѣ. Здѣсь кончается діалогъ [въ царствѣ] мертвыхъ; возвратимся къ живымъ. Труссонъ подъ конецъ осады Очакова отправился въ армію. Вотъ чего я могла доискаться на его счетъ. Онъ написалъ мнѣ два письма,

чтобы сказать мнѣ, что онъ забытъ; но мнѣ показалось, что орденъ св. Владимира и разныя награжденія, какія онъ получилъ, доказывали противное; возможно, что имъ воспользовались иначе, чѣмъ онъ желалъ, но тѣ, которые пришли, можетъ быть, послѣ него, были употреблены къ другимъ дѣламъ, которыя казались ему болѣе блестящими или же [приходились] больше ему по вкусу; все можетъ статься, но это вѣрно, что до той минуты, какъ онъ отправился въ армію, онъ былъ употребленъ здѣсь въ Петербургѣ къ дѣлу, которое ему поручилъ покойный генералъ-поручикъ Бауеръ и которое еще не окончено. Голландцы, которые возбудили его ревность, имѣли свои дѣла въ разныхъ углахъ этой огромной имперіи и такъ какъ имъ нужно было ѣздить, и у нихъ были дѣла трудныя для выполненія, то по мѣрѣ ихъ трудовъ и ихъ чиновъ ихъ удовольствовали различными награжденіями, на которыя, кажется, Труссонъ не имѣлъ тѣхъ же самыхъ правъ. Вашъ другъ де Люкъ, о которомъ вы мнѣ говорите и который такъ же, какъ и вы, принимаетъ участіе въ капитанѣ Труссонѣ, для котораго я постараюсь сдѣлать, что буду въ состояніи, извѣстенъ мнѣ по своимъ письмамъ о Швейцаріи, адресованнымъ королевѣ Англійской. Не знаю, чтецъ ли онъ Ея Величества по званію или дѣйствительно, но въ семъ послѣднемъ случаѣ я желаю отъ всего моего сердца, чтобы чтеніемъ своимъ онъ по возможности успѣлъ уменьшить и разсѣять горесть, которой должны быть охвачены сердце и умъ королевы по случаю ужаснаго состоянія здоровья короля; эта королева, привыкшая быть счастливой, наслаждаясь счастіемъ и рѣдкимъ согласіемъ, особенно въ своемъ санѣ, окруженная семьей, столь же многочисленной, сколь прекрасной и любезной, находитъ въ настоящее время въ этихъ самыхъ предметахъ, столь дорогихъ ея сердцу, муку, которая раздираетъ сердца наиболѣе равнодушныхъ. Не имѣя чести ея знать, я раздѣляю ея страданія и горестное состояніе этой многочисленной семьи, въ положеніе которой я вполнѣ вхожу.

Что касается маркиза Луккезини, который «недавно еще просилъ васъ научить его заслужить мои милости», какъ вы говорите, вы можете ему сказать откровенно, что онъ достигнетъ этого, конечно, не тѣмъ, что будетъ вредить моимъ дѣламъ; вообще довольно странно, что маркизъ Луккезини, который былъ другомъ покойнаго короля и къ которому я и всѣ тѣ, кто воздавалъ справедливость доблестямъ этого великаго государя, были заранѣе благосклонно расположены, пожелалъ обременить себя плохимъ дѣломъ, для котораго онъ позволяетъ употребить себя и что ведетъ лишь къ разрушенію зданія, въ возведеніи котораго покойный король принялъ также прямое участіе. Еще болѣе странно, что Берлинскій дворъ простираетъ свое заблужденіе до того, что имѣетъ притязаніе на то, чтобы, вредя моимъ интересамъ и выказывая пристрастіе къ моимъ врагамъ, которые ведутъ со мной несправедливую войну, проложить путь къ моей дружбѣ, къ союзу со мною. Для меня эти доводы не привлекательны и не убѣдительны; примѣры покоренія Голландіи и угожденія Даніи не указываютъ дороги довольно почетной, чтобы я желала чести образовать тріо съ ними. По тому, что вы мнѣ говорите о взятіи Хотина, я сужу объ эффектѣ, который на васъ произведетъ взятіе Очакова; но довольно. Прощайте. Будьте здоровы.

[*Конецъ того же письма по бѣловой копіи*].

Голландцы, которые возбудили его соревнованіе, имѣли свои дѣла въ разныхъ углахъ этой огромной имперіи и такъ какъ имъ нужно было ѣздить и побѣждать трудности, то по мѣрѣ ихъ трудовъ и ихъ чиновъ ихъ удовольствовали различными награжденіями, на которыя, кажется, Труссонъ не имѣлъ тѣхъ же самыхъ правъ. Вашъ другъ де Люкъ, о которомъ вы мнѣ говорите, и который такъ же, какъ вы, принимаетъ участіе въ судьбѣ этого офицера, для котораго я постараюсь сдѣлать что будетъ удобно, извѣстенъ мнѣ по своимъ письмамъ о Швейцаріи, адресованнымъ королевѣ Англійской. Не знаю, чтецъ ли

онъ Ея Величества по званію, или дѣйствительно, но въ семъ послѣднемъ случаѣ я желаю отъ всего сердца, чтобы чтеніемъ своимъ онъ по возможности успѣлъ уменьшить, разсѣять, смягчить горесть, которой должны быть охвачены сердце и умъ королевы по случаю ужаснаго состоянія здоровья короля. Эта королева, привыкшая быть счастливой, наслаждаясь счастьемъ и рѣдкимъ согласіемъ, особенно въ своемъ санѣ, окруженная семьей, столь же многочисленной, сколь прекрасной и любезной, находитъ въ настоящее время въ этихъ самыхъ предметахъ, столь дорогихъ, пищу своей скорби, которая раздираетъ души наиболѣе равнодушныхъ. Не имѣя чести ея знать, я раздѣляю ея страданія и горестное состояніе этой многочисленной семьи, въ положеніе которой я вполнѣ вхожу.

Что касается маркиза Луккезини, который недавно еще просилъ васъ «научить его заслужить мои милости», какъ вы мнѣ говорите, вы можете ему сказать откровенно, что онъ достигнетъ этого, конечно, не тѣмъ, что будетъ вредить моимъ дѣламъ. Вообще довольно странно, что маркизъ Луккезини, который былъ другомъ покойнаго короля, и къ которому я и всѣ тѣ, кто воздавалъ справедливость доблестямъ этого великаго государя, были заранѣе благосклонно расположены, пожелалъ обременить себя плохимъ дѣломъ, для котораго онъ позволяетъ употребить себя и что ведетъ лишь къ разрушенію зданія, въ возведеніи котораго покойный король принялъ также прямое участіе. Еще болѣе странно, что Берлинскій дворъ простираетъ свое заблужденіе до того, что имѣетъ притязаніе на то, чтобы, вредя моимъ интересамъ и выказывая во всякомъ дѣлѣ пристрастіе къ моимъ врагамъ и къ ихъ очень несправедливому дѣлу,—въ то же время убѣдить меня, что онъ идетъ по пути къ пріобрѣтенію моей дружбы и думаетъ тѣмъ еще снискать союзъ со мной. Для меня эти доводы не привлекательны и не убѣдительны; примѣры покоренія Голландіи и угожденія Даніи не указываютъ дороги приличной для Россіи, чтобы эта послѣдняя нашла почетнымъ согласиться на тріо. У насъ еще не забыли, что во время семилѣтней войны, несмотря на щедро расточаемыя сокровища Англіи и на героевъ, которые командовали арміями, покойный король Прусскій долженъ былъ лишиться даже своей столицы и что это Екатерина II въ 1762 г. имѣла честь возвратить этому государю королевство Пруссію и добрую часть Помераніи, которую Петръ II отдалъ во владѣніе Бранденбургскому дому. По тому, что вы мнѣ говорите о взятіи Хотина, я сужу объ удовольствіи, какое вамъ доставитъ взятіе Очакова. Но довольно на сегодня. Прощайте, будьте здоровы.

С.-Петербургъ, 16 января, 1789.

[ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II КЪ ГРАФУ Н. П. РУМЯНЦОВУ,—
черновое, безъ указанія года].

[Февраль-сентябрь 1790].

Ваша инструкція гласитъ о томъ, чтобы вамъ ѣхать во Франкфуртъ, на вашъ прежній постъ, дабы наблюдать за тѣмъ, что тамъ происходитъ и будетъ происходить по случаю избранія римскаго короля, и насъ о томъ освѣдомлять: то же и я вамъ подтверждаю этими строками. Я надѣюсь и не имѣю почти сомнѣнія, что выборъ курфюрстовъ, по крайней мѣрѣ большинства, падетъ на особу короля Венгріи и Богеміи, моего союзника. Этимъ выборомъ Германская имперія пріобрѣтетъ императора справедливаго и миролюбиваго. Вы будете негласно способствовать этому выбору, какъ только можете, не вмѣшиваясь въ него открыто, изъ боязни задѣть отдѣльныя государства имперіи, которыя не любятъ, чтобы иностранныя державы проявляли себя открыто въ подобныхъ случаяхъ. Вы можете увѣрить всѣхъ и каждаго въ моемъ постоянствѣ относительно поддержки началъ Тёшенскаго мира, съ которыми, несомнѣнно, связано благо каждаго государства въ частности; въ войнѣ ли, въ мирѣ ли, будемъ или не будемъ мы союзниками тѣхъ или другихъ, насъ всегда одинаково будетъ интересовать сохраненіе конституціи Германской имперіи и намъ никогда

не будетъ безразлично, если она будетъ нарушаться либо тѣмъ, кто, стѣсненный договоромъ, нашелъ бы возможность нарушить ее, либо тѣмъ, кто, не имѣя такого договора, захватилъ бы диктатуру, чтобы ее подавить. Судя по тому, что случилось за послѣдніе четыре года, эта диктатура не такъ далека, если не станутъ очень тщательно ея остерегаться; она начала развиваться въ дѣлахъ Голландіи, когда штатгальтеръ и его семья были возвращены вооруженною рукою въ Гаагу послѣ вынужденной сдачи Амстердама. Боясь встрѣтить помѣху въ этомъ дѣлѣ, убѣдили Порту объявить намъ войну самымъ несправедливымъ и наименѣе обычнымъ способомъ; только одинъ король Шведскій еще дальше зашелъ въ своемъ коварствѣ, нежели Порта, порвавъ узы крови и нарушивъ договоры, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, для того, чтобы объявить намъ войну безо всякаго повода и безъ всякихъ справедливыхъ и вѣскихъ причинъ, въ единственной только надеждѣ, что онъ благопріятствуетъ видамъ прусской диктатуры и что, вслѣдствіе этого, она снабдитъ его помощью, которая была ему нужна не только для того, чтобы выдержать эту войну, но также, чтобы поддержать его верховную власть, захваченную у націи, угнетенной въ настоящее время, разоренной и обремененной тяжестью налоговъ и военной службы, которые онъ удвоилъ и утроилъ за два послѣдніе года. Въ теченіе этихъ двухъ войнъ наши явные и тайные враги, казалось, сговорились, чтобы нарушать всѣ договоры, всѣ правила справедливости, правды, умѣренности и принятаго даже между наименѣе просвѣщенными державами обхожденія. Ибо сначала, какъ вы это знаете, Порта, по наущенію тѣхъ, кто разжигалъ войну, заключила русскаго посланника въ Семибашенный замокъ, хотя и обѣщала не допускать больше подобнаго нарушенія международнаго права. Мы, правда, имѣли удовольствіе видѣть, что всѣ державы признали несправедливость поступковъ Порты и Шведскаго короля, и даже короли Прусскій и Англійскій не могли оспаривать очевидности факта и были принуждены

признать по крайней мѣрѣ предъ нами правоту нашего дѣла; но въ ту минуту, когда они, такъ сказать, вели съ нами подобныя рѣчи, они своими неоднократными угрозами помѣшали Даніи выполнить свои обязательства передъ Россіей и лишили насъ помощи, должной намъ по союзнымъ договорамъ, которые мы имѣли съ этимъ дворомъ на случай, если бы Швеція напала на одного изъ двухъ. Сдѣлавъ это, король Прусскій, желая воспользоваться случаемъ, чтобы способствовать своимъ замысламъ расширенія, желая пріобрѣсти Данцигъ и Торнъ, обратилъ свое вниманіе въ сторону Польши: онъ польстилъ польскимъ умамъ, взволновалъ ихъ, убѣдилъ сдѣлать новую конституцію, поставить на ноги армію, указалъ имъ на пріобрѣтеніе Молдавіи, какъ на возможное, а на пріобрѣтеніе Галиціи, которую онъ самъ гарантировалъ Австріи, какъ на легкое; предлогомъ для того, чтобы лишить Австрійскій домъ Галиціи, онъ взялъ мнимую опасность для метафизическаго равновѣсія Европы, которой его предшественникъ, несмотря на свой признанный геній, повидимому, не замѣтилъ, когда подписывалъ договоръ и гарантію, которая обезпечила за Вѣнскимъ дворомъ это владѣніе и по которой и онъ самъ пріобрѣлъ таковыя. Между тѣмъ, какъ онъ велъ всѣ эти интриги въ Польшѣ, въ Швеціи, въ Константинополѣ и работалъ надъ заключеніемъ оборонительнаго союза съ Портой, онъ предлагалъ намъ въ самыхъ неумѣренныхъ выраженіяхъ свое посредничество, чтобы кончить двойную войну съ турками и съ королемъ Шведскимъ. Такая двойственность не была, конечно, способна внушить намъ довѣріе къ предложеніямъ Берлинскаго двора; однако наши отвѣты при отклоненіи посредничества были умѣрены и въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами. Мы не отказывались отъ добрыхъ услугъ никакого двора, но не обольщались насчетъ двора графа Герцберга, который господствуетъ надъ своимъ новымъ государемъ и заставляетъ его принимать всѣ неистовые проекты, которыми его портфель всегда былъ полонъ, но которые покойный Прусскій

король умѣлъ умѣрять во время, даръ, котораго онъ вмѣстѣ со своимъ наслѣдствомъ не оставилъ, кажется, своему преемнику. Отсюда вышло странное предложеніе, которое посмѣли сдѣлать Венгерскому королю объ уступкѣ Польшѣ части его владѣній и именно Галиціи; отсюда высокомѣрный тонъ, который они позволили себѣ съ нами; отсюда произошла и повторенная просьба къ Польшѣ объ отдачѣ Данцига и Торна и письмо Прусскаго короля королю Польскому по этому поводу; отсюда также Люттихское дѣло, которымъ вмѣсто того, чтобы успокоить смуту и привести подданныхъ къ повиновенію законамъ и учрежденіямъ имперіи, воспользовались, чтобы поддержать, разжечь и увеличить мятежъ; дѣло Нидерландовъ, затѣянное принцессой Оранской, было имъ слишкомъ дорого, путь къ диктатурѣ слишкомъ вѣрный, чтобы не поддержать подданныхъ и не помочь имъ стряхнуть иго ихъ настоящаго государя и тѣмъ самымъ привлечь ихъ къ себѣ; они постарались сдѣлать то же въ Венгріи; они даже употребили тамъ значительныя суммы. Отсюда также еще тотъ наступательный трактатъ съ турками, которому нѣтъ иного примѣра, кромѣ договора графа Юліана въ Испаніи, стоившаго однако весьма дорого этой странѣ, ибо она въ теченіе вѣковъ оставалась порабощенной союзниками графа Юліана, которые были не кто иные, какъ тѣ самые мусульмане, рожденные по завѣту вѣры врагами имени Христова, и съ ними-то Берлинскій кабинетъ заключаетъ оборонительный союзъ; куда онъ ихъ зоветъ? Не въ Россію, и не въ Польшу; моя армія и мои завоеванія служатъ имъ защитой, а я—порукой. Но куда же? Въ сердце владѣній Венгерскаго короля, составляющихъ оплотъ Германской имперіи. Кабинетъ Берлинскій хочетъ, чтобы Бѣлградъ былъ отданъ султану, его союзнику, но послѣ того, какъ онъ поведетъ его на осаду Вѣны, будетъ ли Германія вполнѣ довольна такимъ безпокойнымъ сосѣдствомъ? И понравится ли ей имѣть смежныя провинціи сожженными, разграбленными и превращенными въ пустыню? И выиграетъ ли равновѣсіе Европы

отъ столь зажигательныхъ плановъ, чтобы благопріятствовать такой блестящей диктатурѣ или установить ее при помощи такого союзника? Не пора ли было бы, чтобы самая благоразумная часть Германіи согласилась обуздать столь тревожные проекты, если разсматривать ихъ съ нѣсколькихъ сторонъ? Если король Прусскій, согласно обѣщанію, данному имъ Туркамъ, нападетъ въ теченіе этого лѣта на Россію и на короля Венгріи, всѣ ли князья и государства Германіи помогутъ ему готовить имъ оковы? останутся ли они нейтральными? или будутъ между ними достаточно твердые, достаточно мужественные, чтобы соединить свои общія усилія съ нашими и съ усиліями нашего союзника для того, чтобы помочь разсѣять и уничтожить столь зловѣщіе проекты? Я думаю, что оба викарія и духовные курфюрсты, дѣйствуя заодно, могли бы увлечь многія другія государства имперіи къ принятію такихъ мѣръ, которыя нужны были бы, чтобы противиться познямъ, вреднымъ во всѣхъ отношеніяхъ покою и тишинѣ Германской имперіи, такихъ наконецъ, какія они принимали неоднократно въ важныхъ случаяхъ. Вы приложите Ваши старанія какъ къ тому, чтобы вникнуть въ ихъ намѣренія, такъ и къ тому, чтобы дать имъ понять, что я не откажусь ни отъ какого способа, какимъ могу благопріятствовать видамъ столь благотворнымъ для Германской имперіи вообще. Вы увѣдомите насъ о расположеніи умовъ и въ данномъ случаѣ о томъ, на что можно будетъ надѣяться съ этой стороны, и представите вашъ докладъ, дабы бы мы знали навѣрно, на что можно разсчитывать въ этой странѣ. Я убѣждена, что вы найдете тысячи средствъ, чтобы расположить къ тому умы болѣе или менѣе, не теряя изъ виду побужденій, изложенныхъ выше въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

[ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ЧТЕНІЙ].

1762.

1. Я нашла, что въ человѣческой жизни честность выручала въ томъ случаѣ [dans une conduite], когда имѣются затрудненія.

2. Другое очень вѣрное правило, это всегда имѣть цѣлью общественное благо; это самый удобный способъ дѣйствія; оно представляется также самымъ естественнымъ; все устраивается такъ хорошо по этому принципу: избѣгаешь тысячи затрудненій, а тѣ, которыя встрѣчаешь на своемъ пути, разъ они побѣждены, доставляютъ тебѣ столько чести, что чувствуешь себя вознагражденнымъ за свой трудъ; пріобрѣтаешь столько довѣрія, что это доходитъ иногда до энтузіазма передъ личностью. Ваше [личное] дѣло становится общественнымъ.

3. Государь несчастливъ, когда онъ находитъ виновнаго, и должна быть велика его радость, когда онъ находитъ невиннаго оправданнымъ. Вотъ почему онъ всегда долженъ предоставлять дѣйствовать по законамъ; и пусть эти послѣдніе будутъ скорѣе направлены къ оправданію, нежели къ наказанію всякаго виновнаго. Дѣлать всегда добро и избѣгать зла, насколько это возможно сдѣлать разумно, притомъ изъ любви къ человѣчеству, становясь, такъ сказать, на мѣсто несчастнаго и присуждая при этомъ къ тому, на что бы сами осудили себя на его мѣстѣ.

4. Государство, законы котораго должны быть священны для монарховъ, такъ какъ они существуютъ всегда, между тѣмъ какъ подданные и короли исчезаютъ, заинтересовано въ томъ, чтобы всякій человѣкъ былъ судимъ по законамъ. Это даже въ интересѣ государей, которымъ законы доставляютъ силу и безопасность; гуманность позволяетъ имъ иногда смягчать ихъ суровость прощеніемъ, но никогда [не позволяетъ] освобождать себя отъ нихъ, чтобы быть жестокимъ. Было бы несправедливо относительно королей воображать, что эти правила могутъ ихъ оскорблять, или что нужно было бы даже мужество, чтобы открыто провозгласить ихъ въ нѣдрахъ монархіи. Они—гласъ природы. Правила, столь вѣрныя и такъ хорошо запечатлѣнныя въ сердцахъ всѣхъ людей, избавляютъ насъ отъ рѣшенія, къ какому суду и проч., и проч., D'Alembert, Mélanges. Mémoire de Christine, r. de S[uède]. T. 2, p. 276.

5. Монтескье справедливо называетъ прекраснымъ тотъ законъ, который исключаетъ изъ государственныхъ должностей гражданъ, которые не платятъ долговъ своего отца послѣ его смерти, а еще съ большимъ основаніемъ тѣхъ, которые не платятъ своихъ собственныхъ долговъ. Уголовный судъ производится скорѣе съ точностью, нежели съ суровостью. Пытка, уже отмѣненная во многихъ государствахъ и которую вездѣ должно бы считать за безполезную жестокость, запрещена въ Женевѣ; ей подвергаютъ лишь преступниковъ, уже осужденныхъ на смерть для открытія ихъ соучастниковъ, если это необходимо. Обвиняемый можетъ просить о сообщеніи ему судебнаго дѣла, о присутствіи его родныхъ и объ адвокатѣ для защиты своего дѣла передъ судьями при открытыхъ дверяхъ. D'Alembert, Mélanges de Littérature, d'Histoire et de Philosophie. Nouvelle édition. T. 2, pag. 370 et 371.

6. Монтескье находитъ причины величія римлянъ въ любви къ свободѣ (то-есть покорной законамъ), къ труду и къ отечеству, что имъ внушали съ дѣтства; въ строгости военной дисциплины; въ тѣхъ внутреннихъ раздорахъ,

которые давали полетъ умамъ и которые тотчасъ прекращались при видѣ непріятеля; въ той твердости въ несчастіи, которая никогда не отчаивалась въ республикѣ; въ правилѣ, котораго они всегда держались,—не заключать никогда мира иначе, какъ только послѣ побѣды; въ тріумфальной почести—предметѣ соревнованія для вождей; въ покровительствѣ, которое они оказывали народамъ, возстававшимъ противъ своихъ царей; въ прекрасной политикѣ—оставлять побѣжденнымъ ихъ боговъ и ихъ обычаи; въ политикѣ не имѣть никогда двухъ могучихъ враговъ на рукахъ и все терпѣть отъ одного, пока они не уничтожатъ другого. Онъ находитъ причины ихъ упадка въ самомъ ростѣ государства, который замѣнилъ народныя волненія междоусобными войнами; въ отдаленныхъ войнахъ, которыя, принуждая гражданъ къ слишкомъ долгому отсутствію, заставляли ихъ нечувствительно терять республиканскій духъ; въ правѣ гражданства, предоставленномъ столькимъ народамъ и превратившемъ римскій народъ лишь во многоголовое чудовище; въ развратѣ, внесенномъ азіатской роскошью; въ проскрипціяхъ Суллы, которыя ослабили духъ націи и подготовили ее къ рабству; въ необходимости страдать отъ владыкъ, въ каковой римляне оказались, когда ихъ свобода стала имъ въ тягость; въ обязанности мѣнять правила, мѣняя правительство; въ этомъ рядѣ тирановъ, которые царствовали почти безъ перерыва отъ Тиверія вплоть до Нервы и со времени Коммода вплоть до Константина; наконецъ—въ перенесеніи [столицы] и въ раздѣленіи имперіи, которая сначала погибла на западѣ отъ силы варваровъ, и которая послѣ того, какъ въ теченіе многихъ вѣковъ ослабѣвала на востокѣ при императорахъ слабоумныхъ или жестокихъ, нечувствительно уничтожилась, какъ рѣки, исчезающія въ пескахъ. Mélanges de Littér. et d'Hist., t. 2, pag. 104, 105, 106.

7. Гельвидій съ самой ранней своей юности развивалъ свои рѣдкіе таланты глубокими изученіями; но не для прикрытія, какъ многіе другіе, своей праздности званіемъ мудреца,

а чтобы съ раннихъ лѣтъ закалить себя отъ несчастій государства; онъ принялъ то философское ученіе, которое утверждаетъ, что хорошо только то, что честно, и худо только то, что постыдно; что власть, званіе и все внѣшнее для человѣка ни хорошо, ни худо для него. Только что выйдя изъ квестуры, онъ былъ избранъ Тразеей въ зятья; въ нравахъ своего тестя онъ почерпнулъ духъ свободы: гражданина, сенатора, мужа, зятя, друга, вѣрнаго своему долгу, презирающаго богатства, непреклоннаго въ добрѣ и недоступнаго страху. Его обвиняли въ излишней любви къ славѣ, такъ какъ эта страсть угасаетъ послѣднею даже у мудрецовъ. Morceaux de Tacite, traduit par Mr. d'Alembert. T. III, pag. 391 et 393.

8. Политическая свобода, въ отношеніи къ гражданину, состоитъ въ безопасности, подъ защитой закона, или по крайней мѣрѣ въ мысли о такой безопасности, которая гражданину позволяетъ не бояться своего сосѣда. Преимущественно отъ природы или сообразно съ трудомъ эта свобода водворяется, или исчезаетъ. Преступленія противъ религіи должны быть наказуемы лишеніемъ благъ, доставляемыхъ ею; нравственныя преступленія—стыдомъ; преступленія противъ общественнаго спокойствія—тюрьмой или ссылкой; преступленія противъ безопасности—тѣлеснымъ наказаніемъ. За то, что пишется, должно быть меньшее наказаніе, нежели за то, что дѣлается. Никогда простая мысль не должна быть преслѣдуема; незаконныя обвиненія, шпіонства, анонимныя письма и всѣ подобныя средства дѣйствія тираніи, равно постыдныя для тѣхъ, кто имъ служитъ и кто ими пользуется, должны быть уничтожены при хорошемъ правленіи. Дозволяется обвинять только по закону, который всегда наказываетъ или виновнаго, или клеветника. Во всякомъ другомъ случаѣ тѣ, которые правятъ, должны сказать вмѣстѣ съ императоромъ Констанціемъ: «Мы не можемъ заподозрѣть того, у кого при наличности враговъ не имѣется обвинителя». Analyse de l'Esprit des Loix, par d'Alembert. T. II, p. 143.

9. Въ любомъ государствѣ налогъ наименѣе тяжелый это тотъ, который падаетъ на товары, потому что гражданинъ уплачиваетъ его, не замѣчая... Казенное вѣдомство налоговъ, доставляющее всю прибыль въ общественную казну, несравненно менѣе тягостно для народа и потому болѣе выгодно при случаѣ, чѣмъ откупъ этихъ же самыхъ налоговъ, оставляющій часть государственныхъ доходовъ въ рукахъ частныхъ лицъ. Все погибло, когда профессія откупщика становится почетной, а она становится таковой, какъ только роскошь вступаетъ въ силу. Допустить нѣсколькихъ людей питаться на общественный счетъ, чтобы разорить ихъ въ свою очередь, что и примѣнялось въ нѣкоторыхъ государствахъ, это значитъ замѣнить одну несправедливость другою, или сдѣлать два зла вмѣсто одного.

10. Предразсудки дѣло важное и деликатное. Запрещать провѣрять ихъ втайнѣ и также отвергать ихъ, когда ихъ находишь ложными, это равносильно запрещенію пользоваться своимъ разсудкомъ. Но когда дѣло касается гласности [1]), то отвергать всѣ предразсудки или признавать ихъ всѣ — это двѣ крайности равно опасныя. Философъ знаетъ, что существуютъ національные предразсудки, которые нужно уважать, предразсудки воспитанія, съ которыми надо обходиться бережно, предразсудки религіи, которые должно поддерживать. Journal Encyclop. 1 Decemb. 1761, pag. 8.

11. Въ Вильнѣ, въ библіотекѣ св. Троицы довольно древностей, касающихся до історіи Росской находится. NB.

12. Въ болшой Кабардѣ, въ горахъ церковь христьянская стоитъ цѣла и замкнута; въ ней, сказываютъ, что много книгъ греческихъ находится, токмо въ оную подъ смертію входить запрещено, а книги, сказываютъ, что чрезъ окна видѣть можно. NB.

---

[1]) Въ подлинникѣ—du public.

[«МЫСЛИ, ЗАМѢЧАНІЯ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ. АНЕКДОТЫ»].

[*Особая тетрадь*].

1. Учрежденіе Сенъ-Сира. Средствомъ для полезнаго и удобнаго подражанія ему было бы выписать классную наставницу и добыть уставъ и журналы этого заведенія отъ самаго французскаго двора, ибо дамы св. Людовика обязаны держать ихъ въ тайнѣ. Домъ легко было бы найти и доходы также. А чтобы помѣшать невѣждамъ кричать противъ монахини-француженки и ея ереси, слѣдовало бы, подъ видомъ частнаго воспитанія, дать ей сначала воспитать одну или двухъ сиротокъ, которыя впослѣдствіи будутъ служить для воспитанія при заведеніи, и такимъ образомъ изъ года въ годъ стали бы обходиться безъ помощи француженокъ, когда достигнута будетъ подготовка достаточнаго количества лицъ русскаго происхожденія для преподаванія въ заведеніи; это тѣмъ легче, что въ этомъ домѣ существуетъ правило взаимнаго обученія болѣе юныхъ пансіонерокъ одной другою сообразно съ тѣмъ, что одна знаетъ лучше другой.

2. Часто задерживаютъ у многихъ людей платежи; это дѣлаютъ чиновники, завѣдующіе платежами, чтобы заинтересованные подносили имъ подарки. Для искорененія этого слѣдовало бы помѣтить въ указѣ число того дня,

въ который должны производиться платежи, а на случай препятствій со стороны чиновниковъ слѣдовало бы наложить на нихъ пени и удваивать пеню за каждый лишній день, который они пропустятъ въ исполненіи даннаго указа.

3. Я желаю и хочу лишь блага той странѣ, въ которую привелъ меня Господь; Онъ мнѣ въ томъ свидѣтель. Слава страны—создаетъ мою славу. Вотъ мое правило; я буду счастлива, если мои мысли могутъ тому способствовать.

4. Государи кажутся болѣе великими по мѣрѣ того, какъ вельможи страны и приближенные болѣе удовлетворяются въ отношеніи богатства; изобиліе должно царить въ ихъ домахъ, но не ложное изобиліе, основанное на неоплатныхъ долгахъ, ибо тогда, вмѣсто величія, это становится лишь смѣшнымъ тщеславіемъ, надъ которымъ смѣются иностранцы; я хочу, чтобы страна и подданные были богаты, вотъ начало, отъ котораго я отправляюсь; чрезъ разумную бережливость они этого достигнутъ.

5. Признаюсь, что хотя я свободна отъ предразсудковъ и отъ природы ума философскаго, я чувствую въ себѣ большую склонность почитать древніе роды; я страдаю, видя, что нѣкоторые изъ нихъ доведены здѣсь до нищенства; мнѣ было бы пріятно ихъ поднять. Можно было бы достичь возстановленія ихъ блеска, украсивъ орденами и должностями старшаго въ родѣ, если у него есть какія-нибудь достоинства, и давая ему пенсіи и даже земли по мѣрѣ нужды и заслугъ, съ условіемъ, что онѣ будутъ переходить только старшимъ и что онѣ будутъ неотчуждаемы.

6. Противно христіанской религіи и справедливости дѣлать рабовъ изъ людей, которые всѣ получаютъ свободу при рожденіи; одинъ соборъ освободилъ всѣхъ крестьянъ, бывшихъ раньше крѣпостными, въ Германіи, Франціи, Испаніи и т. д.—Сдѣлать подобный рѣзкій переворотъ не будетъ средствомъ пріобрѣсти любовь землевладѣльцевъ, исполненныхъ упрямства и предразсудковъ. Но вотъ удоб-

ный способъ: поставить, что какъ только отнынѣ кто-нибудь будетъ продавать землю, всѣ крѣпостные будутъ объявлены свободными съ минуты покупки ея новымъ владѣльцемъ, а въ теченіе сотни лѣтъ всѣ или по крайней мѣрѣ большая часть земель мѣняютъ хозяевъ, и вотъ народъ свободенъ.

7. Свобода, душа всего, безъ тебя все мертво. Я хочу, чтобы повиновались законамъ, но не рабовъ. Я хочу общей цѣли дѣлать счастливыми, но вовсе не своенравія, не чудачества и не тираніи, которыя съ нею несовмѣстимы.

8. Когда имѣешь на своей сторонѣ истину и разумъ, должно выставлять это передъ очами народа, говоря: такая-то причина привела меня къ тому-то; разумъ долженъ говорить за необходимость; будьте увѣрены, что онъ возьметъ верхъ въ глазахъ большинства; уступаютъ истинѣ, но рѣдко рѣчамъ, пропитаннымъ тщеславіемъ.

9. Миръ необходимъ этой обширной имперіи; мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ; заставьте кишѣть народомъ наши обширныя пустыни, если это возможно; для достиженія этого не думаю, чтобы полезно было заставлять наши нехристіанскія народности принимать нашу вѣру; многоженство болѣе полезно для [умноженія] населенія; вотъ что касается внутреннихъ дѣлъ. Что касается внѣшнихъ дѣлъ, то миръ гораздо скорѣе дастъ намъ равновѣсіе, нежели случайности войны, всегда разорительной.

10. Власть безъ довѣрія народа ничего не значитъ тому, кто желаетъ быть любимымъ и прославиться, достичь этого легко. Примите за правило вашихъ дѣйствій и вашихъ постановленій благо народа и справедливость, которая съ нимъ неразлучна. Вы не имѣете и не должны имѣть иныхъ интересовъ. Если душа ваша благородна— вотъ ея цѣль.

11. Есть средство помочь тому, чтобы военные таланты не пропадали при продолжительномъ мирѣ. Посылайте мѣстное дворянство (конечно, частями и того, кто хочетъ)

на службу къ воинственнымъ державамъ, во время войны, или даже каждыя 15 лѣтъ и меньше, вы можете ихъ отозвать. Вы извлечете изъ того двѣ выгоды: одну—имѣть хорошихъ офицеровъ и опытныхъ генераловъ; другую—имѣть дисциплинированныхъ людей, которые, будучи болѣе зрѣлыми, дадутъ лучшее воспитаніе своимъ дѣтямъ, важная точка зрѣнія [оставленная] въ излишнемъ пренебреженіи.

12. Такъ какъ по законамъ Петра Великаго, вѣчно благословенной памяти, всякій дворянинъ долженъ служить, нужно непремѣнно возобновить плохо исполняемый законъ сего законодателя, опредѣляющій продолжительность такой принудительной службы, чтобы въ 40 или 45 лѣтъ и даже ранѣе они могли бы оставить ее; имѣнія и семьи терпятъ оттого, что нѣтъ никого, кто могъ бы заняться собственными дѣлами, и это чувствуетъ общество.

13. Отецъ, у котораго трое или больше сыновей, долженъ былъ бы имѣть право оставить одного и даже двоихъ изъ нихъ, по своему выбору, дома; но эта мысль, хорошая и благодѣтельная, имѣетъ въ томъ отношеніи недостатокъ, что можно будетъ опасаться, чтобы не пострадало оттого воспитаніе этихъ избранныхъ сыновей, такъ какъ лучшая выправка, какую даютъ у насъ, въ большинствѣ случаевъ та, что получаютъ наши молодые люди въ арміи; домашнее воспитаніе пока лишь мутный ручей. Когда станетъ онъ потокомъ?

14. Подите въ деревню, спросите у крестьянина, сколько у него было дѣтей; онъ вамъ скажетъ (это обыкновенно) десять, двѣнадцать, часто даже до двадцати. А сколько въ живыхъ? Онъ отвѣтитъ: одинъ, два, четыре, рѣдко четвертая часть; слѣдовало бы поискать средства противъ такой смертности; посовѣтоваться съ искусными врачами, болѣе философами, чѣмъ заурядными въ этомъ ремеслѣ, и установить какое-нибудь общее правило, которое мало-помалу введутъ землевладѣльцы, такъ какъ я увѣрена, что главная причина этого зла недостатокъ ухода за очень маленькими дѣтьми; они бѣгаютъ нагія въ рубашкахъ по

снѣгу и льду; очень крѣпокъ тотъ, кто выживаетъ, но девятнадцать умираютъ, и какая потеря для государства!

15. Большая часть нашихъ фабрикъ—въ Москвѣ, мѣсто, можетъ быть, наименѣе благопріятное въ Россіи; тамъ безчисленное множество народу, рабочіе становятся распущенными; фабрики шелковыхъ издѣлій не могутъ быть тамъ хороши, вода мутная и особенно весною, лучшее время года для окраски шелка; эта вода дѣйствуетъ на цвѣта, они или блеклы, или грубы. Съ другой стороны сотни маленькихъ городовъ приходятъ въ разрушеніе! Отчего не перенести въ каждый по фабрикѣ, выбирая сообразно съ мѣстнымъ продуктомъ и годностью воды? Рабочіе тамъ будутъ болѣе прилежны и города болѣе цвѣтущи.

16. Дѣло, которое наиболѣе сопряжено съ неудобствомъ, это составленіе какого-нибудь новаго закона. Нельзя внести въ это достаточно обдуманности и осторожности; единственное средство къ достиженію того, чтобы быть освѣдомленнымъ о хорошей или дурной сторонѣ того, что вы хотите постановить, это велѣть распространить слухъ о томъ на рынкѣ, и велѣть точно извѣстить васъ о томъ, что говорятъ; но кто скажетъ вамъ, какія выйдутъ отсюда послѣдствія въ будущемъ?

17. Остерегайтесь, по возможности, издать, а потомъ отмѣнить свой законъ; это означаетъ вашу неразсудительность и вашу слабость и лишаетъ васъ довѣрія народа, развѣ это будетъ только законъ временный; въ этомъ случаѣ я желала бы заранѣе объявить его таковымъ и обозначить въ немъ, если возможно, основанія и время, или, по крайней мѣрѣ, обозначить въ немъ срокъ въ нѣсколько лѣтъ, по истеченіи которыхъ можно было бы его возобновить или уничтожить.

18. Хочу установить, чтобы изъ лести мнѣ высказывали правду; даже царедворецъ подчинится этому, когда увидитъ, что вы ее любите и что это путь къ милости.

19. Говорите съ каждымъ о томъ, что ему поручено; не награждайте никогда, если васъ лично не просятъ о

томъ; развѣ если вы сами намѣреваетесь это сдѣлать, не будучи къ тому побуждаемы; нужно, чтобы были обязаны вамъ, а не вашимъ любимцамъ, и т. п.

20. Тотъ, кто не уважаетъ заслугъ, не имѣетъ ихъ самъ; кто не ищетъ заслугъ и кто ихъ не открываетъ, недостоинъ и не способенъ царствовать.

21. Я какъ-то сказала, и этимъ весьма восхищались, что въ милость, какъ и въ жизнь, вносишь съ собой зачатокъ своего разрушенія.

22. Уваженіе общества не есть слѣдствіе видной должности или виднаго мѣста; слабость иного лица унижаетъ мѣсто точно такъ же, какъ достоинство другого облагораживаетъ его, и никто, безъ исключенія, не бываетъ внѣ пересудовъ, презрѣнія или уваженія общества. Желаете вы этого уваженія? привлеките довѣріе общества, основывая все свое поведеніе на правдѣ и на благѣ общества. Если вмѣстѣ съ тѣмъ природа надѣлила васъ полезными дарованіями, вы сдѣлаете блестящую карьеру и избѣгнете того смѣшного положенія, которое сообщаетъ высокая должность лицу безъ достоинствъ и слабость котораго сквозитъ всюду.

23. Самымъ унизительнымъ положеніемъ мнѣ всегда казалось — быть обманутымъ; будучи еще ребенкомъ, я горько плакала, когда меня обманывали, но зато я дѣлала все то, чего отъ меня хотѣли, и даже непріятныя мнѣ вещи съ усердіемъ, когда мнѣ представляли дѣйствительные доводы.

24. Видали ли когда способъ дѣйствія болѣе варварскій, болѣе достойный турокъ, какъ тотъ, чтобы начинать съ наказанія, а затѣмъ производить слѣдствіе? Найдя человѣка виновнымъ, что вы сдѣлаете? Онъ уже наказанъ. Пожелаете ли вы быть жестокими, чтобы наказать его дважды? А если онъ невиненъ, чѣмъ исправите вы несправедливость, что его арестовали, лишили его всякой чести, должностей и проч., безъ вины? Черезъ такое легкомысліе вы сдѣлаетесь достойными презрѣнія. Значитъ, вы

пожертвуете имъ изъ стыда сознаться, что вы ошиблись, и этимъ усилите свою вину передъ очами Бога и людей. Если бы со мной случилось такое несчастіе, я не стала бы колебаться, я пожертвовала бы своимъ стыдомъ справедливости, я исправила бы со всѣмъ величіемъ души, на которое способна, зло, которое я бы сдѣлала. Въ Венеціи, въ самомъ деспотическомъ мѣстѣ Европы, если невинный брошенъ въ тюрьму, а его невинность доказана, то дожъ, въ сопровожденіи Сената, идутъ въ тюрьму и провожаютъ его съ торжествомъ домой.

25. Ни къ чему я не имѣю такого отвращенія, какъ къ конфискаціи имуществъ виновныхъ, потому что кто на землѣ можетъ отнять у дѣтей, и проч., такихъ людей наслѣдство, какое получаютъ они отъ самого Бога?

26. Не знаю, мнѣ кажется, что всю жизнь мою буду имѣть отвращеніе къ назначенію особой комиссіи для суда надъ виновнымъ, и особенно, если эта комиссія должна оставаться тайной; отчего не предоставить судамъ дѣла, относящіяся до ихъ вѣдѣнія. Быть стороной и еще назначать судей, это значитъ выказывать, что боишься имѣть справедливость и законы противъ себя; пусть вельможа будетъ судимъ Сенатомъ, какъ въ Англіи, во Франціи, пэръ судимъ пэрами; къ тому же внушаешь подозрѣніе, что имѣешь выгоду найти его виновнымъ и что дворцовыя интриги создаютъ преступленіе. Хочу, чтобы питали ко мнѣ довѣріе, полагая, что я хочу лишь того, что справедливо, и что когда я вынуждена кого-нибудь наказать, это потому, что онъ нарушилъ законы, свой долгъ передъ отечествомъ и передъ тѣмъ, кто поставленъ отъ Бога для поддержанія порядка. Преступленіе и производство дѣла должны быть сдѣланы гласными, чтобы общество (которое всегда судитъ безпристрастно) могло бы распознать справедливость. Впрочемъ, въ глазахъ этого общества никакое хвастовство не выдержитъ; удовлетворитъ его лишь правда; ставьте себя всегда въ такое положеніе, чтобы она говорила за васъ.

27. Сильная душа мало способна на совѣты душѣ слабой, ибо эта послѣдняя не въ состояніи слѣдовать и даже оцѣнить то, что первая предлагаетъ ей согласно своему характеру; вообще совѣтовать вещь чрезвычайно трудная; я хорошо знаю, какъ исполнить обдуманное мною дѣло, но у того, кому я совѣтую, нѣтъ ни моей мысли, ни моей дѣятельности при осуществленіи моего совѣта. Это размышленіе всегда меня располагало, при совѣтахъ, какіе я принимала отъ другихъ, входить въ мельчайшія подробности, даже усвоивать слова того, кто мнѣ совѣтовалъ, и слѣдовать совершенно его мысли. Это слѣдствіе моей осторожности ради успѣха часто заставляло думать, что я была управляема, между тѣмъ какъ я дѣйствовала съ открытыми глазами и единственно занятая удачей, всегда ненадежной, какъ только не самъ задумаешь дѣло, которое собираешься совершить, ибо кто можетъ поручиться, что способъ соотвѣтствуетъ вашему характеру, даже если онъ вамъ нравится.

28. Говорили, что во всякомъ дѣлѣ есть только два способа, которые слѣдуетъ примѣнять: это быть справедливымъ или несправедливымъ: выгода приводитъ обыкновенно къ послѣднему. Въ дѣлѣ о К[урляндіи] справедливость заключалась въ томъ, чтобы отдать дѣтямъ Б[ирона] то, чѣмъ они владѣли отъ Бога и отъ природы; если бы хотѣли слѣдовать выгодѣ, нужно было (признаюсь, что несправедливо) удержать К[урляндію] и изъять ее изъ-подъ власти Пол[ьши], чтобы присоединить къ Р[оссіи]. — Кто послѣ этого разсужденія сказалъ бы, что найденъ третій способъ, по которому совершена несправедливость, безъ извлеченія изъ того и тѣни выгоды, то есть отдать ее принцу К[арлу]. Этимъ усилили к[ороля] Пол[ьскаго], который по усвоенной имъ отъ своего отца политикѣ ищетъ только, чтобъ подорвать свободу респ[ублики]. Если онъ и дальше будетъ продолжать жить въ этой странѣ, онъ этого достигнетъ, въ особенности поддерживаемый, какъ это есть на самомъ дѣлѣ, всѣми силами Р[оссіи], французской пар-

тіей и тѣмъ малымъ участіемъ, какое мы принимаемъ въ сторонникахъ свободы, и проч. Итакъ, я васъ спрашиваю, болѣе ли необходимъ Р[оссіи] деспотическій сосѣдъ, нежели счастливая анархія, въ какой находится Польша, которой мы распоряжаемся по нашему усмотрѣнію? Петръ Первый, лучше знакомый съ дѣломъ, объявилъ себя, по Ништадтскому трактату въ 1717, гарантирующимъ свободу Польши и врагомъ того, кто на нее посягнетъ. Когда хочешь быть несправедливымъ, нужно, по крайней мѣрѣ, имѣть отъ этого выгоду, но въ К[урляндскомъ] дѣлѣ, чѣмъ больше я о немъ размышляю, тѣмъ менѣе нахожу тамъ здраваго смысла.

Анекдотъ.

29. Брокд[орфъ] прибылъ въ 1754 г. въ Петергофъ въ одной парѣ платья, съ собакой и лакеемъ; онъ ѣхалъ то подъ именемъ егеря, то подъ видомъ стекольщика; онъ совершенно на нихъ походилъ, а ничтожество, на которое очертаніе его рта указывало сразу, было запечатлѣно на всей его особѣ; онъ былъ принужденъ скрывать свое имя, потому что было запрещено голштинцамъ являться сюда безъ паспорта, подписаннаго великимъ княземъ и Брюммеромъ, который, зная непроходимую глупость и вздорный нравъ этого лица, уже разъ выслалъ его изъ Риги, по приказанію императрицы, съ запрещеніемъ возвращаться; несмотря на это, онъ-таки пробрался. Въ то время великій князь, видя, что его край обремененъ долгами и притѣсняемъ кредиторами, изъ которыхъ нѣкоторые переуступили свои иски королямъ Даніи и Пруссіи, сказалъ графу А. Ш[увалову], недавно назначенному къ намъ, чтобы императрица заплатила за него; гр. А. Ш[уваловъ] пожелалъ ознаменовать свое вступленіе и выхлопоталъ ему 70 тысячъ руб., чтобы удовлетворить самыя неотложныя претензіи; онъ собралъ свѣдѣнія о долгахъ Его Высочества и узналъ, что самымъ тяжкимъ бременемъ было его войско;

онъ придумалъ и предложилъ великому князю отъ имени императрицы отпустить весь этотъ ненужный и убыточный народъ съ тѣмъ, что вмѣсто 200 человѣкъ императрица будетъ содержать ему 2 тысячи человѣкъ русскаго войска въ Голштиніи, съ которыми великій князь будетъ дѣлать, что ему угодно. Великій князь съ жадностью ухватился за этотъ проектъ, но, къ несчастью, сказалъ о немъ Брокдорфу; и тотъ его отговорилъ, подъ предлогомъ, «что всякаго русскаго тамъ ненавидятъ и что мѣстные жители ихъ убьютъ». Такимъ образомъ не удался этотъ проектъ, который могъ имѣть великія, полезныя и добрыя послѣдствія; это было двѣ недѣли спустя послѣ его пріѣзда; въ концѣ 1754 г. великій князь, видя, что его дѣла въ такомъ положеніи, которое грозитъ полнымъ банкротствомъ, вздумалъ поручить мнѣ ихъ поправить. Вначалѣ я не хотѣла этого принять, предвидя и затруднительность помочь столь отчаянному положенію, и ревность и зависть, которыя это на меня навлечетъ, но наконецъ я рѣшилась согласиться на это; я не могла больше отказываться, не огорчая великаго князя. Я потребовала у него приказа за подписью и съ печатью, для его чиновниковъ, чтобы они меня слушались; Пехлинъ его получилъ. Я велѣла сначала передать мнѣ списокъ финансовъ и долговъ; я нашла, что ежегодный расходъ превышаетъ доходъ на 27 тыс. талеровъ; я увидѣла милліоны долговъ и 180 тысячъ талеровъ доходу. Я стала думать, какъ помочь такому превышенію, такъ какъ великій князь и слышать не хотѣлъ о сокращеніи своихъ войскъ. Я заставила заключить съ вѣнскимъ дворомъ тотъ самый договоръ, по которому ему дали 100 тысячъ талеровъ въ годъ, которые при хорошемъ употребленіи возстановили бы все и уплатили бы долги. Брокдорфъ разразился противъ этого договора и, чтобы воспрепятствовать его подписанію онъ возбудилъ опасеніе Его Высочества, что король Прусскій отниметъ у него его владѣнія; событія показали, что это былъ сущій вздоръ. Онъ этимъ не ограничился: онъ имѣлъ врага въ Голштиніи, котораго хотѣлъ

заставить арестовать, обвиняя его въ лихоимствѣ; я ему сказала, что если онъ имѣетъ въ рукахъ доказательства, то я на это согласна. Онъ не могъ ихъ предъявить, но увѣрялъ, что какъ только этотъ человѣкъ будетъ арестованъ, то доказательства найдутся во множествѣ. Видя, что онъ не можетъ меня убѣдить сдѣлать несправедливость, чтобы отомстить за себя, онъ захотѣлъ взять верхъ надо мной, и такъ хорошо за это принялся, что Его Высочество согласился на арестъ вопреки моему мнѣнію. Я потребовала показать мнѣ бумаги дѣлопроизводства, потому что всѣ эти мѣстныя дѣла должны были, по распоряженію великаго князя, проходить черезъ мои руки; Бр[окдорфъ] устроилъ такъ, что былъ поставленъ во главѣ комиссіи противъ его врага и часто припрятывалъ отъ меня то, что не находилъ удобнымъ мнѣ показывать. Съ этой минуты онъ открыто сталъ моимъ врагомъ и передъ великимъ княземъ осыпалъ презрѣніемъ все, что я предпринимала. Я защищала правое дѣло съ энергіей, не теряла мужества, помирилась для пользы дѣлъ великаго князя съ моимъ смертельнѣйшимъ врагомъ, канцлеромъ Бест[ужевымъ]. Брокдорфъ, во времена своей нищеты, часто говорилъ мнѣ объ опасныхъ проектахъ, которые общество приписывало Ш[уваловымъ]; я пренебрегала этими слухами; Брокдорфъ переносилъ ихъ великому князю, который былъ ими встревоженъ и удивлялся, видя меня спокойною, тогда какъ онъ считалъ себя въ опасности. Брокдорфъ счелъ нужнымъ посовѣтовать мнѣ принять мѣры, которыя онъ самъ подробно излагалъ, противъ этихъ проектовъ. Я смѣялась ему въ лицо; видя, что я рѣшилась не слѣдовать его мнѣніямъ и что я занята планомъ, какъ бы его выслать въ Голштинію, онъ нашелъ другой путь; канцлеръ Б[естужевъ] его презиралъ, онъ бросился въ сторону господъ [Шуваловыхъ], предложилъ имъ свои услуги у Его Высочества, указалъ имъ путь къ милости великаго князя, занимая у нихъ для него деньги черезъ посредство покойнаго Брауна; онъ, бывшій ихъ обвинитель, сдѣлался ихъ

защитникомъ; онъ воспользовался ссорой, которую возбудилъ между великимъ княземъ [и мною], и утвердился еще болѣе, всякими самыми гнусными средствами, въ милости великаго князя. Тогда я изложила письменно все, что Брокдорфъ сдѣлалъ противорѣчиваго, его поступки за и противъ Ш[уваловыхъ], его обвиненія, и дала эту записку великому князю. Брокдорфъ склонилъ Его Высочество пересказать ея содержаніе гр. А. Ш[увалову], который, по увѣренію Брокдорфа, счелъ меня авторомъ всего, что было противъ нихъ. Они ненавидѣли канцлера; эти подозрѣнія и страхъ, чтобы мои связи съ нимъ не повредили имъ когда-нибудь, ускорили его паденіе; тогда не могли себѣ вообразить, чтобы послѣдовательный образъ дѣйствій могъ быть плодомъ женскаго ума, чтобы эта женщина имѣла уже въ рукахъ всѣ малыя и большія дѣла своего мужа, чтобы эта женщина не терпѣла взяточничества, наушничества, несправедливости и проч.—перспектива ужасная; надо было постараться ее сломить. Брокдорфъ пользовался, говоря обо мнѣ, выраженіемъ: «Надо раздавить змѣю», и когда канцлеръ былъ взятъ, онъ клятвенно увѣрялъ великаго князя, что я замышляла съ нимъ заговоръ на жизнь великаго князя и не знаю еще что, и, выходя изъ комнаты великаго князя, онъ сказалъ: Я только что раздавилъ голову змѣѣ. Невинность обнаружилась; Его Высочество въ ту минуту, когда думали торжествовать надо мною, помирился со мною; онъ мнѣ высказалъ свое раскаяніе; онъ сохранилъ большое недовѣріе къ тѣмъ, кто направлялъ его ко злу; я отказалась отъ устройства его дѣлъ; его люди должны быть этимъ довольны, поэтому дѣла его и непоправимы. Чтобы закончить изображеніе сердца Брокд[орфа], я прибавлю то, что слышала, какъ онъ утверждалъ за столомъ при всѣхъ: чтобы сдѣлать армію болѣе дѣятельной, надо убивать всѣхъ раненыхъ, и когда Его Высочество возразилъ противъ такой жестокости, тотъ ему сослался на авторитетъ шведовъ, которые всегда такъ дѣлали. Графъ А. Ш[уваловъ] присутствовалъ

при этомъ, сидя рядомъ со мною; я толкнула его локтемъ и ему сказала: «А я начала бы съ того, что пустила бы пулю въ лобъ такому совѣтнику». Я часто слышала, какъ этотъ человѣкъ утверждалъ, что всякій русскій—плутъ и измѣнникъ и что нѣсколько нѣмецкихъ совѣтниковъ могутъ легко съ ними справиться. Не было взятки, которой бы онъ не бралъ. Когда я усмотрѣла дурные принципы этого человѣка, я попросила свиданія съ императрицей; я сказала ей все, что о немъ знала; я думала, что она его удалитъ, или, по крайней мѣрѣ, приметъ свои мѣры; но вмѣсто того, въ самый разгаръ моей ссоры съ великимъ княземъ, ее склонили сказать великому князю, что я безъ его вѣдома сдѣлала все, что могла, чтобы она выгнала его вѣрнаго слугу Брокд[орфа], но что вмѣсто того она назначила ему семь тысячъ рублей жалованья и предлагаетъ великому князю пользоваться мнѣніями этого почтеннаго человѣка. Можно ли будетъ повѣрить этому когда-нибудь, а между тѣмъ это правда. Кончимъ тѣми 15,000 рублей, которыя этотъ человѣкъ только что укралъ у великаго князя, уличившаго его съ письменными доказательствами въ рукахъ.—1760.

30. Два принципа воспитанія государя заключаются, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы сдѣлать его благодѣтельнымъ и заставить его любить истину. Это значитъ сдѣлать его любезнымъ въ очахъ Бога и людей.

31. Никогда ничего не дѣлать безъ правилъ и безъ причины, не руководствоваться предразсудками, уважать вѣру, но никакъ не давать ей вліянія на государственныя дѣла, изгонять изъ совѣта все, что отзывается фанатизмомъ, извлекать наибольшую по возможности выгоду изъ всякаго положенія для блага общественнаго, вотъ основаніе Китайской имперіи, самой прочной изъ всѣхъ извѣстныхъ на свѣтѣ. Inst. Pol. de Bielefeld. T. 2, ch. 15, paragr. 4, p. 311.

Я поздравляю себя съ зарождающейся ко мнѣ милостью, но должна въ ней сомнѣваться, несмо-

тря на увѣренія и подарки, которые мнѣ дѣлаютъ. Это не должно однако мѣшать мнѣ поступать совершенно такъ же, какъ будто я считаю ее дѣйствительной. Мнѣ всегда будутъ льстить, когда и насколько будутъ недовольны [великимъ княземъ]. Я слишкомъ молода, и проч., чтобы стать фавориткой, но должна такъ сдѣлать, какъ будто думаю быть таковой.

32. Въ 1655 году голландцы были въ войнѣ съ англичанами. Людовикъ XIV хотѣлъ склонить ихъ къ миру и, разобравъ всѣ доводы и проекты въ длинной депешѣ къ графу д'Эстраду, своему посланнику въ Гаагѣ, сказалъ ему: Что же касается чести, скажите имъ, что ее сохраняешь всегда, когда выходишь изъ несчастной схватки съ сильнѣйшимъ врагомъ безъ ущерба, кромѣ очень незначительнаго. Lettres, Mémoires et Négot. du c. d'Estrades. Tom. 3, pag. 344 et 345.

33. Пусть мнѣ связываютъ руки сколько угодно, чтобы помѣшать мнѣ дѣлать зло, но пусть онѣ будутъ у меня развязаны, чтобы дѣлать добро, вотъ на что всякій здравомыслящій человѣкъ можетъ согласиться.

34. Когда хочешь сдѣлать новый разсадникъ устрицъ, не достаточно взять ихъ съ одного мѣста и перенести въ другое, когда онѣ свѣжи; надо еще наблюдать глубину воды въ приливѣ и отливѣ, природу дна, положеніе береговъ подобно тому, какъ хорошій садовникъ разсматриваетъ свойства почвы и ея положеніе, когда онъ хочетъ пересадить какой-нибудь кустъ. Время года, соленость воды и морскія растенія, на которыхъ устрицы помѣщаются, также предметы, которыми не надо пренебрегать. Въ концѣ февраля или въ началѣ марта можно съ успѣхомъ дѣлать подобную пересадку. Чтобы убѣдиться, что онѣ вполнѣ здоровы, надо, въ хорошую погоду, когда онѣ раскрываются, кольнуть ихъ остріемъ палки; если, закрываясь, онѣ такъ ее зажмутъ, что скорѣе дадутъ себя поднять, нежели ее выпустятъ, то тогда онѣ очень хороши. Чтобы

сохранять ихъ при продолжительной перевозкѣ, надо ихъ покрыть тѣмъ же растеніемъ, которое ихъ покрывало, смачивать ихъ морской водой и держать укрытыми отъ солнца.

35. Я часто читала, что прежде въ католическихъ странахъ многіе міряне владѣли бенефиціями. Удивляюсь, какъ государи были такими плохими политиками, чтобы допустить уничтоженіе этого обычая соборами.

36. Соединить Каспійское море съ Чернымъ и оба ихъ съ Сѣверными морями; направить торговлю Китая и Остъ-Индіи черезъ Туркестанъ это значило бы возвысить эту имперію на степень могущества выше всѣхъ остальныхъ имперій Азіи и Европы. И что могло бы сопротивляться неограниченной власти самодержавнаго государя, управляющаго воинственнымъ народомъ?

37. Благополучіе для ума—то же, что молодость для темперамента; оно приводитъ въ движеніе всѣ страсти; блаженъ тотъ, кто не даетъ себя увлечь этимъ вихремъ. Отважно выдерживать невзгоду—доказательство величія души; не забываться въ благополучіи—слѣдствіе твердости души.

38. Человѣкъ, который несправедливо на насъ нападаетъ или отказываетъ намъ безъ причины въ томъ, что намъ должно, порываетъ самъ связи, соединявшія его съ нами, и уничтожаетъ такимъ образомъ по собственной винѣ обязательства, которыя налагали на насъ эти связи. Lettres Russiennes, pag. 44 et 45.

39. Не будетъ болѣе опасности отпускать въ путешествія нашихъ молодыхъ людей (бѣгства которыхъ часто боятся), когда сдѣлаютъ имъ ихъ отечество любезнымъ; я подразумѣваю большой смыслъ въ этомъ словѣ; государство, конечно, немногаго лишилось бы во всякое время отъ потери двухъ-трехъ вѣтреныхъ головъ, и если бы отечество было такимъ, какимъ я хотѣла бы его видѣть, мы имѣли бы больше рекрутовъ, чѣмъ дезертировъ. Издалека пріѣзжали бы за нашими дѣвушками и намъ бы при-

возили своихъ, и разъ бы дѣло пошло [на ладъ], то на нѣсколько поколѣній раньше оно смягчило бы [polirait] все то, что еще не образовано. Снисходительность, примиряющій духъ властителя сдѣлали бы больше, нежели тысячи законовъ, а политическая свобода одушевила бы все. Часто лучше внушать преобразованія, нежели предписывать.

40. Рабство есть политическая ошибка, которая убиваетъ соревнованіе, промышленность, искусства и науки, честь и благоденствіе. Journal Encyclop. Mars, 1761. Histoire de Jean Sobieski. Dernier Extrait; pag. 35.

[ИСТОРИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ].

1769. Сент. 20 ч.

При вступленіи моемъ на престолѣ въ 1762 году я нашла имперію въ слѣдующемъ состояніи.

Послѣ кончины покойной имп. Ел. Петр. война, коя началась въ 1756 году съ прусскимъ королемъ, въ которой изъ ауксилярныхъ австрійского дома мы здѣлались главно воюющей державою, кончена была по волѣ Петра III не смотря ни на какія обязательства такимъ миромъ, коимъ возвращена была Пруссія королю того именемъ и кромѣ мира не видно, чтобъ Россіи выгода какая была приобрѣтена въ семъ случаѣ.

28 ч. Іюня 1769 году. Армѣя была еще за границей и не получала восмой мѣсяцъ жалованья. На Штатсъ-канторѣ было семнадцать миліоновъ долгу. Ни единой человѣкъ въ государствѣ не то чтобъ зналъ, сколько казнѣ было дохода, ниже не вѣдалъ званіи доходовъ разныхъ. Повсюду народъ приносилъ жалобу на лихоимство, взятки, притѣсненіи и неправосудіе розныхъ правительствъ, а наипаче приказныхъ служителей: всѣ вѣтви комерціи почти отданы были частнымъ людемъ на откупѣ, флотъ былъ въ упущеніи, армея въ разстройкѣ, крѣпости развалилися. Въ Сенатѣ за излишество почитали государственныя дѣла слушать, ландкарту имѣвъ пред собою на столѣ, и оттого

здѣлалось, что иногда сами не знали, о чемъ судятъ. Стыдно сказать, что и карты печатанныя не были въ Сенатѣ и что первую карту я, бывъ въ Сенатѣ, послала купить въ Академіи. Тюрьмы были такъ наполнены колодниками, что хотя при смерти своей имп. Ел. П. освободила до семнацати тысячъ колодниковъ; однако при коронаціи моей 22 сент. 1762 оныхъ еще до восми тысячъ было. Къ заводамъ приписныхъ крестьянъ я нашла сорокъ девять тысячъ въ явномъ ослушаніи и открытомъ бунтѣ противо заводчиковъ и, слѣдовательно, власти той, которая ихъ приписала къ заводамъ. Монастырскіе крестьяне и самыхъ помѣщичихъ почиталося до полтора ста тысячъ, кои отложилися отъ послушанія и коихъ всѣхъ усмирить надлежало. Повѣренности же къ правительству никто не имѣлъ, но всякъ привыкъ былъ думать, что иное учрежденіе не могло выходить какъ вредное общему благу. Жестокія пытки и наказаніи за бездѣлицу какъ за тяжкое преступленіе ожесточили такъ умы, что многимъ казалося, что тотъ-то и самой порядокъ правосудія, а не иной какой. Политическія же обстоятельствы были таковы, что сверхъ сего еще мы ожидали пришествія татаръ на Украйнѣ къ масляницѣ.

Отъ кончины Петра Перваго до возшествія Императрицы Анны царствовало невѣжество, собственная корысть и борствовалась склонность къ стариннымъ обрядамъ съ невѣденіемъ и непонимательствомъ новыхъ, введенныхъ Петромъ Первымъ. Отъ сего родилось отрѣшеніе надворныхъ судовъ въ 1726 году, порученіе суда и расправы воеводамъ и губернаторамъ въ 1727. Опредѣленіе, подписанное верхнимъ Тайнымъ Совѣтомъ и кое и нынѣ хранится въ иностранной коллегіи, чтобъ упустить вовсе флотъ, а армію не комплетовать,—вѣрнѣйшей способъ, чтобъ завистливые сосѣды Россію по клочкамъ разобрали какъ заблагоразсудятъ...

---

1. Неисчислимое множество законовъ и приказовъ.

2. Частыя измѣненія, какія дѣлаютъ въ однихъ и тѣхъ же законахъ.

3. Небрежное отношеніе судей и судовъ къ поддержанію законовъ.

4. Непринужденность, съ которой скрываютъ отъ свѣдѣнія общества ошибки судей и другихъ чиновниковъ на коронной службѣ.

[О ВЕЛИЧІИ РОССІИ»... *безъ года*].

Если бы кто былъ настолько сумасброденъ, чтобы сказать: вы говорите мнѣ, что величіе и пространство Россійской имперіи требуетъ, чтобы государь ея былъ самодержавенъ; я ни мало не забочусь объ этомъ величіи и объ этомъ пространствѣ Россіи, лишь бы каждое частное лицо жило въ довольствѣ; пусть лучше она будетъ поменѣе; такому безумцу я бы отвѣчала: знайте же, что если ваше правительство преобразится въ республику, оно утратитъ свою силу, а ваши области сдѣлаются добычею первыхъ хищниковъ; не угодно ли съ вашими правилами быть жертвою какой-нибудь орды татаръ, и подъ ихъ игомъ надѣетесь ли жить въ довольствѣ и пріятности. Безразсудное намѣреніе Долгорукихъ, при восшествіи на престолъ императрицы Анны, неминуемо повлекло бы за собою ослабленіе—слѣдственно и распаденіе государства; но къ счастію намѣреніе это было разрушено простымъ здравымъ смысломъ большинства. Не привожу примѣра [дѣленія на удѣлы] Владиміра и послѣдствій, которыя оно повлекло за собою: онъ слишкомъ глубоко врѣзанъ въ память каждаго, мало-мальски образованнаго человѣка.

[ОТРЫВКИ.—ПАЛАТА ПРАВОСУДІЯ].[1]

Палата правосудія ничего не судитъ; она утверждаетъ то, о чемъ условились посредники; если послѣдніе между собою не согласны, палата правосудія можетъ имъ сдѣлать свои предложенія. Если эти предложенія не будутъ приняты, палатѣ правосудія нечего больше дѣлать; она направляетъ ихъ въ судебныя палаты. Доклады адвокатовъ недопустимы въ палатѣ правосудія, потому что она противоядіе всякимъ спорамъ. Ея долгъ начертанъ и ей нельзя получать замѣчаній отъ сторонъ; кромѣ того, такъ какъ она не судитъ, не понятно, на что опирались бы эти замѣчанія.

[ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ].

1. Императорская власть: поручать командованіе арміями и управленіе губерніями, и назначать свой Совѣтъ.

2. Власть Сената: давать жизнь постановленіямъ указами для исполненія и регистраціей.

3. ... передавать всѣмъ магистратамъ ихъ гражданскую юрисдикцію.

4. ... получать апелляціи всѣхъ судовъ.

5. ... нѣкоторый надзоръ за финансами.

---

[1]) Въ подлинникѣ—«La cour d'équité».

[ЗЕМЛЕДѢЛІЕ И ФИНАНСЫ].

О доходахъ [такъ называемыхъ] **наслѣдственныхъ**. По мѣрѣ того, какъ денегъ прибавляется, въ странѣ все становится дороже; слѣдовательно, когда, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, будетъ въ десять разъ болѣе денегъ, все пропорціонально вздорожаетъ; и эти наслѣдственные доходы будутъ давать меньше, чѣмъ теперь, потому что условились въ цѣнѣ въ одно время, когда цѣна эта была достаточна, между тѣмъ какъ въ другое она таковой не будетъ, въ виду дороговизны, причиненной увеличеніемъ количества денегъ; чѣмъ тогда буду я содержать духовенство?

И кромѣ того, чѣмъ больше надъ крестьяниномъ притѣснителей, тѣмъ хуже для него и для земледѣлія; слѣдовательно, въ этомъ проектѣ у него три хозяина, и этотъ маленькій проектъ въ каждомъ селѣ произведетъ лишь маленькое возмущеніе. Великій двигатель земледѣлія—свобода и собственность.

Когда каждый крестьянинъ будетъ увѣренъ, что то, что принадлежитъ ему, не принадлежитъ другому, онъ будетъ улучшать это. Государственные налоги ему не тяжелы, въ виду того, что они очень умѣренны, и если государство вовсе не нуждается въ увеличеніи доходовъ, земледѣльцы могутъ располагаться, какъ имъ удобно, лишь бы имѣли они свободу и собственность.

[ПРАВИЛА УПРАВЛЕНІЯ].

Если государственный человѣкъ ошибается, если онъ разсуждаетъ плохо, или принимаетъ ошибочныя мѣры, цѣлый народъ испытываетъ пагубныя слѣдствія этого.

Нужно часто себя спрашивать: справедливо ли это начинаніе?—полезно ли?

Пять предметовъ.

1. Нужно просвѣщать націю, которой долженъ управлять.

2. Нужно ввести добрый порядокъ въ государствѣ, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.

3. Нужно учредить въ государствѣ хорошую и точную полицію.

4. Нужно способствовать расцвѣту государства и сдѣлать его изобильнымъ.

5. Нужно сдѣлать государство грознымъ въ самомъ себѣ и внушающимъ уваженіе сосѣдямъ.

Каждый гражданинъ долженъ быть воспитанъ въ сознаніи долга своего передъ Высшимъ Существомъ, передъ собой, передъ обществомъ и нужно ему преподать нѣкоторыя искусства, безъ которыхъ онъ почти не можетъ обойтись въ повседневной жизни.

[*Отдѣльный листокъ.*]

Сходственнейшей способъ съ теперишнимъ состояніемъ сего дѣла и честью.

Середней способъ.

Крайной и послѣдной способъ.

Во всѣхъ трехъ случаяхъ исполненіе моихъ обѣщаній.

[ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II КЪ Д-РУ ЦИММЕРМАНУ, 1789, май, *черновое*].

Царское Село, 23 мая 1789.

Я получила, милостивый государь, три дня назадъ ваше письмо отъ 18 апрѣля. Я вижу съ удовольствіемъ, что вы довольны моимъ отвѣтомъ на вашу рѣчь, которая меня предполагала въ Елисейскихъ поляхъ. Между тѣмъ, пока я еще не сошла туда, я много прогуливаюсь здѣсь, гдѣ въ теченіе 22 лѣтъ я только строила и садила, и я предоставляю маркизу Луккезини дѣлать все дурное, что онъ можетъ дѣлать и дѣлаетъ; я очень держусь мнѣнія тѣхъ или того, кто убѣжденъ, что никогда Фридрихъ II не одобрилъ бы поведенія столь противнаго тому, которое онъ постоянно наблюдалъ съ 1762. Въ настоящее время Берлинскій дворъ усвоилъ въ политикѣ правило г. де-Шуазеля, надъ которымъ Фридрихъ II такъ смѣялся. Всѣ знаютъ, чего намъ стоила политика герцога Шуазеля; его химерическій страхъ передъ величіемъ Россіи покрывалъ его ненависть, его страсть и его двоедушіе; онъ хотѣлъ мнѣ вредить и онъ только обнаружилъ собственную слабость и слабость турокъ, которыхъ вовлекъ въ игру; у него всегда было на языкѣ равновѣсіе Европы, это метафизическое равновѣсіе Европы, которое всегда ставило внѣ равновѣсія всѣ державы, опиравшіяся на эту фразу, ко-

торая служитъ къ тому, чтобы пустить пыль въ глаза толпѣ, и къ тому, чтобы скрывать обыкновенно порочные и несообразные виды и намѣренія, когда оставлена въ сторонѣ справедливость, которая служитъ основой всѣхъ государствъ и связью человѣческаго общества. Я думаю, и я увѣрена, что добрая слава кабинетовъ подобна доброй славѣ частныхъ людей; что тотъ, кто сѣетъ вражду направо и налѣво между сосѣдними домами, не можетъ заслужить ни довѣрія, ни другой репутаціи, кромѣ той, какую имѣютъ поджигатели; двоедушіе—худой путь, чтобы итти къ славѣ, и тѣ, которые его употребляютъ, въ концѣ концовъ могутъ быть только обманутыми своимъ собственнымъ дѣломъ. Но многія лица знаютъ только двѣ вещи въ политикѣ: подливать масла въ огонь и ловить рыбу въ мутной водѣ. И это—то, что во всѣ вѣка запутываетъ эти кровавыя представленія, называемыя войнами, отголосокъ [1]) которыхъ чувствуютъ государи, въ то время какъ ихъ подданные становятся жертвами. Надѣюсь, что вскорѣ ваши желанія исполнятся, что турки и его Шведское величество будутъ разбиты на морѣ и на сушѣ, съ чѣмъ, надѣюсь, не преминутъ меня поздравить тѣ, кто ихъ возмутилъ, кто ихъ подкрѣпляетъ и поддерживаетъ. Я только что узнала, что путешествіе короля Англійскаго отложено до другого времени.

---

[1]) Въ подлинникѣ—refrain.

РАЗМЫШЛЕНІЯ О ПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ.

Въ старину много кричали, да еще и въ настоящее время часто говорится, хотя и съ меньшей колкостью, о построеніи города Петербурга и о томъ, что дворъ поселился въ этомъ городѣ и покинулъ древнюю столицу Москву. Говорятъ, и это отчасти вѣрно, что тамъ умерло нѣсколько сотъ тысячъ рабочихъ отъ цынги и другихъ болѣзней, особенно въ началѣ; что провинціи обязаны были посылать туда рабочихъ, которые никогда не возвращались домой; что дороговизна всѣхъ предметовъ въ этомъ городѣ, сравнительно съ дешевизною въ Москвѣ и въ другихъ областяхъ, разоряла дворянство и проч., что мѣстоположеніе было нездорово и непріятно, и не знаю еще что, и что это мѣсто менѣе, чѣмъ Москва, подходитъ для господства надъ имперіей и что это предпріятіе Петра Великаго похоже на предпріятіе Константина, который перенесъ въ Византію престолъ имперіи и покинулъ Римъ, [причемъ] римляне не знали, гдѣ искать свою отчизну, и, такъ какъ они не видѣли болѣе всего того, что въ Римѣ воодушевляло ихъ усердіе и любовь къ отечеству, то ихъ доблести мало-помалу падали и наконецъ совершенно уничтожились. Я вовсе не люблю Москвы, но не имѣю никакого предубѣжденія противъ Петербурга, я стану руководиться благомъ имперіи и откровенно выскажу свое чувство.

1. Москва — столица бездѣлья и ея чрезмѣрная величина всегда будетъ главной причиной этого. Я поставила себѣ за правило, когда бываю тамъ, никогда ни за кѣмъ не посылать, потому что только на другой день получишь отвѣтъ, придетъ ли это лицо, или нѣтъ; для одного визита проводятъ въ каретѣ цѣлый день, и вотъ, слѣдовательно, день потерянъ. Дворянству, которое собралось въ этомъ мѣстѣ, тамъ нравится: это неудивительно; но съ самой ранней молодости оно принимаетъ тамъ тонъ и пріемы праздности и роскоши; оно изнѣживается, всегда разъѣзжая въ каретѣ шестерней, и видитъ только жалкія вещи, способныя разслабить самый замѣчательный геній. Кромѣ того, никогда народъ не имѣлъ передъ глазами больше предметовъ фанатизма, какъ чудотворныя иконы на каждомъ шагу, церкви, попы, монастыри, богомольцы, нищіе, воры, безполезные слуги въ домахъ,—какіе дома, какая грязь въ домахъ, площади которыхъ огромны, а дворы грязныя болота. Обыкновенно каждый дворянинъ имѣетъ въ городѣ не домъ, а маленькое имѣніе. И вотъ такой сбродъ разношерстной толпы, которая всегда готова сопротивляться доброму порядку и съ незапамятныхъ временъ возмущается по малѣйшему поводу, страстно даже любитъ разсказы объ этихъ возмущеніяхъ и питаетъ ими свой умъ. Ни одинъ еще домъ не забылъ совсѣмъ старинное слово «дозоръ». Поспѣшность, съ какою я пишу это, производитъ то, что я, можетъ быть, забываю много обстоятельствъ, которыя вмѣсто того, чтобы уменьшить, усилили бы то, что я говорю; какъ, напримѣръ, статья о фабрикахъ огромной величины, которыя имѣли безразсудство тамъ устроить и въ которыхъ чрезмѣрное количество рабочихъ, все еще пользующихся привилегіями, очень противорѣчащими доброму порядку, увеличиваютъ смуты, которымъ во всякое время подвергался этотъ городъ. Не слѣдуетъ еще исключать изъ этой черты деревни, слившіяся въ настоящее время съ этимъ городомъ, и гдѣ не правитъ никакая полиція, но которыя служатъ при-

тономъ воровъ, преступленій и преступниковъ; таковы: Преображенское, Бутырки и проч., и проч..—Петербургъ, надо сознаться, стоилъ много людей и денегъ; тамъ дорога жизнь, но Петербургъ въ теченіе 40 лѣтъ распространилъ въ имперіи денегъ и промышленности болѣе, нежели Москва въ теченіе 500 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она построена; сколько тамъ народу занято постройками, подвозомъ съѣстныхъ припасовъ, товаровъ, сколько денегъ они вывозятъ въ провинціи; народъ тамъ мягче, образованнѣе, менѣе суевѣренъ, болѣе свыкся съ иностранцами, отъ которыхъ онъ постоянно наживается тѣмъ или другимъ способомъ, и т. д., и т. д., и т. д.

РАЗМЫШЛЕНІЯ О РУССКОЙ ЗИМѢ.

Размышленія злого шутника о русской зимѣ, годныя лишь для помѣщенія въ періодическомъ журналѣ.

Зима начинается въ концѣ ноября, и часто въ половинѣ декабря останавливаются рѣки, падаетъ снѣгъ, ѣздятъ на саняхъ; при выходѣ надѣваютъ большія шубы, а въ комнатахъ елико возможно закрываютъ всѣ оконныя щели, вставляютъ двойныя рамы, такъ что не можетъ проникать никакой вѣтеръ; топятъ печи или же камины. Въ комнатахъ бываетъ очень тепло, даже слишкомъ, если того захотятъ; чувствуешь, что холодъ обыкновенно колеблется между 1 и 10 градусами; холодъ свыше этой нормы считаютъ большимъ и нѣтъ примѣра, чтобы такой холодъ продолжался болѣе нѣсколькихъ часовъ, и его нагоняетъ, обыкновенно, сѣверный вѣтеръ. Такіе морозы наступаютъ въ половинѣ января; остальное время, по большей части, сухое, свѣтлое, съ яснымъ солнцемъ...

[НРАВСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ ЕКАТЕРИНЫ II].

Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не ввѣряясь имъ безъ разбора; отыскивайте истинное достоинство, хоть бы оно было на краю свѣта: по большей части оно скромно и [прячется гдѣ-нибудь] въ отдаленіи. Доблесть не лѣзетъ изъ толпы, не жадничаетъ, не суетится и позволяетъ забывать о себѣ.

Никогда не позволяйте льстецамъ осаждать васъ: давайте почувствовать, что вы не любите ни похвалъ, ни низостей.

Оказывайте довѣріе лишь тѣмъ, кто имѣетъ мужество при случаѣ вамъ поперечить и кто предпочитаетъ ваше доброе имя вашей милости.

Будьте мягки, человѣколюбивы, доступны, сострадательны и щедры; ваше величіе да не препятствуетъ вамъ добродушно снисходить къ малымъ людямъ и ставить себя въ ихъ положеніе, такъ чтобы эта доброта никогда не умаляла ни вашей власти, ни ихъ почтенія. Выслушивайте все, что хоть сколько-нибудь заслуживаетъ вниманія; пусть видятъ, что вы мыслите и чувствуете такъ, какъ вы должны мыслить и чувствовать. Поступайте такъ, чтобы люди добрые васъ любили, злые боялись, и всѣ уважали.

Храните въ себѣ тѣ великія душевныя качества, которыя составляютъ отличительную принадлежность человѣка

честнаго, человѣка великаго и героя. Страшитесь всякой искусственности. Зараза пошлости да не помрачитъ въ васъ античнаго вкуса къ чести и доблести.

Мелочныя правила и жалкія утонченности не должны имѣть доступа къ вашему сердцу. Двоедушіе чуждо великимъ людямъ: они презираютъ всѣ низости.

Молю Провидѣніе, да напечатлѣетъ оно эти немногія слова въ моемъ сердцѣ и въ сердцахъ тѣхъ, которые ихъ прочтутъ послѣ меня.

Екатерина II въ 1773 г.

Съ гравированнаго портрета Дикинсона.

[ПИСЬМО КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ДАМѢ,— около 1770].

Милостивая Государыня! Я получила письмо, съ которымъ вы обратились ко мнѣ черезъ генералъ-фельдцейхмейстера графа Орлова. Нѣтъ ничего болѣе лестнаго для человѣка вообще, какъ видѣть, что его враги отдаютъ ему справедливость; конечно, сударыня, вы не ошибаетесь въ своемъ задушевномъ убѣжденіи, что я не только не ненавижу своихъ враговъ, но еще и всякое угнетеніе, какого бы рода оно ни было, всецѣло противно моему образу мыслей. Во всю мою жизнь я дѣйствовала согласно съ этимъ принципомъ: да, сударыня, эта свобода, которую вы обожаете, никогда не имѣла болѣе дѣятельнаго защитника, чѣмъ я. Я это высказала, я это написала, я это напечатала; я въ восторгѣ, что вы сами не въ состояніи отказаться отъ этого убѣжденія, между тѣмъ, какъ эта очевидная истина не можетъ вразумить тѣхъ, которые любятъ поддаваться обману и которые, по словамъ Евангелія, имѣютъ уши, но не хотятъ слышать, и не пользуются очами своими, чтобы видѣть. Личности, которыя смущаютъ миръ и покой народовъ, не даютъ никакой возможности для выбора средствъ. Тогда-то и страдаютъ ихъ соотечественники. Все, что я могу сдѣлать, сударыня, для облегченія вашихъ личныхъ невзгодъ, это — посовѣтовать вамъ убѣдить вашего сына сложить оружіе, за которое онъ взялся безъ [достаточныхъ] при-

чинъ, ибо никто въ Европѣ не вѣритъ болѣе, да и вы сами, сударыня [не вѣрите], будто ваша вѣра и ваша свобода угнетены мною, очень склонной къ терпимости и всегда расположенной поддержать сильной рукою свободу тамъ, гдѣ явится въ этомъ надобность.

[ЗАМѢТКА О ТИРАНАХЪ].

Не удивительно, что въ Россіи было среди государей много тирановъ. Народъ отъ природы безпокоенъ, неблагодаренъ и полонъ доносчиковъ и людей, которые, подъ предлогомъ усердія, ищутъ лишь, какъ бы обратить въ свою пользу все для нихъ подходящее; надо быть хорошо воспитану и очень просвѣщену, чтобы отличить истинное усердіе отъ ложнаго, отличить намѣренія отъ словъ и эти послѣднія отъ дѣлъ. Человѣкъ, не имѣющій воспитанія, въ подобномъ случаѣ будетъ или слабымъ, или тираномъ, по мѣрѣ его ума; лишь воспитаніе и знаніе людей могутъ указать настоящую средину.

[ПРОЕКТЪ ДЕПЕШИ.... 1793].

Изъ письма графа Разумовскаго слѣдуетъ заключать, что Неаполитанскому двору пришла охота весьма некстати наградить насъ однимъ изъ своихъ уродцевъ. Я говорю— уродцевъ, потому что всѣ ихъ дѣти дряблыя, подвержены падучей болѣзни, безобразныя, некрасивыя и плохо воспитаны. Этотъ дворъ не дождался, чтобы графъ Скавронскій получилъ отвѣтъ на первое предложеніе, которое было намъ сдѣлано черезъ него по этому дѣлу, и вотъ снова посолъ, маркизъ Галло, убѣдилъ графа Разумовскаго сдѣлать мнѣ это предложеніе, какъ весьма хорошій и очень полезный проектъ, который будто бы онъ самъ придумалъ; а между тѣмъ этотъ шедевръ является вреднымъ сплетеніемъ несообразности и интриги.

Леопольдъ II выдалъ свою дочь за самаго младшаго принца Саксонскаго, не заключая договора, чтобы этотъ самый младшій принцъ былъ объявленъ независимымъ до женитьбы. Такъ же поступилъ и Сардинскій король. Стало быть, самая младшая Неаполитанская принцесса весьма удобно могла бы выйти за младшаго Русскаго князя безъ всякихъ условій, тѣмъ болѣе, что этого такъ желаютъ она или ея родители. Ихъ Величества, вѣроятно, не знаютъ, что Россія столь же привержена къ восточной греческой вѣрѣ, какъ они къ западной латинской. Они не знаютъ еще, что греческая вѣра въ соединеніи съ латинскою вовсе не можетъ быть пріемлемою золотою серединою, что гре-

ческая вѣра должна быть исповѣдуема искренно и безъ затаенныхъ мыслей, что латинское или греко-латинское наслѣдіе, покуда я жива, никогда не будетъ допущено, что никакой латинскій наставникъ не получитъ доступа въ мою семью, что папа всегда напрасно интригуетъ, разсчитывая подъ какимъ-нибудь предлогомъ добиться главенства въ Россіи, что его и теперь, точно такъ же, какъ въ былыя времена, выпроводили бы отъ насъ каменьями.

А я не привыкла дать на себя кабалу, еще менѣе дамъ я подобное въ семъ дѣлѣ. Обѣщаніе дать в[еликому] к[нязю] К[онстантину] независимое владѣніе выдумано, дабы онъ обязанъ былъ двору Вѣнскому и Неаполитанскому, а не своей крови и отечеству[1]). Ихъ Величества вольны входить въ соображенія со своимъ духовникомъ, но не ему дѣлать рѣшенія о выгодахъ моего государства и моей семьи и о будущемъ счастіи моего внука. На что я могла бы согласиться, такъ это на то, чтобы мой внукъ не торопился жениться, пока не закончитъ образованія, тѣмъ болѣе, что ему теперь всего 14 лѣтъ, и онъ еще не развился вполнѣ. Покамѣстъ Ихъ Величества могутъ выдавать принцессъ, дочерей своихъ, какъ имъ вздумается.

---

[1]) Въ подлинникѣ: «А я не привыкла... отечеству»—по-русски.

[КОНФИДЕНЦІАЛЬНАЯ ДЕПЕША].

Для Его Величества Императора лично.

Меня убѣдительно просятъ довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества важное сообщеніе, въ которомъ, полагаютъ, нельзя сомнѣваться, будто бы громадная сумма денегъ была дана парижскими демагогами г. Шпильману, который, говорятъ, подкупленъ для веденія дѣлъ Его Императорскаго Величества такимъ образомъ, чтобы демагоги могли возможно скорѣе достичь желаемой ими цѣли какъ во Франціи, такъ и въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ Его Императорскаго Величества. Я долго противилась повторнымъ просьбамъ совѣтчика, но наконецъ, принимая во вниманіе важность предмета, я сочла за лучшее довести до свѣдѣнія императора это извѣстіе, чѣмъ скрывать отъ него. Одному Его Императорскому Величеству судить объ этомъ. Я обѣщала хранить тайну и сохраню ее.

[«ШУТЛИВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИДВОРНЫХЪ»].

Графъ Брюсъ [умретъ]—отъ кровоизліянія въ мозгу.

Генералъ Александръ Нарышкинъ—отъ удара.

Графъ Иванъ Чернышевъ—отъ гнѣва.

Графъ Захаръ Чернышевъ—смертью праведника.

Графиня Румянцева—тасуя карты.

Г-жа Штакельбергъ—отъ изумленія.

Г-жа Полянская—отъ сожалѣнія.

Г-нъ д'Остервальдъ—отъ воздержанія.

Г-жа д'Остервальдъ—отъ голода.

Г-жа Зиновьева—отъ смѣха.

Г-нъ Штакельбергъ—отъ желтухи.

Черкасовъ—задохнется отъ словъ.

Г-жа Протасова—отъ родовъ.

Илья Всеволожскій—отъ вздоховъ.

Перфильевъ—отъ несваренія желудка.

Графъ Минихъ—отъ астмы.

Фельдмаршалъ Голицынъ—отъ зуда.

Графъ Панинъ—если когда-либо поторопится.

Я—отъ услужливости.

Казицкій—отъ исканія славянскихъ словъ.

Кузьминъ—отъ кости ерша.

Стрекаловъ—отъ усиленнаго питья англійскаго пива.

Елагинъ—отъ ссадины на барабанной перепонкѣ, что причинитъ ему театральная гармонія.

Черкасовъ—задохнется отъ словъ.

Спиридовъ—передъ зеркаломъ.

Двое изъ общества умрутъ отъ удовольствія; не называютъ ихъ именъ: мужчины ли то, или женщины.

Я умру отъ услужливости.

[ЗАМѢТКА—*съ упоминаніемъ о Рюльерѣ ...безъ года*]

...Мои приказанія относительно книгъ и картинъ опоздаютъ въ виду того, что, по словамъ князя Голицына, ихъ всѣ торгуетъ г. де-Шуазель. Трудно Рюльеру знать, каковы вещи на самомъ дѣлѣ. Нельзя судить объ его трудѣ, не видавши его; но если въ этомъ трудѣ замѣшана бой-баба съ мозгомъ principess'ы [1]), легко можетъ тамъ быть и ложь.

Долгъ Симону не первый, который я плачу.

---

[1]) Повидимому, намекъ на княгиню Дашкову.

[«СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ПАРОДІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ *на слухи о путешествіи ея въ Тавриду*»].

Города Москва и Петербургъ, а еще болѣе иностранныя газеты, много сочиняли во время нашего путешествія; теперь наша очередь: кто издалека пріѣхалъ, тому врать легко. Вотъ перечень того, что я буду разсказывать: считаю нужнымъ сообщить его моимъ спутникамъ по путешествію, не только для полученія ихъ одобренія, но чтобы предложить имъ сообщить мнѣ ихъ мысли.

Сперва я видѣла, я, говорящая съ вами, какъ Таврическія горы тяжелыми шагами шли навстрѣчу намъ и съ томнымъ видомъ отвѣсили намъ поклонъ. Кто не повѣритъ этому, пусть поѣдетъ взглянуть на новыя дороги, которыя тамъ провели: онъ увидитъ, что всюду крутыя мѣста обращены въ удобные спуски. Однако въ разсказѣ тяжелые шаги и поклоны горы звучатъ лучше.

ПРИМѢЧАНІЕ О СЛОВѢ: «ОБЩЕЙ ВРАГЪ»,—

безъ года.

Буде бы въ обществѣ или въ людѣхъ справедливость и благодарность за добродѣяніе превозходили властолюбіе и иныхъ страстей, то бы давно доказано было, что никто вообще друзьямъ и недругамъ и безчисленному множеству людей дѣлалъ болѣе неизчисленное же добро, начавъ сей щетъ съ первѣйшихъ людей, и даже до малыхъ. Вредъ же или нещастье нанесъ ни единой твари, ниже явнымъ своимъ врагомъ; напротиву того во всѣхъ случаяхъ первымъ ихъ предстателемъ часто весьма оказался. Но какъ людскимъ страстемъ упоръ не рѣдко бываетъ, того для общимъ врагомъ нареченъ.

Доказательства выше писанному не трудно сыскать; трудно будетъ именовать, кому дѣлалъ нещастье. Кому же дѣлалъ добро, въ случаѣ потребномъ подамъ реестръ предлинной тѣхъ однихъ, кого упомню.

[*На рукописи приписано рукою императрицы*]:

Отвѣтъ мой Корсакову, который называлъ кн[язя] По[темкина] общимъ врагомъ.

[ЗАМѢТКА].

Помощь народу при бѣдствіяхъ:

1) открыть кладовыя и сокровищницы государства;

2) уменьшить таможенные сборы и налоги;

3) пріостановить наряды на общественныя работы;

4) снять запрещенія, стѣснительныя для ловли рыбы, охоты и рубки лѣса;

5) облегчить продажу хлѣба, отмѣнивъ пошлины, и увеличить ее, принудивъ богатыхъ открыть ихъ амбары;

6) обойтись безъ подарковъ, которые подносятся государямъ, и безъ расходовъ по представительству на празднествахъ;

7) запретить пышность и разорительную обстановку похоронъ;

8) смягчить строгость законовъ и закрывать глаза на тѣ проступки, въ которыхъ нищета замѣшана больше, нежели злой умыселъ;

9) облегчить браки и не придерживаться формальностей, требуемыхъ закономъ;

10) запретить празднества увеселенія и музыку;

11) издать указъ о молебствіяхъ, постахъ и пожертвованіяхъ;

12) строго преслѣдовать воровъ и бродягъ.

Смягчить жестокости наказаній:

1) назначая смертную казнь лишь за тяжкія преступленія;

2) устанавливая исключеніе для стариковъ, дѣтей и единственныхъ сыновей;

3) жалуя года прощенія и уменьшенія наказанія;

4) соболѣзнуя слабости человѣческой во всемъ, что представляется несчастьемъ, случайностью, несчастной минутной ошибкой;

5) не дѣлая пытки изъ тюрьмы и допроса, въ особенности для преступленій, относительно которыхъ не имѣется вѣскихъ доказательствъ;

6) требуя, чтобы всякій приговоръ основывался на законныхъ и полныхъ доказательствахъ,

7) довѣряя судопроизводство надъ виновными лишь такимъ судьямъ, честность, мудрость и безкорыстіе которыхъ всѣми признаны;

8) оставляя себѣ послѣдній приговоръ по всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, быстрое наказаніе которымъ не требуется интересами общественными;

9) никогда не приговаривая всѣхъ виновныхъ, откладывая приговоры для нѣкоторыхъ и смягчая приговоры низшихъ судей;

10) наконецъ, пуская въ ходъ всѣ средства мудрости и высшей власти, чтобъ предотвратить всѣ преступленія, отдалить возможность ихъ, внушить отвращеніе къ нимъ и заставить изсякнуть ихъ источники.

[РАСПОРЯЖЕНІЕ О ПРИДВОРНОМЪ МАСКАРАДѢ, *безъ года*].

Мнѣ пришла очень забавная мысль. Нужно устроить въ Эрмитажѣ балъ, какъ вчерашній, но чтобы общество было меньше и болѣе избранное; для этого мнѣ нужны списки тѣхъ, кто былъ въ четвергъ. Дамамъ нужно приказать быть въ домашнихъ платьяхъ, безъ фижмъ и безъ большого убора на головахъ. Начнутъ балъ, какъ вчера. Послѣ нѣсколькихъ танцевъ, гофмаршалъ возьметъ за руку великую княгиню, скрипачъ пойдетъ передъ ними, и онъ пройдетъ по всѣмъ комнатамъ до той, которая находится передъ театромъ. Въ этой залѣ всѣ занавѣси на окнахъ будутъ спущены, въ особенности тѣ, которыя выходятъ въ переднюю, чтобъ не видали тамъ происходящаго. Въ залѣ этой будутъ съ одной стороны четыре лавки маскарадныхъ одеждъ и съ другой стороны четыре лавки маскарадныхъ одеждъ; съ одной стороны для мужчинъ, съ другой для дамъ. Французскіе актеры будутъ изображать торговцевъ и торговокъ; они въ долгъ отпустятъ мужчинамъ женское, а дамамъ мужское платье. На лавкахъ съ мужскимъ платьемъ нужно придѣлать наверху вывѣску: «лавка дамскаго платья»; а на лавкахъ съ дамскимъ платьемъ, нужно наверху придѣлать вывѣску: «лавка мужского платья». Передъ залой помѣстите объявленіе: «Здѣсь даровой маскарадъ, и маскарадныя одежды въ кредитъ; по правую руку для дамъ, по лѣвую для мужчинъ».

Кн.	Гал.	1.
—	—	1.
—	—	1.
Гр.	Сол.	1.
—	—	1.
—	—	1.
—	—	1.
В.	К.	1.
—	—	1.
—	—	1.
А.	Н.	1.
М.	О.	1.
—	—	1.
—	—	1.
А.	Ст.	1.
—	—	1.
—	—	1.
—	—	1.
—	—	1.
—	—	1.
Я	—	1.
—	—	1.
—	—	1.
—	—	1.
—	—	1.
—	—	1.
—	—	1.
—	—	1.
—	—	1.
—	—	1.

[ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ О СВОИХЪ ЖЕЛАНІЯХЪ И ДРУГІЕ ОТРЫВКИ —*Отдѣльный листъ, безъ года*].

Здоровье прежде всего; затѣмъ удача; потомъ радость; наконецъ ничѣмъ никому не быть обязанной: вотъ всѣ мои желанія. Вы ни слова не говорите о разумѣ и о сердечныхъ качествахъ?

Объ этомъ я не подумала.

Видя, что оселъ ѣстъ фиги, онъ приказалъ своему слугѣ отогнать его; но такъ какъ послѣдній не торопился, оселъ все съѣлъ.—Ну, сказалъ онъ ему, дай ему теперь вина.

... Хоры, различныхъ мнѣній.

а) Мои желаніи замыкаются въ бездѣлицы: быть здоровымъ, имѣть богатство, а потомъ веселиться.

б) Мало чево нѣтъ: а качества ума и сердца ни за что почитаешь?

а) Все вдругъ на умъ ни приходитъ!

б) Какъ же достигнешь до твоего желанія?

а) Ето мое дѣло: у меня на то уже способы придуманы.

б) Все отъ того зависитъ, чтобъ въ способахъ не ошибиться.

а) О здоровьѣ буду совѣтовать съ доктурами и для того уже по двухъ послалъ, кои тотчасъ будутъ.

«ПАМЯТНИКЪ МОЕМУ САМОЛЮБІЮ», *отрывокъ* (1781?).

Памятникъ моему самолюбію.

4 іюля 1781 г. Мнѣ въ руки попался каталогъ книгъ, въ которомъ я нашла брошюру родъ названіемъ: Похвала Екатеринѣ Второй, императрицѣ Россійской, и немедленно я велѣла принести ее. Я нашла, что она была издана въ Лондонѣ въ 1776 году, слѣдовательно шесть лѣтъ я не знала, что она существуетъ. Кажется мнѣ, это какой-нибудь студентъ, желавшій начертать примѣръ для государей: онъ, должно быть, очень мало образованъ и, несмотря на чрезмѣрныя похвалы кстати и некстати, никакая книга не доставила мнѣ болѣе скуки; къ тому же эта книга полна неправды, и неправды, придуманной авторомъ.

[Въ защиту Монтескьё—*замѣтка на книгу Струбе де-Пирмонта, анонимную:* Lettres Russiennes. MDCCLX].

Стр. 33: Крѣпостной, это его слова, не можетъ ничего дѣлать по добродѣтели; а господинъ пріобрѣтаетъ [въ обращеніи] съ рабами своими разнаго рода дурныя привычки и нечувствительно привыкаетъ къ пренебреженію всѣми нравственными качествами.

Однако это совершенно справедливо.

Недостаточность этого доказательства является сперва...

Стр. 34. Развѣ это не хорошо — питаться, одѣваться, строить дома, чтобы въ нихъ помѣщаться? Кромѣ того, какимъ образомъ а[вторъ, т. е. Монтескье] можетъ провѣрить, что крѣпостной ничего не смогъ бы сдѣлать по добродѣтели?

Дома жителей вещь хорошая, но не суть добродѣтели. М[онтескье], котораго опровергаютъ, мыслилъ глубже, чѣмъ тотъ, кто его опровергаетъ.

Кто помѣшаетъ ему обрабатывать землю или пасти стадо съ той же вѣрностью,

Одна ласточка не дѣлаетъ лѣта, говорятъ нѣмцы.

съ какой свободный человѣкъ можетъ управлять государствомъ и работать для блага общества?

Стр. 35. Большее ли количество знаменитыхъ мужей возрастилъ Римъ съ тѣхъ поръ, какъ рабство было уничтожено, чѣмъ за то время, когда этотъ удивительный городъ кишѣлъ рабами?

Знаменитый и добродѣтельный—не синонимы. Страхъ можетъ убить преступленіе, но онъ также убиваетъ добродѣтель. Кто не смѣетъ думать, смѣетъ лишь пресмыкаться.

Стр. 36. Вотъ причина, по которой многіе ученые, столь же просвѣщенные, сколь искренніе, чрезвычайно не одобрили уничтоженіе рабства въ наиболѣе благоустроенныхъ государствахъ Европы.

Эти ученые оскорбляли разумъ.

Вотъ какъ тонкій г. де-Бусбекъ выразился на этотъ счетъ: «Не знаю, говоритъ онъ, не много ли обязаны мы тому, кто защищалъ у насъ рабство. Рабство имѣетъ полезныя стороны, которыя служатъ противовѣсомъ злу и, быть можетъ, превосходятъ зло, имъ причиняемое, если бъ его примѣняли справедливо и мягко, какъ того требуютъ римскіе законы, и т. д.

Вотъ одно „быть-можетъ“ чрезвычайной важности.

Стр. 44—45. Мнѣ кажется довольно безполезнымъ доказывать тутъ, что человѣкъ,

[Отчеркнуто на полѣ: «Мнѣ кажется... налагаемыя на насъ этими узами»].

несправедливо на насъ нападающій или отказывающій намъ безъ причины въ должномъ, самъ порываетъ узы, связывавшія его съ нами, и по собственной волѣ уничтожаетъ обязательства, налагаемыя на насъ этими узами, и т. д.

Стр. 59. Это достаточно доказываетъ, что римскіе юристы, утверждая, что свобода вещь неоцѣненная, ничего иного не хотѣли сказать, какъ то, что свобода человѣка могла быть оцѣнена лишь или самимъ, или по его волѣ; не дозволительно судьямъ или третьему лицу назначать ей цѣну, и т. д.

Все это одна болтовня.

Стр. 61. Но было уже хорошо замѣчено, что крѣпостные не въ состояніи прокормить своихъ дѣтей, иначе какъ на счетъ своихъ господъ, а послѣдніе не обязаны, по совершенному и строгому праву, производить расходы на воспитаніе этихъ дѣтей, отъ нихъ зависитъ дѣлать это лишь подъ условіемъ, что они будутъ принадлежать имъ, и эти бѣдныя созданія могутъ заплатить за благодѣяніе или помощь такого рода, лишь со-

Вотъ такъ прекрасныя слѣдствія.

глашаясь съ этимъ, по достиженіи разумнаго возраста.

Стр. 82. Защитникъ рабства могъ бы вернуть ударъ, настаивая на томъ, что свобода столь же безполезна въ извѣстныхъ странахъ, сколь въ другихъ, потому что все можетъ тамъ исполняться рабами. Этотъ доводъ доказываетъ не что иное, какъ то, что свобода и рабство лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, или чернаго люда, сами по себѣ обществу безразличны и что все зависитъ отъ нравовъ или законовъ, могущихъ сдѣлать ихъ полезными или вредными во всѣхъ государствахъ, гдѣ они въ настоящее время существуютъ.

Древній грекъ или римлянинъ сказалъ бы, что книга эта— позоръ человѣческаго разума, хвала рабству! И почему же авторъ не продастъ самого себя въ рабство?

Стр. 168—169. Отдавъ добродѣтели мѣсто, которое должна она занимать въ государствахъ монархическихъ, какъ и во всѣхъ другихъ, мнѣ остается разсмотрѣть, по какому праву А[второръ] изгналъ честь изъ государствъ неограниченныхъ и правда ли, что она въ нихъ опасна.

Пусть скажутъ мнѣ, какимъ опасностямъ подвергнетъ честь эти государства? Сразу чувствуется, что гражданамъ

Честь подвергаетъ опасности частныхъ лицъ, а не государство; тамъ, гдѣ очень легко назначать, почти недозволено, при деспотическомъ правленіи, жаловаться, напр., на обходъ справедливости [d'un passe droit] или отказаться отъ должности, на которую чувствуешь себя неспособнымъ.

Здѣсь нашъ опровергатель рѣшительно не понимаетъ М[онтескье].

бояться нечего, тѣмъ болѣе, что она не преминетъ сдѣлать ихъ лучшими, благодаря сходству ея дѣйствій съ дѣйствіями добродѣтели. Не можетъ также она обезпокоить верховнаго вождя [un Chef], внимательно относящагося къ благоденствію своихъ подданныхъ. Остаются лишь несправедливые и жестокіе государи, которыхъ она могла бы потревожить.

Стр. 170. Я далекъ отъ подозрѣнія, что М[онтескье] имѣлъ намѣреніе проповѣдывать пороки. Но манера, съ какой онъ здѣсь выразился, такъ же, какъ во многихъ иныхъ мѣстахъ, о которыхъ я въ настоящее время умалчиваю, не заставляетъ ли предположить, что, не желая этого, онъ слишкомъ приближается къ такъ справедливо осуждаемому писателю? Могъ ли бы Маккіавелли дать иные уроки своимъ героямъ?

Какъ смѣть такимъ образомъ говорить о такомъ великомъ человѣкѣ и неужели нельзя говорить за и противъ, не подвергаясь клеветѣ? Во что бы то ни стало, нужно кончить апологію деспотизма, — дѣло трудное.

Стр. 171 — 172. Замѣткѣ А[втора] насчетъ наградъ, которыя можетъ давать неограниченный государь, я противопоставлю лишь великолѣпную картину двора Солимана,

Но гдѣ найти Солимановъ?

которую даетъ де-Бусбекъ. «Дворъ этого государя, гововоритъ онъ, былъ вполнѣ великолѣпенъ. При немъ были всѣ главные придворные чины. Была вся кавалерія и его охрана, всѣ спаги, гарипиги, улуфаги и большое число янычаръ. Но во всей этой толпѣ царедворцевъ каждаго знали лишь по его добродѣтелямъ, его подвигамъ» и проч.

Стр. 173. Поэтому къ замѣчанію, сдѣланному М[онтескье] насчетъ степени повиновенія, которую предполагаетъ онъ во всѣхъ деспотическихъ государствахъ, «гдѣ, по его мнѣнію, воля государя производить должна то же дѣйствіе, что шаръ, брошенный навстрѣчу другому. Нельзя предложить ни смягченій, добавляетъ онъ, ни измѣненій, ни замѣчаній, ничего равнаго или лучшаго» и т. д.

Слѣдовательно, нѣтъ возстановленія чести—значитъ, честь угасаетъ.

Стр. 178. Кто могъ бы себѣ представить, чтобы власть царей персидскихъ была, или [остается] и въ настоящее время еще, болѣе ограниченной, чѣмъ власть всѣхъ остальныхъ неограниченныхъ

Можно поставить за правило этимъ государямъ хорошенько обдумывать прежде, чѣмъ объявлять, но никогда не отмѣнять.

государей, въ отношеніи отмѣны ихъ повелѣній и указовъ?

Стр. 177—178 (примѣчаніе). «Безсмысленно воображать, что тѣ, которые имѣютъ власть писать законы, не могли бы пріостановить который-нибудь изъ нихъ, если этого требуетъ благо. Безъ этой возможности всякая власть будетъ несовершенна и не будетъ имѣть силы и средствъ сохранить себя».

Но никогда изъ прихоти.

Стр. 181 — 182. Тотъ же царь [Дарій], приказавъ умертвить судью, допустившаго подкупить себя, и вспомнивъ о важныхъ услугахъ, оказанныхъ государству тѣмъ же судьей, отмѣнилъ свои приказанія въ ту самую минуту, когда ихъ должны были привести въ исполненіе.

Вотъ ничтожная придирка.

Стр. 182—183. Есть нѣчто, говоритъ онъ, что можно иногда противопоставить волѣ государя: это религія. Въ государствахъ монархическихъ, добавляетъ онъ, ему не станутъ ставить на видъ законы религіи: «царедворецъ сочтетъ себя смѣшнымъ». Ему постоянно будутъ ставить на видъ законы чести.

Прощай честь.

(Не достаточно ли имѣть возможность ставить на видъ законы религіи государю, который ее уважаетъ).

Стр. 183 (примѣчаніе). Безъ сомнѣнія, это потому, что не дѣло царедворца проповѣдывать государямъ. Но могутъ ли ихъ священники и ихъ духовники предлагать имъ законы чести, не становясь смѣшными въ свою очередь?

Нѣтъ.

Стр. 184. Счастливѣе ли были бы люди въ государствахъ, гдѣ цари руководились бы лишь правилами чести, подъ которыми самъ М[онтескье] подразумѣваетъ только тѣ, которыя могутъ быть извѣстны царедворцамъ.

Все равно, лишь бы слушалъ.

Стр. 187. Достаточно ли, для сохраненія свободы народовъ, чтобы министры имѣли достаточно тонкости, чтобы скрывать передъ ними ихъ дѣйствительное положеніе и первыми не показывать имъ цѣпи, которыя они заставляютъ ихъ носить. Если бы это такъ, то М[онтескье] оказалъ бы своей родинѣ очень плохую услугу, открывъ ей тайну, которую ей было бы важно не знать.

Заврался [*Begueleries*].

Стр. 190 (примѣчаніе). Онъ М[онтескье] окончательно все спутываетъ замѣчаніями, которыя онъ присовокупляетъ къ нѣкоторымъ обстоятельствамъ и къ физической сторонѣ климата, который, полагаетъ онъ, сдѣлалъ чудеса только для Китая. Ничего нѣтъ легче, какъ доказать легкомысліе его заключеній.

Удобно называть легкомысліемъ то, что не легко поддается пониманію; чтобы вамъ повѣрить, вамъ нужно бы сравняться въ геніальности съ М[онтескье].

Стр. 192 (примѣчаніе b). Въ книгѣ VI, гл. XV А[вторъ, т. е. Монтескье] говоритъ, что «при императорахъ Римская имперія стала деспотической и военной». Правда, что въ другомъ мѣстѣ (кн. II, гл. XVII) онъ замѣчаетъ, что «при хорошихъ императорахъ государство возвращалось къ своимъ принципамъ и сокровище чести замѣняло другія сокровища».

Это безспорно.

Стр. 192 (примѣчаніе d). По словамъ, находящимся въ кн. XVII, гл. IV, не трудно судить, что «другое сѣверное королевство, потерявшее свои законы, можетъ быть, по мысли А[втора], только Даніей».

Но нужно быть очень невѣжественнымъ, чтобы не знать, что король Даніи деспотиченъ, каковая власть была ему дана съ согласія его подданныхъ 100 лѣтъ тому назадъ.

Стр. 193 (примѣчаніе). Карлъ XII, будучи въ Бендерахъ и встрѣтивъ нѣкоторое сопро-

[«Карлъ» подчеркнуто, и на поляхъ]: *Только сестра его отъ этого отказалась.*

тивленіе въ шведскомъ Сенатѣ, написалъ, что онъ имъ пошлетъ одинъ изъ своихъ сапоговъ, чтобы ими управлять.

Стр. 195—196 (примѣчаніе). Не видно было, чтобы эти государи, власть которыхъ была къ тому же на ущербѣ, сдѣлали или могли сдѣлать малѣйшее измѣненіе въ правленіи, и вѣрно, что перемѣна ограничилась титуломъ... Думаю, что поступлю недурно, прибавивъ сюда довольно странное замѣчаніе, сдѣланное Гардуиномъ на этотъ счетъ.

Вотъ человѣкъ, котораго надо цитировать.

Стр. 197—198. Начну съ доказательства, что правленіе Россіи не есть чисто деспотическое правленіе.

Этотъ господинъ споритъ изъ-за названія, а не изъ-за сути.

Стр. 201 (примѣчаніе). Не встрѣчались ли настоящія монархіи безъ того, что мы называемъ дворянствомъ, такъ же, какъ видимъ нынѣ это дворянство въ государствахъ, гдѣ нѣтъ царей?

Гдѣ онъ?

Стр. 215—216. Петръ Великій никогда не собирался дать малѣйшее измѣненіе формѣ правленія, какую онъ нашелъ установленною въ этой имперіи и какая позволяла ему

Однако это не темно.

производить чудеса, которыя сдѣлали его предметомъ удивленія для всѣхъ народовъ и далеко оставляютъ позади дѣйствія ограниченной власти.

Что касается утвержденія А[втора, т. е. Монтескье], будто несмотря на ухищренія (l'industrie], съ которыми русское правительство старается снизойти со своего деспотизма, но не можетъ этого, и будто особыя причины могли бы возстановить тотъ образъ правленія, который онъ теперь тамъ предполагаетъ, то сознаюсь, я ничего не понимаю. Оракулы не изрекали съ большей неясностью.

Стр. 216. Когда онъ, въ иномъ мѣстѣ, говоритъ: «предположимъ, что другое сѣверное государство утратило свои законы, залогомъ намъ служитъ его климатъ, что оно не утратило ихъ навсегда; въ этомъ не можетъ быть ошибки»—то подразумѣвается вліяніе сѣвера, или, скорѣе, вліяніе холода и т. д.

Нашъ опровергатель заслуживаетъ лишь титулъ такового, но не имѣетъ ни талантовъ, ни знанія, ни опыта, и совсѣмъ недостоинъ состязаться съ М[онтескье], а если онъ не смѣлъ бы сказать то, что думаетъ, что бы онъ доказалъ этимъ?

Стр. 216—218. Что касается Россіи, то не только самыя дѣйствительныя причины, къ которымъ А[вторъ] причи-

[Подчеркнуты слова: «Религія, признающая насиліе»... «забитость и робость»... «изнѣженность и неспособность»...

сляетъ деспотизмъ, жаркій климатъ, но, напр., религія, признающая насиліе, недостаточность законовъ, судовъ, дворянства, забитость и робость народовъ, жестокость, изнѣженность и неспособность государей и ихъ министровъ, въ ней не существуютъ. Но все то, что, по его [мнѣнію], противодѣйствуетъ такому роду правленія [а именно]: сѣверный климатъ, христіанская религія, законы, магистраты, дворянство, неустрашимость народовъ, благодушіе, достоинство и просвѣщеніе правителей, способности ихъ министровъ — въ ней нынѣ замѣчается.

«ихъ министровъ»... «въ ней не существуютъ»... «умѣлость ихъ министровъ»... «въ ней нынѣ замѣчается»]...

Стр. 218—220. А[вторъ, т. е. Монтескье] утверждаетъ, что «въ Россіи народъ состоитъ изъ рабовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, и рабовъ, называемыхъ рабами духовенства, или дворянства, потому что они господа этихъ рабовъ». Откуда онъ заключаетъ, что «не остается никого, кто могъ бы составить третье сословіе, которое должно образовать рабочихъ и купцовъ».

Петръ Великій старался образовать это третье сословіе.

Я уже неопровержимо доказалъ суть разницы между

[Подчеркнуты слова: «отличаютъ его отъ рабовъ и третья-

свободными людьми и рабами въ этой имперіи, какъ и во всѣхъ другихъ государствахъ, гдѣ рабство существуетъ. Достаточно, значитъ, показать, что дворянство въ ней именно таково, каково оно, по своей природѣ, всюду, гдѣ оно имѣется; что преимущества и права, дарованныя государями, отличаютъ его отъ рабовъ и третьяго сословія...

.... что русское дворянство никогда не было лишено своихъ правъ и что, наконецъ, города и посады кишатъ рабочими, торговцами и разнаго рода лицами, не числящимися ни въ дворянствѣ, ни въ духовенствѣ.

го сословія» (съ вопросами на полѣ: *Въ чемъ?)*, «что русское дворянство никогда не было лишено своихъ правъ» (съ вопросомъ на полѣ: *Но какія же это права?)*—«кишатъ рабочими» (съ восклицаніемъ: *Morbleu! это значитъ крѣпостными, или отпущенными на волю, или былыми)*].

Стр. 226. Струбе приводитъ сличеніе терминовъ: gentillesse (старинное), noblesse, nobles hommes, gentry (англійское).

Эти аналогіи и ссылки вкривь и вкось составляютъ основу сего господина, но онъ болѣе чѣмъ слабъ въ политическихъ разсужденіяхъ и еще слабѣе въ заключеніяхъ.

Стр. 229. Несомнѣнно, что князья и дворяне пользовались тутъ, съ основанія монархіи, какъ и теперь, всѣми правами и преимуществами, которыя даетъ само по себѣ дворянство, и въ этомъ отношеніи они находятся совершенно на уровнѣ настоящей

Подчеркнуто: «всѣми правами и преимуществами» (съ вопросомъ на полѣ: *Гдѣ же они?)*]

знати всѣхъ другихъ государствъ, гдѣ она извѣстна.

Стр. 231—232 (примѣчаніе). Кн. XVII, гл. V. Если бы М[онтескье] сказалъ, что въ сѣверныхъ странахъ знакомство и сосѣдство съ умѣренными государствами могутъ внушить желаніе подражать имъ, тогда какъ въ полуденныхъ странахъ отдаленіе и безвѣстность этихъ самыхъ государствъ мѣшаютъ думать о нихъ, онъ сказалъ бы, по моему, нѣчто гораздо болѣе правдоподобное.

Вотъ первое благоразумное слово въ книгѣ.

Стр. 249 — 250. Не стану скрывать, что заключенія, которыя вывелъ М[онтескье] изъ вліянія климата, мнѣ показались въ равной степени оскорбительными и легкомысленными. Что можно подумать, когда сей авторъ съ одной стороны устанавливаетъ, что «народы азіатскіе и южные лѣнивы, робки, изнѣжены, и предназначены природой къ деспотическому образу правленія»; .... когда съ другой стороны читаешь въ достойныхъ довѣрія описаніяхъ, что татары, турки, арабы, мавры и проч. храбры,

Но отчаяніе заставляетъ дѣйствовать самыхъ робкихъ.

неутомимы, настойчивы и мятежны, что Мустафа II былъ юридически низложенъ. .

[Въ началѣ и въ концѣ книги, на бѣлыхъ листкахъ переплета, общія замѣчанія.

Въ началѣ — впечатлѣнія отъ цѣлаго сочиненія]:

Дѣло плохое.

Споръ схоластиченъ.

Начало книги скучно.

Середина слаба.

Конецъ возможенъ.

[Въ концѣ, на свободномъ листкѣ переплета, Екатерина изложила свои мысли о самомъ существѣ вопроса — о формѣ правленія, наиболѣе подходящей для Россіи]:

Столь великая имперія, какъ Россія, погибла бы, если бы въ ней установленъ былъ иной образъ правленія, чѣмъ деспотическій, потому что только онъ одинъ можетъ съ необходимой скоростью пособить въ нуждахъ отдаленныхъ губерній, всякая же иная форма парализуетъ своей волокитой дѣятельность, дающую всему жизнь. Итакъ, будемъ молить Бога, чтобы давалъ Онъ намъ всегда благоразумныхъ правителей, которые подчинялись бы законамъ и издавали бы ихъ лишь по зрѣломъ размышленіи и единственно въ виду блага ихъ подданныхъ.

Замѣтка на книгу абб. Денина: *«Опытъ о жизни и царствованіи Фридриха II, короля Прусскаго»* (Берлинъ. 1788),—*апрѣль, 1789.*

Денина. Стр. 20. Фридрихъ-Вильгельмъ... изъ угожденія императору Карлу VI, который препоручалъ ему свою племянницу, Елисавету Христину, дочь Фердинанда Альберта, герцога Бевернскаго, остановилъ на ней свой выборъ. Если правда, что кронпринцъ имѣлъ другія намѣренія, то онъ ими пожертвовалъ волѣ своего отца и несомнѣннымъ достоинствамъ принцессы.	*Повидимому такъ; но онъ поклялся не касаться ея и сдержалъ клятву.*
— 25. Книгой, какую онъ читалъ всего болѣе, былъ словарь Бейля. Онъ такъ часто говорилъ о словарѣ, что кронпринцесса, его супруга, его пожелала также прочесть его и она поручила одному пастору французской колоніи отмѣтить	*Ну, что же! Я его читала и не нашла тамъ ничего другого, кромѣ весьма философскаго духа, и мнѣ показалось, что въ немъ нѣтъ ничего такого, чего не могла бы безопасно читать честная женщина. Тѣмъ не менѣе я дивлюсь такому чувству принцессы и долж-*

для нея тѣ мѣста, которыя честной женщинѣ можно читать безопасно.

на признаться, что мнѣ подобная мысль не приходила въ голову; о дурномъ я никогда не думала.

— 29. Лейцигъ, Берлинъ и Гамбургъ ихъ взаимной торговлей должны были послужить къ образованію націи и къ созданію національной литературы.

Посмотримъ, какова-то выйдетъ эта національная нѣмецкая литература, если будетъ продолжать развиваться фанатизмъ видѣній, все возрастая, какъ это дѣлается до сихъ поръ, и пока всѣ эти нѣмецкіе принцы будутъ находить, что это лишь хорошо. Безъ философіи и безъ умовъ философскихъ нѣтъ спасенія для литературы; а что она выиграетъ отъ шарлатановъ, духовидцевъ, изступленныхъ и прочихъ подобныхъ глупцовъ?

— 30. Надо ли удивляться послѣ этого, что Фридрихъ привыкъ говорить и писать по-французски, и бесѣдовалъ охотно только съ тѣми, кто говорилъ на этомъ языкѣ?

Онъ пріохотился къ французскому, потому что отецъ его не любилъ этого языка. Что ни говорите, сила нѣмцевъ въ строгой выдержкѣ, французовъ—въ любезности, англичанъ—въ точныхъ и глубокихъ изученіяхъ.

— 38. Опроверженіе отвратительныхъ началъ, проведенныхъ Маккіавелли въ его книгѣ подъ заглавіемъ: *Государь. Анти-Макіавель* — былъ первымъ трудомъ, который поставилъ Фридриха въ число авторовъ.

Эта книга доказываетъ, что говорить и дѣлать—не одно и то же.

— 52. Винтерфельдъ, зять Миниха,.... привлекъ на служ-

Минихъ былъ тестемъ, а не зятемъ Винтерфельду.

жбу къ королю... Финка и Манштейна и предрасположилъ, можетъ быть, фельдмаршала Кейта сдѣлать то же самое.

— Нисколько; фельдмаршалъ Кейтъ никогда бы объ этомъ не подумалъ, если бы канцлеръ гр. Бестужевъ не преслѣдовалъ его, чтобы доставить мѣсто Апраксину, своему другу; къ этому присоединились англійскіе происки; братъ фельдмаршала Кейта, принимавшій участіе въ шотландскихъ волненіяхъ 1745 года, хотѣлъ поступить на русскую службу; англичане такъ хлопотали у Бест[ужева], что ему отказано, и Кейтъ подалъ въ отставку.

— 64, 65. Маркизъ Ботта былъ посломъ Вѣнскаго двора въ Петербургѣ во время переворота, который ниспровергъ юнаго Ивана съ правительницею Анною, принцессою Брауншвейгскою и которымъ возведена на престолъ Елисавета... Вѣнскій дворъ поддерживалъ интересы Анны, вѣроятно, потому, что уже было извѣстно, что Елисаветой будутъ руководить министры и посланники Франціи, въ ту пору отъявленные враги королевы Венгерской. Вѣнскій посолъ въ своихъ тайныхъ инструкціяхъ получилъ приказаніе дѣлать всевозможныя попытки для сверженія съ

Все это сущая неправда. Ботта не составлялъ заговора, но онъ часто посѣщалъ дома госпожъ Лопухиной и Ягужинской; тамъ говорили нѣсколько несдержанно объ Елисаветѣ, эти рѣчи были ей донесены; во всемъ этомъ дѣлѣ, за исключеніемъ несдержанныхъ разговоровъ, не видно и слѣда заговора; но то правда, что старались его найти, дабы погубить великаго канцлера графа Бестужева, деверя графини Ягужинской, вышедшей вторымъ бракомъ за брата великаго канцлера. Лопухина негодовала на императрицу Елисавету за то, что она отняла у нея имѣніе, которое ей было пожаловано принцессою Анной.

трона Елисаветы... Человѣкъ шесть или семь, мужчинъ и женщинъ, изъ лицъ самыхъ вліятельныхъ были сообщниками Ботты.

— 104, 105. Большинство народа осталось лютеранами, какъ въ Бранденбургѣ, такъ и въ Саксоніи, и тѣмъ болѣе не любило ни католиковъ, ни реформатовъ.

Лютеране тамъ, гдѣ они господствуютъ, въ свою очередь бываютъ чужды вѣротерпимости.

— 126. Мнѣ сказали, что король во время второй Силезской войны обѣщалъ Бестужеву подарокъ во сто тысячъ червонцевъ, если онъ помѣшаетъ своей государынѣ высказаться за Австрію и Саксонію, и что, когда миръ былъ заключенъ, король, сдѣлавшись весьма расчетливъ во многомъ, не позаботился исполнить свое обѣщаніе; но я думаю, что это обѣщаніе ста тысячъ червонцевъ, данное Бестужеву, относится къ другой эпохѣ.

Это очень сомнительно; если ходилъ объ этомъ слухъ, то его одного было достаточно, чтобы сдѣлать изъ великаго канцлера Бестужева непримиримаго врага. Вѣрно то, что всѣ, слывшіе за друзей Прусскаго короля, были отъявленными врагами Бестужева, который устранилъ большую ихъ часть. Они ему за это отплатили, ибо когда они оказались въ силѣ, они его свергли, и во главѣ ихъ былъ Воронцовъ, давній сторонникъ франко-прусской клики; но такъ какъ Франція въ 1758 была на ножахъ съ Пруссіей, то вице-канцлеръ остался сторонникомъ французовъ и присоединился къ Шуваловымъ, чтобы свергнуть Бестужева. Вѣнскій дворъ заплатилъ неблагодарностью Бестужеву, которому онъ былъ обязанъ союзомъ съ Россіею; Бестужевъ хотѣлъ, чтобы согласно договору имне-

ратрица помогла Маріи-Терезіи, но эта послѣдняя потребовала, чтобы Елисавета помогла своей союзницѣ всѣми своими силами, чего и добилась.

— 153. Послѣ пораженія при Коллинѣ... По мѣрѣ того, какъ, казалось, король приближался къ своей погибели, имперскіе князья, колебавшіеся до тѣхъ поръ, наперерывъ старались выразить свою приверженность къ Австрійскому дому и къ императору, и соединились съ врагами [короля].

Имперскіе князья походятъ на придворныхъ, обожающихъ сегодня идола дня, а завтра поворачивающихся спиною къ тому, кому счастіе или милость измѣнили.

— 157. Его геній и его мужество не только совсѣмъ не ослабѣвали, но почерпнули себѣ новую жизнь въ своихъ неудачахъ. –ibid. При Росбахѣ... дать сраженіе.

Именно въ его неудачахъ проявлялся его геній, ибо въ дни благоденствія онъ былъ бездѣятеленъ. Великія дѣла совершаются всегда помощью скромныхъ средствъ.

— 164. Швеція, извергнувъ изъ нѣдръ своихъ тотъ великій избытокъ народовъ, который разрушилъ Римскую имперію, почти что не появлялась болѣе на театрѣ Европы въ теченіе многихъ вѣковъ: то порабощенная датчанами, то стенавшая подъ игомъ своего духовенства и постоянно терзаемая междоусобіями, она не выдавалась ни громкими внѣшними по-

Это совсѣмъ не Швеція извергнула изъ нѣдръ своихъ, какъ говоритъ авторъ, тотъ великій избытокъ народовъ, который разрушилъ Римскую имперію, но это были народы, пришедшіе съ востока и юга Россіи. Шведы сами признаютъ, что Одинъ былъ уроженецъ Дона, Одинъ былъ славянинъ, само имя его доказываетъ это; Швеція не могла ни вмѣстить въ себя, ни прокормить столько народонаселенія.

двигами, ни добрыми внутренними учрежденіями; единственная особенность, которая могла заслужить вниманіе, состояла въ томъ, что не только граждане, но и крестьяне, повсюду безправные, имѣли право подачи голоса въ народныхъ сеймахъ.

Свобода боролась противъ тираніи.

— 173. Говорили, что онъ напослѣдокъ подкупилъ великаго канцлера Бестужева, и что министръ этотъ отдалъ приказъ генералу Апраксину отступать изъ Пруссіи. Правда, въ это время графъ Бестужевъ, казалось, менѣе противорѣчилъ королю: но почти невѣроятно, чтобы деньги короля Прусскаго оказали большее дѣйствіе, чѣмъ деньги Франціи и Австріи, на графа Бестужева, который служилъ тому, кто больше давалъ.

Это ложь. Бестужевъ желалъ, чтобы Апраксинъ шелъ дальше.

Это опять ложь. Бестужевъ былъ настойчиво упрямъ, и никогда нельзя было подкупить его деньгами.

— 173, 174. Министры Австріи и Франціи, зная склонность великаго князя (въ пользу короля Прусскаго), не надѣясь заставить его измѣниться, старались по крайней мѣрѣ мѣшать его вліянію, пока царствовала Елисавета, и примѣняли всякія средства, чтобы испортить его хорошія

Трудновато было племяннику Елисаветы имѣть на нее вліяніе, ихъ умы и характеры были таковы, что послѣ пятиминутнаго разговора они неминуемо должны были повздорить. это фактъ несомнѣнный.

отношенія съ царствующей императрицей.

— 174. По всей вѣроятности этотъ министръ высказывалъ передъ императрицей порицаніе дружбѣ, какую великій князь питалъ къ Фридриху, а разговаривая съ великимъ княземъ, выражалъ неудовольствіе на войну, которую императрица вела съ Пруссіей. Такимъ образомъ главное обвиненіе, которое предъявляли великому канцлеру, состояло въ томъ, будто онъ старался возстановить императрицу противъ великаго князя и великой княгини, а этихъ послѣднихъ противъ императрицы. Бестужевъ былъ замѣщенъ Воронцовымъ, человѣкомъ уважаемымъ и пользовавшимся за свою честность солидной репутаціей, которую онъ всегда поддерживалъ; но ни мудрость, ни вліяніе его не отвратили императрицу отъ Австріи и Франціи.

Бестужевъ, будучи врагомъ Прусскаго короля, открыто выражалъ свое мнѣніе и никогда онъ не угодничалъ великому князю. NB. Онъ его не возвратилъ и изъ ссылки[1]).

Отъявленный лицемѣръ, онъ то и служилъ тому, кто больше давалъ; нѣтъ двора, который бы ему не платилъ.

— 186. Въ твореніяхъ Фридриха увидятъ, съ какой откровенностью онъ признавался въ своихъ ошибкахъ, и

Генералъ Браунъ, рижскій генералъ-губернаторъ, говорилъ часто, что если бы онъ былъ королемъ, то послѣ битвы подъ

[1]) Въ подлинникѣ—«Онъ... ссылки» по-русски.

особенно въ той, которую онъ сдѣлалъ въ сраженіи подъ Франкфуртомъ, атакуя непріятелей, которые не могли отъ него уйти; онъ ихъ преслѣдовалъ чрезъ мѣру, и чрезъ то заставилъ ихъ выиграть въ концѣ битву, которую они проигрывали въ началѣ.

Франкфуртомъ онъ болѣе не довѣрилъ бы командованіе арміей Фридриху, если бы тотъ былъ его генераломъ.

— 223. Но первыми порывами радости, какую выказалъ Петръ III, видя, что онъ государь и что можетъ торжественнымъ образомъ заявить всему міру о своей дружбѣ къ королю Прусскому, онъ положилъ начало перевороту, который свергъ его съ престола и положилъ конецъ его жизни.

Петръ III не имѣлъ большаго врага, чѣмъ онъ самъ; всѣ его дѣйствія доходили до предѣловъ безумія. Кромѣ того, то, что обыкновенно возбуждаетъ жалость у людей, приводило его въ гнѣвъ. Онъ забавлялся тѣмъ, что билъ людей и животныхъ, и не только былъ нечувствителенъ къ ихъ слезамъ и крикамъ, но эти послѣдніе вызывали въ немъ гнѣвъ, а когда онъ былъ въ гнѣвѣ, онъ придирался ко всему, что его окружало. Его фавориты были очень несчастны, они не смѣли поговорить другъ съ другомъ, чтобы не возбудить въ немъ недовѣрія, а какъ только это послѣднее разыгрывалось въ немъ, онъ ихъ сѣкъ на глазахъ у всѣхъ. Оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, генералъ-лейтенантъ Мельгуновъ, тайный совѣтникъ Волковъ— были высѣчены въ Ораніенбаумѣ въ присутствіи дипломатическаго корпуса и человѣкъ до ста мужчинъ и женщинъ, которые присутствовали на праздникѣ,

который задавала имъ императрица... Тогдашній англійскій посланникъ Кейтъ приблизился по этому случаю къ графинѣ Брюсъ и сказалъ ей: знаете, вашъ императоръ безумный [fou à lier] и на его мѣстѣ нельзя дѣлать того, что онъ дѣлаетъ. Императрица Екатерина II вступленіемъ на престолъ спасла имперію, себя самое и своего сына отъ безумца [fou], почти бѣшенаго, который сталъ бы несомнѣнно таковымъ, если бы онъ пролилъ или увидѣлъ бы пролитой хоть каплю крови; въ этомъ не сомнѣвался въ то время никто изъ знавшихъ его, даже изъ наиболѣе ему преданныхъ.

— 223. Онъ заставилъ императрицу, свою супругу, возложить орденъ св. Екатерины на графиню Воронцову, которую черезъ это объявлялъ своей признанной фавориткой [favorite en titre]. Императрица не могла не быть задѣта этимъ за живое.

Никогда не думалъ онъ заставлять императрицу возлагать на графиню Воронцову орденъ св. Екатерины; онъ потрудился сдѣлать это самъ. Онъ хотѣлъ жениться на ней, и въ тотъ самый вечеръ, когда онъ возложилъ на нее орденъ св. Екатерины, онъ приказалъ князю Барятинскому, своему адъютанту (впослѣдствіи посланнику во Франціи), пойти арестовать императрицу въ ея покояхъ. Барятинскій, испуганный этимъ приказаніемъ и не торопясь съ его исполненіемъ, встрѣтилъ принца Георга Голштинскаго, дядю императора],

въ прихожей и разсказалъ ему о приказаніи, которое получилъ; этотъ послѣдній побѣжалъ къ императору и уговорилъ его отмѣнить это приказаніе, онъ бросился на колѣни и употребилъ большія усилія, чтобы заставить его отмѣнить это приказаніе.

— 223. Дѣйствительно, она объявила сначала, что ея войска не выйдутъ изъ Пруссіи; и она даже велѣла арестовать барона Гольца, королевскаго посла въ Петербургѣ, котораго царь очень отличалъ.

Баронъ Гольцъ совсѣмъ не былъ арестованъ, онъ находился около Петра III въ Ораніенбаумѣ, онъ просилъ и получилъ охрану для того, чтобы возвратиться въ Петербургъ.

— 224. Въ бумагахъ покойнаго императора оказалось много писемъ, которыя король Прусскій писалъ ему по поводу своихъ домашнихъ неудовольствій и по поводу его намѣренія заключить Екатерину въ монастырь... Фридрихъ совѣтовалъ ему не дѣлать столь рѣзкаго поступка, постараться уладить дѣло возможно лучшимъ способомъ и оказывать своей супругѣ ту долю вниманія, какая можетъ быть совмѣстима съ его собственнымъ спокойствіемъ.

Тамъ было одно, въ которомъ король совѣтовалъ Петру III (который хотѣлъ затѣять войну съ Даніей, чтобы возвратить отъ нея Шлезвигъ) взять съ собою недовольныхъ и тѣхъ, кому онъ не довѣрялъ, и оставить ихъ въ Кенигсбергѣ.

Ibid. Екатерина II, убѣдившись въ добромъ расположеніи Фридриха, не хотѣла

Доброе расположеніе Фридриха II къ императрицѣ не было особенно надежно, какъ

однако дѣйствовать противъ Австріи.

видно изъ предыдущаго замѣчанія.

— 233. Во время войны Фридрихъ сочинилъ много стихотвореній, въ элегическомъ духѣ, которыя были настоящими жалобами, какія внушали ему личныя несчастія и общественныя бѣдствія.

Принцъ Генрихъ увѣрялъ, что король, его братъ, имѣлъ всегда ихъ готовыми, и что онъ доставалъ ихъ изъ своего портфеля въ затруднительныхъ случаяхъ, дабы удивлялись, что онъ имѣетъ умъ достаточно свѣжій еще для того, чтобы сочинять забавныя вещи.

— 254, 255. Король, боясь увидѣть, что нѣтъ у него преемниковъ... Августъ, принцъ Прусскій, умершій въ 1758 году, оставилъ двухъ сыновей. Фридрихъ-Вильгельмъ старшій, нынѣ царствующій, имѣлъ еще только одну дочь.

Была ли еще она его [дочь], мать сама называла ее маленькой Мюллеръ; этотъ послѣдній былъ трубачомъ въ полку тогдашняго принца Прусскаго, Фридриха - Вильгельма, нынѣ короля Прусскаго. Первая жена не могла его выносить; она и Фридрихъ II считали этого принца тяжелымъ и скучнымъ глупцомъ. Принцъ де-Линь звалъ его Геркулесовой палицею. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1780, тогдашній принцъ Прусскій отправился на засѣданіе Академіи Наукъ и тамъ онъ упалъ въ обморокъ на глазахъ у всѣхъ; злые языки говорили, что Его Императорское Высочество потерялъ сознаніе въ храмѣ знанія [1]).

— 266. Первый бракъ принца Прусскаго былъ очень не-

Она дѣйствительно славилась своею чрезвычайною любез-

[1]) Въ подлинникѣ—s'était trouvé sans connaissance au milieu de l'Académie des sciences.

счастливъ. Несмотря на склонность, которую король имѣлъ къ принцессѣ Елисаветѣ Брауншвейгской, съ которой былъ связанъ тройными родственными узами, несмотря на нѣжность, которую кронпринцъ питалъ всегда къ этой любезнѣйшей супругѣ, все-таки были вынуждены разорвать эти святыя узы [1]).

ностью, въ чемъ никогда нельзя было упрекнуть ея супруга.

— 266. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на Фредерикѣ-Луизѣ, дочери ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго.

Эта послѣдняя не была ни красива, ни любезна, ни умна; она была выбрана королемъ нарочно, чтобы наказать племянника за то, что онъ не умѣлъ ужиться съ первой. Онъ говорилъ, что дураку нужна дура.

— 288, 289. Императрица Екатерина II руководила выборами и сдѣлала такъ, что выборъ палъ на Станислава Августа, графа Понятовскаго, принадлежавшаго къ одной изъ знатнѣйшихъ польскихъ фамилій и получившей особенную извѣстность со времени царствованія Августа I. Графъ Понятовскій, послѣ путешествій въ разныя страны Европы, гдѣ онъ былъ очень хорошо принятъ, былъ посланникомъ отъ республики при Петербургскомъ дворѣ. Его умъ,

Онъ былъ только посломъ Августа II.

[1]) Въ подлинникѣ—de rompre ce noeud sacré.

его таланты, его внѣшность, не могли не привлечь къ нему склонность и уваженіе Екатерины. Поддержка Россіи, въ соединеніи съ выдающейся партіей, которую его заслуги и происхожденіе доставили ему въ странѣ, сдѣлала его побѣдителемъ надъ другими соперниками.

Онъ былъ выбранъ Россіей въ кандидаты на Польскій престолъ потому, что изъ всѣхъ претендентовъ этотъ имѣлъ наименѣе правъ претендовать на него, и вслѣдствіе того онъ долженъ былъ чувствовать себя обязаннымъ Россіи болѣе всякаго другого.

— 310. Одна особа, авторитетъ которой неоспоримъ въ томъ, что касается исторіи Фридриха II (графъ Герцбергъ), сказала, что первая мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ принадлежала этому королю. Дѣйствительно, въ 1744 году Фридрихъ придумалъ соглашеніе этого рода.

Это неправда; вооруженный нейтралитетъ родился въ головѣ Екатерины II и ни въ чьей другой. Графъ Безбородко можетъ засвидѣтельствовать это, потому что эта идея какъ бы по наитію была высказана устами этой императрицы однажды утромъ. Графъ Панинъ не хотѣлъ объ этомъ слышать, потому что не онъ это придумалъ, и потребовалось много усилій, чтобы заставить его понять это; это дѣло было поручено Бакунину и въ концѣ концовъ онъ занялся ею.

— 321. Онъ (Фридрихъ II) имѣлъ съ собою генерала Вунша и наслѣднаго принца, нынѣ царствующаго герцога Браушвейгскаго..., принцъ Прусскій вскорѣ послѣдовалъ за ними во главѣ дивизіи, составленной изъ берлинскаго и потсдамскаго гарнизоновъ.

Принцъ Прусскій началъ [службу] въ арміи тѣмъ, что упалъ съ лошади; на это король Фридрихъ II, повернувшись въ сторону князя Репнина, сказалъ ему: „Вотъ — Его Королевское Высочество принцъ Прусскій начинаетъ [службу] въ арміи тѣмъ, что падаетъ съ лошади.

— 323. Тѣмъ не менѣе Фридрихъ дѣлалъ испытанія своимъ генераламъ и особенно племяннику своему, принцу Прусскому, котораго онъ посылалъ иногда въ такія опасныя мѣста, куда въ иныхъ странахъ не послали бы простого гусарскаго офицера. Кронпринцъ подвергался опасностямъ съ такою отвагою и выходилъ изъ нихъ съ такимъ искусствомъ, что король выразилъ ему свое удовольствіе, такъ что всѣ присутствовавшіе были восхищены.

Онъ хотѣлъ дать ходъ своему племяннику, котораго презиралъ, и къ этому привели происки графа Панина; этотъ послѣдній взялъ принца Прусскаго подъ свое покровительство и снабжалъ его деньгами черезъ ландграфиню, и потому, что онъ приходился своякомъ великому князю.

— 334. Глава IX. Шумное дѣло одного мельника.

Безъ сомнѣнія, удивляешься, видя, какъ тонко стараются вредить славѣ и имени Фридриха II, и все это печатается и идетъ въ публику въ Берлинѣ, а между тѣмъ этого великаго человѣка не замѣнили.

(Въ концѣ той же главы).

Увы! слѣдовало бы удивляться ему и стараться подражать! Это трудно, потому что не всякому открыта дорога въ Коринѳъ.

— 406. (О веселости).

Его веселость проистекала изъ его превосходства. Былъ ли на свѣтѣ великій человѣкъ, который не только не отличался бы веселостью, но даже который не имѣлъ бы въ себѣ неистощи-

маго запаса веселости. Это вопросъ?

— 409. Тѣмъ, кто жаловался на то, что король хотѣлъ быть всегда правымъ, не лучше ли было бы согласиться, что они сами могли ошибаться?

Онъ къ этому привыкъ по своему ремеслу: короли не любятъ ошибаться.

— 423.

Читать и писать становится удовольствіемъ, когда къ этому привыкнешь.

— 453. Военными качествами Фридрихъ II безспорно превышалъ всѣхъ, кто былъ извѣстенъ въ этомъ вѣкѣ, и даже въ предшествующіе вѣка.

Фридрихъ II терялъ голову во время самаго дѣла и разсудокъ у него такъ мутился, что онъ не соображалъ, что дѣлаетъ; съ этимъ соглашался его собственный братъ, принцъ Генрихъ.

— 458, 459. Фридрихъ зналъ лучше всѣхъ на свѣтѣ, какъ трудно заставлять двигаться и дѣйствовать большія арміи. Ему было очень хорошо извѣстно, что Александръ, Густавъ-Адольфъ, Карлъ XII совершали великіе подвиги съ небольшими арміями.

Фельдмаршалъ Ласси, отецъ того, который на службѣ у императора, говорилъ: „Дайте мнѣ отъ 25 до 30 тысячъ человѣкъ, моей головы хватитъ на нихъ; у меня не хватитъ ея для ста тысячъ человѣкъ“.

16—27 апрѣля 1789.

ПИСЬМО КЪ ГР. РУМЯНЦОВУ.

[*Семейныя дѣла*].

Графъ Румянцовъ, я получила съ послѣднимъ посланнымъ вами изъ Кобленца курьеромъ ваше письмо отъ 1—12 мая, касающееся вашихъ поѣздокъ въ Карлсруэ. Я съ удовольствіемъ усмотрѣла въ немъ, что вы, по моимъ послѣднимъ приказаніямъ, сдѣлали всѣ надлежащіе шаги, чтобы наладить дѣло, близкое моему сердцу, что эти приказанія пришли къ вамъ вὸ-время и что вы получили приказъ предупредить всякій иной видъ свершенія дѣла [d'arrangement], который могъ бы противодѣйствовать моимъ намѣреніямъ. Подробности, въ которыя вы входите относительно этихъ двухъ принцессъ, Луизы и Фредерики Баденскихъ, крайне интересны и не оставляютъ ничего желать [больше].—Вы не сказали ничего лишняго отъ меня наслѣдной принцессѣ Баденской; я всегда питала къ ней особенную привязанность и знаю, что ея привязанность къ Россіи и ко мнѣ никогда не измѣнялась; я въ восторгѣ отъ выказанной ею готовности облегчить ваши начальные переговоры [ouvertures] и сгладить затрудненія относительно перемѣны вѣроисповѣданія. Я жду съ нетерпѣніемъ портретовъ обѣихъ принцессъ, которые вы обѣщаетесь мнѣ прислать.

Препятствіе, которое представилось относительно поѣздки наслѣдной принцессы, чтобы ей привезти ко мнѣ своихъ дочерей, какъ вы это предвидѣли, не существенно для самаго дѣла; оно, правда, лишаетъ меня удовольствія снова еще разъ повидать наслѣдную принцессу, которую я люблю и уважаю, но я вполнѣ вхожу въ положеніе и могу только

одобрить ея доводы; впрочемъ, довѣріе, которое она мнѣ свидѣтельствуетъ тѣмъ, что отдаетъ мнѣ своихъ двухъ дочерей, вознаграждаетъ меня нѣкоторымъ образомъ за это лишеніе; а потому я и нашла, что слѣдовало отвѣтить на него съ поспѣшностью, и хотя, конечно, возрастъ принцессъ могъ бы заставить отложить еще года на два ихъ пріѣздъ въ Россію... я нашла, что если онѣ пріѣдутъ въ настоящее время въ Россію, то этотъ самый возрастъ тѣмъ болѣе будетъ способствовать, чтобы та или другая привыкла къ странѣ, въ которой имъ предназначено провести остальную ихъ жизнь, и что другая не лишится изъ-за этого возможности устроиться какъ приличествуетъ ея рожденію; вслѣдствіе этого разсужденія я рѣшилась предписать вамъ просить сколь возможно скорѣе у наслѣдной принцессы Баденской ея двухъ дочерей, Луизу и Фредерику; вы ей скажете, что я охотно беру на себя докончить ихъ образованіе и устроить ихъ обѣихъ; склонность моего внука будетъ руководить его выборомъ; ту, которая останется, я постараюсь устроить въ свое время.—Вотъ все, что объ этомъ скажу пока. Вдовствующая графиня Шувалова уѣзжаетъ на дняхъ на воды въ Ахенъ, въ сопровожденіи тайнаго совѣтника Стрекалова.

Если наслѣдная принцесса, какъ она сама предложила, ея мужъ и ея свекоръ согласны поручить мнѣ обѣихъ принцессъ, вы сговоритесь съ вышеназванной графиней и Стрекаловымъ относительно мѣста, которое наслѣдная принцесса выберетъ, чтобы доставить или отправить туда ея дочерей; дорогой онѣ будутъ сохранять инкогнито до Петербурга, а графиня Шувалова вернется сюда подъ своей фамиліей, со своей семьей; она будетъ жить въ моемъ дворцѣ съ обѣими принцессами Баденскими, изъ котораго одна никогда, какъ я надѣюсь, не уйдетъ, а другая—не иначе, какъ выйдя прилично замужъ. Вы хорошо сдѣлаете, если пропустите время коронаціи императора, дабы нашимъ путешественникамъ избѣжать франкфуртской сумятицы; инкогнито будетъ отъ этого только лучше сохранено.

(ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,— около 1788 г.— *Семейныя дѣла*].

Когда послѣ родинъ вел. княг. вели: Князь началъ проситься въ Армію, и я ему сказывала, что шведскія дѣла начали доходить до разрыва, тогда онъ съ великимъ усердіемъ мнѣ отвѣтствовалъ, что на сей случай сказалъ по французски: qu'il m'offre tout ce qu'il a; я поблагодаря за усердіе, съ которымъ говорилъ, молвила, что не очень знаю, что онъ подъ тѣмъ разумѣетъ, но вскорѣ узнала, что тутъ рѣчь была о морскихъ двухъ ротахъ, кои въ лагери стояли близъ Павловска подъ видомъ караула того дома и сада.

Всякая вещь хороша тутъ, гдѣ она быть должна, а когда въ другомъ [мѣстѣ], тогда не умѣстно. Когда полкъ его Кирасирской наряженъ былъ итти въ Финляндію, тогда онъ требовалъ, чтобъ двѣ морскіи роты туда же шли, и пѣши употреблены были; на сіе я сказать велѣла, что тѣ роты, получая жалованіе изъ Адмиралитейства и бывъ въ морской службѣ, должны остаться при оной и что морскихъ силъ не то что уменьшить, всячески ищемъ усиливать, ибо въ теперишномъ случаѣ онѣ самую важную часть составляютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, три или четыресто человѣкъ для работы въ Адмиралитействѣ да и для вооруженія корабля не все равно и одинъ корабль болѣе или менѣе, здѣлаютъ рѣшительное дѣло.

Не вѣрится мнѣ, чтобы Е[го] И[мператорское] В[ысочество] могъ думать иначе, какъ соображаясь съ общественнымъ благомъ. Если я оторву отъ морской службы людей, назначенныхъ для нея, общество вообразитъ, что нужда болѣе велика, чѣмъ она есть [въ дѣйствительности].

Этимъ морякамъ нечего дѣлать въ Финляндіи.

Вести ихъ туда, какъ образецъ для сухопутныхъ войскъ, было бы чистымъ ребячествомъ и обидой для сухопутной арміи, которая тамъ находится и побѣды которой къ тому же безчисленны; она въ томъ видѣ, какъ есть, тѣмъ болѣе, что она продолжаетъ побѣждать, не имѣетъ нужды въ другихъ образцахъ. Эти двѣ роты, далекія отъ того, чтобы служить образцами, стали бы, можетъ быть, предметомъ ненависти и раздѣленія финляндской арміи, чему страсть Е[го] И[мператорскаго] В[ысочества] могла бы еще болѣе способствовать: я видѣла эти несчастные примѣры, а именно обсерваціонный корпусъ гр. Шувалова и любимые полки Петра III. [1]).

———

[1]) Въ подлинникѣ: «Не вѣрится... Петра III»—по-французски.

ПИСЬМО КЪ ГР. Н. И. САЛТЫКОВУ.

[*Семейныя дѣла*].

Графъ Николай Ивановичь. Весь городъ носится слухомъ, яко бы сынъ мой имяновалъ шефами морскихъ какихъ то баталiоновъ — Александра и Константина; я сему худо вѣру подаю, потому что, во первыхъ, таковыхъ морскихъ и никаковыхъ баталiоновъ не существуютъ или не долженствуютъ существовать въ Павловскомъ; второе, что онъ, сынъ мой, не можетъ имяновать шефомъ никово, не разстроивая и не нарушая установленной порядокъ, ибо двѣ власти отъ меня терпимы быть не должны. Третье: что онъ самъ вездѣ и повсюду доднесь опорочивалъ поведенiе Орлеанскаго Господина, сей стараясь разрушить заведенной порядокъ, пагубѣ повергъ себя и всю Францiю. Четвертое: Сорокъ человѣкъ караульныхъ я дозволила имѣть въ Гачинѣ, въ Павловскомъ и на Острову и три смѣны онымъ и того въ каждомъ мѣстѣ 120 человѣкъ, и такъ не вѣдаю, откудова взяться могли столько баталiоновъ; ежели же взяти изъ Адмиралитейскихъ, то сiе опять быть не можетъ безъ разстройства Адмиралитейской службы, ибо нигдѣ лишнихъ людей нѣтъ. — Пятое: буде же изо стодвадцати человѣкъ составлено три баталiона, то сiе похоже было бы весьма на бывшiе въ Ораніенбаумѣ рябячiи забавы, въ коихъ десять человѣкъ полкъ составляли и подъ тѣмъ имянованiемъ люди отъ утра до вечера замучены были палками за безтолковое ученiе, кото-

рое однако не они да и никто не понималъ; при каждомъ таковомъ ученіи бывало въ смотрителяхъ о тиранствѣ разсужденіе, и негодованіе токмо возбуждалось и умаленіе почтенія къ особѣ, сумасбродство производящей за тридцать лѣтъ возраста и наконецъ послѣдовало извѣстное народное всеобщее ненависть и прочее. — Шестое: Молодыхъ же людей, какъ Александръ и Константинъ, приучить играть капралствомъ отнюдь не годится, понеже и учитель и ученики понесутъ праведное осужденіе отъ людей; да и то не рожденію, не сану, не достоинству ихъ не прилично, чтобъ отправляли капралскую должность и въ забаву ставили бить и мучить людей: на нихъ бы пали слезы, жалобы и вопль терпящихъ отъ нихъ, а хотѣлось мнѣ для ихъ благополучія, да и всѣхъ, чтобъ росли и молодость проводили въ безпорочности и беззлобіи, не обижая и палцомъ не тронувъ ни кого ко всеобщему удовольствію. Право нынѣ не время шалить и подавать случай къ праведнымъ жалобамъ.—Седьмое: Буде баталіоны сверхъ мною дозволенныхъ карауловъ въ Павловскомъ, Гачинѣ или на Острову существуютъ, то требую, чтобъ тотчасъ отпущены были, а мнимое шефство, буде существуетъ, уничтожено было отъ сего часа, какъ и само по себѣ разумѣется.

ПИСЬМО КЪ ГР. Н. И. САЛТЫКОВУ.

[*Семейныя дѣла*].

Графъ Николай Ивановичь, я хотѣла сегодни говорить съ моимъ сыномъ и разсказывать ему все дурное поведеденіе Константина Павловича, дабы всѣмъ родомъ здѣлать общее дѣло противу вертопраха и его унять, понеже поношеніе нанести можетъ всему роду, буде не уймется, и я при первомъ случаѣ ему говорить буду и увѣрена, что онъ со мною согласенъ будетъ. Я конечно Константину потакать ни какъ не намѣрена; а какъ великой князь уѣхалъ въ Павловской, а нужно унять Константина, какъ возможно скорѣе, то скажите ему отъ меня и имянемъ моимъ, чтобъ онъ воздержался отъ злословія, сквернословія и безпутства, буде онъ не захочетъ до того допустить, чтобъ я надъ нимъ здѣлала примѣръ. Мнѣ извѣстно безчинное, безчестное и непристойное поведеніе его въ домѣ Генералъ-Прокурора, гдѣ онъ не оставлялъ не одново человѣка, мущины, ни женщины безъ позорнаго ругательства, даже обнаружилъ и къ вамъ неблагодарность, понося васъ и жену вашу, что столь нагло и постыдно и безсовѣстно имъ произносимо было, что не токмо многіе изъ нашихъ, но даже да и Шведы безъ соблазна, содраганія и омерзенія слышить не могли. Сверхъ тово онъ со всякою подлостію вездѣ, даже и по улицамъ обращается съ такой непристойной фамильярностію, что я тово и смотрю

что ево гдѣ ни есть прибьютъ къ стыду и крайной неприятности. Я не понимаю, откудова въ немъ вселилось таковой подлой sansculotisme, предъ всѣми его уничижающей. Повторите ему, что бы онъ исправилъ поведеніе свое и во всемъ поступалъ прилично роду и сану своему, дабы въ противномъ случаѣ, естьли еще пострамитъ оное, я бъ не нашлась въ необходимости взять противу того строгія мѣры.

[«ПОРТРЕТЫ НѢСКОЛЬКИХЪ МИНИСТРОВЪ»....].

Когда хочешь разсужденій и хорошихъ общихъ принциповъ, нужно совѣтоваться съ Панинымъ, но отнюдь не въ дѣлахъ частныхъ, ибо тутъ онъ начинаетъ увлекаться и такъ какъ онъ очень упрямъ, то онъ только введетъ васъ въ заблужденіе. Его доля—дѣла иностранныя.

Князь Шаховской—оракулъ во всемъ, что касается внутренней формы, установленной законами, и чтобы распутывать ябеду и плутни; но онъ ненавидитъ новизны и особенно ту, какой умъ его, мало развитой, не можетъ постичь; но хороша ли, дурна ли вещь, какъ только ее предлагаетъ генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, предметъ его ненависти, онъ забываетъ свою честность, по истинѣ римскую, только для того, чтобы ему противорѣчить.

Рутина въ дѣлахъ иностранныхъ составляетъ конекъ канцлера Воронцова; онъ преданъ личности своего государя, но мало преданъ его дѣламъ, гдѣ его проводитъ каждый пройдоха, который ими завладѣваетъ, а это часто случается.

У Глѣбова очень большія способности, соединенныя съ равнымъ прилежаніемъ; это олицетворенная находчивость, но онъ плутъ и мошенникъ, способный однако на большую привязанность. Жаль, что онъ молодымъ попалъ въ руки Петра Шувалова, по образцу котораго онъ и сформировался, онъ слишкомъ твердъ, чтобы можно

было надѣяться, что онъ измѣнится, [только] его личный интересъ можетъ его заставить измѣниться, это все, на что можно надѣяться.

У генерала Чернышева есть умъ и способности ко всякаго рода дѣламъ, но у него слишкомъ большое самолюбіе, которое портитъ его многія хорошія свойства, и онъ часто бываетъ пропитанъ ложными правилами и есть что-то подозрительное во всемъ, что онъ дѣлаетъ, и даже во всѣхъ его качествахъ.

Фельдмаршалъ Салтыковъ—очень добрый человѣкъ, онъ дѣятеленъ и у него много здраваго смысла, что, несомнѣнно, играло большую роль въ его славѣ, которую трудно понять, зная его, и которую все же нельзя всецѣло приписать счастью, а [должно приписать] проблескамъ качествъ, когда этому способствовалъ его здравый смыслъ.

Гетманъ—молодой выскочка, у котораго вѣрный взглядъ, когда онъ увѣренъ въ себѣ, что случается рѣдко, такъ какъ онъ даетъ руководить собою всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ онъ живетъ, а онъ живетъ лишь съ тѣми, кто его забавляетъ; онъ наивенъ и прямъ, но распускаетъ себя и тогда все остается на волю Божію.

Суворовъ очень мнѣ преданъ и въ высокой степени неподкупенъ; онъ безъ труда понимаетъ, когда возникаетъ какое-нибудь важное дѣло въ тайной канцеляріи; я бы желала довѣряться только ему, но должно держать въ уздѣ его суровость, чтобы она не перешла границъ, которыя я себѣ предписала.

У графа Григорія Орлова орлиная проницательность; я никогда не видѣла человѣка, который бы въ такомъ совершенствѣ овладѣвалъ всякимъ дѣломъ, которое онъ предпринималъ, или даже такимъ, о которомъ ему говорятъ; все дурное и хорошее въ этомъ дѣлѣ приходитъ ему сразу на умъ и одно за другимъ стремится изъ его устъ, какъ потокъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не задохнется, говоря объ этомъ; онъ испытанной честности; я думаю, что лучше всего можно его описать, сказавъ, что его умъ и его

характеръ происходятъ отъ необычайной силы его тѣла и отъ темперамента; жаль, что воспитаніе не помогло его талантамъ и качествамъ, которые дѣйствительно превосходны, но которые благодаря небрежности остаются необработанными, что онъ хочетъ оправдать презрѣніемъ къ мелочамъ этого міра.

«ЧИСТОСЕРДЕЧНАЯ ИСПОВѢДЬ». — Письмо къ кн. Потемкину. *Копія.* Около 1774.

Марья Чоглокова видя что чрезъ девять лѣтъ обстоятельства остались тѣ же каковы были до свадьбы, и бывъ отъ покойной государыни часто бранена, что не старается ихъ переменить, не нашла иного къ тому способа, какъ обѣимъ сторонамъ здѣлать предложеніе чтобы выбрали по своей волѣ изъ тѣхъ кои она на мысли имѣла, съ одной стороны выбрали вдову Гротъ, которая нынѣ за Арт. генер. пору. Миллера, а съ другой Сер. Сал. и сего болѣе по видимой его склонности и по уговора мамы, которая въ томъ поставляла великая нужда и надобность. По прошествіи двухъ лѣтъ С. С. послали посланникомъ ибо онъ себя нескромно велъ, а Марья Чоглокова у большаго двора уже не была въ силѣ его удержать. По прошествіи года и великой скорби пріѣхалъ нынѣшній кор. Поль. котораго отнюдь не примѣтили, но добрія люди заставили пустыми подробностями догадаться, что онъ на свѣтѣ, что глаза были отменной красоты и что онъ ихъ обращалъ, хотя такъ близорукъ что далѣе носа не видитъ, чаще на одну сторону нежели на другія. Сей былъ любезенъ и любимъ отъ 1755 до 1761. по тригоднишной отлучкѣ, то-есть отъ 1758 и старательства кн. Гр. Гр. котораго паки добрія люди заставили примѣтить, переменили образъ мысли, Сей бы вѣкъ остался, естьлибъ самъ не скучалъ, я сіе узнала въ самой день его отъѣзда на конгресъ изъ Села Царскаго,

и просто сдѣлала заключеніе что о томъ узнавъ уже довѣрки имѣть не могу, мысль которая жестоко меня мучила и заставила сдѣлать изъ дешпераціи выборъ коя какой, во время котораго и даже до нынѣшняго мѣсяца я болѣе грустила нежели сказать могу, и никогда болѣе какъ тогда когда другіе люди бываютъ довольные и всякая приласканья во мнѣ слезы возбуждала, такъ что я думаю что отъ рожденія своего я столько не плакала какъ сіи полтора года; съ начала я думала что привыкну, но что далѣе то хуже, ибо съ другой стороны мѣсяцы по три дутся стали и признаться надобно, что никогда довольнѣе не была какъ когда осердится и въ покои оставитъ, а ласка его мнѣ плакать принуждала. Потомъ пріѣхалъ нѣкто богатырь по заслугамъ своимъ и по всегдашней ласки прелестенъ былъ такъ, что услыша о его пріѣздѣ уже говорить стали что ему тутъ поселиться а того не знали что мы писмецомъ сюда призвали непримѣтно его, однакоже съ такимъ внутреннимъ намѣреніемъ чтобъ не вовсе слѣпо по пріѣздѣ его поступать но разбирать есть ли въ немъ склонность о которой мнѣ Брюсша сказывала что давно многіе подозрѣвали, то есть та, которая я желаю чтобъ онъ имѣлъ.

Ну Госп. Богатырь послѣ сей исповѣди могу ли я надѣится получить отпущеніе грѣховъ своихъ, изволишь видѣть что не пятнадцать, но третья доля изъ сихъ, перваго по неволѣ да четвертаго изъ дешпераціи, я думала на счетъ легкомыслія поставить никакъ не можно, о трѣхъ прочихъ естьли точно разберешь, Богъ видитъ что не отъ распутства къ которой никакой склонность не имѣю и естьлибъ я въ участь получила съ молода мужа котораго бы любить могла, я бы вѣчно къ нему не перемѣнилась, бѣда та что сердце мое не хочетъ быть ни на часъ охотно безъ любви, сказываютъ такой пороки людскія покрыть стараются будто сіе произходитъ отъ добросердечія но статься можетъ что подобное дизпозиція сердца болѣе есть порокъ нежели добродѣтель, но напрасно я сіе къ тебѣ

пишу, ибо послѣ того взлюбишь или не захочешь въ армію ѣхать боясь чтобъ я тебя позабыла, но право не думаю чтобъ такое глупость здѣлала, а естьли хочешь на вѣкъ мнѣ къ себѣ привязать, то покажи мнѣ столько же дружбы, какъ и любви а наипаче люби и говори правду.

[ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ КЪ КН. ПОТЕМКИНУ. — 1789. іюнь].

Близкому другу слѣдуетъ говорить вещи, какъ онѣ есть.

18 іюня, по выходѣ изъ-за стола (NB. Это было въ понедѣльникъ) графъ Мам[оновъ] пришелъ сказать мнѣ, что я обращалась съ нимъ не такъ хорошо, какъ прежде, что я не отвѣчала на вопросы, которые онъ мнѣ дѣлалъ за столомъ; что онъ недоволенъ тѣмъ, что много людей, замѣчавшихъ это, переглядывалось между собой и что онъ тяготится ролью, которую играетъ. Отвѣчать было не трудно, я ему сказала, что если мое поведеніе на его взглядъ измѣнилось, то это не очень удивительное дѣло, принимая во вниманіе все то, что онъ сдѣлалъ съ сентября мѣсяца, чтобы заставить это поведеніе перемѣниться; что онъ мнѣ говорилъ и повторялъ, что кромѣ привязанности у него не было по отношенію ко мнѣ никакого другого чувства; что онъ подавилъ всѣ мои [чувства], и что если онѣ уже не были прежними, онъ долженъ пенять на самого себя, такъ какъ задушилъ ихъ, такъ сказать, обѣими руками; что его вопросовъ я не слышала, а что касается взглядовъ другихъ, то если только они существовали не въ его воображеніи, я не могла за нихъ отвѣчать. На это онъ мнѣ сказалъ: такъ вы признаетесь, что не имѣете уже ко мнѣ прежнихъ чувствъ. На этотъ вопросъ тотъ же отвѣтъ съ моей стороны, на что онъ мнѣ сказалъ: нужно однако, чтобы я соотвѣтственно устранился. Отвѣтъ: вы сдѣлаете то, что найдете умѣстнымъ. На это

онъ сталъ просить меня дать ему совѣтъ по поводу того, что онъ долженъ былъ дѣлать; на что я отвѣтила, что подумаю объ этомъ, и онъ ушелъ. Черезъ четверть часа онъ написалъ мнѣ, что онъ предвидитъ всѣ непріятности и оскорбленія и презрѣніе, которымъ онъ подвергнется, и возобновилъ просьбу посовѣтовать ему. Я ему отвѣтила, что такъ какъ онъ не слѣдовалъ моимъ совѣтамъ до сихъ поръ, то я тоже не стала бы рисковать давать ихъ ему теперь; но такъ какъ онъ меня объ этомъ проситъ, то я ему скажу, что можетъ представиться блестящій способъ выйти изъ [его] положенія, что гр. Брюсъ будетъ дежурнымъ въ слѣдующее воскресенье, что я ему прикажу привезти его дочь, что Анна Ники[тична] здѣсь, и что я ручаюсь за то, что ему дадутъ слово и онъ получитъ самую богатую наслѣдницу въ имперіи, что отецъ, я думаю, согласится на это охотно; я думала сдѣлать пріятную вещь всѣмъ заинтересованнымъ. На эту записку я получила въ отвѣтъ письменное признаніе со стороны графа Мамо[нова], гдѣ онъ признается мнѣ, что уже годъ онъ влюбленъ въ княжну Щербатову, испрашивая у меня формальнаго разрѣшенія жениться на ней. Я какъ съ неба упала отъ этой неожиданности и еще не пришла въ себя, какъ онъ вошелъ въ мою комнату, упалъ на колѣни передо мной, признался мнѣ во всей своей интригѣ, своихъ свиданіяхъ, перепискѣ и сношеніяхъ съ нею. Я сказала, что ему только и остается сдѣлать то, что онъ хочетъ, что я ничему не противлюсь, что я лишь сердита за то, что онъ въ теченіе года вмѣсто того, чтобы обманывать меня, не открылъ мнѣ правду, и что если бы онъ это сдѣлалъ, онъ бы избавилъ меня, а также и себя отъ многихъ огорченій и непріятностей. На это ему нечего было отвѣтить, но онъ пожелалъ, чтобы позвали Анну Ники[тичну]; она пришла и разбранила его такъ, какъ никогда въ жизни еще я не слыхала, чтобы кто-нибудь бранился. На слѣдующій день онъ попросилъ, чтобы я сдѣлала предложеніе, что я и сдѣлала въ среду; потомъ онъ попросилъ о свадьбѣ, ко-

торая произойдетъ въ воскресенье 1-го іюля, постъ не позволяетъ женить ихъ раньше. Но удивительно то, что женихъ и невѣста только и дѣлаютъ, что плачутъ, и ни тотъ, ни другой не выходятъ изъ своихъ покоевъ. На слѣдующій день послѣ свадьбы молодые уѣдутъ въ Москву; этого потребовала я, такъ какъ я предвидѣла минуту, когда онъ захочетъ остаться, несмотря на свою женитьбу, и, если нужно правду сказать, есть очень странныя противорѣчія въ его дѣлѣ, на которыя я имѣю почти несомнѣнныя доказательства. Что касается меня, я стараюсь развлечься; я думала вернуть его, но всегда предвидѣла, что это средство могло бы быть опаснымъ. На будущей недѣлѣ я разскажу вамъ больше насчетъ извѣстнаго смугляка, съ которымъ познакомиться, можетъ быть, зависитъ только отъ меня, но я сдѣлаю это лишь въ послѣдней крайности. Прощайте, будьте здоровы.

Я позвала на этихъ дняхъ Рибопьера, который былъ конфидентомъ въ теченіе года. Я его нашла нѣмымъ и трепещущимъ; я сказала ему, что они напрасно скрывали все это и обманывали меня въ продолженіе года и, что еще хуже, не открылись вамъ. Послѣ сего я припомнила, мой другъ, всѣ ваши слова: вы мнѣ говорили объ этомъ много, и эти слова остались у меня въ памяти, какъ, например: нѣтъ ли амуришки, и затѣмъ вы меня спрашивали: не ревновали ли вы къ княжнѣ Щербатовой? и сто разъ вы мнѣ повторяли: охъ, матушка, плюнь ты на нево; и никогда вы мнѣ не подали ни малѣйшей надежды—когда я жаловалась. Но, если вы знали про эту любовь, почему вы мнѣ не сказали это откровенно? Меня это огорчило бы тогда, но излѣчило бы вѣрно, потому что я никогда не была ничьимъ тираномъ. Правда, что тогда не было въ виду смугляка. Скажите мнѣ, знали вы или не знали объ интригѣ? Если вы о ней знали, я думаю, что вы скрыли объ этомъ, щадя меня, но вы были не правы; слѣдовало сказать мнѣ. Прощайте, обнимаю васъ отъ всего сердца.

[«ЗАВѢЩАНІЕ». — 1792]..

Буде я умру въ Царскомъ Селѣ, то положитѣ мнѣ на Софіенской городовой кладбищѣ.

Буде —— въ городѣ святаго Петра — въ Невскомъ монастирѣ въ соборной или погребальной церквы.

Буде —— въ Пеллѣ, то перевезитѣ водой въ Невской монастыръ.

Буде —— на Москвѣ ——— въ Донской монастиръ или на ближной городовой кладбищѣ.

Буде —— въ Петергофъ —— въ Троицко-Сергѣвской пустинѣ.

Буде —— въ иномъ мѣстѣ —— на ближной кладбищѣ.

Носить гробъ кавалергардомъ, а не иному кому.

Положить тело мое въ белой одеждѣ, на головѣ вѣнецъ золотой, на которомъ означить имя мое.

Носить трауръ поль года, а не болѣе, а что менѣе того, то луче.

Послѣ первыхъ шесть недель раскрыть паки все народные увеселеніе.

По погрѣбеніи разрѣшить венчаніе, — бракъ и музыку.

Вивлиофику мою со всеми манускриптами и что въ моихъ бумагъ найдьется моей рукою писано, отдаю внуку моему, любезному Александру Павловичу, также рѣзные мои каменіе, и благословаю его моимъ умомъ и сердцомъ.

Копію съ сего для лучаго исполненіе положется и положено въ таковъ вѣрномъ мѣстѣ, что чрезъ долго или коротко нанесетъ стыдъ и посрамленіе неисполнителямъ сей моей волѣ.

Мое намѣреніе есть возвѣсти Константина на Престоль греческой восточной Імперіи.

Для благо Имперіи Россійской и Греческой совѣтую отдалить отъ дѣлъ и совѣтовъ оныхъ Имперіи Принцовъ Виртемберхскихъ и съ ними знатся какъ возможно менѣе, равномѣрно отдалить отъ совѣтовъ обоихъ поль немцовъ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ ПРЕДЛАГАЕМЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НЕ ВОШЛИ ИМЕНА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ, ЕКАТЕРИНЫ II И ПЕТРА III.

А

В

Г

Д

Е

Ж

М

Н

О

П

Р

С

Т

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Ө

ОГЛАВЛЕНІЕ.

*** Звѣздочкой отмѣчены автографы на русскомъ языкѣ.**

---

[1]) Два послѣдніе параграфа въ подлинникѣ на русскомъ языкѣ.

[2]) Четыре послѣдніе параграфа въ подлинникѣ на французскомъ языкѣ.

[3]) Послѣднія 12 строкъ въ подлинникѣ на русскомъ языкѣ.

[4]) Слова Потемкина въ подлинникѣ на русскомъ языкѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Портреты.

II. Автографы.

Подлинныя рукописи императрицы Екатерины II сосредоточены главнымъ образомъ въ «Запечатанномъ пакетѣ» Государственнаго Архива. Пакетъ этотъ вскрытъ, для занятій академика А. Н. Пыпина, по Высочайшему повелѣнію, объявленному Президентомъ Императорской Академіи Наукъ великимъ князем Константиномъ Константиновичемъ 8 марта 1900 года. Съ разрѣшенія г. директора «Государственнаго Архива», С. М. Горяинова, для настоящаго изданія сняты слѣдующіе автографы:

1. Первая страница той редакціи «Записокъ», которая посвящена графинѣ Брюсъ. («Государственный Архивъ», I a, № 20, пач. 2, тетр. 1).

2. Первая страница той редакціи «Записокъ», которая посвящена барону Черкасову. («Государственный Архивъ», I a, № 20, пач. 2, тетр. 2).

3. Первая страница той редакціи «Записокъ», которая была впервые напечатана въ Лондонѣ. («Государственный Архивъ» I a, № 20, пач. 1).

4. Первая страница той редакціи «Записокъ», которая относится къ концу 1850-хъ годовъ. («Государственный Архивъ»), I a, № 20, пач. 3).

5. Первая страница дополненій къ «Мемуарамъ». («Государственный Архивъ», I a, № 20, пач. 5, отд. 3, A).

ПОГРѢШНОСТИ и ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
23	6 сн.	Бентинкъ	Бентинкъ [въ подлинникѣ Bentheim]
29	8 сн.	ко мнѣ	во мнѣ
56	3 св.	насчастіе	несчастіе
57	5 сн.	княжней	княжной
105	13 сн.	получила	получала
—	3 сн.	дѣлали	дѣлала
207	8 св.	Теоборскимъ	Теодорскимъ
223	5 св.	пробыванія	пребыванія
324	на полѣ	1572	1752
342	10 св.	выговарила	выговаривала
356	16 св.	а по должности	но по должности
361	5 сн.	Домашевной	Домашевой
366	19 св.	Бароніуса	Баронія
441	8 сн.	въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ	за нѣсколько сотъ верстъ
470	13 св.	и отправлявшагося	и который отправлялся
489	9 сн.	собикралась	собиралась
497	10 сн.	къ намъ	къ нимъ
671	5 св.	родъ названіемъ	подъ названіемъ
687	4—5 сн.	его пожелала также	также пожелала